

**XXXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

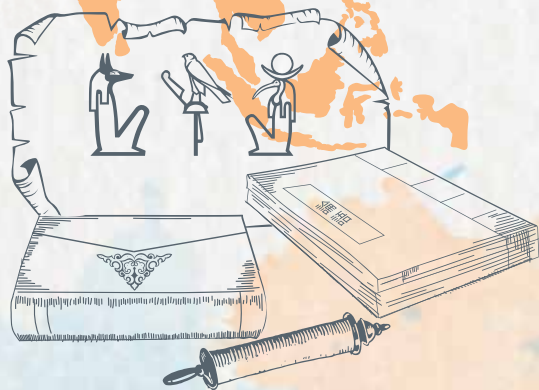
МАТЕРИАЛЫ КОНГРЕССА

PROCEEDINGS

**XXXI INTERNATIONAL CONGRESS ON HISTORIOGRAPHY
AND SOURCE STUDIES OF ASIA AND AFRICA**

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

Том 1 ■ Vol. 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXXI International Congress
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING CENTENNIAL
OF POLITICAL AND CULTURAL TIES
IN MODERN TIMES**

Vol. 1

23–25 June, 2021

Proceedings

St Petersburg
2021

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXXI Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 100-ЛЕТИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Том 1

23–25 июня 2021 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2021

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)
Т67

Т67 XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева Кая. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. — Т. 1. — 424 с.

XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating Centennial of Political and Cultural Ties in Modern Times. 23–25 June, 2021: Proceedings / Ed. by N. Dyakov, P. Rysakova, A. Pobedonostseva Kaya. — St Petersburg: NP-Print Publishers, 2021. — Vol. 1. — 424 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)
УДК 930(5+6)

ISBN 978-5-6046251-0-1 (т. 1)
ISBN 978-5-6046251-1-8

© Авторы сборника, 2021
© СПбГУ, 2021

СЕКЦИЯ I • SECTION I
КНИГА В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА
THE BOOK IN ORIENTAL HISTORY AND CULTURE

*Азаркина М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Завидовская Е. А. (БГУ, Брянск)*

**«Казанская книжная коллекция»
в фонде Научной библиотеки СПбГУ¹**

История получения коллекции книг из Казани началась в 1849 г., когда министерством образования России стали предприниматься действия по переводу преподавания востоковедения в Петербург². 22 октября 1854 г. был издан правительственный указ «О сосредоточении преподавания восточных языков при Санкт-Петербургском университете». В указе отдельно оговаривалась необходимость предоставления «учебных пособий по восточным языкам, принадлежащих Казанскому университету и гимназии, и Ришельевскому лицей и состоящей при нем гимназии» факультету восточных языков в Петербурге³.

Из Казани в Петербург были переведены основные фонды библиотеки и часть рукописных и нумизматических коллекций. При этом в Казани осталось

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–59–93001.

² Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // В. В. Бартольд. Сочинения в 9 т. Т. 9.: Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. С.85.

³ Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М.: Наука, 1962. С. 144–145.

большинство рукописей на арабском, персидском и тюркских языках¹. Книги, рукописи и монеты были получены Петербургским ун-том в августе 1855 г. В документах Государственного исторического архива информация о поступивших коллекциях отмечена как «58 ящиков весом в 466 пудов»². Для приема грузов была создана комиссия во главе с А. К. Казем-Бекком, которая работала с сентября 1855 г. по апрель 1859 г. Постановка книг на библиотечный учет продолжалась вплоть до 1865 г.

Согласно сопроводительным документам, составленным библиотекарем Казанского университета И. Ф. Готвальдом, в С.-Петербург было отправлено 3743 печатных книги и 109 рукописей на китайском, монгольском, тибетском и санскритском языках³ и 373 мусульманские рукописи⁴. При этом, в «Списке мусульманских рукописей» в графе «Примечания» есть отметки напротив 7 названий книг об их исключении из «Списка» (видимо, они не были отправлены в Петербург) и напротив 4 книг — указание, что это печатное произведение, а не рукопись.

Чтобы получить представление о составе коллекции, поступившей в Петербург, стоит вернуться назад и взглянуть на процесс создания востоковедного фонда библиотеки самого Казанского ун-та. Уже в первые годы деятельности библиотеки Казанского ун-та стали предприниматься активные шаги по формированию ее фонда востоковедной литературой. В отчете за первый (1806) год указано, что из 639 книг, пополнивших фонд, 8 было на восточных языках. Первой восточной рукописью университета стал свиток Торы (XVII в), поступивший в составе личной библиотеки князя Г. А. Потёмкина. Основными источниками комплектования были дары и покупка, поэтому пополнение происходило не столь регулярно, как ожидалось изначально. Создание фонда библиотеки Казанского ун-та проходило под пристальным вниманием правительства России. Так, богатейшая коллекция монгольских книг, рукописей и других редкостей, приобретенная О. М. Ковалевским в Пекине, по приказу м.н.п. К. А. Ливена от 13 марта 1832 года была перевезена из Забайкалья в Казань за счет Казанского ун-та. У архимандрита Злаутоустовского монастыря в Москве Даниила по приказу м. н. п. С. С. Уварова

¹ Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей принадлежащих библиотеке Императорского Казанского университета, Казань. Перепечатано из Ученых записок, кн. IV за 1854 и 1855 г. С. VII; Каримуллин А. Г. Востоковедные фонды Казанского университета // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 153–157.

² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 15283. Л. 8.

³ «Список китайских, монгольских, тибетских, санскритских печатных книг и рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет». Список представляет собой рукописный текст, сброшюрованный, без шифра, на 39 листах.

⁴ «Список мусульманских рукописей, предназначенных к отправке в Санкт-Петербургский университет». Список не сброшюрован, без шифра, на 18 листах.

для Казанского ун-та были приобретены редкие китайские книги и рукописи. Приобретались также книги китаеведов А. Сосницкого и И. Войцеховского. Значительное количество книг для университета покупалось В. П. Васильевым (часть из них описали в своем каталоге Е. А. Завидовская и Д. И. Маяцкий¹). Любопытно, что заинтересованное участие в пополнении фонда библиотеки Казанского ун-та восточными книгами принимали лично Император, как это было при приобретении коллекции рукописей генерала Сухтелена. «Они назначались первоначально для учебного отделения при министерстве иностранных дел, но так как в нем эти рукописи уже находились, то с Высочайшего соизволения они поступили чрез совет университета в библиотеку»². Можно было бы предположить, что министерство отказалось от дублетных экземпляров. Однако в Указе Николая I от 11 января 1837 г причина передачи формулируется иначе: «Об „уступке“ Казанскому Императорскому университету восточных книг и рукописей, поступивших в Академию наук „из библиотеки графа Сухтелена“».³

Рукописные книги, поступившие из Казанского ун-та, не выделены в отдельную коллекцию. Хронологическая глубина охвата книг из данной коллекции насчитывает несколько веков: от XV до XIX вв. Физическое состояние рукописной коллекции достаточно неоднородно. Есть прекрасно сохранившиеся образцы; есть рукописи в хорошем состоянии, но со следами реставрации; некоторые списки требуют реставрации или консервации. Реставрации подвергались как тексты, так и обложки. В отношении последних очень часто применялся метод полной замены оригинального переплета. Время проведения реставрационно-переплетных работ установить невозможно. Вероятно, они проводились еще в Казани, или в первые годы после поступления в Петербургский ун-тет. Бумага, использованная для ремонтных работ, обычна для середины XIX века. Некоторые рукописи из Казанской коллекции подвергались реставрационным работам во второй половине-конце XX века, о чем также можно судить по использованной бумаге. Несколько памятников помещены в контейнеры из бескислотного картона.

Сохранность рукописной коллекции определяется не только условиями хранения, но и целым рядом параметров, характеризующих сами книги. В частности, это качество бумаги, использованной для написания рукописей, и количество сменившихся владельцев. Бумага очень разнообразна. Это и восточная, иногда высочайшего качества, вошенная, иногда — низкосортная,

¹ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Студия НП-Принт, 2012. 440 с.

² Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей...

³ Куликова А. М. Становление университетского востоковедения в Петербурге...

неоднородной толщины, с изъянами, явно кустарного производства. Многие рукописи написаны на высококачественной европейской бумаге, имеющей характерные опознавательные знаки фабрик и мануфактур — верже и водяные знаки. Встречаются книги, написанные на бумаге, выпускавшейся в Российской Империи. Так, на отечественной бумаге написаны рукописные памятники из Калмыкии. Книги на китайском языке написаны на рисовой бумаге. Пожалуй, самое низкое качество бумаги присуще рукописям на тибетском языке.

Количество сменившихся владельцев книг можно оценить по различным владельческим знакам: печатам, маргинальным записям. Стоит особо подчеркнуть, что данная информация увеличивает историческую и научную ценность книг, но физическое состояние самих памятников страдает. Книги казанского периода составляют весьма ценную часть. Некоторые из них в последние годы активно переводятся и изучаются учеными: «Изображения данников правящей династии Цин» (исследователи: Н. А. Самойлов, Д. И. Маяцкий и др.)¹, первое издание романа «Сон в красном тереме» (исследователи: Е. А. Завидовская, Д. И. Маяцкий)², редкие рукописные альбомы эпохи Цин³ (исследователи: Д. И. Маяцкий, Т. С. Миронова, Н. А. Сомкина)⁴, старейший китайский перевод «Истории Государства Российского» Н. Карамзина (Т. А. Пан, Лю Жомэй, Д. И. Маяцкий)⁵ и т. д.

¹ Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И., Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. 2019. № 9. С. 437–455.

² Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Китайский классический роман «Сон в красном тереме» в иллюстрированных ксилографических изданиях и на народной ксилографической картине из собраний Санкт-Петербурга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 156–177.

³ Маяцкий Д. И. Цинские иллюстрированные описания нравов народов Юго-Восточного Китая в собрании редких книг Научной библиотеки СПбГУ // Международная научная конференция, посвященная 65-й годовщине начала изучения языков Юго-Восточной Азии в нашей стране: Сборник материалов (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2020 г.) / Сост. Е. Н. Колпачкова. СПбГУ, Восточный факультет. СПб.: Изд-во АИК, 2020. 390 с. С. 208–216.

⁴ См.: Нравы народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань / Отв. ред. и сост. Д. И. Маяцкий. Сост. Т. С. Миронова, Н. А. Сомкина. Перев. и коммент. Т. С. Мироновой, Н. А. Сомкиной, Д. И. Маяцкого. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 124 с.

⁵ Пан Т. А., Маяцкий Д. И., Лю Ж., Посвящение Н. М. Карамзина, адресованное императору Александру I, в китайском переводе «Истории государства Российского». Введение, перевод с китайского и маньчжурского, примечания // Письменные памятники Востока. 16, 1(36), 2019. С. 5–34.

*Алибекова П. М. (Институт языка, литературы и искусства
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

Персидские письменные источники Рукописного фонда Национального музея им. А. Тахо-Годи

Ценные рукописи, старопечатные книги и исторические документы на персидском языке хранятся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН, библиотечных фондах дагестанских государственных музеев, мечетских книжных собраниях, в частных коллекциях арабских рукописей.

Национальный музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи, открытый в 1923 году, является самым крупным музейным объединением на Северном Кавказе. В консолидированных фондах музейного объединения (музей имеет 39 филиалов в городах и сельских поселениях республики) насчитывается 180 тысяч экспонатов. Среди них — уникальные коллекции археологических памятников, отражающих древнейшую историю Дагестана, предметы этнографии, произведения живописи и декоративно-прикладного искусства, образцы флоры и фауны, документы и материалы различных эпох истории края, а также письменные памятники на восточных языках.

Рукописный отдел Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи содержит рукописи, литографии и эпистолярные источники на арабском, персидском и турецком языках. Большая часть письменных материалов на арабском языке. Персидские письменные источники Рукописного фонда Национального музея им. А. Тахо-Годи классифицируются по нижеприведенному принципу.

Рукописи

Количество персидских рукописей невелико: Газели Абдуррахмана Джами его дивана «Васитат ал-‘акд», украшенного красочными иллюстрациями (прибл. XVI в.); сочинение Баха’аддина ‘Амили «Джаме’е ‘Абасси», переписанное в 1032 г. х. / 1622–1623 г.; «Йусуф ва Зулейха» Абдуррахмана Джами, переписанный в XVIII веке и некоторые другие.

Старопечатные книги

Персидские старопечатные книги довольно редкое явление в дагестанских книжных собраниях. Исключение составляет собрание старопечатных книг и литографий Библиотечного фонда Джума-мечети города Дербента, которое отличается тематическим разнообразием и широкой географией мест издания. В Национальном музее им. А. Тахо-Годи хранятся «Коран» с переводом на персидский язык, «Библия» в переводе на персидский язык, два

сочинения по астрономии «Шарх-е бист баб мулла Музаффар дар ма‘рефат-е таквим» — комментарий Музаффара ал-Джунбади на сочинение по астрономии ал-Бирджанди (издано в 1276 г.х./1859 г.) и «Шарх-е бист баб дар ма‘рефат-е уструлаб» — комментарий ал-Бирджанди на сочинение Насираддина ат-Туси, диван Хафиза Ширази, «Бустан» Саади Ширази.

Персидские рукописи и старопечатные книги содержат «дагестанский материал»: имена дагестанских ученых, переписчиков, владельцев. Эти сведения важны для изучения формирования книжной культуры Дагестана.

Эпистолярные исторические документы

Неоценимое значение для изучения политической и социально — экономической истории Дагестана имеет эпистолярная литература на персидском языке XVI–XVIII вв.

В Рукописном отделе Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи хранятся фирманы персидских шахов Аббаса II (1642–1667) и Хусейна (1694–1722) на имя дербентских правителей. Тексты шахских указов освещают социальные, правовые и хозяйственные стороны политики сефевидов на Кавказе. Указанные эпистолярные источники свидетельствуют о длительных многовековых сложных отношениях Ирана и Дагестана, в основе которых лежали устремления персидских правителей занимать доминирующее положение на Северном Кавказе.

Эпистолярные документы являются ценными источниками, они дополняют историю Дагестана, открывают новые страницы в ней, выводят новые имена на арену истории, уточняют и дополняют даты жизни героев истории и укрупняют черты известных исторических личностей. В них содержатся существенные детали исторических событий, показана правовая, социальная и политическая жизнь в разные периоды истории Дагестана. Актуальной сегодня остается планомерная археографическая работа с целью выявления, фиксирования и введения в научный оборот письменных источников на персидском языке.

Арсеньев М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фрагменты Торы в арабской графике из Второго собрания А. С. Фирковича в РНБ (Араб.-евр. 211)

В собраниях Британской Библиотеки, Российской Национальной Библиотеки и Кембриджской Генизы можно найти рукописи библейского содержания на древнееврейском языке в арабской графике. На основании

кодикологических, палеографических, исторических данных традиция транслитерации библейских текстов арабицей связывается с деятельностью палестинских караимов, которая процветала в X–XI вв. до захвата Иерусалима крестоносцами в 1099 г.¹

Несмотря на наличие в РНБ² 30 молитвенников и различных фрагментов из *Танаха* в арабской транслитерации, а также примерно 350 рукописей разного содержания с библейскими цитатами в арабской графике, в отечественной науке до этого момента они не изучались. В этой связи я бы хотел обратиться к рукописи Араб.-евр. 211 из II собрания А. С. Фирковича.

Краткое кодикологическое и палеографическое описание

Рукопись содержит фрагменты из Торы: Исх. 29:9–39:12 (л. 1r–33v); Втор. 24:1–30:20 (л. 34r–65v). Количество листов — 65. На л. 1 и 8 текст дан в еврейской графике, почерк — восточный полукурсив региона Левант. Текст не огласован, записан полностью черными чернилами, стихи разделены соф пасук. Остальные страницы содержат арабскую транслитерацию. Почерк коранический нового аббасидского стиля, напоминающий тип NS III³. Без диакритических знаков. Огласован по тивериадской системе, удвоение может маркироваться как еврейским дагешем, так и арабской шаддой. Огласовки, основной текст записаны черными чернилами. Стихи разделены крупной красной точкой (видимо по аналогии с кораническими текстами). Бумага восточного типа без разлиновки. На л. 1 и 8–12 строк текста, на остальных страницах по 8 строк. Размер листа 111,0–12,0 × 8,0–8,5 см.

Орфография

Орфография еврейского текста рукописи Араб.-евр. 211 расходится с масоретским текстом⁴ в *scriptio plena* и *scriptio defectiva*. В основном, это касается написания буквы *вав*: там, где в масоретском тексте стоит *холом*, в Араб.-евр. 211 — *холом-мале*.

Знаки еврейского алфавита передаются следующим образом:

¹ Khan G. The medieval karaites transcription of Hebrew into Arabic script // Israel oriental studies. 1992. № XII. P. 157–176.

² Ф. 946. Фиркович А. С. Собрание. Оп. 7. Второе собрание. Арабско-еврейские рукописи.

³ Déroche F. The Abbasid tradition. Qur'ans of the 8th to the 10th centuries. Oxford: Oxford university press, 1992. P. 136–137.

⁴ Bardtke H., Elliger K., Rudolph W., Weil G. E., Rüger H. P., Kittel R. Biblia hebraica stuttgartensia. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1968.

א	ا
ב	ب
ב	ב
ג	ج
ג	ج
ד	د
ד	ذ
ה	ه
ו	و
ז	ز
ח	ح
ט	ط
י	ي
כ	ك
כ	خ

ל	ل
מ	م
נ	ن
ס	س
ע	ع
פ	ف
פ	ف
צ	ص
ק	ق
ר	ر
ש	ش
ש	س
ת	ت
ת	ث

Передача неконсонантных знаков базируется на традиции арабской орфографии передавать все долгие звуки, используя *matres lectionis*. Передача в Араб.-евр.211 напоминает типы MS4 и MS5¹.

Долгий <i>камец</i>	Передается буквой <i>алиф</i>
Долгий <i>патах</i>	– <i>алиф</i>
Цере	– в основном <i>йа</i> , крайне редко <i>алиф</i>
Долгий <i>сеголь</i>	– <i>алиф</i>
Холем	– <i>вав</i>
Долгий <i>хирек</i>	– <i>йа</i>
Долгий <i>й</i>	– <i>вав</i>
<i>Mater lectionis</i> ה	Не передается
Немой <i>алеф</i>	Не передается. Исключение אָל — אַ.
<i>Йод</i> в местоименных суффиксах мн. ч.	Не передается

На том основании, что еврейский текст не содержит огласовок, а арабский текст не содержит диакритических знаков, можно предположить, что рукопись

¹ См. Khan G. The orthography of Karaite Hebrew Bible manuscripts in Arabic transcription // Journal of Semitic studies. 1993. № XXXVIII/1. P. 60–66.

не могла использоваться без знания библейского текста. Транслитерация могла быть написана человеком, уже хорошо знающим библейский текст, для личного использования¹. Но нельзя отбрасывать и другую версию: транслитерация могла быть мнемотехническим упражнением для запоминания Торы.

Палеографические данные указывают на то, что переписчик был, несомненно, знаком с кораническими текстами, их оформлением. Непонятным для нас остается мотивировка использования и еврейского, и арабского письма. При этом только л. 1 и 8 содержат еврейский текст. Выбор этих двух листов может быть связан с тем, что они являются первым и последним листами тетради.

Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург)

Владимир Васильевич Стасов как исследователь декора восточных рукописей

Историк искусств Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) известен как идейный вдохновитель движения художников-передвижников и объединения композиторов «Могучая кучка». Между тем его публикации орнаментов и иллюстраций восточных рукописей из разных собраний мира по большей части оценены не были.

С 1856 г. Стасов работал в Императорской Публичной библиотеке, где обратил внимание на искусство книги разных времен и народов и начал копировать образцы орнаментов древних рукописей. В дальнейшем к его коллекции добавились копии элементов декоративного убранства рукописных книг из многих библиотек Европы. В 1887 г. под заглавием «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени» он издал массивный том, содержащий предисловие, 77 страниц пояснительного текста (на русском и французском языках) и 156 цветных таблиц, на которых размещено несчетное число образчиков орнамента, маргинальных украшений, букв и, а также миниатюр и образцов письма².

¹ Нам известно о практике использования подобных текстов во время молитв из *Китаб ал-анвар* ал-Киркисани.

² См. также: Васильева О. В. Владимир Васильевич Стасов и история изучения орнамента восточных рукописей Российской национальной библиотеки // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Междунар. науч. конф. в честь 75-летия Б. Л. Фонкича. М., 2013. С. 43–49; ее же. Владимир Васильевич Стасов: у истоков изучения декора джагагайских рукописей // Палеография, кодикология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Междунар. науч. конф. в честь 80-летия Б. Л. Фонкича. М., 2018. С. 31–42.

Раздел восточного орнамента начинается с византийского (6 листов), далее на 31 листе представлен декор рукописей восточных: 28 сирийских, 30 коптских, 15 эфиопских, 29 армянских, 13 грузинских, 24 арабских (в том числе, образцы из знаменитого «Самаркандского Корана») и 5 среднеазиатских.

Стасов консультировался со специалистами-хранителями и поблагодарил их всех в своем предисловии, которое несет отпечаток недосказанности. Собственно, никакого исследования ни славянского, ни восточного орнамента автор не представил — он лишь составил альбом, систематизировав и расположив материал в некоем порядке. Именно этот порядок — «вытекание» одного стиля из другого, одного века из другого — и есть научный вклад Стасова в изучение декора рукописной книги. Что касается орнамента восточного, то в таком объеме, в таком диапазоне его никто не осмелился представить.

Этот альбом, изданный на выделенные Александром II средства, был разослан во многие библиотеки и музеи Европы. Между тем, не удалось найти свидетельств его использования в изысканиях, посвященных истории книжного искусства Востока.

Иная судьба ждала альбом «Еврейский орнамент по рукописям Императорской Публичной библиотеки», подготовленный Стасовым совместно с Д. Г. Гинцбургом. Листы большого формата были отпечатаны в 1886 г., таким образом, работа над изданием обоих альбомов проходила одновременно. (Написанное Гинцбургом предисловие было опубликовано в Берлине в 1906 г. уже после смерти Стасова.) По инициативе Стасова образцы еврейского орнамента были использованы в оформлении металлического футляра для юбилейного адреса-свитка скульптору Марку Антокольскому¹, в декоре чугунной решетки и ворот Петербургской синагоги и других предметов. Их эскизы готовил архитектор Иван Ропет, которому принадлежат титульные листы обоих альбомов. В 1990-х гг. к изучению еврейского орнамента обратились израильские искусствоведы, чему способствовали факсимильное переиздание альбома Стасова-Гинцбурга.

Третья книга Стасова — «Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских» (СПб, 1902) — включает описание иллюстраций списка тюркского сочинения о Чингиз-хане и его потомках «Таварих-и гузида-йи Нусрат-нама» («Избранные истории из Книги побед»), хранящегося в Британском музее (шифр: Or. 3222). Интерес Стасова лежит в области сравнительной исторической этнографии: он обращает внимание на головные уборы, одежду, вооружение, на типы лиц. Он считает рисунки «подлинно монголо-тюркскими», но отмечает нехарактерное для них отсутствие женских персонажей. Две миниатюры Стасов исследует

¹ См. также: Vasilyeva O. V. The Stasov-Gizburg album and Antokolskii's Megilla // Manuscripta orientalia. SPb, 2006. Vol.12, N. 4, December. P. 3–13.

особо — обсерватория Насир ад-дина Туси в Мараге и осада Самарканда Шайбани-ханом в 1500 г.

Обращение В. В. Стасова к восточным рукописям весьма симптоматично — оно отражает широту его интересов и чуткое отношение ко всему «исконному», глубинно-национальному. А его работы более чем вековой давности не потеряли значения и по сей день.

Гараева Н. Г. (Институт языка, литературы и искусства АНРТ, Казань)

Казанские издания Корана: особенности оформления

В России издание арабского текста Корана наборным шрифтом было начато в правление Екатерины II. При ее преемнике, Павле I, в ответ на многочисленные прошения татар-мусульман оно было переведено из Петербурга в Казань, и почти до конца XIX в. Казань оставалась единственным центром Российской империи, где печатался арабский текст Корана. Это издание, получившее известность среди тюркских народов как «Казан басмасы» (Казанское издание), стало феноменом в истории книжной культуры, многогранным по значимости явлением.

Издание Корана в Казани началось в Азиатской типографии, специально основанной при первой Императорской мужской гимназии на оборудовании, доставленном из Петербурга. Согласно архивным сведениям, первыми «пробными» изданиями этой типографии стали в 1801 г. татарская грамматика и Хафтийак — седьмая часть Корана, а полный текст Корана был напечатан в 1803 г. в двух вариантах. Однако вскоре из-за цензурных гонений издатели (заказчики) и типография вернулись к петербургской верстке текста.

С 1803 до 1919 гг. Коран издавался в единственной казенной типографии в Казани (гимназическая и университетская были объединены в 1829 г.) и частных типографиях Л. Шевица, Р. Сагитова, В. Яхина, Н. П. Коковина, С. М. и М. А. Чирковых и их наследников, Г. М. Вечеслава, Б. Л. Домбровского / «Центральная», Торгового Дома «Братья Каримовы», И. Н. Харитонов / «Умид», В. Еремеева, «Миллят». Обзор изданий этих типографий иллюстрирует изменения, происходившие в наборе текста, его формате, в оформлении авантитула, титульного листа, 'унвана и текста, в объеме приводившихся на полях комментариев, вспомогательных обозначений, сопровождавших коранический текст для правил *таджвида* и ритуальных молений.

Казанские издания Корана безошибочно узнавались и благодаря своему знаменитому шрифту и художественному оформлению. В первых казанских изданиях, как и в Петербургских, по мусульманской традиции текст Корана заключался в рамку, а 'унван (разворот книги) с сурой «Аль-Фатиха» и первыми

четырьмя (позже пятью) *айатами* суры «Аль-Бакара» украшали заставки, типичные для европейского книгоиздания. На протяжении XIX в. оформление разворота, осуществлявшееся доступными типографскими средствами, имело некоторую вариативность, хотя в целом характеризовалось однообразием. Текст Корана не декорировался, а названия сур не только не украшались, но даже были набраны меньшим кеглем, чем основной текст. Названия ряда сур отличаются от принятых в современных изданиях.

Еще одной из главных «примет» и особенностей казанских Коранов стал разделитель *айатов* в виде пятилепестковой цветочной розетки. Введенная впервые в Петербурге, в Казани она никогда не менялась и обозначала *айаты* «чтения по общему согласию» - основной части коранического текста. Проведенное исследование показывает, что позднее в казанских изданиях текст Корана дополнили еще двумя разделителями: для обозначения «чтения других» — в виде «O» или «O»; для обозначения «чтения Куфитов» — в виде розетки, форма которой могла варьироваться в разных типографиях (многолепестковая или пятилепестковая, в форме «звезды»).

Титульный лист изданий, включая издание 1918 г., оформлялся только в арабской графике, во всех других мусульманских изданиях выходные данные должны были указываться и на русском языке. Титульный лист мог сочетать текст на арабском и татарском языках. С 1874 г. по требованию цензуры на титульном листе вменялось еще указывать, где и когда было получено разрешение на издание.

Колофоны изданий первой половины XIX в. составлялись на татарском языке (или вперемешку с арабским), впоследствии — только по-арабски.

Рассмотренные издания свидетельствует и о наметившихся в XX столетии уменьшении формата, переменах в графическом оформлении делителей *айатов*, о первых попытках издания Корана с нумерацией *айатов*.

С течением времени изменения коснулись маргиналий: вначале уменьшилось количество обозначений в структурном делении коранического текста, остановок (*вакфов*) и специальных молитв для ритуального чтения, затем постепенно сокращался объем комментариев, непосредственно относящихся к тексту Корана. В начале XX в. большинство Коранов издавалось без комментариев.

Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Квазирукописная исламская литература в Республике Чад: новые публикации

Бытование квазирукописных изданий в Республике Чад остается малоизученным, но исключительно интересным примером сохранения и развития

региональной книжной традиции¹. Абсолютное большинство подобных публикаций импортируется из северных штатов Нигерии, в которых существует развитая полиграфическая база для издания исламской литературы. В самом Чаде, несмотря на официальное двуязычие (французский и арабский языки), собственное книгоиздание в арабской графике (на арабском литературном языке, чадском арабском диалекте и некоторых языках Чада, например, на языке маба) развито крайне слабо.

Исламская литература, предлагаемая чадским читателям, включает как издания наборным шрифтом, ввезенные из стран Ближнего Востока, так и квазирукописную книжную продукцию, которой посвящено данное сообщение. Как правило, издания, представляющие собой факсимильные копии рукописей, не попадают в книжные магазины западного типа и распространяются на рынках или возле мечетей. Чаще всего подобная литература попадает в Республику Чад из Кано (Нигерия), где находится крупнейший в Западной Африке рынок Курми.

Среди новых и ранее неизвестных квазирукописных публикаций, ввезенных в Республику Чад из Нигерии, по своему оформлению различаются книги с «родным» переплетом и небольшие по объему издания с обложками («из подручных материалов») (т. е., из макулатуры самого разнообразного содержания). Издания второго типа сопоставимы с рукописями, так как их тоже можно считать уникальными. Обложки из макулатуры позволяют также примерно определить время публикации, которое часто отсутствует в самих изданиях.

Место издания также часто остается неизвестным. Среди книг с указанным местом публикации большинство выпущено в Кано. Нередко указывается имя и место создания рукописи, на базе которой выполнено издание. Некоторые сочинения, переписанные в Кано, отсылались для публикации в Майдугури (нигерийский штат Борно) и даже в Каир, и лишь затем попадали в Республику Чад.

Особенности графики (различные варианты центральносуданского письма) и паратекста позволяют выделить несколько «школ», условно связываемых не только с Кано, но и с другими центрами переписки рукописей и книгопечатания в Нигерии (Сокото, Гусау)². В квазирукописной литературе, предназначенной для чадских читателей, доминирует арабский язык, но встречаются и публикации с глоссами на языке хауса, широко распространенном на севере Нигерии. Используется также квазиграфика, известная в Западной Африке как «сирийский язык».

¹ Добронравин Н. А. Квазирукописная исламская литература в Чаде: репертуар и графическое оформление // Инновации и традиции в арабистике и исламоведении: Сборник статей в честь профессора Олега Ивановича Редькина. М., 2019. С. 161–167.

² Об этих особенностях см., например: Dobronravin N. Design Elements and Illuminations in Nigerian “market Literature” in Arabic and ‘Ajami // Islamic Africa. 2017. № 8(1–2). P. 43–62.

Среди ранее неизвестных публикаций особое место занимает «Тайна пророка Йусуфа» («Sirt Nabī Yūsuf», б. м., б. г., 95 с.). Это издание не сброшюровано и представляет собой сборник магических рецептов. Особенности оформления сближают его с рукописными сборниками подобного содержания (в Северной Нигерии — *kundi*), представленными во многих собраниях Нигерии и других стран Африки, а также в библиотеках Северной Америки, Западной Европы и в собрании Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге¹.

*Ибрагимова З. Б. (Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

Бумага дагестанских арабографических рукописей XVII–XVIII вв.

Техника и способы изготовления дагестанских арабографических рукописей в целом основывались на ближневосточных традициях. Под понятием «дагестанская рукопись» исследователями подразумевается арабографическая рукописная книга, изготовленная на территории современного Дагестана или же в областях исконного проживания представителей дагестанских этносов. Большинство выявленных дагестанских рукописей были созданы с XV по начало XX вв.² В качестве писчего материала использовали бумагу разного вида: восточную³, европейскую, российскую, а также местного кустарного производства.

В дагестанских рукописях XV–XVI вв. представлена бумага восточная и дагестанская; конца XVI и первой половины XVIII в. — дагестанская и европейская, с XVIII до начала XX в. использовалась продукция российских бумажных фабрик.

Необходимо отметить, что с наибольшими трудностями исследователи сталкиваются в процессе идентификации и датировки бумаги восточной и дагестанской. Наличие филиграней или же других водяных знаков на бумаге европейского и российского производства, возможность сопоставления их

¹ О таких рукописях см., например: Bunza A. Kundi book legacy in pre-colonial Hausaland // Nigeria's intellectual heritage : proceedings of an international conference on preserving Nigeria's scholarly and literary traditions and Arabic/Ajami manuscript heritage: March 2007. Kaduna, 2009. P. 154–162.

² Шихсаидов А. Р. Рукописное наследие народов Дагестана (общая характеристика, пути формирования) // Шихсаидов А. Р., Тагирова Н. А., Гаджиева Д. Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 27.

³ Под восточной бумагой подразумевается бумага, изготовленная в Средней Азии, в ближневосточных странах и Иране.

с образцами, приведенными в специальной литературе, значительно облегчает установление времени ее изготовления.

В настоящее время определены следующие основные внешние характеристики дагестанской бумаги: В основном эта бумага кремового цвета с темным оттенком или светло-коричневая. Толщина ее в среднем 0,14–0,26 мм (результаты замеров на разных участках одного листа часто показывают значительную разницу). В большинстве своем эта бумага слегка лощенная, но по сравнению с высококачественной восточной бумагой или же европейской и российской наощупь кажется шершавой.

Основные отличительные особенности дагестанской бумаги выявляются при изучении ее на просвет. Ей характерны следы дублирующей рамы для заливания бумажного листа, т. е. видны следы частой решетки наподобие вержеров (их расположение по отношению к корешку не имеет определенной закономерности, они могут быть как горизонтальными, так и вертикальными), а также второй рамки, линии которой расположены на большем расстоянии и представляют из себя своего рода крест, чем отличаются от привычных параллельно расположенных линий понтюзо. Таким образом просматриваются следы двух решеток. Вероятно, крупная крестообразная решетка поддерживала более частую решетку при заливке бумажной массы. В крупной решетке расстояние между горизонтальными и вертикальными линиями разнится от 6 до 10 см. В частой решетке на 1 см приходится от 3 до 6 линий, но в чаще встречаются 4 линии на 1 см.¹

Необходимо отметить, что восточной бумаге, датируемой XVII–XVIII вв. характерны другие следы бумагоотливочной массы. Например, в персидской бумаге в XVIII в. количество вержеров возрастает от 10 до 16 линий на сантиметр². Следы крестообразной решетки не просматриваются на восточной бумаге данного периода.

В связи с распространением российской бумаги в Дагестане использование дагестанской, значительно уступавшей первой своим качеством, постепенно прекратилось. В местных рукописях XIX в. данный вид бумаги уже не встречается.

Таким образом изучение бумаги способствует установлению времени переписки недатированных дагестанских арабграфических рукописей.

¹ Ибрагимова З. Б. Бумага местного кустарного производства в дагестанских рукописях XVII–XVIII вв. // Актуальные научные исследования в современном мире. Вып. 12 (68). Ч. 5. 2020. С. 89.

² Ястребова О. М. Персидская рукописная книга // Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии. СПб., 2015. С. 37–38.

Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О происхождении иезуитских книг из китайских коллекций членов Пекинской духовной миссии в собраниях СПбГУ и РНБ¹

В 1838 г. португальский миссионер Констант Пирес Перейра (1763–1838) — последний католический монах, оставшийся в Пекине после запрещения в Китае Ордена иезуитов в 1775 г., — перед смертью поручил русской православной миссии присмотр за имуществом Ордена в Пекине². При этом частью имущества разрешалось распоряжаться по усмотрению русской миссии. В имущество в числе прочего входила пекинская библиотека иезуитов. В 1860 г. при посредничестве посла в Китае Н. П. Игнатьева (1832–1908) эта библиотека была возвращена французским миссионерам³. Впоследствии многие из них вошли в собрание Национальной библиотеки Китая (г. Пекин). Между тем, часть книг оказалась вывезенной в Россию (например, в Пулковскую обсерваторию С.-Петербурга) — их следы считаются утраченными.

В восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. С.-Петербург) встречается некоторое количество рукописных и ксилографических материалов христианского богословского содержания на китайском языке, китайских переводов научных трудов европейцев, китайско-латинских лексиконов и других сочинений, содержащих на обложках и титулах символы Общества Иисуса или подписанных западными авторами. В настоящем докладе рассматривается вопрос связи этих материалов с пекинской библиотекой иезуитов.

Иезуитские книги попали в собрания СПбГУ и РНБ через коллекции православных миссионеров — П. И. Каменского (архим. Петр, 1765–1845), А. И. Сосницкого (1792–1843), О. П. Войцеховского (1793–1850), Д. П. Сивилова (иером. Даниил, 1798–1871), Н. И. Вознесенского (?-?), З. Ф. Леонтьевского (1799–1874), В. П. Васильева (описание книг В. П. Васильева смотрите в каталоге Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого⁴) и других миссионеров. Изуче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–59–93001.

² См.: Лю Ж. Изыскания о каталоге книг библиотеки Северного собора (Бэйтан) из собрания архива Министерства иностранных дел РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 140–151. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.201>.

³ Там же, с. 148.

⁴ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Студия НП-Принт, 2012. 440 с.

ние этих книг и материалов по истории католической и православной миссий позволило выдвинуть несколько соображений, касающихся возможных путей попадания этих книг в руки россиян:

Основная часть иезуитских сочинений СПбГУ и РНБ вошла в частные коллекции русских миссионеров в промежуток времени с 1795 по 1830 г. (т. е. до передачи библиотеки миссии в 1838 г.).

Иезуитские книги могли до 1830 г. копироваться русскими миссионерами (лично или посредством найма переписчиков), братья у католических миссионеров на время и не возвращаться.

Часть книг (из числа печатавшихся иезуитами для массового распространения — за исключением того времени, когда книги католиков находились под запретом) могла быть приобретена на возмездной основе через книжные лавки или из частных рук.

Не исключено, что некоторые редкие оригинальные рукописные трактаты иезуитов (например, 善終, Хул. 173) могли быть взяты из библиотеки иезуитов русскими миссионерами и через акад. В. П. Васильева, обучавшегося в 1840–1850 гг. в Пекине, и переданы в СПбГУ.

*Османова М. Н. (Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

Художественное оформление дагестанской арабографической литографированной книги начала XX века: традиции и инновации

Как известно, Дагестан еще со времен средневековья славился искусством каллиграфии: институт переписчиков здесь в основном сложился в XV–XVI вв. Крупнейшими центрами по переписке рукописных книг в это время становятся Газикумух (Кумух), Акуша и Зерехгеран (Кубачи), а в более позднее время (XVII–XVIII вв.) — Акуша, Согратль, Хунзах, Тарки, Эндирей, Аксай и др. Дагестанские *катибы*, писавшие на арабском, персидском и тюркских языках, а позже и на языках народов Дагестана с использованием арабской графики, выработали свою региональную разновидность почерка «*наسخ*», получившую название «дагестанский *наسخ*».

Арабографические рукописи в Дагестане в основном имеют строгое оформление, поскольку главным украшением книги считалось высокое качество самого письма. Оформление рукописей было подчинено устоявшимся в мусульманском мире традициям, определявшим внешний вид книги и ее структуру.

В начале XX в. в дагестанских типографиях преобладал литографский способ печати, ставший продолжением многовековых рукописных традиций, хотя во многих других мусульманских регионах уже в конце XIX в. прочно утверждается наборное книгопечатание. Причиной преобладания литографского способа книгопечатания в Дагестане стало предпочтение читателей, которые хотели видеть в приобретаемой печатной книге произведение каллиграфического искусства.

Качество арабографических литографированных книг зависело от мастерства переписчиков-*катибов*. В этот период лучшие каллиграфы Дагестана сосредоточились в типо-литографии М. Мавраева «ал-Матба'а ал-Исламийа», находившейся в г. Темир-Хан-Шуре, столице Дагестанской области. В числе наиболее известных переписчиков — Абусуфьян Акаев (известный дагестанский ученый, поэт, переводчик и просветитель сам подготавливал свои сочинения для литографирования), Гасан Ибрагимов из Нижнего Казанища, Исмаил из Шулани, Газимухаммад из Уриба, Абдуллатиф из Накитля, Иса из Кулла, Михаилав из Ашильты и др. Тексты книг, печатавшихся литографским способом, создавались с использованием почерка «дагестанский *наسخ*», некоторые *катибы* использовали элементы почерка «*насталик*» (Исмаил из Шулани).

Труд дагестанских *катибов*-печатников был подчинен общим канонам оформления, сохранившимся в мусульманской рукописной традиции со времен средневековья: в литографированной книге сохранились такие характерные для рукописей элементы, как *унван*, колофон, хотя они стали черно-белыми ввиду способа изготовления и гораздо меньших размеров. Для достижения единообразия в оформлении всех страниц текста продолжалось использование специальных трафаретов — *мистар*. Традиции рукописной книги соблюдались и при расположении смысловых частей текста: *матна*, *шарха* и *хашийа*. Несмотря на появление постраничной пагинации, сохранились кустоды как элемент рукописной книги.

Неотъемлемой принадлежностью печатной книги (созданной как литографским, так и наборным способом) становится титульный лист, вобравший в себя важнейшую информацию о книге: название сочинения, имя автора, заказчика, переписчика, название типографии и год издания (наиболее полный вариант титульного листа). В печатной книге также появляется оглавление-*фихрист* (оно прежде встречалось лишь в небольшом числе рукописей).

В дагестанских литографированных книгах иногда применялись иллюстрации, в основном, в сочинениях по математике, астрономии, сельскому хозяйству, медицине. В отдельных поэтических произведениях встречаются художественные изображения людей (единичные случаи). В качестве декоративных элементов использовались различные виды геометрических и флористических орнаментов, а также их вариации.

В процессе становления и развития арабографического книгопечатания в Дагестане изменился и внешний вид переплета книги: в переплетном деле наблюдается тенденция к упрощению и удешевлению, в том числе и за счет утраты художественности. Происходит отказ от тисненого кожаного переплета с клапаном, который употреблялся в основном для книг большого формата или дорогих изданий. Более распространенный вид переплета в это время — тонкий картон, обклеенный бумагой с корешком из ткани (такой переплет украшали орнаментом в виде цветочного бордюра либо рамки).

По красоте оформления и качеству исполнения некоторые экземпляры дагестанских арабографических литографированных книг начала XX века не уступают лучшим образцам старопечатной книги Каира, Тегерана, Стамбула, Казани, Ташкента.

*Притула А. Д. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
НИУ ВШЭ, Москва)*

Востоносирийские писцовые стихотворные вставки: общая типология и эволюция

Доклад посвящен анализу обширной и ранее неисследованной группы поэтических текстов — кратких произведений, создававшихся писцами, дарителями, владельцами и читателями книг, которые получили широкое распространение в востоносирийской книжности османского времени. На материале рукописей из ближневосточных и европейских библиотек предпринимается попытка установить общую типологию этих текстов, их корреляцию с типами манускриптов, в которых они встречаются, а также определить основные этапы эволюции и распространения.

Востоносирийские писцовые стихотворные тексты можно разделить на следующие основные группы: 1) версифицированные «паратекстуальные» элементы (поэтические введения к основному тексту рукописи, а также стихотворные колофоны); 2) стихотворные тексты, инкорпорированные в декор рукописей; 3) поэтические писцовые заметки на переплетных листах.

Появление стихотворных «паратекстуальных» элементов отмечается с XVI в. в период общего подъема рукописной продукции после предшествующего века упадка, связанного с уничтожением Тимуром востоносирийских церквей. Стихотворные введения появляются, по крайней мере, в списках двух основных литургических книгах этого периода: «Худра» и «Газза».

Поэтические колофоны, засвидетельствованные в рукописях, начиная с этого же периода, можно в свою очередь разделить на две подгруппы:

а) полностью версифицированные, б) прозаические с поэтическими вкраплениями (чаще всего — четверостишиями).

По-видимому, одними из первых активно водить в канон церковных манускриптов стихотворные части стали книжники города Газарта, такие как 'Авдишо' Газартский (ум. 1570), Дарвиш Газартский, 'Атайа Газартский (ум. 1596). Однако сама традиция, предположительно, возникла еще в эпоху «Сирийского ренессанса», во второй половине XIII — начале XIV в. Например, сохранился список стихотворного сборника поэта Хамиса бар Кардахе (кон. XIII в.), выполненного рукой 'Атайа Газартского. В его состав включены четверостишия, очевидно, предназначенные для использования писцом в колофонах манускриптов. Авторство Хамиса не вызывает сомнений, поскольку поэт упоминает в них свое имя. При этом не вполне понятно, являются ли четверостишия отдельными текстами или же частями одного строфического стихотворения.

Церковные иерархи отдавали предпочтение разным поэтическим формам. Так 'Атайа Газартский активно инкорпорировал четверостишия в прозаический текст колофона, вероятно, отчасти под влиянием наследия Хамиса. 'Авдишо' Газартский предпочитал полностью версифицированные колофоны, подражая своему знаменитому тезке 'Авдишо' бар Брихе (ум. 1318).

Некоторые метафорические элементы колофонов воспроизводились писцами в течение многих веков. Например, топос о «пяти братьях-близнецах, тащивших тростник из леса через белое поле, сея слово Божие», т. е. о пяти пальцах писца, державших стило (пишущую трость) при переписке священной книги на белых листах бумаги. В VIII–IX вв., когда сирийские манускрипты еще выполнялись пером на пергамене, в пассаже говорилось о «птичьем пере» которое пятеро братьев-близнецов несут через «поле животных» (т. е. пастбище). Позднее, вероятно, в XII–XIII вв., топос был адаптирован к изменениям техники производства рукописей (переход к тростниковому перу и бумаге). Не позднее середины XVI в. пассаж о пяти братьях-близнецах появляется в рукописных колофонах уже в виде инкорпорированного четверостишия.

Пожалуй, единственная группа писцовых поэтических текстов, возникшая уже в османское время, это короткие стихотворения (обычно четверостишия), вписанные в декоративные композиции: миниатюры и декоративные заставки.

Четверостишия, упоминающие труд переписчика, часто включались в различные поэтические антологии и сборники. По содержанию их можно разделить на дидактические (наставления и размышления о труде писца) и молитвы о переписчике.

Рассмотренные произведения являются важным источником по истории культурной жизни восточносирийских общин в османский период, а также свидетельством широкой популярности поэзии в церковных кругах.

Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург)

Роль чтения и библиотек среди простолюдинов эпохи Эдо

Читательская культура является сложным понятием, включающим в себя несколько стадий: выбор литературы, сам процесс чтения и его последствие. В эпоху Эдо японцы стремительно превратились в одну из самых читающих наций на земле, при этом отношение к книгам и процессу чтения могло в значительной степени отличаться у представителей разных социальных сословий.

Японские ученые-конфуцианцы, в частности, Кайбара Экикэн (1630–1714) в своих трудах довольно много рассуждал о чтении. С их точки зрения книги — это прежде всего источник мудрости и знаний, они необходимы для формирования высоко нравственной личности. Читать надлежало только правильные произведения, а предаваться чтению необходимо было с соблюдением требований этикета: наведя в комнате порядок, помывшись, избавив разум и душу от ненужных мыслей, и только затем, приступать к чтению, с почтением переворачивая страницы книги, расположенной на специальной подставке (*сёкэндай*). С книгами надлежало обходиться аккуратно и бережно.

Их труды содержали наставления прежде всего для представителей высших и средних слоев общества. В то же время у простолюдинов наблюдалось несколько иное восприятие книг. Они были для них прежде всего средством проведения досуга и развлечений, их не заботила эстетическая сторона процесса и выгоды, которые они могли из него извлечь. Об отношении простолюдинов к чтению можно судить по многочисленным гравюрам, книжным иллюстрациям эпохи Эдо, а также ценнейшим источником сведений в этом плане могут служить стихи *дзаннай*, которые являются одной из разновидностью поэзии *хайкай*. Исследователь Т. Нагато собрал и проанализировал большое количество стихотворных строф *дзаннай*, благодаря чему мы можем составить представление о книжной культуре в среде простолюдинов.

Представители низких сословий любили чтение и с упоением предавались этому занятию (ниже и далее приведены *дзаннай* из монографии японского исследователя Нагато Тиёдзи «Кинсэй касихонъя но кэнкю:»:

草子読ひめは泪にかきくれて

За чтением книги глаза мои покрылись слезами.

餅食ふて火にあたるのも太平記

Уплетая лепешки моти у теплого огня, читаю «Тайхэйки».

仮りの枕に本を重ね

Подложить под голову книги вместо подушки.

火燵にて裾甜うるる太平記

Читать «Тайхэйки», сидя у котла, перелистывая страницы слюнявым пальцем

При этом все же у простолюдинов было определенное представление о правильном процессе чтения, и о том, что книги могут быть чем-то большим, чем просто развлечением и видом проведения досуга. Однако люди из низких сословий не располагали достаточными возможностями и условиями, чтобы читать подобающим образом, и им оставалось только усмехаться и иронизировать:

絵草子の見台にする釜の肩

Сделал себе подставку для книг из перевернутого котла.

心広くする書に居間を狭められ

Когда любишь книги, комната становится тесной

本読ム女行義には居ぬ

Читающая (лежа) женщина ведет себя неподобающим образом

Простолюдинам было затруднительно наводить порядок каждый раз, когда у них появлялось время для чтения, поэтому часто книги оказывались раскиданы по всему дому, а из-за того, что им зачастую приходилось читать в темное время суток, страницы книги оказывались измазаны в копоти от светильника:

選集に油焼付夜のしつか

На антологию с масляной лампы стекает масло, тихая ночь.

風の来てよむ見台の本

Ветер влетел в комнату и читает оставленную на подставке книгу.

Однако некоторые *даннай* весьма поэтичны:

書物棚古人の詰座敷

Книжная полка — это комната, в которой собрались мудрецы прошлого.

Для составления полного представления о читательской культуре эпохи Эдо важно учитывать, что стиль чтения и знакомство с содержанием книги у людей из простого сословия могли принимать формы, не столь распространенные в наше время.

Харитонова А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурга)

Китайская книжная коллекция архимандрита Петра (Каменского) и ее судьба¹

В докладе рассматривается деятельность известного православного миссионера и китаеведа архимандрита Петра (в миру Павел Иванович Каменский, 1765–1845), связанная с собиранием им книг в его бытность студентом 8-ой (1794–1808) и начальником 10-ой (1820–1830) русской духовной миссии в Пекине.

О жизни и деятельности архимандрита Петра на русском языке выходила совместная монография В. Г. Дацышена и А. Б. Чегодаева², дополненная наиболее полной на сегодня библиографией посвященных ему материалов. Также ценный обзор архивных документов об архимандрите приводится в статье А. Б. Чегодаева³.

В некоторых работах современных и дореволюционных историков пекинской миссии (Николая Адоратского⁴, Б. Г. Александрова⁵, А. К. Можаровского⁶) сообщается, что архимандриту Петру принадлежит честь основания библиотеки при Пекинской миссии. Он не только создал в 1795 г. библиотеку миссии, положив в ее основу свои личные материалы, но и неустанными трудами пополнял ее. Впоследствии, во время восстания ихэтуаней в 1900 г. эта библиотека сгорела, видимо, вместе с книгами, собиравшимися архимандритом. О ее составе мы можем теперь судить лишь по ее каталогу, составленному в 1880-х гг. иеромонахом Алексием (в миру Александр Николаевич Виноградов, 1845–1919, в 1881–1888 гг. член 16-й миссии)⁷.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–59–93001.

² Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр. М., Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.

³ Чегодаев А. Б. Документы П. И. Каменского в архивохранилищах России // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 48–54.

⁴ Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. Вып. I. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Казань, 1887. Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887.

⁵ Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае // Сост. Б. Г. Александров. М., 2006. С. 69.

⁶ Можаровский А. Ф. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. Кн. 2. С. 425–426.

⁷ См.: Алексий (Виноградов). Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине или Бэй-Цзине, (в Китае). С приложениями каталога, чертежей и рисунков. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1889.

Как нам удалось установить, архимандрит Петр собирал также личную библиотеку — ее часть попала в частные коллекции книг участников 10-й миссии — А. Сосницкого, Д. Сивиллова, О. Войцеховского, академика В. П. Васильева (собрание его книг в 2012 г. описали Е. А. Завидовская и Д. И. Маяцкий¹), впоследствии поступившие в библиотеку Восточного факультета сначала Казанского университета, а затем — СПбГУ. Значительная часть книжных материалов была передана архимандритом Петром в Российскую национальную библиотеку (С.-Петербург), где они хранятся сейчас в Отделе рукописей. Эти книги отмечены в каталоге К. С. Яхонтова². Книги архимандрита Петра Каменского в РНБ и в СПбГУ, как правило, на обложке или первой странице содержат автограф «архимандрит Петр». Преимущественно это иезуитские богословские трактаты, лексиконы, китайские переводы западных миссионеров, сочинения по медицине и другие труды. В настоящее время нами ведется работа по составлению каталога этих книг.

Якерсон С. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Колофоны сефардских инкунабулов как образцы поздней квантитативной поэзии

Период инкунабулов (т. е. книг, напечатанных «гутенберговским способом» до начала 1501 г.) применительно к еврейской книге измеряется всего лишь тремя десятилетиями. Он начинается с издания корпуса книг *sine appo et loco*, который по косвенным признакам принято сегодня датировать 1469–1470 гг. и локализовать Римом. Этот же период применительно к сефардским книгам (т. е. книгам, изданным в Испании и Португалии³) еще короче — еврейское книгопечатание на Пиренейском полуострове началось приблизительно в 1475 г.⁴ и завершилось с трагическим изгнанием евреев из Испании (в 1492 г.) и Португалии (в 1497 г.). Сегодня нам известно три места

¹ Завидовская Е. А., Маяцкий Д. И. Описание собрания китайских книг академика В. П. Васильева в фондах Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Студия НП-Принт, 2012. 440 с.

² Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: Сист. кат. / Сост. К. С. Яхонтов. Л., 1993.

³ Согласно принятой сегодня классификации производства еврейской книги, геокультурная зона «Сефарад» включает Испанию, Португалию, Прованс и Нижний Лангедок, Марокко, Алжир и Тунис. Книгопечатание в XV в. существовало в данной зоне лишь в Испании и Португалии.

⁴ Первая датированная книга была напечатана в Гвадалахаре, в 1476 г.: Шломо бен Ицхак. Перуш ха-Тора («Комментарий к Пятикнижию»), Шломо бен Моше ха-Леви Алкабец.

в Испании (Гвадалахара, Хиджар, Замора) и три в Португалии (Фару, Лиссабон, Лейрия), в которых существовали еврейские типографии. Общее число книг, напечатанных в этот период, точно неизвестно, но можно отметить, что до нас дошло, по крайней мере, 49 сефардских изданий¹.

Несмотря на скромное количество сефардских еврейских изданий XV в., их значение для истории книгопечатания на Пиренейском полуострове исключительно велико: еврейские инкунабулы были первой группой изданий, напечатанных в нелатинской графике; с этих изданий начинается история книгопечатания Португалии; во всех перечисленных выше местах (кроме Лиссабона) еврейские типографии были единственными «очагами» книгопечатания в XV столетии.

Практически единственными источниками информации о возникновении и развитии еврейского книгопечатания в инкунабульный период являются тексты, написанные непосредственными изготовителями книг. Весь корпус подобных текстов можно обозначить термином «колофоны». Однако колофоны являются не только важнейшими книговедческим источником, но и образцами литературного текста второй половины XV в. Колофоны еврейских инкунабулов никогда раньше не исследовались в контексте развития средневековой литературы на иврите.

Квантитативное (количественное) стихосложение, заимствованное у арабов, внедрилось в ивритскую поэзию в X в. Само появление квантитативного стиха, начальные этапы его развития и эпоха его величайшего взлета связаны с мусульманской Испанией². В еврейской средневековой поэзии были разработаны десятки квантитативных размеров, большинство из которых были заимствованы (включая и калькированные названия) у арабов. «Золотым веком» еврейской квантитативной поэзии является период XI–XII веков, когда в Андалусии творили такие выдающиеся мастера как Шмуэль Ханагид (993–1056), Шломо Ибн Габироль (1021/2 — ок. 1057/8), Иехуда Халеви (не позднее 1075–1141), Моше Ибн Эзра (не позднее 1055 — между 1135–1140) и многие другие. Постепенно высокий стиль светской квантитативной лирики уступил место более «народному» литературному жанру — макамам. Тем не менее, он не исчез окончательно и сохранился, в частности, в образцах «книжной поэзии», т. е. в колофонах.

Можно отметить, что наиболее употребительным размером в колофонах был размер *ха-меруббе* (הַבּוּרְבֵּה), который схематически выглядит так:

¹ См. об этом подробно: Iakerson S. Early Hebrew Printing in Sepharad (ca. 1475—1497?) // *Bibles of Sepharad*. Madrid, 2012. P. 125–147.

² О возникновении еврейской квантитативной поэзии подробно: Schirmann, E. *The History of Hebrew Poetry in Muslim Spain*. Jerusalem, 1995. P. 99–143.

ו — / ו — / ו — // ו — / ו — / ו —¹.

Вот несколько примеров:

- 1) «הרותו \ לאשיב \ מש קוח רשא \ ארונו \ מר לא דובכ \ מש ללהא»²;
- 2) «הנותנ \ יניס רהב \ לא תרתב \ הנמל \ ורחב רשא \ מע ידידי»³;
- 3) «ךרבנ תולהת לכ ליחתהל הבס איהש \ תולהת ארונו דובכ מש»⁴.

Соотношения стихотворных и прозаических колофонов можно наглядно представить в виде таблицы.

Страна, город	Общее количество текстов	Кол-во стихотворных текстов
Испания:		
Гвадалахара	4	1
Хиджар	5	5
Замора	1	1
Всего:	10	7
Португалия:		
Фару	2	-
Лиссабон	4	3
Лейрия	3	3
Всего:	9	6
Испания/Португалия:		
Без места	3	1
Общее количество:	41	27

В моем докладе будут рассмотрены и проанализированы сефардские колофоны, написанные в форме стихов с использованием квантитативной метрики.

¹ Условные обозначения: «∪» — ультракраткий слог; «→» — обычный слог (долгий или краткий); «/» — конец комбинации ультракраткого и обычных слогов; «//» — конец полустопища. Слоги обозначены слева направо.

² Моше Геронди. Перуш ха-Тора («Комментарий к Пятикнижию»). Лиссабон, Элизер Толедано, 1489.

³ Пятикнижие. С комм. Шломо бен Ицхака, отрывками из Пророков, пятью свитками и свитком Антиохоса. Неаполь, сыновья Сончино, 1491.

⁴ Давид Абудрахам. Перуш ха-берахот ве-ха-тефиллот («Комментарий благословений и молитв»). Лиссабон, печатник Элизер Толедано, 1 тевета (5)250 (25 ноября 1489). Л. 170а, первая строчка колофона.

СЕКЦИЯ II • SECTION II
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
АРАБСКИХ СТРАН
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF THE ARAB COUNTRIES

Halil İbrahim Erol (University of Kırklareli, Turkey)

**Azhari scholar Muhammad Ayyad Al-Tantawi
and his travelogue of Russia**

The first and most probably, the only Al-Azhar scholar, Sheikh Muhammad Ayyad Al-Tantawi (d. 1861), whom Ottoman governor of Egypt Muhammad Ali dispatched to Russia in 1840 to teach Arabic at the Institute of Oriental Languages, St. Petersburg University and at the same time to investigate the Russian culture, traditions and military reforms, Sheikh Tantawi wrote a detailed account entitled *Tuhfat al-adhkiya 'bi-akhharbilad al-Rusiya* [The Precious Gift of the Sharp-Witted in the News about the Russian Land] based on the first ten years of his stay in Russia. His travelogue, after Tahtawi's, was the second one written in that period about the lands out of Ottoman territories.

From this point, Tantawi's account has unique and indispensable importance. *Tuhfat al-adhkiya 'bi-akhharbilad al-Rusiya* provides detailed information about Tsarist Russia, its historical background, its culture, the manners and customs of the people. But as compared to Tahtawi's account, *Tuhfat al-adhkiya 'bi-akhharbilad al-Rusiya* had not been published for a long time. For this reason, unlike Rifaa Tahtawi who stayed in Paris five years (1826–1831) and wrote a travelogue, Muhammad Tantawi and his travelogue had relatively no functional impact on Muhammad Ali's modernization policies and Egyptian society at that time. Due to that fact, opinions of Tantawi as an Azhari-Muslim scholar should take into consideration by itself, especially in terms of intellectual perspective.

This paper investigates the personal motive behind the Tantawi's travel to Russia and evaluates it in a broader political context. It argues that *Tuhfat al-adhkiya* should be interpreted in the Ottoman-Egyptian context. Moreover, this travelogue needs to be analyzed within the genre of travel writing, being aware of its limitations and advantages. Taking these into account, the article meticulously compares Tantawi's travelogue with Tahtawi's account in order to grasp the intellectual perspectives of two contemporary Egyptian Azhari scholars. It also uncovers their isolated and incomplete standpoints which distort the broader picture of that world.

Besides, this paper argues that both travelers did not scrutinize the developments in Russia and France as a whole. They insistently focus on technological and military improvements by isolating them from other factors. So, they emphasize the industrial and scientific developments in a positive manner. This perspective underlines inevitably the western rational-scientific tendencies and implies that this is the only way which has to be held to reach modern-civilized category of humanity.

Jacoby Tim (Global Development Institute, Humanitarian and Conflict Response Institute, University of Manchester, United Kingdom)

Islam and the Islamic State's Magazine, Dabiq

Since the emergence of the Islamic State, considerable debate has arisen over the relationship (or lack of therein) between its ideological discourse and broader Islamic exegeses and learning. This paper aims to connect these wider discussions to its self-defined ideological standpoint as set out in its magazine, Dabiq. All 15 of these, published between June 2014 and July 2016, amounting to more than 900 pages, are examined to assess their authors' (1) analysis of the Qur'an (2) use of classical scholarship and (3) engagement with contemporary readings of Islam.

Named after the eponymous town in Syria mentioned by the prophet as a location for an eschatological battle between the best of Muslims and the worst of disbelievers, the first issue of Dabiq appeared in July 2014, the week after the Islamic State (ad-Dawlah al-Islamiyah — or simply ad-Dawlah to its citizens) captured the country's largest oilfield (Weiss and Hassan, 2015: xi). It was accompanied by the announcement that it had re-established the khilafah with the intention of returning Muslims' 'dignity, might, rights, and leadership' (Issue 1: 7). Continuing for another two years during ad-Dawlah's expansion and consolidation (before being re-titled Rumiyah in September 2016), 14 more editions followed in Spanish, German, Russian as well as English, constituting a corpus of 942 pages and over 400,000 words (summarized in Table One). A number of analyses of its content have now appeared. Some commentators, such as Celine Marie Novenario (2016), have, for instance, compared Dabiq to other militant magazines, while Brandon Colas (2017) and Haroro Ingram (2016) have considered respectively how it fosters its various

potential audiences and a sense of in-group identity. Although its “religious” content has generally been noted in these (as well as in the burgeoning literature on ad-Dawlah generally (Alexander and Alexander, 2015; Stern and Berger, 2015; Gerges, 2016; Wood, 2017 etcetera)), there are currently no studies seeking to understand Dabiq’s particular approach to Islamic exegeses. I seek to address this by focusing on three areas of Dabiq’s content (1) its analysis of the Qur’an (2) its use of classical scholarship and (3) its engagement with contemporary readings of Islam.

While it might be argued that a wider breadth of ad-Dawlah’s outputs may provide a fuller approximation of its true thinking, looking at Dabiq alone does have a number of merits. Firstly, it is official. There is no doubt that it originates from within the organization — specifically, the al-Hayat branch of its central media council (Zgrzyzewicz, 2015: 23–4). This is not necessarily true of the great range of statements, speeches and videos being uploaded and distributed in its name every day. Secondly, its content is self-selecting. This avoids the problem of methodological circularity — picking, in other words, the content that best suits the analyst’s predetermined argumentative position (such as the six themes presented by the Quilliam Foundation’s Charlie Winter, for instance (2015)). Thirdly, it is well resourced. Ad-Dawlah has clearly invested heavily in its production and is therefore likely to take considerable care over its informational content. For that reason, it is generally agreed that ‘Dabiq both concisely reflects the ideological framework of the Islamic State and mirrors its current situation in Iraq and Syria’ (Günther, 2015: 9). Fourthly, it presents a developing narrative of considerable cogency.

Examining all 15 of its issues in series allows the reader to follow the complexities of its content, especially when articles and features are spread over

Knysh A. (Saint Petersburg State University, University of Michigan)

Ibn al-‘Arabi’s Imaginary Universe as a Means of Modern-Day Re-Enchantment

For Ibn al-‘Arabi (1165–1240), imagination (*khayal*) is everything and everywhere. It is, simultaneously and paradoxically, an arena of divine and human creative self-fashioning and self-cognizance, a realm of both visionary dreams and true reality, as well as a uniquely human cognitive faculty residing in the human soul (*al-nafs*). Human beings observe the contents of their imagination in their dreams and waking vision, which allows them to see impossible and intangible existence as actual and real. Neither God nor the cosmos can be properly comprehended without imagination, for it is the absolute ruler (*al-hakim al-mutlaq*) or the self-ruling ruler (*al-hakim al-mutahakkim*) over all known things in every mode and every state.

For Ibn al-‘Arabi’s admirers in the Western academia, his works serve as a mirror of their own concerns and aspirations that may be quite different from his

own. When the formidable difficulties of reading and translating Ibn al-‘Arabi’s texts are overcome, they become, for his Western aficionados, the window onto his imaginary universe that allows them to reimagine both their own lives and the life of the cosmos as a whole in a new, enchanting light. In this way, Ibn al-‘Arabi’s legacy becomes an instrument re-enchantment, “a sigh of relief of the oppressed creature,” in the heartless and spiritless modern world.

Боков Т. А. (МИД РФ, Москва)

Обзор основных общедоступных источников по истории хуситов до 2010 г.

Исследование истории хуситского движения¹ (ХД) затруднено рядом источниковедческих проблем, главные из которых — скудость информации о его зарождении и становлении; политическая и идеологическая ангажированность большинства источников; фактическая недоступность архивов. Названные сложности, а также неиспользование некоторыми востоковедами всей палитры имеющихся материалов являются важными причинами недоизученности хуситов и встречающихся в литературе досадных заблуждений об их целях, идеологии и т. д. В этой связи полезной представляется ревизия находящихся в открытом доступе источников по данной теме, результаты которой представлены ниже в виде таблицы.

Источник	Описание	Трудности использования
Статистические данные йеменских служб и международных организаций.	Доступны на сайте Йеменского национального информационного центра (yemen-nic.info) и на иных порталах. Дополняют представление о социально-экономическом контексте исследуемого периода.	Неполнота и — зачастую — непроверяемость имеющихся сведений.
Сведения западных антропологов.	Работавшие в северном Йемене в 1980–1990-е гг. ученые (Ш. Веир, П. Дреш, Б. Хайкель и др.) отфиксировали ряд проявлений т. н. «зейдитского возрождения» (ЗВ) — процесса, ставшего ответом на проводившуюся властями политику маргинализации зейдитов, одним из результатов которого стало появление ХД.	Разрозненность данных, обусловленная тем, что ЗВ не являлось непосредственным предметом исследования.

¹ Религиозно-политическое военизированное движение йеменских зейдитов, сложившееся к 2003 г. вокруг общественного и религиозного деятеля Х. Хуси.

Источник	Описание	Трудности использования
Телеграммы дипломмиссий США в Йемене и странах Персидского Залива.	Опубликованы проектом «Викиликс».	Необходимость критически относиться как к достоверности сведений, имевшихся у американских дипломатов, так и к правильности проведенного ими анализа.
Лекции Х. Хуси.	Прочитаны в 2002–2003 гг. Являются основным источником по идеологии ХД. Доступны в интернете.	Большой объем (более 2 тыс. страниц А4).
Выступления и интервью общественно-политических и религиозных деятелей (А. Салеха, Х. Хуси, Б. Хуси и др.).	Доступны в интернете и/или литературе.	- Отсутствие в открытом доступе полноценных архивов указанных изданий;
Государственные, партийные и иные документы общественно-политического характера.	Доступны в интернете и/или литературе.	- Прекращение работы большого количества важных электронных ресурсов (например, портала газеты «Йемен таймс»);
Информационно-аналитические материалы йеменских СМИ.	<p>Основные йеменские СМИ того времени:</p> <ul style="list-style-type: none"> - государственные «26 септембр», «Саура»; - партийные «Мисак» (правящий «Всеобщий народный конгресс»), «Сахва» (крупнейшая оппозиционная партия 2000-х гг. «Ислах»), «Саури» (Йеменская Социалистическая партия), «Умма» и «Шура» (зейдитские партии «Хакк» и «Союз народных сил»); - формально независимая, но проправительственная по основным политическим вопросам англоязычная «Йемен Таймс». 	- Ангажированность подавляющего большинства перечисленных источников. По всей видимости, именно из-за не критического отношения к их содержанию в российской и западной литературе встречаются необоснованные мнения о якобы имеющемся у хуситов стремлении к восстановлению имамата, получении помощи из Ирана в 2000-х гг. и т. д.

Источник	Описание	Трудности использования
Материалы исторической направленности, опубликованные на прохуситских ресурсах.	Среди наиболее значимых — документальные фильмы телеканала «Аль-Масира» о выдающихся деятелях ХД и ЗВ, а также о ключевых событиях до- и раннехуситской истории, таких как празднование Мавлид ан-Наби в Сааде в 1981 г. Также интерес представляет ряд материалов, размещенных на сайтах www.zaidiah.com , http://d-althagafhalqurania.com и т. д.	- Ангажированность подавляющего большинства перечисленных источников. По всей видимости, именно из-за некритического отношения к их содержанию в российской и западной литературе встречаются необоснованные мнения о якобы имеющемся у хуситов стремлении к восстановлению имамата, получении помощи из Ирана в 2000-х гг. и т. д.
Полемические тексты оппонентов хуситов.	Арабоязычные труды А. Дагаши, Н. Дусри, А. Садика, А. Шадави и др. Доступны в интернете. Могут быть использованы как вспомогательный материал для уточнения фактологии, а также как источник по истории идеологического противостояния хуситов и суннитов-традиционалистов.	

Болдина Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Мориски в контексте внешней политики Османской империи XV–XVII вв.

В XVI в. Османская империя и Испания вели активную борьбу за господство на Средиземном море. Экспансия Османской империи и ее нарастающее могущество представляли угрозу для Испании и для всей Европы, которая пыталась урегулировать франко-габсбургское противостояние, что послужило своеобразным «катализатором» решения об изгнании морисков, которые в глазах католиков являлись «пятой колонной» османов¹. Ключевым

¹ Temimi A. Le gouvernement Ottoman et le problème morisque. Zaghuan, 1989; Monroe J. T. A curious Morisco Appel to the Ottoman Empire // *Al-Andalus* 31–1. 1996. P. 281–304; Hess A. The Moriscos: an Ottoman Fifth Column in Sixteenth-Century Spain // *American Historical Review* 74–1. 1968. P.1–25; Cardaillac L. Le turc, suprême espoir des Morisques // *Actes du I Congrès d’Histoire et de la Civilisation du Maghreb*. Tunis, CERES, 1979, vol. II. P. 31–47; Carrasco R. Pêril ottoman et solidarité morisque // *Revue d’Histoire Maghrébine* 25. 1982. P. 33–50.

моментом противостояния Испании и Османской империи в Северной Африке стало завоевание Туниса в 1574 г., что привело к доминированию османов в большей части Магриба.

Однако в тот период у Османской империи были и свои геополитические проблемы — с Персией и египетскими мамлюками, что не позволяло ей сосредоточить все свои усилия на завоевании Европы.

Не последнюю роль в эскалации внутриевропейского конфликта сыграл и знаменитый Франко-турецкий альянс — договор 1528 г. между французским королем Франциском I и султаном Сулейманом, что заставило Габсбургов всерьез обеспокоиться «турецкой угрозой»¹.

На фоне непростой геополитической обстановки в Средиземноморском регионе² и османо-габсбургских войн, спасаясь от религиозных преследований в Испании, мориски и сефарды искали защиты у Османской империи. Османские султаны помогали им с эвакуацией на безопасные земли, а также разрешали селиться на территории империи³. Еврейские и мусульманские диаспоры Аль-Андалуса внесли большой вклад в развитие Османской империи (например, первая типография в Константинополе была открыта сефардскими евреями в 1494 году⁴).

Таким образом, религиозная дискриминация в Испании и стремление искоренить этнические меньшинства резко контрастировала с внутренней политикой Османской империи⁵. Поощрение попыток султанов Феса оказать защиту морискам (несмотря на стремление османов включить в состав империи и Марокко) также способствовало созданию образа веротерпимых и признающих самобытность этнических меньшинств османов⁶.

Являлась ли Османская империя своеобразной «преемницей» Аль-Андалуса как примера этнокультурного разнообразия и толерантности? На этот и многие другие вопросы историкам и социологам еще только предстоит ответить.

¹ Kearney M. *The Indian Ocean in world history*. Routledge. 2004. P.112.

² Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris, Armand Colin. 1949.

³ Krstić T. *Moriscos in Ottoman Galata, 1609–1620s*. // Garcia-Arenal M., Wieggers G. (eds.). *Expulsion of the Moriscos from Spain*. Brill, 2014. P.269–285.

⁴ Еремеев Д. Е. *На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках*. М., Наука. 1980. С.114.

⁵ Ланда Р. Г. *Судьба морисков*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С.217–218.

⁶ Плавский З. И. *Испанская инквизиция: палачи и жертвы*. СПб, 2000. С.84–85; Cardaillac L., Dedieu J.-P., Vincent B. *Enjeux et ambiguïtés de l'affrontement entre les Morisques et l'Inquisition // Les Morisques et l'Inquisition*. P., 1990. P.340–344; Temimi A. *Le Gouvernement Ottoman et le problème morisque*. Zaghuan, 1989. P. 52–55.

*Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань),
Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва)*

«Приехал сюда в конце XIX века. Оказалось: меня никто не понимает...»: Письма А. Е. Крымского профессору А. Н. Веселовскому из Бейрута из фонда Российского государственного архива литературы и искусства (1897 г.)¹

В докладе представлен обзор и анализ двух сохранившихся писем А. Е. Крымского, относящиеся к периоду его научной командировки в Ливан (Бейрут), профессору Московского университета и Лазаревского института восточных языков А. Н. Веселовскому. Публикуемые письма из собраний Российского государственного архива литературы и искусства в значительной степени расширяют наши представления о пребывании А. Е. Крымского в Ливане с октября 1896 по май 1898 г. Эти личные автографы А. Е. Крымского являются ценной составляющей его эпистолярного наследия, содержат оригинальные оценки политической, общественной и культурной обстановки в Бейруте в конце XIX в. До настоящего времени письма А. Е. Крымского А. Н. Веселовскому, написанные в январе и июле 1897 г. не вошли в известные работы, посвященные эпистолярным отечественных ученых.

Результаты:

Биография и наследие А. Е. Крымского (1871–1942) нашли достойное отражение в отечественной и отчасти в зарубежной литературе и историографии. Тем не менее перспективным остается дальнейшее изучение востоковедческого творчества украинского и российского ученого и просветителя крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. Востоковед-ближневосточник и слаvist, ученый и общественный деятель, обладавший энциклопедическими знаниями, он оставил значимый след в истории российской и украинской и в целом мировой арабистики, исламоведения, иранистики, османистики и тюркологии.

Востоковедческое направление в его творчестве особенно укрепилось в период его научного путешествия в Ливан в 1896–1898 гг. В связи с положительным решением Совета Лазаревского института восточных языков (от 20 марта 1896 г.) о научной командировке на Ближний Восток А. Е. Крымский в письме своему наставнику — профессору института В. Ф. Миллеру (1848–1913) от 23 марта 1896 г. писал: «Моя давнишняя мечта — посвятить себя востоковедению не урывками, а всецело — теперь уж близка к осуществлению, и скажу без преувеличений: у меня не хватает слов, чтобы вполне Вам выразить свою признательность»².

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–09–00385 и РНФ, проект № 21–18–00124.

² Кримський А. Ю. Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917). Київ, 1973. С. 234.

Встречи и взаимоотношения выпускника ЛИВЯ и МУ А. Е. Крымского и профессора А. Н. Веселовского связаны с Лазаревским институтом восточных языков (ЛИВЯ), где в 1889–1892 гг. учился адресат, в дальнейшем, до 1918 г., они вели совместную педагогическую и научную деятельность. Имя Алексея Николаевича Веселовского (1843–1918) не столь известно на фоне его знаменитого брата Александра Николаевича¹.

Намного позднее профессор А. Н. Веселовский в письме своему ученику и коллеге, известному тюркологу В. А. Гордлевскому (22 июля (4 августа) 1918 г.), говоря о новом рубеже в судьбе А. Е. Крымского, писал: «Крымский никогда и не помышлял об Иркутском университете (так ли я прочел? Да и есть ли такой университет?), а в настоящее время на пути в Киев, где учреждается Украинская академия, во главе с Вернадским, который вызывает его, чтобы он помог в ее организации»².

Профессор А. Н. Веселовский, работая в 1881–1918 гг. в Лазаревском институте восточных языков, вел общий курс русской словесности для студентов, изучавших восточные языки в специальных классах ЛИВЯ). А. Н. Веселовский «шел навстречу пожеланиям студентов-востоковедов» (В. А. Гордлевский), читая дисциплины: «История ориентализма на Западе и в России», «Сравнительно-исторические очерки лирической поэзии на Востоке и в Европе», «Кавказ и Крым в их литературных отражениях», «Восточное влияние в русской народной поэзии» и др.

Василюк О. Д. (ИВ им. А. Е. Крымского, Киев), Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань), Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Неопубликованное эпистолярное наследие А. Е. Крымского и В. Ф. Минорского из архивных центров России и Украины³

Доклад посвящен обзору и оценке эпистолярного наследия академика АН УССР А. Е. Крымского и профессора В. Ф. Минорского — выдающихся востоковедов и представителей классических арабо-мусульманских штудий в России, Украине и Европе, авторов оригинальных работ по истории, литературе и религии народов арабо-мусульманского мира.

¹ Веселовский А. Н. (1838–1906) — историк литературы, профессор (1872 г.), заслуженный профессор (1895 г.) Петербургского университета, ординарный академик Петербургской АН (1881 г.).

² Архив Академии наук. Ф. 688. Оп. 4. Д. 74. Л. 6.

³ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–09–00385 и РНФ, проект № 21–18–00124.

История российского, украинского и европейского востоковедения XIX — первых десятилетий XX вв., также других центров дореволюционной и советской науки, закономерности, направления и итоги развития науки о Востоке, научное, просветительское и особенно эпистолярное наследие отечественных востоковедов являются актуальными академическими и прикладными проблемами современной российской и зарубежной историографии, источниковедения и культурологии. Рубеж эпох связан с разнообразием, богатством и трагедиями в судьбах представителей отечественной науки о мусульманском Востоке ярко отраженной в переписке А. Е Крымского и его одного из выдающихся учеников В. Ф. Минорского по Лазаревскому институту восточных рукописей.

Обнаруженная эпистолярная переписка ученых хранится в России и Украине — Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (ф. 134) (Санкт-Петербург) и Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (ф. I, ф. XXXVI) (Киев). Во многом до настоящего времени эти уникальные материалы востоковедов в целостности не изучены и не опубликованы.

В архиве востоковедов ИВР РАН в фонде В. Ф. Минорского (Ф. 134, оп. 3, ед.хр. 40) хранится одно письмо Минорского В. Ф. своему учителю Крымскому А. Е., которое датируется нами 1941 г. Также в нем представлены основные сохранившиеся письма Крымского А. Е. Минорскому В. Ф. (8 писем, 1 открытка, 1 конверт, 22 лл. Автограф и машинопись, крайние даты: 4 июня 1910 — 23 октября 1925).

В фонде XXXVI ИР НБУВ находится 23 письма Минорского к Крымскому за период 1904–1911 гг., а также в фонде I-ом — 16 открыток и фотографий, переданных от Минорского Крымскому из Ближнего Востока (Персеполис, Тавриз, Агра, Мекка и др.), некоторые подписаны на обороте рукой В. Ф. Минорского. Так на одной из них надпись: «Общий намаз в Кербела. Отдай фотографию мусульманину Крымскому». В основном письма написаны во время пребывания Минорского в Иране, но также из Москвы и Санкт-Петербурга.

Переписка А. Е. Крымского и В. Ф. Минорского в первой четверти XX в. важны в следующих аспектах: они являются личными автографами крупнейших отечественных востоковедов; в письмах раскрываются профессиональные и общественные позиции ученых и личностей своей эпохи; находим авторские оценки востоковедения, в частности арабистических, иранистических, тюркологических составляющих и их роли, а также общественной и политической жизни; в письмах особенно заметны я личные настроения, позиции и их реакции в переменах жизни деятельности. Их эпистолярная переписка является оригинальным и объективным материалом к научным биографиям А. Е. Крымского и В. Ф. Минорского и летописи востоковедения в России, Украине и Европе.

Гасанов Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Арабские источники по истории Южной Аравии XVI–XVII вв.

Десятый век хиджры был тем временем, когда под воздействием межкультурных контактов с более мощными державами складывалось самосознание жителей Южной Аравии. Именно тогда произошло их знакомство с европейцами в лице португальских моряков, на протяжении нескольких десятилетий производивших набеги на южное побережье Аравийского полуострова. Эти события не были забыты — именно образ «семи мучеников», павших в битве с португальцами в 1523 г.,¹ вдохновлял йеменцев на борьбу с британскими колониальными властями несколько веков спустя. Одновременно с португальскими набегами большую часть территории Йемена заняли турки-османы, причем в отличие от большинства арабских стран, где приход турок был воспринят с искренним энтузиазмом,² в этом регионе им пришлось встретиться с ожесточенным сопротивлением, благодаря которому Йемен получил славу «кладбища османских солдат».³

Целью доклада является рассмотрение основных арабоязычных источников, отражающих вышеописанные события. Особую роль среди них играет «История Шихра. Известия 10 века хиджры» Мухаммада б. ‘Умара Тайй-иба Ба-Фақйха ал-Шихри (в качестве даты смерти указываются 1602, 1603 и 1613 гг.), ведь именно Шихр являлся одним из ключевых городов султаната касиридов и неоднократно подвергался пиратским набегам со стороны португальцев. Другие источники того периода включают «Известия 10 века» ‘Абд ал-Қадир ал-‘Айдарўса (1570–1630), «История Хадрамаута» Аҳмада б. ‘Абдаллāха Шанбала (ум. в 1582 г.), «История Адена» ‘Абдаллāха Абў Махрамы (1465–1540), «Йеменская молния об османском завоевании» Қутб ал-Дина ал-Нахравāли (1511–1582) и «Предел мечтаний в записках о йеменской стране» Йаҳйи б. ал-Хусайна ал-Йаманī (1625–1689).

Сопоставление данных текстов показывает, что различия в описании одних и тех же событий коррелируют, в частности, с различиями в происхождении авторов и их принадлежностью к разным социальным стратам южноаравийского общества. В связи с этим выделяется позиция Абў Махрамы, принадлежащего к страте племенных шейхов, а также взгляд Йаҳйи б. ал-Хусайна, жившего в Сане — городе с другой религиозной ситу-

¹ Родионов М. А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 23.

² См. Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. (1516–1574). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 241–242.

³ Удалова Г. М. Йемен в период первого османского завоевания. (1538–1635). М.: Наука, 1988. С. 155.

ацией и несколько иным общественным устройством. Кроме того, интерес представляет точка зрения авторов, проживавших за пределами Южной Аравии и описывавших историю данного региона с позиции стороннего наблюдателя.

Рассмотрение данной темы способствует расширению представлений об историографической традиции Южной Аравии и делает возможным комплексный источниковедческий анализ йеменских исторических текстов.

Дорохова И. А. (ПетрГУ, Петрозаводск)

Павел Павлович Николаевский — школьный инспектор ИППО в Палестине в конце XIX — начале XX вв.

В июле 2021 г. исполнится 70 лет со дня кончины П. П. Николаевского, который в 1898–1904 гг. был школьным инспектором Императорского православного палестинского общества (ИППО) в Галилейском округе Палестины. Обеспечение нормальных условий жизни и духовных потребностей русских паломников в Святой Земле, поддержание там православия осуществляли Русская Духовная миссия в Иерусалиме и ИППО. Последнее уделяло перво-степенное внимание просветительской и благотворительной деятельности. Была создана сеть школ для православных арабов и несколько учительских семинарий.

В августе 1898 г. П. П. Николаевский был назначен инспектором галилейских учебных заведений ИППО. Данная должность предполагала широкий круг обязанностей, связанных не только с управлением школами, надзором за учебной и воспитательной деятельностью, но и взаимодействие с местными властями, духовенством разных рангов, консульствами.

Молодой инспектор к этому времени уже имел за плечами Олонецкую губернскую гимназию, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета и семилетний опыт работы преподавателем и воспитателем в Гатчинском сиротском институте. Уже за первые семь месяцев Николаевский сумел посетить все школы Галилеи. Он сопровождал Н. М. Аничкова, главного куратора школьной деятельности ИППО, в его инспекционной поездке по Галилее весной 1899 г. В его отчете отражены проблемы, с которыми сталкивалось ИППО и степень знания и понимания этих проблем школьным инспектором П. П. Николаевским¹. Аничков Н. М. писал, что он «опытный и крайне тру-

¹ Учебные и врачебные заведения Императорского православного палестинского общества в Сирии и Палестине. Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова. Ч. II. СПб., 1910. С.264. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005029893#?page=1> (Дата обращения 11 января 2021 г.)

долюбивый педагог»¹. В отчете приведены характеристики Николаевским многих учителей галилейских школ, а также его мнение о некоторых учебниках, используемых в преподавании.

Подчиненные инспектора отдавали должное за его познания, профессиональную подготовку и терпение. Правда, в мужской учительской Назаретской семинарии, куда прибыли четыре молодых преподавателя произошел конфликт с П. П. Николаевским. Новоприбывшие считали нужным заниматься только преподаванием, а не воспитанием учащихся. Николаевский же полагал это обязательным. Он требовал, чтобы те «относились к детям с большей сердечностью... Выказывали бы больше участия к интересам детей, не были резки с ними»². Н. М. Аничкову пришлось урегулировать эти разногласия. Трое из молодых участников конфликта позднее стали помощниками инспекторов в Сирии. В дальнейшем у Павла Павловича сложились хорошие отношения с Н. М. Аничковым и В. Н. Хитрово.

Инспекторская деятельность Николаевского была не единственной его обязанностью. По решению Совета ИППО П. П. Николаевский заключил договор в 1901 г. на строительство подворья в Назарете и курировал его ход. На его имя также был записан один из земельных участков ИППО. Исследователь П. В. Федотов назвал Николаевского «одним из главных приобретений Палестинского общества»³. В Палестине у инспектора появилась семья и родился первый сын. Его женой стала учительница М. М. Дмитриева. На ее сестре, а она стала восприемницей при крещении старшего сына инспектора, был женат Д.Ф. Богданов, инспектор ИППО в южной Сирии.

Уехал П. П. Николаевский в 1904 г. Он работал инспектором народных училищ Повенецкого уезда Олонецкой губернии до 1918 г. Его дальнейшая жизнь уже не была связана с его профессией. Умер П. П. Николаевский 7 июля 1951 г. и похоронен в карельском городе Медвежьегорске.

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Россия и Арабский мир: становление двусторонних связей в новейшее время (1918–1945)

Русский мир и мир арабский — два историко-культурных ареала, связанных тысячелетними узами фактически с эпохи прихода христианства и ислама

¹ Там же. С. 36.

² Там же. с.38.

³ Федотов В. П. Галилейский учебный округ Императорского православного палестинского общества в 1892–1914 гг.: русские сотрудники школьной инспекции – URL: http://ejournal52.com/journals_n/1599575323.pdf (Дата обращения 11 января 2021 г.)

в земли, входящие сегодня в состав РФ. На пороге XX века отношения России с арабскими странами продолжали развиваться в рамках межрегиональной торговли, обмена дипломатическими и религиозными миссиями, визитами деятелей культуры и науки.

«Великая война» — первая мировая — вызвала перестройку всей системы геополитических связей у южных рубежей России, в том числе в арабских странах. Москва выступила на стороне национально-освободительных сил Ближнего Востока и Северной Африки в их справедливой борьбе за независимость и суверенитет (Египет, Ливан, Сирия, Марокко и др.). Поддержка антиколониальных движений существенно укрепила авторитет советского государства и способствовала установлению прямых контактов Москвы с ведущими политическими центрами Ближнего Востока. Наряду с подписанием исторических договоров с Ираном и Турцией (1921), межвоенный период был отмечен обменом дипломатическими миссиями СССР с объединенной Саудовской Аравией (1926), Йеменом (1928) и последующим расширением двусторонних контактов, в частности в сфере торговли.

Важным этапом в развитии отношений нашей страны с Арабским миром стала вторая мировая война. В разгар сражений на Восточном и Африканском фронтах в январе 1943 г. на конференции лидеров антигитлеровской коалиции в марокканской Касабланке была сформулирована известная доктрина о безоговорочной капитуляции держав «оси», поддержанная советским руководством и успешно реализованная в мае 1945 г. Военные успехи антигитлеровской коалиции способствовали установлению дипломатических отношений между Москвой и Каиром (1943), Дамаском (1944), Багдадом (1944), Бейрутом (1944).

Дальнейшее развитие советско-арабских связей последовало с завершением второй мировой войны на фоне вызванного ей нового подъема антиколониальных выступлений. С момента рождения ООН (1945) представители СССР решительно выступали за деколонизацию стран Азии и Африки, способствуя достижению политической независимости арабов и разностороннему взаимодействию их с нашей страной.

Такое взаимовыгодное сотрудничество получает далее новые основы и формы в результате революции «Свободных офицеров» в Египте (1952), ликвидации французского протектората в Марокко и Тунисе (1956), завоевания национальной независимости народами Судана (1956), Алжира (1962), Кувейта (1963) и т.д.

Сто лет новейшей истории показали, что Арабский мир, как и многие века назад, продолжает играть существенную роль во внешней политике, в торгово-экономических, культурных и духовных связях народов России.

Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
Абу-л-‘Аббас Ахмад ал-Маккари (1584–1631)
в историографии Арабского Запада

XVII в., отмеченной последними волнами эмиграции беженцев-морисков и евреев-сефардов из Испании, оставил нам ряд ценных памятников историографии арабского Запада, в т.ч. трудов по истории и культуре Ал-Андалуса — многовекового оплота мира ислама на берегах Иберийского полуострова.

Интерес к наследию Ал-Андалуса стал главной предпосылкой появления вскоре после окончательного исхода морисков известного сочинения Ахмада ал-Маккари, посвященного истории арабской Испании и творчеству выдающегося гранадского ученого, поэта и дипломата Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба (1313–1374).

Абу-л-‘Аббас Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Йахья б. ‘Абд ар-Рахман б. Аби-л-‘Иш б. Мухаммад ал-Маккари ат-Тилимсани родился в алжирском Тлемсене около 992 г.х./1584 г. и скончался в Египте в 1041 г.х./1631 г. Коран и сунну он освоил в юности, занимаясь у своего дяди — муфтия Тлемсена и видного ученого шейха Абу Османа Са‘ида б. Ахмада ал-Маккари, а также дважды выезжая в признанный центр исламской учености — марокканский Фес (в 1009 г. х./1600 г. и в 1013 г.х./1604 г.).

В конце месяца рамадан 1027 г.х./сентябрь 1617 г. он выехал из Марокко в хаджж, после чего направился в Египет (1028 г.х./1618 г.) Не раз посетив священные города Мекку и Медину, выступал там с лекциями по хадисам.

В начале 1629 г. ал-Маккари жил в Иерусалиме, затем отправился в Дамаск, где остановился в марте 1629 г., общаясь с земляками из Магриба и читая лекции по хадисам («*Сахих ал-Бухари*») в мечети Омейядов. Ставшие популярными его лекции собирали многих знатных улемов Сирии, учащихся медресе, и к концу пребывания в Дамаске его аудитория насчитывала уже до тысячи слушателей.

С неизменным почтением ал-Маккари отзывался о Дамаске и его жителях, посвятив им в своей книге «*Благоухание свежей ветви...*» особый раздел. Именно под влиянием встреч и бесед в Дамаске по возвращении в Каир в 1039 г. х./1629 г. он и принял решение о написании своего главного труда по истории Ал-Андалуса¹.

«*Благоухание свежей ветви Ал-Андалуса...*» (араб.: «*Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб...*») — сколь уникальный, столь и типичный для своего времени памятник арабо-мусульманской антологической литературы, призванной познакомить читателя на Востоке с наследием цивилизации Ал-Андалуса.

¹ Даруиш А., ал-Масри М. С.1–4. الاندلس من نفح الطيب للمقرّي. 1990. دمشق.

По замыслу А. ал-Маккари, старавшегося выполнить обещание, данное его друзьям в Сирии и Египте, описать историю арабской Испании и творчество гранадского ученого-энциклопедиста (исп.: «*el poligrafo*»), и придворного поэта Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба, этот его трактат был разделен на две практически самостоятельные книги, каждая из пяти глав.

Посвященная общей истории Ал-Андалуса первая книга сочинения ал-Маккари, по сути, представляет собой справочно-энциклопедический трактат, объединивший разнообразие сведения об истории и культуре мусульманской Испании. Вслед за введением, щедро украшенном панегириками в адрес Дамаска и его обитателей, автор дает описание страны Ал-Андалус, ее природных богатств, животного и растительного мира, хозяйственной жизни, а также достижений в области литературы и наук. Большой раздел в книге ал-Маккари посвящен истории мусульманских династий Испании.

Помимо «*Нафх ат-тиб...*» ал-Маккари приобрел широкую известность как автор ряда работ¹, отличавшихся яркостью изложения, в чем он напоминал самого Лисан ад-Дина ибн ал-Хатиба — знаменитого ученого и государственного деятеля Гранадского эмирата. Правда, в отличие от последнего, его сочинения отличались обширными отступлениями и комментариями, что, правда, лишний раз свидетельствовало о незаурядной эрудиции их автора.

Жерлицына Н. А. (Институт Африки РАН, Москва)

Османский фактор в антифранцузском сопротивлении Ахмед-бея, последнего губернатора бейлика Константины

К моменту завоевания Францией в 1830 г. Алжир представлял собой полу-автономную провинцию Османской империи — регентство, пользующееся самоуправлением в международных делах, но сохранявшее преданность метрополии и турецкому султану как халифу правоверных. Алжир связывали с Высокой Портой как религиозные узы, так и правящая в провинции

¹ В числе прочих известных сочинений ал-Маккари, посвященных мусульманскому Западу:

1. «*Азхар ар-рийад фи ахбар ал-кади 'Аййад*» («Цветы сада в жизнеописании кади Айяда») — близкая по жанру к «Нафх ат-тиб...» работа, посвященная жизни марокканского кади 'Айяда б. Мусы б. Амруна б. Мусы ал-Йахсуби ас-Сабти.

2. «*Рауд ал-'ас ал-'атир ал-анфас фи зикр ман лакийтуху мин 'улама' Марракеш уа Фас...*» («Миртовый сад, полный благоуханий, в рассказе о тех, кого я встречал из ученых Марракеша и Феса...»), а также:

3. «*Итхаф ал-муфра, такмил шарх ас-сугра...*» («Вознаграждение соблазненному в завершение малого толкования ...») — комментарии к концепции единобожия ('*илм ат-таухид*).

элита турецкого происхождения. Последний правитель самой крупной и богатой провинции Алжира, бейлика Константины, Ахмед-бей пришел к власти в 1826 г. и происходил из потомственной османской знати. Хитрый дипломат и энергичный солдат, он умел манипулировать вождями арабских племен и энергично действовать оружием всякий раз, когда его авторитет подвергался сомнению.

Ахмед-бей, как и многие другие, был поражен скорострительным крахом турецкого режима. Падение столицы стало для него сигналом о полной независимости, предоставившей ему свободу действовать и владеть судьбой и положением бейлика. С целью укрепить бейлик перед лицом французских захватчиков Ахмед-бей произвел целый ряд реформ и, прежде всего, военную, административную и налоговую. Хотя атрибуты независимости Константины указывали на ее арабский характер, но в основе Ахмед-бей сохранил турецкую концепцию государства. Законная власть, как и прежде, опиралась на санкцию турецкого султана — духовного и политического лидера Османской империи. Эти убеждения имеют первостепенное значение для понимания зависимости и привязанности Ахмед-бея к Высокой Порте, а также его полного отказа в дальнейшем предпринять какие-либо шаги без санкции султана. Паша неукоснительно следовал предписаниям ислама, обязывавшим подчиняться высшему религиозному авторитету — халифу мусульман, султану Махмуду II. Ахмед-бей был последовательным сторонником и турецкой системы управления в отношении арабского населения, традиционно использовавшейся в османском Алжире. Османский характер и глубокая связь Ахмед-бея с Высокой Портой в полной мере проявились в последующих событиях вокруг бейлика. С самого начала тактикой сопротивления французам для Ахмед-бея стала декларация приверженности Османской империи.

В докладе рассмотрены события вплоть до 1837 гг., когда Ахмед-бей, опиравшийся в сопротивлении европейской экспансии на верность метрополии и турецкие принципы управления, потерпел поражение будучи лишенным поддержки сюзерена.

4. «*Хашийат 'ала шарх 'умм ал-барахин...*» («Окаймление разъяснения матери аргументов...»), — а «мать аргументов» — это сануситское толкование единобожия, которому была посвящена упомянутая выше книга ал-Маккари «Итхаф ал-мугра...».

5. «*Азхар ал-кимам...*» («Чашечки цветка...») — к сожалению, известно лишь сокращенное название этого труда.

6. «*Ида'ат ад-дуджна фи 'ака'ид ахл ас-сунна...*» («Озарение мрака во взглядах людей сунны...»).

7. «*Ад-дурр ас-самин фи асма' ал-хади ал-амин...*» («Драгоценный жемчуг имен верхнейшего наставника...»).

8. «*Ал-бад'а уа-н-наш'а*» («Начинание и сочинение») — о сочинительстве и стихотворчестве.

Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Проблема создания первых образцов огнестрельного оружия на Ближнем Востоке (по данным рукописи С 686 из ИВР РАН и других мамлюкских источников)

История появления и развития огнестрельного оружия на Ближнем Востоке основывается на нескольких важных технологических новшествах позднего средневековья: появлении порошкообразных смесей, обладающих высокими горючими свойствами, способностью взрываться и силой взрыва и огня разрушать поражаемые объекты; изучении взрывных свойств и их применении в первых образцах ракет; открытии выталкивающих свойств взрывающегося пороха и использовании этого свойства в первых образцах ствольных орудий.

Пиробаллистическая артиллерия, пришедшая на смену доогнестрельной, развивалась медленно. Конструкция первых пушек была весьма несовершенна. Ее главные недостатки: ненадежная составная конструкция, невозможность прицельной стрельбы и стрельбы на большие расстояния, длительное заряжание, наличие у каждого орудия своего калибра.

Рукопись С 686 *Kitāb al-maḥzūndjāmī' al-funūn* (1474 г.) из собрания Института восточных рукописей РАН содержит важные сведения о первых образцах пушек, применявшихся в Мамлюкском султанате, а также о составе пороха («зелья») и способе стрельбы (р. 160):

«Описание зелья, которое ты кладешь в пушки. Его состав: селитра 10, уголь 2 драхмы, сера 1,5 драхмы. Ты измельчаешь его сильно и наполняешь 1/3 пушечного ствола и не наполняешь больше, а то он взорвется. И ты изготавливаешь для этого пушку из дерева у токаря соразмерно с размером отверстия пушки. И ты забиваешь в него (зелье — Д. З.) с силой. И кладется в отверстие ствола снаряд или стрела, и ты поджигаешь запал. И ты соизмеряешь ствол с отверстием под запал. И если будет ствол глубже, чем это отверстие, то он будет считаться бракованным...».

Это описание пушки (*мадфа*), сопровождается иллюстрацией (fig. 50, р. 156), на которой изображен воин, держащий в руках ручную пушку малого калибра, европейский аналог которой — кулеврина (ее появление относят к 1339 г.).

И если снаряды использовались самые разные (каменные, из железа, без заряда и наполненные горючими смесями т. д.) и уже был создан порох, то ключевую роль в развитии огнестрельного оружия сыграло усовершенствование ствола.

Еще один фактор, не позволявший пушкам в XIV–XV вв. стать массовым оружием на Ближнем Востоке – дороговизна пороха. В 1375 г. цена 1 фунта пороха составляла £ 50, железа — £ 2, стали — £ 4, свинца — £ 4.

Что касается распространения огнестрельного оружия (пушек) на Ближнем Востоке, то хотя в мамлюкских источниках довольно часто приводятся их технические характеристики (вес, дальность действия, вес снарядов), до нас не дошли их первоначальные образцы. Самая ранняя сохранившаяся мамлюкская пушка, принадлежала султану Қә'итбеу (1468–1496). Судя по имеющимся описаниям применения пушек мамлюками (Сәлих б. Йахйя — 1342 г.; Ибн Ийяс — 1352 г.), речь шла о крепостных орудиях, использовавшихся для обороны, а их количество было весьма небольшим. Появление пушек не привнесло значительных изменений в традиционные методы осады. Они стали преемниками *манджанік* с тем же функционалом.

Первое неоспоримое свидетельство наличия артиллерии в Мамлюкском государстве появляется между 60-ми и 70-ми гг. XIV в. и принадлежит очевидцу — знаменитому энциклопедисту ал-Қалқашандй (1355–1418), видевшего в Александрии во времена правления ал-Ашрафа Ша'бана Ибн Хусайна (1363–1377) пушку, изготовленную из меди и свинца и скрепленную железными цепями.

Таким образом, можно уверенно предполагать, что первое огнестрельное оружие на Ближнем Востоке появилось у мамлюков в середине XIV в. Более ранние образцы, скорее всего, относятся к концу XIII в. и являются следующим шагом в развитии пиротехники после изобретения и описания ракеты Хасаномар-Раммаҳом (ум. 1295 г.), автором трактата по военному делу, в котором он изложил способы подготовки и очищения селитры, позволяющей добиться ее максимальной эффективности как базового компонента взрывчатых смесей.

Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

**«Хранитель султанской чернильницы»
в административной системе мамлюков-Бурджитов
(1382–1517)**

Административная система Султаната мамлюков (1250–1517) складывалась на основе аййюбидских и, еще более ранних, сельджукских и аббасидских традиций государственного управления. Во главе многочисленных *диванов* стояли чиновники, которых набирали большей частью из числа *улемов*, иногда — из представителей иных сословий. В ряде случаев управление *диванами* передавалось мамлюкским эмирам. Одной из ключевых фигур в мамлюкской администрации был главный *давадар*, или «хранитель султанской чернильницы» (*al-dawādār al-kabīr*).

Давадар управлял делами султанского двора, ведал султанской перепиской, передавал султану корреспонденцию и документы на подпись. Обычно эту должность занимали «люди пера», а вот Бейбарс (1260–1277), один из первых правителей государства мамлюков, назначил *давадаром* мамлюкского эмира. В бурджитский период (1382–1517) главный *давадар* постепенно приобрел большое политическое влияние, а его функции стали распространяться далеко за пределы вопросов, связанных с пером и чернильницей султана.

К середине XV в. ведомство главного *давадара* было расширено, его роль в государстве стала более весомой. Заметной становится позиция второго *давадара*, появляется должность третьего *давадара*. Эмиры, занимавшие должности *главного* и второго *давадара* назначались управляющими крупных *вакфов* и могли иметь звание *эмира сотни* и *командира тысячи*.

Функции главного *давадара* в бурджитский период не были четко определены и изменялись в зависимости от обстоятельств и воли султана. Эмир, назначенный на должность главного *давадара*, мог руководить еще одним или несколькими ведомствами. Так, например, эмир Куркмас (ум. в 1390 г.) совмещал должность главного *давадара* и *устадара* (*ustādār* — ведал дворцовыми службами и слугами, под его контролем находилось обеспечение султанских мамлюков). Это было первое объединение двух «офисов», которые в поздний период правления Бурджитов приобретут решающее значение в управлении финансами.

Во второй половине XV в. главный *давадар* становится ближайшим помощником султана, и оттесняет на второй план всю когорту высших эмиров — *эмиров совета, оружия, султанских конюшен, командира вахты* и т. д. При султанине Каитбее (1468–1496) главный *давадар* занимал такое же высокое положение в мамлюкской военно-политической иерархии, как и *атабек* — старший эмир и командующий армией. В 1468 г. главный *давадар* Йашбек (ум. в 1480 г.) был назначен в дополнение к своей должности *вазиром* (*wazīr*) и *главным управляющим египетских провинций* (*kāshif al-kushshāf*). Через несколько месяцев, в 1469 г. Йашбек получил еще одну должность — *устадара*. Опыт объединения полномочий *давадара, устадара* и *вазира* в руках одного, наиболее авторитетного и влиятельного эмира, предпринятый Каитбеем, показал, что это действенный способ пополнить доходы казны и сократить ее расходы. А эта задача стала самой важной для правителя Султаната мамлюков в условиях растущей военной угрозы и финансового кризиса. Главный *давадар* в этот период получил возможность распоряжаться, или, по крайней мере, самым активным образом влиять на распределение основных доходов и расходов и личной казны султана, и казны государственной.

После смерти Каитбея практика совмещения должностей *давадара, устадара* и *вазира* приобрела устойчивый характер, а эмир, назначенный на эти должности, занял в мамлюкской военно-политической иерархии самую

высокую ступень после султана. На завершающем этапе правления Бурджитов *давадар* становится первым претендентом на мамлюкский трон.

Существенные изменения полномочий, функций и позиции главного «хранителя чернильницы» в *бурджитской* административной системе, отражали специфику структуры государственного управления в Султанате мамлюков, отличавшейся в этот период значительной подвижностью и способностью адаптироваться к новым экономическим и политическим реалиям.

*Каздагли Нежмедин (Высший институт языков,
Карфагенский университет, Тунис)*

Русская православная церковь в Тунисе и ее роль в тунисско-российских отношениях

Истоки русской православной общины в Тунисе. Как известно, русская православная община в Тунисе в течение всего XIX в. была малочисленной, как и русские интересы в этой стране были ограниченными. Несмотря на это, Россия имела в Тунисе своего консула из семьи Ниссен.

Несмотря на различия, которые существуют между русскими и греками в менталитете и в традиции, существует некоторое сходство между ними, особенно благодаря их общей принадлежности к христианскому миру и, в частности, к православию. Поэтому русские подданные в Тунисе поддерживали особую связь с греками, проживавшими в Тунисе в разное время, особенно по религиозным вопросам. Считалось, что Российский император является главным покровителем всех православных на территории Османской империи, в том числе и в Тунисском регентстве. Все эти факторы способствовали особому сближению между русской и греческой православными общинами. в Тунисе, как и в других провинциях Османской империи.

Что касается греческой православной общины в тунисском регентстве, то тунисский историк Хелифа Шатер приводит следующие данные: общее количество греко-православного населения в Тунисе в середине XIX в., а точнее в 1856 году составляло 1250 человек. То есть, греческая община занимала третье место по численности среди иностранцев в Тунисском регентстве, после мальтийцев и итальянцев¹. Греко-православная община в Тунисе пользовалась покровительством главным образом российского консула, поддержку ей также оказывали британский и французский консулы.

¹ Хелифа Шатер приводил следующие данные по поводу европейского населения в Тунисе в 1856 г.: -мальтийцы 70 000 чел., итальянцы 4000 чел., греки 1250 чел. См. Khelifa Chater; Dépendance et mutations précoloniales. La régence de Tunis de 1815 à 1857. Publications de l'Université de Tunis, 1984, p.588

Важно отметить, что в рамках разных русско-османских соглашений, которые были подписаны в XVIII–XIX вв., особое место занимал вопрос о защите прав и интересов христиан в Османской империи, в частности православных.

По словам российского историка Н. А. Жерлицыной, «Православное население Османской империи к середине XIX в. достигало 12–14 млн человек, и данный фактор, сочетая в себе элементы как конфессионального, так и политического характера, превратился в главное орудие воздействия Петербурга на султанское правительство»¹.

В это время в Тунисе были проведены большие политические реформы в 1857 и 1861 гг., которые утверждали в стране новые принципы свободы совести и отправления культа. Они также провозглашали уважение верований и обрядов разных религиозных общин. В этом контексте, тунисский бей Мухаммед ас-Садок (1859–1882) подарил местной православной общине в 1863 г. участок земли в столице для строительства церкви. Он также дал свое согласие, чтобы расширить территорию православного кладбища.

Этот акт доброй воли со стороны бея был воспринят русским императором как желание Туниса улучшить отношения с Россией, поскольку она покровительствовала православным народам, проживавшим в пределах Османской империи. И решение тунисского бея имело политическое значение для преодоления конфликта между Тунисом и Россией, вызванным Крымской войны (1853–1856 гг.), поскольку Тунис принял участие в той войне на стороне Османской войны.

Российский император Александр II (1855–1881) решил наградить тунисского бея Мухаммеда ас-Садока орденом Белого Орла в конце 1863 г. Консул Ниссен также получил российскую награду — орден Святого Станислава. В этом контексте, патриарх Александрийский Якус выразил благодарность тунисскому бейю в своем послании в 1865 г. за его доброе отношение к греко-православной общине Туниса².

Следует отметить, что тунисско-русские отношения продолжались в 60-е и 70-е годы XIX в. Русский консул Ниссен в Тунисе, сыграл особую роль для развития отношений между двумя странами. Он постоянно информировал министерство иностранных дел России обо всех важных событиях, которые происходили в Тунисе. Одновременно он отстаивал права русских подданных и интересы русского государства в Регентстве.

Тем не менее тунисско-русские отношения пережили сложный кризис и даже были прерваны во время русско-османской войны (1877–1878 гг.). Тунисское регентство объявило о поддержке позиции Османской империи

¹ Жерлицына Н. А., История российско-тунисских отношений: конец XVIII — начало XX вв. Диссертация кандидата исторических наук. Москва, 2005, с. 80

² Каздагли Н. «Дипломатическая переписка между Тунисом и Россией в 60-е годы XX века» // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 13. Вып. 3. СПб., 2010. С. 3–5/

в той войне. И отношения между Тунисом и Россией были восстановлены лишь после окончания войны в 1878 г.

Следует отметить, что Берлинский конгресс в 1878 г. принял важные решения для урегулирования военного конфликта между Россией и Османской империей с ее союзниками, в результате чего был подписан мирный договор. Наряду с этим были достигнуты некоторые договоренности, чтобы распределить сферы влияния между великими державами. Поэтому, Франция получила добро, «Карт-бланш», от главных держав присутствовавших в Берлине, чтобы продвинуть своей планы в Тунисе.

Это вызвало немало споров и конкуренции между Францией и другими европейскими государствами, прежде всего Италией, вокруг тунисского вопроса. Россия проводила «нейтральную политику» по этому вопросу, но как только Франция установила свой протекторат над Тунисом в 1881 г., она заявила о своем признании нового политического режима в стране. Спустя два года, в 1883 г. был провозглашен закон об установлении французской юрисдикции в Тунисе.

Россия, как и большая часть европейских государств, дала свое согласие на отмену консульского трибунала в Тунисе. И русские подданные, проживавшие в Тунисе, должны были подчиниться французской судебной системе в Тунисе. В то же время, в 1883 г. проявился кризис между православной общиной и французской общиной в Тунисе. Ситуация заключалась в том, что представители французской общины в Тунисе в 1883 г. попытались отнять часть земли православной общины в стране¹. Этот конфликт был решен только на правительственном уровне между Парижем и Петербургом.

Как вытекает из послания, в декабре 1883 г. представитель греческой общины в Тунисе, настоятель церкви Никифор Кантаса, который направил письмо министру иностранных дел России Н. К. Гирсу, чтобы поблагодарить его и информировать о том, что конфликтная ситуация разрешилась в пользу греческо-православной общины в Тунисе². Очевидно, что компромисс был достигнут без особых трудностей между религиозными общинами в Тунисе, поскольку это совпало с началом политического сближения между Францией и Россией в результате создания Тройственного союза в 1882 г. В то же время в донесении консула России в Тунисе от 19/31 декабря 1888 г. говорилось о награждении беём Туниса Али-пашой приходского священника православной церкви Туниса Н. Кантаса орденом «Ифтикар». Бей Туниса, хотел этим выразить «свидетельство своего уважения по отношению к православной вере»³.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 151, Политархив, Оп. 482, 1883 г., Д. 1464, Л. 11–12.

² АВПРИ Ф. 151, Политархив. Оп. 482, 1883 г. Д. 1464. Л. 11.

³ Там же. Л. 123.

Важно отметить, что установление французского протектората в Тунисе открыло новые перспективы для развития торговли между Россией и Тунисом в конце XIX в. В то же время российско-тунисские связи в военной области при протекторате имели особое значение во внешней политике Российской империи в западной части Средиземного моря. В таком контексте многие российские корабли заходили в Тунис, и их командиры получали аудиенцию у представителей французских и тунисских властей.

Несмотря на эти изменения в тунисско-русских отношениях, и при протекторате в конце XIX в русская православная община в Тунисе по-прежнему оставалась малочисленной. По данным французских архивов ее общая численность составляла в 1890 году всего 36 человек. По данным первой переписи иностранных общин в Тунисе от 1906 г., число русских в регентстве затем удвоилось и достигло 71 чел. Следует отметить, что во французских и тунисских документах не упоминается их происхождение, время и условия их пребывания в Тунисе.

Как известно, поражение России в войне с Японией, и первая русская революция 1905–1907 гг. привели к ухудшению политического и экономического положения России. Русское правительство пришло к выводу, что вести одновременно активную внешнюю политику в Европе, Средней Азии и на Дальнем Востоке невозможно. Политический выбор был сделан в пользу европейского направления. Так, в 1907 г. был заключен русско-английский договор, завершивший формирование Тройственного соглашения — Антанты.

Кожемяка С. И. (НИУ ВШЭ, Москва)

Образ евреев в отражении иракской прессы

В начале XX в. еврейская община Ирака была одной из крупнейших на Ближнем Востоке. Евреи стояли у истоков иракского банковского сектора, выходцы из общины создавали железнодорожную инфраструктуру страны, им покровительствовал первый король Ирака — Фейсал I. Однако, после его кончины, положение общины стало резко меняться в худшую сторону, евреи в Ираке превратились в угнетаемое меньшинство. Одной из политических причин такого положения евреев накануне Второй мировой войны была ориентация иракского короля Гази I на фашистские страны, которые в то время представлялись некоторым арабским националистам силой, альтернативной старым колониальным державам — прежде всего, Великобритании и Франции. После окончания войны иракские евреи были полностью выдвинуты из страны.

В настоящем исследовании основным источником по положению еврейской общины в Ираке накануне ее исхода из страны является иракская пресса. Ключевая задача — выяснить, каким был образ евреев в иракском обществе

в начале 1950-х годов по материалам иракских газет того времени и попытаться объяснить, какую роль СМИ могли сыграть в их исходе из Ирака.

В центре нашего внимания — архив¹ статей из иракских газет начала 1950-х годов, в которых в том или ином контексте упомянуты евреи. Содержащиеся в сборнике статьи имеют разную направленность: от коротких заметок до больших аналитических материалов. Доступ к сборнику статей был получен через сайт Иракского Еврейского Архива. Изучение данного источника позволило составить представление о риторике иракских изданий относительно еврейского сообщества. В работе также применялся и лингвистический анализ источника, благодаря чему удалось выявить наиболее яркие слова и образы, при помощи которых иракские публицисты описывали евреев и характеризовали их деятельность, а также уточнить их семантическое поле.

В ходе источниковедческого, историко-контекстуального и лексического анализа иракских газет мы пришли к следующим выводам. Во-первых, абсолютно во всех материалах использовались только негативные слова, выражения и образы, характеризующие национальные черты и характер деятельности евреев. Стремясь убедить читателя в том, что сосуществование с евреями невозможно, иракские СМИ не останавливались ни перед чем: они прибегали к подлогу, призывали бойкотировать еврейские товары, оправдывали применение насилия по отношению к еврейскому населению страны. Во-вторых, основное недовольство, судя по материалам этих газет, вызывала именно экономическая деятельность евреев, которая стала основным объектом нападков со стороны иракских публицистов. Это можно объяснить тем, что несмотря на усиливающиеся давление со стороны государственного аппарата и националистов, влияние еврейской общины на экономику страны было очень большим: 75 % компаний-импортеров принадлежали евреям, они контролировали примерно 50 % торговли импортными товарами, из 2430 компаний, зарегистрированных в Ираке—826 принадлежали евреям (из них 46 имели уставной капитал более 50000 динаров)². С целью подрыва экономического фундамента еврейской общины на страницах газет осуществлялась планомерная кампания по дискредитации и запугиванию еврейского населения, конечной целью которой было выдавливание диаспоры из Ирака.

Стремясь дискредитировать еврейское население, иракская пресса начала 1950-х годов создала резко негативный образ евреев и культивировала антисемитские настроения среди своих читателей. В риторике иракской прессы тех лет евреи изображались исключительно в качестве силы, глубоко враждебной арабскому миру и иракской государственности.

¹ Newspaper Clippings Regarding Various Issues Related to Jews in Iraq and Emigrating from Iraq. Iraqi Jewish Archive #2746: <https://ijarchive.org/content/2746>

² Moshe Gat. Britain and the Jewish community of Iraq, 1948–51: An aspect of British policy in the Middle East // *Immigrants & Minorities*, 8:3.1989. P.205.

Коровкина А. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Политическая сатира в народной культуре Алжира: карнавальное мироощущение и «перевернутый» мир

13 ноября 2015 г. Камель Лабйад, алжирский журналист, блоггер и графический дизайнер, опубликовал на своем Ютуб канале видеоролик «صاحب البرويطة», главным героем которого стал правящий президент Абдель Азиз Бутефлика¹. Это произведение — откровенная сатира на главу государства, которая приобрела чрезвычайную популярность среди алжирцев. Ролик посмотрели более 6 миллионов раз, а неологизм, придуманный автором для карикатурного изображения главного героя, стал нарицательным.

В докладе представлен детальный разбор видеоряда и сопутствующего ему закадрового текста, позволяющий сделать некоторые выводы.

Автор комплексно воздействует на все три модальности восприятия зрителя (визуальную, аудиальную и кинестетическую), объединить которые призван озвученный в этот момент фоновый текст. Язык текста — литературный арабский в сочетании с емкими, эмоционально маркированными выражениями из алжирского диалекта. Диглоссия в данном случае — отражение культурной повседневности Магриба и в то же время троп, служащий комическим целям.

Л. С. Выготский называет главным признаком искусства катарсис, «аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке...находит свое уничтожение»² — феномен, встречающийся в произведении К. Лабйада повсюду, начиная с названия видеоролика (оксюморон), заканчивая намеренным превращением реального прототипа в фантастическую фигуру шута, трикстера, сакрального глупца, в Магрибе именуемого «بو هالي»³. В какой-то момент происходит резкий переход от условно реального режима воспроизведения видео в формат фантастического карикатурного мира, от иронии к фарсу. Протагонист постоянно балансирует на грани реальности и вымысла, что очень характерно для фарса, поскольку его «герои...нарушают социально-физиологические нормы общественной жизни»⁴.

Представляется, что К. Лабйад оформляет свою идею в форме своеобразной карикатуры, поскольку «неправдоподобным положением карикатура

¹ Labiad K. Šāhib al-barwīta. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X-vkHxndUQE> (дата обращения 27.01.2021).

² Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. С. 269.

³ Mernissi F. Doing Daily Battle: Interviews with Moroccan Women. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1989. P. 220; Būhālī // Mu'adjam. URL: <https://ar.mo3jam.com/term/بو هالي> (дата обращения 27.01.2021).

⁴ Волькенштейн В. М. Драматургия. Метод исследования драматургических произведений. М.: Новая Москва, 1923. С. 156. Цит. по: Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. С. 291.

выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием»¹.

Настоящее произведение построено на трех основных принципах карнавального мироощущения: его предмет — «злободневная современность», оно опирается на «свободный вымысел», ее характеризует «нарочитая многостильность и многотонность»². Это попытка представить самого могущественного человека в стране в роли немощного дурака, что возможно только в условиях карнавального «вольного фамильярного контакта между людьми»³. Такое действие М. М. Бахтин относит к категории «шутовского увенчания и последующего развенчания карнавального короля»⁴.

К. Лабйад широко применяет семантическую реверсию. В реальности президент на момент создания ролика обладает всей полнотой власти, а в ролике вся власть передается народу, потому что именно народ над ним смеется. Как верно отмечает В. Я. Пропп, «смех есть орудие уничтожения: он уничтожает мнимый авторитет и мнимое величие тех, кто подвергается насмешке»⁵. Очевидно, что такое ритуальное убийство в условиях высокой социальной напряженности и отсутствия реальных перспектив перемен, необходимо как широким слоям населения, так и самому автору, поэтому можно заключить, что юмор в данном случае служит «стабилизирующей силой общества»⁶ и способствует скорее сохранению существующей модели политической жизни, нежели ее разрушению.⁷

Кривошеева М. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Муташайтина на страницах ближневосточных СМИ (на примере Ливана, Сирии и Египта)

В XXI в. средства массовой информации являются неотъемлемой частью жизни каждого человека, и многие стараются начинать свой день с просмотра новостей, чтения газет или прослушивания радио, чтобы быть в курсе всех событий, которые происходят не только в определенной стране, но и в мире. Цель

¹ Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 68–69.

² Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. С. 122–123.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 140.

⁵ Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. С. 40.

⁶ Дмитриев А. В. Социология политического юмора: Очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 78.

⁷ Там же. С. 77.

подобных СМИ заключается не только в продвижении культуры в массы, но и в отражении тех проблем, с которыми сталкивается арабский мир ежедневно. Тем не менее, остается некоторый пласт малообразованных людей, для которых язык СМИ также должен быть понятен, поэтому сегодня, хотя и изредка, в статьях журналистов в различных интерпретациях, обычно в качестве аналогий, можно встретить некоторых персонажей сказок и мифов, которые известны практически каждому арабу с детства, в том числе — демоны-*муташийтина*.

Этот термин был заимствован из космографии Закарии аль-Казвини «Китаб ‘Аджа’иб аль-махлукат ва гара’иб аль-мауджудат» (ар. «Чудеса творений и диковинки существующего»)¹; для дополнительной информации также активно был задействован биологический справочник Камаль ад-Дина ад-Даамири «Хайат аль-Хайаван аль-Кубра» (ар. «Великая жизнь животных»)².

Закария аль-Казвини выделяет новый неканонический класс существ, который является чем-то средним между *джиннами* и *шайтанами*, и называет его «*муташийтина*», включая в него шесть необычных существ: *гуль*, *си’ля*, *шикк*, *гаддар*, *дилхас* и *музхаб*. Каждое из них обладает своими отличительными чертами, которые отчасти находят свое отражение в природе *джиннов* и *шайтанов*, повадками и способностями, происхождением и внешним видом, например, *гуль* и *си’ля* способны изменять свое уродливое обличие на вполне приемлемое человеческому взгляду. Большинство из перечисленных существ преследует определенную цель — всячески навредить человеку, а в отдельных случаях и убить его³.

В трактате Закарии аль-Казвини представлено общее описание шести указанных существ, а в труде Камаль ад-Дина ад-Даамири можно обнаружить и более детальные истории, связанные с некоторыми из них.

Настоящие образы пережили много столетий и «живы» по сей день, встречаясь не только в фольклоре, поэзии, богословской литературе или фетвах, но и на страницах ближневосточных СМИ. При первичном ознакомлении с арабской публицистикой можно обнаружить, что образы некоторых существ демонического характера ярко проецируются на проблемы, которые можно наблюдать в заявленных странах — коррупция, тирания. Перекладывая на образы существующие проблемы в странах, авторы материалов хотят донести, что сегодня государство пугает народ точно также, как когда-то старшее поколение пугало сказками про данных существ своих отпрысков. Причины

¹ Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie / Her. F. Wüstenfeld. In 2 Theiler. Erster Theil. Die Wunder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848.

² Камаль ад-Дин Ад-Даамири. Хайат аль-Хайаван аль-Кубра (Великая жизнь животных). URL: <http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf> (дата обращения: 28.01.2021).

³ Кривошеева М. В., Матросов В. А. Между джинн и шайатин: недосказанное // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2. С. 96–108.

этого кроются в социально-экономических, политических и идеологических проблемах арабских стран. Конечно, настоящие существа используются и в текстах статей на культурную тематику.

Цель исследования — проследить все ли существа имеют место быть сегодня в статьях, а также насколько изменились их значения и восприятие в зависимости от источника (труды средневековых ученых против современных СМИ). В качестве примера в докладе анализируются СМИ наиболее светских стран арабского мира — Ливана, Сирии и Египта.

В ходе доклада будет дана оценка степени «вовлеченности» в тексты медиа-сферы того или иного существа, а также область применения их образов и основные ассоциативные ряды, с ними связанные.

Крылов А. В. (МГИМО, Москва)

«Православный Палестинский сборник (1881–1914 гг.) — бесценный источник по истории стран Восточного Средиземноморья и христианского мира»¹

Основатель и руководитель Императорского Православного Палестинского Общества В. Н. Хитрово считал научную и издательскую работу основной деятельностью ИППО. Еще за год до учреждения Общества по инициативе и на личные средства В. Н. Хитрово был отпечатан первый выпуск Православного палестинского сборника (ППС). Первостепенное внимание ИППО уделяло работе по поиску, анализу, переводу и научному комментированию древних рукописей, найденных в Палестине. Для поиска рукописей на средства Общества в Палестину и на Синай были командированы известные отечественные византилисты А. А. Васильев, князь И. А. Джавахов, магистр всеобщей истории Санкт-Петербургского университета П. В. Безобразов, проф. этого же университета А. А. Цагарели, востоковед Н. Я. Марр (акад. АН СССР) и др.

Одним из первых в 1845 г. рукописи и иконы Синайского монастыря Св. Екатерины стал изучать будущий глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. Порфирий (Успенский), обнаруживший первые страницы Синайского кодекса, датированного IV в. н. э.² В 1870 г. в библиотеке этого монастыря работал архимандрит Антонин (Капустин), который составил полный каталог

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ и ИППО, грант № 21–014–41001.

² Порфирий (Успенский). Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г., СПб., 1856; Иконы Синайской и Афонской коллекций преосв. Порфирия, издаваемые лично им изготовленных 23 таблицах. Объясн. текст Н. П. Кондакова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902.

1348 греческих рукописей и 38 славянских манускриптов X в. Часть славянских текстов была подарена о. Антонину и привезена им в Россию.

Экспедиция А. А. Цагарели обнаружила в Синайском монастыре 71 рукопись на грузинском языке, из них 4 на папирусе считаются самыми древними памятниками грузинской письменности. Всего в греческих монастырях Синая и Палестины было найдено 138 рукописей. По заданию ИППО русский византист, почетный член Санкт-Петербургской духовной Академии А. П. Пападопуло-Керамевс описал 1900 греческих рукописей, хранящихся в библиотеке греческой иерусалимской Патриархии¹.

В работу по научному изучению древних рукописей включилась целая плеяда выдающихся русских ученых: академики В. Г. Васильевский, В. В. Латышев, Н. Я. Марр, Л. Н. Майков, С. Ф. Ольденбург, знаменитые историки и филологи Н. П. Барсуков, Г. С. Дестунис, Х. М. Лопарев, Н. А. Медников, А. И. Пападопуло-Керамевс, А. А. Олесницкий, М. А. Вeneвитинов, И. В. Помяловский, П. В. Безобразов, П. А. Сырку и др.

Значительная часть материалов ППС – описания Палестины с ее Святыми местами и других районов Восточного Средиземноморья, составленные паломниками, в том числе 12 рукописей, авторами которых являются богомольцы из Руси допетровского времени. В Палестинских сборниках также было опубликовано 11 греческих и 4 латинских описания хождений паломников на Святую землю. К числу выдающихся произведений древнерусской литературы по праву относится труд «Житие и хождения игумена Даниила» (начало XII в.), содержащий не только описание христианских религиозных святынь в Палестине, но и интереснейшие сведения географического и этнографического характера.² Среди памятников древнерусской паломнической литературы выделяется также издание дневников киевского паломника Василия Григоровича-Барского, странствовавшего в течение 24 лет. В первой половине XVIII в. он обошел пешком почти всю Малую Азию, многие страны Западной и Восточной Европы, Сирию, Ливан, Палестину, Синайский полуостров и Египет. На протяжении долгих лет вел дневники, где с фотографической точностью отмечал все, что доводилось увидеть и услышать. По заданию ИППО заведующий архивом министерства народного просвещения, историк Н. П. Барсуков подготовил к печати грандиозный труд Григоровича-Барского, составивший около 80 печатных листов³.

¹ Столетие Российского палестинского общества // Палестинский сборник. 1986. Вып. 28(91). С. 7.

² Житие и хождение Даниила. Русские земли игумена. 1106—1108 // Православный палестинский сборник. СПб., 1883. Т. 1. Вып. 3 (часть 1); 1885. Т. 3. Вып. 9 (часть 2).

³ Странствия Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Издание Православного палестинского общества по подлинной рукописи под ред. Н. Барсукова. СПб., 1885–887. Ч. I–IV.

Помимо описания «хождений», которые составлялись паломниками на греческом, латинском, славянском, сербском и армянском языках, в ППС публиковались блестящие научные труды по истории, археологии, этнографии и даже – медицине. Так, библейской археологии посвящены монографии А. А. Олесницкого «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» и «Мегалитические памятники Святой Земли»¹. В 1896 г. вышло в свет исследование Епископа Феодосия (в миру П. Н. Олтаржевский) «Палестинское монашество с IV до VI века»². В 1890 г. ИППО поручило русскому врачу Д. Ф. Решетилло изучить причины возникновения эпидемий малярии, которая была настоящим бичом для жителей Палестины на рубеже прошлого и начала нынешнего столетий. Результаты медицинских исследований Д. Ф. Решетилло были изданы в 25-м выпуске Православного палестинского сборника³. В 1889 г. в ППС был опубликован очерк русского посла в Сирии К. Д. Петковича «Ансарии», посвященный истории и религии сирийской эклектической секты⁴. Сохраняет свою актуальность монография приват-доцента Санкт-Петербургского университета П. А. Сырку «Описание Турецкой империи между 1670–1686 гг.»⁵

Особо следует выделить капитальный труд в 4-х томах проф. Санкт-Петербургского университета Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам»⁶. Эта монография сразу после выхода в свет получила международное признание и до сих пор остается непревзойденным фундаментальным трудом по истории арабского халифата в раннее средневековье. Действительный и пожизненный член ИППО Н. А. Медников в течение 15 лет собирал и изучал средневековые тексты Ибн-Исхака, Ибн-Хишама, Аль-Вакиди, Аль-Белазури, Аль-Якуби, Ат-Табари и др. знаменитых арабских путешественников VII–XI вв., содер-

¹ Олесницкий А. А. Ветхозаветный храм в Иерусалиме // Православный палестинский сборник. СПб. Т. V. Вып. I, 1889; Олесницкий А. А. Мегалитические памятники Святой Земли // Православный палестинский сборник. СПб., Вып. 41, 1895.

² Олтаржевский П. Н. Палестинское монашество с IV до VI века // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Вып. 44

³ Решетилло Д. Ф. Болотные лихорадки в Палестине. Исследование причин и определение микроорганизмов болотных лихорадок // Православный палестинский сборник. СПб., 1891. Т. 9. Вып. 25.

⁴ Петкович К. Д. Ансарии (Нусейриэ) и их религиозные верования // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 20.

⁵ Сырку П. А. Описание Турецкой империи между 1670–1686 гг. // Православный палестинский сборник. СПб., 1890. Вып. 30.

⁶ Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам // Православный палестинский сборник. СПб., 1903. Т. 17. Вып. 50. Ч. I–IV.

жащие наиболее достоверные сообщения о Палестине, Сирии, Ливане и Египте. Этот титанический труд Н. А. Медникова акад. И. Ю. Крачковский назвал «предметом гордости для всех русских ученых»¹.

Всего с 1881 по 1917 гг. было издано 63 выпуска ППС. В 1954 г. издание было возобновлено Российским палестинским обществом под названием «Палестинский сборник», и только после распада СССР в 1993 г. это уникальное издание вновь увидело свет под своим первоначальным названием.

Куделин А. А. (РУДН, Москва)

Арабские хроники как источник по истории Османского Египта XVII–XVIII вв.

Историографическая традиция делит арабо-османские хроники на две категории по признаку социальной принадлежности их авторов: выделяются «улемские хроники», написанные «людьми пера», *‘улама*, и «военные летописи», авторами которых были «люди меча».

Раскрыть особенности данных категорий хроник можно на примере трех сочинений, написанных во второй половине XVII — первой половине XVIII в., — летописных сводов Ахмада Шалаби, Ахмада ад-Дамирдаши и Йусуфа ал-Маллавани.

Произведение Ахмада Шалаби ибн ‘Абд ал-Гани ал-Ханафи ал-Мисри «Ясные указания и разъяснения относительно тех, кто полновластно правил в стольном городе Каире из числа вазиров и пашей [до 1150/1737г.]» представляет собой классический пример «улемской хроники». Ахмад Шалаби родился в Египте в последней четверти XVII в., получил образование в ал-Азхаре, принадлежал к ханафитскому *мазхабу* и интересовался суфизмом.

К «военному» типу летописных сочинений относится хроника Ахмада Катходы ‘Азабан ад-Дамирдаши «Сбереженные жемчуга из истории Египта». Об Ахмаде ад-Дамирдаши не сохранилось практически никаких биографических сведений. Точно неизвестно, являлся ли автор *катхой* в оджаке ‘азабов, как свидетельствует его имя, или просто его рядовым членом, однако его связь с этим османским военным корпусом не подвергается сомнению. Хроника ад-Дамирдаши охватывает события 1688–1756 гг.

Хроника, принадлежащая перу Йусуфа ал-Маллавани, «Подарок друзьям [со сведениями] о тех, кто правил Египтом из царей и наместников», представляет собой редкий случай комбинации в одном сочинении черт «улемской» и «военной» летописи. Текст хроники, принадлежащий перу ал-Маллавани,

¹ Крачковский И. Ю. Памяти Н. А. Медникова. Избр. соч. М–Л. Т. V. С. 202.

доведен до 1719 г., когда автор скончался. Его ученик и друг, Муртада-бей ибн Мустафа-бей ибн Хасан-бей ал-Курди ад-Димашки, продолжил хронику своего учителя, доведя ее до 1724 г.

В хронике Ахмада Шалаби большая часть упоминаемых событий датирована и за редкими исключениями располагается в хронологической последовательности. Кроме того, этот хронист часто давал оценку описываемым событиям и указывал на источники, из которых он получил те или иные сведения. Таким образом, хроника Шалаби представляет собой серьезный и кропотливый труд, написанию которого египетский 'алим, вероятно, посвятил значительную часть своей жизни.

Что касается Ахмада ад-Дамирдаши, то он демонстрирует несколько другой подход к историческим фактам. Он редко дает точную датировку событий и обычно отмечает лишь годы правления османских пашей Египта. В отличие от Шалаби, ад-Дамирдаши гораздо больше внимания уделяет занимательности своего повествования. Его хроника включает в себя много диалогов действующих лиц и беллитризованные вставки. В хронике ад-Дамирдаши мало заметна склонность ее автора к компилированию, к которому широко прибегали многие летописцы того времени, хотя, конечно, он мог обращаться к более ранним сочинениям для написания своего труда.

Третий памятник — хроника Йусуфа ал-Маллавани — представляет собой в определенной степени уникальное явление для египетского летописания османского периода. Это сочинение имело двух авторов — ал-Маллавани и его ученика Муртада-бея. При этом следует заметить, что части источника, написанные разными авторами, существенно различаются по стилю повествования. Главы, написанные Йусуфом ал-Маллавани, стилистически и содержательно близки к «улемским» хроникам. Что касается окончания хроники, написанного Муртада-беем, то в нем повествование приобретает более свободный характер — не всегда описываемые события датированы, хронологическая очередность иногда нарушается. Таким образом, данное сочинение является источником, большая часть которого по манере подачи материала тяготеет к «улемским» летописям, а небольшая по объему заключительная часть, написанная другим автором, стилистически близка к «военным» хроникам.

Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Спор Кроун и Сёрджента: чем торговали курайшиты? (К вопросу о возникновении «мекканской торговли»)

История «мекканской торговли» затрагивает фактически все сферы жизни доисламской Аравии. Причины ее возникновения и специфику я попытался

изложить в статье посвященной возникновению ислама и роли аравийской торговли в этом процессе¹.

Один из сюжетов, вскользь упомянутый в вышеупомянутой статье, касается вопроса идентификации одного из ключевых товаров, которые легли в основу «мекканской торговли» с Византией, а именно — *суйāб*. Интерпретация этого, на первый взгляд, простого термина вызвала горячую дискуссию двух крупнейших специалистов в данной области — Патришии Кроун и Роберта Серджента. Одним из объектов спора стала интерпретация сообщения Ибн Хабиба² о поездке Хашима (основателя-эпонима рода Хашимитов, из которого происходил Мухаммад) в Сирию и его встрече с «императором», где они договорились о торговых привилегиях для мекканцев, что, по преданию, и привело к созданию новой формы торговли, известной как *шāф*.

Вот прямая речь Хашима:

«О, царь! У меня есть народ, который является торговцами у арабов. Если ты сочтешь нужным дать им грамоту, гарантирующую безопасность им и их товарам, то они доставят тебе лучшие кожи (*адам*) и *суйāб* из Хиджаза... и это будет дешевле для вас»³.

Итак, один из главных товаров, которым торговали курайшиты, обозначен словом *суйāб*. Серджент в своей рецензии на книгу Кроун «Мекканская торговля» указывает, что *суйāб* — это не «clothing», а «cloth», т.е. не «одежда», а «ткань»; кроме того — не из шерсти (в интерпретации Кроун это «woolens» — «шерстяные одежды») [Serjeant 1990: 475]. Оба утверждения представляются сомнительными.

1. Стандартное значение слова *суйāб* в современном арабском языке — «одежды» (мн. ч. от *сауб* — одежда). Классические словари (напр., Lane: I, 362b)⁴ дают оба значения — и «одежда» (чаще всего), обычно верхняя, простого покроя, и «кусок ткани» (редко); причем все приведенные Лейном многочисленные примеры, включая коранические, дают только значение «одежда». Вероятно, первоначально слово обозначало и кусок ткани (производимый на ручном ткацком станке), из которого делают одежду, и саму эту одежду (типа плаща или *галябии*). В дальнейшем сохранилось только второе значение, а для

¹ Матвеев А. С. Трансаравийская торговля и миссия Мухаммада: О причинах возникновения ислама и государства в Аравии // Арабские маршруты в азиатском контексте. *Arabian Routes in the Asian Context*. СПб.: МАЭРАН, 2016. С. 445–516.

² Ibn Ḥabīb, *al-Munammaq*. Ибн Хабиб цитирует знатоков мусульманского предания и ранней мусульманской истории — Ибн ал-Калби (ок. 737–819 или 821) и его отца Мухаммада ал-Калби (ок. 685–763).

³ Ibn Ḥabīb, *al-Munammaq*: 32.

⁴ См. также: Лисāн ал-‘араб; ал-Мухйтал-Файрузабади [Al-Fayrūzābādī 1986: 82]; Словарь поэтов племени ‘Абс [Полосин 1995: 75]; Этимологический словарь древнеарабской лексики [Белова 2012: 115–116].

обозначения ткани стали использовать другие термины, указывающие на конкретный тип ткани. Вероятно, мекканцы торговали все же не кусками ткани, а одеждой простого покроя, изготовленной из этой ткани.

2. *Материал*. Едва ли в Хиджазе во времена Мухаммада производили иную одежду, кроме шерстяной (хлопок появится позже, поставки египетского льна и тем более шелка были незначительны). Кроме того, для обозначения одежды из тонких, в том числе шелковых тканей существовали специальные термины. Впрочем, некоторые виды одежды, в т.ч. поставляемые в Византию, могли изготавливаться и из кожи.

Однако по мнению Сёрджента, Хашим предлагает поставлять «what is deemed choice/ rare of the leather and cloth (*thiyāb*) of the Hidjaz» [Serjeant 1990: 475]. Если учесть, что перед этим Сёрджент говорит об импорте в район Мекки дорогих йеменских тканей, включая шелковые, то в результате *сийā-биз* Хиджаза превращается у него в... импортные тонкие ткани. Смысл этих манипуляций понятен: Сёрджент пытается доказать, что мекканская торговля была продолжением древней торговли благовониями и предметами роскоши, включая шелк. Однако, как мы видим, сами источники *никаких* оснований для подобной интерпретации не содержат.

По всей вероятности, Хашиму действительно удалось договориться с византийскими властями в Босре о поставках аравийских товаров, в первую очередь для обеспечения расквартированных в пограничных крепостях войск, нуждавшихся в коже и верхней одежде (вероятно, грубошерстные плащи), а также в таких ценных продуктах питания, как топленое масло (*самн*) и домашний сыр (*ақит*), которые упоминаются в других источниках. Численность пограничных войск была довольно значительной, а потому ближайшие соседи-кочевники не могли в полной мере обеспечить их продуктами животноводства, что и вызвало необходимость поставок с более отдаленных территорий, организацию которых через *шлэф* и взяли на себя мекканцы.

Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Сказка о короле. Образ Идриса ас-Сануси в ливийском информационном пространстве

Мухаммад Идрис ас-Сануси был одним из наиболее сложных, «многогранных» арабских лидеров XX в. На годы его жизни (1890–1983) пришлось большинство событий, определивших само существование современной Ливии; более того, во многих из них он принял непосредственное участие, будучи шейхом суфийского тариката, эмиром, королем, став символом единства ливийской нации, сыграв роль основного связующего элемента между

местными племенами и представителями европейских государств, в первую очередь, Британии.

Деятельность короля Идриса оказалась настолько неоднозначна, что ее оценки вызывают на фоне современного хаоса в Ливии ожесточенные споры, причем вне зависимости от формата (печатная литература, статьи в интернете, посты и комментарии к ним в социальных сетях), тот или иной взгляд на его личность определяет целый набор почти мифологических по своей природе элементов, сюжетов, многие из которых носят весьма клишированный характер. Повествование настроенных по отношению к Идрису ас-Сануси авторов напоминает мерный, плавный ход народных былин, начинается с привычного «И был день его рождения днем великой радости для всех последователей тариката Санусийа», тогда как противники признания позитивной роли короля обычно почти сразу переходят к политической деятельности, предательству родных и шпионажу в пользу британского правительства.

Массовое распространение интернета, безусловно, внесло свою лепту: обнародовать материалы, которые сложно проверить (и, соответственно, признать или не признать подлинными) стало намного проще с использованием соцсетей, как и добывать информацию, порой отрывочную или потерявшую контекст, определявший ее полное содержание. В результате, «биография» короля Идриса со стороны обоих полюсов противоречий год от года пополняется новыми фактами, делая его то основателем современной исламской экономики и первым, кто велел банкам отказаться от процента, то кровавым тираном, едва ли не каждый месяц громившим студенческие выступления.

В данном докладе будет освещена попытка представить общие тенденции, которыми в последние годы характеризуется восприятие Идриса ас-Сануси и эпохи его активной деятельности, а также те два почти мифических образа, которые формируются в ходе споров вокруг его вклада в развитие Ливии.

Микульский Д. В. (ИВ РАН, Москва)

Рассказы (новеллы) в структуре текста *Хадийят аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва-л-Йаман* ал-‘Абдали (первая половина XX в.)

Одной из наиболее примечательных личностей культурного ландшафта Южного Йемена конца XIX — первой половины XX в. был Ахмад Фадл ал-‘Абдали (1881–1943). Близкий родственник султанской династии, правившей в исторической области Лахдж, Ахмад Фадл получил известность как стихотворец, музыкант, публицист, садовод-любитель и военачальник.

Особое место в его наследии занимает историческое сочинение *Хадийат аз-заман фи мулук Лахдж ва-л-Йаман* (впервые было издано в 1351 (1932–1933) г.х. в Каире; автор этих строк обладает бейрутским репринтом 1980 г.¹) Труд этот посвящен истории родных для ал-‘Абдали земель Южного Йемена — с древнейших легендарных времен до начала 1930-х гг.

Нами была подробно исследована начальная часть этого исторического сочинения, которая обнимает «Введение» (*Фатихат ал-китаб*), а также главы с первой по шестую (всего же в труде ал-‘Абдали насчитывается девятнадцать глав, именуемых по-арабски *фусул*). Начало каждой главы отмечено заглавием, например, *ал-Фасл ас-салис* (Глава третья). За заглавием следует конспективное изложение содержания данной главы. Полагаю, что подобная рубрикация текста была заимствована Ахмадом Фадлом ал-‘Абдали у английских авторов, с работами которых он был знаком (известно, что автор-составитель *Хадийат аз-заман*... владел английским языком).

В ходе исследования памятника нами было установлено, что изученная часть его текста состоит из элементов следующего характера.

Пассажи «от автора».

Такие единицы текста, в свою очередь, подразделяются на следующие тематические категории:

- а). обращения к читателю;
 - б). характеристика упоминаемых географических и топографических пунктов;
 - в). объяснение географических, этнических и прочих наименований;
 - г). исторические экскурсии;
 - д). характеристика племенных, клановых и региональных сообществ;
 - е). пассажи, содержащие сведения о хозяйственной жизни Лахджа и Адена.
2. Цитаты из арабских исторических и географических сочинений.
 3. Цитаты из западных (в том числе, античных) исторических сочинений.
 4. Стихотворные цитаты.

Среди элементов, составляющих текст изучаемого памятника, бросаются в глаза немногочисленные рассказы (*хикайат*). Пассажей такой жанровой принадлежности насчитывается всего четыре:

- тщетное соблазнение праведника из лахджийской деревни ар-Ра‘ра‘ некоей красавицей;
- двое аденских богачей соревнуются, набавляя цену, желая купить козла (его мясом каждый из них хотел бы пообедать);

¹ *Хадийат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва ‘Адан*. Та’лиф Ахмад Фадл б. ‘Али Мухсин ал-‘Абдали. Ат-Таб‘а ал-ула 1351. Ат-Таб‘а ас-санийя 1400 х — 1980 м. Бейрут, Дар ал-‘ауда, [1980].

- некий владетель богато одаривает одного аденского стихотворца за сочиненную в его честь касиду, а после защищает поэта от гнева другого государя;
- лахджийский султан бескровно отражает набег соседей на одну из тучных нив в своих владениях.

Из сказанного ясно, что исследованная часть *Хадиййат аз-заман*... составлена, по преимуществу, в манере, характерной для традиционных арабских исторических сочинений. Хотя она отличается невысокой степенью беллетристики, читается с большим интересом и весьма информативна. Содержащиеся в ней рассказы служат достойным украшением текста.

Мишина З. К. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Парижская и софийская рукописи о налоговой системе средневекового Ирака

Налогообложение — одна из важнейших государственных функций, неотъемлемая часть социально-экономических отношений в обществе. Ни одно из известных в настоящее время государств не могло существовать и успешно функционировать без налоговых механизмов. Поэтому посредством исследования принципов налоговой системы Аббасидского халифата (750–1258) можно более детально представить, каким в действительности было данное средневековое государство.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы, в рамках своих изысканий отечественные и зарубежные исследователи, изучающие социально-экономические процессы в средневековом обществе, обходят стороной более узкую проблематику, связанную с системой налогообложения в Халифате. Кроме того, источниковая база, описывающая принципы налогообложения Аббасидского халифата, достаточно ограничена. Так, информация об общем объеме налоговых поступлений в бюджет Халифата в VIII–XIII вв. от собранных на иракской территории налогов, а также составных его частей по-прежнему остается неполной и фрагментарной. В связи с этим особый интерес представляют средневековые памятники, освящающие отдельные элементы налоговой системы государства Аббасидов, а также ее особенности.

Детальная информация о налоговой системе домонгольского Ирака встречается в двух документах, представляющих собой списки средневековых рукописей. В них описывается ряд характерных черт и базовых принципов системы налогообложения на указанных территориях. Первый из них, анонимный источник, хранящийся в Национальной библиотеке им. святых Кирилла и Мефодия (Ог. 1692) и озаглавленный как *Кита́бал-Виза́рат* (كتاب الوزارات), представляет собой кодекс, составленный на арабском языке. Точно датировать рукопись

не представляется возможным в связи с тем, что изложение материала в ней не выстроено в каком-либо хронологическом порядке. Время создания *Kitāb-bal-Visārāt* можно установить исключительно в свете хаотично разбросанных по всему труду исторических фактов, описанных средневековым чиновником.

Информация, представленная в документе, очень разнообразна. Так, в рамках повествования описываются базовые принципы налогообложения средневекового Ирака, объемы государственных доходов, а также комплекс экономических реформ, увидевших свет в период правления династии Аббасидов.

Согласно французскому востоковеду К. Каэну¹, рукопись *Kitāb al-Ḥāwī li-l-a'māl as-sulṭānīya wa rusūm al-ḫisāb ad-dīwānīya* (كتاب الحاوی للامال السلطانية ورسوم الحساب الديوانية), хранящаяся в Национальной библиотеке Франции (Arabe 2462), дошла до наших дней не полностью: из трех частей сохранилось две. Исследователь выдвинул предположение, что повествование первой части сочинения сосредотачивалось вокруг сведений исключительно математического характера. Вероятно, утраченный фрагмент не освещал вопросы, связанные с фискальной политикой в средневековом Ираке. Во второй и третьей частях *Kitāb-bal-Ḥāwī* описываются особенности налоговой системы средневекового Ирака в эпоху Аббасидов, в частности, ставки отдельных сборов и пошлин, порядок их взимания, а также принципы планиметрии.

Утрата первой части *Kitāb al-Ḥāwī* не позволяет с уверенностью установить авторство, обстоятельства и точное время создания данной работы. На основе косвенных свидетельств можно предположить, что оригинал был составлен во второй четверти XI в. Абū 'Абдаллāхом Аḫмадом б. Ḥусайном ал-'Аққāқом. Сохранившийся список датирован 1332–1333 гг.

Необходимо отметить, что отдельные фрагменты *Kitāb al-Visārāt* очень близки к тексту рукописи *Kitāb al-Ḥāwī*. Не исключено, что упомянутые списки восходят к одному средневековому сочинению². Однако данный вопрос требует более детального изучения.

Натальченко А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Ливанские художники в России в XX — нач. XXI вв.

СССР оказал большую поддержку бывшим колониями Арабского мира в период образования и становления молодых государств, в числе которых

¹ Cahen C. Documents relatifs à quelques techniques iraqiennes au début du onzième siècle // *Ars Islamica*, 15/16. P. 23–28.

² Большаков О. Г. Метрологические заметки // *Письменные памятники Востока*. 2010. 1 (12). С. 153–184.

был Ливан. Страны выстраивали дипломатические отношения, неотъемлемой частью этого процесса было развитие культурных связей.

Цель доклада: проанализировать два периода развития современного искусства Ливана (период становления национального искусства и его расцвета) на примере творчества мастеров, выставившихся в СССР в XX в. и в России в XXI в. Анализ осуществлялся на материале выставочных каталогов, научных статей, энциклопедии Матхафа: музея современного искусства, официальных сайтов, посвященных художникам. Также использовались теоретические исследования современного ливанского искусства (статьи Сары Роджерс и К. Ямин)¹. Методологической базой исследования стали исторические и искусствоведческие методы.

Первый раз советская публика познакомилась с ливанским искусством в 1957 г. на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Были выставлены работы трех мастеров: Симоны Бальтаксе (1925–2009), Жакуба Мануеля и Назима Ирани (1930). Они представляют поколение творцов, наследие которых характеризуется развитием национального искусства. Бытовой жанр и образы крестьян стали основой сюжетов их полотен. В СССР ведущим жанром был социалистический реализм, чем объясняется значимость тенденции этого жанра в работах арабских художников.

В том же году была организована еще одна выставка, посвященная искусству Ливана. Экспозиция, организованная Союзом художников СССР, представляла работы известных художников-абстракционистов (Сезар Жмайель (1898–1958), Омар Онси (1901–1969) и др.). Культурному обмену двух стран и стремлению СССР иметь влияние на ливанское искусство помешал кризис 1958 г.

Следующая выставка была проведена в 1972 г. в Армении. Она была посвящена творчеству мастера армянского происхождения Поля Гирагосяна (1926–1993) и прошла в галерее «Союз художников Армении». В середине 1960-х г. он стал одним из самых знаменитых художников в Ливане. Наряду с портретами и пейзажами, мастер также отражал в своих работах тему армянской жизни.

¹ Матхаф: Энциклопедия современного искусства и Арабского мира // Матхаф: Арабский музей современного искусства. Доха, Катар. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encyclopedia.mathaf.org.qa/en/Pages/default.aspx>; Дарский Э. Н., Прокофьев О. С. Искусство Объединенной Арабской Республики, Ливана, Туниса, Судана, Индии, Цейлона, Индонезии, Камбоджи, Австралии, Н. Зеландии и Мадагаскара. М: Искусство. 1959. С. 20–22; Nefedova O. Arab Artists of the Mediterranean World: the Early History of Art Education for Artists from Syria, Lebanon and Algeria in the USSR in the 1950s, 60s, and 70s.//Mediterranean Mosaic: History and Art. Bk. 6. ICSR Mediterranean Knowledge, 2019. P. 93–115; Nefedova O. Art and Artists Crossing Borders: Untold Stories of the First Iraqi Art Exhibition in the USSR.//Stedelijk Studies. 2019. No. 9. P. 1–16; Rogers S. Producing the Local: The Visual Arts in Beirut // Middle East Studies Association of North America (MESA). 2008. Vol. 42, No. ½. P. 19–25; Rogers Sa. Daoud corm, cosmopolitan nationalism, and the origins of lebanese modern art // The Arab Studies Journal. 2010. P. 46–77; Ямин К. Две эпохи возрождения искусства Ливана // Вестник МГУП им. Ивана Федорова. М., 2013. С. 182–187.

Вместе с другими художниками (Рафик Шараф (1932–2003), Амин Эль-Баша (1935–2019) и др.) он представляет период расцвета ливанского искусства до гражданской войны 1975–1997 гг.

Последняя выставка ливанского художника прошла в Москве в 2016 г. и была посвящена творчеству Джорджа Бассила (1969 г.р.). Живописец начал свой творческий путь в 1995 г. Он является одним из ярких представителей новой школы современного ливанского искусства. Все перечисленные в докладе мастера, представленные на выставках в России и на пространствах СССР, отражают развитие ливанского искусства XX–XXI вв. и являются малоизученной областью исследования.

Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва)

Арабы Сицилии и Северной Африки в период норманнских завоеваний: историографический аспект

Гюстав Лебон утверждал, что история норманнов и история мусульман на Сицилии были очень тесно связаны: «Политическая власть арабов в Сицилии была свергнута норманнами в одиннадцатом веке; но их цивилизационные акции продолжались еще долго. Достаточно разумные, чтобы понимать огромное преимущество арабов, нормандские короли опирались на них и под их управлением влияние последователей пророка оставалось значительным»¹. Ему вторит Осман Туран, у которого норманны хотя и предстают «примитивным и варварским» народом, но, тем не менее, им удалось извлечь пользу из знаний и культуры мусульман² и действовать весьма разумно, «... властвуя над исламской цивилизацией и оберегая мусульманское население...»³

Огромное значение имеет работа итальянского историка и политического деятеля XIX в. Микеле Амари «История мусульман Сицилии». Главным достоинством этого труда является большое количество фактического материала. С другой стороны, М. Амари демонстрирует близкое знакомство с норманнской историографической традицией⁴.

Фердинанд Шаландон является автором фундаментального труда под названием: «Господство норманнов в Италии и Сицилии»⁵. Сопоставляя и критикуя

¹ Лебон Г. История арабской цивилизации. Минск: МФЦП, 2009. С. 299

² Turan O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. 2. baskı. İstanbul : Turan Neşriyat Yurdu, 1969. S. 329.

³ Ibid. S. 352–353.

⁴ Amari M. Storia dei musulmani di Sicilia. T. I. Firenze: Felice Le Monnier, 1854. P. 380–381.

⁵ Chalandon F. Histoire de la domination normand en Italie et Sicilie. P.: Librairie A. Picard et fils, 1907.

данные источников, Шаландон написал подробную и довольно достоверную историю военного и политического возвышения норманнов в Южной Италии и Сицилии, уделяя достаточно внимания связям с Северной Африкой. Данная монография не потеряла своего научного значения до наших дней.

Не утратила своего значения работа профессора университета Палермо Антонио де Стефано «Культура Сицилии норманнского периода»¹, в которой превосходно показаны результаты взаимодействия исламской, византийской и латинской цивилизаций под властью правителей из династии Альтавилла.

Отдельно стоит упомянуть изданную в 2018 г. книгу Дж. Норвича «История Сицилии»². Благодаря активной деятельности отечественных переводчиков, этот автор хорошо известен российскому читателю многочисленными работами, в которых кратко излагается не только история Сицилии норманнского периода, но и история Франции, Венецианской республики, Средиземного моря, папства и Византии. К сожалению, упомянутая работа едва ли может претендовать на статус серьезного научного исследования, так как подход Дж. Норвича совершенно не предусматривает даже намека на критику источников и литературы.

Гораздо более информативной и полезной по сравнению с «историческими фолиантами» Дж. Норвича является небольшая по объему статья итало-американского медиевиста Роберта Сабатино Лопеса «Сицилия во времена норманнского завоевания». В частности, он сделал вывод о том, что причиной успеха норманнского завоевания острова стала не ослабление исламского мира, а скорее усиление западно-христианского присутствия в районе Средиземноморья³. В этом ключе необходимо упомянуть работу британского автора Давида Абулафия «Норманнское королевство Африки и норманнские экспедиции на Майорку и мусульманское Средиземноморье»⁴.

Из последних публикаций стоит упомянуть книгу Альберта Меткалфа «Мусульмане средневековой Италии», в которой подробно освещается история мусульман не только на материке и на Сицилии, но и в тесно с ними связанных регионах Северной Африки. В частности, А. Меткалф отмечает очень плохую осведомленность арабоязычных источников о норманнском вторжении и отдает пальму первенства в этом вопросе итало-норманнским авторам, хотя и намекает на их предвзятость в описании отношений завоевателей и мусульман⁵.

¹ De Stefano A. *La Cultura in Sicilia nel periodo normanno*. Palermo, 2nd edn. 1954.

² Норвич Д. Д. *История Сицилии*. М.: АСТ, 2018.

³ Lopez R. S. *The Norman Conquest of Sicily // A History of the Crusades* / ed. K. M. Setton, Vol. 1, *The First Hundred Years*, ed. M. W. Baldwin. Madison, Milwaukee, London: The University of Wisconsin Press, 1969. P. 58.

⁴ Abulafia D. *The Norman kingdom of Africa and the Norman expeditions to Majorca and the Muslim Mediterranean // Anglo Norman Studies VII. Proceedings of the Battle Conference 1984* / ed. Brown R. Allen. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1985. P. 26–49.

⁵ Metcalfe A. *The Muslims of Medieval Italy*. Edinburgh University Press, 2009. P. 93–94.

Несомненный интерес представляет новая работа признанного специалиста в области изучения административного устройства норманнской Сицилии профессора университета Токио Хироши Такаямы, в которой он собрал огромный фактический материал и обобщил опыт многолетних исследований: «Сицилия и Средиземноморье в средние века». Он не только уделил внимание вкладу мусульман в успех и процветание королевства, но и подробно рассмотрел административную структуру острова в период предшествующих арабских династий: Аглабидов, Фатимидов и Кальбитов. Он также новаторски рассмотрел миграционные процессы на арабо-норманнской Сицилии и в средневековой Японии, поставив во главу угла источники и проблему «принимающего общества»¹.

Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург)

Записки русских путешественников на Восток в новое время и их библиографическое обеспечение

Характеризуя русские путешествия на Восток, целесообразно рассмотреть историко-культурные и политические предпосылки путешествий, их роль в изучении Востока и развитии культурных и политических отношений с восточными странами, отражение в публикациях и исследованиях, включая вопросы библиографирования, состав путешественников.

Первые русские путешествия на Восток относятся к допетровской эпохе. Это в основном паломнические и торговые поездки на Ближний Восток², Индию и с XVII в. — торговые и дипломатические миссии на Дальний Восток в связи с поисками сухопутного пути в Китай и установления с ним дипломатических и торговых отношений. В допетровскую эпоху впечатления от поездок на Ближний Восток, Индию записывались в виде всевозможных хождений (хожений). Участники дипломатических и торговых поездок в Китай уже на раннем этапе оставляли в Посольском Приказе «отписки» воевод, расспросные речи и расспросные листы, сказки и статейные списки. Как хождения, так и дипломатические записки содержали ценную страноведческую информацию и являлись первыми документными источниками о Востоке, необходимыми для развития контактов. Так, при отправке дипломатических миссий в Китай ее членам предоставлялась возможность ознакомиться с хранившимися в Посольском Приказе записями участников предыдущих посольств в эту страну. Записки

¹ Takayama Hiroshi. Sicily and the Mediterranean in the Middle Ages. Routledge: Taylor & Francis Group, 2019. P. 228–229.

² Первым называют путешествие в Святую Землю в XI в. Варлаама (до 1035 — до 1067/74), главы Киево-Печерской иноческой общины и впоследствии настоятеля монастыря св. Димитрия.

путешественников содействовали формированию образа посещаемой страны и были важным фактором культурного и политического взаимодействия.

В петровскую эпоху восточный вектор занимал важное место во внешней политике Российской империи, что способствовало становлению ней практического и научного востоковедения. Начиная с XVIII в., ареал путешествий и круг их участников — авторов записок расширился (например описание Северной Африки составил участник Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. военный моряк М. Г. Коковцов). Письменные свидетельства путешественников принимали более целенаправленный и профессиональный характер, появились новые разновидности дипломатических отчетов — реляции, записки, путевой журнал. Уже в XVIII в. была организована первая научная экспедиция Д. Мессершмидта на восток России — в Сибирь (1720–1727). В XIX в. (особенно со второй половины) — начале XX в. наряду с частными поездками, активно осуществлялись целенаправленные экспедиции по зарубежному Востоку, что обуславливалось развитием востоковедения и амбициозными геополитическими целями России на восточном направлении. В их организации важная роль принадлежала научным обществам, Генштабу.

Русские путешествия на Восток освещаются в научной, популярной и справочно-информационной литературе. Первые документы дипломатических миссий (в пересказе) появились в журнальной периодике в середине XVIII в.¹ В конце XVIII в. впервые в России был подготовлен сборник документов по русско-китайским отношениям XVII–XVIII вв., включавший свидетельства путешественников (издан позже)². Отчеты экспедиций нового времени, дневники исследователей, донесения дипломатов, офицеров Генштаба, моряков, мемуары журналистов, художников, духовных лиц и туристов публиковались в виде отдельных изданий, в сборниках статей и периодике, в т.ч. издаваемых научными обществами, консульствами. Путешествиям по Ближнему Востоку посвящена монография обобщающего характера Б. М. Данцига³, включающая обзор публикаций, начиная с XII в. и полезная в методологическом плане как образец работы с максимально широким охватом материала. Сочинения о путешествиях отражены в разных библиографических изданиях — от первых печатных каталогов Библиотеки Академии наук⁴ в XVIII в. и общих

¹ О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755. Июль. С. 15–57). Изд. Г. Ф. Миллер.

² Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792–1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882.

³ Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. Москва, 1965.

⁴ *Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars 3* [СПб.] 1742. Camera P. Repositor 1, 2, 3, 4. *Historia exotica*.

библиографий¹ до специальных библиографий второй половины XIX–XX вв.² Страноведческая, культурная, политическая и даже педагогическая ценность информации о русских путешествиях на Восток позволяет говорить о целесообразности подготовки сводной библиографии публикаций по этой теме.

Родецкий И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Топос мученичества в конструировании политической культуры: идеологии партий ХАМАС и Хизбулла

Вынужденный переход ХАМАС и Хизбуллы от резкой религиозной риторики к политике прагматичного национализма^{3,4}, в начале XXI в. обозначил новый этап идеологического развития этих исламистских партий: осознание невозможности построения исламского государства в многоконфессиональном обществе Ливана или на секулярном наследии ФАТХ в Палестине привело к сокращению исламской составляющей в партийной работе. В условиях острой политической борьбы за включение партий во властный процесс вопрос сохранения религиозно-ориентированного электората и стремительно завоеванной в 1980–2000-х гг. популярности становится для ХАМАС и Хизбуллы приоритетным.

Ислам по-прежнему остается социальным маркером движений, однако исламский контент в их деятельности все сильнее приобретает косметический характер. ХАМАС и Хизбулла компенсируют недостаток ислама в политике

¹ Например: *Неустроев А. Н.* Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к историческому розысканию о них. Санкт-Петербург, 1898.

² См.: Указатель к изданиям Императорского географического общества и его отделов за пятьдесят лет существования с 1846 по 1905 год: в 4 вып. Санкт-Петербург, 1886–1910; Межов В. И. Библиография Азии: указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам: В 2 т. Санкт-Петербург, 1891–1894; Скачков П. Е. Библиография Китая. Москва, 1960; Путешествия в Святую Землю: записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. / сост., предисл., справки об авт. и примеч. Б. Романова. Москва, 1995 и др.

³ Al-wathīqatu-s-siāsīyatu liḥizbu-llahi 2009 (политический документ Хизбуллы 2009) [Electronic resource] // Al-muqāwamatu-l-ʿislāmīyatifiLubnān (Исламское сопротивление в Ливане), 2009. Available at: <https://www.moqawama.org/essaydetailsf.php?cid=16245&fid=47> (Accessed: 29.01.21).

⁴ Wathīqatu-l-mabādiʿiwa-s-siyāsāti-l-ʿāmati (Документ о генеральных принципах и политике) [Electronic resource] // Ḥarakatu-l-muqāwamatu-l-ʿislāmīyati, Ḥamās (Движение исламского сопротивления, ХАМАС), 2017. Available at: <https://hamas.ps/ar/uploads/documents/599abf9aafa1b76837c1242eb229e87b.pdf> (Accessed: 29.01.21).

путем развития своей социально-культурной сферы. Религия присутствует на телевидении, в интернет-статьях и литературе, но не в партийных программах. В сущности, религиозный образ движений поддерживается тремя компонентами: (1) серьезным вниманием к исламскому образованию и образовательному процессу в целом; (2) публикациями и сюжетами, которые посвящены регулированию вопросов бытового характера исламскими нормами; (3) широким использованием тематики мученичества.

ХАМАС и Хизбулла относят мученическую смерть практически к каждому случаю насильственной кончины. Личности мучеников становятся настоящим инструментом в руках партийных психологов и политтехнологов, использующимся для формирования определенной политической культуры, а их жизнеописания изобилуют эмоциональностью и метафоричностью, что вкупе со словами очевидцев и родственников дает читателям иллюзию приобретения опосредованного опыта. Подобные методы влияния заставляют не только смещать фокус масштабов страны на уровень индивида и принимать трагические ситуации близко к сердцу, но и в очередной раз обращаться к религиозной стороне вопроса. Примечательно, что даже ХАМАС, стоящий на позициях исламского реформаторства, которое старается как можно сильнее абстрагироваться от фатализма, неоднократно повторяет положения о предопределенности времени смерти человека¹. Таким образом, в общественном фоне Палестины и шиитской части Ливана преобладают воинственные настроения, поддерживающие различную степень радикализации сторонников движений в зависимости от напряженности отношений с Израилем. Стоит отметить, что результаты приведенного в пример регулирования пропартийных СМИ все равно находятся в рамках дискурсивного поля конкретного общества, в этом смысле редакторы масс-медиа очень тонко чувствуют настроения народа.

В формируемой политической культуре память о мучениках служит ценностной ориентацией, о чем свидетельствуют многочисленные страницы с биографиями погибших: так, в июле 2020 г. сайт ХАМАС содержал 2192 веб-страницы², однако после крупного обновления интернет-ресурса большинство страниц были удалены, а оставшиеся 188 мучеников теперь относятся сугубо к руководителям движения или бойцам³, что может либо

¹ Hamas TV: Dead Gaza civilians privileged to have died this way (видеоматериал) [Electronic resource] // YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3-GVYrZ7rSw> (Accessed: 28.01.21)

² Shuhadā' unā (Наши мученики) [Electronic resource] // Ḥarakatu-l-muqāwamati-l-'islāmīyati, Ḥamās (Исламское движение сопротивления, ХАМАС). Available at: <https://hamas.ps/ar/martyrs/شهداءونا> (Accessed: 18.07.20)

³ Shuhadā' u-l-ḥarakati (Мученики движения) [Electronic resource] // Ḥarakatu-l-muqāwamati-l-'islāmīyati, Ḥamās (Исламское движение сопротивления, ХАМАС). Available at: <https://info.hamas.ps/section-famous/15شهداء الحركة> (Accessed: 29.01.21)

указывать на перераспределение акцентов в деятельности ХАМАС, либо оказаться тривиальным последствием не оправдавшего себя фокуса на народных героях. Ранее ХАМАС включал в число мучеников и гражданские лица, погибшие, к примеру, в результате авиаудара. Тем не менее, сама идея мученичества по-прежнему активно применяется на партийном телеканале «al-’Aqṣā». Хизбулла же не предпринимает никаких существенных изменений — рубрика «мученик этого дня» действительно обновляется ежедневно, а публикации про мучеников часты и носят масштабный характер¹. Кроме того, смертями мучеников ведается история о тех или иных политических событиях, создается нарратив. В рамках моделей политического поведения мученичество задает новое правило, граничащее с крайней степенью самоотверженности, что способствует потенциальной эскалации обстановки.

Целью исследования является изучение роли мученичества в деятельности ХАМАС и Хизбуллы. В докладе приводится анализ материалов, опубликованных на официальных сайтах партий и транслируемых на аффилированных с ними телеканалах, соотнесение различных интерпретаций и традиций мученичества в исламе, а также контент-анализ новостной информации, отражающей всеохватность использования мученических историй.

Родионов М. А. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Вклад краеведов Хадрамаута в формировании локальной историко-культурной традиции

Становятся общим местом рассуждения о чувстве исключительности, присутствующем уроженцам Хадрамаута — хадрабийцам. Его формировало выгодное географическое положение края: сочетание побережья и плодородных долин внутреннего Хадрамаута, путь в которые защищен плоскогорьями и непроходимой пустыней. Это чувство поддерживается предприимчивостью хадрабийцев, создавших узлы своей диаспоры по всему бассейну Индийского океана и далеко за его пределами.

Локальная историко-культурная традиция опирается на некоторые факты древней истории: название их родного края известно почти три тысячи лет — с эпохи царства, существовавшего в Южной Аравии с VIII в. до н. э. до второй половины IV в. Идеализируя свою историю, местные историки подчеркивают непрерывность своей историко-культурной традиции. Местные труды по

¹ As-sayyidu jawādunaṣr-allahuyataḥaddathu li-«l-’ahdi»: ḥikāyātun lam tarū‘ana-sh-shahīdihādī (Господин Джавад Насраллах в разговоре с изданием «Аль-Ахд»: нерассказанные истории о мученике Хади) [Electronic resource] // Al-muqāwamatu-l-’islāmīya fī Lubnān (Исламское сопротивление в Ливане). Available at: <https://www.moqawama.org/essaydetails.php?eid=35789&cid=330> (Accessed: 29.01.21)

истории представляли собой сочетание родословий (обычно в форме некрологов) и отрывочных летописаний, отмечавших климатические и социальные кризисы и аномалии. Два краеведа, которым посвящен этот доклад, добавили к канону этнографические сведения и данные по литературе. Интерес к генеалогиям связан с тем, что основная борьба в первой половине XX в. в Хадрамауте шла вокруг двух полярных принципов — унаследованного статуса и приобретенного статуса. Первый принцип утверждали представители привилегированных социальных слоев — потомки Пророка, мусульманские ученые, племенное население. Второй принцип выдвигали представители непривилегированных страт, в основном просвященные горожане, к которым принадлежали и наши краеведы.

Мухаммад Абд ал-Кадир Ба Матраф (1915–1988). Уроженец аш-Шихра, он печатал краеведческие статьи в куайтийском официозе «ал-Ахбар» и в журнале «ат-Тали‘а». После революции 1967 г. вошел в комитет Йеменского единства, в исполком Йеменского союза писателей, был членом Йеменского центра культурных исследований и редколлегии журнала «ал-Хикма». Автор многих трудов, например:

- «Семеро павших героев» («аш-Шухада ас-саб‘а, 1974») о борьбе жителей города аш-Шихр с португальским флотом в XVI в. как общехадрамаутской кампании;
- «На пути к власти» («Фи сабил ал-хукм» 1977) о приходе к власти династии ал-Ку‘айти;
- «Здесь были феодалы» («ал-Икта‘иун кану хуна», 1983) о том, как видится в НДРЙ социально-политическое устройство Хадрамаута эпохи британского протектората.

Творческое наследие Ба Матрафа включает сборник стихов и рассказов «На корабле жизни», драматические произведения, книги по истории народной поэзии, словарь хадрабийского диалекта и словарь пословиц и поговорок, работы по племенному составу населения. Ряд его трудов до сих пор не опубликован.

Абд ал-Кадир Мухаммад ас-Саббан (1921–1999), уроженец Сейуна, незадолго до Второй мировой войны стал одним из основателей сейунского Молодежного клуба, активно печатался в местной прессе. Член многих организаций, выступавших за объединение Хадрамаута. После 1967 г. и до самой смерти он возглавлял сейунское отделение Йеменского центра культурных исследований. Историк, публицист, этнограф, драматург и поэт, он спас от уничтожения архив суланов ал-Касири и открыл его для работы йеменским и зарубежным ученым. Как у Ба Матрафа, творческое наследие ас-Саббана богато и недостаточно введено в научный оборот. Выделим его исследование, вдохновленное пятитомным трудом Абдаллаха Убайдиллаха ас-Саккафа (1883–1956) «Истории хадрабийских поэтов». Ас-Саббан в компактной работе «Литературное движение в Хадрамауте» («Ал-Харака ал-адабиййа фи Хадрамаут») сделал смелую

попытку связать политическую историю края с его литературной историей. Ас-Саббана и Ба Матрафа в первую очередь интересуют стихи на разговорном языке хадрабийцев.

Жаль, что труды этих краеведов недостаточно известны за пределами Хадрамаута и хадрамаутской диаспоры.

Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербурга)

Традиция отправки махмаля из Египта в Мекку в XIII–XX вв.

На протяжении веков ежегодно во время хаджа во главе торжественной и пышной процессии из Египта в Мекку прибывал «махмаль» — специально оборудованный и установленный на спине верблюда паланкин, доставлявший покрывало для Каабы (кисву), расшитое золотом и драгоценными камнями.

Происхождение традиции изготовления кисвы в Египте относится к эпохе правления второго праведного халифа Омара ибн аль-Хаттаба (634–644). Арабский историк IX века Абу аль-Валид аль-Азраки в своем сочинении «Хроники Мекки» (*'Ахбар Макка*) сообщает, что халиф Омар велел покрывать Каабу египетским полотном, сотканным из тонкого белого льна, известного как «аль-кабати», производством которого славился египетский город эль-Файюм¹.

Данная традиция сохранялась и в последующие эпохи, однако в середине XIII века жена айюбидского султана ас-Салиха Шаджар ад-Дурр положила начало торжественному церемониалу отправки махмаля в Мекку, который превратился в один из излюбленных народных праздников для египтян. Окончательно данный обычай оформился в период правления мамлюкского султана аз-Захира Бейбарса (1260–1277).

Прежде, чем выступить в составе каравана паломников в Мекку, пышная процессия с махмалем в течение трех дней перемещалась по улицам Каира. Ее шествие сопровождалось множеством церемоний. Улицы и торговые лавки были торжественно украшены. Паланкин сопровождал караван верблюдов, перевозящих вещи паломников. За ними следовала охрана, которая сопровождала караван на всем пути до Хиджаза. За ней следовали члены суфийских тарикатов, которые били в барабаны и поднимали знамена.

Сам махмаль представлял собой квадратную деревянную раму в форме пирамиды, покрытую красной или зеленой парчовой тканью, часто украшенной вышитыми золотой нитью цветочными мотивами и надписями и обрамленной внизу бахромой. Согласно описанию британского востоко-

¹ Ал-Азраки, 'Абу ал-Валид. *Ахбар Макка*. Мекка: Мактабат ал-'асади, 2003. С. 357.

веда Эдварда Лэйна, «пять шаров с полумесяцем, украшающие углы и верх махмаля, сделаны из серебра. Везет махмаль высокий, красивый верблюд, которого обычно после этой процессии навсегда освобождают от какой бы то ни было работы»¹.

По завершении хаджа паланкин возвращался в Египет с прошлогодней кисвой, которую разрезали на куски и раздавали представителям знати и авторитетным государственным деятелям.

Мамлюкские султаны придавали большое значение отправке махмаля в Мекку, видя в нем символ царского величия и достоинства, и ревностно оберегали эту традицию. Так, когда в 1350 году йеменский султан аль-Муджахид Али вознамерился оспорить у мамлюков привилегию изготовления кисвы для Каабы, он был схвачен в плен и доставлен в Каир.

Отправка махмаля было дорогостоящим предприятием и с каждым годом требовала все больше затрат, поэтому мамлюкский султан Калаун (1279–1290) основал для этой цели специальный фонд, выделив в качестве вакфов две деревни в провинции Кальюбия. Позднее, османский султан Сулейман I Кануни (1520–1566) включил в данный фонд еще семь египетских деревень. Примечательно, что после падения мамлюкского султаната в результате османского завоевания в 1517 году Египет не лишился привилегии изготовления кисвы и отправки махмаля в Мекку.

Покрывало для Каабы отправлялось из Египта каждый год практически без перерывов на протяжении семи веков. Последний махмаль был отправлен из Египта в 1962 году в эпоху президента Гамалы Абдель Насера, который положил конец данной практике. С тех пор кисва производится в Саудовской Аравии с применением передовых технологий, а египетский махмаль и сопровождающие его городские гуляния остались в памяти египтян как одно из самых ярких и зрелищных событий средневековой жизни Каира.

Саенко А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Трактат «Благоухающий сад новостей из разных стран» (XIV в.): о проблеме авторства и особенностях композиции

Исследования в области географии у арабов разделяются на две ветви: астрономическая география и так называемая описательная география. Так, если первая ветвь сложилась под влиянием греческой и индийской науки, то вторая ветвь является сугубо арабским явлением. В среде арабских ученых,

¹ Э. У. Лэйн. Нравы и обычаи египтян первой половины XIX века. М. Восточная литература. 1982. С.344.

изучавших описательную географию, возникло специальное название для данной сферы науки — «'Алям ль-Масалик ва аль-Мамалик¹»².

Исследуемый трактат, автором которого является географ и путешественник Мухаммад б. 'Абд аль-Мун'им аль-Химьяри (умер в 900 г.х.) представляет яркий пример работы, относящейся ко второй ветви так называемой описательной географии.

В течение длительного периода времени исследователи расходились во мнениях относительно того, кто является автором трактата. Так, географическое сочинение аль-Химьяри упоминается дважды немецким востоковедом Густавом Флюгелем при подготовке к изданию географического сочинения Хаджи Халифе «Раскрытие мнений относительно названий книг и отраслей наук»³. Первый раз Густав Флюгель упоминает, что автором является Абу 'Абд Аллах Мухаммад б. Мухаммад б. Мухаммад аль-Химьяри, второй раз отмечает, что автором книги является Абу 'Абд Аллах Мухаммад б. Абд аль-Мун'им аль-Химьяри (без упоминания даты смерти)⁴.

Существуют различные точки зрения на этот счет. Так, по мнению исследователя Леви-Провансаль⁵, авторов было двое и что оба они были выходцами из племени Химьяр: первый написал оригинальную книгу «Благоухающий сад», а второй присвоил себе его работу (возможно, добавив что-то от себя) без упоминания о ее авторе⁶.

Однако при подготовке последнего издания (1975 г.) книги⁷ научный редактор Ихсан Аббас, сопоставляя различные копии трактата и известные ему факты, пришел к следующему выводу — что Леви-Провансаль ошибался и установил, что у трактата один автор, имя которого Мухаммад б. 'Абд аль-Мун'им аль-Химьяри. Дискуссия вокруг авторства трактата причина заблуждений в этом вопросе и пути установления имени автора будут предметом доклада.

Также в докладе будут описаны некоторые особенности композиции книги, которые определяются целью, стоявшей перед автором, особенностями истори-

¹ Ар. «наука о путях и странах».

² Хайрутдинов Д. Р. Арабская географическая терминология // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. №47. С. 77.

³ Работа представляет собой большой список арабских, персидских и турецких книг, составленных османским ученым Хаджи Халифе (он же Кятиб Челеби).

⁴ Мухаммад б. 'Абд аль-Мун'им аль-Химьяри // Благоухающий сад новостей из разных стран. Ливан: Библиотека Ливана, 1975. С.5.

⁵ Леви-Провансаль — французский арабист-востоковед, который специализировался на изучении истории Магриба и мусульманской Испании в средние века.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Мухаммад б. 'Абд аль-Мун'им аль-Химьяри // Благоухающий сад новостей из разных стран. Ливан: Библиотека Ливана, 1975.

ческого периода, когда была написана книга, благодаря которым исследуемый трактат можно отнести к ярким образцам беллитристики в жанре историко-географических описаний. В качестве такого жанра книга может быть представлена вниманию русскоязычного исследователя и читателя.

Полагаем, что приключенческие истории и «удивительные новости» как об известных, так и менее известных сегодняшнему читателю странах, областях, городах и отдельных историко-культурных памятниках будут интересны широкому кругу читателей. В качестве примеров подобного рода описаний можно упомянуть популярный туристический курорт Ибиза, название которого было «Йабиса»¹ или город Тенес, расположенный в прибрежной части Алжира, имел название «Гаршеш»².

В заключение скажем, что в свете вышеизложенных сведений и отсутствия введения в русскоязычный оборот информации относительно книги аль-Химьяри трудно переоценить важность исследования данного трактата.

Слепухина О. П. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Использование этнонимов в соцсетях как маркер этнополитической идентичности на Юге Аравии

На заре объединения Йемена жители и ЙАР, и НДРЙ с гордостью называли себя «йеменцами», однако йеменский национализм, овладевший умами южан в конце 1980-х — начале 1990-х гг., довольно быстро уступил место южноаравийскому национализму и сепаратистским настроениям.

Изменения в этнополитической идентичности проявляются и на лексическом уровне — в частности, в том, какие этнонимы выбирают интернет-пользователи, говоря о себе и жителях других регионов Йемена. Мы можем проследить это на примере соцсетей, используя как основной источник текстовые публикации, видеоролики и комментарии в Facebook, Instagram и TikTok.

Так, жители Северного Йемена чаще всего называют себя *yamanī* (араб. йеменец, встречается также вариант *yamānī*), при этом это же самоназвание используют жители Южного Йемена, которые поддерживают сохранение единого государства. Жители Юга, отстаивающие идею создания независимого государства, говорят о себе *janūbī* (араб. южанин, южный), а место своего проживания называют *al-janūbal-‘arabī* (араб. Арабский Юг).

Вместе с тем, кроме упомянутых эндоэтнонимов существуют и активно используются этнофолизмы — экспрессивные этнонимы, несущие в себе пейоративный оттенок. Так, южане в отношении северян используют слово

¹ Мухаммад б. ‘Абд аль-Мун’им аль-Химьяри... С. 152.

² Там же. С. 587.

daḥbāshī (мн.ч. daḥābisha), образованное от имени главного героя одноименного йеменского сериала «Дахбаш». Дахбаш в сериале — карикатурный образ отсталого и плохо образованного человека, перенесенный южанами на всех жителей Северного Йемена. Использование слова «daḥbāshī» вызывает возмущение у северян, однако параллельно с этим в соцсетях можно проследить стремление избавиться это слово от той негативной коннотации, которую оно имеет сейчас. Так, очень популярен своего рода лозунг, распространяющийся в виде хэштегов и подписей к постам: «daḥbāshī, и горжусь этим», а в комментариях можно встретить людей, которые доказывают, что «daḥbāshī — это не обидно».

В отношении южан также используется этнофолизм — ja‘arabī. Хотя слова, от которых образован этот неологизм («janūbī» — араб. южный) и «‘arabī» — араб. арабский), не несут в себе какого-то отрицательного подтекста, северяне активно используют его в соцсетях с насмешкой и оттенком пренебрежения. Приведем одно из определений ja‘arabī: «Ja‘arabī — существо, которое ругается, бранится и любит рабство. Неудачник, но возлагает ответственность за свои неудачи на других. Верит, что весь мир, кроме Эмиратов, ему враг».

Похожая ситуация сложилась в провинциях, например, в Хадрамауте, где сторонники независимого Хадрамаута активно используют самоназвание «ḥaḍramī» — хадрамец, показывая тем самым свою обособленность от Адена и Саны. Северяне и сторонники единого государства распространяют на жителей Хадрамаута этноним «уамапī», а южане и все, кто поддерживает создание отдельного государства со столицей в Адене, — «janūbī».

Делая выбор в пользу одного из этнонимов, пользователь показывает свое отношение, положительное, нейтральное или отрицательное, к политической ситуации, сложившейся в стране, а мы можем сделать предварительный вывод об его этнополитической идентичности, что может помочь при дальнейшем анализе контента, в котором эти этнонимы появляются.

Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Память о Крестовых походах в арабском народном романе

В современной историографии существует две точки зрения на то, как арабами сохранялась память о Крестовых походах до начала эпохи «Арабского возрождения» во второй четверти XIX в. Согласно первой версии, европейское вторжение было практически забыто. Среди основных аргументов, в поддержку этого, называют отсутствие специального слова «крестonosец» (ар. ṣalībī) в арабском языке до середины XIX в. (в этом значении использовалось слово «ḥraṅḡī», т.е. франк, со времен Крестовых походов обозначавшее

европейцев в целом), а также то, что арабскими авторами до XIX в. не было создано ни одной специализированной работы по истории Крестовых походов. Сторонники данной точки зрения говорят также о практически полном отсутствии свидетельств сохранения памяти об этих событиях в народной традиции.

Как указывает, Х. Моринг, «до XIX в. мусульмане очень мало интересовались Крестовыми походами или европейскими делами». Б. Льюис утверждает, что именно перевод европейских книг по истории на арабский язык в XIX в. вдохновил интерес мусульман к Крестовым походам и, тем самым, вызвал рост интереса к идеям джихада. По мнению Э. Сайвана, христианская интеллигенция привлекла внимание арабского общества к этой эпохе только в середине XIX в., вызвав появление арабских исследований в этой области. Дж. Райли-Смит в свою очередь также практически целиком возлагает на Европу ответственность за возрождение памяти о Крестовых походах у арабов, особо отмечая роль в этом кайзера Вильгельма II, посетившего осенью 1898 г. могилу Салах ад-Дина в Дамаске. К. Хилленбранд дает более осторожную оценку, подчеркивая лишь тот факт, что до начала XIX в. мусульмане проявляли незначительный интерес к Крестовым походам как «к самостоятельному явлению, феномену мировой истории».

Согласно другой точке зрения, которую разделяют, в частности, Дж. Филлипс и Х. Гербер, нельзя сделать однозначный вывод о том, что арабы не сохранили память о Крестовых походах, и это явление вошло в современный арабский дискурс только благодаря европейскому влиянию. Данные авторы предполагают, что память о Крестовых походах веками сохранялась в народной культуре и ритуальных практиках.

Исследование крупнейших памятников арабской народной литературы, т.н. народных романов, дает подтверждение второй из вышеописанных точек зрения. Как показывает анализ текстов сир Антары, Сайфа ибн Зи Йазана, Зат ал-Химмы и Бейбарса, все эти романы содержат значительное количество отсылок к теме эпохе Крестовых походов, в них действуют персонажи и многократно упоминаются события этого исторического периода.

Трепналова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Коллекции арабских папирусов в России

Папирусы с текстами на арабском языке, дошедшие до нас только из одной провинции Халифата, Египта, являются важным источником для воссоздания экономической и социальной жизни средневекового Египта.

Первые арабские папирусы, случайно обнаруженные местным населением в районе Саккары, начали попадать в Европу в первой четверти XIX в. Несмотря на то, что найденные папирусы не остались без внимания исследователей (в частности, над ними работал Сильвестр де Саси), в тот период из-за их небольшого количества нового направления в арабистике, нацеленного непосредственно на изучение данного типа памятников, не возникло.

Ситуация изменилась после повторного обнаружения папирусов в районе эль-Файюма в 1877–1878 гг., количество которых уже было значительным. Новая волна папирусов, поступивших в Западную Европу, совпала с перенесением в область востоковедения методов классической филологии и опыта изучения древней и средневековой истории, в результате чего появилась новая область арабистики — арабская папирология.

В конце XIX в. в разных городах Европы, Берлине, Страсбурге, Мюнхене, Гейдельберге, Париже, Лондоне, Оксфорде и Манчестере, начали формироваться коллекции папирусов; крупнейшая из них была собрана в Вене.

Коллекции папирусов в самом Египте появились несколько позже. На данный момент Египетская национальная библиотека обладает одним из самых крупных собраний папирусов, уступая в этом отношении лишь Австрийской национальной библиотеке в Вене и Институту папирологии Гейдельбергского университета.

В Москве и Санкт-Петербурге также появились коллекции арабских папирусов, и основной целью представленного доклада является их описание. На сегодняшний день в России есть два собрания арабских папирусов. Первое, из коллекции академика Н. П. Лихачева, хранится в фонде Института восточных рукописей РАН; второе, из коллекции основоположника отечественной египтологии В. С. Голенищева, находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Папирусы на арабском языке, хранящиеся в ИВР РАН, представляют собой хозяйственные документы, в частности расписки об уплате податей, закладные, датируемые X–XI вв., и насчитывают более 100 ед. хранения. В действительности папирусов гораздо больше, поскольку под одним шифром может находиться несколько разных документов. Большинство этих документов не описаны, некоторые охарактеризованы только по формальным признакам. Также до сих пор остаются нешифрованные и неописанные документы¹. В ГМИИ им. А. С. Пушкина хранятся более 200 папирусов, описанных по формальным признакам.

Предположительно, все арабские папирусы в ИВР РАН и ГМИИ им. А. С. Пушкина были обнаружены в конце XIX — начале XX вв., когда было

¹ Богданов К. М. Описание материалов Документального фонда Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2 (11). 2009. С.179–188.

найдено наибольшее количество папирусов. По происхождению большинство из них связаны с файюмским фондом, поступившим в основном в венскую коллекцию и частично — в берлинскую и лондонскую. Также встречаются папирусы, найденные в районе селения КōмЭшкоу. Хронологически папирусы этих коллекций относятся главным образом ко II и III вв. хиджры; отдельные — к I в. хиджры¹.

Несмотря на наличие двух собственных коллекций арабских папирусов, в России их изучению уделялось и до сих пор уделяется мало внимания. К работе над арабскими папирусами обращались, в частности, В. И. Беляев и В. А. Крачковская. Фрагмент письма на коптском и арабском языках был опубликован П. В. Ернштедтом. Недостаточная степень разработанности вопроса обуславливает необходимость изучения арабских папирусов, хранящихся в фондах ИВР РАН и ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Филиппов А. А. (БГУКИ, Минск)

Концепция истории в государстве бахритских мамлюков в Египте (1250–1299)

В качестве источников для написания настоящей работы были использованы следующие исторические хроники:

- «Сливки мысли в истории хиджры» (Zubda(t) al-Fikra(t) fī Tārīkh al-Hijra(t)) Бейбарса аль-Мансури ан-Насири (ум. 1325);
- «Сокровище жемчуга и собрание всего лучшего» (Kanz al-Durar wa Jāmi‘ al-Ghurar) представителя мамлюкской элиты Ибн ад-Давадари (1309?–1335?);
- «Книга путей для познания государств маликов» (Kitābal-Sulūkli-Ma‘rifa(t) Duwalal-Mulūk) [10] Ахмада Ибн Али аль-Макризи (1364–1442);
- «История человечества в разные эпохи» (‘Iqd al-Jum‘ān fī Tārīkh Ahl al-Zamān) Бадр ад-Дина аль-Айни (1360–1451);
- «Сияющие звезды среди маликов Египта и Каира» (Al-Nujūmal-Zāhira(t) fī Mulūk Mişrwaal-Qāhira(t)) Ибн Тагриберди (1409–1470).

Концепция исторического процесса в мамлюкских источниках бахритского периода носила преимущественно всемирный характер, представляя мамлюкское правление в качестве составной части мировой истории, как мусульманской, так и немусульманской. Огромный импульс этому пониманию

¹ Беляев В. И. Собрание арабских папирусов в Москве и Ленинграде // Труды Второй сессии Ассоциации арабистов. 19–23 октября 1937 г. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 71–80.

исторического процесса придало возрождение в Египте в 1261 г. Аббасидского Халифата. С течением времени, однако, всемирно-историческое изложение стало все в большей степени смешиваться с династийным. Это было связано как со снижением необходимости легитимизации мамлюкского правления, так и с общими изменениями в региональной политике. Безусловно, «всемирный» контекст в значительной степени использовался как церемониальная необходимая часть, как общая канва, а основное внимание уделялось все-таки истории мамлюкских правителей.

Важнейшее место в концепции исторического процесса в мамлюкской историографии бахритского периода занимает концепция Божественного устрашения и страданий как необходимого фактора последующего величия государства, возглавляемой прошедшей через страдания группой. Эта концепция отчетливо воспроизводилась на макроуровне и относительно устойчиво на микроуровне при характеристике отдельных кейсов смены власти. Устрашение используется Богом как способ указать людям на нарушения ими религиозного закона и предупредить о неминуемых последствиях этого. Как только мусульмане возвращаются к добродетельному образу жизни, бедствия прекращаются.

Соответственно, переосмысливается доисламская и домамлюкская история. Она воспринимается, пусть даже в кратком изложении, как прелюдия к возвышению тюрков, как залог их безусловной преданности исламу после длительного периода неверия, как признак особой избранности в силу тех страданий, которые они перенесли до получения власти.

Исторический процесс предопределен и управляется Господом, который раскрывает его суть и указывает на правильность тех или иных поступков, на предпочтительность тех или иных особ различными способами, самым распространенным из которых на страницах мамлюкских хроник являются предсказания. В частности, соответствующее предсказание было сделано в отношении будущего правления Бейбарса и Калауна.

Само величие мамлюкского государства интерпретировалось через его роль в борьбе с конкретными на данном этапе противниками — с монголами (государство Хулагуидов) и христианами-крестоносцами. В более поздний период эта концепция постепенно стала утрачивать свою актуальность, что было связано с уничтожением государств крестоносцев и постепенным уменьшением опасности со стороны государства Хулагуидов. С 1320-х гг. начинается устойчивое снижение напряженности в отношениях между двумя государствами, а в 1330-х гг. в государстве Хулагуидов ускоряются центробежные тенденции.

Провидение как двигатель истории ведет на данном историческом этапе избранный народ (qawm) — тюрков, — представленных выдающимися правителями, избранность которых (народа и правителей) подтверждается прохождением через страдания к военным успехам и торжеству ислама, выражаемому на данном этапе через победы над крестоносцами и татарами.

Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Узловой пункт почти для всех судов, следующих на Восток и обратно»: российская консульская служба в Адене в конце XIX — начале XX вв.

Конец XIX в. ознаменовался на Ближнем Востоке ослаблением Персии и Османской империи. Российская и Британская империи были заинтересованы в расширении своего военного и дипломатического влияния в тех зонах Ближнего и Среднего Востока, которые контролировали персы и османы, и прежде всего старались закрепить свое влияние в тех зонах, где их присутствие было пока не таким значительным, как присутствие противника.

Для России такой зоной стали, в частности, Персидский залив, а также Южная Аравия, где расположен Аден — один из важнейших пунктов на маршруте международных судов, следующих с Дальнего Востока.

Великобритания контролировала Аден с 1839 г. Российская империя, ранее не проявлявшая активного интереса к Южной Аравии, под влиянием обострившейся дипломатической борьбы учредила в 1883 г. в Адене свое первое консульское агентство.

О работе и роли этого агентства до сих пор было известно немного. Настоящий доклад проливает свет на некоторые страницы истории российской консульской службы в Адене благодаря документам из Архива внешней политики Российской империи. В частности, установлены имена российских консульских агентов в Адене с 1883 г. по первые годы XX века, происхождение и род занятий ключевых консульских агентов, а также определены основные направления их деятельности. Материалы архива также дали общее представление о меняющейся роли Адена в региональной политике того периода. Отдельные вопросы, связанные с деятельностью здесь российского консульского агентства, уточнены с привлечением русской¹, английской², французской³ и арабской⁴ историографии.

Постепенное усиление российского влияния в Южной Аравии в конце XIX в. прошло практически незамеченным в историографии. Конечно, порт

¹ Сенченко И. П. Российская империя, Аравия и Персидский залив. Коллекция историй. СПб.: Алетей, 2018.

² Kour Z. H. The History of Aden (1839–1872). London: Frank Cass, 2005; Karl Pieragostini Britain, Aden and South Arabia. Abandoning Empire. New York: Palgrave Macmillan, 1991.

³ Caussé A., Desse J. Rimbaud A. 1880 Une photographie // Revue des Deux Mondes. 2010. Septembre. P. 11–39.

⁴ Ал-Хамди С. Ф. Маукиф биритания мин ан-нашат ар-руси фи ал-халидж ал-араби хилал ал-карн ат-таси ашар // Маджаллат куллиййат ат-тарбиййа ал-асасиййа. 2007. № 2. С. 139–154.

Аден никогда не был ключевой точкой политико-дипломатической борьбы Российской и Британской империй за влияние на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Индийском океане. Статус российского дипломатического учреждения здесь был невысок — всего лишь консульское агентство, которое подчинялось генеральному консульству в Каире. Относительная скудость архивных документов — плода работы российских консульских агентов в Адене (бывших одновременно и консульскими агентами других государств) — также, вероятно, послужила причиной незначительного до сих пор внимания исследователей к этой точке дипломатического присутствия Российской империи в Азии.

Вместе с тем, судя, в частности, по некоторым дипломатическим отчетам того времени, российская консульская служба в Южной Аравии все же играла свою роль в российско-британском противостоянии в регионе. Англию не могла не раздражать дипломатическая активность Российской империи вдоль границ своего влияния и даже в их пределах. В то время, как в Средней Азии не было официально зарегистрировано ни одного британского консульства, российские консульства и консульские агентства существовали практически во всех чувствительных для Великобритании пунктах на Ближнем Востоке. Одним из таких пунктов на карте региона и был Аден.

Цех В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Изучение социального положения «аль-ахдам» в Йемене по материалам цифровой этнографии

В наши дни все большую силу набирают различные движения, которые посвящены борьбе за права угнетенных меньшинств. Хотя в основном это ассоциируется с США и другими странами Запада, на Ближнем Востоке также существуют этнические, конфессиональные и иные группы, которые тем или иным образом ограничены в правах по сравнению с основной массой населения отдельных государств. Одной из таких групп являются аль-ахдам (ед. ч.: аль-хадим) в Йемене.

На протяжении многих лет европейская наука лишь sporadически исследовала эту социальную группу йеменских «неприкасаемых», хотя их численность и роль в обществе довольно велики. Впервые о них стало известно из описаний путешественников XIX века, которые посещали Йемен¹. В XX в. появляются лишь отдельные статьи, посвященные непосредственно этой теме. В частности,

¹ Th. Arnaud et A. Vayssière. Les Akhdam de l'Yémen, leur origin probable, leur moeurs // Journal Asiatique. Sér. 4, vol. 15. P., 1850.

на русском языке еще в 1981 г. вышла обзорная статья посвященная аль-ахдам¹. Тем не менее, во многих смежных исследованиях аль-ахдам периодически упоминались. В то же время, определенный интерес к этой теме проявлялся в арабской и особенно йеменской науке и публицистике²; однако до сих пор не было ни одного исследования, автор которого сам бы принадлежал к аль-ахдам. Это связано, прежде всего, с тем, что среди аль-ахдам практически нет людей с высшим образованием, хотя после революций 1960-х гг., постепенно образование стало проникать и в эту среду.

Вплоть до нашего времени аль-ахдам практически никогда не выражали свои политические и социальные групповые интересы в Йемене. В 2010-х гг. возможности репрезентации для разных социальных групп стали резко увеличиваться в связи с распространением социальных сетей. Этот процесс затронул и аль-ахдам. Сейчас в Глобальной сети существует несколько вполне активных сообществ аль-ахдам в таких социальных сетях, как, например, Facebook. Все большее количество аль-ахдам стали получать образование, появились среди них и публицисты, освещающие проблемы, характерные для этой группы. Таким образом, сейчас открываются новые возможности изучать эту социальную группу с точки зрения их самопрезентации. Это становится тем более актуальным, что в условиях продолжающейся гражданской войны в Йемене стали практически недопустимыми методы полевой работы.

Основным источником по данной теме становятся личные страницы и группы аль-ахдам в социальных сетях. Главной проблемой, которую позволяет исследовать этот тип источников является самопрезентация аль-ахдам в интернете. На этих страницах они выкладывают большое количество материалов, отражающих их быт, конкретные примеры ущемления прав, борьбу за них, мысли на тему возможности изменения своего положения, причины дискриминации, и т. д. На основании этих материалов, комментариев к ним, а также личного общения с аль-ахдам по переписке можно изучать современные взгляды самих аль-ахдам на свой социальный статус в йеменском обществе, что ранее было возможно лишь при полевой работе в этой среде. Некоторые кейсы позволяют предположить, что аль-ахдам сейчас становятся все более знакомы с мировыми практиками борьбы с ущемлением прав меньшинств. Например, в этих сообществах уже есть идеи о необходимости позитивной дискриминации по отношению к аль-ахдам в Йемене.

¹ Голубовская Е. К. К вопросу о низших слоях в социальной структуре йеменского общества // Арабские страны. История и современность. М., 1981.

² <https://www.al-arabi.com/s/12121>.

Шалупкин В. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Монография ‘Амра Махджуба «Суданский взгляд» в качестве источника по истории Судана кон. XIX — нач. XXI вв.

История современного Судана (точкой отсчета обычно служит или поход Мухаммада ‘Али, или зарождение движения Махди) стала предметом исследования многих ученых — в основном, представителей академических кругов Запада, от США до России. Не обошла она стороной и арабский мир — преимущественно, Египет, где представители научных элит по старинке питали чувства ностальгии по так и не состоявшемуся единому королевству Египта и Судана. И, конечно, история Судана многократно описывалась самими жителями страны, открывавшими перед собой и своими зарубежными читателями сюжеты и персонажей, которые составляли основу суданского самосознания, идентичности, национальной гордости.

Как и во многих государствах мира, подходы суданских ученых в последние десятилетия отличались определенным уровнем ограниченности во всем, что касалось современного этапа развития страны как логического заверченного исторического периода. Одни — последовательные сторонники той или иной идейной школы, широкий круг ученых, от коммунистов до исламистов — смотрели на весь исторический процесс через призму собственных воззрений, зачастую необъективных. Другие, по ряду причин, от нежелания рисковать собственной репутацией до требований и рамок цензуры, уходили вглубь десятилетий, но не доводили свои сочинения до современных им событий.

В 2013 г. была выпущена двухтомная монография ‘Амра Мухаммада ‘Аббаса Махджуба «Суданский взгляд». В соответствии с изложенной выше обобщенной типологизацией, это сочинение следует отнести к первому виду. Представитель оппозиционного движения в годы правления ‘Умара аль-Башира, сторонник демократических взглядов (при этом, возможно, родственник основателей Коммунистической партии Судана), ‘Амр Махджуб в 1993 г. был вынужден перебраться в Каир, где поступил на работу в Центр суданских исследований — специфическую египетскую организацию, направленную, по сути, не на проведение академических изысканий, а на поиск путей демократизации внутренней политики южного соседа.

Тем не менее, несмотря на специфику самого автора и места его работы, двухтомник ‘Амра Махджуба представляет определенный интерес. Сама структура и логика изложения не очень характерны для суданской оппозиции: первый том, больший по объему, посвящен вопросам исторического развития, начиная с восстания Махди, второй — современному политическому и экономическому состоянию страны и ее дальнейшему развитию. Для большинства оппозиционных деятелей исторические кейсы выступают в качестве аргументов, второстепенных для повествования, а источником

проблем служат актуальные или недавние события, однако ‘Амр Махджуб подходит к суданскому кризису с исторической стороны, стараясь проследить логику основных тенденций в развитии страны на протяжении почти полутора веков. Несмотря на политическую предвзятость и очевидную субъективность в подборе и изложении фактов, этот подход заслуживает определенного признания и внимания. В конце концов, книга представляет собой пример редкого полного изложения логики суданской истории самим суданцем, что само уже определяет ее ценность для востоковедов.

Данный доклад посвящен специфике видения ‘Амром Махджубом истории Судана, затрагивает общие особенности его взгляда на страну. Будет также дана краткая (но по возможности, емкая) характеристика второго тома, содержание которого также представляется важным и актуальным, как минимум в связи с состоявшимся через шесть лет после выхода книги в свет военным переворотом 2019 г. и началом форсированной демократизации страны.

Шевелёв Д. Л. (БГУ, Минск)

«Новейшая палестинская историография»: категории, нарративы, методология

Сообщение посвящено «новейшей палестинской историографии» (М. Кумсие, С. Абу-Ситта, Р. Баруд и др.). Эта линия в современной историографии палестинской диаспоры начала оформляться с середины 2000-х гг. Палестинские историки этого направления основываются на особом способе повествования — «историописании снизу», или «народном историописании», которое представляет собой исторический нарратив поданный от имени простого народа. Данная линия в палестинской историографии перенимает методологию постколониальных исследований, а именно ориентализма Э. Саида и *subalternstudies*.

Нарративы «новейшей палестинской историографии» стали основой «народного сопротивления» — особой модели действия активистов диаспоры, сформулированной, предположительно, после 2011 г. Подобная модель была призвана стать альтернативой бездействию Палестинской национальной администрации (ПНА) в условиях долговременного кризиса на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Таким образом исторический нарратив выступает в двух ипостасях: с одной стороны, это — определенный способ интерпретации исторических фактов, с другой — политически ориентированная доктрина, используемая для консолидации общества, расколотого на фракции, с целью объединения перед внешним врагом (Израиль) и врагом внутренним (ООП и старая палестинская элита). В докладе автор подробно

остановится на формировании «новейшей палестинской историографии» и политическом аспекте ее существования.

Автор приходит к выводу, о том, что в середине 2000-х гг. начала формироваться палестинская историографическая модель, которую условно можно назвать «новейшая палестинская историография». Автор считает началом этого направления работу М. Кумсийе 2004 г. «Разделяя Землю Ханаанскую» (*Sharing the Land of Canaan: Human Rights and the Israeli-Palestinian Struggle*). Эта работа намечает тот тезис, который получит развитие в остальных трудах этого направления: в Палестине должно быть построено одно государство («одно государство для двух народов»). Сформулированную модель содержательно и методологически раскрыл палестинский историк и публицист Р. Баруд. «новейшая палестинская историография» является ответвлением от «генеральной линии» постколониальных исследований Э. Саида. Э. Саид для палестинских интеллектуалов стал вождем, как в научном («Ориентализм» 1979 г.), так и в политическом плане (критика мирного процесса).

Новейшая палестинская историография работает с той же оппозицией Свои-Чужие, только в новой историографической модели это противостояние еще глубже. В этом смысле палестинское «историописание снизу» сродни *subaltern studies*: оно работает с угнетенными слоями населения (беженцы, феллахи и др.), не акцентируя внимание на героических личностях и политических группах, абсолютизируя идею «народного сопротивления», изначально присущую палестинцам. У данной модели есть и политико-идеологическое назначение: через пропаганду определенных исторических постулатов «новейшая палестинская историография» призвана консолидировать палестинский народ перед внешним и внутренними врагом — Израиль и ООП. В политическом плане продвижение данного исторического нарратива стало одной из мер, предлагаемых лидерами палестинской диаспоры для выхода из затяжного кризиса, с которым столкнулось палестинское общество с начала 2000-х гг.

Шилова-Варьяш И. И. (МГУ, Москва)

Валенсийская «Книга Сунны и Шариата мавров»

Основными источниками для изучения мусульманского права в аль-Андалусе и в испанских королевствах Средневековья являются фетвы и юридические трактаты. В подобной ситуации памятник мусульманского права «Книга Сунны и Шариата мавров», созданный в Валенсии в XV в.,¹ становится особенно интересным.

¹ Un tratado catalán medieval de derecho islámico: Llibre de la Çuna e Xara dels moros / Ed. C. Barceló. Córdoba, 1989. Garcia Edo V., Pons Alós V. Suna e Xara: la ley de los mudéjares valencianos (siglos XIII–XV). Castelló, 2009.

Манускрипт, содержащий текст «Книги», был найден В. Понс Алонсом в материалах, принадлежащих валенсийской семье Креспи де Вайдаура, и относящихся к сеньории Сумакарсель. Транскрибировали его и издавали дважды: в 1989 г. К. Барсело, 2009 г. В. Понс Алонс и В. Гарсия Эдо. В обеих публикациях издатели совместили первую часть манускрипта — индекс — с основной частью так, что каждая глава приобрела титул, чего нет в рукописи.

По мнению издателей, текст «Книги» представляет собой перевод с арабского языка, осуществленный на валенсийских землях в конце XIV века. Сохранившийся манускрипт является копией каталаноязычной редакции, сделанной довольно грубо, с ошибками писца, который, вероятно, не принадлежал ни к какому скрипторию¹.

На основании палеографических данных К. Барсело считает, что 3 марта 1408 года была создана та редакция, с которой затем в 1460–1485 гг. была сделана дошедшая до нас копия.

В рукописи нет данных ни о ее составителе, ни о переписчике. Предполагается, что человек, редактировавший оригинальный текст, перевел нормы мусульманского права с арабского и добавил христианские законы, касавшиеся сарацин. Возможно, это был кади Хативы или Альсиры². Здесь К. Барсело ссылается на главу 316 Книги, представляющую собой ветвь, сформулированную судьей одного из этих городов. Что же касается копии, то ее возникновение связано с пожалованием Сумакарселя в полное распоряжение его сеньору в 1464 г.

История, структура, лексика и текстуальные особенности «Книги» пока изучены мало.

Языковой особенностью кодекса являются арабские вставки, записанные латиницей, которые не переводились на каталанский и не объяснялись. Это обстоятельство дает повод думать, что кодекс использовался мусульманскими кади, понимавшими арабский язык. Чаще всего вставки представляют собой тексты клятв, молитвы. Арабские слова применяются также для обозначения явлений, присущих только исламу или мусульманскому праву: названия праздников, месяцев по лунному календарю, обязательного цикла молитв и каждой входящей в него молитвы, благотворительного налога, приданого невесты, мусульманского судьи, отпускной грамоты, развода...

В то же время часть «Книги» была записана и оформлена христианином. Об этом свидетельствует употребление местоимения *de aquells* (их), применительно к сарацинам, указывающее на отстраненность автора от субъектов судебного процесса. Это же подтверждает использование христианской терминологии в Книге, незнание истории жизни Мухаммада, мусульманского календаря.

¹ Un tratado... P. XV–XVI.

² Un tratado... P. XIV.

Вместо хаджда здесь идет речь о *ромериях*, мусульманский пост передается словом *dejuni*, а Аллаха именуют *Deu*.

Фиксация законов мусульман на каталанском языке – само по себе явление, заслуживающее внимания и объяснения. В принятой схеме взаимодействия завоевателей-христиан и покоренных мусульман в сфере права внутренняя жизнь мусульманской общины оставалась автономной. Кроме того, мусульманское право не нуждалось в записи.

Анализ структуры и вокабулярия позволяет думать, что «Книга Сунны и Шариата мавров» представляла собой изначально классическое сочинение по фикху или компиляцию нескольких правоведческих текстов, а вид судейника приобрела позднее, после редакции или перевода. Это наблюдение открывает новые источниковедческие возможности в работе с памятником и проблематизирует появление нормативного текста в среде валенсийских мусульман в XV в.

СЕКЦИЯ III • SECTION III

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF TURKEY

*Meskhidze Julietta (Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg)*

Prince Grigory Shakhovskoy's Diplomatic Mission to Istanbul (1759–1760): Peace in the Shadow of War

Empress Elizabeth Petrovna (1709–1761)'s reign was marked by peaceful co-existence between Russia and the Ottoman Empire. Mustafa III (1717–1774), designated Sultan from 1757, dispatched an ambassador to the Russian Imperial Court, who was granted an audience in Peterhof on June 28, 1758. In mid-December, Elizabeth appointed Prince Grigory Shakhovskoy (1706–1774) to head the Russian embassy in the Ottoman Porte. Historiographical coverage of this mission is quite limited. Thus, the handwritten document not published till now — Shakhovskoy's "Journal of the Travel from Moscow to Constantinople" — is of particular value. Upon arrival in the "capital of the Sultan", Shakhovskoy twice was invited to an official reception at Mustafa III's palace, where through the exchange of credential letters he secured assurances of his host's dedication to preserve the two countries' "true propensity" and "eternal peace". Curiously, while Shakhovskoy's "Journal" details everyday life in Istanbul, it is silent on political matters such as his negotiations during the Seven Year's War (1756–1763). Additionally, he withholds commentary on Turkish politics, and his personal impressions regarding the country's true culture and customs. In addition to Shakhovskoy's "Journal" are the "Letters" of another

member of the Russian embassy, Michael Prokudin, whose missives to his “kind friend” were published in 1764. These two windows open to many interesting features explaining Russian-Turkish peace, but also to understanding the post-Elizabethan wars that followed.

Аверьянов Ю. А. (ИБ РАН, Москва)

«Культ святых-вели в Турции в освещении российских востоковедов XX в.: проблемы методологии»

Изучение культа святых-вели в Турции, исторически тесно связанного с суфизмом и так называемым «народным исламом», связано, в первую очередь, с именами выдающихся русских ученых В. Д. Смирнова (1846–1922 гг.), А. Е. Крымского (1871–1942 гг.) и В. А. Гордлевского (1876–1956 гг.). В последующие десятилетия культ святых так или иначе затрагивали специалисты, занимавшиеся исследованием тюркских арабографичных рукописей (Л. В. Дмитриева, О. В. Васильева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов), социальной историей Османского государства (А. С. Тверитинова, Ю. А. Петросян, Н. А. Иванов, А. Фарзалиев), историей янычарского корпуса (И. Е. Петросян), путешествиями Эвлии Челеби и историей культуры Османов (А. Д. Желтяков, А. П. Григорьев, Е. В. Бахревский). С другой стороны, труды советских этнографов, описывавших культ святых у тюркских народов (Г. П. Снесарев, В. Н. Баилова, С. М. Демидова), хотя и не относятся напрямую к Турции, но представляют значительный сравнительно-историографический интерес.

Как было установлено В. А. Гордлевским во время его экспедиционных поездок по Турции, большинство турецких святых-вели являются «местными». Житийные сказания-*менкабе* о многих святых персонажах сохраняют фольклорный характер, хотя к настоящему времени большинство из них функционируют и в устном, и в письменном виде. Они повествуют как о прижизненных, так и о посмертных чудесных деяниях святого. Эти тексты достаточно разрозненны и неоднородны. Официальными деятелями ислама культ святых признается далеко не всегда: чаще всего имеет место явное или скрытое противопоставление «народных выдумок» догматическому подходу духовенства. Но во времена Османской империи эти противоречия, во многом, сглаживались наличием большого числа «святых семейств» — потомков (истинных или мнимых) основателей тех или иных суфийских братств, шейхов и управляющих обителей-*текке*, наследственных наставников-*деде*.

Святые-вели действуют не только в легендах, но и в других произведениях фольклора (вплоть до анекдотов). Книжные версии рассказов о святых часто

весьма далеки от народных образов тех же самых персонажей (например, запечатленных в духовных стихах-*нефес*). Иногда в народной фантазии почти стирается грань между святым суфием и, скажем, магом и колдуном (хотя книжные жития подчеркивают неприемлемость обвинений святых в колдовстве). С деятельностью святого может быть связано практически любое природное явление в месте его почитания (скажем, легенда об осушении большого озера в Баназе Хаджимом Султаном, проклявшим местных жителей за их негостеприимность по отношению к странникам). Большой интерес вызывает вопрос о носителях традиции — о тех, кто передает из поколения в поколения сведения о культе святого, нередко присоединяя какие-то детали из своего личного опыта общения с его духом или своего переживания тех или иных обрядовых действий. В памяти более молодых поколений остаются только сами обряды (круговой обход гробницы святого, подвешивание магических лоскутков на деревья, зажигание свеч, загадывание желаний, танец-*самах* у алевитов и тахтаджи), но они уже не в состоянии объяснить их символику и духовный смысл. Интерес для исследователя представляет также визуализация образа святого-вели (чаще всего предстающего в виде белобородого светлоликого старца в белой одежде, но иногда и в других, неантропоморфных обличьях — скажем, в виде какого-либо зверя, птицы, камня, огненной вспышки или атмосферного явления). Наблюдается тенденция к использованию житийных нарративов и для реконструкции неких исторических событий, «устной истории» того или иного города, квартала, селения и его обитателей. Особенно подробны фольклорные данные о суфийских обителях, мавзолеях. Народная интерпретация культа святого не всегда может быть понятна стороннему наблюдателю и требует постепенного «вживания» в среду его бытования, что не всегда могли себе позволить «статусные» ученые-востоковеды.

Акчай Эрай (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Документы, посвященные Русско-турецкой войне
1828–1829 гг., в фонде «Хатт-ы Хумаюн» Государственного
Архивного Управления Османского Архива
при Президенте Турецкой Республики**

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — военный конфликт между Российской и Османской империями, чье противостояние было вызвано греческим восстанием за независимость от Османской империи (1821–1830 гг.).

Восстание в Греции против Османской империи, которое началось в 1821 г., повлияло на международную ситуацию. Восставших против османского господства весной 1821 г. поддерживали Франция и Англия; при Александре

I Российская империя занимала позицию невмешательства, но была в союзе с этими государствами по договоренностям Ахенского конгресса. Но с воцарением Николая I взгляд на греческий вопрос изменился. 20 октября 1827 г. союзники британского, французского и русского флотов без объявления войны напали на османский флот в порту Наварин. После этого события Высокая Порта (*тур.* *Vâh-ı Âli*) объявила себя свободной от всех договоренностей с Российской империей и запретила русским судам вход в Черноморские проливы, нарушив тем самым Аккерманскую конвенцию.

Ввиду таких действий Высокой Порты император Николай I 14 (26) апреля 1828 г. объявил войну Османской империи и приказал своим войскам вступить в османские владения. Это стало началом русско-турецкой войны.

В ходе войны русские войска совершили ряд походов в Болгарию, на Кавказ и на Северо-Восток Анатолии; были взяты турецкие крепости на восточной берегу Черного моря — Анапа, Поты, и далее Ахалцихе, Ахалкалаки, Баязет, Карс, Ардаган, Эрзурум, Байбурт, Гюмюшхане. А 7 августа русские воска уже стояли под стенами Адрианополя (*тур.* *Edirne*). В августе 1829 г. султан Махмуд II начал переговоры с Россией.

2 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор между двумя империями: Россия возвращала Османской империи все завоеванные территории (за исключением устья Дуная с островами), но получала турецкие города-крепости на восточном берегу Черного моря: Анапу, Поты, Суджук-Кале, а также Ахалцихе, Ахалкалаки. Высокая Порта признавала независимость Греции, подтверждала автономию Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии) и Сербии — господа там должны были назначаться пожизненно. Османская империя признавала переход к России Каргли-Кахетинского царства, Имеретии, Мингрелии, Гурии, а также Эриванского и Нахичеванского ханств.

Собрание «Государственного Архивного Управления Османского Архива при Президенте Турецкой Республики» (*тур.* *Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi* — BOA) содержит большое количество архивных материалов по истории Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Наиболее важные из них хранятся в фонде «Хатт-ы Хумаюн»¹.

В фонде хранится более 1200 хатт-ы хумаюнов, посвященных рассматриваемой теме. Доклад содержит обзор ряда документов фонда, освещающих различные аспекты войны с Российской империей: ситуации на Балканах и Кавказе до начала войны, подготовленности армий, снабжению османской армии, ходе военных маневров обеих армий, потерях и ситуации с военнопленными. Также фонд содержит письма русских офицеров османским главнокоманду-

¹ Хатт-ы Хумаюн — документ, содержащий почерк Султана (*осм.* *خط همايون*, *тур.* *Hatt-ı Hümâyûn*). Подробнее см.: Mübahat S. Kütükoğlu. Hatt-ı Hümâyûn // *Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi*. İstanbul 1997. Cilt XVI, S. 485–488.

юшим, некоторые из них написаны на русском языке. Некоторые документы проливают свет на обсуждение условий мирного договора и контрибуции и пр. В фонде представлены документы, свидетельствующие о попытках Российской империи привлечь на свою сторону немусульманских подданных Османской империи, а также о приглашении Османской империей кавказских народов присоединиться к своим войскам.

Интерес представляют хатт-ы хумаюны, имеющие отношение к русско-иранской войне 1826–1928 гг., содержащие донесения османских разведчиков и информацию о смерти посла Российской империи — А. С. Грибоедова в Тегеране в 1829 г.

Болдырев А. В. (ИБ РАН, Москва)

Изучение внешней политики Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии

На сегодняшний день базовая концепция о преобладающем влиянии СССР на внешнюю политику Турции в годы войны осталась неизменной. Неизменным осталось и отрицательное отношение большинства современных турецких исследователей к советской политике в годы войны. Многие исследователи «не замечают» длительного периода тесных отношений между Анкарой и Москвой. Поэтому ответом на это могут служить утверждения тех турецких историков, которые обращают внимание на то, что «дружественная» идентичность СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции присутствовал на всех этапах советско-турецких отношений 1920–1940-х гг.

Большинство исследователей считают, что период войны Турция стремилась проводить равновекторную политику в отношении антигитлеровской коалиции и держав Оси. Подчеркивает, что «активный» суверенитет в пользу Германии и символическое вступление Турции в войну, были единственно возможными для Турции формулой нейтралитета. Как отмечают по этому поводу турецкие исследователи, нейтральная политика Турецкой Республики определялась тем фактом, что у политиков, принимающих решения перед глазами был печальный опыт участия в Первой мировой войне

В турецкой историографии пытаются по-новому взглянуть и на взаимоотношения Турции с ее западными союзниками — Великобританией и США. Главным здесь является исследование причин, приведших Турецкую Республику к политической изоляции в конце войны и в первые послевоенные годы. Опасность для Турции, по мнению турецких историков, заключалась в военном давлении на Анкару со стороны СССР — до 1941 г. при помощи Германии, а после — в союзе Великобританией. Многие исследователи

обращают внимание на то, что на первом этапе войны — до Сталинградской битвы, турецкий нейтралитет устраивал как страны оси, так державы антигитлеровской коалиции, ввиду неподготовленности турецкой армии и того важного в стратегическом плане значения, которое имел южный фланг. Впоследствии же политика британского давления на Турцию при постоянных попытках найти общие точки соприкосновения СССР и Турции обусловили турецкий дрейф от Великобритании к США и подготовили почву для советских требований относительно изменения Конвенции Монтрё 1936 г. и территориальных требований к Турции в 1945

На сегодняшний день переоценка спасительного зонтика США и НАТО для Турции в условиях ее одиночного противостояния с СССР является одним из новых направлений в турецкой историографии. В турецкой историографии критикуется индифферентность США к турецким делам до 1946 г. По мнению ряда молодых турецких исследователей, отсутствие приверженность США суверенитету и интересам Турции стала первым серьезным провалом «золотого века» американо-турецких отношений (1950-е гг.) Можно сказать, что на современном этапе турецкая историография постепенно отходит от западно-ориентированной модели восприятия Второй мировой войны.

Таким образом, мнение о традиционном экспансионизме СССР, унаследованным им от царской России, является одной из доминант турецкой историографии. Данная точка зрения не является абсолютной, поскольку среди исследователей находятся и те, которые пытаются дополнить устоявшиеся концепции, по сути, ставят вопрос о пересмотре ряда положений. С другой стороны, несомненно, и то, что дополнительно к старым темам, набирает силу изучение новых аспектов Второй мировой войны, результатом чего может стать появление новых исследований о советско-турецких отношениях.

Жевелева А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Исторические события в турецких графических романах

В наши дни комиксы, карикатуры и графические романы уже давно перестали быть «народным» видом искусства, а зачастую используются как инструмент пропаганды, при этом нередко вызывая конфликты даже на международном уровне. Современная Турция в этом смысле не является исключением: турецкие карикатуры чаще всего отражают самые острые экономические, политические и социальные проблемы в стране и пользуются огромной популярностью в народе. Что касается комиксов и графических романов, то с массовым распространением телевидения в 1980–1990-е гг. они стали терять

свою популярность, а в первое десятилетие XXI в. превратились скорее в элитарный вид искусства и при этом окончательно потеряли народную любовь. Однако в последнее время турецкие графические романы снова становятся орудием просвещения. Особенно интересной здесь представляется серия комиксов по турецкой истории: на данный момент вышли книги «Османская империя в картинках» и «Сельджуки Анатолии в картинках» Ульфета Тайлы, «Деде Коркут» Сердара Демирджана и особенно популярный «Эпос Чанаккале» коллектива авторов. Пока эти работы рассчитаны, в основном, на подростковую аудиторию, однако нельзя исключать, что былая народная любовь еще вернется к турецкому историческому комиксу.

Первые турецкие комиксы появились в самом конце 1920-х гг. сразу же после реформы алфавита. В 1930–1940-х гг. они чаще всего представляли собой подражания американским и европейским комиксам: главным героем обычно был супермен, реже — его турецкий аналог, сюжет вращался вокруг его приключений. Золотой век турецкого графического романа наступил в 1950-е гг. Именно тогда турецкие художники отказались от жанровых особенностей западных комиксов и стали создавать самобытные работы, часто прибегая к сюжетам из османской истории. Интерпретация истории, конечно же, делалась с оглядкой на действующий режим и популярные в народе настроения.

Доклад посвящен самым значимым работам турецких художников в жанре исторического графического романа. Первопроходцем данного жанра является Ратип Тахир Бурак (1904–1977) — один из самых известных авторов комиксов в Турции. Первая работа Бурака — посвященный событиям XVI в. «Последний поход Барбароссы» (1950 г.) — была опубликована в газете «Хьюррийет» и является скорее романом с иллюстрациями, чем графическим романом в современном понимании этого слова. В самом конце 1950-х гг. на страницах той же самой газеты читатели увидели новый графический роман «Оборона Плевны» Ремзи Тюремена, прославившегося, прежде всего, оформлением афиш для турецких кинотеатров. Весьма вероятно, в работе над этим комиксом Тюремен вдохновлялся романом Бурака «Плевна» (1954, «Ени Сабах»). Еще один турецкий исторический комикс — «Враг не пройдет Дарданеллы» (Эрсин Бурак, 1978, «Хьюррийет») — посвящен одной из самых популярных в исследуемом жанре тем — Галлиполийскому сражению.

Турецкие исторические комиксы имеют ряд своеобразных черт. Чаще всего они посвящены известным походам и знаковым для турецкой истории сражениям. Военная тематика весьма популярный жанр и в западных графических романах. Однако самые известные работы данного жанра, например, «Маус» Арта Шпигельмана или «Босоногий Гэн» Кейдзи Накадзавы, в отличие от турецких графических романов чаще всего являются знаковыми антивоенными произведениями.

Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Два консула: И. И. Хемницер и К. Н. Леонтьев (стиль, действия, результаты)

В докладе представлен сравнительный анализ методов дипломатической работы в Османской Турции двух известных российских писателей и дипломатов — Ивана Ивановича Хемницера (1745–1784) и Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Основоположник русской басни И. И. Хемницер был первым российским генеральным консулом (в 1782–1784 гг.) в турецком г. Смирна — важнейшем (после Константинополя) международном торговом центре Османской империи. Автор многочисленных публицистических работ, романов и повестей «из жизни христиан в Турции» К. Н. Леонтьев в 1863–1874 гг. находился в Турции, где занимал в этот период различные консульские должности в Кандии (о. Крит), Адрианополе, Тульче, Янине и Салониках.

Настоящий доклад представляет собою логическое продолжение ряда тем, затронутых автором в предыдущих сообщениях на конференциях по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, проходивших в 2007 и 2009 гг. на Восточном факультете СПбГУ¹.

В частности, по-прежнему уделяется большое внимание не прекращающимся апологетическим оценкам деятельности Леонтьева на дипломатическом поприще. В современном леонтьеведении эта тенденция в последние годы получила периодическую подпитку благодаря переизданиям выбранных консульских донесений Леонтьева, осуществлявшихся К. М. Долговым (см. переиздания 2008 и 2013 гг., а также турецкое издание 2009 г.). В настоящее время, благодаря выходу из печати сопровождаемого научным комментарием полного корпуса дипломатических донесений и других документов консульской службы Леонтьева², публикации известных на сегодняшний день леонтьевских писем 1853–1882 гг.³, а также ряда других материалов, исследователи получили надежную базу для формирования объективной оценки К. Н. Леонтьева как дипломата.

¹ Жуков К. А. Русский консул на Востоке: К. Н. Леонтьев в Османской Турции в 1863–1874 гг. (по дипломатическим донесениям) / XXIV Международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки», 10–12 апреля 2007 г.: Тезисы докладов. СПб., 2007. С. 69–70; Он же. И. И. Хемницер — первый русский генеральный консул в Смирне (1782–1784) — о Турции и турках / «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций»: XXV Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2009 г.: Тезисы докладов. СПб., 2009. С. 305.

² Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 10. Кн. 1–2. СПб., 2017.

³ Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 11. Кн. 1–2. СПб., 2018–2019.

Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург)

Роль дипломатической службы в Константинополе в научной деятельности Йозефа фон Хаммера-Пургштала

Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) был не только выдающимся востоковедом, переводчиком восточных литератур и историком, но также и государственным служащим и дипломатом. За время своей дипломатической службы он побывал в Турции, Египте, Англии, Молдавии, Франции.

О своей карьере, дипломатической и научной деятельности Хаммер-Пургшталь подробно рассказывает в своих мемуарах «Воспоминания из моей жизни. 1774–1852» («Erinnerungen aus meinem Leben. 1774–1852»), Вена-Лейпциг, 1940. В них автор описывает учебу в Восточной Академии, события, происходившие во время обучения, воссоздает исторический фон, на котором разворачивалась его служба, открывает читателям картину дипломатической жизни в Константинополе, показывает австрийскую «дипломатическую кухню», приводит портреты западных и русских дипломатов, а также ряда турецких деятелей.

В 1794 году Хаммер-Пургшталь окончил основной курс обучения в императорско-королевской Восточной Академии в Вене, ученики которой при любой возможности привлекались в качестве переводчиков и практикантов во время приема иностранных дипломатических миссий. В 1799 году Хаммер-Пургшталь поступил практикантом на государственную службу в интернунциатуру (австрийскую миссию) в Константинополе, где основными его обязанностями были работа в канцелярии, практика турецкого языка, а также посещение торжественных приемов и балов. Помимо ведения канцелярских дел, Хаммер-Пургшталь занимался научной деятельностью, переводами литературных произведений, посещал общественные учреждения, библиотеки, книжные рынки, типографию, приобретал восточные рукописи, коллекционировал изданные в Константинополе книги. Два года провел Хаммер-Пургшталь в турецкой столице, посетив за это время Родос и Египет, куда он сопровождал английского капитана Сиднея Смита во время его экспедиции против французов. Посетив после этого Англию, Хаммер-Пургшталь вернулся на родину, а осенью 1802 года в качестве секретаря дипломатической миссии вновь был направлен в Константинополь. Он продолжал заниматься своими научными изысканиями: трудился над переводами с восточных языков, пополнял свою коллекцию ценных рукописей и книг, путешествовал по окрестностям Константинополя, составляя топографические описания. В 1806 году из-за личной неприязни руководства Хаммер-Пургшталь был снят с занимаемого поста, и в должности генерального консула отправлен в Яссы, однако уже в 1807 году его отозвали назад в Вену. Больше он не видел ни Яссы, ни Константинополь.

«В июне 1807 года я отвернулся от Турции как путешественник и дипломат, но остался верен ей как востоковед и литератор»¹.

После ознакомления с реалиями Османской империи и взглядом на ее правительство Хаммер-Пургшталь сделал вывод о ее непрекращающемся упадке и бесперспективности реформирования на западноевропейский манер. На протяжении своей службы он только укреплялся во мнении о неизбежности распада Османской империи и ее неминуемой гибели.

Дипломатическая карьера Хаммера-Пургшталья явилась базой его научной деятельности. Помимо исполнения своих прямых обязанностей, Хаммер-Пургшталь, путешествуя по различным странам, посещал библиотеки, изучал географию и заводил знакомства с видными востоковедами своей эпохи. Он не жалел средств на приобретение изданных в восточных странах книг, понимал важность сбора и обработки исторических источников, и оставил последующим поколениям ученых не только свои труды, но и оригинальные рукописи, сбором и покупкой которых занимался на протяжении всей своей дипломатической карьеры.

Люльчак А. С. (НИУ ВШЭ, Москва)

Образ «врага» в кемалистской карикатуре (по материалам журналов «Смеющееся лицо» («Güleyüz») и «Карагёз» («Karagöz»))

Образ «врага» и образ «чужого» являются одними из самых распространенных в сфере имагологии. Ответы на вопросы «Кто видит изображение?»; «Что изображено?»; «Как изображено?» и «Почему изображено именно таким образом?» позволяют понять то, каким образом используются образы «врага» и «чужого» и почему именно этот (а не другой) образ используется в определенном контексте.

В период Турецкой Освободительной войны (1919–1922) одним из самых распространенных образов, тиражировавшихся в турецкой юмористической прессе и позиционировавшийся одновременно как «Враг» и «Чужой» был образ грека и, в частности, греческого короля Константина I (годы правления 1913–1917, 1920–1922).

Основная цель данного исследования — определить, какие символы использовались в турецкой кемалистской юмористической прессе времен Освободительной войны 1919–1922 гг. Наиболее частым и наиболее популярным врагом, чей образ использовался в карикатурах, был образ грека или образ короля

¹ Hammer-Purgstall J. von. Erinnerungen aus meinem Leben. 1774–1852. Wien- Leipzig, 1940. S. 169

Греции. Данную динамику можно объяснить тем, что именно с греческими войсками вели боевые столкновения кемалисты. Король Константин являлся частым объектом нападков со стороны двух знаковых турецких юмористических журналов: «Смеющееся лицо» («Güleyüz») и «Карагёз» («Karagöz»).

Исследование строилось на изучении карикатур, опубликованных в двух юмористических журналах «Смеющееся лицо» («Güleyüz») и «Карагёз» («Karagöz»). Журнал «Карагёз», издававшийся с 1908 г., стал рупором не только османской пропаганды в течение Балканской и Первой мировой войн, но и во время Освободительной войны, когда журнал в своих карикатурах поддержал кемалистов. Стоит выделить журнал «Смеющееся лицо» («Güleyüz»). Журнал был основан год спустя после учреждения ВНСТ, то есть в начале 1921 г., журналистом и художником-карикатуристом Седатом Симави (1896–1953). Журнал публиковался до 22 июня 1922 г. раз в неделю по четвергам, однако затем сменил формат работы на публикацию два раза в неделю, что говорит о возросшей популярности журнала и о наличии читающей публики у нее.

По данной тематике имеются работы на турецком языке, в частности работа Mustafa Böyük из университета Эрджиес, посвященная журналу «Смеющееся лицо» («Güleyüz») и ее автору, карикатуристу Седату Симави и работа доктора исторических наук, профессора университета Гази в Анкаре Bülent Akbaba и доцента университета Гази Togaу Seçkin Birbudak, рассматривающую использовавшийся в контрасте с образом «врага» образ Мустафы Кемаль-паши. Тем не менее, вышеуказанные работы не акцентировали свое внимание на изучении образа «врага» с точки зрения имагологии, то есть выделения определенных критериев, характерных исключительно для образа грека в кемалистской карикатуре. Данное исследование призвано рассмотреть и проанализировать, с точки зрения имагологии, характерные образы и символы, использовавшиеся при создании образа «Врага» в кемалистских юмористических журналах на примере образа грека и короля Константина I.

Анализ карикатур с использованием методов современной имагологии позволил выявить несколько тенденций, базирующихся на идеологических аспектах кемалистской пропаганды времен Национально-освободительной борьбы 1919–1922 гг. Использование образа грека имело несколько специфических черт. Во-первых, грек-простолудин (чаще всего именовался «Георго») изображался не только в качестве захватчика, но и в качестве «щита» для своего короля Константина. Во-вторых, сам король изображался сумасшедшим маньяком, который бросается из одной авантюры в другую. Выставляя греческого короля в качестве умалишенного и психически неуравновешенного человека, неспособного к командованию, кемалистская юмористическая пресса намеренно использовала негативный образ короля Константина I для очернения, а также для еще большего сплочения турецкого народа в борьбе против иностранного агрессора.

Погуляева Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

К вопросу об алфавите как элементе языковой политики черкесской диаспоры Турции¹

Письменность, будучи важной частью языковой культуры, выполняет такие функции, как сохранение исторического наследия, передача его другим поколениям, обучение языку, коммуникация на расстоянии. При этом она выступает как один из аспектов языковой политики, что показывают, например, переход на латиницу ряда постсоветских государств после распада СССР, споры о смене алфавита в республиках РФ² и др.

Данный вопрос особенно актуален для этнических групп, язык которых изначально существовал в основном в устной форме, — одной из них являются черкесы (адыги). Попытки создания письменности черкесского языка предпринимались с начала XIX в. на основе арабицы, кириллицы и латиницы³. В систематическом виде алфавит разрабатывался и стал доступен для всего населения только после создания СССР⁴, что, естественно, не касалось диаспоры.

Турецкие черкесы были подвержены ассимиляции в результате политики Турции в XX в. и урбанизации в последние десятилетия. Полемика об алфавите в диаспоре началась в 2000-х годах, когда в Турции стало возможным открытие частных курсов для преподавания «родных» языков, которые официально именовались как «разные языки и диалекты, традиционно используемые турецкими гражданами в повседневной жизни» (2003 г.⁵). Еще более актуальной эта тема стала после введения уроков по выбору некоторых из этих языков в средних школах⁶ с 2012–2013 уч. года.

¹ Исследование проведено в 2018–2021 гг. в рамках реализации Центром междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета ряда научных проектов по изучению черкесского национального движения в России и за рубежом.

² Тишков В. Язык и алфавит как политика // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2001. № 35.

³ Зекох У. С. Краткая история адыгейской письменности // Вопросы адыгейского языкознания. Вып. 3. Майкоп, 1983. С. 88–95.

⁴ См. Кабардино-черкесский язык: В 2 т. Т. I. Создание письменности, Фонетика и фонология. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 2006. С. 37–38.

⁵ Yabancı Dil Eğitimi ve Öğretimi ile Türk Vatandaşlarının Farklı Dil ve Lehçelerinin Öğrenilmesi Hakkında Kanun [Электронный ресурс] // Т. С. Cumhurbaşkanlığı Mevzuat Bilgi Sistemi. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.2923.pdf> (дата обращения: 24.01.2021).

⁶ Т. С. Milli Eğitim Bakanlığı Temel Eğitim Genel Müdürlüğü. 2018–2019 Eğitim Öğretim Yılında Okutulacak Seçmeli Dersler [Электронный ресурс] // Milli Eğitim Mevzuatı. URL: <https://www.maarifmevzuati.com/wp-content/uploads/2019/03/2018-2019-EGITIM-OGREITM-YILINDA-OKUTULACAK-SECMELI-DERSLER.pdf> (дата обращения: 22.01.2021).

Черкесские организации Турции не пришли к единому мнению о том, какой алфавит лучше подходит для изучения адыгского языка, и сформировалось два блока: сторонники латиницы и сторонники кириллицы.

В 2004 г., после «Конференции родного языка и алфавита» 16–19 мая 2004 г., Федерация кавказских ассоциаций (Kafkas Dernekleri Federasyonu, Kaffed) приняла решение о применении кириллицы в преподавании адыгского и абхазского языков¹. Kaffed и ее ассоциации используют этот алфавит во всей работе, связанной с письменным адыгским языком. Одна из двух официально утвержденных программ по изучению адыгского языка в турецких школах была разработана Kaffed.

Сторонники латиницы, в свою очередь, 14 марта 2012 г. основали Ассоциацию адыгского языка (Adıge Dil Derneği, Adder)², связанную с деятельностью Федерации черкесских ассоциаций (Çerkes Dernekleri Federasyonu, Çerkes-Fed)³. Ассоциацией был разработан собственный вариант алфавита адыгского языка на основе латиницы. В 2015 г. Adder предоставила свою программу обучения адыгскому языку на латинице в средних школах⁴. Это вызвало негативную реакцию сторонников кириллицы: по их мнению, два параллельно существующих проекта усложнят процесс открытия классов⁵, латиница будет способствовать разобщению с российскими черкесами⁶ и она неудобна для практического использования⁷. Против также выступили несколько зарубежных лингвистов:

¹ Paşu M. Çerkeslerin Yeni Sorunu: Adıge Dil Derneği (Adder) [Электронный ресурс] // Kafkas Dernekleri Federasyonu (Kaffed). URL: <https://www.kaffed.org/kose-bucak-yazilari/item/2592-çerkeslerin-yeni-sorunu-adıge-dil-derneği-adder.html> (дата обращения: 03.05.2020).

² Özden M. Halkına Adanmış Bir Yaşam: Ali İhsan Tari [Электронный ресурс] // Özgür Çerkes. URL: <http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=911318> (дата обращения: 09.10.2020).

³ Примечательно, что в 2017 г. в Турции сторонниками кириллицы была основана еще одна Ассоциация адыгского языка (Ассоциация Черкесского (Адыгейского) Языка и Литературы, г. Дзюдже), которая сотрудничает с Каффед. URL: <https://www.adigabzhexase.org/tr/constitution/> (дата обращения: 24.01.2021).

⁴ Топчу (Папшу) М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Майкоп, 2017. Вып. 12 (36). С. 147–153.

⁵ Alfabe Konusunda Zorunlu Açıklama [Электронный ресурс] // Kafkas Dernekleri Federasyonu (Kaffed). URL: <https://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/2584-alfabe-konusunda-zorunlu-aciklama.html> (дата обращения: 14.12.2020).

⁶ Anadil Eğitime Vurulmaya Çalışan Darbe [Электронный ресурс] // Kayseri Kafkas Derneği. URL: <https://www.kaysarikafder.org.tr/2015/03/anadil-egitimine-vurulmaya-calisan-darbe/> (дата обращения: 15.12.2020).

⁷ Nartuserij. Çerkes Halkına Büyük İhanet: Adıge Dil Derneği [Электронный ресурс] // Nart Zevatha. URL: <https://nartuserij.wordpress.com/2015/04/03/cerkes-halkina-buyuk-ihanel-adige-dil-dernegi/> (дата обращения: 20.01.2021).

с их точки зрения, предложенный проект уподобляет фонемы адыгского языка фонемам турецкого языка, а не отражает реальную структуру¹.

В свою очередь, Adder заявляет, что обучение на латинице будет происходить быстрее, что рационально в условиях ограниченности количества занятий², однако этот аргумент нельзя назвать решающим. Существуют и скрытые факторы, выражающиеся, в частности, в негативных высказываниях сторонников латиницы в адрес России³, заявлениях руководства ассоциации о том, что язык является единственным отличием между черкесами и турками⁴ и т.д. Данные события показывают, что суть полемики об алфавите в черкесской диаспоре, как и любой языковой политики, как правило, кроется не только в лингвистических, но и в социальных и политических противоречиях.

Суриков К. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Противоречия военной стратегии и устройства армии Блистательной Порты в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сквозь призму османской исторической публицистики и трудов османских военачальников

В докладе представлены результаты исследования преимуществ и недостатков стратегии Османской империи и устройства ее армии в войне 1877–1878 гг. в изложении османских историков, кадровых военных и государственных деятелей.

В основе работы лежит компаративный анализ современных исследований и трудов османских государственных, военных и научных деятелей, результатами которого является выявление и корректировка неточностей в современных работах. Анализируются ранее не задействованные источники, к числу которых можно отнести работу османского историка Османа Нури «Абдул-Хамид II и эпоха султаната. Описание жизни личной и политической»

¹ Nartuserij. Çerkes Halkına Büyük İhanet: Adige Dil Derneği [Электронный ресурс] // Nart Zevatha. URL: <https://nartuserij.wordpress.com/2015/04/03/cerkes-halkina-buyuk-ihanet-adige-dil-dernegi> (дата обращения: 20.01.2021).

² Adige Dil Derneğinden Zorunlu Açıklama [Электронный ресурс] // Danef. URL: http://www.danef.net/adder_pdf/1417439290_ad.pdf (дата обращения: 24.01.2021).

³ Karden M. Kiril Mi Yoksa Latin Mi ? Politik Mücadelenin Diğer Bir Alanı [Электронный ресурс] // Cherkessia. URL: http://www.cherkessia.net/author_article_detail.php?article_id=3994 (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Adige Kültür Merkezinin Açılışı 22.10.2017 [Электронный ресурс] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/adigedildernegi/videos/2358473154464609> (дата обращения: 24.01.2021).

(Стамбул, 1909), труд османского военного историка, кадрового военного в чине майора Бинбаши Ихсана, «Военная история» (Стамбул, 1923), а также труд военного министра Османской империи, генерального инспектора 1-й, 2-й и 3-й армий Махмуда Шевкет-паши «Организация и обмундирование османской армии. История османской армии от её создания до наших дней» (Стамбул, 1907).

Политический аспект русско-турецкой войны представляет большой интерес для историков-востоковедов, однако помимо него в конфликте присутствует и иной, в меньшей степени изученный, военно-технический аспект, более подробное рассмотрение которого позволяет лучше понять причины катастрофического поражения Османской империи в войне с Россией.

Насколько выгодна была избранная Османской империей стратегия войны? Насколько совершенными являлись механизмы османской военной машины? Под влиянием каких факторов они складывались? Насколько важен военно-технический аспект при рассмотрении причин поражения Османской империи? — более полное раскрытие данных вопросов способно заполнить имеющиеся лакуны в исследованиях на эту тему, а также составить более полное понимание хода войны и факторов, на него влиявших.

Эти вопросы не ускользнули от внимания исследователей. Они поднимаются в работах российских и советских историков и востоковедов, например, Ю. А. Петросяна, Н. И. Беляева, а также зарубежных ученых, Эрика Цюрхера, Месута Уяра и Эдварда Эриксона (Uyar Mesut, Erickson, Edward J. A military history of the Ottomans. From Osman to Atatürk, Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2009), Стэнфорда Шоу (Shaw, Stanford J. History of the Ottoman Empire and modern Turkey, volume II: Reform, Revolution and Republic: The rise of the modern Turkey, 1808–1975, New York, Cambridge University Press, 2002).

Однако приводимые в упомянутых исследованиях данные, например, указанные Н. И. Беляевым цифры потерь обеих сторон в штурмах Плевны, его утверждения об отсутствии высших организационных звеньев в османской армии, а также указанные Н. И. Беляевым и Эдвардом Эриксоном модели винтовок, использовавшихся османской армией, нуждаются в уточнении, а ряд выводов требуют ревизии с учетом новой информации из ранее не использованных османских источников.

Опора на материалы османских источников позволяет составить представление о том, какие преимущества и недостатки избранной стратегии, подбора командования и устройства армии видели современники или непосредственные участники тех событий в самой Османской империи. Становится возможным сделать вывод о том, что османские военные деятели подвергали жесткой критике поведение командного состава в войне 1877–1878 гг., а историки отмечали непригодность генералитета к исполнению своих обязанностей. Кроме того, использование османских источников позволяет составить более полную

картину устройства османской армии, а также скорректировать представление о нем в работах предшественников.

Таким образом, введение в научный оборот новых источников может способствовать ревизии, углублению и уточнению сведений и представлений историков-востоковедов о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Цибенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

«Вырастить хороших людей по всему миру»: развитие суфийской идеи служения в деятельности фонда «Маариф»

Турецкий фонд «Маариф» со штаб-квартирой в Стамбуле учрежден законом №6721 в 2016 г. сразу после попытки военного переворота в Турции для обеспечения всех уровней и видов образовательной деятельности от лица Турецкой Республики за рубежом. Представительства «Маариф» открыты в 52 странах, в 67 ведется деятельность (в первую очередь, в Африке, а также на постсоветском пространстве, в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке). С 37 странами, в числе которых Россия, фонд поддерживает официальные контакты.

На данный момент фонд содержит 332 школы, большая часть которых располагается в Пакистане, Афганистане, Африке, на Балканах. Также школы фонда открыты в США, Австралии, Германии, Франции, Австрии, Бельгии, Белоруссии, Грузии. Помимо того, фонд открывает детские сады, университеты, курсы, культурные, спортивные и образовательные центры, библиотеки, лаборатории, общежития, проводит исследования, научные и образовательные мероприятия, издает журналы, обеспечивает стипендии и пр. Своей деятельностью фонд охватывает более 40 тысяч обучающихся¹.

Руководящий попечительский совет состоит из 12 человек, четверых из которых назначает лично президент Турции, троих — Кабинет Министров, двоих — Министерство национального образования, по одному — Министерство иностранных дел, Министерство финансов и Совет по высшему образованию. Финансирование осуществляется, в первую очередь из средств Министерства национального образования (в 2016–2019 гг. 1,3 млрд тур. лир). При этом руководство фонда пользуется за рубежом дипломатическими паспортами, руководители образовательных учреждений фонда и преподаватели — служебными.

Заявленная цель фонда — познакомить детей всего мира с культурой Турции, представлять население и ценности страны за рубежом или, словами

¹ Dünüyada Türkiye Maarif Vakfı [Электронный ресурс] // Türkiye Maarif Vakfı. URL:<https://turkiyemaarif.org/page/42-dunyada-tmv-16> (дата обращения: 29.01.2021).

главы попечительского совета Бирола Акгюна: «вырастить хороших людей по всему миру»¹. В этой связи образовательная модель фонда представляет собой светскую по форме, но исламскую по содержанию с выраженным турецким национальным компонентом. В качестве ценностной рамки фондом задаются идеи служения как исламского «миссионерства» (тур. *xizmet*) с отсылкой к образу известных суфиев XII-XV вв., представляемых как основатели собственно турецкого ислама.

Такая религиозная особенность деятельности фонда может быть обусловлена не только намерением создать положительный образ турецкого ислама по всему миру, но и поставленной перед фондом задачей взять под контроль турецких властей разветвленную международную сеть образовательных учреждений проживающего в США турецкого проповедника Фетхуллага Гюлена. Сам он был обвинен в организации военного путча, а его движение «Хизмет» признано в Турции террористической организацией.

Если гюленистские школы продвигают по всему миру идеи и этику восходящего к накшбандийской ветви суфизма турецкого проповедника Саида Нурси и его ученика Фетхуллага Гюлена (оба имели проблемы с законом и выступали против турецких властей), то «Маариф» в противовес развивает идею служения «истинных» турецких суфиев на благо государства и нации. Об успешности этой деятельности можно судить лишь по косвенным признакам. На 2018 г. только 97 из 700 школ сети перешли под контроль «Маариф» в 12 из 108 стран².

Шалак М. Е. (ЮФУ, РГУПС, Ростов-на-Дону)

Османская хроника Абдуллы ибн Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак» как источник по истории Крымского ханства

Хроника османского автора Абдуллы ибн Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак» («Летописи Кыпчакской степи») относится к малоизученным историческим источникам эпохи позднего средневековья. Она посвящена истории Крымского ханства. Внимание автора к Крыму обусловлено тем, что отец Абдуллы — Ризван-паша, был наместником Кефе (Кафы) в 1610 г. На сегодняшний день известны две рукописи сочинения Абдуллы б. Ризвана. Одна

¹ Akgün B. Müttevelli Heyeti Başkanı Mesajı. 'Hedefimiz tüm dünyada güzel insanlar yetiştirmek' [Электронный ресурс] // Türkiye Maarif Vakfı. URL: <https://turkiyemaarif.org/page/65-mutevelli-heyeti-5> (дата обращения: 30.01.2021).

² Улан Алымкул уулу Эшматов. Что из себя представляет и какие цели преследует фонд «Маариф» [Электронный ресурс] // Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-maarif-turkey/29476939.html> (дата обращения: 29.01.2021).

находится в Национальной Библиотеке в Париже. Эта рукопись снабжена французским переводом, выполненным в 1737 г. Пьером Делонэ¹. В ней изложение истории Крымского ханства доведено до Бахадур Гирея (1637–1641). В конце парижской рукописи содержится хронологический перечень крымских ханов от Менги Гирея (1478) до второго правления Каплан Гирея (1713), дописанный уже позднее. Вторая рукопись «Теварих» хранится в собрании рукописей дворца Топкапы в Стамбуле. В 1778 г. она была переписана в Стамбуле Османом Кырыми, а позже попала в коллекцию султанского дворца, о чем свидетельствует печать с тугрой Селима III на ее титульном листе.

Название хроники было дано А. Зайончковским². В парижской рукописи отсутствует титульный лист, поэтому в каталоге Э. Блоше она озаглавлена как «Tarikh-i Krim, Abd Allah, fils de Rizwan Pacha». Французский перевод хроники Пьера Делонэ озаглавлен «Abrégé de l'histoire des quatorze premiers khans». Рукопись, хранящаяся в Стамбуле, на титульном листе имеет другое заглавие³.

Впервые «Теварих» была издана А. Зайончковским в 1966 г. в Варшаве на основе турецкой рукописи. Издатель полагает, что хроника была написана Абдуллой ок. 1638 г. На это указывает упоминание в тексте парижской рукописи имени покровителя автора — каймакама Мусы-паши. Однако в стамбульской рукописи Абдулла б. Ризван своим покровителем называет капудана Хусейна-пашу. Возможно, смена имени покровителя в хронике была обусловлена опалой одного из них.

А. Зайончковский выделяет в хронике пять смысловых частей: вступление, описание Дешт-и Кипчак, генеалогия Кипчаков (Чингизидов), краткая история Крыма от Хаджи Гирея, заключение. Опустив первые три части, следует обратить особое внимание на изложение Абдуллой б. Ризваном истории Крымского ханства. Стоит указать на некоторые интересные моменты. Так об основателе ханства — Хаджи Гирее, сообщается только то, что он был приемником хана Мухаммеда и скончался в 880 г.х. (1475/76 г.). Хаджи Гирей имел 12 сыновей, которые начали борьбу за власть сразу после смерти отца. Затянувшейся гражданской войной в Крымском ханстве воспользовались его соседи-«неверные», которые расширили свои территории вплоть до крымских владений. Один из его сыновей — Менгли Гирей, сумел взойти на трон, но через несколько месяцев был свергнут братьями. Тогда он уходит в Мангуп, который тогда принадлежал «неверным», чтобы попросить у них помощи.

¹ Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи» (Теварих-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М.: Наука, 1969. С. 11.

² Zajączkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIIe siècle. Ed. crit. avec la trad. française du XVIIIe siècle. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1966. S. 13.

³ Зайончковский А. «Летопись Кипчакской степи». С. 13.

Узнав о происходивших в Крыму беспорядках, султан Мухаммед II Завоеватель отправил туда своего великого визиря Ахмеда-пашу с флотом в 300 галер. Вначале турки осадили и взяли Кафу. Ее жители отступили к Мангупу. Далее следует довольно подробное описание этой крепости. Великий визирь не стал штурмовать Мангуп, а решил блокировать и взять его измором. Блокада продолжалась несколько дней. Во время осады Мангупа его наместник каким-то образом выехал из города. Турки захватили его в плен. Узнав об этом, жители стали покидать город. Беглецы оказались схваченными и доставлены к великому визирю. Тот в свою очередь отправил пленных в Константинополь. В их числе оказался и Менгли Гирей.

В Стамбуле Менгли Гирей был принят Мухаммедом II с большим почетом. Султан осыпал его подарками и назначил ханом Крыма, повелев отчеканить монету с его личной печатью. Так крымский хан признал над собой покровительство турецкого султана.

Самая ценная информация заключается в сообщениях автора, как очевидца событий, описывающих борьбу за власть в Крымском ханстве в 1610-х гг.

Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Опыты конструирования прошлого в Турции: от кемалистского «Турецкого исторического тезиса» к «урокам истории» Реджепа Эрдогана

В докладе представлены результаты исследования стратегии исторической политики в Турции на разных этапах новейшей истории страны. Работа построена на анализе текстов исторических работ и научной публицистики 1930-х и 1940-х, материалов прессы второй половины XX — нач. XXI в. и выступлений государственных и политических деятелей, озабоченных вопросами исторической памяти (от Кемаля Ататюрка до Реджепа Эрдогана).

Процессы политизации истории были характерны для Турции на всем протяжении XX и начала XXI вв. Однако, если на этапе становления кемалистской Турции их основной вектор развития был направлен в сторону негативной ревизии османского прошлого в форме насильственной культурной амнезии, а в последствии его тотальной национализации, выражавшейся в виде своеобразного ребрендинга «османского наследия» в «истинно турецкое», то на рубеже веков ситуация кардинальным образом изменилась. Теперь уже объектом негативной ревизии, референтной точкой для формирования образа «другого» и питательной почвой для выноса в публичное политическое поле исторических обид стали создатели светской Турецкой Республики. Османская империя, наоборот, предстала колыбелью мировой цивилизации,

наиболее успешным примером исламской империи и уникальным образцом либерального многонационального государства, опирающегося на ценности мультикультурализма.

В отличие от кемалистов, которые ради нивелирования исторических обид и преодоления исторических травм от поражения в Первой мировой войне и потери Османской империи, обратились сначала к конструированию исторического мифа о тюрках как создателях мировой цивилизации, а затем к национализации блистательных страниц османского прошлого, идеологи эрдогановской Турции иначе подошли к решению задачи «примирения с историческим прошлым». Реабилитация позднеосманского периода и особенно одиозного султана Абдулхамида II фактически перевернула с ног на голову весь предшествующий исторический нарратив, заклеянный как «официально искаженный». Из виновника крушения Османской империи Абдулхамид II превратился в радателя Османской империи как мировой державы и мудрого правителя, который мог бы увести свою страну от гибели в Первой мировой, если бы его не свергли младотурки. Последние, в свою очередь, оказались виновны не только в распаде империи, но и внедрении пагубной ментальности — источника всех бед и проблем Турции в XX и XXI в. Все это давало возможность ПСР представлять свое противостояние оппозиции внутри страны и критикам за пределами Турции как борьбу за историческую справедливость. Ведь главным внутренним врагом в лице НРП стала не просто оппозиционная партия с большим электоральным потенциалом, но наследница пагубной «младотурецкой ментальности».

Построение исторической политики на основе бинарной оппозиции добра и зла, справедливого и несправедливого, прозападного и антизападного давало возможность ПСР представить политический процесс в Турции в совершенно иной плоскости — как идеологическое противостояние и борьбу с искаженным кемалистами «официальным» историческим нарративом.

По своему содержанию и направленности историческая политика Эрдогана и предложенные методы преодоления исторических травм по сути оказались повторением пройденного в 1920–1930-е гг. Критикуя установленную кемалистами на заре республики монополию на «официальную историю» и его необходимость заменить на «реальную», Эрдоган не стал создавать условия для конкуренции разных подходов и трактовок исторического прошлого (в условиях, когда каждая политическая сила в стране склонна создавать свою версию османской истории и использовать ее в своих интересах, такой плюрализм мнений виделся опасным и контрпродуктивным), а взялся за внедрение своей «реальной истории» как новой «официальной». И долгожданное примирение с османской историей обернулось новым витком политической приватизации истории.

Юсупова А. Ш. (КФУ, Казань)

Словарь Ахмеда Вефика-паши «Лехче-и Османи»

В XIX в. изучение языков и быта тюркских народов приобрело в большие масштабы. Создавались новые толковые, переводные, идеографические словари. Увеличивалось число языковедов-тюркологов, среди которых были прекрасные специалисты. К примеру, одним из наиболее известных знатоков тюркских языков был основоположник турецкой лексикографии Ахмед Вефика-паша.

«Лехче-и Османи» — первый толковый словарь турецкого языка. Ахмед Вефик-паша подготовил и опубликовал его в 1873–1876 гг. После 1889 г. он доработал «Лехче осман» и опубликовал второе издание с новой структурой. В первом издании «Лехче осман» Ахмед Вефик-паша привел турецкие, арабские и персидские слова без какого-либо упорядочения. Второе издание состояло из двух томов. Первая часть словаря, которая имеет в общей сложности 1455 страниц, разделена на арабские, персидские и западные слова. Во второй части работы были приведены слова, заимствованные из арабского и персидского языков и используемые только в письменном турецком языке.

В предисловии к «Лехче-и Османи» автор пишет, с какой целью он создал данный словарь и как разместил в нем информацию о словах турецкого языка. Его целью было определить арабские, персидские и иностранные слова, используемые в османском языке, и поместить оригинальные турецкие слова в словарь. В последнем абзаце преамбулы он написал, как видит турецкий язык в целом. Он дал краткую информацию о существующих турецких диалектах. Он писал, что тюркские языки должны рассматриваться и изучаться в сравнительном аспекте.

Лехче-и Османи — первый турецкий толковый словарь, который внес много инноваций в турецкую лексикологию. В нем впервые Ахмед Вефик-паша использовал турецкие диалекты и тексты наряду с многочисленными арабскими и персидскими источниками

Всего в словаре 6329 слов. Среди лексических единиц 45 на итальянском, 13 на древнегреческом, 12 на французском, 8 на греческом, 2 на латинском, 2 на английском, 1 на немецком языках, и по одному слову на языках иврит и хинди.

Лехче-и Османи — одно из основополагающих произведений турецкого языка в области лексикографии. Хотя работа носит имя «Лехче-и Османи», эта работа посвящена турецкому языку. Фактически, до публикации «Лехче-и Османи» Османское государство испытывало огромную необходимость в составлении хорошего, богатого словаря турецкого языка.

Ахмед Вефик-паша использовал разные методы объяснения в «Лехче-и Османи». Он не ограничивался только арабскими и персидскими переводами.

Использовались такие методы, как объяснение перевода и приведение примеров использования.

Ахмеда Вефик-пашу критиковали за включение турецких слов в словарь «Лехче-и Османи». Так как, по мнению знатоков языка того времени, значение турецких слов известно всем и необязательно включать их в словарь. С появлением данного словаря турецкая лексикография приобрела новые масштабы. По мнению османских ученых-лексикологов, этот словарь являлся отражением национального турецкого языка. Более того, он стал базой для формирования официального османского языка.

На основе обширного литературного материала словаря Ахмеда Вефика-паши «Лехче-и Османи» можно выявить тенденции обогащения турецкого языка, исследовать арабо-персидские заимствования в турецком языке и также общую концепцию составления толковых словарей в XIX в. в тюркоязычном мире.

СЕКЦИЯ IV • SECTION IV
ИРАНИСТИКА И АФГАНИСТИКА
IRANIAN AND AFGHAN STUDIES

Bazilenko Igor V. (SPbU, St. Petersburg)

John Malcolm (1769-1833) in History of Iran

The author of nine books on the history of the Orient¹ Sir John Malcolm entered life in 1782, as a cadet in the service of the East India Company; and a part of his success is to be ascribed to the zeal with which he applied himself at first to study the manners and languages of the Orient. Having distinguished himself with an extreme cruelty at the siege of Seringapatam (Srirangapatna) in 1792, he was appointed by Lord Cornwallis (173–1805) to the position of Persian military interpreter. In 1795 he was appointed secretary to the commander-in-chief. In 1797 he became captain; and from that time to 1799, he was engaged in a variety of important services, terminating at the fall of Seringapatam.

At the end of 1799 John Malcolm was entrusted with Iranian mission in order to make the requisite arrangements for the renewal of the embassy. He accomplished the mission in a manner that afforded the highest satisfaction for the East India Company.

Tasks of the Malcolm's mission were to investigate a political situation in Iran, to enter Iran to mainstream of the British policy and to force the Iranian government to obey the British rules in region of the Persian Gulf. Malcolm's mission staff arrived in Bushehr in February 1800. Later Malcolm signed two treaties of great

¹ Malcolm J. A History of Persia. Vol.1–2. L., 1823. Sketches of Persia. L., 1827. Memoir of Central India. L., 1823. Political History of India from 1784 to 1823 L., 1826. Sketch of the Sikhs L., 1812.

importance in Tehran. His success was highly estimated and he became a private secretary of the Governor-General Marquess Wellesley (1760–1842) in 1801. The British government approved results of activity of this mission in general, but could not excuse Malcolm's wasteful expenditure for a long time¹.

In January 1802 he was raised to the rank of major; in January 1803 he was nominated to the presidency of Mysore. In December 1804, he was promoted to the rank of lieutenant colonel. In June of the following year, he became a chief agent of the Governor-General, and he continued to serve until March 1806, having successfully concluded several very important treaties during that period. There Malcolm elaborated his plan of colonization of the Persian Gulf region.

Though John Malcolm's plan was filled by aggressive aspirations of Great Britain, the subject of "defense of India" from France was not mentioned in it even. The British historiography traditionally regards Malcolm's plan as an occasional plan of somewhat eccentric person who did not take into consideration "peaceful commercial interests" of Great Britain in the Persian Gulf in XIX century. The British researchers contended that the British government never approved this plan². Nevertheless, it is impossible to neglect the fact that John Malcolm formed the plan as the British official of high rank. Malcolm's plan met with Governor-General of India political council approval on August 30, 1808. The agenda of the council included the problem of invasion into the Persian Gulf region. Later the British government conferred wide powers on John Malcolm to fulfil his plan³.

In July 1827, they appointed John Malcolm to the high and responsible position of Governor of Bombay. In 1831 he finally returned homeland. There is no doubt, that he was appointed to the Governor of Bombay as the official who had comprehended correctly the real purposes, aims and objects of the British Oriental policy. All further political steps of Great Britain were made in the region according to his plan. It was required about 60 years for its realization in a general way. Thus, we have no opportunity to consider John Malcolm as an eccentric man or "a lotus-eater" in the political and diplomatic history of Iran.

De Nicola Bruno (Austrian Academy of Sciences)

Re-writing the *Siyar al-Mulūk* in 13th century Anatolia

In the 13th century, during the Ilkhanid period, advice literature gained popularity in Anatolia. Being popular also in Arabophone territories such as Ayyubid Syria,

¹ French General Claude Mathieu de. Gardane asserted that Malcolm had wasted more than 2 billion rupees for bribes. See Gardane C. M. *Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire*. Paris, 1865. P. 41.

² Kelly J. B. *The Life and Correspondence of Sir John Malcolm*. L., 1865. Vol. 1. P. 98.

³ Kaye J. W. *Britain and the Persian Gulf, 1795–1880*. Oxford, 1968. Vol. I. P. 433–435, 438.

the phenomenon has been interpreted primarily as a reflection of the acculturation of both Mongols and Turks to the cultural ethos of their Persianised subjects. Yet, despite the fact that there was certainly a process of Persianisation of the Mongol sovereigns, the majority of these texts were dedicated to local rulers subject to the Ilkhans in Anatolia, Iraq and southern Iran. In Anatolia, a significant number of administrative works were produced in the first half of the 13th century and dedicated to the Seljuq Sultans of Rūm before the Mongol invasion. However, the Mongol invasion of Anatolia transformed not only Seljuq politics but also its intellectual culture, affecting also the composition of advice literature in post-Mongol Anatolia. One particular work of this genre, the *Fusṭāṭ al-'adāla* was composed by an anonymous author and dedicated to the local Chobanid rulers of Kastamonu in 1284. The text is based on the famous *Siyar al-mulūk*, the Persian mirror for princes attributed to the Seljuq vizier Nizām al-Mulk (d. 1092). This paper examines the *Fusṭāṭ al-'adāla*'s adaptations on the original text by scrutinizing the arrangement of content and chapter omissions vis-à-vis the original work. We will argue that the additions made by the author of the *Fusṭāṭ al-'Adāla* to his rendition of the *Siyar al-mulūk* might tell us about the particularities of the religious, political and social history of north-western Anatolia in the second half of the 13th century.

Ravandi-Fadai Lana (Institute of Oriental Studies, RAS; Russian State University for the Humanities)

Letters by Knife, Russian Dervishes and Blood-sucking Serpents: Images from Revolutionary Gilan

Museums and archives in Russia and Iran have preserved propaganda posters, caricatures and portraits made by Iranians and Soviets, both amateur and professional, who were present during the revolutionary events in the Gilan Province in the early 1920s. These understudied visual materials were being posted in the streets, distributed as leaflets and published in contemporary revolutionary newspapers, such as “Red Banner” (*lava-ye sorkh*) and “Red Iran” (*īrān-e sorkh*). Even Ehsanollah Khan, who became the second leader of the Persian Socialist Republic, produced and disseminated some caricatures.

The paper examines visual codes and approaches of several artists engaged in producing these materials. Caricature targets sometimes reveal divergences in the alliances of the artists, and in the goals of local Iranian and “guest” Soviet revolutionaries.

An Iranian graphic artist Mohammed Agha Kesmayi of Resht had already an experience of drawing pictures that mocked the Shah and the Qajar dynasty. Some elements of his style overlap with those of the Russian “lubok” popular prints, as well as with the Soviet and European poster iconography — the serpent/hydra as a symbol of predation, for instance. Other Iranian-produced images related to Gilan

incorporate elements of the Qajar art and traditional pictorial forms, such as carpet patterns and compositions.

Two Russians, known among the locals as “Russian dervishes,” besides loafing around in indigenous garb and passing the time in Gilan’s *chaikhanas* by smoking opium were also involved in making propagandistic drawings. Their pictures tended to focus more on universal class struggle and clearly showed the influence of aesthetic ideas current in the USSR at the time. One of them, a former midshipman in the Soviet Baltic fleet Mecheslav Dobrokovsky was a professional graphic artist. He had developed his own theory of colors and after coming to Iran very quickly learned to chat in Farsi. Steeped in Futurism, he drew stylized images of Gilan revolutionaries such as Ehsanollah Khan, Kuchek Khan and Doctor Kheshmet, who was hanged in 1919. He dubbed his linoleum carvings “pis’ma nozhom” (“letters by knife”). Dobrokovsky’s fellow “dervish” was Vladimir Khlebnikov, one of the leading figures in the Soviet futurist poetry. In Gilan, he not only composed verse but also drew caricatures signed with his Persified nom de plume of “Khlebni.” To be easily and widely distributed, the drawings were being printed on a variety of media including linoleum, calfskin, textiles, lithographs, and cigarette paper used for leaflets.

Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Программные документы и система идеологической подготовки членов ОМИН

«Сазман-е моджахедин-е халк-е Иран» (Организация моджахединов иранского народа, ОМИН) была образована в начале 60-х гг. XX в. участниками Народного фронта и движения за национализацию нефти Мохаммадом Ханифнежадом (1938–1972), Саидом Мохсеном (1939–1972), Али-Асгаром Бадизадаганом (1940–1972) и Абд ар-Реза (Абди) Никбейном Рудсари (1942–2017). Один из основателей ОМИН — Абд ар-Реза Никбейн — на начальном этапе внес значительный вклад в разработку идеологии группы и создание программных тетрадей (*джузва*). Впоследствии он отмежевался от ОМИН, и в настоящее время во внутрипартийной версии развития движения его роль почти не упоминается.

ОМИН представляет собой одно из наиболее структурированных и активных объединений той части иранской постреволюционной эмиграции, которая продолжает политическую и вооруженную борьбу с режимом Исламской Республики. В этом отношении изучение идеологических основ движения, его эволюции, методов подготовки его членов представляет существенный интерес для оценки возможного влияния данной организации на политические процессы, происходящие в ИРИ.

Основатели движения были представителями технической интеллигенции, но при этом являлись выходцами из среды традиционного «среднего класса» (*ахл-е базар*), что предопределило их подходы к формированию идеологических основ организации. В историографии политических движений Ирана ОМИН относят к течению мусульман-марксистов, хотя подобное сочетание материалистической философской системы и исламского вероучения выглядит довольно сложной и противоречивой конструкцией. Очевидно это признавали и сами основатели движения, которые в своих программных документах и внутрипартийных дискуссиях утверждали, что используют исламскую терминологию, чтобы не отрываться от собственной социальной среды, а также способствовать распространению своих взглядов в системе понятий, доступных широким слоям иранского общества (см. Abrahamiyan E. *Radical Islam: The Iranian Mojahedin*. London, 1989, p.131–135).

Как в любой политической структуре, ОМИН разработала систему подготовки и внутрипартийного образования своих членов. Все неофиты в обязательном порядке посещали занятия по трактовке коранических текстов, Сунны и «*Нахдж ал-балага*» в понятийной системе, выработанной в организации и базировавшейся на идеях Али Шариати (1933–1977), Мехди Базаргана (1907–1995) и аятоллы Махмуда Талегани (1911–1979). Сочинения «*Шенахт-е Мохаммад-ага*» Хосейна Рухани, «*Рах-е анбийа — рах-е башар-аст*» и «*Эктесад*» М. Ханифнежада, «*Такаммол*» А. Михандуста, «*Рах-е Имам Хосейн*» Ахмада Разави и «*Динамизм-и Куран*» Раджави составили основной набор методологических и идеологических материалов, сформированных на основании левой идеологии в обрамлении традиционного шиитского понятийного аппарата. Отдельное место в корпусе материалов данной политической группировки занимало сочинение «*Мобарезе чист?*» Абди Никбейна, в котором раскрывались практические стороны политической борьбы и цели движения.

Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

«Четки» Зороастра — еще одно назначение священного пояса зороастрийцев

Ритуальная роль священного пояса зороастрийцев — *кусти* (*кустиг/кустик*, от ср.-перс. *kustīg*; также *ēbyānghan*, от авест. *aīviyānghana*) — хорошо изучена и рассмотрена в целом ряде публикаций несколькими поколениями иранистов¹. В целом *кусти* — это название священного пояса из белой овечьей шерсти, которым следовало опоясываться с ритуальной целью. Основное

¹ Stausberg M. The Significance of the *kusti*. A History of Its Zoroastrian Interpretations // *East and West*, 54/1–4, Roma, 2004, pp. 9–29.

назначение такого опоясывания — защита от злых сил, помыслов и, возможно, приобщение к религиозной группе. В позднем зороастризме *кусти* символизировал путь праведности. Семьдесят две нити, из которых состоял *кусти*, должны были символизировать семьдесят две главы Ясны, литургической части Авесты. *Кусты* повязывался поверх белой рубашки с наступлением совершеннолетия во время обряда посвящения в общину и предназначался для ношения до конца жизни. Традиционно считается, что *кусти* разделяет тело человека на две части — возвышенную и низменную. В Авесте такой пояс носят божества Ардви Сура Анахита («высокоподпоясанная») и Вайу («золотой пояс»). Введение традиции приписывается Йиме (Джамшиду), Зороастр же только подтвердил необходимость его ношения. Со временем *кусти* становится основным элементом одежды каждого зороастрийца. Назначение этого пояса толкуется в многочисленных пехлевийских сочинениях («*Чими-и кустиг*», «*Гуджастаг Абалиш*» и др.). Иная цель ношения такого священного пояса, по-видимому, заключается в том, что он должен был помогать мирянину в борьбе со злыми силами. В настоящем докладе пойдет речь о роли священного пояса в качестве орудия, предназначенного для борьбы со злыми силами, демонами и противниками зороастрийской религии. Как показывают источники, в поздних зороастрийских и персидских сочинениях священный пояс трансформируется в различные орудия или медиумы, предназначенные и используемые для борьбы, в частности, в четки («четки Зороастра») и также в железную цепь («стальную цепь Исфандийара»), полученную некогда в дар от Зороастра.

В средневековом персидском псевдо-зороастрийском сочинении «*Дабистан*» («*Dabīstān-i mazāhib*», XVII в.) приводится легенда об обстоятельствах смерти пророка Зартушта (Заратуштры, Зороастра), якобы почерпнутая из древнеиранского источника. Суть этой легенды сводится к тому, что во время второго нашествия Арджаспа царь Гуштасп находился в гостях у Заля в Систане, его сын Исфандийар сидел в темнице в Деж-Гумбадане, а отец Лохрасп погиб после взятия неприятелем Балха. Один из «турок», по имени Турбаратур или Турбаратурхаш, вошел в молельню Зартушта, и пророк принял мученическую кончину от его меча. Однако Зартушт успел бросить в него свои четки, которые он держал в руках и от них излились ослепительный блеск и пламя, покрывшее Турбаратура¹. Автор «*Дабистана*» приводит для обозначения «четок» Зороастра несколько слов: он называет этот предмет старым персидским словом *šumār-afrāz* (شمار افراز), или *šumār-ifrāz*, от арабск. глаг. فرز «разделять»², означавшим

¹ The Dabīstān, or School of Manners. Translated from the Original Persian. By Shea and Troyer, 3 Vols (Vol. I), Paris, 1843, p. 371–372; Jackson A. V. W., Zoroaster. The Prophet of Ancient Iran, London, 1899, p. 131.

² Steingass F. J., A Comprehensive Persian-English Dictionary, Including the Arabic Words and Phrases to be met with in Persian Literature, London, 1892, p. 758.

инструмент счета и соответствующим, по его мнению, арабскому *subḥa* (سبحه), а также словом *yād-ifrāz* (ياد افراز), обозначающим предмет, позволяющий держать что-либо в памяти. Позднейшая ассоциация священного пояса с четками, вероятнее всего, связана с узлами, повязываемыми спереди и сзади на поясе при трехкратном обвязывании поясницы. Такие узлы могли напоминать бусины (بوسه *muhr*), нанизываемые на нить в четках.

Другой сюжет, в котором можно отметить трансформацию священного пояса *кусти*, на это раз, в стальную цепь, обнаруживается в «Шахнаме» Фирдоуси, и он связан с одним из богатырских подвигов Исфандийара. В данном случае эта цепь служит орудием, с помощью которого эпический герой во время своего четвертого привала убивает безобразную колдунью (*зан-и джаду*) по имени Гул. Поручив свою дружину Пешутену, Исфандийар берет с собой золотую чашу (*джам-е заррин*), полную вина, и устраивает привал в живописной роще у ручья. Завидев его, колдунья превращается в юную красавицу. Исфандийар распивает с ней вино и развлекает ее игрой на тамбуре. Но у него наготове стальная цепь (*пулад-занджир* — بولاد زنجیر), которую когда-то Зардушт подарил Гуштаспу, принеся ее из рая. Исфандийар обвивает той цепью шею колдуньи. Та мгновенно превращается в львицу, а потом принимает свое истинное обличье старухи. Распознав перед собой злую колдунью, герой отрубает ей голову. Тот же сюжет также подробно описан у Са'алиби (سلسلة زردشت — «цепь Зардушта»)¹. Еще в свое время американский иранист А. В. Джексон предположил, что здесь под цепью имелся в виду священный пояс *кусти*².

Таким образом, мы видим, что, согласно более поздним источникам, священный пояс *кусти* также приобрел значение средства, обеспечивающего защиту от противостоящих человеку злых сил, что являлось, несомненно, важным фактором для дуалистической концепции зороастризма.

Баиндурашвили Х. Г. (Грузинский национальный центр рукописей ГНАН, Тбилиси)

Персидские и грузинские источники об иранских исмаилитах, идеологических и политических аспектах их движения

В 60-х годах VIII в. в шиитском исламе сформировалась секта исмаилитов. С первой половины XI в. Иран был охвачен исмаилитской пропагандой. Исмаи-

¹ Histoire des Rois des Perses, par Aboû Manşour 'Abd al-Malik ibn Maḥammad ibn Ismā'il Al-Tha'ālibī. Text arabe publié et traduit par H. Zotenberg, Paris, 1850, p. 312–317.

² Zoroastrian Studies. The Iranian Religion and Various Monographs by A. V. Williams Jackson. Columbia University Indo-Iranian Studies, vol. XII, New York, 1928, p. 255.

лизм распространился в Балхе, Нишапуре, Мазандеране, Систане, Хорасане, Куме. В конце XI в. Хассан ибн Саббах основал на территории Ирана, в государстве тюрок-сельджуков, исмаилитское государство с центром в Аламуте. Это было государство в государстве, опиравшееся на доктрину имамата шиитского ислама. Политической целью Хассана ибн Саббаха было свержение правления сельджуков в Иране. Идеологические аспекты исмаилитского движения были обусловлены тесным взаимодействием религии и политики. Авторитет имама и безоговорочное повиновение ему составляли основу политической доктрины секты исмаилитов.

Сведения об иранских исмаилитах-ассасинах можно найти как в персидских, так и в грузинских источниках. Эти источники четко отражают политическую, религиозную и социальную активность исмаилитов в Иране и на Кавказе, включая Грузию. Цель доклада — охарактеризовать религиозно-политические аспекты деятельности иранских исмаилитов на основе персидских и грузинских исторических источников, показать значение исмаилитского государства как политического образования, боровшегося с сельджуками, а также осветить деятельность ассасинов на Южном Кавказе и в Грузии, в частности, в Тбилиси. В докладе используются методы сравнительного, комплексного и критического анализа источников.

О важности появления исмаилитского государства в Иране свидетельствуют оценки авторитетных персоязычных историков, в том числе Рашид ад-Дина, Джувейни, Мирхонда. Также заслуживают внимания сведения Ибн аль-Асира. В этих источниках приводится интересная информация о жизни и деятельности Хассана ибн Саббаха, становлении государства исмаилитов, их религиозно-политической иерархии, идеологии, образе жизни и социальных обычаях. В докладе рассматриваются стратегия, методы и географический охват политической борьбы ассасинов. Персидские и грузинские источники четко выражают отношение международного политического, религиозного и научного сообщества того времени к исмаилитскому государству и агрессивной идеологии ассасинов. Противостояние между сельджуками и исмаилитами хорошо отражено в «*Сийасат-нама*» («Книга о правлении») Низам ал-Мулка, где исмаилитам, объявленным врагами ислама, посвящена отдельная глава. Число жертв религиозно-политического террора ассасинов очень велико. В их число входили представители сельджукской политической и религиозной элиты.

Согласно грузинским и персидским источникам, Тбилиси также относился к тем территориям, на которых действовали ассасины. Из-за географической и политической близости к Ирану мусульманская община Тбилиси тоже оказалась под влиянием исмаилитов. Преступные действия исмаилитов в Тбилиси косвенно отражены в сообщении Рашид ад-Дина, согласно которому в 1139 г. тбилисский ассасин Ибрагим Дамгани убил кадия (судью) Тбилиси, пригова-

рившего исмаилитов к смерти. Большой интерес представляют сведения об исмаилитах, сообщаемых грузинским летописцем. Историк приводит важную информацию о борьбе грузин и монголов против Аламута, закончившейся уничтожением исмаилитского государства.

Баконина М. С. (РИСИ, Москва)

Исламская Республика Иран: опыт исламского феминизма

«Исламский феминизм», как политическая и социальная конструкция появился в середине XX в. Идеологи исламского феминизма считали, что изменить патриархальные традиции исламского социума и добиваться гендерного равенство следует опираясь на классические для ислама источники – Коран и Сунну. С их точки зрения таким образом можно доказать, что дискриминационные нормы социального регулирования в шариате являются либо пережитками чуждых доисламских обычаев, либо позднейшими наслоениями, от которых необходимо избавиться. Однако исламский феминизм не стал массовым движением даже в мусульманских общинах на Западе. Однако именно там мусульманкам удалось добиться относительной независимости от патриархата в семейных отношениях, права учиться и путешествовать, сравнительного равноправия в мечетях и даже возможности вести намаз в качестве имама.

Что касается большинства мусульманских стран, то там заметные перемены в положении женщин связаны либо с действиями секулярных политических партий, как в Тунисе, либо определяются милостью правителя, как в Саудовской Аравии.

Исламская Республика Иран в этом отношении является страной, где под давлением общественного мнения и в результате целенаправленной деятельности женщин-активисток и при содействии отдельных реформаторски настроенных шиитских клириков модифицировалось шариатское законодательство, принятое после Исламской революции, менялся подход к роли женщин в семье и отношение к их участию в политической и общественной жизни.

Благодаря социальной сегрегации женщин, введенной в ИРИ после революции, кардинально выросло число женщин со средним и высшим образованием, так как набожные иранцы начали отправлять в школу девочек, увеличилось количество женщин, получающих религиозное образование, что открывает некоторым из них возможность карьеры в этой сфере и дает право быть избранными в Совет экспертов.

Многие иранки были вовлечены в политику – баллотируются в меджлис и Совет экспертов, в местные законодательные собрания, занимают высокие должности в правительстве. Ультраконсерватор Махмуд Ахмадинежад,

как впоследствии умеренный кандидат в президенты Хасан Роухани были вынуждены включить в свои предвыборные программы отдельные положения о расширении участия женщин в иранской политической и общественной жизни. Иранские активистки долгое время отстаивали право женщин претендовать на пост президента, который по умолчанию считается «мужским», хотя это напрямую не запрещено Конституцией и даже в консервативном Совете стражей сейчас допускают возможность регистрации женщин-кандидатов на президентских выборах 2021 года.

В ИРИ постепенно смягчалось семейное законодательство и взгляды социума на брак и семью, менялось отношение к мужскому доминированию и опеке, оспаривалось право главы семьи на безраздельную власть над чадами и домочадцами, принимались законы о защите женщин и детей от семейного насилия.

В Иране за последние годы изменились требования к хиджабу, женщины последовательно добивались и добились права посещать стадионы или заниматься такими видами спорта, как альпинизм, мотогонки или традиционная борьба «варзеш-е зурхане». Эти перемены могут показаться не значительными, но в реальности они доказывают возможность серьезных и значительных изменений в сфере гендерного равенства в рамках шариатского законодательства.

Изменение представлений о роли и месте женщины в семье и обществе сталкивалось с противодействием со стороны консервативного шиитского духовенства, иранских политиков и силовиков, что безусловно замедляло продвижение к гендерному равенству. Но анализ ситуации в современном Иране показывает, что исламский феминизм больше не является чисто теоретическим конструктом, предполагающим лишь пересмотр патриархального толкования Корана и Сунны. Феминистское движение в Иране позволяет трансформировать шариат ради достижения гендерного равенства, причем в условиях строго исламского характера государства и законодательства.

Башарин П. В. (РГГУ, Москва)

Происхождения хорасанского культа святых (*awliyā*)

Считается, что учение о святых (*walī*, мн. ч. *awliyā*) в исламе следует возводить к Корану, где термин *walī* (от корня *wly* «быть близким») встречается в значении «покровитель», «заступник» применительно к Богу и Мухаммаду. С другой стороны, к людям применяется термин *mawālī* (ед. ч. *tawlā*) «находящиеся под покровительством». В хадисах одно из значений, закрепившихся за лексемой *walī* «друг» переосмысливается в «близкий, приближенный к Богу» (*walī Allāh*). В традиции ранних подвижников-аскетов

вали становится благочестивым верующим, приближенным к Богу через осуществление мистической практики и безраздельное упование на Творца (*tawakkul*). У египетского мистика Зу-н-Нуна ал-Мисри *вали* в первую очередь становится обладателем мистического знания (*mā'rifa*). В суфизме эпистемологический аспект приобретает все большее значение: *вали*, в отличие от других, знает «сокрытое» (*al-ġayb*), благодаря чему способен лицезреть Бога.

Наиболее детально учение о святых получило развитие в хорасанской традиции. Каррамиты считали, что приближенные к Богу *авлийа'* превосходят пророков. Видимо, учение приобрело популярность у т.н. хорасанских «мудрецов» (*hukamā'*). Самый известный из их числа — ал-Хаким ат-Тирмизи (ум. между 936 и 938), на которого оказали существенное влияние взгляды каррамитов. В сочинении «*Хатм ал-авлийа'*» («Печать святых») он выстраивает детальную концепцию *авлийа'*. Ат-Тирмизи выделил праведников (*ṣiddiqūn*), которые борются с превосходством плотской души (*nafs*); «благородных великодушных» (*aḥrār kirām*), которые в силу света близости к Богу и Его милости успешно противостоят этой душе, но также могут подвергаться ее наущениям; сорок праведников, которые всецело охвачены любовью к Богу и имеют возможность непосредственно общаться с Творцом через сны, но при этом не полностью освободились от *нафс*. Полностью преодолеть влияние плотской души способен только «единственный» (*munfarid*), статус которого достигает пророков (*anbiyā'*) и посланников (*rusul*). Этот человек возглавляет иерархию святых, являясь «полюсом» (*quṭb*), «печатью святости». Святые являются гарантами мирового порядка и правителями мира. Как и каррамиты, ат-Тирмизи ратовал за возможность святых совершать чудеса.

Исламоведами выдвигался ряд гипотез об истоке хорсанского учения о святых. Часто его возводили к манихейским, буддийским или христианским идеям, однако никакой доказательной базы так и не было предложено. Детально похожие идеи обнаруживаются в талмудическом иудаизме. Талмуд содержит учение о тридцати или сорока пяти праведниках, на которых держится мир. Амораи признали необходимость знать точное число живущих в мире праведников. Вавилонские амораи приводили число тридцать шесть. Согласно Э. Урбаху, идеи о 36 праведниках, достойных лицезреть лик Шхины, в свою очередь попали в иудаизм из эллинистического египетского учения о тридцати шести деканах — небесных божествах. Тридцать шесть демонов фигурируют в знаменитом апокрифическом «Завещании Соломона». Каждый из них отвечает за десятидневную неделю египтян. Понятие о праведнике, согласно Урбаху, может восходить к греческим представлениям о «божьем человеке», посреднике между людьми и богами. Главной функцией иудейских праведников, как и *авлийа'*, является заступничество за ближних перед Богом. При

этом их благодеяния не прекращаются с физической смертью. Даже бытовала точка зрения, что после смерти их могущество возрастает. Праведники, как и *авлийа'*, наделены Богом возможностью совершать чудеса, «видеть от края до края земли». Мудрецы Талмуда также, как позже хорасанские мыслители, занимались апологией чудес праведников. Еще одной значимой деталью, которую сложно объяснять типологическим совпадением является талмудическое представление о запахе праведника (ближайшая аналогия — *nafaḥāt* в мусульманском мистицизме).

Таким образом, хорасанские идеи о святых людях, имевшие хождение в этом регионе уже в раннемусульманский период, следует с большей вероятностью возводить к иудаизму, который был широко распространен здесь еще до прихода ислама.

Васильева Д. О. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)
**Застывшее мгновение: альбом фотографий кадjarского
Ирана в собрании Эрмитажа**

В фокусе исследования находится недавно приобретенный музеем альбом, заключенный в полужокожанный переплет с вытисненным золотом на верхней крышке заглавием «PERSE». Альбом собран из 35 листов, с обеих сторон которых наклеены 105 фотоотпечатков. Среди них достопримечательности и виды Тегерана и окрестностей, сцены городской жизни, интерьеры шахского дворца, столичные особняки и загородные резиденции, принадлежавшие кадjarской знати и иностранным дипломатическим миссиям, портреты Насир ад-Дин-шаха (пр. 1848–1896) и Музаффар ад-Дин-шаха (пр. 1896–1907) в окружении приближенных. Кроме того, в состав альбома вошли пейзажи и виды сельской местности, панорама порта Энзели, развалины Персеполя и руины Голубой мечети в Тебризе.

На верхнем форзаце сохранилась бумажная наклейка шведского производителя альбома (Otto Gillberg Etui- & Portföljfabrik) и экслибрисы последних владельцев. На листах под каждым снимком или группой снимков нанесены краткие подписи на французском языке. На л. 17 об. отсутствует одна из двух фотографий. Как подсказывает логика построения альбома, на утраченном снимке, по всей видимости, было помещено изображение одной из комнат во дворце шаха.

Три отпечатка содержат надписи на французском и русском языках с указанием на ателье А. В. Севрюгина. На двух из них, как еще примерно на половине всех снимков, присутствуют характерные отметки в виде трех- и четырехзначных цифр, которые также свидетельствуют о принадлежности этих произведений авторству Севрюгина — одного из наиболее прославленных

фотохудожников, работавших в каджарском Иране, придворного фотографа Насир ад-Дин-шаха. Подавляющее большинство изображений, входящих в альбом, или очень близких им сюжетов можно обнаружить в крупных коллекциях работ этого мастера. Помимо фотографий, легко поддающихся атрибуции благодаря дошедшим до нашего времени негативам и отпечаткам, признанным как часть художественного наследия Севрюгина, в альбом оказались включены и не столь известные произведения.

Примечательно, что некоторые жанры и темы, игравшие заметную роль в творчестве как самого Севрюгина, так и его современников, не нашли отражения в этом комплексе. В черед снимков отсутствуют примеры бытовых зарисовок и повседневных сцен, остались обойденными вниманием индивидуальные и групповые портреты представителей различных сословий и этноконфессиональных групп, населявших каджарский Иран и составлявших пеструю и красочную картину социальной жизни страны.

В то время как часть представленных фотоматериалов относится к периоду до 1896 г., изображение Музаффар ад-Дин-шаха имеет подпись, указывающую на его положение правящего шаха. В альбом также вошли виды парка и дворца Амин ас-Султана, названного в пояснении великим визирем.

Ряд снимков альбома демонстрирует виды зданий и внутреннее убранство помещений российской миссии в Тегеране и летней резиденции миссии в Зарганде. Выраженный интерес к их детальному воспроизведению кажется неслучайным, а его источник, по всей видимости, кроется в характере деятельности оставшегося анонимным заказчика альбома и его возможных связях с российской дипломатией.

Вишнякова И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Социальный портрет участников иранского революционного подполья на территории Сирии и Ливана в 70-х гг. XX в.

Целью исследования является воссоздание социального портрета иранского революционера, действовавшего в Сирии и Ливане в предшествующее Исламской революции (1978–1979) десятилетие. Безусловно, каждый представитель революционного движения был яркой личностью и обладал собственной системой моральных установок и принципов, обусловленных в первую очередь происхождением и воспитанием. Тем не менее в судьбах революционеров-подпольщиков можно проследить ряд закономерностей, для выявления которых и необходимо составить их обобщенный социальный портрет.

В качестве основного источника информации использованы воспоминания и интервью активных участников иранского революционного движения 1970-х гг.¹ Дополнительными источниками сведений послужили биографии важнейших фигур в новейшей истории Ирана, а также биографические справочники, посвященные иранским политическим и военным деятелям².

Принимая во внимание наличие типологического сходства между иранскими революционными группировками и российскими подпольными партиями и организациями второй половины XIX — начала XX в. (выражающегося в их конспиративно-элитарном характере, масштабной деятельности за рубежом, установке на ведение вооруженной борьбы с властями и др.), представляется возможным при составлении социального портрета иранского революционера придерживаться исследовательской методологии, содержащейся в работах по истории народнического движения и трудах, посвященных деятельности партии социалистов-революционеров³.

В рамках исследования удалось установить, что в разное время на территории Сирии и Ливана действовало около двухсот иранских революционеров-незаконников. О большинстве из них неизвестно ничего, кроме имени или, чаще, революционного псевдонима. Лишь для сорока двух человек представляется возможным восстановить общие биографические сведения (год и место рождения, социальный статус, уровень образования и др.), сведения, касающиеся их участия в революционном движении (время вступления в движение, количество арестов и тюремных заключений) и информацию об их пребывании в Сирии и Ливане.

Итоговая выборка не соответствует в полной мере требованиям статистического исследования, в первую очередь из-за своего незначительного объема. Тем не менее полученные данные позволяют составить обобщенный социальный портрет иранского революционера-подпольщика, проживавшего в Сирии и Ливане в 1970-х гг. Это холостой мужчина в возрасте менее 30 лет, выходец из торгово-ремесленного сословия, уроженец Тегерана. К революционному движению он присоединился еще в 1960-х гг., находясь

¹ Джалалоддин Фарси. Завайа-йе тарик [Потаенные уголки]. Тегеран, 1994/5; Маджид Наджафпур. Аз джонуб-е лобнан та джонуб-е иран: хатерат-е сардар сарлашгар доктор саййед йаһйа (рахим) сафави [От юга Ливана до юга Ирана: Воспоминания генерала сейида Яхья (Рахима) Сафави]. Тегеран, 2004/5; Барнаме-йе Шенаснаме: 'Али Джаннати [Передача «Удостоверение личности»: 'Али Джаннати]. URL: <https://www.dalfak.com/w/pb4pr> (дата обращения 05.11.2020).

² Boroujerdi M., Rahimkhani K. Postrevolutionary Iran: A Political Handbook. Syracuse, 2018.

³ См.: Калинин С. В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х гг. // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 46–58; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1917 гг. М., 1998.

под влиянием протестных настроений 1962–1963 гг. Несмотря на участие в борьбе с режимом, его ни разу не арестовывали и не объявляли в розыск. Он регулярно посещал занятия по толкованию Корана и публичные лекции богословов, а также получил высшее образование за границей или в самом Иране. Не успев отслужить в армии, он отправился в Сирию или Ливан для прохождения курса военного обучения сроком менее года, чтобы после этого вернуться в Иран и ждать подходящего момента для начала открытой вооруженной борьбы с властями.

Гезалова Нигяр (Институт истории НАНА, Баку)

О символах власти государства Надир-шаха Афшара

Символы власти государства Надир-шаха Афшара, в отличие от государственной символики эпохи Сефевидов и Каджаров, изучены еще недостаточно. Фундаментального всестороннего исследования на эту тему пока нет. В докладе впервые на основе первоисточников рассматриваются печати, флаги и монеты, связанные с эпохой правления выдающегося тюркского полководца и государственного деятеля Надир-шаха Афшара. На основе анализа этих визуальных атрибутов власти в докладе ставится цель определить, в какой степени они испытали влияние государственной символики предшествующей эпохи Сефевидов. Кроме того, в докладе прослеживаются изменения в формулировках надписей на символах власти до и после вступления на престол Надир-шаха. Создавая свою империю, Надир-шах очень близко следовал административно-политической практике Сефевидов, однако в выборе своего титула он опирался прежде всего на тюркские традиции, что отразилось и на его государственной символике. Использование тюркских элементов на символах государственной власти рассматривается в докладе как средство легитимации Надир-шахом своих властных правомочий.

Гущян Л. С. (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург)

Персонажи персидского городского пространства начала XX в. (по материалам Российского этнографического музея)

Одним из наиболее представительных разделов региональных фондов Российского этнографического музея (прежде — Этнографический отдел Русского музея Александра III) являются иранские коллекции начала XX в., одним из собирателей которых был Смбат Варганович Тер-Аветисян (1875–1943). В числе этих иранских коллекций представлены четыре вещевого (№ 291–294)

и одна фотоколлекция (№ 818). Первая из вещевых коллекций — смешанная и представляет традиционную культуру персов и армян (103 предмета), вторая — только армян (22 предмета), третья — только персов (35 предметов), четвертая включает памятники материальной культуры персов и зороастрийцев-гебров (8 предметов). Коллекции хорошо аннотированы собирателем: в архивных материалах музея имеется первичная опись коллекций, в которой собиратель указывает место приобретения, изготовления предметов, название каждого предмета на языке культуры, в которой он был изготовлен, а также его этническую принадлежность (Архив РЭМ, Ф. 1. Оп. 2. Д. 625).

Экспедиционную поездку, в ходе которой были собраны предметы коллекций, С. Тер-Аветисян совершил в период учебы на факультете восточных языков СПбИУ, где он получал образование по армяно-грузино-персидскому разделу. Этим объясняется высокий профессиональный уровень собирания и первичного описания коллекций. В 1904 г., по рекомендации Н. Я. Марра, С. Тер-Аветисян был направлен в Иран для изучения и описания армянских рукописей церкви Всеспасителя в Новой Джульфе близ Исфахана. В силу ряда обстоятельств молодой востоковед был вынужден обратиться за помощью к хранителю Этнографического отдела, одному из крупнейших востоковедов начала XX в. К. А. Инностранцеву. При содействии хранителя императорского музея С. Тер-Аветисян смог осуществить исследовательскую поездку, результатом которой стали указанные коллекции, принятые в музей и зарегистрированные в книгах описей К. А. Инностранцевым.

Наиболее многочисленной и разнообразной по составу является коллекция № 291. Как указывает собиратель, ее предметы изготовлены в Исфахане, Кашане, Йезде, приобретены в Исфахане и Кашане. В состав коллекции входят предметы интерьера, письменные приборы, атрибуты досуга, в том числе изразцы, зеркала, вазы, шкатулки, пеналы, игральные карты, кальяны, а также предметы мусульманского культа.

Коллекция содержит также образцы шелковой ткани и бархата местной кустарной работы, образцы кустарной и фабричной хлопчатобумажной ткани. Последняя является, очевидно, привозной, однако декорирована в технике местной ручной набойки; представлены также набойные штампы местного производства. В ряде случаев собиратель уточняет, для чего использовались те или иные виды ткани. Так, например, им указано, что шелковая на хлопчатобумажной основе ткань *руи мутхака* (86 × 68 см) используется для изготовления декоративной наволочки на подушку, а хлопчатобумажная набойная ткань (63 × 300 см) с орнаментом в виде мелких цветков — для пошива женского архалука (вероятно, подкладки). Ткань для подкладки, очевидно, является изделием местного кустарного производства, поскольку на ней имеется клеймо мастера в виде картуша, в который помещен текст арабским алфавитом на фоне архитектурного пейзажа. В коллекции представлены также готовые изделия,

большинство из которых хлопчатобумажные скатерти с изящным набойным рисунком, напоминающим орнамент ковров «райские сады».

Особое место в собрании С. Тер-Аветисяна занимают костюмные комплексы, приобретенные согласно требованиям комплектования фондов ЭО РМ. Именно благодаря научно обоснованной концепции сбора этнографического материала в коллекциях представлены костюмы ахунда, дервиша, а также женский костюм горожанки-персиянки. Костюм исфаханской персиянки составляют нижняя и верхняя рубашки, куртка, нижние и верхние шальвары, нижняя юбка, архалук (плечевая распашная одежда), головные платок и два покрывала, чадра. В комплексе также представлен вероятно личный женский молитвенный коврик, названный собирателем *джан-намаз*. В состав костюма ахунда входят шаровары, рубаха, камзол, архалук, кушак, обувь, нижняя и верхняя шапки, чалма.

Наиболее редким экспонатом музейных собраний является комплекс костюма и атрибутов дервиша, к сожалению, не полностью дошедший до наших дней. Изначально он включал рубаху, колпак, шерстяные веревки, названные собирателем «кистями в виде кос», тигровую шкуру, служащую плащом. В число атрибутов дервиша входили мешок для милостыни, рог и чаша для сбора пожертвований. Следует отметить, что среди привезенных предметов, относящихся к принадлежностям дервиша, однако не входящих в костюмный комплекс, представлена секира. Интерес к дервишам уже давно существовал в русской и европейской культурах. Фигура странника-мистика широко использовалась в литературе, а также живописи «ориенталистов». Наполненный символикой романтический образ отшельника-мудреца основывался у европейцев на представлениях о «классическом» мусульманском Востоке, соотносившемся прежде всего с арабскими и османскими культурными традициями. В коллекции С. Тер-Аветисяна, собранном для ЭО РМ, интерес к дервишу получил дальнейшее развитие, обозначив новый, иранский типаж, что расширило представления об этой знаковой фигуре исламского Востока.

Даушвили Г. Д. (VACC, Кабул)

К реконструкции остаточной формы индуизма у западных дардов (пашаи) во второй половине XVI в.

С приходом ислама в долину р. Кабул коренная индуистская культура местного автохтонного населения стала быстро вытесняться. Находясь на северо-западном рубеже исторической территории индуизма еще с ведийских времен, индуистская культура коренного населения долины р. Кабул развивалась в тесном контакте с зороастризмом, буддизмом и «кафирским» индо-арийским культурным миром племен восточного Гиндукуша. Испытывая

влияние соседних этно-конфессиональных культур и абсорбируя чужеродные элементы, народы, исповедовавшие индуизм, сохраняли свою идентичность вплоть до победы ислама. Воинствующий индо-шиваизм последних домусульманских правителей Кабулистана, так называемых Хиндушахов-Кабулишахов (VIII–X вв.), которые, согласно ал-Бируни, происходили из рода брахманов Нанграхара, способствовал последнему подъему индуизма накануне наступления исламской эпохи. Остаточные признаки доисламской культуры, обнаруженные в пределах расселения дардоязычных групп пашаи в Лагмане и Кунаре, местная топонимика и сведения единственного местного источника «*Сифат-нама*» указывают на то, что коренное население исторической области Лампакадеш (современные провинции Лагман, Нанграхар, частично Нуристан в восточном Афганистане) поклонялось Шиве вплоть до падения «лагмано-кафирской» коалиции и перехода племен пашаи в ислам во второй половине XVI в.

В XI в. уцелевшие остатки коренного населения долины р. Кабул, не желавшие переходить в ислам, отступили в горные ущелья, где они в течение пяти веков сохраняли свою культурную идентичность и иногда оказывали сопротивление мусульманским правителям Кабула. Среди них были предки современных пашаи (согласно Г. Моргенстиерне, этноним «пашаи» означает «выходец из долины»). В самом конце XVI в. «Лагманский Кафиристан» пал и разрозненные группы пашаи стали переходить в ислам. Их соседи — кафиры каги, прасун, ашкун-вамаи и вайгали — продолжали сохранять свою этно-конфессиональную идентичность в соседних труднодоступных горных ущельях к северу и северо-западу от ареала пашаи еще в течение трехсот лет.

В 1582 г. могольский наместник Кабула Мирза Мухаммад Хаким, сводный брат падишаха Акбара, предпринял военную экспедицию «против кафиров шестидесяти шести долин Лагмана». Мусульманское войско возглавил Хазрат Дарвиш Мухаммад-хан Гази. Сопровождавший войско накшбандийский дервиш Мухаммад Салим оставил описание этого похода в сочинении «*Сифат-нама-йи Дарвиш Мухаммад Хани Гази*», которое в 1965 г. издал Дж. Скарчия с итальянским переводом и комментарием тибетолога Дж. Туччи. Военная хроника «*Сифат-нама*» — единственный источник, содержащий уникальные сведения об исчезнувшей домусульманской цивилизации долин Алишанг и Алингар (пашаи). Эти сведения включают данные о вооружении, военной тактике, бытовой культуре, повседневной жизни, а также доисламских религиозных верованиях и ритуалах местного населения.

Детальный анализ текста хроники позволил выявить в лагманском кафирском пантеоне второй половины XVI в. локальную индуистскую триаду верховных богов («тримурти»): Брахма (*Pandad*), Шива (*Sharway*), Вишну (*Lamandy*). Дж. Туччи верно идентифицировал *Lamandy* как *Laman-deva* (от санскр. *Graman-deva*), «Хранитель селений», где *lam* — «деревня, селение» (пашаи). *Sharway* — хорошо известный в различных регионах Индии эпитет

Шивы-разрушителя. У лагманских кафиров *Sharway* был богом воинов и войны. В *Pandad* Дж. Туччи неуверенно предлагал видеть Панду-Пандаво из древнеиндийской мифологии, или Панао — духов среднего ряда у народа кати, или слово *pandit* («ученый, учитель»), что мало подходило для эпитета верховного божества. Затруднившись с толкованием слова *Pandad*, Дж. Туччи не решился признать лагманскую триаду локальной индуистской «тримурти».

По нашему мнению, лагманский эпитет Брахмы *Pandad* мог восходить к среднеперсидскому *Spandad* со значением «святостью дарованный». Аналогичный *Spandad* обнаружен нами в «Истории страны Алванк» у Мовсеса Каланкатваца, ссылавшегося на сведения миссии армянского епископа Исраэла (681–682 гг.), который сообщал о местных «гуннах» Дагестана, «поклонявшихся почитаемому ими идолу Тенгри-хану, которого персы называют Аспандиат и которому приносили в жертву коней». Примерно в тот же период тюрки Западного Каганата прибыли в Тохаристан, вышли в Капису и установили контроль над верхней частью долины Кабула. Согласно мнению С. Г. Кляшторного, древнетюркский пантеон был единообразен на всей территории Западного Каганата. И в Тохаристане, и в Дагестане древние тюрки испытывали сильнейшее культурное влияние Ирана. В то же время культ лошади, характерный для кочевников, был широко распространен на всей территории доисламского западно-дардского мира. Он проявлялся в виде символических изображений лошади в надгробьях воинов и конных статуй нуристанских богов, что свидетельствовало об исторической памяти дардоязычных кафиров о верховных правителях тюрках. Таким образом, лагманский Брахма на стыке культур мог подобно дагестанскому Тенгри-хану обрести унифицированный для «чужих богов» уважительный персоязычный эпитет *Spandad*, который в передаче мусульманским летописцем XVI в. получил вид *Pandad*. Очевидное соответствие «трех идолов» Нанграхара, упоминаемых в «*Худуд ал-Алам*» (X в.), с именами «трех кафирских идолов» в «*Сифат-нама*», обнаруженных в соседнем Лагмане шестью веками позже, позволяет говорить об остаточной форме местного индуизма и локальной лагманской «тримурти», сохранявшихся в горных ущельях на северо-западе исторической Западной Гандхары в X–XVI вв. в изоляции от большого индуистского мира.

Г. Моргенстиерне полагал, что мусульмане пашаи — прямые потомки создателей развитой индубуддийской цивилизации, существовавшей в верхней части долины Кабула в доисламский период. В пантеонах соседних кафирских племен ашкунвамаи, кати, прасун, вайгали, а также у родственных пашаи по языку кафир-калашей Читрала никаких признаков индуистской «тримурти» не выявлено. Именно наличие следов древней индуистской системы в доисламской религии кафиров пашаи и их отсутствие у других племен исторического Кафиристана подтверждает генетическую связь предков пашаи с большой индуистской цивилизацией долины Кабула и миром индуизма.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Шах Шуджа Дуррани как антигерой афганской истории

В докладе рассматривается особая роль шаха Шуджа ал-Мулка в истории Афганистана. Шуджа, седьмой сын Тимур-шаха Дуррани (пр. 1772–1793), родился в 1782 г. и правил в период упадка Садозайской монархии. Единотроубный брат Заман-шаха (пр. 1793–1801), целью правления которого было восстановление Афганистаном статуса региональной державы, Шуджа (первое правление 1803–1809) унаследовал от брата стремление сохранить империю в ее границах, однако действовал в других исторических обстоятельствах, отмеченных вмешательством великих держав и внутрдинастийными распрями, которые привели и к его личному поражению, и к распаду государства.

Незадолго до своего свержения вазиром Фатх-ханом Баракзаем и шахом Махмудом Дуррани шах Шуджа встретился в Пешаваре с британским посланником М. Эльфинстоуном и подписал с ним дружественный договор, носивший антифранцузскую направленность. В своей книге-отчете об этой миссии М. Эльфинстоун подробно рассказал о встрече и переговорах с шахом. Это была первая, но не последняя встреча шаха Шуджа с западным миром. Амбициозный шах пытался восстановить своего правление, опираясь на сторонников Садозаев, однако в итоге стал монархом в изгнании, не только сочиняющим стихи и мемуары и лелеющим мечты о возвращении престола, но и годами живущим на британскую «пенсию» в Лудхиане (Индия) и регулярно беседующим на разные темы с английскими «господами».

Переход под британское покровительство определил не только дальнейшую судьбу шаха Шуджа, но и его посмертное место в афганской истории. В 1839 г. шах вернулся в Кабул в качестве британской марионетки. Хотя на первых порах его претензии на престол рассматривались как законные, его второе правление опиралось на присутствие британских войск в Афганистане. Союз с оккупантами-англичанами стал причиной его убийства в 1841 г. и сделал его антигероем истории Афганистана. Неоднозначность личности шаха Шуджа как политического деятеля вызывает особый интерес к нему в исторической науке.

По моему мнению, этот антигерой афганской истории, традиционно считающийся в афганской историографии предателем интересов нации, был трагической личностью, желавшей процветания своему народу, но совершенно этим народом непонятой. Сознательный коллаборационизм шаха был связан не только с его личной выгодой (возвращением «наследственного владения»), но и с тем, что шах Шуджа искренно полагал, что британский протекторат послужит прогрессу и развитию его народа. Вероятно, в колониальную эпоху такого рода идеи/заблуждения были свойственны многим восточным правителям, на которых производил сильное впечатление военно-технический прогресс Запада. В то же время анализ мемуаров шаха Шуджа показывает, что ментально он

оставался совершенно традиционным афганцем и мусульманином, и плотный контакт с западным миром все же не оказал на него такого воздействия, как на восточных лидеров следующих поколений.

Рассмотрение фигуры шаха Шуджа возможно как в контексте дискуссии о «вреде и благе колониализма», так и в контексте параллелей с современностью (например, «правлением» Хамида Карзая в период присутствия войск НАТО в Афганистане в начале XXI в.). Доклад основан на оригинальных мемуарах шаха Шуджа на персидском языке и сопутствующих повествовательных источниках, в основном на персидском и английском языках.

Дзевановский-Петрашевский В. М. (Цюрих, Швейцария)

«Мулла Перенгли», или приключения графа Жоржа-Анри Гулибеф де Блоквиля на Востоке

Во второй половине XIX в. европейцы много путешествовали по Востоку, но их нечасто захватывали там в плен. Одна из историй с пленением европейца отражена в трудах отечественных ориенталистов Н. В. Ханыкова, В. Д. Смирнова, А. Н. Самойловича. В ней идет речь о попытке завоевать туркменские земли персидскими войсками летом 1860 г., закончившейся поражением персов. История особенно интересна тем, что в персидской армии был француз граф Жорж-Анри Гулибеф де Блоквиль (1832–1899). Его взяли в военный поход как фотографа и картографа, чтобы делать карты местности с стратегически важными объектами — поселениями, базарами, водными источниками. Данный доклад посвящен его личности.

Граф де Блоквиль происходил из франко-голландского рода, по женской линии приходился свойственником Наполеону Бонапарту. Его отец, военный, по долгу службы часто перемещался по Франции, в год рождения Жоржа-Анри семья жила в Нормандии. Первоначальное образование де Блоквиль получил дома, затем воспитывался в военном учебном заведении, продолжая семейные традиции. Однако военное дело было ему в тягость, а по душе были поэзия, музыка и рисование.

У Тагана Атаджана есть рассказ «Чужой» (сборник «Ключ от рая», 1989), посвященный событиям, в которых участвовал Анри де Блоквиль, с интересными подробностями его жизни. Оказывается, он окончил Сорбонну в Париже, а его единственным развлечением, кроме чтения, была фотография, в которой он достиг большого мастерства.

Выяснив через военное министерство, что персидский шах за хорошие деньги ищет специалистов в области военного дела, уверенный в себе молодой человек заключил в 1858 г. в посольстве Персии в Париже договор и уехал в Тегеран. По приезду он понял, что его место уже занято. Взамен ему предложили остаться

при шахском дворе учителем рисования и французского языка. Со временем молодой граф нашел общий язык с шахом на почве любви к фотографии. Именно «мулла Перенгли», как его называли при дворе, явился автором серии фотографий, любимых шахом и тиражировавшихся повсюду. На них запечатлен монарх, сидящий на европейском стуле и пронзительно вглядывающийся в объектив.

Страсть Насер-ад-Дина шаха к фотографии зародилась, когда ему было одиннадцать лет. Приехавший в 1842 г. русский дипломат Николай Павлов привез в подарок от российского императора Николая I дагеротипный аппарат. Любовь к фотографии, воспринимавшейся тогда как чудо, у будущего шаха со временем превратилась в настоящее хобби.

Весной 1860 г. шах направил Анри де Блоквиля со своим племянником принцем Хамза-Мирзой (1819–1882) на войну, в земли Мари. Битва была проиграна, граф де Блоквиль был пленен и пробыл в плену четырнадцать месяцев. Его не убили и не продали бухарским купцам только потому, что туркмены знали о договоре между шахом и европейцами и о его свойстве с Наполеоном, что позволяло испросить колоссальный выкуп. После долгих переговоров за него было выплачено 1.867 туманов (87.524 франка или ок. 30 000 руб. сер.) при посредничестве известного дипломата Мирза Юсиф-хана (1813–1895), и в декабре 1861 г. он вернулся в Тегеран. В 1867 г. Мирза Юсиф-хан получил назначение на дипломатический пост в Париж, побывав до этого дипломатическим представителем в Астрахани, Санкт-Петербурге и Тифлисе.

После возвращения из плена «мулла Перенгли» написал воспоминания «Четырнадцать месяцев плена у туркменцев», вышедшие на французском языке в 1865 г., а на русском в 1866. Эти воспоминания ценны тем, что в них подробно описан быт и культура персов и туркмен: нравы, обычаи и языки. Текст снабжен собственноручно выполненными рисунками, которые хранятся в фондах Академии надписей и изящной словесности в Париже.

В Тегеране граф Жорж-Анри Гулибеф де Блоквиль долго не задержался и вернулся в Париж с персидским орденом Льва и Солнца второй степени. Затем перебрался в Лион, где завершил свою карьеру в 1893 г. в должности главного комиссара полиции.

Дроздов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О подлинности коротких поэм персидского поэта Сана'и

Абу-л-Маджд Мадждуд ибн Адам Сана'и-йи Газнави (ум. 535/1140 или 545/1150) — выдающийся персидский суфийский поэт, родоначальник суфийской дидактической поэмы в персидской литературе. Самым известным сочинением Сана'и является поэма «*Хадикат ал-хакика*» («Сад истины»)

объемом около десяти тысяч бейтов, представляющая собой одновременно как мистическое, так и морально-этическое произведение. От Сана'и до нас дошел «Диван» стихотворений объемом более десяти тысяч бейтов. Кроме этого, перу Сана'и принадлежит ряд небольших поэм, причем о подлинности некоторых из них уже более века ведутся споры среди исследователей, и до сих пор нет единства взглядов на то, какие из этих поэм бесспорно написаны Сана'и, а какие стали ему приписываться позднее.

Среди подлинных поэм Сана'и всеми исследователями называются «*Хадикат ал-хакика*», мистико-философская «*Сайр ал-'убад ила-л-ма'ад*» («Путешествие рабов божьих в потусторонний мир») объемом 799 бейтов, повествующая о путешествии поэта с помощью некоего лучезарного старца (= разумной души) к пророку Мухаммаду, «*Кар-нама-йи Балх*» («Книга подвигов Балха») объемом 491 бейт — единственное немистическое *маснави* Сана'и, содержащее наряду с восхвалением правителей и знатных людей Балха сатиру на некоторых балхских чиновников. Еще одна поэма, с принадлежностью которой Сана'и согласны все исследователи, — *маснави* «*Тахримат ал-калам*» («Запрещенное тростниковым пером») объемом 103 бейта, в котором под тростниковым пером подразумевается всеобщий разум, который дает мистiku наставления, а также объясняет ему суфийские истины.

Подлинность остальных поэм Сана'и вызывает у многих исследователей сомнение. Сана'и приписывались в разное время такие поэмы, как «*Тарик ат-тахкик*» («Путь установления истины»), «*Гариб-нама*» («Книга чужестранца»), «*Ишк-нама*» («Книга любви»), «*Акл-нама*» («Книга разума»). Иранские ученые Р.-З. Шафак и З. Сафа отмечали приоритет Сана'и в создании больших мистических поэм. В XX в. самый значительный вклад в изучение творчества Сана'и внес иранский филолог Модаррес Разави, издавший его «Диван», поэму «*Хадикат ал-хакика*» и короткие поэмы. По мнению Разави, поэма «*Гариб-нама*» («Книга чужестранца») не принадлежит Сана'и, так же как и поэма «*Бахрам ва Бихруз*». М. Разави полагал, что перу Сана'и бесспорно принадлежат поэмы «*Акл-нама*», «*Тахримат ал-калам*» и «*Тарик ат-тахкик*». Поэма же «*Ишк-нама*» по ошибке была приписана Сана'и. Ученый подробно останавливается на вопросе о том, почему поэма «*Ишк-нама*» является частью поэмы «*Кунуз ал-асрар ва румуз ал-ахрар*» («Сокровища тайн и символы благородных»), написанной предположительно шейхом ордена сухравардийа 'Изз ад-Дином Махмудом Кашани (ум. 735/1334–35).

В 70-е гг. XX в. творчеством Сана'и занимались шведский ученый Б. Утас и афганские ученые Халилуллах Халили и Сарвар Хумайун. Б. Утас в 1973 г. издал критический текст поэмы «*Тарик ат-тахкик*», причем он доказывал, что эта поэма не имеет к Сана'и никакого отношения, а ее автором является некий Ахмад Нахчавани. Афганский ученый С. Хумайун в 1977 г. опроверг эту гипотезу, доказывая, что «*Тарик ат-тахкик*» — подлинная поэма Сана'и.

Среди коротких поэм Сана'и подлинными Б. Утас считал, помимо «*Кар-на-ма-йи Балх*» и «*Сайр ал-'ибад ила-л-ма'ад*», лишь поэму «*Тахримат ал-калам*». Х. Халили и С. Хумайун считали поэму «*Тарик ат-тахжик*» принадлежащей Сана'и; С. Хумайун также утверждал, что Сана'и является автором поэм «*Акл-нама*», «*Тахримат ал-калам*» и касыды (но не поэмы!) «*Гариб-нама*».

В 90-е гг. XX в. и за двадцать лет XX в. исследователи не смогли предложить что-то новое в плане объяснения подлинности или подложности поэм Сана'и. Однако в настоящее время существует возможность использования компьютерных технологий, в частности цифровой стилиметрии (stylometry), для определения стилистических особенностей спорных поэм Сана'и путем сравнения их с подлинными поэмами поэта и с подлинными поэмами других суфийских поэтов — современников Сана'и.

Кокоулин В. Г. (СибУПК, Новосибирск)

Источники по истории Афганской войны (1979–1989 гг.) в сибирских архивах

Интерес к различным аспектам участия России в военных конфликтах конца XX–начала XXI в. (в Афганистане, Чечне, Сирии и других регионах) остается стабильным, начиная с периода социально-политических преобразований в стране. Однако нередко изучение боевых действий и деятельности политического руководства и дипломатов затрудняется недоступностью ключевых источников. Кроме того, война имеет также социально-антропологическое измерение: это военная повседневность и бытовые условия, впечатления участников войн от соприкосновения с другой культурой и другим менталитетом, их представления о целях и смысле военных кампаний, отражение военных событий в массовом сознании. Источниками для изучения военных конфликтов в таком аспекте являются, как правило, разнообразные личные документы (дневники, воспоминания, письма). Обычно в государственных архивах формируются отдельные фонды, в которых собираются материалы, связанные с конкретным военным конфликтом, или же такие материалы попадают в общие фонды, где хранятся все документы ветеранов боевых действий и военных конфликтов.

В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) образован отдельный фонд Р-2164 «Документы военнослужащих, проходивших срочную службу в Демократической Республике Афганистан». Среди материалов этого фонда — анкеты, автобиографии, открытки, стихи, письма, рисунки, записные книжки участников военного конфликта в Афганистане (1979–1989). Фонд регулярно пополняется новыми материалами, которые передают или сами участники боевых действий, или их родственники.

В Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО) также создан отдельный фонд — Р-1236 «Организации ветеранов Афганской войны». Материалы фонда освещают деятельность ряда ветеранских организаций Кемеровской области по сохранению и распространению исторических знаний о войне в Афганистане, увековечиванию памяти погибших и оказанию помощи ветеранам. Фонд содержит такие документы, как характеристики и анкеты участников войны, фотографии, газетные публикации, а также многие другие материалы, в которых зафиксирована роль общественных организаций в сохранении исторической памяти об Афганской войне.

Аналогичных специализированных фондов в других сибирских архивах пока нет. Соответствующие материалы хранятся в общих фондах муниципальных и городских архивов в разделах документов «ветеранов военных действий». Так, в архивном отделе администрации Березовского городского округа Кемеровской области воспоминания участников Афганской войны собраны в фонде Р-47 «Коллекция воспоминаний участников Великой Отечественной войны, тыла и войны в Афганистане», в архиве Ярковского муниципального района Тюменской области — в фонде 202 «Коллекция документов участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий в Афганистане» и т. д.

В отдельных случаях документы по Афганской войне размещаются в личных фондах ее участников. Как правило, такие фонды формируются в архиве, если участник Афганской войны впоследствии занимал высокие должности или руководил какой-либо общественной организацией. Примером подобного фонда в сибирских архивах является фонд главного специалиста по мобилизационной работе ГУВД Кемеровской области А. А. Лопатина, который во время Афганской войны был военным советником Представительства МВД СССР при МВД ДРА (ГАКО, ф. 110). Аналогичные материалы имеются не только в государственных архивах. Например, в Томской региональной организации «Российского союза ветеранов Афганистана» представлены фотографии О. Э. Новицкого, который по прошествии двадцати лет после окончания войны проехал по местам службы.

Хранящиеся в сибирских архивах материалы имеют важное источниковедческое значение для исследования социально-антропологического измерения Афганской войны.

Мирзоев И. Х. (ИВ РАН, Москва)

К вопросу об интеллектуальной истории реформаторского движения в современном Иране

Исламская революция 1978–1979 гг. стала не только результатом массового общественно-политического движения, но и воплощением крайне значимого интеллектуального проекта, связанного с модернизацией шиитского ислама под

влиянием марксизма и тьермондизма. С конца 1980-х гг. в Иране прослеживается альтернативный интеллектуальный тренд, представители которого подвергают критическому анализу господствующую интерпретацию религии и легитимность государственной системы, основанной на этой интерпретации. Это интеллектуальное течение, а также связанные с ним политические группировки, СМИ и активисты составляют современное реформаторское движение Ирана, участники которого выступают за развитие плюрализма и демократических институтов с помощью постепенных реформ. В данном докладе сделана попытка проследить историю идейного становления реформаторского движения в Иране в 1980–1990-х гг. и выявить факторы, которыми был обусловлен этот процесс.

На протяжении XX в. процесс обогащения иранской религиозно-политической мысли происходил под влиянием двух факторов — проникновения идей с Запада и переосмысления собственной традиции. В этом отношении новая интеллектуальная волна конца 1980-х гг. не стала исключением. Наряду с представителями духовенства (Х. А. Монтазери, Ю. Санеи, М. Моджахед-Шабе-стари, М. Кадивар и др.), которые выступали в защиту плюралистического толкования религии с рационалистических позиций *фикха* и *калама*, выразителями реформаторской мысли были и интеллектуалы-миряне (А. Соруш, С. Хаджариан, М.-Р. Алавитабар, А. Абди и др.), испытавшие влияние западной философии второй половины XX в. (в особенности либерализма, пост-марксизма и структурализма).

Смену интеллектуальной парадигмы предопределил ряд обстоятельств — «рационализация революции» после Ирано-иракской войны (1980–1988), смерть харизматичного лидера революции Р. Хомейни (1902–1989) и общее снижение популярности социализма (в том числе исламского) на закате СССР. Однако главным фактором стало разочарование в новой системе, оказавшейся неспособной претворить в жизнь идеалы революции, причем не только со стороны отдельных диссидентов, но и большинства граждан, как это показали президентские выборы 1997 г.

Утрата иллюзий относительно тотального «революционного ислама», результатом которого стало перерождение традиционной автократии в новой форме, предопределила эпистемологический разрыв с «государственной религией» и подтолкнула часть религиозных мыслителей к деидеологизации ислама. В свою очередь этот новый религиозный дискурс был подхвачен интеллектуалами-мирянами и послужил религиозно-философским обоснованием для их проекта «политического развития» (демократизации). Связующую роль между ними сыграли прежде всего журнал и интеллектуальный кружок «Кейан» и Центр стратегических исследований, а также другие СМИ и исследовательские центры, которые наряду с результатами изысканий иранских мыслителей и теоретиков публиковали переводы трудов западных философов и способствовали политизации и популяризации нового дискурса.

Моисеева А. В. (ИВР РАН, Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург)

**«*Анīs ал-мурїдїн ва шамс ал-маджāлис*» —
мистико-дидактический комментарий
на кораническую суру «Йусуф»**

Произведение «*Анīs ал-мурїдїн ва шамс ал-маджāлис*» («Друг послушников и солнце собраний») представляет собой развернутый комментарий на суру «Йусуф», сопровождаемый многочисленными поучительными притчами из жизни пророков и известных суфиев. Изначально этот текст приписывался знаменитому гератскому шейху ‘Абдаллаху Ансари (1006–1089)¹, а потому привлек внимание исследователей как «старейшая прозаическая обработка истории Йусуфа и Зулайхи в форме мистико-дидактического романа»². Однако позже авторство Ансари было отвергнуто на основании исторических неувязок, таких, например, как упоминание в тексте имама Газали (ум. 1111) в качестве известного и состоявшегося ученого-богослова, в то время как Газали, будучи младшим современником Ансари, едва ли мог достичь известности ко времени предположительного написания этого произведения. Другая неувязка заключается в цитировании в этом тексте поэзии ‘Аттар (ум. ок. 1221), который и вовсе жил после Ансари³.

Рассматриваемое произведение известно в нескольких рукописях, одна из которых хранится в ИВР РАН⁴. Недавно увидевшая свет в Иране публикация «*Анīs ал-мурїдїн*», основанная на трех рукописях этого произведения, хранящихся в библиотеке «Āstān-i Quds-i Razavī» в Мешхеде⁵ дает возможность сравнить текст петербургской рукописи с тремя другими вариантами текста и таким образом ввести его в научный оборот.

Также отдельный интерес представляет сопоставление «*Анīs ал-мурїдїн*» с другими произведениями, основанными на коранической истории Йусуфа. Так, фабульная линия «*Анīs ал-мурїдїн*» во многом совпадает с сюжетом

¹ Ethe H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office, vol. I. Oxford, 1903, p. 974 (cat. 1778).

² Geiger W. & Kuhn E. (eds.) Grundriss der Iranischen Philologie, band II. Strassburg, 1896–1904, p. 282.

³ Levi R. A Prose Version of the Yūsuf and Zulaikha Legend, Ascribed to Pīr-i Anšār of Harāt // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1929, No. 1, p. 103–106.

⁴ Ворожейкина З. Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института Востоковедения. Выпуск 7. Персоязычная художественная литература (X — начало XIII в.). М., 1980. С. 59–61.

⁵ Anīs al-murīdīn wa shams al-majālis: tafsīr-i ‘irfānī-yi sūra-yi Yūsuf. Ed. Mahbūba Shamshīgarhā. Mashhad, 2020.

поэмы «Йусуф и Зулайха» Джами (1414–1492). Однако структура двух произведений значительно расходится. В отличие от Джами, который, начав с рождения Йусуфа, затем переходит к обстоятельному рассказу о Зулайхе, автор «*Анй̄с ал-мурй̄дйн̄*» подчеркнуто следует кораническому порядку изложения рассказа. Кроме того, смысловые акценты в «*Анй̄с ал-мурй̄дйн̄*» и в поэме Джами расставлены совершенно по-разному. Джами писал любовную мистическую поэму, тогда как в «*Анй̄с ал-мурй̄дйн̄*» суфийский элемент сведен к минимуму, зато явственно проступает элемент дидактический. Это подчеркивается многочисленными нравоучительными отступлениями и притчами, которые составляют половину (если не больше) всего объема текста. При этом немало сходств обнаруживается в структуре и содержании «*Анй̄с ал-мурй̄дйн̄*» и поэмы «Йусуф и Зулайха», которая ранее приписывалась Фирдоуси.

Некоторые содержательные и структурные особенности «*Анй̄с ал-мурй̄дйн̄*», о которых пойдет речь в данном докладе, дают основания предполагать, что это произведение представляет собой литературную обработку устной лекции или проповеди.

Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

Морские перевозки по Каспию в свете русско-персидских отношений во второй половине XIX — начале XX вв.

На развитие торгово-экономических отношений России с Персией во второй половине XIX в. значительное влияние оказала организация морского судоходства между этими странами¹. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) нами были обнаружены весьма важные документы по данной теме, многие из которых, насколько нам известно, еще сравнительно мало используются в трудах современных исследователей².

В течение долгих десятилетий практически все дороги в Персии оставались вьючными и находились «в весьма плачевном состоянии»³. Естественно, это влияло на длительность доставки товаров, сказывалось на их качестве,

¹ Персия — официальное название Ирана до 1935 г. С 1979 г. государство Иран стало называться Исламская республика Иран.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). 1. Дело о пароходах на Каспийском море. Ф.1268. Оп.№ 2. Д. 302, 1848; 2. Дела Персидских транспортов 1890–1917 гг. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 1127–1137. 1890–1917.

³ Общий обзор перевозки товаров в Северную Персию до осуществления концессий русскими транспортными обществами «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов». Доклад М. А. Лукошевича. РГИА. Ф.23. Оп.№ 8. Ед.хр.11, 1906. Л.4.

тормозило деятельность купцов и в целом снижало весь товарооборот между странами. Так, расстояние в 190 верст по колесным дорогам преодолевалось за 4–6 дней, путь от Тавриза до Эривани занимал около 19 дней, а из Москвы до Тегерана почти 5 месяцев. Поэтому уже в середине 40-х гг. XIX в. в русском обществе, как в купеческой среде, так и в официальных кругах, остро встал вопрос об использовании морского пути по Каспию для сообщения между двумя странами. Важным документом для освещения этой темы является, на наш взгляд, докладная записка главнокомандующего Волжской флотилией Г. Г. Басаргина императору Николаю I (1825–1855) от 24 апреля 1848 г. В ней говорилось: «В 1845 г. два из наших каспийских пароходов представлены в распоряжение наместника Каспийского, с тем чтобы они, по его назначению, постоянно употреблялись для сообщения с Персией и перевозки туда коммерческих грузов. Движение сих пароходов началось 15 июня 1846 г. и продолжалось всю навигацию следующего 1847 г.»¹. Далее Г. Г. Басаргин сообщал маршрут плавания, который начинался из Астрахани, расписание отправления пароходов, стоимость билетов, перечень документов, которые должны были иметь на руках пассажиры. Таким образом, одновременно начали осуществляться не только грузовые, но и пассажирские перевозки.

В исследуемых материалах названия этих первых двух пароходов не указаны скорее всего по той причине, что первоначально для вышеназванных целей использовались военные корабли, находившиеся в ведении кн. М. С. Воронцова наместника Кавказа (1845–1853). Только спустя десятилетие в 1857 г. по инициативе директора русского общества и торговли (РОПиТ) Н. А. Новосельского была создана специальная пароходная компания «Кавказ», морские суда которой предназначались для плавания по Каспию. Однако самостоятельно это компания просуществовала всего лишь несколько месяцев. Вскоре по распоряжению вышеупомянутого Н. А. Новосельского и нового наместника Кавказа А. И. Барятинского (1856–1862) произошло слияние двух пароходных обществ «Меркурий» (речной флот) и «Кавказ» (морской флот) в одну крупную компанию под названием «Кавказ и Меркурий». В Уставе этой новой корпорации, утвержденном 15 апреля 1858 г., подчеркивалось, что вновь созданное объединение находится под покровительством Его Императорского Величества. Ее первоначальный капитал насчитывал 4,5 млн руб. Обороты и морские операции компании с каждым годом увеличивались. Нередко она выполняла военные заказы Царского правительства.

Морское сообщение с Персией по Каспию стало практически безальтернативным средством транспортировки людей, грузов, почтовой корреспонденции между двумя странами. По этой причине в 90-е гг. XIX в. командование Волжской

¹ РГИА. Дело о пароходах... Л. 6.

флотилией при поддержке официальных властей создает еще две крупных компании по перевозке грузов как сухопутными, так и морскими путями. Это были компании «К. Надежда» и «Бюро персидских транспортов». Названные общества начинают интенсивно открывать свои агентства во многих городах Персии.

Таким образом, исследуемые архивные материалы позволяют сделать следующие выводы. Использование морского сообщения между Россией и Персией существенно повлияло на расширение торгово-экономических и политических связей между двумя этими странами, активизировало деятельность российских предпринимателей во многих хозяйственных сферах жизни Персии, а также позволило России укрепить свои позиции в других странах азиатского региона.

Паршута В. А. (ВШЭ, Москва)

Типология бактрийских документов из Северного Афганистана

Уже достаточно давно среди иранистов известны документы из Северного Афганистана на бактрийском языке¹. При издании текстов документов Н. Симс-Уильямс разделил их по нескольким общим категориям, что отражено, в частности, в структуре содержания опубликованных им томов². Тем не менее предложенная типология бактрийских документов требует дальнейшей детализации. В докладе рассматривается уточненная типология, учитывающая все аспекты содержания документов.

Становое деление документов на три таксона (правовые, письма, прочие) сохранено³. Правовые документы разделены согласно их назначению: брачный контракт, земельные контракты, расписки, договоры. Письма разделяются в зависимости от их сохранности либо по содержанию, либо, в случае когда письмо плохо сохранилось, по социальной направленности. Прочие документы включают списки и буддийские тексты.

Раздел подтипы в каждом случае описывает документы в соответствии с их непосредственным содержанием, и поэтому он достаточно дробен. Так, в правовых документах земельные контракты делятся на договоры аренды, дарения, продажи земли из-за долгов/налогов и т. д.; договоры о рабах — на документы о купле-продаже и расписки об освобождении. Письма с известным содержа-

¹ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997. № 3 (222). С. 3–10.

² Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, vol. I–II. Oxford, 2012, 2007.

³ Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, vol III: Plates. Oxford, 2012, p. 9.

нием делятся на темы: о торговле, о деликтах, о войне. Если содержание писем неизвестно, они разделены на письма между равными, письма-ходатайства, письма от вышестоящих к нижестоящим в социальной иерархии.

Кроме того, типология учитывает распределение документов по хронологическим периодам. Выделены следующие периоды: Кушано-Сасанидский (245–370), период владычества кочевников гуннского круга (370–466), эфталитский (466–559), тюркский (559–710), арабский (710–770). Также учтен предполагаемый провенанс документа. По этому критерию документы делятся на происходящие из Роба, Кадагстана, Гузгана, Хеша и те, где провенанс неизвестен. Для писем и некоторых документов в категории «прочие» также указана их предположительная просопографическая характеристика.

Обоснование географического происхождения документа и его датировки содержится в работе Симс-Уильямса и де Блуа¹, а предположения по поводу просопографической характеристики чаще всего основаны на упоминании в документах одной и той же личности, либо на косвенных связях через другие упомянутые в конкретном документе имена людей.

Арабские документы, происходящие предположительно из того же архива, в предлагаемую типологию не входят.

Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Индо-афганская агиография начала Нового времени: идеология и функции

Сборник агиографических текстов со сведениями об исламских духовных наставниках и благословенных людях, каким-либо образом связанных с паштунскими племенами, содержится в книге могольского историографа Ни‘маталлаха Харави «Ханджаханова история и афганская сокровищница» (1613). Эта книга, написанная на персидском языке и соединяющая в себе жанровые признаки придворной историографии и эссе по этноистории, сохранилась в расширенной и сокращенной версиях: первая была официально посвящена генералу паштунского происхождения Ханджахану Лоди (ум. 1631) и ориентирована на индо-афганскую элиту, вторая получила распространение среди разных слоев паштунов, в том числе живших на племенных территориях к западу от Инда. Агиографический раздел был добавлен на завершающей стадии составления книги в качестве заключения (*khātima*). В сокращенной версии этот раздел перешел в разряд глав в силу его особой идейной значимости для читателей.

По структуре и идейному содержанию агиографический раздел книги перекликается с ее генеалогической частью, где изложены краткие сведения

¹ Sims-Williams N., de Blois F. *Studies in The Chronology of The Bactrian Documents From Northern Afghanistan*. Wien, 2018.

о составе четырех основных племенных объединений паштунов. Материалы этих обоих разделов были подготовлены представителем индо-афганской диаспоры Хайбат-ханом Какаром, которого Ни‘маталлах неоднократно называет автором концепции всей книги. Именно эти материалы делают книгу уникальным историческим документом, где впервые были письменно зафиксированы генеалогии паштунских племен и их агиографическая традиция. Структурированная по этногенеалогическому принципу, а не по критерию духовной преемственности, житийная антология «Ханджахановой истории» выражает идеологию паштунского сегментарного общества и в этом расходится с традициями классической персоязычной агиографии, канонизированной хрестоматийными произведениями ‘Аттара (ум. ок. 1220) и Джами (ум. 1492).

В агиографическом сборнике Ни‘маталлаха и Хайбат-хана собраны сведения примерно о семидесяти персоналиях, так или иначе ассоциированных с тремя племенными объединениями паштунов (сарбан, бетан, гургушт). Материалы излагаются в традиционной форме коротких сообщений о сверхобычных и чудесных деяниях (*khawāriq al-‘ādāt*) или исключительных проявлениях набожности (*manāqib*) благословенных людей. Данные о духовных подвижниках, относящихся к племенному объединению карлан — четвертой ветви паштунского генеалогического древа, отсутствуют, что объясняется недостатком знаний авторов сборника о происхождении и генеалогии карланов. Учитывая специфику агиографического жанра, можно утверждать, что житийная антология «Ханджахановой истории» в первую очередь отражает духовный опыт и культурные традиции индо-афганской диаспоры со времен правления паштунской династии Лоди (пр. 1451–1526) в Делийском султанате. Социокультурные реалии собственно племенных территорий в антологии прослеживаются только фрагментарно. Являясь синтезом фольклора и традиций исламской книжности, житийные нарративы никак не раскрывают общую историческую динамику процесса распространения ислама среди паштунских племен на протяжении нескольких столетий.

Главная функция агиографического сборника состояла в том, чтобы подтвердить легенды об обращении паштунов в ислам в период его зарождения и засвидетельствовать неизменную приверженность паштунских племен исламской вере в форме почитания духовных наставников и благословенных людей. Одновременно сборник преследовал скрытую политическую цель — доказать древность исламских традиций среди паштунов для легитимации притязаний индо-афганской элиты на верховную власть в Индии. Не случайно в ряде житийных рассказов, искусственно привязанных к генеалогическим легендам, заметен акцент на духовном лидерстве потомков Бетана, родоначальника колена бетани, к которому возводятся родословные индо-афганских династий Лоди и Сури (пр. 1540–1556), а также родословная самого адресата «Ханджахановой истории».

Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Шела А. (Институт польского языка, Краков)

Произведения афганского поэта-классика ‘Абд ал-Хамида Моманда (ум. ок. 1732): результаты стилометрии

‘Абд ал-Хамид Моманд, афганский поэт конца XVII–первой трети XVIII в., прославился особым изяществом и изысканностью своего стиля, благодаря которому получил литературное прозвище *mū-šigāf* (букв. «расщепляющий волос»). Поэт внес значительный вклад в развитие афганской поэзии, однако особенности индивидуального авторского стиля Хамида остаются малоизученными как в самом Афганистане, так и за его пределами. Авторы доклада провели анализ идиостиля поэта при помощи компьютерной программы R-stylo и методов стилометрии. Специальные функции программы позволили осуществить эксперимент по установлению подлинности ряда сомнительных газелей из стихотворного собрания ‘Абд ал-Хамида. Целью данного эксперимента являлась проверка авторства некоторых газелей, помещенных издателями критического текста в Диван ‘Абд ал-Хамида, но отличных от других произведений поэта по объему и частоте появления в рукописных списках Дивана. Порядка сорока сомнительных газелей Хамида были разделены на четыре группы по десять стихотворений. В качестве сопоставительного материала был использован Диван старшего современника Хамида ‘Абд ар-Рахмана. Для оценки авторства сомнительных газелей было проведено три эксперимента.

1. «Общие самозванцы» (General Imposters), метод предложенный Koppel et al. 2014 (см. Kestemont et al. 2016). Диваны Рахмана и Хамида были разделены на последовательности по 1000 слов, чтобы получить серии коротких «текстов-самозванцев». Используя частоты первой сотни самых частотных слов (100 MFW), со случайной выборкой 50 % признаков (т.е. случайными 50 частотами) при 100 итераций эксперимента все четыре группы газелей в подавляющем большинстве случаев были отнесены к Хамиду.

2. «Саморазоблачение» («unmasking», Koppel & Argamon 2008). Диваны Рахмана и Хамида были разделены на последовательности по 1000 слов, далее были выбраны девятнадцать случайных частей дивана Рахмана и девятнадцать случайных частей дивана Хамида в качестве референтных текстов, посчитаны расстояния между каждой парой текстов и вычислены средние расстояния каждого отрезка до девятнадцати частей Хамида. Вся процедура повторялась для 10, 20, 30...200 самых частотных слов.

3. «Катящийся классификатор». Чтобы выявить отдельные участки «сомнений» в Dubia, мы свели все газели воедино, разметили начало каждого стихотворения и «нарезали» весь получившийся текст на последовательные пересекающиеся отрезки. Мы также провели тренировку классификатора

(метод опорных векторов, SVM) на целых Диванах Рахмана и Хамида (было использовано 100 MFW в качестве признаков) и классифицировали каждый пересекающийся отрезок из газелей. Процедура повторялась для разного объема отрезков.

Результаты проведенных экспериментов указывают на то, что наиболее вероятным автором сомнительных газелей является сам 'Абд ал-Хамид Моманд. Однако, это заключение нельзя равномерно отнести ко всем сомнительным текстам. Эксперимент «саморазоблачение» выявил, что тексты из третьей группы сомнительных газелей поэта ведут себя как «неавторские» относительно остальных произведений автора. Подобное отличие может объясняться сильным тематическим либо жанровым изменением в корпусе текстов Хамида и требует более детального анализа. В дальнейшем авторы планируют увеличить размер «сомнительного» корпуса и привлечь к эксперименту произведения тех поэтов, которых афганские филологи относят к последователям стиля Хамида. В том числе Диван Мирза Ханнана Баракзая, афганского поэта конца XIX–начала XX в., который создал немало поэтических ответов на произведения Хамида Моманда и причислял себя к его поэтической школе.

Пластун В. Н. (НГУ, Новосибирск)

Афганистан как объект внешней политики США

1. Афганистан за время своего существования пережил нашествия как с Запада, так и Востока. Через его территорию прошли войска Александра Македонского, монголы, иранцы. В XIX и XX вв. покорить афганцев трижды пытались англичане. И только в феврале 1919 г. правительство Афганистана объявило о полной независимости своей страны от Великобритании.

2. Соединенные Штаты долгие годы считали ниже своего достоинства завязывать какие-либо отношения с Афганистаном несмотря на обращения афганских монархов. В конце концов дипломатические отношения между США и Афганистаном были установлены в августе 1934 г. Позднее на фоне сложных отношений между Афганистаном и Пакистаном Кабул обращался к Вашингтону с просьбами о продаже оружия для национальной армии. США соглашались на этот шаг при условии немедленной выплаты наличными и транспортировки груза через территорию враждебного Кабулу Пакистана. Таким образом, Афганистан становился бы заложником американо-пакистанских отношений. Немаловажное значение в обострении афгано-пакистанских отношений имел также «пуштунский вопрос».

3. После ликвидации британских колониальных владений в Южной Азии США сделали ставку на укрепление политических и экономических отно-

шений с Пакистаном. Афганистан был временно забыт, в Вашингтоне о нем вспомнили лишь в 50-е гг. XX в., обнаружив признаки сближения афганской монархии с Советским Союзом. При этом Кабул учитывал тот факт, что США начал оказывать значительную военную помощь Пакистану, отказав в таковой правительству Афганистана. В 1956 г. между Афганистаном и СССР было заключено Соглашение о сотрудничестве в области экономики. Вслед за этим последовали обоюдные шаги в направлении сотрудничества в военной области.

4. США начали проявлять беспокойство по поводу «вторжения» Советского Союза в ареал «законного» влияния американских интересов в регионе Южной и Центральной Азии. Дипломаты Вашингтона убеждали Афганистан в том, что «широкая экономическая и военная помощь СССР угрожают его безопасности... [и] в конечном итоге позволит Советам поставить под свой контроль афганскую экономику...»¹

5. В начале 60-х гг. СССР и США, видимо, отказались от явного противоборства на территории Афганистана (по крайней мере в области экономики) и смогли найти общий язык в деле модернизации хозяйства этой страны. Следует признать, что помощь, оказывавшаяся США, в материальном смысле была более эффективной, чем советская. США в основном предоставляли афганцам безвозмездную помощь, СССР — в форме кредитов. Другое важное обстоятельство заключалось в том, что на всех уровнях образования — начальном, среднем, высшем — работу вели американские специалисты, готовые таким образом афганскую элиту по своему образу и подобию. К тому же, сам афганский истеблишмент относился к Советскому Союзу с настороженностью. Афганцам была более приемлемой система частной собственности, освященная мусульманскими канонами и в то же время совпадающая с понятием частной собственности в США и Европе.

6. Ввод советских войск в 1979 г., их боевые действия, уход в феврале 1989 г., события 9 сентября 2001 г. поначалу создали у США впечатление сравнительно легкой победы на «афганском поле». В октябре 2001 г. в Афганистан под предлогом борьбы с терроризмом вошли и закрепились американские и натовские войска. На деле же, основной их целью было осуществление контроля за потенциально враждебными соседними государствами — Ираном и Китаем, а также за событиями, последовавшими после распада СССР. Однако для американцев война затянулась на 20 лет и в конце концов вынудила Вашингтон приступить к переговорам о перемирии с оппозиционным «Движением Талибан» и уходе из Афганистана.

7. На сегодняшний день переговоры продолжаются с переменным успехом, но чаша весов постепенно склоняется в пользу талибов, диктующих США свои условия. Обстановка в стране остается крайне нестабильной и, скорее всего, Афганистан стоит на пороге гражданской войны.

¹ Кирпенко П. Ф., Ежов Г. П. США — Афганистан, 1956–1963 гг. Или, как американцы намеревались упущенное. М., 2015. С. 11.

Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва)

Сведения по истории Газневидов, Сельджукидов и Гуридов в «Тарих-и Бейхак» Ибн Фундука¹

Сочинение «Тарих-и Бейхак» Абу-л-Хасана Али ибн Зейда Бейхаки, более известного под именем Ибн Фундук, было написано в жанре «локальной истории» и закончено в 1168 г.² Об этом авторе известно немного. Абу-л-Хасан некоторое время служил сельджукскому султану Санджару, а один из его предков приобрел имение в округе Бейхак³. При этом исследователи отмечают, что предки Ибн Фундука находились на службе у газневидских султанов, причем занимали достаточно высокие посты⁴. Труд «Тарих-и Бейхак» был написан на персидском языке и значительная часть информации в этом источнике, как было отмечено В. В. Бартольдом, относится в большей степени к округу Бейхак и всему, что с ним связано⁵. Однако при этом существуют сведения о том, что Ибн Фундук был также автором другого исторического труда, написанного на арабском языке. На этот источник ссылается и сам Ибн Фундук, отмечая в «Тарих-и Бейхак», что в своей всеобщей истории «*Машиариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара'иб*» он предлагает более подробный рассказ о том или ином событии⁶. По всей видимости, на этот труд позднее опирался Ибн ал-Асир⁷ и о нем же сообщает нам Джувейни в «Тарих-и джахан-гошай»: «О том записано в *Машиариб-ат-Таджариб* Ибн Фундука аль-Байхаки, что является продолжением *Таджариб-аль-Уман...*»⁸ Здесь стоит отметить, что упомянутое сочинение было, по мнению Джувейни, продолжением более раннего труда Ибн Мискавейха, однако, как отметил уже В. В. Бартольд, «сам автор (в *Тарих-и Бейхак*) называет свой труд продолжением *Тарих-и Йамини Утби*».

Возвращаясь в персидскому сочинению Ибн Фундука, отметим, что нас в первую очередь будет интересовать та его часть, где автор описывает историю трех известных династий — Газневидов, Сельджукидов и Гуридов. В этом докладе мы постараемся не только обозначить объем сведений по данной теме в «Тарих-и Бейхак», но и указать особенности этого труда по сравнению

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00095 А

² Bayhaqi Zahir ad-Din. Ta'rikh-i Bayhaq. Tehran, 1317.

³ Бартольд В. В. Бейхаки, Абу-л-Хасан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. С. 586.

⁴ Bosworth C. E. Historical Information from Ibn Funduq's Tarikh-i Bayhaq (563/1167–68) // Iran, vol. 48 (2010), pp. 82–83.

⁵ Бартольд В. В. Бейхаки... С. 586–587.

⁶ Bayhaqi Zahir ad-Din. Ta'rih-i Bayhak... S. 71.

⁷ Бартольд В. В. Бейхаки... С. 586.

⁸ Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е. Е. Харитонова. М., 2004. С. 191.

с другими арабо-персидскими сочинениями XII в., в которых также нашла отражение история правления этих трех династий. Необходимо также выявить связь исторического нарратива, созданного этим историком, с другими более ранними и более поздними памятниками. Это позволит, с одной стороны, определить источники, на которые опирался Ибн Фундук, а с другой — показать его влияние на дальнейшее развитие арабо-персидской историографии. Именно эта задача кажется нам важнейшей в рамках представленного доклада.

Филин Н. А. (РГГУ, Москва)

Уличная визуальная агитация о имаме Хомейни в Иране как источник изучения религиозно-политических процессов в стране

Визуальная религиозно-политическая агитация об имаме Хомейни, как на улицах иранских городов, так и в помещениях духовных учреждений, представлена настенными граффити, плакатами и надписями. Они изображают имама, содержат его высказывания и биографические сведения. Часто можно встретить плакаты, описывающие различные качества Хомейни и отношение людей к памяти о нем. Встречаются примеры, когда он изображается окруженным сиянием света на фоне шиитских символов, что может говорить о его праве быть заместителем Сокрытого имама. Иногда можно увидеть плакаты со словами Али Хаменеи, нынешнего Верховного лидера страны, о том, что Хомейни в определенном смысле продолжает жить и после кончины. Многие средства визуальной агитации провозглашают главенствующую роль Хомейни в Исламской революции 1979 г., утверждая, что без лидерства имама свержение шахского режима могло вообще не состояться. В этой связи интересен еще один вид плакатов, который получил распространение в последнее время. Такие плакаты являются своего рода комиксами, рассказывающими о жизни Хомейни. Например, один из них изображает имама, окруженного ореолом света, как героя различных вех истории Ирана 1960–1970-х гг. Некоторые изображения обыгрывают значение имени Хомейни «Рухолла» («дух Бога»), тем самым обращая внимание на особую связь основателя Исламской Республики Иран с Богом и потусторонним миром.

Часть средств визуальной агитации содержит описание моральных качеств и ценностей имама Хомейни. Примером этому служит серия плакатов, которую можно было встретить в тегеранском метро в 2015 и 2016 гг. Она называлась «Жизнь в стиле Рухоллы» и представляла собой визуализацию одноименной книги. На плакатах присутствовала информация о разных эпизодах жизни Хомейни, особенностях его личности, отношениях в его семье. Высказывания самого Хомейни, а также его родных и друзей часто приводились одновременно

со словами пророка Мухаммада или пречистых имамов. На первом плакате было написано: «Его небесный лик сделал воспоминание о Боге гостем наших сердец, и его поступки являются лучшим образцом и руководством к счастливой жизни, которая подарит тепло очагам наших семей». Здесь просматривается призыв к тому, чтобы следовать образу жизни имама, что априори предполагает повиновение существующей системе политической власти. В содержании этих плакатов можно выделить три уровня легитимации образа Хомейни. Первый свидетельствует о полном соответствии его образа жизни предписаниям пророка Мухаммада и пречистых имамов. Визуально это подчеркивалось расположением высказываний Пророка и имамов рядом со словами самого Хомейни. Второй уровень указывает на безупречное праведное поведение основателя Исламской Республики, что исключает по отношению к нему любую критику и требует безусловного признания его в качестве лидера революции, а также предполагает полную приверженность созданному им политическому порядку. Третий уровень создает образ уверенного в себе мудрого человека, любящего детей и убежденного в верности всех своих действий.

Разнообразие и многочисленность визуальной агитации о имаме Хомейни на улицах иранских городов свидетельствует о крайней значимости его образа в религиозно-политических процессах современного Ирана.

Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Новые согдийские рукописи из коллекции С. Ф. Ольденбурга

1. В Сериндийском фонде Института восточных рукописей РАН хранятся согдийские рукописи буддийского, манихейского и светского содержания из четырех разных коллекций. Согдийские рукописи из коллекции С. Ф. Ольденбурга (1863–1934) были приобретены им во время экспедиции в Туяк Мазар в 1909 г. и в Дуньхуан в 1914–1915 гг. Почти все согдийские рукописи изданы А. Н. Рагозой¹, но и сегодня в фонде обнаруживаются неопубликованные манускрипты. Так, два года назад было выявлено семь фрагментов, пять из которых — SI 6625, SI 6635, SI 6683–1, SI 6683–2 и SI 6630 — написаны на обороте китайских свитков. Как определил В. П. Зайцев, четыре новых фрагмента, как и пять ранее изданных Рагозой под шифрами L 99, L 99b, L 91, L 97b, L 97c, написаны на китайском свитке, содержащем седьмой цзюань популярной «Лотосовой сутры» в переводе Кумарадживы (406 г.).

¹ Согдийские фрагменты Центральноазиатского собрания Института востоковедения. Факсимиле. Издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий. А. Н. Рагоза. М., 1980.

2. На основе сравнительного анализа китайского текста сутры и согдийских фрагментов был определен порядок следования последних. Из девяти указанных фрагментов соединяются шесть, образуя две группы по три манускрипта. Первая группа состоит из трех фрагментов (SI 6683–2, SI 6635 и L99b), которые соединяются между собой непосредственно. Перед ними располагаются два фрагмента (SI 6683–1 и L99), которые не соединяются между собой и не подсоединяются к группе: между ними утрачена одна строка китайского текста, между фрагментом L 99 и первой группой — утрачено около семнадцати строк. Вторая группа манускриптов состоит из трех фрагментов (L91, L97b и L97c), которые соединяются между собой непосредственно. Она следует за первой, но между этими группами утрачено около двенадцати строк китайского текста. За второй группой следует новый фрагмент SI 6625 из семи строк, который также не может быть соединен, т. к. между ним и второй группой утрачено около пятидесяти восьми китайских строк. Размер почерка на всех фрагментах — 0,5 см, расстояние между строк — 1,0–1,2 см. Изданные ранее согдийские фрагменты, составляющие вторую группу, также были соединены.

3. Чтение несоединенного SI 6683–1 (11,2 × 11,8 см, левый край)¹: 1](1) rty uw(*)r (r)[2]z-w dštβ'ry² dšty'³ 3](γ)wβtyh pr šl'wkw⁴ γwβ'(t) 4](w)yd ZKh⁵ dš(t)[β'ry] γуг (сверху: x'y) pr 5] 'mw xw⁶ dš(tβ')ry dšty' 6] 'γ'z pr šl'wkw γwβ'(t) 7](1)kw c'nkw rty[... 1] ...и только ... 2] ...я ради обретения 3] хвалу гатхой вознести 4] ... обретение долго (сверху: «пусть будет») 5] ради того обретения 6] начал гатхой восхвалять 7] так как и [...

4. Первая группа из новых фрагментов SI 6683–2 и SI 6635 (размеры: 5,0 × 5,0 см; 11,0×4,0 см): 1] t(β)[2]w tyw [1] — 1] mry 'yš — 3] m'δ ZY[... — ⁷ 2](MN) βz'nkm'ny (ZY)[... 1] ... [2] ты — [1] смерть? <являешься>⁸ – 3] и так [... — 2] (от) плохих мыслей (и) [... Со вторым фрагментом соединяется изданный Рагозой L 99b отрывок из четырех строк, из которых только вторая может быть переведена как «...ты являешься и так...».

¹ Квадратные скобки указывают на разрывы рукописи, цифра перед ними — на номер строки, цифра в круглых скобках — предположительное количество нечитаемых знаков, буква в них — предположительное чтение плохо различимого знака.

² Имя, обозначающее процесс действия.

³ Nom. Pl. имени в предложно-послеложном значении.

⁴ Термин для санск. gāthā.

⁵ Артикль, nom.S.f.

⁶ Указательное местоимение, acc.S.f.; перед ним — acc.Sg. артикля в аспекте Ich-Deixis, указание на говорящего.

⁷ Тире в строках 1–3 указывает на места соединения двух отрывков.

⁸ Буквальный перевод согдийского глагола.

5. Вторая группа из трех соединенных фрагментов была издана и переведена ранее Ёсидой¹ и Симс-Вильямсом². В этом плохо сохранившемся отрывке из тринадцати строк, передающем прямую речь, говорится о пользе для учеников некоего учения и о преимуществах этого учения.

6. Четвертый из новых фрагментов, SI 6625 (25,4 × 13,7 см, правый край), написан небрежным почерком, отличающимся от почерка других отрывков. Он гласит: 1 β'у рг хw(1)[2 L' ргZ-Y pnt γwt[3 šyr tym xwnwx хw šyr'y mn' γгуw рw m[3-5 4 p'rZ-Y tyw MN mrtxmyty šyr хwz ('уwny) руд'г хw 5 хурδ CWRH krz рг wrz (β')my 'krtw δ'rt рг wyspw 6 кндy рг'к'nt('k) δ'rt w'буд х[7](2) (δ) [1 пусть станет... [2 но близкие? [3 много еще он того блага моей душе? ... [4 но для тебя за ... изыскание блага? людям 5 он сам чудесным образом сияние сотворил, на всю 6 область распространил. Так [7] [

7. Судя по китайской стороне, все согдийские фрагменты принадлежат одной рукописи. Они являются частями некой переводной буддийской сутры, о чем свидетельствуют прямая авторская речь, сочетание прозаических и стихотворных строк (гагхов), описание неких этических установок, упоминание о чудесах, которые в буддийских текстах характеризуют Будду и бодхисатв, буддийские термины, а также особый поэтический язык (синонимы, повторы, аллитерации). Поиски согдийского оригинала девяти фрагментов, из которых четыре публикуются впервые, еще предстоят.

Штых Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Философия антизападничества в путевых заметках Дж. Але Ахмада о Советской России (середина 1960-х гг.)

Поиск взаимопонимания между народами и культурами всегда был и остается актуальной проблемой. Важную роль в диалоге культур играет «литература путешествия», ведь именно благодаря ей происходит формирование образа «чужой» страны. Этот образ, представляющий собой результат преломления объективной действительности через призму субъективного взгляда автора, формируется на основании его идеологических взглядов и убеждений. Цель данного доклада — охарактеризовать идеологическую позицию известного иранского писателя XX в. Джалал Але Ахмада (1923–1969), показав ее связь с интерпретацией образа России в путевой прозе.

Дж. Але Ахмад побывал в СССР летом 1964 г. по приглашению Общества советско-иранских культурных связей. Он принял участие в VII Международ-

¹ См. в архиве ИВР РАН письмо Ю. Ёсиды М. И. Воробьевой-Десятовской от 23.10.1995 (шифр: Арх.121, инв. 330).

² Sims-Williams N. The Sogdian Fragments of Leningrad // BSOAS, 44, 1981, p. 232.

ном конгрессе по этнографии, состоявшемся в Москве, после чего посетил с визитом Ленинград, Баку, Самарканд и Бухару. О своих впечатлениях от поездки в СССР писатель рассказал в книге «Путешествие в Россию», полностью опубликованной только в 1998 г.

После Второй мировой войны позиции европоцентризма пошатнулись, ознаменовав собой смену господствующей идеологической парадигмы в международных отношениях. Если раньше главным героем «литературы путешествий» был преимущественно европеец, путешествующий по экзотическому Востоку и описывающий его, как правило, под влиянием своего имперского восприятия, то герой путевой прозы Але Ахмада путешествует с Востока на Запад и свою задачу видит в разоблачении западного империализма.

Идеологические взгляды автора раскрываются благодаря широкому использованию в его путевой прозе внутренних монологов, где ведущую роль играет такое средство экспрессивности, как риторические вопросы. М. М. Бахтин отмечал, что в формировании идеологического мировоззрения героя большую роль играет «чужое слово», представленное «словом авторитарным» и «словом внутренне убедительным»¹. Авторитарное чужое слово, для которого, по Бахтину, характерны «обособленность, инертность и смысловая завершенность», в путевых заметках Дж. Але Ахмада о России представлено словом Корана². «Слово внутренне убедительное», характеризующееся способностью вступать в диалогические отношения со словом автора, представлено в мировоззрении писателя марксистско-ленинским учением, чьим ярким приверженцем он был в молодости. Этот диалог, переходящий в борьбу, который М. М. Бахтин называет «творческим развитием и испытанием внутренне убедительного чужого слова»³, красной нитью проходит через «Путешествие в Россию» и выступает средством критики советского строя. Вопросы, поднимаемые автором в своих внутренних монологах, касаются таких тем, как сущность и национальный характер русского народа, его историческая судьба и особенно влияние на нее Октябрьской революции, а также взаимоотношения русского народа с другими народами Советского Союза. Взгляды автора, нашедшие отражение в его «Путешествии в Россию», укладываются в рамки его концепции «западничества» (*garbzadegi*), согласно которой народы мира делятся на «западные» и «восточные», народы-эксплуататоры и народы-эксплуатируемые. Отдавая должное величию духа и истории русского народа, Джалал тем не менее относит его к западным

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 154–156.

² Але Ахмад Дж. Сафар-е Рус. Тегеран, 1998. С. 49.

³ Бахтин М. М. Вопросы... С. 160.

народам-эксплуататорам. Стоит отметить, что эта точка зрения находит поддержку и у некоторых историков, например, у А. Дж. Тойнби, полагавшего, что «стремление построить коммунизм в России парадоксальным образом приведет к усилению влияния на русскую культуру западных ценностей»¹. Таким образом, главной целью путевой прозы Дж. Але Ахмада выступает критика «западничества», которое в его глазах является цивилизационным тупиком, поскольку не дает человеку истинных ценностей и разрывает его связь с предыдущими поколениями.

Ястребова О. М. (РНБ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О версиях астрологических предсказаний мудреца Джамаспа («Ахкам-и Джамасп»)

«Книга Джамаспа» — один из важных текстов зороастрийского литературного наследия, в котором в сжатой форме излагаются основные тезисы зороастрийской космологии. Он составлен в форме вопросов, которые царь Виштаспа (Гуштасп) задает своему советнику мудрецу Джамаспу и ответов последнего. Мудрец рассказывает об устройстве космоса, прошлом и будущем Ираншахра. Текст сохранился в нескольких версиях — пехлевийской (известной как «*Айадгар и Джамаспиг*»), пазендской и в парафразе на новоперсидском языке, причем все три версии фрагментарны. Значительная часть книги, носящей во многом апокалиптический характер, описывает катастрофические события и знамения, которые должны будут произойти в «последние времена» тысячелетия Заратуштры перед приходом его сына, нового пророка-спасителя Ошедара. Эти предсказания переключаются с другими пехлевийскими апокалиптическими текстами, а упоминаемые в них исторические события, хоть и с трудом, но поддаются интерпретации и указывают на первые века ислама как время, когда окончательно сложилась отраженная в них традиция (которая, несомненно, является развитием доисламской сасанидской).

Помимо дара всезнания Джамаспу приписывается совершенное знание астрологии. Поэтому к основным перечисленным вариантам «Книги Джамаспа», которые, невзирая на имеющиеся в них расхождения, можно считать исходными, примыкают более поздние тексты, в которых мудрец обосновывает свои ответы собеседнику (царю Гуштаспу) о будущих событиях, царях и пророках с помощью гороскопов. Следующие тексты входят в этот круг.

1. «*Ахкам-и Джамасп – I*», получивший распространение в двух версиях, арабской и персидской. Арабская версия озаглавленная «*Ахкам Джамасб ал-хаким фи ахкам ал-киранат ва ма хадаса фиха*», представлена в старом

¹ Тойнби А. Дж. Исследование истории. Т. 1. М., 2009. С. 383.

списке, датированном 674/1275 г.¹ Во многом идентичный ей персидский текст встречается в ряде списков, датируемых преимущественно XVII–XIX вв.²

Сравнение показывает, что это, несомненно, две версии одного и того же произведения, однако еще предстоит провести более тщательное сравнение, чтобы понять, какой из вариантов можно считать первоначальным, персидский или арабский, или же они имели какой-то общий источник. Так как персидский текст целиком дошел лишь в поздних списках, нельзя исключать, что за это время он претерпел изменения и подвергся редактированию.

Персидский текст начинается как непосредственное продолжение беседы царя Гуштаспа со своим советником, арабский же обработчик снабдил свой вариант небольшим вступлением, в котором объяснил читателю кто автор предсказаний и кому они адресованы. Прежде чем приступить к изложению предсказаний в обеих версиях Джамасп описывает устройство небес, перечисляет семь основных светил и каждому дает подробную астрологическую характеристику. Необычным в этом разделе является упоминание о том, что светила имеют по несколько рук, в которых держат определенные предметы. На гороскоп того или иного человека, события или эпохи оказывает влияние не только положение светил в знаках Зодиака, их сближение (араб. *قُرَان*, перс. *گرد آمدن*), но и «протягивание» ими друг к другу одной из рук.

Затем следуют предсказания об основных фигурах мироздания — царях, пророках и лжепророках, эпохах бедствий и процветания; каждое из них

¹ Национальная библиотека Франции, Suppl. Arabe 2487, л. 39–55 об. Как сообщает переписчик 'Абд ас-Самад б. 'Абдаллах ат-Тифлиси, протограф, происходивший из библиотеки «ал-Имама ан-Насира», он увидел у бедного, но увлеченного астрономией и астрологией человека в ал-Джазире (Газарте) и переписал его в свой сборник. В 811/1408 г., согласно приписке на л. 55 об., текст читал «Басилийус, недостойный мафриан» (Мор Базелиос Бехнам Хадлийо, глава яковитской церкви Месопотамии в 1404–1412 гг.).

² Включен во второй том большого компендиума зороастрийских текстов, сохранившихся среди парсов Индии — «*Rivāyatā*» Дараба Хормаздйара, изданного литографским способом Манокджи Ростамджи Унвалой в 1920 г. (с. 111–130). Рукописные копии в иранских библиотечных собраниях, в частности несколько поздних списков XIX–начала XX вв., есть в Музее и библиотеке Маджлеса ИРИ. Самый ранний в этом собрании — сборник № 13842, переписанный Дарабом Хормаздйаром в 1036/1626 г. (л. 61–70). Можно также отметить текст, переписанный в 1328/1910 г. со списка, сделанного в Ширазе Риза-Кули-ханом Хидайатом в 1253/1837–1838 г. Фрагмент объемом в 3 страницы, который по почерку относят к XII–XIII вв., хранится в Музее и библиотеке Малек (№ 3183, л. 1–2об.). На неизданном тексте «Астрологических предсказаний», подготовленном и переведенном на французский язык М. Моле и хранящемся в его архиве в Институте изучения истории текстов (IRHT) в Париже, основана магистерская диссертация Ф. Соме Гаваж (Florence Somer Gavage) «*La deluge selon le traité astrologo-apocalyptique des Akhām ī Jāmāsp*» (доступно на страничке автора на сайте academia.edu).

должно будет произойти при определенном расположении планет, которое подробно описывается. События излагаются намеками, имена персонажей заменены на их персидские переводы или эпитеты, повторенные и в арабском тексте. Так, одним из первых в книге упоминается пророк Моисей (араб. Муса), который назван «рыжим пастырем с посохом» (перс. سرخ شیان باهودار, араб. الداعي الأشمر صاحب العصا). Имя Мухаммада переведено на персидский язык как «Испытывающий любовь» (مهرازمای). Хотя большинство предсказаний туманны, в них можно узнать события, относящиеся к первым векам ислама, периоду Аббасидского халифата, правлениям Тахиридов, Саманидов и империи Сельджукидов. В конце обеих версий иносказательно упоминается о приходе одноглазого Даджжала. Заканчивается все описанием гороскопа конца времен, когда звезды встанут в то же положение, что и во времена потопа при Фаридуне.

2. *«Ахкам-и Джамасп — II»*. Это персидский текст, который пока что нам удалось обнаружить лишь в одном списке, датированном 20 шаввала 741 / 15 апреля 1341 г.¹ По косвенным признакам мы предположили, что автор его жил в около середины XIII в. в сельджукидском султанате Рума. Упоминание об «одном из сыновей Кей-Хусрава из шестого климата, сообразительного и образованного, который родился в земле, называемой по имени дикого животного» можно истолковать как описание султана Килич-Арслана IV (пр. 1246–1264), сына Кей-Хусрава II. Также в тексте, вероятно, описано восстание Баба Исхака в 1239–1240 гг.

Взяв за основу текст *«Ахкам-и Джамасп — I»*, неизвестный автор значительно его расширил. Вступительная часть с описанием многоруких планет повторяется практически дословно, а вот гороскопов гораздо больше. В начальной части добавлены гороскопы библейских и коранических пророков и иранских эпических царей, больше гороскопов исторических персонажей, значительно расширен конец сочинения, описывающий будущие по отношению к времени создания текста события. При этом добавленные гороскопы гораздо короче позаимствованных из более ранней версии, в них нет упоминаний о «руках» светил. Помимо туманно описанных исторических фигур добавлено множество примет конца времен, позаимствованных из мусульманского апокалипсиса — явление из земли загадочного четырехликого зверя Даббат ал-ард, приход из Исфахана Даджжала с войском иудеев, разрушение стены, сдерживающий народы Гога и Магога и др.

3. *«Ахкам-и Джамасп — III»* — текст, который встречается в ряде поздних рукописей вместе с персидскими версиями *«Айадгар и Джамаспиг»* и *«Ахкам-и Джамасп — I»*. По форме это продолжение *«Айадгар и Джамаспиг»* (за которым он обычно и следует), начинающееся словами: «Об этом времени,

¹ Национальная библиотека Франции, Suppl. Persan 380.

в котором мы живем, сказано...»¹ В нем рассказывается о приходе царя-тюрка от пределов Хорасана, развязанных им войнах, его преемнике и нескольких царях из потомков и родственников последнего. Возможно, это намек на нашествие монголов, воцарение Хулагу-хана и его династии ильханов. После этого мир ждут кровавые войны византийцев, тюрок, иранцев и арабов, приход из Индии обещанного царя Бахрама Варджаванда и иные события конца тысячелетия Заратуштры, описанные в зороастрийских апокалиптических преданиях. Насколько можно судить по упоминаемым событиям, это дополнение было создано зороастрийцами в конце XIII в.

Таким образом, апокалиптические тексты, приписываемые Джамаспу и основанные на астрологических предсказаниях, обретали особую популярность в эпохи потрясений, особенно, в эпоху монгольского завоевания, и эта популярность побуждала анонимных авторов создавать новые их версии. В этих версиях переживаемая историческая ситуация представлялась как одно из неизбежных бедствий конца цикла времен, предсказанных мудрецом. Примечательно, что к такого рода творчеству были причастны как зороастрийские, так и мусульманские авторы; смешанной была и их аудитория, в которую входили также и представители христианских общин Востока.

¹ См. перевод А. И. Колесникова — «Джамасп-наме» («Книга о Джамаспе») (Факсимиле текста. Введение и комментированный перевод с персидского А. И. Колесникова) // ППВ, 2011, 2 (15). С. 29–31.

СЕКЦИЯ V • SECTION V
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
НАРОДОВ КАВКАЗА
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF THE CAUCASUS

Kalandia G. (Art Palace of Georgia, Museum of Cultural History, Georgia)

**Clothes of Georgian Kings and Feudal Lords in the XII–
XIII centuries (According to the frescoes of Betania¹, Kintsvisi²,
Khobi³ and the bas-relief of Harichavank⁴)**

Visual materials (frescoes, bas-reliefs, miniatures) that are preserved in Georgia and Armenia give us a clear idea of the clothes worn in the highest secular aristocratic circles of Georgia in the XII–XIII centuries. The focus of this article will be on men's clothing from this period.

We will begin discussing the topic with a look at the headwear. In this regard, great importance is attached to the image of King George I, son of Bagrat III (975–1014) the first King of united Georgia, which is preserved in a manuscript kept in the National Library of Spain, in the so-called “Madrid Skylitzes”. The miniature depicts the escape of the Georgian ruler from the Byzantine Emperor Basil II, although in this case more interesting are the headgears of the two monarchs (Illustration 1). While Basil wears on his head a tall gold crown adorned

¹ Medieval Georgian Orthodox monastery in eastern Georgia.

² Medieval Georgian Orthodox monastery in eastern Georgia.

³ Medieval Georgian Orthodox monastery in western Georgia.

⁴ Armenian monastery in the Shirak Province of Armenia.

with white pearls, George is without a crown and appears instead to be shown in a helmet. However, there were helmet-like hats in Georgia during this period, and we can find parallels between such headgear and frescoes dating from the same era. These are the magnificent frescoes of the Ktitors¹ inside the Church of the Archangel in Zemo Krikhi² in western Georgia: here the noblemen wear three almost identical hats (Illustration 2). Two of the hats are shaped like cylindrical helmets, and the third is in the shape of a lancet arch (illustration 3–5). All three hats are finished with a decorative element — a peculiar spike. The ornaments on them lead us to believe that the frame of the hat was mostly covered with cloth or leather. They are also wearing furs. Georgians often used furs of sable, marten, squirrel and rabbit, and, in the charter of Nikortsinda³ (X c.), fabric with fox fur (which at that time was considered expensive) is mentioned, the value of which was equivalent to one cornfield⁴.

Byzantine historian Eustathius of Thessalonica writes about the Iberian style “smoky-coloured” hat. The colour of the hat had a symbolic meaning, as Byzantine nobleman David Komnenos had worn such a hat, and it was assumed that the nobleman would cover in smoke every opponent who did not defer to his authority.⁵ Such a symbolic meaning attached to headdress was a common practice among the peoples of both ancient and Western Europe.

Ivane Javakhishvili considered such hats to be a sign of the Eristavt-eristavi's⁶ position, and for this reason he wrote: “Much importance is attached to the veil depicted in the painting of Vachia Eristavi⁷ (Zemo Krikhi). Such veils were mainly worn by representatives of the military. Firstly they put on a helmet, and then they had a veil let down on both sides. The veil was of transparent fabric, and used more as decoration than as a headscarf. It was impossible to wear a helmet all the time because of its weight (it had to be made of metal / steel), and the riders [only] used to put it on before battle.

¹ Ktitor (Greek: κτήτωρ) or ktitor meaning “founder».

² Medieval Georgian Church in western Georgia.

³ Medieval Georgian Church in western Georgia.

⁴ Javakhishvili I. Materials for the History of the Material Culture of the Georgian Nation. Vol.3. Clothing, textiles and handicrafts; Vol.4. Military equipment and military affairs. Georgia. The USSR Academy, Institute of Georgian Art History, Vol. III–IV, Tbilisi, 1962. P. 116.

⁵ Georgika — Information of Byzantine Writers on Georgia. Vol. VIII. Texts were published with Georgian translation and explanations were added by Simon Kaukhchishvili — Foreign Sources on Georgia. Book XXII. Tbilisi, 1970. P. 16.

⁶ “Duke of dukes” or archduke.

⁷ Literally, “head of the nation”; equivalent to the Byzantine *strategos*, and normally translated into English as “duke”. In Georgian aristocratic hierarchy, it was the title of the third rank of prince and governor of a large province.

It is noteworthy that the Eristavi of Racha¹ wore cloth helmets. The most noticeable are with feathers. It is hard to say what purpose the feathers served. In general, the feathers have been shown solely to give a sense of decoration of the headdress. Neither the Persians nor the Arabs wore such headdress.”²

It should also be noted that the shape of the headdress worn by Vachia and Giorgi I in the “Madrid Skylitzes” corresponds to the following statement of Vakhushti Batonishvili³: “In the time when one king ruled the country, they wore a different type of hat: an elongated headgear made of fur, pointed upwards”⁴

In order to study the subject of interest to us, great importance is attached to the scene of the coronation of Demetrius I of Georgia (1125–1156), King of Svaneti⁵, as portrayed in the fresco of the Church of Matskhvarishi (Illustration 6). Besides the king, the fresco includes important illustrations of two men standing below who are holding the monarch’s sword. Their attire, in particular the pointed hats not seen in any other Georgian frescoes or other visual materials, is the subject of interest to us (the crown of King Demetrius is not the subject of our interest at this time, and is indeed a separate topic of discussion).

These hats are long, in the shape of a cone, with a turban-like strip of cloth at the base (Illustration 7). The headdresses in this fresco of 1140, remind us of the Ebstorf Map, created in 1234 (Illustration 8), which depicts the Caucasus, including Georgia and its inhabitants.⁶ After studying this document, historian Alexander Tvaradze came to the conclusion that the exit of Derbend depicted on the map was guarded by Georgians.

It is noteworthy that before the creation of the Ebstorf map, several Western European sources confirm the existence of high-pointed hats in Georgia. Such a reference was made, for example, by an anonymous author of the late twelfth century. However, the main source in this regard was made by the German pilgrim Titmar, whose reference dates back to about 1217.⁷

In the XII–XIII centuries, the headdresses popular in Georgia were significantly lower than those worn by the persons depicted in the fresco at Matskhvarishi. The

¹ Highland area in western Georgia.

² Javakhishvili I. Mentioned work. P. 44–45.

³ (Vakhushti) (1696–1757) was a Georgian royal prince (batonishvili), geographer, historian and cartographer.

⁴ Batonishvili V. Description of the Kingdom of Georgia. The text is based on all the main manuscripts established by S. Kaukhchishvili. Collection: “Life of Kartli” Vol. IV. Tbilisi, 1973. P. 45.

⁵ Highland area in western Georgia.

⁶ Tvaradze A. Georgia and the Caucasus in European Sources Based on Historiographical and Cartographic Materials of the XII–XVI Centuries. Tbilisi, 2004. P. 236–238.

⁷ Tvaradze A. Mentioned Work. P. 236–238

best example of this is the fresco of Rati Surameli¹, the Grand-duke of Kartli and son of Bega Surameli, a nobleman of George III's (1156–1184) epoch (Illustration 9). Rati is portrayed wearing a large hat in this fresco of Vardzia². From our point of view, this type of headgear would be worn by a state official, indicating the social and political status of Surameli.

The hat is in the form of a half-cut pear, at the top of which the stem looks like a pennant. To the front there is pinkish ribbon edging the central detail that is embellished with arrows, and there is a tall, rectangular-shaped back attached on the reverse side (Illustration 10). The headgear undoubtedly had an ostentatious appearance, signifying stature or position. Such hats with slightly different elevated cones were quite popular in 15th century Europe. The attire of men depicted on rugs made in Belgium in 1475–1490s illustrate this fact well (the rugs are preserved in the Victoria and Albert Museum in London, inventory number 6–1887) (Illustration 11). Nonetheless, there is much resemblance to be found between the presented hat and the headgear of a man depicted in an al-Jazari manuscript (Illustration 12). The man, painted in Syria or Egypt in the 13–14 cc., is wearing a hat almost identical to that of Surameli's headdress, which leads us to believe that this attribute of vestment arrived in Georgia from precisely this region.³

Shergil Dadiani, Eristavi of Samegrelo⁴ wears the same type of hat, but slightly altered. His headdress is so richly decorated that we think it must have been an attribute of the Odisha's nobility. The hat is finished with a golden ball headband. We see a clover ornament at its tip, and a row of pearls at the base. A similarly graceful ornament adorns the entire length of the hat on the right side. Presumably, these ornaments would more likely have been made of metal than embroidery. The headdress is finished with a triangular-shaped fur decoration. At its centre we also see a triangular ornament decorated with pearls. The manner, richness, and abundance of pearls adorning the headdress clearly indicate the stature of the owner (Illustration 13). For this reason, Ivane Javakhishvili remarked that “men's headdresses differed among officials according to their position ... The most noticeable and characteristic

¹ Duke of South Georgia.

² Vardzia is a cave monastery site in southern Georgia. The main period of construction was the second half of the twelfth century.

³ Cat. 18. “Automaton Pouring Wine”. Miniature from a copy of al-Jazari's *Kitab fi ma'arif al-hiyal al-handasiyya* (Book of Knowledge of Ingenious Mechanical Devices) Syria or Egypt; Ramadan 715 H = December 1315 The leaf H: 31.5; W: 22 cm. The David Collection. Copenhagen. See also: Folio from a copy of *Automata* by al-Jazari, *Kitab fi ma'arif al-hiyal al-handasiyya* (The book of knowledge of ingenious mechanical devices), recto: Mechanical Device for Pouring a Drink; Mamluk period, 1354. Henri Vever collection, Smithsonian. Accession Number S1986.108.

⁴ Mingrelia is a historic province in the western part of Georgia, formerly known as Odishi. It is primarily inhabited by the Mingrelians, a subgroup of Georgians.

clothing in the painting of officials is the headwear. The headgear differentiated their social position. Headgear is also a feature of national difference.”¹

We would also like to discuss the topic of the clothing of this period: In Khobi and Vardzia, the garments of Shergil Dadiani and Rati Surameli are very similar; they look much like the Vachiani clothes depicted in Zemo Krikhi. The robe was tight at the waist and the hem was wider. The colour of the embroidery on the sleeves and edges of the costume were golden. In the attire of the Ktitors of Zemo Khirkhi, the viewer’s attention is drawn to the sleeves in particular, which are decorated with distinct embroidery. The embroidery reveals ornaments of Arabic inscription, called Khufu. In the Islamic world, fabric with inscriptions was particularly popular and prized until the XIV century. The earliest samples of such ornaments appeared in different shapes — medallions or images — and they were only used for the attire of high officials of the royal court, ambassadors and even caliphs. The tradition of Khufu ornaments spread throughout the Sasanian, Coptic and Byzantine cultures, but fabric with Khufu ornaments was particularly popular in Fatimid Egypt in the XI–XII cc. The inscriptions on the fabric were generally used in order to give praise to the Lord, although ornaments often had a purely decorative meaning as well. The tradition of using Khufu ornaments soon gained popularity throughout Georgia, but as can be seen from the embroidery adorning the attire of Rati Surameli, Shergil Dadiani and Vachiani, the Khufu ornaments on the Georgian fabric of that period had lost their original function and, despite maintaining the outline, were loaded with purely decorative connotation.² However, it should also be emphasized that during the era mentioned, sleeves decorated with Khufu embroidery were an essential attribute of the clothing of nobility. The noblemen’s attire also included another peculiarity, which were the specially cut white details (kbilanebi) placed at the hem of the rear, which probably gave the garment an imposing appearance when the wearer was moving.

Based on all of the above, it is believed that from the XI century until the beginning of the XIII century, the official clothes of Georgian noblemen did not change significantly and their configuration was principally of a single form.³

In the first half of the 13th century, an interesting trend occurred concerning royal attire, and the impression is given that Georgian official attire (other than the hat) was very similar to the king’s attire, or rather that the royal attire had become lighter and less pompous. If in the early period Georgian kings (Bagrat III, George III,

¹ Javakhishvili I. Mentioned work. P. 45–46.

² Ketskhoveli M. *Medieval Decorative Fabrics from Georgia*. Tbilisi, 1988. P. 53–54.

³ About Georgian clothes of the XII–XIII centuries, see: 1. Javakhishvili, Ivane: *Materials for the History of the Material Culture of the Georgian Nation*. Vol. 3. Clothing, textiles and handicrafts; Vol. 4. Military equipment and military affairs. Georgia. The USSR Academy, Institute of Georgian Art History, Vol. III–IV, Tbilisi, 1962. 2. Kalandia Giorgi, Zambakhidze Irakli, Saganelidze Irine: *Fabric from Georgia*. Vol. I. Tbilisi, 2017. 3. Kalandia, Giorgi: *Fabric from Georgia, Headwear of the Georgians*. Vol. II. Tbilisi, 2019.

David IV, Demetrius I) mostly wore robes that were sewn with heavy fabrics and richly adorned with precious stones, we do not see the same attire on the frescoes of King Lasha Giorgi¹. However, in our opinion, this is conditioned by certain circumstances. Three frescoes depicting Lasha Giorgi have survived to this day: in Kintsvisi, Bertubani and Betania. In the last mentioned fresco, Lasha, at the end of the row, stands next to his grandfather and mother. His attire, including the crown, is very plain compared to the imposing and resplendent crown and kerchief worn by Tamar the Great². Lasha's headdress is so modest that it cannot truly be called the crown of a King, as such it would appear that Lasha is presented in more princely clothes and is wearing the appropriate headgear (intended for Batonishvili) (Illustration 14). It is logical that in medieval Georgia, as in Europe, there was an institution of the prince with proper attributes and clothing. That is why we never see Lasha's robes sewn with heavy fabrics or decorated with ornaments; the artist painted him on the frescoes as a prince and co-ruler, not as a King dressed in royal clothes...

Lasha Giorgi's royal clothes as depicted in the frescoes of Bertubani and Kintsvisi are particularly noteworthy. In Bertubani, Lasha is wearing a very elegant robe with delicate, perfectly executed ornaments, the colours of which adhere to Georgian rules of depiction that have analogies found nowhere else. The embroidery of the king's apparel, crown and sleeves is similar, implying that the shape, style and embroidery of the costume were presumably created especially for the Georgian king (Illustration 15).

Tamar's son's clothes are covered in fur, pleated at the back, while at the front there is a rectangular shape cut out (Illustration 16). Ivane Javakhishvili also paid special attention to Lasha-Giorgi's costume, and wrote: "Lasha-Giorgi's clothes (Bertubani) are the most noticeable among the attire of kings; it is very difficult to say what kind of dress it is or what name it has. It looks like a robe or costume (Kabacha) that was not only meant for noblemen. This costume is fastened at the front. It is characterized by a double-pleated fold and a strange cut"³

The exact same costume (Kabacha) is worn by Lasha Giorgi in the fresco of Kintsvisi, but in this case the colour of the robe is different and it is not adorned with embroidery over the whole, although the shape and hem are rectangular (illustration 17). It seems that during the reign of Tamar and Lasha-Giorgi, members of the royal family or high-ranking feudal lords who were very close to the King also had the right to wear this elegant dress (that is why Ivane Javakhishvili remarked: "This costume was not meant only for Kings").

¹ George IV, also known as Lasha Giorgi (1191–1223), of the Bagrationi Dynasty, was a king of Georgia from 1213 to 1223.

² Tamar the Great (c. 1160 — 18 January 1213) reigned as the Queen of Georgia from 1184 to 1213, presiding over the apex of the Georgian Golden Age.

³ Javakhishvili I. Mentioned work. P. 38.

This view is reinforced by one of the bas-reliefs preserved in the famous Harichavank Cathedral in Armenia (Illustration 18) (photo courtesy of historian Vladimir Kekelia). The most beautiful aspect of this architectural complex is the main church (Surb Astvatsatsin) of Virgin Mary, built in 1201 by Ivan and Zakaria Mkhargrdzeli. The Ktitors of the temple are depicted in the bas-relief on the eastern façade of the church. It is important for the reader to understand the identity, meaning and role of the persons in the Georgian royal court who were depicted in the bas-relief. Amirspasalari Zakaria II was a Georgian “Mandaturtikhutsesi”¹ from 1206 until his death. Queen Tamar also awarded him the title of “Shahinshahi” and he is described as “placed in the seat of the Armenian King”, he was a great ruler, owning part of the lands of Kvemo Kartli, the Armenian communities annexed by the Kingdom of Georgia, as well as the cities of Rustavi and Anis.² His brother Ivan held the titles of Msakhurtikhutsesi³ (1191–1205), Atabagi (1212–1227), and also Amirspasalari (1212–1227). From the last decade of the twelfth century to the end of the 1220s, he held all the highest positions in the Georgian royal court.⁴

It is therefore not accidental that the Mkhargrdzeli⁵ brothers shown in the bas-relief of the Temple of Harichavank also wear costumes resembling the royal garment of Lasha Giorgi. After all, the Mkhargrdzeli brothers, with their power and influence, stood above the Dukes and the Grand-Dukes of Georgia. However, the bas-relief of the same Harichavank Cathedral and the way the Mkhargrdzeli brothers are dressed clearly show the hierarchical boundary that existed between the highest officials of the royal government and their subordinates. The headdresses of the Mkhargrdzeli brothers in the mentioned bas-relief (as well as in the fresco of Kober⁶ Church) are identical to the hats of Georgian Dukes Rati Surameli and Shergil Dadiani, whereas their costumes are similar to robes worn by princes and nothing like royal attire.

Finally, we would like to focus on one interesting detail: the well-preserved bas-relief of Haritchi also shows the hairstyle of the Mkhargrdzeli Brothers (Illustration 19). The academic Ivane Javakhsishvili remarks on the style of haircut during this period: “In the XI, XII and XIII centuries the hair was kept rather long. Everyone had curls.”

¹ In a modern sense, his position can be described as Minister of Internal Affairs

² Encyclopedic Dictionary: Central and Local Official Formation in Medieval Georgia. Tbilisi.2017. P.117

³ Msakhurtikhutsesi was a majordomo of the royal court or master of the royal household in feudal Georgia. He was in charge of the palace and its finances. “Within his province was the supervision of the treasury, the bedchamber, the head of bed keepers, the head of treasurers etc.”

⁴ Encyclopedic Dictionary. P. 92.

⁵ Mkhargrdzeli were a noble Georgian-Armenian dynasty of at least partial Kurdish origin. Their name Mkhargrdzeli meant long-armed.

⁶ Kobayr is a 12th-century Georgian monastery located in the village Kobayr within Lori marz, Armenia.

¹ This is how the hair of the Mkhargrdzelis looks: their long curls are down to their shoulders, they have exactly the same hairstyle as that of Lasha Giorgi's depiction in Bethany. We see the beginning of the tradition of styling hair in a similar way in the 11th century fresco of the Vachians in Upper Krikh. (In the fresco of 1140, Demeter I also has long curls on both sides of the crown). Thus the bas-relief of Haritchi is another good illustration of the fact that the Mkhargrdzelis of Kurdish origin were Georgianized since the end of the 12th century not only with regard to their surname (Mkhargrdzeli), language, script and religion, but also regarding their everyday culture.

Адалар У.(ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Письменные источники о роли Гюмри в военно-политических отношениях России и Турции в XIX в.

Город Гюмри для России в XIX в. служил замком границы и непроходимой стеной защищающей Восток и был самым стратегически важным городом на русско-турецкой границе на Кавказе.

Гюмри, будучи в составе Шурегельского Султаната, был присоединен к Российской империи в 1805 г. генералом П. Д. Несветаевым во время русско-иранской войны 1805 г. С этого времени Гюмри стал важным центром русско-турецких войн XIX в.

Первое русско-турецкое сражение на Южном Кавказе произошло в 1807 г. недалеко от города Гюмри между русским генералом И. В. Гудовичем и турецким сераскерем Эрзурума Юсуф-пашой. Это сражение известно как «Арпачайское сражение».

По условиям Гюлистанского мирного договора, подписанным в 1813 г. Гюмри официально вошел в состав Российской империи.

В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Гюмри сыграл важную роль для концентрации русских военных сил. С этого времени Гюмри стал самым крупным и важным пограничным городом России на границе с Османской империей.

В 1837 г. царь Николай I посетил город, и после этого было изменено название на Александрополь, в честь его жены Александры Федоровны. Под таким названием город оставался до 1924 г. В 1840 г. Гюмри был официально стал городом.

Во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг. (Крымской) Штаб главнокомандующего Кавказской армии генерала Н. Н. Муравьева находился в городе Гюмри. Во время войны вновь произошла битва между двумя сторонами около Гюмри. Отсюда были организованы военные действия на территорию Османской империи со стороны Южного Кавказа.

¹ Javakhishvili I. Mentioned work. P. 58.

В XIX в. в последней турецко-русской войне (1877–1878) роль города не изменилась. Главнокомандующий Кавказской армии России М. Т. Лорис-Меликов, начиная военную операцию из Гюмри, взял город Карс и Эрзурум. После этой войны Гюмри перестал быть приграничным городом.

Акопян А. В. (ИВ РАН, Москва)

Монетное дело и денежное обращение Ереванского и Нахичеванского ханств (1747–1828 гг.)

Описание монетного дела и денежного обращения ханств Закавказья, образовавшихся после смерти Надир-шаха в 1747 г. и последовавшей дезинтеграции Ирана и существовавших до присоединения к Российской империи, является актуальной задачей восточной нумизматики.

В ходе исследования нумизматики Ереванского и Нахичеванского ханств было выявлено, что эмиссионная активность в Ереване практически замерла в период между последними выпусками афшаридского типа (1164 г. х. / 1750–1751 г.) и началом каджарской чеканки (в 1213 г. х. / 1798–1799 г.). От этого периода известны только редчайшие золотые и серебряные монеты, связанные с возвышением в Иране различных правителей. Так, появление на подступах к Еревану в 1758 г. Мухаммад-Хасан-хана Каджара вызвало чеканку редчайших монет с его именем и указанием монетного двора «Ереван» (по всей видимости, эта чеканка произошла не в самом городе). Позже монетная чеканка возобновилась в Ереване в связи с занятием Карим-ханом Зендом Иранского Азербайджана и распространением его влияния на Закавказье: в 1170–1180-х г. х. / 1757–1776 гг. выпускались анонимные монеты типа *A* (в серебре) с *‘алама* Карим-хана *йа, Карим «О, Карим»* и типа *B* (в серебре и золоте) с его куплетом *Шуд афитаб-у мах зар-у сим дар джахан / Аз сикка Имам би-хакк Сахиб аз-заман «Стали солнце и луна золотом и серебром в мире / От штампера Имама — поистине Владыки времени»*.

После каджарского завоевания 1795 г. в Ереване возобновилась регулярная, но малотиражная чеканка серебряных и золотых монет от имени Фатх-‘Али-шаха (общеевропейских типов *A*, *B*, *C*, *D* и *E*). В русле общих тенденций каджарской нумизматики этого времени на ереванских монетах выставляется *лакаб* монетного двора — Чухур-и Са‘д («долина Са‘да»), ставший к этому времени канцеляризмом и вышедший из лексикона хронистов и географов еще в XVII в.

Наиболее интенсивным был выпуск в Ереване медных монет, которых для 1747–1828 гг. выявлено 15 типов. Их оформление лежит в русле сложившегося канона иранских седных монет.

За исключением дизайна серебряного типа А, все ереванские монеты типологически и метрологически едины с иранскими выпусками, что указывает на встроенность региона в существовавшие персидские монетные и фискальные системы, а также на зависимость от них. Отсутствие самостоятельной эмиссионной политики местного правителя указывает на статус Ереванского ханства как административного региона Персии. Малые тиражи ереванских монет в золоте и серебре свидетельствуют о внеэкономических, по всей видимости, донативных причинах их появления.

Такой вывод относительно природы понятия «ханства» как административной, а не политической единицы относится и к Нахичеванскому ханству. Серебряные монеты Нахичевана известны только 1181–1183/1767–1769 гг. — это исключительно редкие аббасы с монетным куплетом Карим-хана. Такой же редкостью отличаются и медные монеты Нахичевана, которых в изучаемый период известно всего семь типов.

Анализируя кладовые находки, в развитии денежного обращения Ереванского и Нахичеванского ханств можно выделить как минимум три хронологические ступени. На протяжении I ступени (1751–1758 гг. или до конца 1750-х гг.) в обращении находились преимущественно аббасы различных монетных дворов, весящие иранский мискал (4,61 г). Следующая II ступень характеризуется отсутствием монет предыдущих периодов и содержит только ереванские монеты начала 1180-х гг., а также синхронные монеты преимущественно тифлиского чекана. В дальнейшем денежное обращение в Ереванском ханстве оказывается наполненным серебряными османскими монетами при полном отсутствии в обращении местных серебряных и золотых каджарских монет Еревана (III ступень, с середины 1780-х гг.). Анализ топографии находок медных ереванских и нахичеванских монет показывает их устойчивое бытование только внутри регионов производства, а большое количество сохранившихся ереванских монет указывает на их интенсивное обращение в регионе.

Аргун М. Р. (Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, Сухум)

Кавказский Календарь как источник по истории Абхазии

«Кавказский календарь» (КК), издававшийся ежегодно с 1845 по 1917 гг. при Главном управлении Кавказского наместника, является одним из ценнейших справочных изданий по дореволюционному Кавказу и важнейшим периодическим изданием, представляющим материалы по истории Кавказа, по его географии и этнографии. В нем собраны статистические, справочные и адресные сведения о Кавказском крае. В «Календаре» часто публиковались исследования по археологии, этнографии края, краткие биографии деятелей

Кавказа, воспоминания участников кавказской войны, сведения о периодических изданиях, выходявших на Кавказе и о Кавказе, а также сведения о периодических изданиях, книгах и брошюрах.

КК издавался раз в год, состоял из нескольких разделов, в которых были собраны хронологические, астрономические, метрологические, статистические, исторические, рекламные объявления, справочные и адресные сведения о Кавказе и Закавказье. КК является справочником содержащая информацию о таксе по почте и телеграфу, сведения о переводе денег, почтовых сборах; о путях сообщения, сведение о железных дорогах — станциях, расстояниях, расписании, стоимости их билетов, сведения о движении, почтовых экипажей по Военно-грузинской дороге; расписание движения пароходов и стоимость билетов на пароходы; маршруты путей сообщения вне почтовых трактов; сведения о банковских и кредитных учреждениях на Кавказе.

КК содержит ценные, часто уникальные сведения об Абхазии, но пока они использовались в недостаточной степени это: статистические данные о численности населения края, вероисповедании, сословном представительстве, о числе учебных заведений и их штатах; информация о создании в 1851 г. Сухум-Кальского карантинно-таможенного округа, об учреждении 15 марта 1851 г. в Абхазии Архиерейской кафедры, о введении непосредственного управления с 1864 русскими властями, о допущении в 1865 г. иностранных судов в Сухум-Кале, об открытии 3 марта 1866 г. женского училища девиц для всех слоев населения; сведения об упразднении 11 августа 1866 г. управления командующего войсками в Абхазии и гражданской канцелярии по управлению г. Сухумом, Сухумской городской ратуши, Сухумского комендантского управления; информация о создании в 1866 г. из земель Абхазии с городом Сухумом, Самурзакани и Цебельды Особого Сухумского отдела; сведения о периодических изданиях («Сухумский листок объявлений», «Сухумский вестник», «Сухумские вести»); приводятся статистические данные Всероссийской переписи 1897 г.; данные посемейной переписи 1886 г.; сведение о этнографическом составе Абхазии и т.д.

Первые сведения о данных посемейной переписи 1886 г. приведены в выпусках КК за 1897–1898 гг. В данном выпуске дается классификация населения Абхазии по этническому признаку. В последующих восьми выпусках КК с 1898 по 1905 гг. приводится таблица под названием «О пространстве и население Кавказского края» по данным посемейной переписи 1886 г. Согласно этой таблице, в Абхазии проживало 68 773 человек.

В двух изданиях КК с 1898–1902 гг. приводится таблица под названием «Распределение населения Кавказа, согласно этнологической классификации» на 1886 г. По ней численность абхазов составляла 60 444 человек.

По данным официальной Всероссийской переписи 1897 г. население Абхазии достигает 106 179 человек. Новые сведения о количестве населения

в Сухумском округе, как уже отмечалось, встречаются в издании КК за 1910 г. (часть I), в котором приводятся данные на 1 января 1909 г. На указанное время на территории Абхазии проживало 129 653 чел. Таким образом КК является важным источником для изучения этнической истории Абхазии.

Ахмедли Н. (Центр Ататюрка в Азербайджане, Баку)

Камеральные описания как источник жизнеописания литературных и исторических личностей Азербайджана

Камералистика, или наука государственоведения, на протяжении XVIII–XIX вв. руководствовалась описательным методом, в задачу которого входили сбор и систематизация разнообразных сведений об источниках платежеспособности населения, а также об доходах государства в целом. Камеральные описания давали всестороннюю характеристику физико-географического и социально-экономического положения той или иной территории.

В период 1772–1774 гг. были составлены два камеральных описаний восточно-беларусских земель Российской империи. Они были созданы царской администрацией с целью сбора и учета разнообразных статистических и документальных источников о фактическом положении территории. Главной целью создания и проведения описания государственной деревни было определение величины земельного фонда для пожалований и источников казенных доходов.

После включения Крымского ханства в состав Российской империи, следующем, 1784 г., там уже было составлено камеральное описание. Уже существовала практика проведения камеральных описаний новоприобретенных территорий.

Не стали исключением и новые территории в Южном Кавказе. По итогам Туркманчайского договора (1828), Россия захватила территорию Нахичеванского и Эриванского ханства. Начиная с 1831 г. правительственные чиновники составили 6 камеральных описаний в новых завоеванных территориях. Последний был составлен в 1886 году и называется «Посемейным списком». Первая камеральная описания было составлено под руководством известного ученого — этнографа Ивана Шопена. Эти документы содержат огромный пласт информации по этнографии, географии, социально-экономическому положению данного региона. Подобные документы по названным территориям были составлены Османами в конце XVI в. и в первой трети XVIII вв., когда ими завоеваны были северные территории Сефевидской державы, а именно Южный Кавказ. Надо сказать, что Камеральные описания более информативны по сравнению с османскими документами.

Первые камеральные описания содержат обзор административно-территориальной единицы (город, участок), исторические сведения, географическое положение, также сведения о налоговой системе, формах землевладения, именах владельцев и т. п. В них были написаны все члены семьи, включая и женщины с указанием их возраста, а в последующих описаниях — только мужское население с указанием возраста.

В мусульманских странах, в том числе и в Азербайджане не обращали должного внимания составление метрической документа — свидетельство о рождении человека. Впервые этот процесс был систематизирован при советской власти. Для многих литературных и исторических личностей даты рождения были выдуманы, а в лучших случаях со слов «свидетелей» (их родственников). Бывали случаи, когда официальные даты рождения человека отличались от действительной на 30–35, а порой 40 лет, что приводило в последующем в некоторых случаях к разногласию и недоверию среди ученых и читателей при написании биографий.

Поскольку в отличие от Османских документов, в Камеральных описаниях указаны также возраст главы и членов семьи, мы можем установить дату рождения интересующего нас человека. К сожалению, никто из исследователей до нас, не обратил внимание на этот момент. Языковеды, демографы, литературоведы, и др. могут найти в камеральных описаниях ценные сведения.

В Азербайджане этот метод впервые применен автором этих строк, благодаря чему были установлен не только даты рождения целого ряда великих мастеров слов Азербайджана, таких как, например Ашуга Алескера, Джалила Мамедулузаде и других, что внесло ясность и в некоторые стороны их жизни. Была выявлена и составлена родословная до шестого колени второго президента А. Элчибея, третьего президента Г. Алиева, народных поэтов, народных героев и многих других известностей Азербайджана.

По данной теме автором было опубликовано множество статей и 3 книги, которые были высоко оценены как исследователями, так и читателями.

Гейбуллаева Р. (Бакинский Славянский Университет, Баку)

Язык и алфавит как один из критериев истории народа (на примере Азербайджана)

Одним из компонентов источниковедения народов может послужить алфавит, точнее история алфавита или алфавитов. Критерий алфавита достаточно важен, чтобы быть упомянутым среди критериев «национальной литературы и культуры». В качестве формы изложения языка, будучи частью письменной

культуры, этот критерий охватывает не только государственный, но и религиозный критерий, став маркером сферы влияния той или иной религии, и не только в средние века. Изменения в алфавите могут быть также вопросом идентификации религиозной конфессии. Так, разделение кириллического (например, русские, украинцы) и латинского (например, поляки) алфавитов среди славянских народов является фактором, указывающим на их принадлежность к католической или православной конфессии соответственно.

Как компонент критерия национальной идентификации — религиозного фактора, алфавит сопровождает статус языка. Например, в эпоху средневековья, язык классической литературы, помимо элитарного языка (французский для Европы, персидский для мусульманских народов), формируется в соответствии с языком доминирующей религии. С распространением влияния Римской империи европейские литературы создаются на латыни, который приобретает статус сакрального, также как с распространением ислама аналогичный статус приобретает арабский язык. Соответственно, для новообращенных народов создаются алфавиты для укрепления статуса на базе нового алфавита. Этой участи не избегают и аборигены из цивилизации Майя в Центральной Америке с приходом европейских колонизаторов, не говоря о большинстве народов Евразийского континента.

Даже страны, в которых религия отделена от государства, этот момент так или иначе присутствует. В период СССР, в стране, в которой религия была официально отделена от государства, арабский алфавит (маркер исламской религии), которым пользовались тюркские-мусульманские народы, а также монгольско-бурятское письмо (буддисты) были заменены кириллицей. Хотя у тюркских народов была общая тюркско-орхонско-енисейская письменность, основанная на китайских иероглифах в доисламские времена. Замена старого письма кириллицей в Монголии произошла в 1940 г. Если причиной реформы была бы только упрощение существующего алфавита, то она могла бы стать латиницей. В начале установления Советской власти так и стоял вопрос — перейти на латинскую графику, чтобы не обидеть братские народы единой страны угрозой русификации. Кириллица в Советском Союзе ассоциировалась с русской идентификацией, но никак не с православием-конфессиональной идентичностью титульной нации страны. Потому что если исторически алфавитные реформы объяснялись попыткой привития грамотности-literacy, которое происходило через религиозное образование. Хотя доля истины в этом вопросе была: реформа советского периода не коснулась народов христианства, не в зависимости от происхождения их алфавита: финикийского письма христиан Кавказа или латиницы неправославных прибалтийских народов.

В данном исследовании на примере истории алфавитных реформ и статуса сакрального/элитарного/народного языка прослеживаются соответствующие вехи истории Азербайджана.

*Дзуганов Т. А. (Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН,
Нальчик)*

Трудовая миграция крестьянства Нальчикского округа в свете архивных источников (конец XIX–XX вв.)

Конец XIX столетия ознаменовался небывалым расцветом предпринимательской активности народов Кавказского края. Не стал исключением и Нальчикский округ Терской области, включавший в себя территорию Кабарды и балкарских обществ. Объективная необходимость вынуждает крестьян переходить к новым методам ведения хозяйства, поиску возможности дополнительных заработков. В условиях округа решение данной проблемы стояло крайне остро. Экономическая отсталость, удаленность от крупнейших промышленных центров, отсутствие налаженной транспортной инфраструктуры, значительно сокращали возможный вектор приложения сил. В этих условиях для кабардинского крестьянина одной из первостепенных возможностей улучшения своего материального благосостояния становится отходничество. Первоначально отход осуществлялся, в основном, в границах Кавказского края, реже — в центральные губернии и крупные промышленные центры страны.

К началу XX в. его география заметно расширяется, распространяясь за пределы региона. Часть горцев регулярно выезжает в Харбин, на строительство КВЖД. Определенной популярностью пользовалось сибирское направление. Там всегда можно было устроиться на сезонную работу в золотодобывающие артели. Вместе с тем, подобные заработки были подвержены определенным криминальным рискам, а возможность прилично заработать — исчезающе мала.

Параллельно, на рубеже XIX–XX вв. в Нальчикском округе неожиданно получает распространение такое направление отходничества, как трудовая миграция в зарубежные страны. Осуществлялось оно преимущественно в страны Латинской и Северной Америки и приобрело особую популярность в 1906 — 1907 гг. Количество выезжающих в этом направлении горцев ежегодно росло, вплоть до начала Первой мировой войны.

Для кабардинского крестьянина Американский континент становится наиболее предпочтительным. В некоторых случаях, в Америку на заработки мигрировали целыми семьями.

В дальнейшем переселенческое движение усиливается. По не полным данным, в течении первой половины 1914 г. начальнику Нальчикского округа было подано 121 заявление с просьбой о выдаче «паспортных свидетельств на заработки в Америку». Многие из тех, кто получил от властей отказ в выдаче выездных документов, искали и находили иные, помимо законных, способы достижения поставленных целей.

Трафик по доставке трудовых мигрантов на Американский континент был отлажен уже в первом десятилетии XX в. Складывается два основных легальных способа, которые жители Терской области использовали для того, чтобы попасть в Америку. Первый — из Владикавказа поездом через Либаву и Гамбург, и оттуда на пароходах до Нью-Йорка. Второй — поездом до Владивостока, затем кружным путем, через Японию, до западных штатов США и Канады.

Возрастающий поток трудовых мигрантов именно из Терской области обусловил открытие во Владикавказе в 1912 г. специального отделения Либавского агентства. Теперь вербовка желающих осуществлялась непосредственно на месте.

Особенно активная вербовка трудовых мигрантов осуществлялась агентами Мексики и Бразилии. Некоторые штаты и города последней вели даже самостоятельную агитационную деятельность по привлечению переселенцев, как например, власти бразильского Сан-Пауло и Рио-де Жанейро.

Условия жизни и труда, в большинстве случаев, были крайне неблагоприятными для переселенцев. Не смотря на все трудности, поток выезжающих за границу в поисках работы стремительно увеличивался. Объяснялось это, прежде всего, высокими, относительно местных условий, заработками и деятельностью иностранных вербовщиков.

Трудовая миграция населения Нальчикского округа, в зарубежные страны, как и повсеместно, была свернута в связи с разразившейся в 1914 г. войной. Для многих трудовых мигрантов это стало настоящей трагедией. В следствии известных драматических событий многие из них навсегда потеряли возможность вернуться домой.

Зельницкая Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Святылище Дыдрыпш в Российской периодике XIX в.

Одним из источников изучения духовной культуры в настоящее время можно назвать Российскую периодику. Первые материалы по истории и культуре абхазов на страницах газет и журналов стали публиковаться после присоединения Абхазского владетельного княжества к Российской Империи в 1810 г. Большое внимание в этих публикациях было уделено религиозной ситуации в крае. Отдельные статьи были посвящены святылищам абхазов.

Абхазское святылище-*аныха* — это священное место, где совершаются жертвоприношения и приносятся клятвы. Святылища в Абхазии бывают двух видов: родовые, то есть фамильные, и региональные. К региональным святылищам относятся Дыдрыпшьныха (сел. Ачандара), Лых-ныха (сел. Лыхны), Лдзаа-ныха (сел. Лдзаа), Псху-ныха или Инал-Куба в горной области Псху (верховья реки Бзыбь).

Самым известным и «главным» из вышеперечисленных святилищ является Дыдрыпш ныха, которое находится на горе Дыдрыпш. Впервые это святилище было описано в 1879 г в газ. Кавказ в Я. Пасхаловым¹. Позже, в 1898 г., Н. Джанашиа в журнале «Моамбе», опубликовал статью «Абхазы»², где также, как и Я. Пасхалов, дает подробное описание святилища Дыдрыпш, а также значение названия святилища.

По их сообщению, абхазы почитают не только место, где находится святилище, но и саму гору. Абхазы настолько верили в святость этого места, что даже преследуемый враг, который скрылся на горе, не подвергался наказанию.

Святилище Дыдрыпш служило местом самой верной присяги абхазов, среди которых считалось, что из-за пустяка клятву не дают. Я. Пасхалов сообщает о том что, ложно присягнувший на этой горе подвергается неминуемой каре свыше. «С чувством благоговения, вспоминает об этой горе и когда, по призыву рока, суждено явиться туда ему на присягу, он робко, в душевном волнении, вступает на гору и, под давлением фанатического страха, должен произнести истину», — пишет Н. С. Джанашиа. Направляясь на гору к месту святилища, проводники объяснили, что это место неприкосновенное. По объяснению абхазов нарушителя ждет божье наказание. Интересным является мнение абхазов об отношении к святому месту. Они считали, что не только человек не подходит к нему, но и животные. Когда домашние или дикие животные пасутся и приближаются к границам Дыдрыпша, сами по себе возвращаются обратно из-за страха или уважения к иконе, которая там находится. Страх и почитание или уважение к ней имеют не только дети Адама, но и стихия и животные.

Проводники, как правило, заканчивали свой путь на высоте около 500 футов. Дальше они указывали на место, которое по их словам было святым, где давали присяги и произносили очистительные молитвы.

Боязнь перед святилищем для абхазов было настолько распространена, что не каждый решался подойти без повода к месту принесения присяги. Многие проводники-абхазы отказывались идти туда, показывая направление сами оставались неподалеку. Это самое место абхазы называли «место сидения» иконы. Кроме того, они считали, что здесь похоронен *амаалыкъ*-ангел могилу которого так и не была найдена. По сообщениям очевидцев на святом месте стояло большое раскидистое красное дерево-негной из семейства тисовых. Здесь же находились развалины небольшого каменного храма, усыпальница во имя божества — Анысныха (икона души матери). Нижние ветви вышеуказанного дерева, были обвешаны разными металлическими предметами,

¹ Пасхалов Я. «Дудрипш» святая гора в Абхазии // Кавказ. 1874. № 141. С. 1–2.

² Джанашиа Н. С. Абхазы (Этнографические заметки). Дыдрыпш // Моамбе, 1898. № 9. С. 18.

именно висели: топорик, или скорее, древняя секира с длинной железной пустой рукояткой, турецкой надписью на одной стороне топорика; шлем ветхий, заржавленный — помятый; полоса старого железа, изогнутая пополам, и жестяное сито. Увиденные металлические предметы были принесены в жертву местными жителями.

Кекелия В. (Национальный Центр рукописей Грузии ГНАН, Тбилиси)

Вопрос монастыря Св. Креста в Иерусалиме и международные отношения на Ближнем Востоке в начале XIV столетия

Доклад посвящен анализу одного из этапов в отношениях между Грузией и Мамлюкским Египтом, в частности, вопросу возвращения грузинам монастыря Святого Креста в близ Иерусалима, который был отнят у грузинской общины 1272 г.

Грузинское Царство во времена монгольского владычества, с второй половины XIII в. было разделено на две части. Восточная Грузия была в вассальной зависимости от Илханов, а Западная Грузия вела самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

По вопросу возвращения монастыря грузинской общине велись переговоры между Мамелюками и Грузинским царством. Из Грузии было отправлено два посольства, в 1305 и 1310 гг. По этому поводу сведения сохранились у ряда арабских авторов:

- Такиюддин Абуль-Аббас Ахмад ибн Али аль-Макризи;
- Бадр ад-Дин аль-Айни;
- Шихабуддин Абуль-Аббас Ахмад ибн Абдуль-Ваххаб ан-Нувайри;
- Ал-Муфаддал ибн Аби ал-Фадаил;
- Баибарс ал-Мансури.

В 1310 г. монастырь возвратили грузинам. Надо заметить что до этого Мамлюки 1308 г. передали Грузинам Св.Голгофу.

В докладе мы представим:

- Все источники, где речь идет о возвращении монастыря Грузинам, также анализ тех международных отношений, которые по нашему мнению сопутствовали подобному решению.
- В том числе представим перевод колофона Армянской рукописи Британского музея и переводы колофонов грузинских рукописей, которые являются важными источниками для анализа международных связей XIV в. и для изучения поэтапного разрешения Грузино-Мамлюкских отношений.

*Маламагомедов Д. М. (Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН, Махачкала)*

**Историческая память о лидерах джихада
(имамата Дагестана и Чечни) в восточных источниках
из Дагестана: рукопись Хасанилава ал-Гимрави об имаме
Газимухаммад (XIX в.)**

Дагестанский алим Хасанилав ал-Гимрави (Хасанилав-дибир, Гасанилав, Генуса Хасанилав), автор уникального нарративного источника, «Имам Газимухамад», происходил из селения Гимры. Хасанилав изложил в своем труде биографические страницы, политическую и религиозную деятельность первого имама Газимухамада ал-Гимрави (1794–1832), мюрида шейхов суфийского братства накшбандийа Мухаммада ал-Йараги и Джамалуддина ал-Гази-Гумуки. Сам Хасанилав скончался относительно рано, в возрасте чуть более пятидесяти лет, и его письменное наследие оказалось утерянным. Однако его рукопись «Имам Газимухамад», составленная в последней четверти XIX в., пользовалась определенной известностью в кругу дагестанских арабистов, занимая место в популярных списках.

Сочинение Хасанилава ал-Гимрави одно из немногих трудов местных авторов XIX в., написанное на аварском языке, а не на более привычном для дагестанских алимов того времени литературном арабском языке. Будучи не изданной в дореволюционное и раннее советское время, текст не подвергался вмешательству цензуры в отличие, например, от знаменитых хроник Мухаммада-Тахира ал-Карахи или Хаджи-Али ал-Чухи. Выявление и публикация новых исторических текстов на дагестанских языках имеют важное научное значение для обогащения источниковедческой базы. На фоне большого количества нарративных источников, созданных российскими исследователями XIX в. чрезвычайно важно представить точку зрения противоположной стороны, т.е. мнение авторов арабграфических сочинений, что позволит приблизиться к исторической достоверности в изучении противоречивых событий Кавказской войны, в частности, вопроса, связанного с первым имамом Дагестана Газимухамадом. В этой связи, по своему характеру и содержанию автобиографическое источниковедческое сочинение Хасанилава ал-Гимрави крайне интересно и важно для исследователей.

Предположительный автограф рукописи Хасанилава, подлинник (черновик), в настоящее время хранится в филиале Национального музея РД им. А. Тахо-Годи, расположенном в с. Гимры (Унцукульского района РД). Сюда он поступил из личного архива Гимринского алима Алил Абдуллаха (1888–1967), который он в свое время получил в дар от потомков покойного Хасанилава. Объем рукописи 76 страниц. Формат: 35, 5x24 см. Экземпляр дефектный: отсутствуют три первых листа с оборотом и окончание сочинения, отсутствуют 8-й, 9-й,

10-й, 11-й листы. Текст написан черными чернилами, нумерация выполнена фиолетовыми. Количество строк на одной странице — 21–22. В левом нижнем углу листов хафизы, вверху в центре вставлена более поздняя европейская пагинация фиолетовыми чернилами, номера страниц обведены в кружок. Рукопись выполнена на фабричной бумаге. Переплет картонный, зеленого цвета без клапана и тиснений. Сочинение написано на литературном аварском языке почерком насх (аджам) с небольшими вкраплениями гимринского диалекта. Текст полностью огласован, почерк ясный, убористый, читается без особых трудностей. На полях и между строк рукописи имеются многочисленные вставки и комментарии, относящиеся к тексту сочинения, которые без специальных средств увеличения читаются с трудом. Некоторые предложения, или часть их, написаны фиолетовыми чернилами (встречается 26 раз), но это не похоже на названия глав. Предположительно хронику составляли по рассказам очевидцев и современников имама Газимухамада и скорее всего записями на полях дополнялся основной текст хроники по мере накопления нового материала от различных информаторов. В последующем это вызывало затруднения у переписчиков, которые в некоторых случаях стали вписывать глоссы в текст произвольно.

Попытки перевода сочинения на русский язык предпринимались еще в 1905 г. об этом свидетельствуют небольшие пометки на полях рукописи. На с. 15 в левом нижнем углу на русском языке, в дореволюционной орфографии, черными чернилами написано «4 января 1905 г. Началь переводить с этаго места», на с.16 черными чернилами «21 февраля 1892 г. ДСП», на с. 18 размашисто, серым карандашом «ДСП 5 июля 1902 г.». По всей видимости, аббревиатура «Д. С. П.» — это инициалы, но кому они могли принадлежать, установить не удалось. Вероятнее всего эти инициалы Гасана Малачиханова, который будучи в России носил фамилию Парамонов, а Д. С. возможно его православное имя и отчество.

К настоящему времени известны три списка хроники.

Первый, предполагаемый автограф (черновик), как уже упоминалось выше, хранится в Гимринском филиале Национального музея РД им. А. Тахо-Годи.

Второй список выявлен в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН с надписью (чернилами) на обложке на русском языке: «Копия с рукописи жит. сел. Гимры Аварского округа Гассанилау Будун Гуссейн оглы — арабиста (б. преподавателя вероучения в Хунзахск. сельск. школе), умерш. в 1898 г. Материалы по истории газавата (на аварском языке)» (Хр. в Научном архиве ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф.1.Оп.1 № 476. (40 л.)). Рукопись поступила в институт в 1952 г., но, судя по вводной записи списка (чернилами), она была составлена, предположительно, в конце 1920-х — начале 1930-х гг.: «Человеком, собравшим эту хронику, является Гамзат Аббасов из Аварского округа, во время работы председателем Гимринского исполкома. И я собрал все это по требованию

товарища Самурского и товарища Тахо-Годи». В этом списке отсутствовали первая и последние страницы.

Третий список, выполненный в 1927 г., также хранится в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН, с более поздней надписью на обложке папки (шариковой ручкой) «Хроника Хасанилава Гимринского «Имам Гази-Мухаммад». Автор: Устар, сын Хаджи Мухаммада». Рукопись принадлежал «Устару, сыну ал-Хаджи Газимухаммада, сына ал-Хаджи Али Горо, сына Али Горо, сына Газимухаммада, сына Сулаймана, сына Мирзалава, сына Мирза ал-Гимрави» и датирован «25 числом месяца джумад ал-ахир 1346 г.х. / 20 декабря 1927 г. в Темир-Хан-Шура». (Хр. в Научном архиве ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф.1.Оп.1 № 84А/1213. (60 л.)) В нем также отсутствуют начало и окончание сочинения.

Точное время написания исторического сочинения Хасанилава («Имам Газимухаммад») определить сложно — автором труд либо не был датирован, либо, что вероятнее всего, датировка утеряна вместе с последними страницами сочинения.

Маня Э. М. (Национальный Центр рукописей Грузии ГНАН, Тбилиси)

Источники двух разных функций как возможность восстановить новые детали Кавказской войны

Сегодня во всем мире, из-за приоритета тандемных и комплексных подходов к проблеме, особое внимание уделяется данным, полученным путем согласования/сопоставления источников разного назначения (с одной стороны, официально-документальных, с другой — личной переписки/записей/воспоминаний).

Если сопоставить данные, фигурирующие в Актах, собранных Кавказскою археографической комиссией, в публикациях разных годов которой печатались архивные документы Главного управления Кавказского наместничества: приказы, сообщения, отчеты/рапорты, обращения, журналы военных действий... с данными из личной переписки Григола Орбелиани, правителя Аварии, впоследствии генерала, это позволяет реконструировать ряд фактов о ходе войны, переосмыслить те части истории этого периода, которые малоизвестны или идеологизированы, а также внести их в научный оборот.

Посредством отчетов, напечатанных в «Актах» Григола Орбелиани, а также писем, отправленных им родственникам, проясняется факт похищения из Джунгуты Хаджимуратом и его бойцами Нох-Бике, жены Ахмеда Хана, бывшего правителя Аварии. Мы также узнаем об отдельных законодательных

и проектных предложениях Григола Орбелиани в этот период, например, об его мнении о законности покупки за рубежом арабских и чернокожих слуг населением Каспийского региона и т.д. Здесь же находим аргументы в пользу замены местных топонимов русскими топонимами. Особого внимания заслуживают вопросы защиты чести кавказских горцев как одной из важных составляющих стратегии военных действий, их использование в амбивалентных контекстах и др.

Интересно еще одно обстоятельство — Григол Орбелиани в официальных деловых отношениях, помимо отчетов и обращений, тем же адресатам и на ту же тему часто отправляет и письма. Эти своего рода дублированные источники (официальное обращение и личное письмо) имели одинаковый канцелярский номер и, по-видимому, с точки зрения делопроизводства проходили один и тот же путь. В отличие от обращений и отчетов, письма, как и ожидалось, имеют менее формальный стиль и раскрывают не только публично признанный, декламированный характер событий, но и реальную суть дела, «внутреннюю кухню», отражающую стратегические расчеты и видения.

Именно при таком подходе история Кавказской войны XIX в. обогащается рядом новых деталей.

Моисеенко Н. С. (ООО «Арттида», Санкт-Петербург)

О платиновой монете на Кавказе в середине XIX в.

Россия является единственной страной, в денежном обращении которой на протяжении многих лет находились монеты, отчеканенные из платины. Именными указами Николая I от 24 апреля 1828 г., 30 ноября 1829 г. и 12 сентября 1830 г. последовательно повелевалось о выпуске 3-х, 6-ти и 12-рублевых монет.

Поскольку монета понравилась персам, торговавшим с Грузией (незадолго до того вошедшей в состав России), 14 января 1829 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин отправил 1000 платиновых трехрублевых монет в Тифлис, для обмена оных на серебро и чтобы, по велению императора, из их числа «*вместо золота, делали иногда подарки*».

23 января 1829 г. Е. Ф. Канкрин сообщил главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу, «*что если распространение платиновой монеты в Грузии и Персии будет успешно, то я не оставлю выслать оной столько, сколько вам угодно будет потребовать*», а также собирался прислать «*небольшие пластинки или полосы платины для разных поделок в Грузии на продажу*»¹.

¹ Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Архив Главного управления Наместника Кавказского. Том VII. Тифлис, 1878. С. 76. № 86, 87.

Опасение о возможном появлении поддельной монеты привело к тому, что 22 июня 1845 г. император Николай I подписал указ, требующий «...прекратить вовсе чекан платиновой монеты», а «обмен платиновой монеты производить... во всех Казначействах, в течение шести месяцев со дня получения сего Указа... По истечении сего срока прием платиновой монеты, как в казенные платежи, так и для обмена, воспрещается»¹.

По данным Грузино-Имеретинской казенной палаты, в Тифлисе обмен официально должен был продолжаться с 4 августа 1845 г. по 4 февраля 1846 г.², а по Кавказской казенной палате даты окончания разнятся от 28 января до 8 февраля. Однако на Кавказе наблюдалось противоборство в этом вопросе сразу трех ветвей власти — финансово-экономической, политической и военной, позволившее намного превысить установленные императором сроки обмена платиновой монеты.

В начале 1846 г. Наместник Кавказский князь М. С. Воронцов личным распоряжением «признал необходимым разрешить теперь же Казенную Палату допустить еще обмен платины в здешних Казначействах по 1^е Мая сего года включительно»³.

Министр финансов попытался оспорить это решение, ссылаясь на то, что Наместник должен был сперва известить императора о своих действиях и причинах, и что в мирное время подобные приказы отдаются только в войсках. В случаях особой важности, превышающих его власть, Наместник обязан был обратиться к Председателю Кавказского Комитета. Дополнительным аргументом министра было предположение, что это могло «дать средство менялам, просроченную в других губерниях и скупленную по низшим ценам платиновую монету сбывать променом в Грузино-Имеретинской губернии»⁴.

Рассмотрев обращение, Кавказский Комитет принял решение⁵, а император 30 марта 1846 г. его утвердил: «...распоряжение Наместника о продолжении по 1^е Мая срока, назначенного Именным Высочайшим указом для размена платиновой монеты, хотя и несогласное с силой этого указа, но допущенное по особым местным обстоятельствам, утвердить, с тем, однако, чтобы после 1го Мая размен и прием этой монеты во всем Закавказском крае были решительно прекращены».

Вскоре и этот императорский приказ был нарушен. Князь М. С. Воронцов счел «необходимым по Каспийской Области продолжить размен платиновой

¹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XX. 1845. Отделение первое. От № 18573–19303. СПб., 1846. С. 470. № 19121.

² РГИА. Ф. 565. Оп. 13. Д. 2651. Л. 380, 182об.

³ Там же. Л. 182–183.

⁴ Там же. Л. 189–189об.

⁵ Там же. Л. 192–193об.

монеты до 1го Июля»¹, а в августе 1846 г. сообщил, что планирует в подчиненных ему войсках к 1 января 1847 г. собрать ведомости о находящейся там «не представленной куда следует к обмену» платиновой монете. Упомянутая ведомость была составлена только 22 апреля 1847 г., а переписка по ее поводу продолжалась до 20 января 1849 г.

*Сафаров Р. Ф. (Института археологии
и этнографии НАНА, Баку)*

О расширенном понятии Азербайджана в исторических источниках

В европейской и российской науке господствует мнение, что исторический Азербайджан расположен в Иране, а на Кавказе дефиниция «Азербайджан» появилась после создания в 1918 г. Азербайджанской Демократической Республики (АДР). На основе такого предвзятого подхода делают выводы, что Азербайджан является искусственным политическим образованием, исторически не связанным с Кавказом. Архивные, литературные и картографические материалы позволяют по-иному взглянуть на вопрос, восстановить истину и опровергнуть предвзятое мнение этих авторов.

Некогда общая география и население под влиянием внешних факторов раскололись на две страны — Атропатену (Атерепатакану) и Албанию / Арран. Начиная с античности и раннего средневековья Арран и Азербайджан (Азербайджан) не раз были объединены в одну политико-административную единицу (III–II вв. до н. э., VI–XIII, XVI–XIX вв.) и продолжительное время находились в составе одного государства.

Из-за территориального дробления Аррана это название с XV в. практически вышло из употребления среди местных народов, примерно так же как столетием раньше перестал использоваться термин «Армения» как географическое и этнотерриториальное обозначение в Восточной Анатолии.

Тюркимапы (исторический этноним азербайджанцев) и их субэтносы кызылбаши воспринимали вилаеты Азербайджан, Чухурсаад, Карабаг, Ширван как единую историко-географическую и этнокультурную родину под названием «Азербайджан».

Похожую ситуацию объединенности азербайджанских вилаетов в некое единое административное целое наглядно демонстрируют источники с конца XVI в., когда все северо-западные области страны Сефевиды включили в единое Азербайджанское наместничество. Объективные и полностью независимые друг от друга источники убедительно подтверждают один и тот же

¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 13. Д. 2651. Л. 373об.

факт — Азербайджан включал земли как южнее, так и севернее реки Аракса, в том числе Чухурсад, Карабаг, Ширван, Картиль и Кахит.

Шах Надир Афшар (1736–1747) вообще ликвидировал все прежние вилаеты и разделил государство на четыре новых генерал-губернаторства. С тех пор понятие «Азербайджан» постепенно вытеснило областные названия. После него страна распалась на множество ханств. Вставшие с 1795 г. во главе Кызылбашской державы Каджары, сохранили введенное шахом Надиром административно-территориальное деление государства. Эта система административного устройства просуществовала до середины XIX в.

Наличие Азербайджана на Южном Кавказе отразилось в русских источниках, представленных в документах разного рода: указах, договорах, переписке, военных рапортах и т. д. Одной из основных групп источников являются документальные материалы, публиковавшиеся в официальных изданиях. Прежде всего, это 12-томные «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» и периодические издания.

Россия с 1801 г., осуществляя территориальные завоевания, начала создавать военный плацдарм в центре Южного Кавказа на границах Кызылбашской державы и Османской империи, стремясь расширить его новыми территориальными приобретениями и укрепить христианскими новоселами из тех же стран, прежде всего, армянами. На начальном этапе завоевания Кавказа в русских официальных кругах североазербайджанские ханства, например, Гянджинское, Иреванское, Дербендское и другие, фигурировали как часть Азербайджана. В российских архивах сохранилось немало документов, подтверждающих указанные пределы Азербайджана.

В ходе русско-кызылбашской войны (1804–1813) Россия к 1810 г. присоединила к своим владениям на Кавказе большую часть Северного Азербайджана. В источниках Азербайджан с территорией до Тифлиса и Дербенда встречается примерно до 1809–1810 гг. Русская власть негласно запретила в официальном употреблении термин «Азербайджан» по отношению к северной части Азербайджана. Однако, так как наложенный запрет был негласным, термин «Азербайджан» по отношению к завоеванной русскими части Азербайджана продолжал встречаться в журнальных статьях и даже в исторических трудах.

Таким образом, следует признать, что расширенное толкование понятия Азербайджан, объединявшим вилаеты Ширван, Карабаг и Чухурсад — территория АДР и современной Азербайджанской республики, имело давнюю традицию и укоренилось среди местных тюркиман-кызылбашей в XVI–XIX вв. Данные факты подтверждаются множеством архивных, литературных и картографических материалов. Соответственно расширенное толкование понятия Азербайджан воспринималось и признавалось как соседями Азербайджана, так и представителями дальних стран и народов.

Глостнаков А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Реактуализация традиций и конструирование новых символических практик в контексте этнонациональной мобилизации черкесов

В настоящее время на Северном Кавказе и в зарубежной черкесской диаспоре продолжается процесс национального строительства. Целью этого процесса является формирование общечеркесской идентичности среди всех адыгов. Для формирования общечеркесской идентичности этническими активистами многие годы продвигается идея того, что до окончания Кавказской войны существовало независимое государство Черкесия, население которого на родном языке называло себя «адыгэ», а окружающие народы называли жителей этой страны «черкесами».

Вместе с формированием общей идентичности, черкесские активисты начиная с 1990-х гг. и по сей день стремятся найти идеологическую платформу, а также символы, которые позволят консолидировать адыгов, на Кавказе и в диаспоре. В качестве основных идеологических платформ рассматривается ислам и черкесское «родноверие», которое ряд исследователей называет «хабизмом». Стоит отметить, что российские исследователи А. Ярлыкапов и И. Бабич еще в 2010-х гг. заложили фундамент для исследования вопроса о соотношении ислама и «хабизма» в черкесском национальном движении. Несмотря на то, что многие интервьюируемые ими черкесские общественные деятели уже не занимаются этническим активизмом, ряд выводов, озвученных исследователями не потерял своей актуальности. Так, десятилетие спустя, по-прежнему ни один документ черкесских национальных движений не апеллирует к исламу как к одной из культурных основ этнической идентичности, а лидеры национального движения настаивают на том, что ислам из-за присутствия ему космополитизма и предпочтения религиозной сплоченности, не может быть идеологией черкесского национализма.

В настоящее время большинство черкесских лидеров отдает предпочтение «хабизму». Отчасти это связано со сменой поколений в национальном движении. Особенно отчетливо эта тенденция наблюдается в Кабардино-Балкарии, где появились молодые этнические лидеры, мировоззрение которых формировалось в 2000-е гг., когда черкесская молодежь массово переходила из исламского проекта в национальный.

Прекращение существования на Северном Кавказе исламских политических проектов и исчезновения угрозы вовлечения черкесов в эти проекты привело к заметному смягчению антиисламской риторики национальных лидеров. Однако напряжение по линии «исламист — хабзист», появившееся после нападения боевиков на Нальчик в 2005г., сохраняется и в настоящее время. Негативную реакцию черкесских мусульман вызывают театрализованные представления,

организуемые последователями черкесского ученого-фольклориста Аслана Ципинова, убитого в 2010 г. боевиками. Кроме того, во время пандемии неоднозначную реакцию религиозных черкесов вызвала инициатива ряда черкесских активистов по реактуализации традиционного ритуала выражения скорби путем поднятия левой руки. Ритуал перестал исполняться в 1970-х, прежде всего, по причине критики со стороны мусульманского духовенства за языческие корни. Примечательно, что впервые за долгие годы ритуал был исполнен на похоронах известного представителя черкесского национального движения Мусы Шанибова. После этого черкесские активисты предприняли попытку включения этого ритуала в перформанс отменения основной для черкесов траурной даты – Дня памяти и скорби по жертвам Кавказской войны. 21 мая 2020 г. в России и диаспоре сотни представителей молодежи в обозначенное время публиковали в социальных сетях фотографии с левой поднятой рукой. Вероятно, в этом году организаторы флешмоба предпримут попытку популяризации акции, что неминуемо приведет к ответной реакции черкесов-мусульман.

Таким образом, лидеры черкесского национального движения даже в период пандемии не прекращают поиск идей и символов, для мобилизации географически и во многом культурно разрозненной черкесской нации. Однако способы, которые они для этого используют, приводят к усилению конфликта между мусульманами и «хабзистами».

Фарзалиев А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Историко-политическая география Южного Кавказа в источниках XVI — первой половине XVII вв.

Характерной чертой второй половины XVI–XVII вв. было появление на Востоке, а также в Европе, ряда сочинений, посвященных истории Османской империи и Сефевидского государства, где имелось немало интересных сведений об историко-политической географии Южного Кавказа. Это были труды османских авторов, например, «Кунх аль-ахбар» («Суть известий») и «Нусрет-наме» («Книга о победе») Мустафы Али-эфенди, «Тарих» Мустафы Селяники, «Тарих» Ибрагима Печеви, а также сочинения Кятйба Челеби «Джихан-нума» («Зерцало мира») и «Фезлеке» («Краткое изложение»).

Сефевидские источники этого периода, хотя и более многочисленные, однако в них недостаточно освещены вопросы историко-политической географии Южного Кавказа в целом. Самые крупные работы этого периода были «Ахсан ат-таварих» («Наилучшая из летописей») Хасан-бека Румлу, «Тарих-и алам ара-и Аббаси» («История украшателя мира Аббаса») Искандер-бека Туркмана Мунши, «Шереф-наме» Шереф-хана Бидлиси.

Среди европейских источников можно отметить «Историю войн между турками и персами» Томаса Минадои, изданную в Венеции в 1588 г., «Историю Персии» Бицаруса, изданную в Антверпене в 1583 г. и «Рассказы Дон Хуана Персидского Орудж-бека Байата», изданные в Вальядолиде в 1604 г.

Среди вышеуказанных источников самые достоверные сведения об историко-политической географии Южного Кавказа содержатся в трудах османских авторов, так как они были участниками событий.

Рассматриваемые источники дают много материала для выяснения границ государств региона, внутреннего административно-территориального деления, определения внутренних границ территорий и районов. Труды участников военных действий отличаются от остальных известных работ тем, что по ним можно определить локализацию городов, крепостей и других оборонительных сооружений и установить маршруты военных походов и поля битв. Сравнивая восточные и европейские источники по названной теме, можно прийти к выводу, что в рассматриваемый период в географическом, а иногда и в административном отношении, Южный Кавказ делился на следующие части: Ширван — северо-восточная область Азербайджана с центром в Шемахе; Арран — центральные и северо-западные области страны, позднее называвшиеся Карабахом, с центром в Гяндже; Чукур-Саад — с центром в Реване, а также Нихичевань; Азербайджан — территория, почти совпадающая с территорией современного Иранского Азербайджана с центром в Тебризе. Все эти территории, а также Дербент, до 1578 года входили в состав Сефевидского государства, а далее, до начала XVII в. входили в состав Османской империи. Что касается другой части Южного Кавказа — Грузии, то она состояла из трех независимых государств и ряда мелких княжеств: Картли с центром в Тифлисе, Кахетия, Имеретия (в трудах османских историков ее называют исключительно Башачык), Мегрелия, Гурия, Месхетия (Самцхе).

Правители Дагестана благодаря брачному союзу с сефевидскими ханами добились хороших отношений с Казвином, и в периоды османо-сефевидских войн эти территории находились под защитой Сефевидского государства.

В отличие от восточных источников, в европейских источниках все географические и топонимические названия либо сильно искажены, либо даются византийские названия, что усложняет определение местности. К тому же, есть различия в написании географических названий объектов в османских и сефевидских сочинениях. Такие разночтения, нам кажется, связано с тем, что начиная со второй половины XVI в. каждая из этих стран имела свои виды на Южный Кавказ и в будущем видела его частью своих владений.

СЕКЦИЯ VI • SECTION VI
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF CENTRAL ASIA

Tojjeva Feruza (Mamun Academy, Khiva, Uzbekistan)

**The Issue of Women in Slavery Relations
in the Khiva Khanate**

The role of female slaves or maids in the issue of slavery in the Khiva khanate is one of the current problems of historical science. However, the issue of the status and fate of female slaves in the Khiva khanate and their role in the economic, social and spiritual life of the khanate is much less reflected in written sources. In particular, in the memoirs of Russian and partly British tourists and ambassadors, in the works of Russian researchers, and in information about slavery in Iranian-Persian sources, there is few fact about female slaves, including cursory information about the value of female slaves and the work they do. In local sources, we have almost no information about it. It should be understood that even the works by Munis, Ogahi and Bayani did not pay much attention not only to the issue of slaves or captives, but also to the issue of women in general, because they treated women from the Islamic point of view as all people of this period.

The sources providing information about the role of female slaves or maids in the issue of slavery in the Khiva khanate can be conditionally divided into two groups: 1) Russian and European sources of the XVI–XIX centuries; 2) Sources of Iran, Bukhara and Khiva.

Interestingly, the most important of these sources are Russian ones, and again, there is hardly any information about the issue in Iran, Europe, Bukhara, and especially in Khiva sources. Therefore, we begin the analysis of sources with Russian and, in addition, European sources, and we consider it appropriate to analyze these sources periodically. However, we rarely find information about female slaves in Russian-European sources of various themes or contents of the XVI–XIX centuries.

At this point, it is expedient to consider the issue of the treatment of female slaves in Islam at the start of studying this problem.

If female slaves were called *kinn ama*, *joriya* and *wasifa* in the Islamic world, it would not be wrong to say that they were simply called *chori* or maids in the Khiva khanate. It is true that the generation of slaves was originally called *dogma* (meaning ‘born as slave’) in khanate, but later the slaves in general were called so. If the khan's maid was released, she was called a *khanozod* (‘freed from slavery by khan’).

In Islam, captive or slave women are considered human beings, and even in Surat an-Nisa ' of the Koran, it is said ‘If a man cannot afford to marry a free muslim woman then he is allowed to marry the female maid or slave under his reign’¹. At the same time, Islam stipulates that a slave woman who gives birth to a child from her master is free forever.

The slaves and maids could also marry with the consent of their masters. Children born from these marriages were also considered free people. The lord could live with his maid, and if she had a child from her lord, she would be called *ummi valad*, and the child could not be sold or given to anyone. After the death of the master, the maid in master’s marriage was considered free. The children would also be born free and would have the right to inherit their father’s wealth².

Now, let us continue our approach to the issue of female slaves in the Khiva khanate, we can say that the sources provide general information about them. In particular, female slaves were often used in household chores. Although there is no clear evidence that they were used in field or other heavier work, the female slaves must have been used, especially in field work. In general, when it comes to female slaves, the sources only provide information about their prices. In particular, at the end of the 18th century, the female slaves were twice as expensive than male slaves and were valued at 50–100 chervons (money in circulation in the Russian Empire), when the male slaves were about 40–50 chervons.

The Russian Embassy headed by A. F. Negri who visited the Emirate of Bukhara in 1820–1821 with E. K. Meyendorf who was part of the mission, informs about the

¹ Sheikh Muhammad Sadiq Muhammad Yusuf. Human Rights in Islam. Islam and Slavery. In Uzbek // <http://www.info.islom.uz/03/30/2016>.

² Ibid.

price of slaves in the Emirate of Bukhara and writes: '... the price of a strong male slave in the emirate is 40–50 gold pieces (640–800 Russian rubles), of a slave with a profession is 100 gold pieces (1600 rubles), of a young and beautiful slave girl is 100–150 gold pieces (1600–2400 rubles)'¹.

Arminius Vamberi, who came to the Central Asian khanates in 1863, said that the strong male slaves were valued at 40–50 gold pieces, and older women could be sold for up to 10 gold pieces in the emirate that year. However, he wrote that after the defeat of the Iranian army by the Turkmen near Marv in 1861, 13,000 Iranian soldiers were sent to slave markets, and that year the price of slaves in the Emirate of Bukhara fell tenfold to three or four gold pieces. However, they did not say anything about the price of female slaves in this case, whether it influenced on their price or not, the information about it is not available².

Finally, according to an orientalist, A. Kuhn, in an article in 1873, the price of a young slave girl in the khanate markets ranged from 40 to 250 gold pieces. In 1873, on the eve of Kaufman's accession to the khanate, the slave price rose from 100 to 200 gold pieces for Russian slaves, 70 gold pieces for Iranians, and 60 to 300 gold pieces for Iranian wives and children under 14³.

The Russian military ambassador to the Khiva khanate in 1819–1820, N. Muravyov points out that Uzbeks in Khiva can legally marry several women, but in practice they marry only one woman, and polygamy is not common in the Khanate, for only rich families could afford such an opportunity. It follows that in the Khiva khanate, the men from the common population had neither the opportunity to keep slaves nor to marry them⁴.

In written sources we find information that the wives of some Khiva khans and relatives were former slaves. For example, Shirinbika, the beloved wife of Muhammad Rahimkhan Feruz (1864–1910), was also brought from Iran by the Yavmuds in her youth and sold to the harem in the slave market in Khiva. Khan Feruz's cousin Matniyaz Devonbegi's mother was also a Russian slave⁵.

¹ Meyendorf E. K. Travel from Orenburg to Bukhara. (In Russian). M.: Nauka, 1975. P. 145.

² Vambery A. Journey through Central Asia. (In Russian). M.: Vostochnaya literature (Eastern literature), 2003. (pdf). P. 65.

³ Kuhn A. L. Notes on taxes in the Khiva Khanate // Turkestanskije vedomosti (In Russian). 1873, August 14, № 32.

⁴ Muravyov N. Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820. The Guards General Staff Captain sent to this very country for negotiations (in Russian). T. 1. M., 1819; T. 2. M., 1820 // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/ XIX/1800–1820/Muraviev/text5.html>.

⁵ Khoroshkhin A. P. Memories of Khiva. (Cursory notes). // Collection of articles related to the Turkestan region (in Russian). St. Petersburg: Type. and chromo-lite. A. Transchelya, 1876. P. 473–483.

Russian female slaves mostly worked in the khan's palace. Even some Russian captives rose to the rank of chef of the khan's palace kitchen, and thus achieved the status of being the closest person to the khan. In particular, during the reign of Allakulikhon (1825–1842), Russian captives such as Anna Vasilevna Kostina¹ and Akulina Grigorevna Stepanova² were employed as cooks in the palace kitchen and warehouse managers.

According to some sources, there is every reason to conclude that the treatment of concubine women in the harem of the Khiva khan was also good. In particular, it was G. who said that Allakulikhon had a very good attitude towards the above-mentioned Russian captives. According to Stepanova herself, Russian slaves such as Fyodor Grushin and Tikhon Ryazanov mentioned in their memoirs that Anna Vasilevna Kostina was treated well not only by the khan but also by court officials. According to Vamberi, Khan Sayyid Muhammad Khan (1856–1864) was extremely kind to harem maids. The only condition was that they should not commit any sinful act or behavior³.

In general, the subject we want to cover here is the role of female slaves or maids in the Khiva khanate in terms of slavery. If we draw a general conclusion about the role of female slaves or maids in the issue of slavery in the Khiva khanate, the khanate determined the price and the area in which the captives were to be used, depending on their age or appearance. At the same time, being an Islamic state the Khiva khanate treated the female slaves based on the religious principles in the society.

Vasileva N. (Trakya University, Turkey)

Crosswords Conflicts: Eastern Rumelia and Afghanistan in the context of the British-Russian rivalry 1878–1885

The 19th century was marked by the increasing British and Russian rivalry in the two decisive geopolitical points which possession would determine dominance in the world politics. During the last decades of the eighteenth century and the first

¹ Dal V. I. The Story of the Astrakhan Tradesman Tikhon Ivanov Ryazanov who came out of the captivity in Khiva (in Russian) // *Utrennaya Zarya* (in Russian): Almanac for 1839 / Ed. V. Vladislavlev. Saint Petersburg, 1839. P. 74–92; Dal V. I. The Story of the Khiva prisoner Fedor Fedorov Grushin // *Literary additions to the “Russian invalid”* (In Russian). Saint Petersburg, 1838. No. 5. 20 Jan. p. 81–86

² Bukharin N. K. Essays on the Linear Life of the Orenburg Cossacks. “Khivinka”. (Notes of the military foreman of the Orenburg Cossack army N. K. Bukharin). (In Russian). Orenburg: Typo-lithograph by B. Breslin, 1892. P. 42

³ *Vambery A. Journey through Central Asia*. (In Russian). M.: Vostochnaya literature (Eastern literature), 2003. (pdf.). P. 65.

half of the nineteenth century the Russian advancement towards the Straits and the Mediterranean coast gave rise to the unprecedented contest for dominance over the Ottoman lands. There as an opponent Russia met Britain. The decisive strategic point over which the two great powers concentrate was the Straits with its manouering ground the Balkan Peninsula. The process of disintegration of the Ottoman European lands strengthened the demands for establishment of an influence which had to secure the political interests of two Powers in the region. For Great Britain this was the road to India and its defense, for Russia the defense of the Black Sea and the outlet in the Mediterranean. The whole this process included series of events, political issues and collisions which provoked the elaboration of political strategies and mechanism for finding of a solution of the Eastern Question and establishment of a Balance of Power.

The developments of the Eastern Question somehow found a response in the emerging of the second battle area for the Russian and British rivalry in the Central Asia. After the Russian defeat in the Crimean War 1853–1856 and the signing the Treaty of Paris which ceased the Russian progress towards the Straits and destroyed its gains in the Balkan Peninsula the Russian Empire was forced to alter her political ambitions in the direction of the Central Asia. In the Central Asia was situated the second decisive point — Afghanistan which possible possession or exercising an influence over these territories would secure a powerful tool against the British Empire. Here as her opponent appeared again the British Empire which already had settled its colonial power in the continent. The British-Russian rivalry from the first half the 19th century regarding the Easter Question from the second part slowly transferred in Central Asia and turn into Great Game.

In 1877–1878 Russia received the chance to restore her prestige and to resume her position at the Balkans and respectively in the European theatre. Russian Empire gained a victory which raised her prestige and power placing her in an immediate proximity of the Straits. This threat induced a campaign against her, and the British authorities managed to impose a revision of Treaty of San Stefano. The “big Bulgaria” was divided and from south part was established the autonomous province of Eastern Rumelia. Russian responded to this with action in Afghanistan 1878, the mission of General Stoletov which harmed the British interests in Central Asia and forced Britain to lead a war with Afghanistan (1879–1880). Meanwhile in period on 1878–1879 British and Russians struggled to impose their influence over Eastern Rumelia and respectively to secure their influence in Istanbul. So, the issue of Eastern Rumelia and Afghanistan in the years between 1878 and 1886 were correlated as a part of the larger struggle for dominance in the Near East. Afghanistan was a sensitive issue for the British policy as much as Eastern Rumelia was for the Russian policy. For the British authorities Afghanistan was the defensive line for India, Eastern Rumelia was a

defensive barrier against Russian threat to Istanbul. On the other hand, for Russian which at that time pressed to advance in Central Asia and in the Balkans, Afghanistan was a tool which could be used as a permanent threat to Britain and Eastern Rumelia was the key for establishment a control in Istanbul and the Straits. Therefore, advancement on the one point corresponding with actions threatening the other point.

The aim of this study is to examine the correlation between the Russian and British political actions took against Afghanistan and Eastern Rumelia in the period of 1878 until 1885 in the context of their rivalry for dominance in the Near East and Central Asia.

*Абдунабиев С. Б. (Ташкентский Государственный университет
узбекского языка и литературы)*

Исторические личности Центральной Азии, упомянутые в «Путешествии Ибн Баттуты»

Важное значение для исследования истории и исторической географии, истории культуры, искусства и других областей общественной и политической жизни народов, населяющих в настоящее время государства Центральной Азии, имеют памятники арабской географической литературы. Они представляют собой обширный пласт написанных по-арабски сочинений, через века и страны тесно связанных друг с другом определенными традициями и линиями преемственности. Знаменитый арабский путешественник, историк и географ XIV в. Ибн Баттута оставил наследие, на которое опираются современные ученые в воссоздании картины исторического и культурного развития Средней Азии. «Путешествие Ибн Баттуты» занимает особое место среди трудов арабских путешественников.

Ибн Баттута, как и Марко Поло, останавливается иногда на событиях, которые на первый взгляд могут показаться мелкими: например, в деталях описывает оказанный ему прием, полученные подарки. Но не следует относить это за счет «преувеличенного самомнения». Эти моменты были для него столь же важными, как важно было для придворных, на какое место усадит путешественника эмир или султан. Такими же событийными были и для Ибн Баттуты многочисленные повествования о пфшдчудесах, гробницах святых и угодников.

В «Путешествии Ибн Баттуты» описано и посещение арабским путешественником Средней Азии. В XIII–XIV вв. на территориях, захваченных монголами, жили и трудились замечательные поэты, ученые и мыслители, внесшие бесценный вклад в мировую культуру. Среди них такие блистательные имена,

как поэт-суфий Джалал ад-Дин Руми (1207–1273), поэт, мыслитель и путешественник Муслих ад-Дин Саади Ширази (1210–1292), выдающийся историк средневековья Фазлаллах Рашид ад-Дин (1247–1318), ученый энциклопедист Насир ад-Дин Туси (1201–1311), астроном и географ Кутб ад-Дин Ширази (1236–1311) и многие другие.

Ибн Баттута встречался с правителями Средней Азии того времени и приводит их имена в своем произведении. Так, во время своего путешествия в Хорезм Ибн Баттута был принят эмиром Хорезма, которого звали Кутлудумур.

هو الأمير قطلودمور و معنى اسمه الحديد المبارك. لأن قطلو هو المبارك و دمور هو الحديد. و هذا الأمير ابن خالة السلطان المغظم محمد أوزبك، و أكبر أمرائه، و هو واليه على خراسان.¹

«Он — эмир Кутлудумур. Его имя означает «благословенное железо». «Кутлу» [означает] «благословенный», а «думур» — «железо». Этот эмир — сын тети великого султана Мухаммада Узбек-хана. Он [Кутлудумур] старший из его эмиров и правитель Хорасана. Медресе в Хорезме и прилегающие к нему здания были построены этим эмиром».

В Хорезме Ибн Баттута посетил мазары известных ученых, в частности могилу Наджм ад-Дина ал-Кубра, одного из величайших ученых-суфиев. Пробыв некоторое время при дворе эмир Хорезма, Ибн Баттута отправляется в Бухару, где посещает могилу Абу Абдуллаха Мухаммада ибн Исмаила ал-Бухари, имама знатоков хадисов.

Покинув Бухару, Ибн Баттута направляется ко двору Ала ад-Дина Тармаширина, султана Мавераннахра из династии Чингисхана. Ибн Баттута так описывает Алоуддина Тармаширина в своем произведении.

و هو السلطان المغظم علاء الدين طر مشيرين. و هو عظيم المقدار كثير الجيوش و العساكر ضخم المملكة شديد القوة عادل الحكم، و بلاده متوسطه بين اربعة من ملوك الدنيا الكبار، و هم ملك الصين و ملك الهند و ملك العراق و الملك أوزبك. و كلهم يهابونه، و يعظمونه و يكرمونه.²

«Это великий султан Ала ад-Дин Тармаширин. Он могуществен, у него много войск, он правит огромной страной, он силен и справедлив. Его страна расположена между [владениями] четырех великих царей мира: царя Китая, царя Индии, царя Ирака и царя Узбека. Все боятся и уважают его».

¹ Rihlat Ibn Battuta. Al-Qohira. B. 279.

² Ibid. B. 284.

В Балхе Ибн Баттута посещает мазар мусульманского святого по имени Уккаша ибн Михсан ал-Асади [عكاشة بن محسن الاسدي]. Он был одним из самых известных сподвижников (асхабов) пророка Мухаммада («Посланника Аллаха»), сражавшихся в битвах при Бадре и Ухуде. В Туркестане есть еще одна гробница, посвященная Уккаше.

В «Путешествии Ибн Баттуты» упоминается также известный мусульманский теолог, мистик и философ Абу Хамид ал-Газали [أبو حامد الغزالي]. Он родился в Тусе и получил образование в Нишапуре, был учеником и близким другом Низам ал-Мулка, вазира султанов Сельджуков и преподавателя медресе Низами в Багдаде. Ал-Газали побывал в Дамаске, Египте, Палестине, Мекке и Медине. Его самая известная работа – «Ахйа ал-улум-ад-дин» («Восстановление религиозных знаний»).

Среди видных исторических личностей Центральной Азии Ибн Баттута упоминает и Абу Хавса Умара ан-Насафи [أبو حوس عمر النسفي] — мусульманского правоведа, автора «Трактата о спорных вопросах между факихами четырех сект», в котором описываются различия между маликитским, ханбалитским, шафитским и ханафитским мазхабами.

Ибн Баттута также упоминает других ученых и суфиев, однако дает лишь краткую информацию о них. Чтобы предоставить читателям более точную информацию, переводчик, академик Нетьматулла Ибрагимов проанализировал и прокомментировал многие средневековые и современные произведения, написанные об этих исторических личностях и религиозных деятелях.

Абланова Э. А. (Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга, Казахстан)

Сведения о Мангышлаке в рукописях М. Ладыженского

Начало планомерному, подлинно научному изучению Каспийского бассейна было положено в начале XVIII в. при Петре I, когда Россия стала морской державой. Конечно, главными направлениями военно-морской и торговой политики России были Балтийское и Черное моря. Однако Петр не забывал и о Востоке: заботился о развитии торговли с восточными странами, об обороне юго-восточных окраин российского государства, освоенных и заселенных русскими переселенцами¹. В царствование Петра I начался новый этап в отношениях России с народами Средней Азии. Петр I придавал большое значение

¹ Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII–XIX вв). М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. С. 4.

установлению господства России на Каспийском море и открытию кратчайших торговых путей через Среднюю Азию в Индию¹.

С середины XVIII в. через Астрахань и Мангышлак в Среднюю Азию привозили разного рода мануфактурные изделия: холсты, сукна, стамеды (шерстяные ткани разных цветов), краски, деревянную посуду, блюда и чашки, котлы чугунные и др.² Создавались все условия для развития торговли морским путем через Астрахань-Мангышлак. В итоге в период правления Екатерины II (1762–1796) Россия приступила к изучению вопроса о сооружении укрепленного торгового центра на восточном побережье Каспийского моря. В 1763 г. Сенат представил Екатерине II специальный доклад о путях развития торговли с Хивой и Бухарой и посылке экспедиции на Мангышлак с целью выбрать место для сооружения крепости³.

В результате 16 мая 1764 г. решением Адмиралтейской коллегии из Астрахани на трех морских судах была отправлена экспедиция в составе инженер-майора М. Ладыженского (руководитель экспедиции), капитана И. В. Токмачева и штурмана Панина для обследования восточного побережья Каспийского моря.

Астраханский губернатор Н. А. Бекетов отправил через М. Ладыженского письмо мангышлакским туркменам, в котором просил их о содействии экспедиции и в частности писал: «Вы трухменские старшины, так и хивинские ханы, неоднократно прошения свои ея императорскому величеству всемилостивейшей государыни приносили о возстановлении при Мангышлакской пристани с вами, также и с хивинцами и бухарцами торгу, к большой вашей надобности и общей пользы господина майора, учинить ему дружеское вспоможение и никакого препятствия в том порученном общем деле не оказывать»⁴.

Во время экспедиции инженер-майор М. Ладыженский вел журнал, в котором четко указывал все даты, включая точную дату прибытия на Мангышлак. Из-за штормовых ветров путь экспедиции до Мангышлака оказался долгим. Экспедиция выехала из устья Волги 31 мая 1764 г. и только 3 июня достигла острова Кулалы. Здесь морское судно до 9 июня ждал других кораблей с тяжелым грузом. Осмотрев Кулалинский остров «нашли ево к человеческому обитанию неудобным, потому что на нем ни лесу, кроме жидовиннику, ни травы, ни земли, ни воды пресной нет, а только мятая и целая ракушка»⁵.

¹ Аннанпесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад, Блым, 1981. С.20.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 62.

⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Трухменские дела». Опись 99/3. Дело 2. 120 л.

⁵ Ладыженский М. Описание восточного берега Каспийского моря и туркменского народа (рукопись). // Архив Русского Географического Общества. (РГО) 67-разряд.

В местность Сарытас экспедиция прибыла 10 мая. Здесь М. Ладыженский описывает восточное побережье Каспийского моря, объясняя, что топоним Сарытас в переводе означает «желтый камень»¹.

В рукописи М. Ладыженского есть интересные факты о Мангышлакских туркменах. В частности о том, что туркменские племена абдалы кочуют от местности Сарытас до форта Тупкараган. М. Ладыженский сообщает: «Они [туркмены] разделяются на несколько племен. От Мангышлакской пристани до мыса Эмбы, до Мертвого Култука кочуют племена бурунджук, в другом направлении от абдалов южнее кочуют игдыры, дальше племена ерсары, от Балканского полуострова до персидского побережья кочуют гурджали»².

Экспедиции не удалось наладить отношения с туркменами Мангышлака. Туркмены встретили экспедицию «верхом с мечами и топорами»³. Во время нескольких встреч с участниками экспедиции туркмены носили оружие. Наличие пушек и военных на кораблях экспедиции способствовало безопасности туркмен. Накануне отъезда экспедиции в указах коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Н. Бекетову туркменский народ описывается как «неукротимый, легкомысленной», у которого «один старшина другому отнюдь не подначальной»⁴.

На приеме, устроенном на морском судне туркменским старейшинам Камбарбеку Дурдымурату, брату Карабатыра Амантаса Онбеги Суиргапу и брату Нияза Батыра Алтыбеку, М. Ладыженский передал старшинам указ царского правительства о применении силы, «если они окажут сопротивление и не позволят им исследовать местность»⁵. Однако после грубых действий участников экспедиции, не проявивших «вежливого уважения» к прибрежным жителям, упомянутым в инструкции, туркмены были настроены против русских, отказались оставить на судне своего «аманата» (заложника) и затрудняли русским изучение Каспийского побережья⁶.

М. Ладыженский был обескуражен первоначальными неудачами и в отчете по результатам изучения восточного побережья Каспийского моря заявил: «Нет

Опись 1. В. П. 1.; Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Турхменские дела». Опись 99/3. Дело 2. 3 л.

¹ Там же.

² Ладыженский М. Описание восточного берега Каспийского моря..., 6 л.об.

³ Из рапорта М. Ладыженского астраханскому губернатору о результатах обследования северо-восточного побережья Каспия // Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад, 1963. С.103.

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Турхменские дела». Опись 99/3. Дело 2. 64 л.

⁵ Ладыженский М. Описание восточного берега Каспийского моря... 9 л.

⁶ Там же, 11 л.об — 12 л.

возможности поселения на Мангышлаке»¹. По его словам, на Мангышлаке «нет травы, нет земли, все северные берега в лесу, камыша нет, колодцы далеко от моря, вода соленая, можно построить только порт Кендерли, но это кажется неэффективным»². Он охарактеризовал Мангышлак как голую засушливую пустыню без кремня, где нет возможности построить верфь и развивать торговлю³ и пришел к выводу, что нелегко жить в «каменистом, малонаселенном, неэффективном месте для содержания большого количества скота»⁴.

Несмотря на конфликт и сопротивление со стороны туркмен, 4 июля члены экспедиции прибыли к островку Агыс-ада у залива Кендырли. На острове застали туркмен-рыбаков, которые ловили крючками и били острогою осетров, белуг и севрюг. 21-числа стали на якорь у южного конца Краснодарской косы⁵.

Здесь Ладыженский с одним из туркмен ездит смотреть остатки крепости Бековича-Черкасского: «Доехавши до Красной воды, увидели мы, что косу всю промыло водою, а крепости никаких признаков не видно, ибо все то место смыло водою и поросло мелким камышом, а займище во многих местах так мелко, что ял наш на мель становился, однако, по показанию трухменца, пробрались мы камышом до самого того островка, где, по объявлению его, был крепостной вал, песком насыпанный и досками намощенный, которые доски при оставлении крепости были сожжены. Трухменец объявлял еще, что к нагорной и восточной стороне вал был снаружи огорожен деревянным забором, а на одном углу была сделана каменная башня, которая 4 года назад еще была видна сверх воды, и указывал нам место, где она стояла»⁶. Академик Л. С. Берг, комментируя наблюдение Ладыженского, полагает, что оно свидетельствует о значительном повышении уровня Каспийского моря за истекшие со дня основания крепости 48 лет⁷.

Экспедиция в продолжение нескольких дней крейсировала по Балханскому заливу, а затем пристала к островку Челекен, который на русских картах XVIII и XIX вв. именовался островом Нефтяным. Съехав на берег, Ладыженский осмотрел нефтяные колодцы и, кроме того, обнаружил здесь источники горячей воды и скопления желтой серы⁸.

¹ Ладыженский М. Описание восточного берега Каспийского моря... 18 л.

² Там же.

³ Там же. 66 л.

⁴ Там же, 67 л.

⁵ Цит. по: Берг Л. С. История исследования Туркмении // Туркмения. Т. 1. Ленинград, 1929. С.84.

⁶ То же.

⁷ Берг Л. С. История исследования Туркмении // Туркмения. Т.1. Ленинград, 1929. С.84.

⁸ Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия..., С.24.

14 сентября 1764 года экспедиция М. Ладыженского, продолжавшаяся четыре месяца, вернулась в Астрахань. По результатам экспедиции появилась новая информация о нефтяных скважинах на Балканах и на острове Челекен. Спустя год экспедиция вернулась на Каспийское море на трех ботах «Орел», «Сокол», «Кречат» и завершила прошлогодние наблюдения. Панин описал северный участок побережья до устья Урала, а Токмачев с Матвеевым описали южную часть моря, включая Астрабадский залив¹.

По материалам экспедиции капитан-лейтенант Ногаткин создал новую карту Каспия, по которой позднее была создана генеральная карта Каспийского моря, изданная в 1796 году известным русским гидрографом XVIII века А. И. Нагаевым.

Для заложения крепости М. Ладыженский рекомендовал берега залива Кендырли, указывая на неудобство всех остальных возможных мест. К сожжению, отчет его не был своевременно напечатан. Лишь спустя сто с лишним лет, в 1875 году, «Извлечение из журнала инженера-майора Ладыженского, посланного в 1764 году для осмотра восточных берегов Каспийского моря» как ценнейший источник была опубликовано в «Актах, собранных Кавказской Археографической Коммиссией»².

Рукопись журнала М. Ладыженского «Об описании восточного берега Каспийского моря и туркменского народа» хранится в архиве РГО. Копию этого отчета мы обнаружили в Архиве внешней политики Российской империи.

*Аканов К. Г. (Институт истории государства КН МОН РК,
Нур-Султан)*

Сведения о казахах в описях РГАДА³

История взаимодействия азиатских и европейских народов в период позднего средневековья и нового времени является одной из весьма важных частей прошлого евразийского пространства. Примером может послужить история взаимоотношений казахов с Россией в XVI–XVIII вв., материалы по которой сосредоточены во многих архивах, где находятся ценные данные по изучаемой тематике. Одним из таковых можно назвать архив

¹ Там же. С. 25.

² Акты собранные Кавказской Археографической Коммиссией (АКАК). VI. Ч. II, Тифлис, 1875. С. 783–797.

³ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP08956348, «Материалы Российского государственного архива древних актов по ранней истории взаимоотношений Казахстана и России (до середины XVIII в.)»).

РГАДА (Российской государственной архив древних актов). Однако стоит отметить, что при анализе фондов РГАДА, необходимо также учитывать следующие моменты:

- многие текстовые источники из данного архива были опубликованы в ряде сборников архивных документов и материалов, издававшихся как в советский период, так и современный;
- стоит понимать, что ряд документов периодически дублируется, и в основном задействованы фонды 122, где собраны тексты политического характера по русско-казахскому взаимодействию, датируемые концом XVI — началом XVIII вв. и 248, материалы которого содержат документацию Сената Российской Империи по отношению к казахам в первой половине XVIII вв.;
- используются также фонды 113 с данными по джунгарам и 119 с материалами по калмыкам, военно-политические контакты с которыми оказались весьма судьбоносными для казахов и России;
- незадействованными остаются еще достаточно много документов, и их введение в научный оборот будет способствовать наиболее полному пониманию особенностей взаимоотношений Казахского ханства и Русского государства на разных этапах их существования.

Для примера рассмотрим некоторые дела из фонда 248, опись 3. Возьмем дело 7 из книги 142, датируемое 1743 годом. В деле содержится доношение полковника Сибирского драгунского полка Я. Павлуцкого с просьбой о разрешении казахам иметь торговые контакты «посредством обмена товаров» с русским населением г. Царев Курган, но не с Челябинской крепостью¹. Сообщаются сведения о кочевках в верховьях р. Тобол казахов, ведущих торговые дела с российскими городами, одним из которых указывается г. Царев Курган. В Деле 8 из той же книги, которое также датируется 1743 годом, сообщается о возможности принятия населением казахских Средней и Младшей Орд (жузов) подданства Джунгарии и о стремлении России помешать этому путем направления нарочного секунд-майора Миллера². Дело 17 из книги 143, датируемое 1740 годом, хранит текст доношения начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта князя В. Урусова, где содержатся материалы присяги на верность России казахских ханов и султанов, а также письма, в которых они выражают преданность правителям Империи. Также сообщались сведения об особенностях Средней Орды и характере ее правителя³. Документы свидетельствуют о нахождении территории казахов с населяющим ее населением в сфере

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 142. Д. 7. Лл. 24–32.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 142. Д. 8. Лл. 33–35.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Лл. 82–98.

торгово-политических интересов Российской империи, которая явно не собиралась уступать их другим.

Таким образом, подробное изучение описей РГАДА, связанных с взаимоотношениями России с казахами и сопоставление их материала с уже опубликованными сборниками документов позволяет сделать вывод о том, что в большинстве своем они посвящены теме взаимоотношений казахов с Россией, где одна сторона искала союзника в экономических и военно-политических делах, а другая была обеспокоена задачами по расширению сферы влияния и формированию безопасного и надежного пути для торговли с азиатским регионом.

Алимджанов Б. А. (Институт Востоковедения АН РУз, Ташкент)

Активные операции Ташкентского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка

Ташкентский филиал Русско-Азиатского коммерческого банка был основан в 1903 г. С самого начала его функционирования в Ташкентском филиале преобладали вексельные операции в ущерб товарным. «Среднее за 13 лет сальдо составило: по вексельным операциям — 1994 тыс. р., по товарным операциям — 331 тыс. р.»¹, отмечали ревизоры в 1916 г. Ревизоры в своих отчетах настаивали, чтобы филиал сократил вексельный учет, и развивал товарные операции. «Из циркулирующих здесь векселей — торговых, писали ревизоры, только какая-нибудь дробная часть процента; среди же дружеских обычное явление и вексель подложный, просто и подложно подписанный с ведома фиктивного векселедателя и, наконец, векселя вымышленных лиц»². Товарные операции отделения не были развиты, например, в 1915 г. филиал не смог взять даже ни одного вагона хлопка на консигнацию³. Невзирая на все экономические трудности, показатели Ташкентского филиала банка росли ежегодно и стабильно отражали реальное положение дел (см. табл. 1).

Таблица 1. Общие обороты Ташкентского филиала Русско-Азиатского банка⁴

Годы	Обороты	Вступительный баланс
1910	194 681 532 р. 54 к.	Нет сведений

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн.143. Л. 1–6 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ РГИА Ф. 630. Оп. 1. Д. 552 (Отчеты Ташкентского отделения банка за 1910–1916 гг.). Л. 2, 15 об., 33 об., 51 об., 74 об.–75, 117 об., 135 об.–136.

Годы	Обороты	Вступительный баланс
1911	161 440 445 р. 30 к.	3 238 102 р. 55 к.
1912	211 282 166 р. 16 к.	3 487 068 р.
1913	236 895 395 р. 80 к.	4 661 650 р. 11 к.
1914	223 306 909 р. 02 к.	5 561 983 р. 57 к.
1915	346 497 005 р. 74 к.	3 595 925 р. 27 к.
1916	585 965 419 р. 88 к.	3 723 745 р. 72 к.

Как видно из табл. 1, в годы Первой мировой войны обороты банка достигли наивысшей точки. Резкое увеличение оборотов банка в 1916 г. можно объяснить охватившим Туркестан спекулятивным бумом и общей инфляцией.

Ниже (табл. 2) приведена характеристика основных операций Ташкентского филиала Русско-Азиатского банка.

Таблица 2. Основные показатели по главнейшим операциям за 1903–1915 гг.¹

Годы	Выдачи по вексельной операции	Выдачи по товарным операциям	Списания
1903	1532 тыс. р.	147 тыс. р.	–
1904	3292 тыс. р.	458 тыс. р.	–
1905	4393 тыс. р.	857 тыс. р.	9551 р.
1906	6674 тыс. р.	1636 тыс. р.	4247 р.
1907	7446 тыс. р.	1869 тыс. р.	1002 р.
1908	7125 тыс. р.	136 тыс. р.	9952 р.
1909	6523 тыс. р.	1321 тыс. р.	21 716 р.
1910	6433 тыс. р.	1391 тыс. р.	14 588 р.
1911	5954 тыс. р.	1106 тыс. р.	6798 р.
1912	6610 тыс. р.	1334 тыс. р.	96 714 р.
1913	7789 тыс. р.	1994 тыс. р.	56 190 р.
1914	3871 тыс. р.	945 тыс. р.	57 088 р.
1915	2277 тыс. р.	1086 тыс. р.	126 785 р.
Всего	69 919 тыс. р.	14 200 тыс. р.	404 631 р.

Как видно из табл. 2, вексельные операции банка преобладали в 4–5 раза товарных кредитов. За 15 лет на учет векселей было потрачено почти

¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 555 (Отчет инспекторов Банка Б. Лукодянова и Р. Тальма о ревизии деятельности Ташкентского отделения на 14 марта 1916 г.). Л. 2 об.

70 млн руб., а на торговые операции 14,2 млн руб. В следующей таблице (табл. 3) отражены ежегодные сальдо по основным (активным) операциям Ташкентского филиала банка.

Таблица 3. Сальдо по главнейшим операциям за 1903–1915 гг.¹

Сальдо на 1 января	По вексельным операциям	По товарным операциям
1904 г.	859 тыс. р.	73 тыс. р.
1905 г.	795 тыс. р.	63 тыс. р.
1906 г.	1423 тыс. р.	251 тыс. р.
1907 г.	1778 тыс. р.	810 тыс. р.
1908 г.	2271 тыс. р.	52 тыс. р.
1909 г.	2430 тыс. р.	302 тыс. р.
1910 г.	2229 тыс. р.	302 тыс. р.
1911 г.	2264 тыс. р.	233 тыс. р.
1912 г.	2553 тыс. р.	262 тыс. р.
1913 г.	2936 тыс. р.	567 тыс. р.
1914 г.	3091 тыс. р.	1024 тыс. р.
1915 г.	2367 тыс. р.	207 тыс. р.
1916 г.	1648 тыс. р.	263 тыс. р.
На 19.04.1916 г.	1267 тыс. р.	469 тыс. р.

Таким образом, нужно отметить, что Ташкентский филиал в основном зарабатывал учетом векселей. По учету векселей банк взимал с клиентов 10–10,5 %. Основные клиенты (почти 85 %) по учету векселей были мелкие торговцы из Старой части города Ташкента.

*Алпеев О. Е. (НИИ Военной Истории Военной Академии
Генштаба ВС РФ)*

Отчетные документы штаба Туркестанского военного округа о медико-санитарном состоянии войск во время «Джамского похода» 1878 г.

Летом 1878 г., в связи с подготовкой к вероятной войне с Великобританией и ее союзниками, стремившимися принудить Россию к пересмотру Сан-Стефанского мирного договора с Турцией, на северной границе с Буха-

¹ Там же.

рой, у кишлака Джам был сосредоточен крупный отряд русских войск Туркестанского военного округа. На эту группировку возлагалась задача создать угрозу Британской Индии и осуществить силовое прикрытие дипломатической миссии генерал-майора Н. Г. Столетова к афганскому эмиру Шир-Али. История этой неудачной экспедиции хорошо освещена в научной литературе¹ и фундаментальной публикации документов Т. Н. Загородниковой², но в ее изучении существуют несколько вопросов, на которые исследователи пока не смогли ответить.

Одной из таких проблем является состояние медицинского обеспечения русского экспедиционного корпуса во время похода, уровень заболеваемости и смертности в войсках. Ни свидетельства современников, ни научные исследования не дают определенного ответа о масштабах заболеваемости и смертности в Главном отряде, что стало причиной мифа о «Джамском стоянии» как о «братской могиле» туркестанских войск³.

Первой попыталась объективно ответить на вопрос об эпидемической ситуации в русском лагере предприняла Т. Н. Загородникова. Опираясь на архивные документы, исследовательница высказала сомнение в том, что войска сильно пострадали от инфекционных болезней, но не представила доказательств своей точки зрения. Британский историк А. Моррисон пишет о 60–70 погибших от болезней военнослужащих. Количество заболевших он оценивает в 1200 чел.

Ответить на вопрос о действительном уровне заболеваемости и смертности позволяют отчетные документы штаба Туркестанского военного округа, подписанные его командующим генерал-адъютантом К. П. фон Кауфманом. Точно установить количество умерших русских воинов позволяет его «Отчет о последнем походе» от 1 сентября 1878 г., в котором приводятся подробные сведения о заболеваемости и смертности в Главном отряде⁴. Этот важный исторический источник по истории «Джамского похода» не вошел в сборник документов Т. Н. Загородниковой. По данным отчета, в июле 1878 г. в Главном отряде в лечебные заведения поступил всего 201 чел., и 18 — умерло⁵. Русские солдаты и офицеры мужественно преодолевали выпавшие на их долю испыта-

¹ См., например: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 427–441; Morrison A. Beyond the “Great Game”: The Russian origins of the second Anglo-Afghan War // *Modern Asian Studies*. Vol. 51. Iss. 3. May 2017. P. 686–735.

² «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов / Сост. Т. Н. Загородникова. М., 2014.

³ См.: Корнеев В. В. Центральная азиатский регион в военной политике России (конец XVIII — начало XX в.) // *Восток (Oriens)*. 2004. № 4. С. 12–13.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 17. Л. 193–247.

⁵ Там же. Л. 238 об.

ния и часто переносили болезни на ногах. Данные отчета не учитывают таких заболевших, как не учитывают и больных, поступивших в околотки — врачебные пункты при войсковых частях.

Сразу же после завершения «Джамского стояния» обнаружилось, что оно не прошло бесследно для здоровья его участников. Тяготы похода вызвали отложенный эффект в виде повышенной заболеваемости и смертности в войсках округа во второй половине 1878 г. Об этом свидетельствуют цифры другого отчетного документа окружного штаба — «Всеподданнейшего отчета командующего войсками Туркестанского военного округа за 1878 г.», также подписанного Кауфманом: если в первое полугодие в лазареты поступило 8311 чел., и 210 — умерло, то во второе во врачебные заведения попал 11 971 чел., умерло же 590¹.

Несмотря на значительный рост инфекционных болезней, уровень заболеваемости и смертности личного состава в Туркестанском округе оказался даже ниже, чем во многих европейских округах. Так, по данным Главного военно-медицинского управления Туркестанский округ занимал только 12-е место из 14 по заболеваемости и 6-е — по смертности². Таким образом, приведенные в отчетных документах Туркестанского военного округа данные о заболеваемости и смертности в 1878 г. позволяют однозначно утверждать, что их санитарное состояние не могло послужить причиной отмена «похода в Индию».

Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)

Некоторые проблемы изучения советского нациестроительства в Центральной Азии

Этнополитика в СССР представляет самостоятельный исторический и генетический интерес с точки зрения преемственности определенных моделей политики в постимперской ситуации. Большевистский проект, как и предшествовавшие ему несостоявшиеся этнополитические проекты модернизации традиционных обществ в составе мультикультурной России, были «западническими» по смыслу и характеру предлагавшегося образа прогресса. Практические попытки соединить идеи западных социалистов с разноликотной этносоциальной реальностью на протяжении 1920–1930-х гг. выразились в региональных вариациях взаимозависимости и взаимодействия. В СССР обеспечивалось оригинальное воплощение единой

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 915. С. 42–43.

² Отчет Главного военно-медицинского управления // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1878 год. СПб., 1880. С. 28–45.

и непрерывной истории отдельных регионов, разных народов и страт как компонентов общего социально-культурного и политического пространства. Версия о перманентно «внешнем» характере советской системы для национальных республик вряд ли уместна. Она сознательно создавалась для их непосредственного встраивания во все политические и иные институты, как и номенклатура.

Историография региона встроена в концепты тоталитаризма и модернизации, конструирование советского прошлого как преемственного имперскому в их «колониальной» сущности занимает центральное место в историографии, обеспечивающей новое нациестроительство. Подобные интерпретации в рамках «деколониального поворота» достаточно распространены. Амбивалентное сочетание модернизирующих и гомогенизирующих практик анализируют Ш. Кадыров, Т. Мартин, К. Аллез, Б. Касымбекова, рассматривая специфику этносоциальной и этнокультурной ситуации в традиционных обществах, повлиявшей на характер и процесс советской модернизации. Авторы развивают идею О. В. Хлевнюка о непродуктивности упрощенного подхода к анализу взаимоотношений центра и лично И. В. Сталина и региональных руководителей. Обращается внимание на асимметрию властных отношений между центром и периферией с уклоном в пользу центра. Значительное место занимает анализ эволюции советской этнополитики, истории мусульманских национальных движений и их лидеров, межэтнических конфликтов и др. Дж. Смит, А. Хауген, Э. Шатц, Ф. Хирш анализируют разные аспекты взаимодействия центра и этнополитических элит, внутри- и межэтнические конфликты, субэтнические связи как неформальные сети в политической жизни и степень участия государства в конституировании групп с разными политическими и культурными целями. Роль джадидизма как альтернативы советскому нациестроительству исследуют историки региона, А. Халид — на примере Узбекистана.

Локальный нарратив, описываемый историками данных стран, не встроен в общесоюзный, что позволило бы уточнить, как на разных уровнях политической системы на основе приоритетов государственного строительства и социально-экономических изменений в наличной социокультурной реальности формировался федеративный облик страны. Востребовано изучение позднесоветского периода, адаптации этнокультур под влиянием «внешних» социально-политических факторов, специфики подходов центра и национальных элит к интеграции традиционных этносообществ в модернизовавшийся экономический, административно-территориальный, социально-культурный контекст культурно сложного общества. Необходимо исследовать организационно-политическое сотрудничество центра и республик в поиске оптимального баланса общегосударственных и этнорегиональных интересов, модели поведения

рекрутируемых в аппарат управления разных поколений этнических активистов в развивающейся государственности, советский способ институционализации субъектов федерации как решающий в формировании современных наций на евразийском пространстве бывшей Российской империи. Этноцентристские установки историков стран региона сокращают возможности сотрудничества и упускают межэтнические отношения как объект изучения. Дискуссионными остаются вопросы национально-территориального размежевания и роли государства в создании современных наций, которые не вписаны в общую историю советского федерализма.

*Анарбаева Г. А. (Жалал-Абадский государственный университет,
Кыргызстан)*

«Туркестанский сборник» как важный источник по истории Кыргызстана XVIII–XX вв.

Исторические источники по истории Кыргызстана XVIII–XIX вв. являются, в основном, русскоязычными. Начиная с XVIII в., еще задолго до завоевания Кыргызстана Российской империей, российские путешественники, ориенталисты, разведчики, офицеры, востоковеды оставляли исторические источники в виде дневников, мемуаров, географических описаний земель и т. д. Они отражали историю края с древнейших времен, состав племен и народов, их языков, жизни и нравы. Среди русскоязычных исторических источников XIX в. особое место принадлежит так называемому «Туркестанскому сборнику». Этот сборник является важным собранием материалов по истории и общественной жизни колониального периода не только Кыргызстана, но и всей Средней Азии.

Первый Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман (1818–1882) в 1868 г. специально обратился к известному в то время библиографу В. И. Межову (1831–1894) с просьбой собрать и систематизировать все материалы по Туркестану, публикуемые на страницах разных сборников, печатных изданий, включая периодические.

В. И. Межов имел огромный библиографический опыт. С 1860-х гг. он в течение 20 с лишним лет работал, в основном, над библиографией географии, народного образования, правоведения, статистики и этнографии всей России. С 1867 года он занялся составлением библиографии литературы по Туркестану, так называемого «Туркестанского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности»¹, охватываю-

¹ Межов В. И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемый по поручению

щего все газетные и журнальные публикации, касающиеся Центральной Азии и сопредельных с нею стран, а также научные труды на ту же тему, как русских, так и иностранных авторов. Этой работой Межов занимался до 1887 г. Главными источниками для него были труды и статьи, опубликованные в разных газетах, журналах и ведомственных изданиях. В. И. Межов систематизировал собранные материалы по сюжетам и тематике.

С 1868 по 1888 гг. В. И. Межов сумел подготовить материал, составивший 416 томов¹. Указанный сборник известен научному кругу как «Сборник Межова» или «Туркестанский сборник»². «Туркестанский сборник» был собран при генерал-губернаторах края: К. П. фон Кауфмане, М. Г. Черняеве, Н. О. Розенбахе, Н. И. Гродекове, П. И. Мищенко и А. Б. Самсонове. В годы правления Туркестаном генерал-губернатора М. Г. Черяева (1882–1884) работа над составлением сборника в известной мере остановилась из-за неприязни последнего к К. П. фон Кауфману³. При Н. О. Розенбахе (1884–1888) выпуск «Туркестанского сборника» был приостановлен из-за нехватки средств.

Работа над «Туркестанским сборником» особенно активизировалась с 1907 г. К ней были привлечены востоковеды А. А. Диваев, Н. Ю. Бонч-Осмоловский, А. А. Семенов, библиограф И. И. Гейер и другие⁴. В результате, в течение 1907–1909 гг. были выпущены 127 томов под руководством библиографа Н. В. Дмитриевского. А в 1910–1916 гг. усилиями востоковеда А. А. Семенова были подготовлены 544–591 тома (48 томов) «Туркестанского сборника». Последние три тома «Туркестанского сборника» (с 592 по 594) были составлены при советской власти под руководством библиографа Е. К. Бетгера в 1939 г. Сборник снабжен каталогами и указателями к материалам, составленные в разное время.

Таким образом, в колониальный период и в начале советского периода истории Средней Азии была проделана огромная работа по сбору всех сведений о жизни и истории Туркестанского края, составивших 594 томов. Это бесценное, уникальное как по количеству, так и по содержанию собрание, которое хранится в государственной библиотеке имени А. Навои города Ташкента (Республика Узбекистан) в одном экземпляре как редкое издание.

«Туркестанский сборник» содержит огромное количество сведений и по истории кыргызов и Кыргызстана. Там собраны материалы с древнейших

г. туркестанского военного генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана В. И. Межовым: Сист. и азбуч. указ. соч. и ст. на рус. и иностр. яз. 1–3 Т. 1–150. СПб., 1878. 202 с.

¹ Языков Д. Д. Библиографические труды В. И. Межова // ИВ. 1894. № 7.

² Межов В. И. Туркестанский сборник: Собрание сочинений о Туркестанском крае вообще и сопредельных с ним стран Средней Азии // Систематический указатель и Азбучный указатель. Т. 1–3. СПб., 1878–1888.

³ Федоров Г. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906) // Исторический вестник. 1913. Кн. 9–12, с. 438.

⁴ Межов В. И. Туркестанский сборник. С. 150.

времен до начала XX в. В сборнике можно найти сведения по разным направлениям жизни и истории Средней Азии, в том числе Кыргызстана: разнообразные печатные материалы (книги, журнальные и газетные статьи, вырезки из газет и журналов) по различным темам. Он остается одним из важных исторических источников по истории Туркестана, в том числе Кыргызстана. Следовательно, при аналитическом использовании современными исследователями материалы «Туркестанского сборника» еще многие и многие годы будут служить богатейшим запасом источниковой базы будущих исследований.

Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Средняя Азия 1950-х гг. в воспоминаниях иранского автора А. Шафеи-Рудбари «Моя жизнь» (2000)

«Моя жизнь. Воспоминания о трех странах: Иран, СССР и Германия» — книга воспоминаний доктора Ахмеда Шафеи-Рудбари, охватывающих период с 1935 по 2000 гг. Книга была написана на персидском языке и издана в 2000 г. в Берлине, где автор скончался десять лет спустя. Его труд не был издан в Иране или других странах. В 2015 г. он был переведен на русский язык автором данного доклада, однако перевод на настоящий момент не опубликован.

Шафеи-Рудбари родился в 1924 г. и провёл детство в г. Решт (провинция Гилян, Иран). Семья происходила из г. Рудбар, поэтому *нисба* Рудбари стала частью фамилии. Школьником Ахмед стал свидетелем начала Второй мировой войны и занятия Гиляна русскими войсками. Он заинтересовался политикой и вскоре вступил в Народную партию Ирана (Туде). После объявления ее вне закона бежал в Советский Туркменистан, где сразу попал в тюрьму за незаконное пересечение границы. После Шафеи жил в Таджикистане, а потом переехал в Москву. Он окончил МГУ и получил докторскую степень по биологии. В 1970-х гг., разочаровавшись в социализме, Шафеи через ГДР перебрался в ФРГ. В Иран он более не возвращался, а известия об Исламской революции 1979 г. воспринял с горечью.

Шафеи был студентом, когда в 1949 г. после покушения на шаха Мохаммеда Резу Пехлеви партия Туде была запрещена. Летом того же года он решил бежать из страны через Мешхед в компании нескольких товарищей и двух проводников-контрабандистов. После нескольких дней пути в горах беглецы были пойманы туркменскими пограничниками и отправлены в тюрьму Ашхабада. Автор упоминает разрушительное землетрясение 1948 г. и его последствия для города. Далее он описывает тюремный быт: камеры, распорядок дня, скудную пищу — и перечисляет русские слова, которые там выучил. В этой тюрьме оказалось немало иранцев со схожими историями. Шафеи и его друга Хасана приговорили к трем годам заключения.

Вскоре их перевели в тюрьму Чарджоу. Шафеи встречал там заключенных разных национальностей: туркмен, таджиков, узбеков, армян, русских, иранцев. В своей книге он приводит трагические истории, рассказанные ему разными людьми, а также вспоминает особенно поразившие его инциденты тюремной жизни.

Далее около сотни иранцев были направлены в трудовой лагерь. Кто-то отправлялся в город строить дома, кто-то — вспахивать землю, кто-то — выгружать тяжёлые мешки с кораблей на Амударье. Шафеи вспоминает, как, глядя на воды реки, читал находившимся рядом соотечественникам знаменитое стихотворение Рудаки «Ветер, вея от Мульяна», а кто-то переводил его на русский язык для остальных.

Затем сорок иранских заключённых были освобождены и отправлены поездом в Сталинабад (нынешний Душанбе). В Таджикской ССР Шафеи проведёт четыре года.

В Сталинабаде иранцы первым делом обратились к руководству Компартии Таджикистана. Автор упоминает Б.Г. Гафурова, историка и первого секретаря ЦК партии, и его русского заместителя, оказавших им помощь. Иранцам выдали чистую одежду, разместили в гостинице «Вахш», а на следующий день повезли на месяц в дом отдыха в горах. Шафеи подмечает различия между собой и таджиками. Например, оказалось, что иранцы не умели танцевать, тогда как деревенские таджики хорошо владели этим искусством. Он объясняет это религиозным воспитанием иранцев и, будучи коммунистом, сетует на это. Затем всех иранцев определили на заводы, а по вечерам им следовало учиться на специальных курсах. Автор вспоминает, как делил комнату с рабочими разных национальностей и два года занимался в партийной школе, изучая русский язык, марксизм и другие предметы.

В 1954 г. Шафеи удалось поступить в МГУ и переехать в Москву. Впоследствии он посещал Среднюю Азию (Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) в качестве туриста. Его впечатления о жизни и людях этих республик изложены в отдельной главе книги.

Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Рукописный дневник штатного сотрудника ИАК Евгения Каля как ценнейший исторический источник по изучению археологии Туркестанского края (1889–1891 гг.)

Евгений Федорович Каль, выпускник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета 1885 г., был одним из первых представителей «школы В. Р. Розена» в Туркестанском крае. Сюда он был

направлен после окончания университета в качестве младшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Н. О. фон Розенбахе. Работа в Ташкентском музее в качестве заведующего этнографическим и археологическим отделами способствовала тому, что филологу по образованию Е. Калю пришлось заниматься древними рукописями, археологией, нумизматикой и т. п. Им был составлен каталог книг на иностранных языках для Туркестанской библиотеки, результатом чего стал выход в свет его труда «Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки»¹. Труд Е. Каля был высоко оценен его учителем В. Р. Розеном и востоковедом Н. А. Маевым.

Увлечшись археологическими ценностями Туркестана, Каль установил связи с Императорской археологической комиссией (ИАК), которая снабдила его инструкцией по проведению раскопок, финансировала его изыскания и позже включила в штатный состав своих сотрудников². В сентябре 1889 г. Каль как официальное лицо был откомандирован ИАК в Аулиеатинский уезд для проведения археологической разведки. Однако из-за недостатка финансирования исследователь в этот раз ограничился только описанием.

В августе 1890 г. Каль был повторно командирован ИАК в Малый Бурул и Каюкские горы для проведения разведывательной экспедиции, теперь уже с выделением денежных средств. 3 августа 1890 г. Каль попросил разрешения у ИАК для участия в экспедиции подполковника Генерального штаба Трусова на Амударью к русско-афганской границе осенью 1890 г. Он был уверен в том, что данная местность представляет большой интерес «в археологическом отношении вследствие принадлежности к древней Бактрии»³ ИАК дала на это разрешение.

Результаты экспедиции тщательно записывались Евгением Федоровичем, описывались и зарисовывались найденные предметы старины, составлялись карты, переводы слов с фарси и тюркского языка. По сохранившейся тетради-дневнику видно, насколько человек был всем этим увлечен⁴. Начиная со 131 страницы дневника представлены описания археологических изысканий Каля с зарисовками, сделанными на местности и в процессе раскопок в Аулиеатинском уезде. Представлены сведения о древних памятниках Ширабада и его окрестностей, в районе Термеза.

¹ Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки / Сост. Е. Каль. Ташкент: тип. Окр. штаба, 1889. 79 с.

² Научный архив Института истории материальной культуры (НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1–1889. Д. 86. Л. 1 об. — 2 об.

³ Там же. Л. 19 об.

⁴ Там же. Л. 58–189.

Однако отчеты Е. Ф. Каля не были представлены ИАК из-за болезни Евгения Федоровича, которая оказалась роковой. По дороге в свою последнюю экспедицию по бухарскому берегу Амударьи летом 1891 г. Евгений Федорович тяжело заболел «амударьинской лихорадкой» (жестокая форма малярии). В тяжелом состоянии он был доставлен в глухое русское урочище Керки, где и скончался от «паралича сердца» в возрасте 28 лет.

Позже прибывший в Ташкент брат покойного Виктор Каль обнаружил в его бумагах отчет об израсходовании средств, отпущенных ИАК для его археологических изысканий, а также черновик отчета Е. Ф. Каля об Аулиеатинской экспедиции, который в настоящее время хранится в научном архиве Института истории материальной культуры¹.

В 1892 г. некоторые из археологических находок Е. Ф. Каля были переданы Императорской археологической комиссией в Эрмитаж и в Императорский университет были отданы монеты из большой нумизматической коллекции ученого.

Вклад Евгения Федоровича в развитие азиатской археологии трудно переоценить. В советское время он был по достоинству оценен знаменитым советским ученым-археологом, специалистом по археологии Средней Азии М. Е. Массоном², частично восстановившим путь следования экспедиции Е. Ф. Каля. И сегодня описанные Калем археологические находки и зарисовки не теряют своей актуальности, а дневник так рано покинувшего этот мир талантливого исследователя является ценным источником для изучения археологии Центральной Азии.

Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ Санкт-Петербург)

Судьбы российских востоковедов после революции 1917 г.

Для исторического осознания прошлого академической науки Ф. Ф. Перченков (1931–1993) первым из историков на основе публикаций, бесед с родственниками и знакомыми, а в 1990–е гг. — архивов КГБ, МБ и ФСК, собрал материалы о судьбах российских востоковедов, пострадавших в советское время от репрессий. Собранный материал он опубликовал под псевдонимом³.

¹ Там же. Л. 37–41.

² Массон М. Е. Городища старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940. С. 17–18.

³ Вознесенский И. Имена и судьбы // Память. Исторический сб. М., 1976, 353–410.

В 1990-е гг. у Ф. Ф. Перченка появились помощники, и они подготовили еще две публикации: «Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы» и «Репрессированные геологи»¹. Составители привели список лиц, подвергшихся лишению свободы: взятых под стражу, помещенных в заключение, приговоренных к ссылке, расстрелу. Лица, подвергшиеся другим противоправным репрессиям (в том числе: выселению с места жительства, шельмованию, лишению избирательных прав, выезду за границу на постоянное жительство и другим), в список не вошли. Авторы предложили читателям сделать подобные репрессии самостоятельным направлением работы.

В 2003 г. коллеги Ф. Ф. Перченка Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина опубликовали задуманный Ф. Ф. Перченком «Биобиблиграфический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)»². В словаре собраны документированные сведения о 750 ученых, погибших и пострадавших в годы тоталитарного режима. Так составители отдали долг их памяти, предоставили материал для истории российского востоковедения и открыли тему объективного анализа социальной истории востоковедения в советское время.

В настоящем докладе освещаются неизвестные ранее материалы из Архива РАН, раскрывающие тяжелые обстоятельства в драматичной судьбе историка Ближнего Востока Константина Александровича Иностранцева (1876–1941)³ после 1917 г. Ко времени Октябрьской революции К. А. Иностранцев на службе уже не состоял по причине болезни. Он был выселен из занимаемой квартиры и остался без жилья. В результате ходатайства академиков ему был предоставлен кров в административном здании АН, а его научный багаж (книги и бумаги) удалось поместить на хранение на складе издательства АН. Условия жизни, хотя и в научном учреждении, были неподходящими ни для больного ученого, ни для научных занятий. До последних лет жизни К. А. Иностранцев не имел доступа к своим личным бумагам. Почти четверть века он обращался в Президиум АН СССР с просьбами об улучшении жилищных условий, и все безрезультатно. Без

¹ Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы / Сост. А. М. Гришина, Я. В. Васильков, Ф. Ф. Перченко // Народы Азии и Африки. 1990. № 4, 5; Репрессированные геологи: Биографические материалы / Сост. Л. П. Беляков, Е. М. Заблочкий, Л. В. Никольская, Ф. Ф. Перченко (ред.-сост.). СПб., 1992.

² Биобиблиграфический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). Люди и судьбы / Изд. подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., Петербургское востоковедение. 2003.

³ Научную биографию и список трудов см.: Васильева Н. Е. К 130-летию со дня рождения Константина Александровича Иностранцева (1876–1941) // ЗВОРАО. (Новая серия). Т. II (XXVII) СПб., Петербургское востоковедение, 2006, С. 556–570, портр.

прописки у него не было статуса гражданина, и он не мог пользоваться правами граждан СССР. Подвалы здания АН СССР были населены служащими из рабочего сословия, рабочей молодежи, которые систематически, ежедневно, издевались над больным ученым, терроризировали его. Создавалось впечатление, что это кем-то поощряется. Не видя выхода из сложившейся ситуации, в 1930 г. ученый намеревался подать документы на выезд из страны, но у него из рук вырвали документ для подачи в консульство. Умер исследователь от голода в блокадном Ленинграде в 1941 г. Материалы Архива РАН необходимо учитывать как свидетельства об ущемлении прав, достоинства гражданина и ученого для социальной истории в академическом учреждении в СССР.

Васильцов К. С. (МАЭ РАН, ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблемы историографии исмаилизма в Бадахшане: религиозная мифология, фольклорные нарративы и «воображаемая» (imaginative) география ислама

Сложности, возникающие при изучении истории исмаилизма в Бадахшане, связаны, преимущественно, с довольно узкой и малонадежной базой нарративных источников: материалы не-исмаилитских исторических хроник отличаются скупым и поверхностным изложением фактов и, в целом, отсутствием сколько-нибудь значительного интереса к этому региону. Локальная историографическая традиция, особенно в той ее части, где речь идет о раннем периоде исмаилитского *да'ва*, довольно непоследовательна, изобилует анахронизмами, и, кроме того, представлена небольшим количеством сочинений, составленных, ко всему прочему, довольно поздно с исторической точки зрения (12/18 — начало 14/20 вв.), что вызывает скептическое к ней отношение среди исследователей. Тем не менее попытки реконструкции содержания религиозной истории Бадахшана через этнографическую/религиозную мифологию, зафиксированную в исторических сочинениях, относящихся к бадахшанской традиции (*Та'рих-и Бадахшан*, *Силк-и гавхарриз*), позволяют в какой-то мере заполнить существующие пробелы, хотя, разумеется, подобного рода нарративы в значительной своей части фиксируют и воспроизводят не столько то, *что* было на самом деле, *in actu*, сколько то, *как* люди воспринимают или *что* думают о событиях прошлого. В этом смысле устные предания (*хикайат*), генеалогии (*насаб-нама*), образцы народной поэзии (*мадх*), которые связывают утверждение исмаилитского *мазхаба* в Бадахшане с членами *ахл ал-байт* и исмаилитскими имамами, представляют собой значимый элемент в структуре культурной памяти бадах-

шанцев, в значительной мере определяя, конструируя и сохраняя религиозную идентичность памирцев, включая бадахшанскую общину исмаилитов в «осевое время» (здесь не в смысле *Achsenzeit* К. Ясперса) и воображаемую географию ислама.

Гордеева П. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Обзор основных источников о жизни и судьбе хана Арынгазы Абилгазы-улы

В 1816 г. в Младшем жузе к власти пришел молодой хан Арынгазы Абилгазы-улы. Его отец хан Абилгазы, не признаваемый российскими властями, в последние годы жизни почти лишился поддержки своих подданных. Тем не менее большая часть старейшин Младшего жуза признала ханом Арынгазы.

Молодой хан пришел к власти в непростое для Младшего жуза время: разобщенность в казахской среде, отсутствие сильной централизованной власти, процесс инкорпорации казахских жузов в состав России, — все это делало казахский народ уязвимым и подверженным внешнему влиянию как со стороны России, так и со стороны ханств Хивы, Бухары и Коканда. Однако молодой хан отличался от многих других известных представителей казахской аристократии энергичностью, решительностью и справедливостью. Он быстро разобрался с шайками разбойников, нападавших на торговые караваны, навел порядок в судебной системе, чем снизил популярность в казахской среде, обратил на себя внимание российских властей и даже получил покровительство нового губернатора Оренбурга П. К. Эссена. Однако такое положение не устраивало российские власти, и в 1821 г. Арынгазы был приглашен в Петербург, а в 1823 г. сослан в Калугу, где и провел остаток жизни.

Основными источниками о жизни хана Арынгазы являются его родословная, приведенная И. В. Ерофеевой в труде «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)», Ярлык бухарского эмира Хайдара на пожалование правителя восточной части Младшего жуза султана Арынгазы титулом «хан» 1816 г. (Институт востоковедения и письменных памятников АН Республики Таджикистан. Рукопись 2689. Л 316–32а), ходатайство П. К. Эссена о признании императором «ханского достоинства» Арынгазы 1819 г. (копия с подлинника в труде «Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники) И. В. Ерофеевой), прошение российскому императору о возвращении хана Арынгазы на родину группы султанов, биев и старейшин Младшего жуза (АВПРИ. Ф. СПбГА. I-8. Оп. 7. Д. 2. Л. 90–94). Период пребывания хана Арынгазы в ссылке в Калуге

отражен в документах Государственного архива Калужской области (Ф. 32. Оп. 19. Д. 1370 и Ф. 32. Оп. 19. Д. 1375). Следует отметить, что большинство известных источников об Арынгазы Абилгазы-улы сохранились только в переводе на русский язык.

Обзор и анализ данных источников позволит проследить жизненный путь выдающейся фигуры хана Арынгазы, снискавшего славу в казахской среде, но не сумевшего заручиться поддержкой российского императора, несмотря на лояльность и своего рода преданность ему. Помимо этого, данные документы представляют интерес как источники о российско-казахских отношениях в первой трети XIX в.

Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Интерференция языков в условиях активной языковой политики: казахизмы в русском языке Алматы

Многие казахские экзотизмы и историзмы давно являются частью лексического фонда как русского языка Казахстана (где этот язык является родным языком русских, составляющих около четверти граждан страны, языком обрусевшего населения и языком межэтнического общения), так и «большого» русского языка (это слова типа *арык, казан, баурсак, аул, кюй, бай, орда, бий, батыр*). Однако проникновение казахской лексики в русский язык Казахстана усилилось с момента обретения независимости в связи с демографическими процессами и активной языковой политикой казахстанского правительства в течение последних тридцати лет, а также с развитием информационных технологий.

Язык Алматы показателен, так как бывшая столица Казахстана в свое время была одним из русифицированных казахстанских городов с минимальным числом школ с казахским языком обучения. Сейчас, тридцать лет спустя, город заметно казахифицировался: произошел наплыв внутренних мигрантов из сельской местности, где казахский язык сохранился в нетронутом виде. Благодаря активной языковой политике казахский язык стал языком управления, образования и науки, в обязательном порядке изучается всеми школьниками страны с начальных классов. Резко выросло число казахских школ; казахский язык доминирует на телевидении, в рекламе, «звучит» отовсюду. Это не могло не повлиять на русский язык Алматы, лексические изменения в котором заметны и отличаются своеобразием. В основе доклада лежит исследование, проведенное на основе анализа СМИ и соцсетей, сбора материала от информантов и включенного наблюдения.

Исследователи уже обращали внимание на внедрение в русский язык Казахстана новых терминов и реалий, которые понятны казахстанцам, но

отсутствуют за его пределами. Это слова типа *Ак-орда, аким, акимат, мажлис, маслихат, кузет, оралман, «Болашақ», «Алтын белгі», «Билимленд»* и т.п. с их производными, созданными по законам русского языка (*болашаковец, алтынбелгиец, акиматовский, по-оралмански, «задание в Билиме»* и пр.). Они свободно и массово употребляются в речи на русском языке, чаще всего по причине отсутствия прямого перевода. Через СМИ, рекламу и другие каналы казахские термины входят в повседневную жизнь и в русский язык, фонетически и морфологически приспособиваясь к нему.

Казахские слова часто используются вместо соответствующих русских как следствие расширения межэтнических контактов, увеличения числа этнически смешанных коллективов с преобладанием носителей казахского языка; лучшего, чем в советское время, знания казахского языка русскоязычной молодежью благодаря его изучению в школе; демографических изменений. Число используемых в русской речи Алматы казахских слов различается по степени убывания у: 1) казахоязычных казахов; 2) билингвов; 3) русскоязычных молодых алматинцев, выросших в условиях независимости, изучавших казахский в школе, учащихся или работающих в смешанных коллективах, с преобладанием казахов; 4) русскоязычных казахов старшего поколения, имеющих родственные связи в казахской среде; 5) возрастных русскоязычных не-казахов, не учивших казахский в школе. Вторая и третья группы ежедневно используют казахские слова и словосочетания (типа *салем, рахмет, неге, айтпа, тез, абай бол, темек, соз жок, жаным сол, калайсын, жур кеттик, кайдасын, демал* и т. п.) в своей русской речи, а четвертая и пятая – обычно при общении с казахоязычными. Особая категория — казахские слова, используемые в русской речи билингвами и казахами, освоившими казахский в зрелом возрасте. Она включает в себя бытовую лексику, обращения, междометия, наречия, экспрессивные выражения; при этом часть казахских слов имеет русифицированную форму (*аташка, апашка*) или калькируется (*братишка*). Большое влияние на интерференцию оказывают также социальные характеристики (например, учителя и журналисты могут использовать один набор слов, а рабочие и водители — другой).

*Душеев Ж. А., Исаков Б. М. (Международный Университет,
Жалал-Абад, Кыргызстан)*

Историографическое наследие проф. К. У. Усенбаева

В докладе на основании изучения многих источников дается оценка вкладу проф. К. Усенбаева в изучение истории Кыргызстана. Большую часть источников представляют собой материалы из архива ученого, хранящегося в Централь-

ном Государственном архиве Кыргызской Республики¹. Кроме этого, многие сведения почерпнуты из бесед с коллегами ученого (академики У. А. Асанов, А. А. Салиев, Б. О. Орузбаева, А. И. Нарынбаев; профессора И. Б. Молдобаев, З. Э. Эралиев, Ж. Ж. Жакыпбеков, Т. Н. Омурбеков, Б. М. Жумабаев, Д. Б. Сапаралиев; доценты А. Б. Бедельбаев, К. А. Айдаркулов, К. С. Молдокасымов, Т. Омурзакова и народный писатель Кыргызстана Т. Касымбеков). Широко использованы записанные журналистами и историками аудио- и видеоматериалы бесед с проф. К. Усенбаевым.

Научные статьи о проф. К. Усенбаеве публиковались не только в Кыргызстане, но и в других республиках Центральной Азии. Видный ученый Узбекистана проф. Х. Зияев пишет, что труды К. Усенбаева имеют огромное значение и для Узбекистана. Казахстанский ученый Ж. Касымбаев отмечает, что его труды, научные выводы высоко ценятся в Казахстане. Однако специально и глубоко жизнь и научная деятельность проф. К. Усенбаева не исследовалась².

Два фактора повлияли на выбор Кушбеком Усенбаевым научной деятельности: во-первых, конкретные события того времени и особое внимание советского государства к развитию науки и образования, а во-вторых, воспитание в семье К. Усенбаева стремления к науке и его собственное усердие. По воспоминаниям ученого, на его выбор и глубокое изучение науки особенно повлияли великие личности. В качестве примера для него выступали: Н. Я. Бичурин³, с его бережным отношением к историческим источникам и их сбору; В. В. Бартольд⁴, с его глубокими знаниями, позволившими внести огромный вклад в востоковедение; К. И. Скрябин, с его способом отбора молодых ученых и методом работы с ними; М. Ауэзов⁵, с его патриотизмом; Б. М. Юнусалиев, с его истинной преданностью науке и жизнью не ради карьеры; Б. Дж. Джамгерчинов, с творческим потенциалом; И. Раззаков, с его эрудицией и справедливостью. Их деятельность вдохновила К. Усенбаева на пути его становления как видного ученого.

Большое влияние на духовную среду, особенно на научные исследования, оказала тоталитарная эпоха. Давление партийно-тоталитарного режима на историческую науку приобрело характер эскалации. В 1950-х гг. вмешательство политики в историческую науку усилилось, а «в 1960–1980-х гг. официальная

¹ ЦГА КР. ф. 2851, д. 243.

² На кыргызском языке одним из авторов доклада была опубликована монография о проф. К. Усенбаеве: Дуйшеев Ж. А. Тарыхчы Кушбек Усенбаев. Жалал-Абад. 2012;

³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Средняя Азия и Восточный Туркистан. Алматы: Санат. 1997.

⁴ Бартольд В. В. Работы по истории Ислама и арабского халифата. М., 2002.

⁵ Ауэзов М. О. Письмо родным и близким. Алматы. 1997.

идеология тоталитарной системы напрямую влияла на решение значительных проблем истории». Точнее сказать, историческая наука полностью подчинялась и служила политике. Несмотря на идеологический пресс и вмешательство советского партийного руководства в общественные науки, К. Усенбаев смело высказывал свои взгляды; основываясь на доказательных архивных материалах, и публиковал весомые труды.

В русле реформ, начатых в СССР в 1985 г., была поставлена задача пересмотра и обновления науки, включая историческую¹. Был изменен классовый подход советской исторической науки к истории. Центр смягчил отношение к исторической науке Кыргызстана и других союзных республик, открыл путь обновленным исследованиям. Установившаяся в исторических исследованиях марксистская методология, классово-формационное разделение уступили место цивилизационному методу. Таким образом, наиболее важные задачи, именуемые «белыми пятнами», стали заново исследоваться историками. В тот момент сразу написать научные труды с новых позиций историки не были готовы. Поэтому они публиковали свои статьи и научные выводы на страницах республиканских и региональных газет и журналов. Во главе их были такие ученые-историки, как доктор наук, проф. К. Усенбаев.

В результате изучения научного пути и наследия проф. К. Усенбаева мы пришли к следующим выводам:

- изучение истории Кыргызстана в советский период развивалось под влиянием советских историков;
- при исследовании исторических событий применялась марксистско-ленинская методология;
- определялись наиболее важные проблемы, готовились первые кыргызские специалисты-историки;
- в 1940–1950-е гг. были скоординированы действия историков, созданы обобщающие коллективные труды;
- для углубленного исследования истории Кыргызстана использовалась возможность сбора архивных материалов, проводились научные собрания, создающие условия для формирования историков широкого диапазона, таких как К. Усенбаев;
- в XIX — нач. XX вв. не было ученых, глубоко исследовавших освободительное движение кыргызского народа, его борьбу за свободу и независимость. Проф. К. Усенбаев, опираясь на материалы архивов, произведения устного народного творчества, глубоко исследовал общественно-экономи-

¹ Гуревич А. История историка. М. 2004; Тютюкин С. М. Первая российская революция в Отечественной историографии в 1990-х гг. // Отечественная история. 1996. № 4.

ческое положение, политику, культуру, виды хозяйственной деятельности народов Средней Азии в Новое время;

- одной из глубоко исследованных проф. К. Усенбаевым проблем была жизнь и деятельность исторических личностей, имена которых остались в истории кыргызского народа в XIX — нач. XX вв. Его плодотворными стараниями личности, имена которых были забыты, получили свою историческую оценку;
- общественно-политические изменения 1980-х гг. создали условия для обновления исторической науки в Кыргызстане¹.

Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Эстампажи памятника в честь Тоньюкука в коллекции ИВР РАН

Эпитафия в честь Тоньюкука, обнаруженная на каменной стеле в конце XIX в. на территории современной Монголии, является одним из самых известных эпиграфических текстов на древнетюркском языке. Она посвящена одному из основателей Второго Тюркского каганата (682–744), предводителю рода Ашидэ, второго по значимости после каганского; советника трех каганов: Эльтериша (Кутлуга), Капагана (Мочжо, или Бо-чура) и Бильге (Могиляна).

Памятник стал известен европейскому научному сообществу благодаря Елизавете Николаевне Клеменц, которая летом 1897 г. возвращалась из научной командировки в Северную Монголию, организованной Императорским Ботаническим садом. Погребальный комплекс и покрытая непонятными письменами стела, расположенные недалеко от станции Налайха, привлекли ее внимание, и Е. Н. Клеменц, понимая важность «находки», зарисовала план захоронения и сняла эстампажи. Академик В. В. Радлов высоко оценил обнаруженный памятник, и вскоре была организована небольшая экспедиция для фотофиксации и описания могильного комплекса. Впервые перевод памятника на немецкий язык был опубликован им уже в 1899 г. в статье

¹ Академическая наука Кыргызстана. История и проблемы. Ф., 1990; Акаев А. История, прошедшая через мое сердце. Москва; Бишкек. 2003; Асанканов А. Кыргыз: рост национального самосознания. Б. 1997; Жакыпбеков Ж. Социально-экономическое и политическое развития Кыргызстана во второй половине XIX — начале XX веков. Историография проблемы. Б. 2003; Жумабаев Б. М. Южный Кыргызстан глазами российских путешественников (вторая половина XIX — начало XX вв.). Монография. Б., 1999; Кененсариев Т. Кыргызстандын Орусияга каратылышы. Б., 1997; Молдокасымов К. Курманжандын кез жашы. Б. 1991; Чоротегин Т. К., Молдокасымов К. С. Кыргыздардын жана Кыргызстандын кыскача тарыхы. Б. 2000.

«Древнетюркские надписи Монголии». В том же году был издан IV выпуск «Атласа древностей Монголии», в котором были помещены фотографии эстампажей и остатков погребального комплекса.

С тех пор и по сей день памятник в честь Тоньюкука продолжает находиться в поле исследовательского внимания. Многие видные отечественные и зарубежные специалисты предлагали свои варианты его прочтения и перевода на разные европейские и азиатские языки. Тем не менее прочтение и, соответственно, интерпретация некоторых мест по-прежнему являются предметом дискуссии.

В связи с этим особую ценность для дальнейшего изучения памятника представляют снятые с него эстампажи. В собрании Института восточных рукописей РАН (фонд Центральной Азии и Сибири) хранятся не только эстампажи Е. Н. Клеменц, благодаря которым памятник был введен в научный оборот, но и другие (всего около 30 ед.). Всем им и посвящен настоящий доклад.

*Кулмаматов Д. С. (Узбекский государственный университет
мировых языков, Ташкент)*

История создания среднеазиатских грамот XVII в. и современных им русских переводов

Традиция исследования деловых письменных памятников по сношениям России со среднеазиатскими ханствами — Хивой и Бухарой — XVI–XVIII вв., начатая еще в прошлом столетии¹, в настоящее время привлекает внимание ряда историков и филологов². Но вместе с тем немалое количество архивных источников, в том числе среднеазиатские дела, в частности грамоты, извлеченные нами из фондов Посольского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве (Ф.109 «Сношения России с Бухарой» и Ф. 134 «Сношения России с Хивой») и характеризую-

¹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. 215 с.; Юсупов К. Абулгази и Хивинское ханство в первой половине XVII века: Автореф. дисс. ... канд. историч. наук. М., 1950. 13 с.; Гуламов Х. Г. Из истории дипломатических отношений России с Бухарским ханством XVIII в. Ташкент: Фан, 1992. 105 с.

² Кочнев А. В. Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII — второй половине XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2019. 28 с.; Кулмаматов Д. С. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные. М.: МПГУ, 1994. С. 20–22; Чупонов О. О. Язык Посольских книг по связям России с Хивой и Бухарой XVII в.: Автореф. дисс. доктора наук (DSc) по филологическим наукам. Ташкент, 2019. 71 с.

щие не только внутреннюю, но и внешнюю деятельность, а именно связи царских канцелярий со среднеазиатскими ханскими канцеляриями, изучены недостаточно. Эти связи благоприятствовали развитию делопроизводства, взаимопроникновению терминов царских и ханских канцелярий, а также совершенствованию дипломатического переводческого дела.

Грамоты правителей Хивы и Бухары, написанные арабской графикой на официальных языках Средней Азии XVII в. — тюрки и фарси — на имя российских царей и других должностных лиц, оформлялись обычно опытными писцами ханских канцелярий в соответствии с требованиями деловой письменности того времени.

Согласно дипломатическому обычаю XVII в., грамоты доставлялись послами или же гонцами и вручались самим адресатам. Грамоты передавались российским государям во время аудиенции, устроенной при дворе в честь приема послов или гонцов. А государи поданные им грамоты приказывали принять дьякам или же думным дьякам, а последние эти документы поручали переводчикам Посольского приказа и осуществляли строгий контроль за переводом. Например, 30 сентября 1643 г. хивинский посол Эмин Багадыр, побыв на приеме у царя Михаила Федоровича, передает¹ «г(о)с(у)д(а)рю Исфендияра царя грамоту и г(о)с(у)д(а)рь велить грамоту принят(ь) печатнику и думному диаку Федору Лихачеву ... и печатник и думной дьяк Федор Федорович молят Эмин Богатыр(ь) великий г(о)с(у)д(а)рь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии самодержец и многих г(о)с(у)д(а)рств г(о)с(у)д(а)рь и обладател велел тебе говорити которую грамоту подашь еси н(а)шему ц(а)рскому величеству г(о)с(у)д(а)ря своего Исфендияра ц(а)ря и что речью говорил и мы великий г(о)с(у)д(а)рь речи твои выслушли м(и)л(о)стивно и грамоту велели перевесть»².

Среднеазиатские грамоты, адресованные на имя российских правителей, имели свое назначение, структуру и формуляр. Под термином «структура» мы понимаем, как и другие исследователи, общее построение документов. А «формуляр» — это состав и порядок расположения частей акта, состоящих, в свою очередь, из одной или нескольких формул, устойчивых и неустойчивых словосочетаний, а также предложений. В этом мы убеди-

¹ Русские тексты XVII века передаются средствами современной графики. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Для облегчения чтения текста, написанного русской скорописью XVII в., сокращенные написания не сохраняются и соответствующие буквы, использованные нами для раскрытия того или иного слова, пишутся в круглых скобках. Буквенные обозначения чисел даются прописными буквами и дублируются цифирью в переводе на современное летосчисление. Личные собственные имена и географические названия также пишутся, в соответствии с нынешними правилами, с прописной буквы.

² РГАДА, ф. 134, оп. I, 1651 г., д. I, 151–153 лл.

лись, обращаясь к старинным русским переводам грамот среднеазиатских ханов XVII в.

Русские переводы среднеазиатских грамот осуществлялись со стороны переводчиков с сохранением видовых признаков — присущих им формуляров. Формуляр русских переводов грамот хивинских и бухарских ханов XVII в. состоит из 1) *вводного протокола* («легенды переводчика»), 2) *начального протокола* (зачина), 3) *основной части* и 4) *конечного протокола* (концовки).

Во вводном протоколе грамот переводчиком даются сведения о характере документа, о его авторе, адресате, доставщике (после или гонце) и дате. Приведем примеры из ханских ярлыков: «Перево(д) з грамоты юргенског(о) Исфендеяря ц(а)ря что прислалъ ко г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руссии с посломъ своимъ с Авезбакеемъ в нынешнемъ во РМФ м [1641] годе генваря въ I [10] день»¹.

Зачины старинных русских переводов среднеазиатских грамот XVII в. оформлялись по-разному, поэтому порядок расположения формул был в них неодинаковым. Это было связано с тем, что хивинские и бухарские ханы в зачинах иноязычных оригиналов своих грамот наряду с титулами московских царей употребляли восточные титулы и эпитеты, почерпнутые из сокровищниц персидской классической поэзии. Вот, как выглядит, например, зачин грамоты хивинского хана царю Михаилу Федоровичу от 10 января 1641 г.:

«Над великими величайшему самодержцы изначала г(о)с(у)д(а)рского корени великородному из государей праворосудному и преславвущему над великими величайшему и высокопрестол(ь)ному храбростью подобно Дарию ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рство свое исправляющему подобно Джемшиду царю в государстве своемъ самодержавному красотою подобну н(е)б(е)сной звезде богатырством подобну Баграму ц(а)рю всего Россииского г(о)с(у)д(а)рства г(о)с(у)д(а)рю Михаилу Федоровичю всеа Русии вашему величеству з дружбою и с любов(ь)ю много множеством челом бью и прямымъ сердцем об вашем здоров(ь)е б(о)га молю»². Как видим, царь Михаил Федорович сравнивается с восточными (персидскими) великими царями — Дарием, Джемшидом и Баграмом (Бахрамом). Также ему приписываются восточные титулы.

В основной части грамот хивинских и бухарских ханов излагается их содержание. Она в старинных русских переводах часто начинается с обстоятельства времени: «а после м(и)л(о)ст(и)вы буди вашему величеству ведомо»; «в н(ы)нешнее время учинил»³. Но иногда она могла начинаться с подлежа-

¹ РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, 190 л.

² Там же, 191–192 лл.

³ Там же, 192 л.; РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1646 г., д. 4, 40 л.

щего — «наше г(о)с(у)д(а)рево м(и)л(о)стивое слово ...»¹ или же со сказуемого — «ведомо вамъ ...»².

В концовке — конечном протоколе переводов грамот:

1) указывались место и дата написания: «Писана грамота (хана Надырмухаммеда) в РНА ^г [1643] в марте месяце в Бухарех»³;

2) давались сведения о ханских печатях: «А на зади у грамоты в печати написано раб божеи Исфендеяр царь»⁴.

Таким образом, рассмотренный материал дает определенное представление о своеобразии составления деловых бумаг в канцеляриях среднеазиатских и российских правителей.

Русские переводы со среднеазиатских языков были одним из важнейших явлений культурной жизни Московской Руси и Средней Азии XVII в. Их выявление и изучение представляет безусловный интерес в связи с проблемой истории взаимодействия и взаимовлияния русского и среднеазиатских языков, а также образования и развития языка русского и среднеазиатских народов.

*Лапин Н. С. (Институт истории государства КН МОН КЗ,
Нур-Султан)*

Ранняя история казахско-русских отношений в опубликованных и неопубликованных работах А. П. Чулошникова⁵

Александр Петрович Чулошников (1894–1941/1942) — профессиональный историк, выходец из семьи оренбургского казачьего генерала, после окончания Петроградского университета был оставлен в нем для дальнейшей академической подготовки⁶.

В 1918–1921-х гг. А. П. Чулошников трудился в Оренбурге, тогдашней столице Казахской автономии в составе РСФСР. После чего возвратился в Петроград, где продолжил профессионально заниматься историей восточных

¹ РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 1, 11 л.

² РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1677 г., д. 2, 1 л.

³ РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1644 г., д. 1, 71 л.

⁴ РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, 1942 л.

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII — начало XXI в.))»).

⁶ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 11277 Л. 1–25; Оп.3. Д. 57888. Л. 1–42.

народов СССР. В конце 1941 г. или начале 1942 г. А. П. Чулошников погиб в блокадном городе. Материалы, статьи, рукописи, копии исторических документов А. П. Чулошникова хранятся в личном фонде историка в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН¹.

Творческая судьба А. П. Чулошникова во многом связана с изучением истории ряда народов Центральной Азии, в том числе истории казахского народа и казахско-русских отношений.

В 1924 г. были изданы «Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен» А. П. Чулошникова, ставшие первым обобщающим трудом, написанным профессиональным историком по истории казахов от древности до позднего средневековья.

В начале 1930-х гг. в Ленинграде при непосредственном участии А. П. Чулошникова публикуется сборник документов «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР». В нем было опубликовано сразу несколько документов, отражающих раннюю историю казахско-русских отношений, и большая статья А. П. Чулошникова «Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII веках», в которой фактически впервые в историографии был обозначен факт официальных отношений России и казахов в годы правления казахского хана Тауке.

Позже А. П. Чулошников опубликовал несколько документов, непосредственно связанных с казахско-русскими контактами на рубеже XVII и XVIII вв. Учитывая до сих пор незначительный массив источников того периода, публикация стала важным шагом в изучении ранней истории казахско-русских отношений, о чем свидетельствует неоднократное переиздание этих документов. Публикацию предварил краткий очерк «Казахский союз и Московское государство в конце XVII в.» ставший, по сути, отправной работой в историографии, в которой рассматривались проблемы восстановления казахско-русских отношений в новое время после почти векового перерыва.

В 1936 г. под редакцией А. П. Чулошникова были опубликованы «Материалы по истории Башкирской АССР», среди которых есть ряд интересных документов по связям казахов и России в начале XVIII в.

К сожалению, ранняя смерть А. П. Чулошникова не позволила ему развить свои усилия по изучению ранней истории казахско-русских отношений. Между тем личный архив историка явно свидетельствует, о том, что его интересовала эта тема. В частности, сохранилось несколько рукописей его статей, посвященных

¹ См.: Алпатов В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 242–254.

как раз вопросам двусторонних отношений казахского ханства и России до XVIII в. включительно¹.

Содержание, объем информации свидетельствуют о целенаправленном интересе А. П. Чулошникова к проблеме ранней истории казахско-русских взаимоотношений. Изучение неопубликованных работ историка позволяет говорить о нем как о первом профессиональном исследователе, который выделил в качестве самостоятельной проблемы ранний этап двусторонних отношений и приступил к его изучению.

Мурзакматов А. К., Абдылакимова Б. К. (ОшГУ, Кыргызстан)

Этикет кыргызов в трудах Чокана Валиханова

Настоящий доклад, затрагивающий вопросы этикета кыргызов, посвящается широко отмечавшемуся в 2020 г.у 185-летию со дня рождения Чокана Чингисовича Валиханова (1835–1865), казахского просветителя, выдающегося исследователя истории и культуры народов Центральной Азии. Путешествия Ч. Валиханова на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан, его научные труды и исследования явились важным вкладом не только в русское, но и в мировое востоковедение. Избрание Ч. Валиханова действительным членом Императорского Русского географического общества, состоявшееся 27 февраля 1857 г., свидетельствует о признании его выдающихся заслуг перед русской наукой.

Ч. Валиханов трижды (1856, 1857, 1858 г.) побывал на кыргызской земле. Свое первое путешествие он совершил во второй половине мая 1856 г. в составе крупной военно-научной экспедиции, организованной под руководством полковника М. М. Хоментовского. Эта экспедиция направлялась на Иссык-Куль для ведения топографической съемки. Существует также точка зрения, что данная экспедиция была организована по просьбе Боромбая Бекмуратова (1789/1790–1858), который был влиятельным манапом кыргызского рода бугу. Известно, что 17 января 1855 г. в Омске послы Боромбая от имени рода бугу принесли присягу Российскому императору, став его подданными.

Научные результаты первого путешествия молодого ученого Ч. Валиханова отражены в его замечательных путевых очерках «Дневник поездки на Иссык-Куль» и «Записки о киргизах». В этих трудах имеется богатый и разнообразный материал, касающийся культуры кыргызов.

При знакомстве с культурой и бытом чужого народа первое, что бросается в глаза (наряду с отличиями в материальной культуре) — это особенности поведения в стандартных ситуациях. По сути, речевой этикет явление универсальное, но в то же время, в речевом этикете на национальную специфику

¹ Архив СПбИИРАН. Ф. 262. Д. 60, 62, 63.

языка накладывается специфика привычек и обычаев, особенности быта, психологии данного конкретного народа. Все это тонко подметил Ч. Валиханов в труде «Записки о киргизах»¹.

Этическим идеалом в формировании социального поведения в кыргызском обществе считается почитание родителей и старших, а также гостеприимство. Количество письменных источников для изучения этой стороны кыргызской культуры крайне ограничено. Поэтому труды Ч. Валиханова представляют большой интерес для науки, потому что во время своих путешествий ученый не раз был свидетелем того, как этические идеалы реализуются на практике. Об этом свидетельствует добытые Ч. Валихановым ценные полевые материалы, которые отражены в «Записках о киргизах»² и в «Дневнике поездки на Иссык-Куль»³.

Одним из конструктивных принципов кыргызского этикета является также почтительное отношение к женщине. Этот пласт киргизской культуры тоже нашел место в трудах Ч. Валиханова⁴. Кроме того, в своем «Дневнике поездки на Иссык-Куль»⁵ Ч. Валиханов довольно четко описал этикетную атрибутику и цветовую символику кыргызов, играющих важную роль в этикетной системе.

На конкретном материале Ч. Валиханова в докладе рассматривается ряд характерных особенностей и существенных аспектов этноэтикета кыргызов. Значительное внимание при этом уделяется освещению вопросов национальной-культурной специфики определенных форм и средств вербальной и невербальной коммуникации у кыргызов.

Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Суд над султаном Бараком и кризис ханского правосудия⁶

В 1748 г. в степной стычке с султаном Бараком погиб хан казахского Младшего жуза Абулхаир. Убийство хана вызвало гнев семьи хана и возмущение многих представителей родоплеменной знати, которые требовали привлечь убийцу к ответственности и открыто угрожали ему мезьей. Барак пытался заручиться поддерж-

¹ Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 30.

² Там же. С. 73.

³ Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 337.

⁴ Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. С. 73–74.

⁵ Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. С. 333.

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

кой со стороны некоторых казахских султанов и родоплеменных предводителей, а также правителей Джунгарского ханства, но не преуспел в этом. Столкнувшись с угрозой выдачи его семейству Абулхаира, Барак обратился к суду биев.

Примечательно, что четыре судьи-бия были определены самим «подсудимым»: трое из них — Караток из рода торткара, Козанай и Мамет-Аталык из рода каракесек (Младший жуз), — находились в подданстве султана Батыра, союзника Барака, а четвертый, бий Олжебай из рода баганалы (Средний жуз), считался подданным самого Барака. Суд биев ожидаемо оправдал султана, и, хотя не все казахи признали это решение, вопрос о выдаче и наказании султана был снят. После откочевки к г. Туркестану (подальше от семейства Абулхаира) в начале 1749 г. Барак даже был возведен казахами группы родов Среднего жуза в ханское достоинство. Правда, уже в следующем году он скончался, предположительно от отравления.

Обращение султана, потомка Чингис-хана, к суду биев в связи с убийством другого Чингизида представляется беспрецедентным актом. Согласно установлениям Чингис-хана («Великой Ясе»), его потомки, обвиняемые в преступлении, подлежали суду семейного совета. В ряде случаев судьба хана или представителя рода решалась на курултае, тоже с участием Чингизидов.

Суд биев осуществлялся выборными для конкретного дела судьями, выносившими решение на основе старинных степных обычаев (юсун, зан) и собственного усмотрения. Решение биев не могло распространяться на ханов и султанов, которые, даже проживая из поколения в поколение в Казахской степи, в силу многовековой традиции стояли над родами, племенами и жузами. Должны были произойти экстраординарные события, чтобы традиция неподсудности Чингизидов суду биев была пересмотрена.

Обратим внимание, что власть Чингизидов в рассматриваемый период была далеко не такой прочной и авторитетной, как в прежние века. Сначала их авторитет подорвал распад Золотой Орды, в результате чего потомки Чингис-хана оказались во главе «региональных» государств, во многом завися от местной родоплеменной знати. Не случайно хан Тауке, разрабатывая в конце XVII в. свои законы («Жеты жаргы», «Семь установлений»), обсуждал и согласовывал их с наиболее влиятельными биями, признавая их значимость в вопросах правотворчества и суда.

Еще больше статус казахских ханов и султанов снизился в первые десятилетия XVIII в., когда им пришлось признать вассалитет сначала от джунгарских ханов и даже оправлять им в заложники своих сыновей и других родственников, а с 1731 г. — и от Российской империи. В глазах своих подданных они окончательно перестали быть верховными правителями, стало практиковаться возведение в ханы отдельными группами казахских родов, так что в пределах одного жуза могли одновременно править 2–3 хана, причем власть их при этом существенно уступала влиянию авторитетных родовых биев.

Эту ситуацию в полной мере учли главы оренбургской администрации, которые, начиная с середины 1730-х гг. в целях укрепления своих позиций в Казахской степи старались заручиться поддержкой не только ханов и султанов, но и наиболее влиятельных биев.

Таким образом, султан Барак, прибегнув к суду биев, с одной стороны, фактически признал упадок власти Чингизидов и утрату ими монополии на суд над собственными родичами, с другой — предпринял «популистский шаг», продемонстрировав уважение к влиятельным родоплеменным предводителям и степным обычаям. Тот факт, что его после суда перестали обвинять в убийстве Абулхаира и даже выбрали в ханы, подтверждает логичность его действий в сложившихся политических условиях.

Раджабова Д. Н. (Институт истории АН РУз, Ташкент)

Вопросы истории Самарканда в научном наследии В. В. Бартольда

Доклад содержит анализ научных взглядов В. В. Бартольда, посвященных истории и культуре Туркестана, в частности, Самарканда. Раскрываются научные интересы ученого-востоковеда, его отношение к изучению истории Востока, изложены его ценные рекомендации по сохранению культурного наследия Самарканда в интересах мировой цивилизации. В каждой крупной работе, посвященной непосредственно истории и культуре Туркестана¹, Бартольд уделял отдельное внимание отдельным вопросам истории Самарканда; его работы характеризовались глубочайшей эрудицией, строгой продуманностью и логичностью изложения, насыщенностью, убедительными примерами и доказательствами.

В. В. Бартольд в своих научных статьях, посвященных найденным самаркандским оссуариям² искусно сравнивает информацию различных источников, показывая при этом свою эрудированность и аналитический ум. Знание научного наследия греческих ученых умело сочетается со сведениями произведений мусульманских ученых средневековья. Не обошел автор вниманием и исследование русских и зарубежных ученых, что говорит о его разностороннем подходе к анализу рассматриваемой проблемы.

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. 1. М.: Наука, 1963; История Туркестана; Там же. Т. 2. Ч. 1; История культурной жизни Туркестана. Там же; Улугбек и его время. Там же. Т. 2. Ч. 2 и др.

² Бартольд В. В. Еще раз о Самаркандских оссуариях. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966; К вопросу об оссуариях Туркестанского края. Там же.

В статье «К вопросу об археологических находках»¹ Бартольд уделяет отдельное внимание Регистану, делится своими соображениями по поводу систематического исследования Афрасиаба, а также раскрывает специфическую суть исследователя, который в соответствии с поставленной перед ним задачей может добиться ценных результатов в том числе и в изучении истории Самарканда, который является «... неисчерпаемой сокровищницей» для исследователей.

Вопросы исторической топографии города, доказательство существования самаркандской мечети, найденные печати с куфическими письменами и монеты, относящиеся к IX–X вв., отражены в исследованиях ученого по итогам поездки в Самарканд летом 1904 г.² В докладе дан критический анализ отчета руководителя американской научной экспедиции в Среднюю Азию проф. Р. Пампелли. Бартольд считает, что недостаточная научная осведомленность исследователей не позволила им в достаточной степени правильно судить о некоторых вопросах истории Самарканда³.

Рассматривается деятельность В. В. Бартольда по глубокому и тщательному изучению самаркандских памятников, возрастающий интерес к которым в рассматриваемый период можно наблюдать и по материалам фондов РГИА⁴. С интересом читаются рассуждения В. В. Бартольда об участии самаркандских памятников при Надир-шахе. Примечательно, что при этом ученый дает массу исторических сведений о сопутствующих политических событиях⁵.

Бартольд нередко выступал с весьма ценными публикациями, касающимися охраны памятников старины Самарканда, неоднократно подчеркивая его роль в исторических судьбах Средней Азии, а в известной мере и ряда других стран Востока⁶. Также приводятся рассуждения ученого, посвященные вопросам археологического прошлого и средневековой судьбы Самарканда⁷,

¹ Бартольд В. В. К вопросу об археологических находках. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966. С. 126.

² Бартольд В. В. Поездка в Самарканд с археологической целью. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966; Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г., командированного русским комитетом проф. В. В. Бартольда. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.

³ Бартольд В. В. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.

⁴ РГИА, ФФ.468, 472, 565, 789 и др.

⁵ Бартольд В. В. Новые данные о самаркандских памятниках. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.

⁶ Бартольд В. В. Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими. Соч. Т. 4. М., Наука, 1966; Отчет о командировке в Туркестан. Соч. Т. 4. М.: Наука, 1966.

⁷ Бартольд В. В. Самовольные раскопки и востоковедение. Соч. Т. 4. М., Наука, 1966. С. 267–268; Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. Там же, с. 269–279; По поводу археологических работ в Туркестане. Там же, с. 282–289; Мечеть Биби-Ханым.

нумизматике¹, истории ислама, работах по историографии, истории востоковедения, а также рецензиях².

Тишин В. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

К идентификации персонажей надписи Кюли чора

Памятник Ихэ Хушоту или надпись Кюли чора был открыта в июле 1912 г. Вл. Котвичем. После первой публикации в 1928 г. в переводе А. Н. Самойловича текст изучался рядом исследователей, сделавшими поправки к его чтению и расширившим возможности интерпретации. Время создания памятника в общем относят к промежутку 719–725 гг. Сэр Дж. Клосон и Э. Трыарский выдвинули предположение, что в надписи рассказывается о трех персонажах, последовательно носивших титул *küli čor* и принадлежавших к разным поколениям. Это оспаривается некоторыми исследователями (Т. Хаяси, Т. Осава, М. Добрович). По мнению М. Добровича, памятник представляет собой эпитафию некоего высокопоставленного лица, близкого к правящему клану – племянника (*čiqan*) Эльтериш-кагана; он умер после 732 г., в возрасте 80 лет.

Стела не содержит «козловидной» тамги, что ставит под сомнение принадлежность меморианта к правящему клану, а сама конструкция стелы уступает в размерах Хушо-Цайдамским памятникам и Онгинскому камню.

Надпись начинается следующими строками (стк. 1–3):

- (1) ...[(a)lpin : (ä)rd(ä)min] üčün : (a)p[a] [t(a)rqa(a)n] čiq(a)n toñuquq : (a)t(i)γ b(e)rm(i)š
- (2) [...]tdoqda : jügtürmiš : išb(a)ra čiq(a)n küli čor bolm(i)š [küli čor toñuquq
- (3) q(a)py(a)n q(a)γ(a)n : il(i)ntä : q(a)rip : (ä)dgü b(ä)ñi : körti : uluy : küli čor : s(ä)k(i)zon : j(a)š(a)p : joq bol[tii]

Начало стк. 1 испорчено и ее можно перевести двояко: «...по причине храбрости и мужества (его) “Апа таркан Чыкан Тоньюкук” имя (титул?) [ему] дал(и)», либо «...по причине храбрости и мужества (его) Апа таркан Чыкан Тоньюкук имя (титул?) [ему] дал»; при втором варианте мемориант, таким образом, не отождествляется с названным именем.

Там же, с. 116–118; О преподавании туземных наречий в Самарканде. Соч. Т. 2. Ч. 2. М.: Наука, 1966. С.303–305 и др.

¹ Бартольд В. В. О некоторых самаркандских дирхемах. Соч. Т. 4. М., Наука, 1966. С. 346–347; Монеты Улугбека. Там же, с. 362–366.

² Бартольд В. В., В. Л.Вяткин. Городище Афрасиаб. Соч. Т. 4. М., Наука, 1966. С. 290–292.

Начало стк. 2 также разрушено, но ее перевод тоже может иметь два варианта. Обычно перевод следует такой логике: «(2) [...] [когда] ..., [то]... возвысил (его), Ышбара Чыкан Кюли чор был; Кюли Чор Тоньюкук (3) Капган кагана в период правления (*букв.* ‘в эле’) состарившись, добро (и) радость видел; великий Кюли Чор восемьдесят лет [возрастом] став, перестал существовать». Можно предложить вариант, не противоречащий другому варианту перевода стк. 1: «(2) [...] [когда] ..., [то]... возвысил (его), Ышбара Чыкан Кюли чор был; Кюли Чор *и* Тоньюкук (3) Капган кагана в период правления (*букв.* ‘в эле’) состарившись, добро (и) радость видел(*и*); великий Кюли Чор восемьдесят лет [возрастом] став, перестал существовать».

Ниже мемориант последовательно именуется *küli čor* (стк. 6, 10, 11, 15, 18), *išbara bilgä küli čor* (стк. 8), 14, 24), *bilgä küli čor* (стк. 19). В тексте рассказано о его участии в сражениях под *käčän?* (стк. 10), под Бешбальком (стк. 11), битвах с танскими войсками (стк. 12), тюргешами (стк. 15), участии в походе через р. Сыр-Дарью (*jenčü ögüz*) до Буз-гала-хана (*tämir qapı?*) и арабов (*täzik*), семи сражениях с токуз огузами (стк. 16), пяти сражениях с киданями и татбы (стк. 17), битве с карлуками на р. Тэс (стк. 18), других сражениях с ними (стк. 19–22) и гибели в одном из них (стк. 23).

Мемориант руководил «народом тардуш» (стк. 14), но это сказано перед походом за р. Сыр-Дарью (стк. 16) и после упоминания Бешбалька (стк. 11). Последнее логично связать с описанным в надписи Бильге кагана походом на басмылов в его возрасте 20 лет, т.е. в 22.01.703–09.02.704.

Все события, в которых участвовал Кюли чор, могут быть датированы до 716 г. Тогда в любом случае Кюли чор, упомянутый в надписи Бильге кагана, командующий «бегами [крыла] тардуш», является другим человеком. Вероятно, это он тот, кто упоминается как сын некоего *чора* (строка испорчена) по имени Ииген чор, пришедший на тризну меморианта (стк. 26). Элемент *йеген / ииген* позволяет допустить, что он выступает племянником по женской линии для кого-то из каганского клана. Это подразумевает, что его отец был женат на представительнице каганского клана, возможно, сестре каганов первого поколения второй восточно-тюркской династии.

Трепавлов В. В. (ИРИ РАН, Москва)

Тюркская этнонимия в русском лексиконе XVI–XVII вв.

Доклад посвящен искусственной «татаризации» ногайцев, т.е. необоснованному причислению их к якобы единой татарской общности, существовавшей с времен Золотой Орды. Из всей опубликованной ногайско-русской

дипломатической переписки за XVI–XVII вв. (в которой ногайская элита регулярно именуется себя и свой народ ногаями или мангытами, а свое государство — Мангытским юртом) в качестве доказательств приводятся пара эпизодических упоминаний ногаев как татар. Такие утверждения происходят из чрезмерного доверия к текстам грамот, переведенных на русский язык в Посольском приказе или в воеводских канцеляриях на местах.

Для понимания истинной ситуации с употреблением понятия «татары» следует сличить русские переводы с уцелевшими тюркоязычными арабско-графическими оригиналами и выяснить, действительно ли оно присутствует в последних. Оказывается, что во многих случаях этноним «татары» отсутствовал в оригиналах и появлялся в русском тексте как результат домысливания/дописывания послания русскими переводчиками.

Вместе с тем, в ногайских посланиях, по мере ослабления Ногайской Орды (особенно в 1620–1640-х гг.), ногайские мурзы действительно иногда именовали себя и свой народ татарами. Причина этого видится в употреблении терминологии, понятной для русских адресатов. А это, в свою очередь, являлось следствием все большей зависимости ногаев от российских властей, что порой просматривается в заискивающем тоне обращений к царю и его наместникам. На протяжении первой половины XVII в. представители ногайской элиты овладели «мастерством» общения с московскими приказными чинами и астраханскими воеводами, в том числе составлением челобитных на высочайшее имя. Тщательное выписывание малого царского титула в инскрипциях грамот, частое репрезентация себя понятием «кул» [= холоп (государев)], подобострастная тональность прошений свидетельствуют о перенимании русских канонов бюрократического официоза и готовности говорить с адресатами на привычном для них языке. А в этом языке практически все тюрки-кочевники обозначались как татары.

Однако даже народы, носящие ныне этноним «татары», в то время еще не обладали специфически татарским интегрирующим сознанием. В течение одного-двух веков после распада Золотой Орды некоторые сообщества, сложившиеся из ее бывших жителей, смогли создать собственную государственность. Ей были присущи относительно определенные границы владений, этнически однородное население (однако при этом сохранявшее базовую, матричную — родоплеменную идентичность), проживание на фиксированной территории, подданство местным правящим кланам и прочие атрибуты, факторы и предпосылки нарождавшейся локальной этнополитической идентичности. К числу таких «государствообразующих» сообществ принадлежали казахи, моголы, сибирцы, узбеки (в Хорезме и отчасти в Мавераннахре) и ногаи.

Различие между татарами и ногаями четко прослеживается в документации, сохранившейся от Крымского ханства XVI–XVIII вв.

Халлиева Г. И. (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент)

Архивные тюркские этюды

Академическое и университетское востоковедение в России произрастало из единого корня и на всем протяжении своей истории носило комплексный, прикладной и исследовательский характер. Санкт-Петербург — город, в котором начиналась и складывалась российская наука, в том числе и востоковедение. В силу географического положения, истории, характера народонаселения, взаимоотношений с соседями, востоковедение оказалось в центре национальных интересов России и явилось одним из важных факторов русской культуры.

А. Н. Самойлович (1880–1938) входил в состав таких ярких ученых, приглашаемых для изучения Средней и Восточной Азии по историческим, археологическим, лингвистическим и этнографическим вопросам. Основные его работы посвящены тюркской филологии.

В Санкт-Петербурге, знакомясь с трудами и архивными данными А. Н. Самойловича, мы стали свидетелями высокой одаренности ученого-востоковеда, знатока тюркологии, глубокого аналитика, академика, имеющего свой неповторимый метод изложения. Неизданные научные исследования, связанные с литературной средой Хорезма XIX в., хранятся в рукописном фонде Российской Национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹. Архивные данные помогают шире представить картину литературной среды Хорезма, выявить новые факты в изучении научно-творческой деятельности ученого в полном объеме, оценить выдающуюся роль российского тюрколога широкого профиля.

Из отчета поездки А. Н. Самойловича в 1908 г. в Туркестанский край, становится ясно, что в процессе ознакомления с личными библиотеками хана он сумел найти и изучить несколько редких рукописей². В результате этих исследований на свет появляется научный труд под названием «Тюркские этюды» (1917–1918). Это неизданная полностью до сей поры многоплановая работа ученого, объемом более 800 страниц, где, наряду с многочисленными гранями узбекской литературы, освещена и история литературной среды Хорезма XIX в.³. Приведены редкие данные о дворцовой литературе Хивы, о ханских библиотеках, о существовании в них арабских, персидских и тюркских рукописей, об известных и неизвестных науке поэтах, о дворцовой типографии.

¹ Архив А. Н. Самойловича // РНБ. Ф. 671.

² Залеман К. Г. Новые поступления в Азиатский музей. Список рукописей и местных изданий привезенных из Туркестана А. Н. Самойловичем и доставленных Русским комитетом по исследованию Средней и Восточной Азии // ИАН. VI серия Т. II. СПб 1908. С. 1301–1302.

³ Архив А. Н. Самойловича // РНБ. Ф. 671. Ед. хр. № 100. Материалы по среднеазиатско турецкой литературе IV–V. Тюркские этюды.

«Ныне ханствующий Сеид Мухаммед Рахим II (1844–1910) просвещенный покровитель¹ хивинской науки и искусства, проявил полную готовность содействовать научному изучению его страны и открыл мне доступ также к своим собственным, личным книжным сокровищам». А. Н. Самойлович с благодарностью вспоминает о теплой встрече и созданных ему условиях для работы: по два раза он занимался в каждой из двух ханских библиотек — в Арке и в Таза-баге², обращая главное внимание на тюркские рукописи³. Впоследствии он написал о них ряд статей, но издать их не успел. В ходе анализа исследований А. Н. Самойловича, связанных с Хорезмской литературной средой XIX в., выяснилось, что в них больше внимания уделялось раскрытию языковых и общеэстетических особенностей, чем анализу художественного текста, а интерпретация характеризуется литературно-социальным синкретизмом. Благодаря трудам ученого, мы узнаем о литературно-социальной среде, литературных и дипломатических связях, о придворной культуре, поэтах, об отношении к наукам и книгам того времени.

Назрела необходимость оценить по достоинству вклад А. Н. Самойловича в изучение литературной среды Хорезма. Более всего ученый интересовался неисчерпаемым богатством материалов по тюркологии, в основном неизданных и неисследованных, и в особенности рукописными сокровищами.

Тема изучения хорезмских рукописей была и остается актуальной. На сей день в петербургских фондах имеется свыше 300 хорезмских историко-литературных памятников, которые до сих пор не изучены на должном уровне. Еще В. В. Бартольд объяснял это не отсутствием источников, а равнодушием исследователей⁴.

Чориев Ш. Х. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Деятельность Кокандского филиала Государственного банка

Кокандское отделение Госбанка было открыто в 1893 г. В начале своей деятельности Кокандский филиал Госбанка мало чем отличался от коммер-

¹ Сеид Мухаммед Рахим II несколько раз ездил в Санкт-Петербург и высоко ценил просветительскую идеологию Российского государства.

² Архив А. Н. Самойловича РНБ Ф. 671. Ед. хр. № 145. Библиотека и литография его светлости Хана хивинского.

³ Самойлович А. Н. Краткий отчет о поездке в Бухару и Хивинское ханство командированного СПб университетом и Русским комитетом приват доцента А. Н. амойловича 1908 году // ИРКСА. № 9. С. 15–29.

⁴ Бартольд В. В. События перед Хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка Соч. Т. II. Ч.2. М.: Наука, 1964. С.400 .

ческих банков, т. е. отделение финансировало в основном крупные фирмы, экспортировавшие хлопок. Начиная с 1910 г., Кокандское отделение Госбанка начало развивать мелкий кредит в Ферганской долине.

Таблица 1. Обороты отделения (в тыс. р.)¹

Год	В учреждении банка	В казначействах	Итого
1901	33 340	1260	34 600
1902	32 811	1335	34 146
1903	41 379	1491	42 870
1904	46 731	1698	48 429
1905	40 194	1458	41 652
1906	56 598	1864	58 462
1907	55 445	2361	57 806
1908	45 258	2114	47 372
1909	45 744	5494	51 238
1910	86 318	158 074	244 392
1911	57 227	65 089	122 316
1912	66 967	70 178	137 145
1913	73 259	71 068	144 327
1914	72 057	73 191	145 248
1915	101 422	103 551	204 973

Обороты отделения зависели от урожая в Ферганской долине, т. е. баланс активных и пассивных операций филиала определялся ценами и урожаем хлопка.

Кокандское отделение учитывало векселя, выдавало ссуды под товары, под документы на товары и под векселя. В основном кредитовались в банке хлопковые фирмы. Ревизор Госбанка А. Ольхин писал в Петербург: «...Вся хлопковая торговля находится в руках 20 крупных фирм, из которых непосредственно с земледельцами имеют только две туземные — Вадьяевы и Потеляхов»². Госбанк и другие коммерческие банки финансировали эти фирмы и пытались контролировать их сбыт. Например, к 1909 г. хлопковые

¹ Государственный Банк. Данные по конторам и отделениям за 1901–1910 гг. Сост. под ред. директора Государственного Банка Е. Н. Сланского. СПб, 1912; Государственный Банк. Данные по конторам и отделениям за 1906–1915 гг. Т. VI. Сост. под ред. директора Государственного Банка Е. Н. Сланского. СПб.: Синодальная типография, 1916.

² РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1015, л. 1–2 об.

фирмы имели следующие кредиты в Кокандском филиале Госбанка: Андреевское т-во (Кноп и К^о, Коканд) — 400 тыс. р., бр. Крафт (Москва) — 500 тыс. р., Вадьяевы (Коканд) — 250 тыс. р., Р. Потеляхов (Коканд) — 200 тыс. р., бр. Шлосберг (СПб.) — 350 тыс. р., т-во Ярославской большой мануфактуры (Москва) — 3 млн. р., т-во Вл. Алексеев (Москва) — 3 млн. р., А. В. Шведов (Москва) — 500 тыс. р., т-во Шуйской мануфактуры (Москва) — 750 тыс. р., т-во Кеворковых (Эриван) — 15 тыс. р., А. Оссер (Лодзь) — 65 тыс. р., В. Т. Омельчук (Коканд) — 25 тыс. р. и др.¹ Все эти фирмы имели хлопкоочистительные заводы в Ферганской области и активно скупали хлопок у местного населения. За предоставляемый кредит банки официально взимали следующие проценты (1909 г.) с клиентов: Госбанк — 5,5–9,5 %, Соединенный — 8–10 %, Русско-Китайский — 9,5–10 %, Московский Учетный — 7,5–12 %, Русский для Внешней торговли — 8–9,5 %, Волжско-Камский — 7–9,5 %. «На практике, — отмечал ревизор А. Ольхин, — эта шкала не имеет значения, так как, гоняясь за клиентом, банки для солидных клиентов делают уступки до норм Госбанка, а с другой стороны с некоторым риском открывают кредиты ненадежным лицам, но зато берут с них включая разные комиссии, порто и тому подобное даже до 16 %»².

Кокандское отделение Госбанка банка за время своего существования (до 1918 г.) сумело занять свою нишу в экономической жизни Туркестанского генерал-губернаторства. Кокандский филиал, как и отмечалось выше, в основном финансировал экспорт хлопка и пытался расширять свои активные и пассивные операции. Экономический кризис 1911–1913 гг. и Первая мировая война благотворно повлияли на деятельность банка. Кокандский филиал превратился в регулятор финансовых институтов Кокандского региона и успешно расширял свои операции в сфере мелкого кредита. События 1917 г. негативно повлияли на финансовые институты края. В конце 1917 г. отделения Госбанка были национализированы Советской властью.

Юсупова С. А. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва)

Делопроизводственная документация органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX — начала XX в.

Значимым информативным источником, раскрывающим вопросы истории городского самоуправления, его место и роль в социально-культурном

¹ Там же. Оп. 33. Д. 1051, л. 79–82; 85–86.

² Там же.

и экономическом развитии города, являются материалы делопроизводственной документации. Корпус такого вида источника содержит более десятков разновидностей документов, среди них журналы заседаний, постановления, отчеты, доклады, инструкции, приходо-расходные сметы, материалы ревизий, городские планы и др.

Некоторая часть документальных источников, отложившихся в ходе деятельности органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства, хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде №400. Также, согласно закону 1870 г., сведения о текущей деятельности органов городского самоуправления должны были публиковаться в официальной местной газете. Таким периодическим изданием края являлась газета «Туркестанские ведомости», подшивка номеров с разной комплектацией которой имеется в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга (РГБ, ГПИБ, РНБ).

С образованием новой административно-территориальной единицы в составе Российской империи, встал вопрос об эффективном процессе управления, в том, числе и внутригородским хозяйством Туркестанского генерал-губернаторства. Перед российским правительством стояла нелегкая задача интегрировать край с учетом местных традиций в общеимперское пространство. И одним из таких шагов стало введение в крае уже действующего в европейской части империи законодательного акта «Городового положения» 1870 г. После долгих дискуссий среди высших государственных органов было решено в 1877 г. провести городскую реформу в Ташкенте и Верном.

«Городовое положение» 1870 г. устанавливало систему органов городского управления (городская Дума и городская Управа) и их функции, регламентировало порядок делопроизводства, требования к документированию нормотворческих процедур.

Для обсуждения проблем и принятия соответствующих мер гласные должны были собираться на заседания в установленном порядке, не менее четырех и не более двадцати четырех раз в год, в месяц получалось по 2–3 раза. Каждое заседание строго протоколировалось. Журнал заседания содержал дату заседания, количество присутствующих, пронумерованный список повестки, мнения и постановления по каждому вопросу. Анализ показал, что гласными не раз поднимались на обсуждение важные для города проекты, такие как расширение территории¹, проведение водопровода², освещение города, постройка конно-железнодорожи³.

¹ РГВИА Ф.400. Оп.1. Д. 3451. По прошению уполномоченного Верненской городской Думы ... о расширении площади городских земель. 16 л.

² РГВИА Ф. 400. Оп.1. Д. 849. Об устройстве в г. Ташкенте водопровода. 131 л.

³ Туркестанские ведомости. Приложение. №48. 1895. (Журнал заседания Ташкентской городской Думы)

В результате деятельности органов городского самоуправления накопился значительный комплекс материалов, связанных с ведением бюджета города¹. Бюджет формировался из доходной и расходной частей, сведения заносились в соответствующие графы сметы, которая имела единообразную табличную форму. От рационального использования и пополнения городского бюджета зависела результативность органов общественного управления и развитие города.

Особую категорию составляли акты городской Думы, устанавливающие основные правовые нормы и обязательные к исполнению горожанами. Например, обязательное постановление Ташкентской городской Думы о праздничном отдыхе и норме рабочего дня, а также ряд постановлений, направленных на поддержание функционирования городских пространств и сооружений, как, например, правила об устройстве тротуаров, действовавшие только для домовладельцев 1-го разряда (в Верном).

Таким образом, сохранившиеся материалы текущего делопроизводства органов городского самоуправления Ташкента и Верного разносторонне и подробно отражают их деятельность. Они позволяют проанализировать механизм управления городским хозяйством, методы решения местных проблем, связанных с благоустройством, торговлей, народным образованием, санитарным состоянием города и здравоохранением, культурно-досуговой сферой.

¹ РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 3677. Отчет о деятельности Верненской городской Управы за 1904–1905 г.: о движении городских сумм, о доходах и о расходах. 284 л.

СЕКЦИЯ VII • SECTION VII
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF SOUTHEAST ASIA

Lorrillard Michel (École française d'Extrême-Orient, Paris)

**Lao royal ordinances and territories
in the margins: the case of the “bai-chum”
of the Hua Phan (northern Laos)**

The archives of the *École française d'Extrême-Orient* contain copies of some 80 Lao royal ordinances, the originals of which have been kept for more than a century by the National Library of Thailand (some of them have recently been published in Thai language and script under the name “bai-chum»), after they were brought from Laos by Siamese troops in 1887.

These documents, written on three different types of support — long strips of cloth, palm leaves and traditional paper manuscript — are practically all dated and bear a seal, either painted or waxed. They relate to the management and administrative boundaries of the various muang of the ancient Hua Phan region (now Sam Nua province). Surprisingly enough, these royal ordinances, drawn up either in Vientiane or in Luang Prabang, provide detailed information on a region that was, however, singularly marginal, on the borders of Vietnam and China, over a period that stretches from the second quarter of the 16th century to the third quarter of the 19th century.

The authenticity of the documents seems to be real, but the circumstances surrounding their discovery, in a context of intense rivalry between the two territorial

expansions of Siam and France, nevertheless prompts us to consider them with the utmost caution and to be careful with both external and internal criticism. In any case, before the colonial empires were established in continental South-East Asia, they reflect an essential testimony to the issues that were privileged in the exchanges between the central power and territories that were in fact often only nominally possessed.

Владимирова А. В. (ИБ РАН, Москва)

Развитие сетевого анализа в отечественном востоковедении и особенности подготовки студентов-регионоведов

В последние годы методы сетевого анализа становятся все более популярными в самых разных науках, как в социально-экономических, так и гуманитарных. Для отечественного востоковедения, которое охватывает крайне обширную и разноплановую тематику, развитие этого направления может оказаться весьма перспективным, однако существует ряд объективных факторов, препятствующих быстрому распространению сетевого подхода. Не последнее место среди них занимают и сильные традиции использования качественных, а не количественных методов российскими учеными-востоковедами, вплоть до того, что в программах курсов «Методология и методы востоковедческих исследований»¹ могут быть представлены лишь первые из них. Видится, что одним из шагов по изменению сложившейся ситуации могла бы стать интеграция соответствующей методологической подготовки в программы обучения студентов-регионоведов.

Важно отметить, что в то время пока методы сетевого анализа не стали для отечественных востоковедов привычными, необходимо не просто знакомить с ними молодых ученых, но и активно пополнять публикации библиографические базы. Учитывая это, наряду с лекционными занятиями стоит заниматься со студентами и проектной деятельностью. На базе «Института стран Востока» в 2019–2020 гг. удалось апробировать несколько возможных вариантов подобной работы со студентами. Первым был выбран более классический подход, когда исследование проводится совместно с научным руководителем. Из его явных достоинств можно назвать возможность быстрого выхода молодого ученого на международ-

¹ Антошин А. В. Рабочая программа модуля «Методология и методы востоковедческих исследований» // ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» [Электронный ресурс]. URL: <https://programs.edu.urfu.ru/media/rpm/00030735.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).

ную арену. Так, работа по сетевому анализу политических карикатур¹, где первым автором был студент 3 курса бакалавриата, не только получила награду на престижной конференции «Complex Networks», но и менее чем за год с момента публикации была скачана с платформы «Springer» более двух тысяч раз. Явными недостатками такого варианта являются сильные ограничения по количеству студентов, которых можно вовлечь в проект, и низкий уровень самостоятельности. Поэтому следующим вариантом стал студенческий научный проект, реализуемый в качестве домашних заданий в рамках уже читаемого в магистратуре курса «Информационное обеспечение аналитической деятельности».

Студентам было предложено не только прослушать лекции по написанию аналитики, но и попробовать использовать обсуждаемые на занятиях подходы к сбору и анализу данных на практике. Поскольку у 9 из 10 студентов в группе не было опыта написания статей, потребовалось разработать единую четкую структуру научной работы и достаточно подробные шаблоны каждого раздела, однако, по итогам курса все студенты смогли выполнить все домашние задания и получить черновой вариант публикации. Стоит отметить, что работа одновременно с несколькими проектными группами на семинарах оказалась еще и более эффективной в плане обучения. Так, студенты выбирали разное количество стран для включения в свой анализ и соответственно смогли сравнить получаемые графы, что углубило их понимание сетевых моделей и позволило более детально интерпретировать результаты.

Очевидно, что второй формат предпочтительней, если речь идет о содействии распространению методов сетевого анализа в отечественном востоковедении, но необходимо решить еще одну проблему: определить пул журналов, которые смогут рецензировать и редактировать публикации с подобного рода моделями. Сейчас соответствующая база есть у журнала «Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития», но по очевидным причинам он не подойдет, например, специалистам по странам Восточной Азии или Ближнего Востока. Возможно, также стоит создать специализированный онлайн ресурс, где отечественные ученые, заинтересованные в сетевом анализе, могли бы находить полезную информацию, в том числе, и библиографические списки, позволяющие более точно ориентироваться в этом новом для них исследовательском поле.

¹ Golubev N., Vladimirova A. V. Drawing Networks of Political Leaders: Global Affairs in The Economist's KAL's Cartoons // Complex Networks and Their Applications VIII: Vol. 1 / Edited by H. Cherifi, S. Gaito, J. F. Mendes, E. Moro, L. M. Rocha. Cham: Springer Nature Switzerland, 2020. P. 673–681.

Гордиенко Е. В. (РГГУ, Москва)

«Предписываем поклоняться духам, чтобы они покровительствовали и оберегали»: императорские указы о духах как часть государственной политики в традиционном Вьетнаме

Вьетнамские императорские указы о духах (sắc phong 敕封, также sắc phong thần 敕封神, thần sắc 神敕) — это указы, регулярно издававшиеся правителями вьетнамских династий Ле (1428–1788) и Нгуен (1802–1945) с целью регламентации пантеона духов-покровителей деревенских общин (thành hoàng 城隍), почитаемых повсеместно в общинных домах и храмах Вьетнама¹. Указами правители жаловали духам титулы и предписывали оберегать ту или иную местность от бед, тогда как жителям этой местности предписывалось исправно поклоняться титулованным духам.

Указ представляет собой текст на классическом китайском языке, нанесенный тушью на шелковую бумагу желтого цвета, украшенную узорами и изображением дракона. До настоящего времени указы о духах (оригиналы или списки) хранятся как реликвия в общинных домах и во время праздников демонстрируются участникам церемоний.

Вьетнамские указы о духах в российской науке ранее специально не исследовались и на русский язык не переводились². Нами предприняты первые шаги в этом направлении.

Содержание указов предельно формализовано: после заголовка следуют имена и титулы духов-покровителей, затем указываются добавления к титулам духов и предписывается поклонение им. Благодаря шаблонности указы схожи между собой, поэтому для перевода на русский язык нами был выбран опубликованный текст (набранные и отпечатанные в типографии иероглифы переводить значительно проще, чем рукописный текст на фото указов, сделанных нами во время полевых исследований). Переведенный нами указ приведен в обзоре вьетнамских иероглифических текстов, вышедшем в Хошимине в 1987 г.³ Этот

¹ Важнейшим отличием от Китая, по нашему мнению, являлось то, что вьетнамские правители назначали именно покровителей местности, а не чиновников загробного мира (эта особенность приближает вьетнамских духов к китайским духам местности *tu di thần* 土地神 и *tu di công* 土地公, несмотря на то, что вьетнамское название духов *thành hoàng* восходит к названию китайских духов *chén huán* 城隍).

² О. В. Новакова упоминает об указах о духах в исследовании вьетнамской католической церкви. См.: Новакова О. В. Крест и Дракон: у истоков вьетнамской католической церкви (XVI–XVII века). М., 2012. С. 84–85.

³ См.: Đặng Chí Huyền. Phần I. Những loại văn bản chữ Hán thường dùng trong đời sống xã hội Việt Nam thời phong kiến // Cơ sở ngữ văn Hán Nôm. Tập 4. HCM: NXB Giáo dục, 1987. Tr. 62.

Рис. 1. Указ о духе кита 1846 г. (敕大乾國家南海 Săc: Đai Càn Quốc Gia Nam Hải), хранящийся в общинном доме района Тхангтам г. Вунгтау на юге Вьетнама
Фото автора. Апрель 2018 г.

указ середины XIX в. посвящен духам-покровителям деревенской общины Дайдонг уезда Тхатътхат провинции Шонтэй (ныне район Ханоя):

Указ

Дух Туан Лыонг Бао Чунг (дух талантливый, преданного защитника), дух Ву Лиет (дух с боевыми заслугами) и дух Уи Мань (дух, внушающий страх) помогали государству и защищали народ. Давно известно, что они чудодейственны, поэтому в настоящее время [приводим их титулы] в соответствие неизменному повелению (воле Неба). Помня о покровительстве духов, им всем добавляем [титул] талантливого, благородного, верного, правдивого духа. Вновь предписываем общине Дайдонг уезда Тхатътхат, как и прежде, поклоняться духам, чтобы они вместе покровительствовали и оберегали наш народ.

Почтительно исполняйте!

18-й день 12-го лунного месяца шестого года Тхиеу Чи [1846 г.].

Утверждение пантеона духов народной религии с помощью указов подразумевало включение локальных культов в государственную религию — культ духов, реализуемый на различных социальных уровнях, в том числе и на уровне деревенских общин. Церемонии проводились представителями местных элит, что способствовало утверждению их авторитета как опоры центральной власти на местах. Таким образом, издание указов о духах являлось значимой частью политики управления страной.

Зайцев И. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Юридические надписи Мьянмы XII–XIII в.: их классификация и значение для изучения истории средневекового судопроизводства

В докладе представлено исследование особого жанра эпиграфических источников — юридических надписей. Материалом послужили 23 юридические надписи, выбитые на каменных стелах, и расположенные в нескольких административных областях верхней Бирмы. Некоторые из источников были задокументированы докладчиком во время его поездок в Мьянму в 2018–2019 гг.

Значимость таких документов для изучения вопросов бирманского средневекового судопроизводства велика. Их содержание передает сведения о задокументированных юридических процессах в различных районах страны: как в столичном центре, так и на периферии. В историографии к исследованию описываемого материала обращались такие видные историки как: Г. Люс, Тан Тхун, М. Аун-Твин, Т. Фраш и К. Ламмертс.

Два главных критерия подталкивают нас к выделению юридических надписей в качестве отдельного жанра эпиграфики. Во-первых, специфическое содержание, передающее сведения о средневековом судопроизводстве. Во-вторых, своеобразная структура текста источников.

По содержанию описываемые источники можно разделить на три главных смысловых группы: 1) свидетельства о судебных разбирательствах; 2) свидетельства о мерах наказания за уголовные преступления. 3) свидетельства о передаче имущества.

Юридические надписи, как и многие памятники бирманской эпиграфики, располагаются в разных географических районах страны, что позволяет сравнивать содержание источников, найденных на периферии со своими аналогами из столичного центра. Такой подход открывает возможность для сравнения юридических процессов при царском дворе и в сельской общине.

К итогам проделанной работы можно отнести ряд наблюдений: 1) На провинциальных уровнях отсутствуют упоминания о ссылках на документы письменного кодифицированного права; 2) На периферийном, как и на столичном уровнях, существовала практика оспаривания судебных решений путем апелляции к правителю, что фактически лишало ранее принятые решения юридической силы; 3) При вынесении судебных вердиктов на провинциальных и столичных уровнях судьи прибегали к практике допроса свидетелей и выносили приговор на основании их показаний; 4) Наследование или передача имущества на провинциальном уровне, скорее всего, была публичным процессом, однако участие в церемонии представителей властных структур более высокого ранга не предусматривалось.

Игнатьев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Автобиография принца Вачираяна:
иллюстрация дворцовой и религиозной жизни Сиам
во второй половине XIX в.**

При рассмотрении событий религиозной жизни Сиам в XVIII–XIX вв. принято выделять фигуру короля, который, как правило, и выступает инициатором тех или иных религиозных преобразований. Подобный подход более чем уместен при анализе «Эдиктов о сангхе» короля Рамы I (годы правления 1782–1809), или же при изучении религиозной реформы короля Рамы IV Монгкута (годы правления 1851–1868), однако в событиях религиозной жизни Сиам при короле Раме V Чулалонгкорне (годы правления 1868–1910) первостепенную роль следует отводить не только монаршей особе, но и духовному лицу — принцу Вачираяну (1860–1921), сангхарату Сиам с 1910 г. С его именем в той или иной степени связаны практически все религиозные преобразования во время правления короля Чулалонгкорна.

Принц Вачираян внес значительный вклад в развитие рационалистической реформы тайского буддизма, начатой его отцом, королем Рамой IV Монгкутом. Тайландский исследователь Тавиват Пунтаригвиват освещает некоторые подробности его деятельности в этом направлении: «Принц Вачираян (...) сыграл важную роль в продолжении доктринальной реформы короля Монгкута. Помимо составления книги «Наваковада» — руководства для монахов, только что прошедших церемонию пострига, принц Вачираян также написал биографию Будды. Это была первая биография Будды в Сиаме, в которой Сиддхартха Гаутама был изображен обычным человеком, который отправился путешествовать в поисках правды и откровений, и в конце концов ему открылась Дхарма — закон Природы — без каких-либо чудес»¹.

Нельзя не отметить участие Вачираяна и в разработке образовательных реформ короля Рамы V, которые отразились на взаимоотношениях сангхи и королевской власти и привели в конечном счете к институционализации монашеской общины: «Формирование в провинциях системы начального образования, разработанной в Бангкоке, отразило потребность общества во всеобщей иерархичной церковной организации с управляемым взаимодействием и определенным порядком подчиненности»².

Тем не менее, едва ли не самой важной частью наследия принца Вачираяна (по меньшей мере, для историков и востоковедов) можно считать его собственное, хоть и неполное, жизнеописание — уникальный источник,

¹ Puntarigvivat, Dr. Tavivat. *Thai Buddhist Social Theory*. Bangkok, 2013. P. 35.

² Tambiah, S. *World Conqueror and World Renouncer. A study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background*. Cambridge, 1976. P. 219.

предоставляющий редкую возможность узнать подробности жизни как в королевском дворце, так и в сиамских монастырях второй половины XIX столетия. По мере знакомства с личными впечатлениями и переживаниями принца Вачираяна, исследователь сможет не только понять глубинные мотивы религиозной деятельности принца, но и погрузиться в перипетии дворцовой и монашеской жизни.

В автобиографии принца Вачираяна, пусть, увы, и неполной (повествование обрывается, когда Вачираян достигает 22-летия), подробно описаны годы его детства, отрочества и юности, на которые и пришлось знакомство будущего сангхарата Сиам с религиозным устройством страны. Знанием многих обстоятельств жизни Вачираяна — таких, как красивая история его придворного имени (Манутсайянагаманоп — «Наг среди людей»), специфика полученного образования, значение учителей и духовных наставников в судьбе принца и т.п., — исследователи обязаны тексту его автобиографии.

Отдельный же интерес, особенно в контексте изучения истории тайского буддизма, вызывают обнаруженные принцем Вачираяном тонкие различия в выполнении монахами духовных практик, которые свидетельствуют о наличии противоречий в рядах сторонников новообразованной школы буддизма Дхаммаютика-никаи — центра «рационалистического буддизма», концепцию которого разработал отец Вачираяна, король Монгкут, и положил в основу своей доктринальной реформы тайского буддизма.

Календарь О. К. (ИСАА МГУ, Москва)

Территориальные споры между Индонезией и Малайзией как наследие колониальной эпохи

История современных отношений Индонезии и Малайзии насчитывает немногим более пятидесяти лет, однако за этот период успел накопиться комплекс проблем различного характера, несколько осложнивший в целом теплые двусторонние связи. Одним из наиболее острых вопросов, в значительной степени влияющих на отношения двух государств, является проблема делимитации границ, уходящая корнями в колониальное прошлое региона.

Сухопутная граница между Индонезией и Малайзией проходит по северной части острова Калимантан. Морская граница начинается в Малаккском проливе и продолжается в Южно-Китайском море и море Сулавеси.

Основа для нынешней индонезийско-малайзийской границы была заложена еще в колониальный период. В 1824 г. между Великобританией и Нидерландами был заключен Лондонский договор, разделивший Малайский мир по Малаккскому и Сингапурскому проливам на Британскую Малайю

и Голландскую Ост-Индию¹. В 1891 г. была подписана Конвенция, установившая примерную границу между британской, северной, и голландской, южной, частями острова Калимантан². Несколько позднее, в 1915 г.³ и в 1928 г.⁴, между Великобританией и Нидерландами были заключены Соглашения, уточнившие линию сухопутной границы.

Несмотря на то, что после обретения независимости Индонезии и Малайзии удалось достичь договоренности относительно наиболее острых территориальных вопросов, существуют серьезные разногласия касательно интерпретации сторонами некоторых положений заключенных между Великобританией и Нидерландами соглашений. В частности, сохраняется проблема демаркации сухопутной границы на Калимантане, а также разграничения района Амбалат, участка богатого природными ресурсами континентального шельфа в море Сулавеси.

До недавних пор наиболее ожесточенные споры были связаны с проблемой принадлежности островов Лигитан и Сипадан, расположенных близ восточного побережья малайзийского штата Сабах. В 2002 г. Международный суд ООН вынес решение в пользу Малайзии, и территориальные претензии Индонезии были признаны недействительными⁵. Вместе с тем, Филиппины выразили намерение принять участие в переговорном процессе о принадлежности островов, тем самым напомнив о своих притязаниях на территорию штата Сабах. Причиной для данных претензий послужили различия в переводах Соглашения 1878 г. о передаче Сабаха под управление британцев⁶.

Таким образом, ряд территориальных и пограничных споров между Индонезией и Малайзией уходят корнями в историческое прошлое региона и сопряжены с трудностями в интерпретации некоторых заключенных в колониальный период соглашений. Поскольку, несмотря на продолжающиеся переговоры,

¹ The Treaty of 17 March 1824 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). *Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo*. London, 1924. P. 8–17.

² Convention between Great Britain and the Netherlands, 1891 // Maxwell W. G., Gibson W. S. (eds.). *Treaties and Engagements Affecting the Malay States and Borneo*. London, 1924. P. 215–216.

³ 1915 Agreement Between Great Britain and the Netherlands // Ranjit Singh D. S. *The Indonesia–Malaysia Dispute Concerning Sovereignty over Sipadan and Ligitan Islands*. Singapore, 2020. P. 8–17.

⁴ Convention between Great Britain and the Netherlands, 1928. URL: https://www.bailii.org/uk/other/UKTS/1928/TS0032_A.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

⁵ Case Concerning Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia) // ICJ Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. The Hague, 2002. P. 625–686.

⁶ 1878 Grant of Lease by the Sultan of Sulu to Britain. URL: <https://www.officialgazette.gov.ph/1968/12/01/1878-grant-of-lease-by-the-sultan-of-sulu-to-britain-profession-conklin-translation-vis-a-vis-maxwell-and-gibson-translation> (дата обращения: 25.01.2021).

данные вопросы пока не урегулированы, они оказывают дестабилизирующее воздействие на обстановку в регионе в целом и на индонезийско-малайзийские отношения в частности.

Кнорозова Е. Ю. (БАН, СПбГУ, Санкт-Петербург)
**«Географические записки» Нгуен Чаю (XV в.)
 как исторический источник по религиозно-
 мифологическим представлениям вьетнамцев**

Нгуен Чай (1380–1442) — выдающийся поэт и прозаик, патриот, преданный своему народу, талантливый военный стратег, дипломат. Император Ле Тхай-тонг (1434–1442) поручил Нгуен Чаю создать сочинение в жанре фыонг ти «Географические записки» (Зы диа ти), которое было представлено в 1435 г. Это первое произведение жанра фыонг ти (кит. фан чжи — историко-географические описания), дошедшее до наших дней. Впоследствии текст неоднократно редактировался.

В Китае, Вьетнаме, Корее, Японии распространены предания об окаменевшей жене, ожидавшей супруга. Этот сюжет распространен во Вьетнаме в разных местностях, например, в Лангшоне, Биньдине, Куангнаме. В основном, это рассказ о брате по имени То Ван и сестре То Тхи. Брат случайно ранил сестру и ушел из дома. Впоследствии, не зная, кто перед ним, брат женится на сестре, у них родился сын. Узнав правду, муж ушел из дома, а жена, ожидая его, каждый день поднималась на гору на берегу моря и окаменела. Возможно, брачный союз брата и сестры имеет отношение к преданиям о потопе, когда все люди погибли, только брат и сестра смогли спастись, забравшись в тыкву. Они были вынуждены вступить в брак, чтобы человеческий род не погиб.

В «Географических записках» сказано: Вонгфу (Ожидание супруга) — это название горы на западе Лангтхань (провинция Лангшон). На горе есть вздымающаяся вверх скала, издали напоминающая человеческую фигуру, повернувшуюся лицом на север. По преданию, давным-давно военачальник Дау Тхао, отправился охранять северные границы. Его жена То Хюе, за десять лет соткала кусок парчи со стихотворением-палиндромом и послала мужу. Впоследствии женщина взобралась на высокую гору в Лангшоне. Так и не дождавшись мужа, она бросилась вниз.

Возможно, китайская история о Су Хуэй (вьет. То Хюе) смешана с вьетнамским преданием о То Тхи, ожидавшей мужа. Су Хуэй (IV в.) — жена крупного чиновника Доу Тао (вьет. Дау Тхао), который, находясь в удаленной командировке, завел любовницу. Су Хуэй вышла на парче стихи-палиндром, посвященные мужу. Растроганный супруг вернулся к жене.

Предания об окаменевшей жене, ожидавшей мужа, примыкают к рассказам о вьетнамских богинях, управлявших бурями и дождем.

В «Географических записках» зафиксированы предания, связанные с водной стихией. Так, сообщалось, что в Тхандау были рыбы, похожие на людей. О том, что в древние времена имелись напоминающие людей рыбы, повествует вьетнамский сборник XV в. «Описание удивительного земель, расположенных к югу от гор» (Линь нам чить куай). Существа, похожие одновременно на рыб и людей, неоднократно упоминаются в китайской культуре.

Нгуен Чай сообщает, что некогда в Айлао была женщина по имени Са-Дай. Она ловила рыбу в реке, натолкнулась на затонувшее дерево и от этого забеременела. Родился мальчик. Затонувшее дерево превратилось в дракона, он вышел из воды и облизал спину мальчика. В Китае и во Вьетнаме получили широкое распространение предания о рождении женщиной водного божества после того, как во время купания вокруг нее обвилась змея или же на нее натолкнулся кусок дерева. По мнению Я. В. Чеснова, кусок дерева, оказавшийся драконом, является реминисценцией образа мирового дерева, в котором живут и которое могут представлять змееобразные существа¹.

В «Географических записках» отмечено, что в реке Фандинь были три стаи львов, живших в воде. Если они били хвостами, вздымались огромные волны. Когда Ли Тхьонг Киет (XI в.) отправился сражаться с Тямпой, войска достигли места, где жили львы, и не могли плыть дальше. Львам присвоили почетный титул. Когда объявляли указ, они показались на поверхности реки и стали слушать. После этого судна могли двигаться по реке, не встречая препятствий.

«Географические записки» Нгуен Чаю, содержащие ценные материалы, представляют большой интерес для исследователей.

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

История Первой индокитайской войны через призму судьбы воина интернационалиста Костаса Сарангидиса (Nguyễn Văn Lập)

В 2015 г. в юбилейных торжествах по случаю 40-летия освобождения Южного Вьетнама принимал участие крупный седой мужчина европейской наружности с большими усами. В принципе ничего удивительного в этом бы не было, если бы свободное владение вьетнамским языком и не форма полковника Вьетнамской народной армии с боевыми орденами и медалями.

Мое выступление на вьетнамском языке на одной из секций его также заинтересовало, в перерыве мы познакомились и с тех пор поддерживаем отно-

¹ Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976. С. 194.

шения при помощи современных средств связи, которые мой новый знакомый, несмотря на почтенный возраст, умело использует.

Полковника Вьетнамской народной армии по-вьетнамски зовут Нгуен Ван Ляп (Nguyễn Văn Lập). Этот псевдоним он по вьетнамской традиции взял себе во время Первой Индокитайской войны. А при рождении в Греции в 1927 г. его назвали Костас Сарантидис (Κώστας Σαραντίδης / Kostas Sarantidis). Он до сих пор является единственным иностранцем, который был удостоен звания Героя Народных вооруженных сил (Anh hùng Lực lượng Vũ trang Nhân dân).

Во время Второй мировой войны он скрывался от немецко-фашистских войск, а после нее из-за отсутствия документов не удалось попасть на родину, и он примкнул к Французскому иностранному легиону.

В начале 1946 г. он в составе Иностранного легиона попал в Индокитай. Им обещали, что они будут принимать участие в мероприятиях по разоружению японских солдат, а на самом деле направили на войну против местного населения. С самого начала военных действий он понял несправедливый характер войны французских колонизаторов и перешел на сторону Вьет Миня. С 1946 по 1952 гг. он воевал против французов в качестве пулеметчика в Центральном Вьетнаме¹.

В 1953–1954 гг. в качестве начальника лагеря для военнопленных Костас Сарантидис проводил большую разъяснительную и воспитательную работу среди пленных, объясняя несправедливый характер войны. В 1954–1955 гг. он был переведен в Северный Вьетнам².

В 1965 г. он вернулся в Грецию, где выполнял большую работу по укреплению связей с Вьетнамом по линии коммунистических партий и правительств двух стран. В период Второй Индокитайской войны Костас Сарантидис собирал средства на помощь Вьетнаму и выступал со своими оценками международной политической и военной ситуации в Индокитае.

В настоящее время Костас Сарантидис с семьей проживает в Греции и поддерживает активные связи с Вьетнамом³.

Особенности его непростого жизненного пути описаны в состоящей из двух частей книге «Воин интернационалист армии Дяди Хо Костас Сарантидис — Нгуен Ван Ляп»⁴. В первой части представлены его собственные мемуары, а во второй — содержатся воспоминания о нем его друзей, знакомых

¹ Đặng Giang, NĐĐT- Sáng 30–8, tại Hà Nội, Bộ Quốc phòng đã tổ chức lễ trao tặng danh hiệu Anh hùng LLVTND cho đồng chí chiến sĩ quốc tế Kostas Sarantidis — Nguyễn Văn Lập. <https://nhandan.com.vn/tin-tuc-su-kien/chien-si-quoc-te-anh-hung-nguyen-van-lap-183261>.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Nguyễn Văn Lập, Võ Văn Minh, Lâm Quang Minh. Chiến sĩ quốc tế, bộ đội Cụ Hồ Kostas Sarantidis — Nguyễn Văn Lập. HN: NXB Quân đội nhân dân, 2014.

и однополчан. В этом важном источнике по истории Первой Индокитайской войны из первых рук представлена информация о войнах интернационалистах, воевавших на стороне ДРВ. Многие, как испанец Сантос Меринос (Nguyễn Văn Vi), погибли в боях с колонизаторами. Выжившие в той войне их европейские и вьетнамские товарищи поделились своими воспоминаниями, которые собраны на страницах этой книги. Особый интерес представляет первая часть «Почему я пошел за Вьетминем»/«Tại sao tôi theo Việt Minh». Здесь Костас Сарангидис подробно рассказывает о том, как жестокость колонизаторов в отношении мирного населения вынудила его перейти с оружием на сторону Вьетнамской народной армии.

Люттик Е. В. (НИИ Вьетнама Педагогического Университета Гуанси, Китай)

Новые материалы о распространении христианства во Вьетнаме и Японии в начальном периоде новой истории по материалам Зала мучеников в архивах Общества Иностраннных Миссий (Франция, Париж) и альбома «Мученичество: история христианства в Японии» (Япония, Токио)

История католичества на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии насчитывает более 360 лет. В 2021 г. католические общины продолжают существовать, а работа по распространению веры в таких странах, как Вьетнам, Камбоджа, Таиланд, Китай, Индия, Лаос, Япония и Корея ведется и в наши дни. Изучение истории стран региона через призму религиозных процессов и возможности принятия новых учений формирует представление о системе ценностей страны и ее устойчивости к внешнему влиянию.

Задача данного доклада ввести в российский научный оборот ранее не изученные материалы Зала мучеников¹ в архивах Общества Иностраннных Миссий (Франция, Париж) и альбома на японском языке «Мученичество: история христианства в Японии»². Выбор Вьетнама и Японии в контексте распространения католичества в регионе не случаен. Китай — ядро дальневосточной цивилизации, тогда как Вьетнам, Япония и Корея стояли обособленно. Несмотря на то, что эти страны имели разные национальные культуры, все они

¹ Salle des martyrs et expositions temporaires [Электронный ресурс] // URL: <https://missionsetrangeres.com/salledesmartyrs/#3> (Дата обращения: 25.01.2021)

² 西川, 孟殉教—日本キリシタン史 出版社: 主婦の友社, 1984 // Нисикава Такеси. Цзюнкё: Нихон Кириситан си. Токио: сюфу но ю:ся, 1984 // Нисикава Такеси. Мученичество: история христианства в Японии. Токио, 1984.

были объединены «общими корнями» — китайской иероглифической письменностью¹ и влиянием китайской цивилизации на традиционные культуры.

Позднее Вьетнам и Япония достаточно быстро восприняли новое религиозное учение — католичество, что позволяет говорить об успехе католических миссий в этих странах. Однако, начавшиеся гонения на католиков сначала в Японии (с 1587 г.), а затем во Вьетнаме (с 1644 г.) остановили рост католической общины. Важно отметить, что сложившаяся ситуация способствовала созданию института мучеников Азии, историографической культуры мученичества, которая включает в себя предметы материального наследия, художественные и литературные произведения.

После казни Андре Чунга² в Кохинхине, по инициативе Александра де Рода в 1658 г. было создано Общество Иностранных Миссий (фр. Missions Etrangères de Paris) для распространения католичества в странах Азии. Общество работает в наши дни. Сейчас в ОИМ числится 180 священников, 15 семинаристов и 150 волонтеров, ежегодно отправляющихся в страны региона³. Материалы по истории распространения веры в странах Азии хранятся в архивах Общества Иностранных Миссий во Франции, в Париже на улице Дю Бак, 128. Куда 3 августа 1843 г. прибыл груз из далекой Кохинхины с останками Пьера Бори, обезглавленного в 1838 г.

В 1843 г. начался сбор атрибутов, связанных с институтом католических мучеников в странах Азии. На стендах экспозиции представлены одежды, в которых мученики принимали смерть — вьетнамские и китайские платья; их личные вещи — флейта, лорнет, трость; письма, написанные мучениками перед смертью. К каждому предмету приложено подробное описание и история. Кроме предметов повседневной жизни на выставке представлены картины, сделанные художниками-иезуитами XIX в.

Продолжением темы мученичества, но уже в другой стране, является альбом «Мученичество: история христианства в Японии», опубликованный в 1984 г. на японском языке в Токио. Автор Нисикава Такеси собрал в своей работе и описал основной материал, посвященный мучениками и христианству в Японии: картины, выполненные художниками-иезуитами; образы; украшения; японские распятия и иконы). Отдельного внимания заслуживают комментарии, фотографии памятника и мест, где были казнены 26 мучеников из Нагасаки (5 февраля 1597 г.). Важной особенностью работы является исследование феномена японского мученичества, влияния Европы. Автор предпринимает

¹ Новакова О. В. Крест и Дракон: у истоков вьетнамской католической церкви (XVI-XVII вв.). М., 2012. С. 10.

² Андре Чунг был причислен к лику блаженных 5 марта 2000 г. Папой Иоанном Павлом II.

³ Les MEP: 360 ans d'aventure, de foi et de service. [Электронный ресурс] // URL: <https://missionsetrangeres.com/une-breve-histoire-des-mep/> (Дата обращения: 25.01.2021)

попытку найти отличия японского католичества от европейского, исследовать социальный и политический контекст этого японского феномена.

Изучение истории распространения и столкновения католичества с местными религиями и культурами может помочь в изучении общих тенденций развития общества XVII–XVIII вв., специфики культур и социальной организации стран региона. Кроме того, через призму изучения проникновения католичества в регион, становится возможным выявить общие точки соприкосновения культур Запада и Востока.

Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва)

Белые страницы политики СССР и ДРВ после окончания вьетнамской войны

Политика СССР и ДРВ во время и после окончания вьетнамской войны 1965–1975 гг. подробно освещена в советской/российской и вьетнамской историографии, сложились устоявшиеся, проверенные на практике и подтвержденные документами оценки. Они, в частности, вошли в канонические издания типа Полной академической истории Вьетнама. В последние годы с обеих сторон предпринимаются попытки пересмотра или произвольной трактовки некоторых мотивов и действий вовлеченных в конфликт сил, в том числе СССР. В ряде случаев они носят характер прямой фальсификации истории, чему был посвящен наш доклад на предыдущей конференции в СПбГУ.

Вместе с тем, некоторые важные события и явления полностью и неоправданно преданы забвению, хотя дают серьезную аналитическую пищу для новых, неожиданных оценок политики СССР и ДРВ того периода.

Первая белая страница открывает несостоявшуюся историю учреждения посольства СССР в Сайгоне. Сомнений в реальности намерений советского правительства не могло быть — предложение поехать туда на работу мне сделал мой научный руководитель, в то время зам. министра иностранных дел М. С. Капица. Назначения, как и открытия посольства не произошло, так как уже через год состоялось объединение двух частей страны в одно государство и возникла СРВ. Означает ли данный казус, что в Москве не знали о намерениях лидеров КПВ или они за короткое время кардинально поменялись? Можно предположить первое, но тогда следует сделать вывод, что наша сторона не контролировала действия своих союзников, как и молниеносно проведенную крупномасштабную военную операцию по освобождению Юга весной 1975 г. Это лишний раз развенчивает широко распространенный в западной историографии миф о действиях Ханоя по указке СССР.

Вторая белая страница скрывает связанную с этими событиями историю объединения Вьетнама, а точнее политического «урегулирования» на Юге. Известно, что в этой части страны к концу войны оформилась так называемая «третья сила», которая по Парижскому соглашению 1973 г. должна была участвовать в процессе примирения воевавших сторон и выборах органов власти Республики Южный Вьетнам (РЮВ). Однако эти политические факты ни тогда, ни сегодня официальная вьетнамская историография не упоминает. Это значит, что многочисленная прослойка городских оппозиционеров, настроенных антикоммунистически и, скорее всего проамерикански, просто физически не была допущена к власти. А ведь они представляли довольно влиятельные на Юге партии и организации, религиозные конфессии, опирались на массовые слои населения. Скорее всего, большинство из них эмигрировало после 1975 г. в США и другие страны. Значит, на фактическое примирение КПВ пойти не захотела, видимо, опасаясь последствий.

Еще более удивительна судьба другой, реальной военно-политической силы, которая составляла основу Национального фронта освобождения и с 1969 г. была представлена во Временном революционном правительстве РЮВ. Оно было расформировано через год после окончания войны, приняв участие в подготовке и проведении общенациональных объединительных выборов. Однако в новые высшие органы власти СРВ были допущены лишь отдельные, наиболее известные в мире деятели НФО-ВРП. Ни одна общественная или политическая организация, образовавшая НФО и стоявшая на прокоммунистических позициях, после объединения страны не сохранилась. Показательно, что сторонники этих движений не были приняты и в ряды Демократической и Социалистической партий, выживших в ДРВ с 1950-х гг., но распущенных в конце 1980-х гг. Такой вот политический плюрализм в исполнении КПВ, и не случайно, что именно этот конек советской перестройки был решительно отвергнут Ханоем во времена Горбачева. С советской стороны никаких вопросов друзьям адресовано не было, поскольку нашего мнения, видимо и не спрашивали, о чем говорит и первая раскрытая нами страница.

Москалев П. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в.

Середина XIX в. стала во многих отношениях переломным периодом в истории развития большинства государств Юго-Восточной Азии. Сиам в последнее десятилетие правления короля Рамы III Нангклао (1824–1851) и в правление его преемника — короля Рамы IV Монгкута (1851–1868) во

многим невольно оказался втянут в сложную дипломатическую игру с представителями европейских государств. Это, в свою очередь, ускорило процесс проведения реформ в стране, направленных на усиление ее конкурентоспособности на международной арене. Камбоджа в период правления короля Анг Дуонга (1845–1860) после многолетней борьбы между Сиамом и Вьетнамом за верховную власть над ней оказалась в положении совместного протектората этих двух государств и, тем не менее, в ней тоже были предприняты попытки проведения масштабных реформ, направленных на укрепление суверенитета.

Взаимоотношения Сиам и Камбоджи в середине XIX в., заключавшиеся, в первую очередь, в очень тесных контактах непосредственно между монархами, являлись чрезвычайно важными для обоих государств. Кроме того, Сиам вел активную торговлю с Камбоджей. Сиамские купцы ввозили туда китайские, индийские и европейские ткани, сиамское железо, а вывозили оттуда, прежде всего с целью реэкспорта, камедь, кардамон, слоновую кость, кожи и рога животных, сушеное оленьё мясо и соленую рыбу.

Король Анг Дуонг вынужденно уехал из Камбоджи в возрасте 16 лет и 27 лет прожил в Бангкоке, прежде чем вернуться на родину и взойти на престол уже в зрелом возрасте. Долгие годы, проведенные им в окружении сиамских аристократов, однако не сделали его покорной марионеткой в руках сиамцев. Напротив, история показывает, что именно в свою бытность в Сиаме

Анг Дуонг сумел подготовиться к ведению вполне самостоятельной политики, направленной на отстаивание интересов кхмерского народа и на развитие кхмерской культуры. Помимо того, что он разработал проект реформы старого кхмерского законодательства, он также стал автором нескольких литературных произведений, снискавших впоследствии большую популярность.

В 1859 г. Анг Дуонг, воспользовавшись французской агрессией во Вьетнаме и падением 17 февраля Сайгона, попытался присоединить к Камбодже Кохинхину, но его смерть в октябре 1860 г. сорвала эти планы. На трон в Камбодже взошел его старший сын Нородом, также, как и отец, получивший образование в Бангкоке. В 1861 г. против него был организован мятеж, и он был вынужден бежать в Сиам, однако Рама IV Монгкут сумел вернуть Нородому камбоджийский трон и за счет этого еще более привязал Камбоджу к Сиаму.

Соколов А. А. (Институт востоковедения РАН, Москва)

Вьетнам в творчестве русских и советских художников

Возможно, первым, кто запечатлел Вьетнам в русском изобразительном искусстве, был живописец и график Александр Евгеньевич Яковлев (1887–1938). Он родился в Санкт-Петербурге, учился в Академии художеств, участво-

вал в деятельности знаменитого художественного общества «Мир искусства». Как стипендиат Академии художеств Яковлев побывал в двух творческих командировках: в Италии (1914–1915) и на Дальнем Востоке — в Китае, Монголии и Японии (1918–1919).

С 1919 г. А. Е. Яковлев стал постоянно жить в Париже, познакомился с известным автомобильным магнатом Андре Ситроеном, который пригласил его участвовать в экспедициях его автомобильной фирмы по Африке (1924–1925) и по Азии (1931–1932).

В азиатский маршрут вошел и Вьетнам (тогда Индокитай), конкретно такие города: Хайфон, Ханой, Винь, Хюэ, Туран (Дананг) и Сайгон. Александр Яковлев побывал в многочисленных деревнях, встречавшихся по пути следования экспедиции — эти образы вьетнамской жизни и обычаев были запечатлены художником в различных набросках и этюдах. Собственно индокитайские сюжеты известны по таким работам, как «Концерт в Хюэ», «Портрет мужчины из Каобанга», которые ныне хранятся в частных коллекциях.

В советский период многие художники нашей многонациональной страны побывали в творческих командировках во Вьетнаме. Первым в эту страну в 1957 г. отправился график и живописец Н. А. Пономарев, создавший графическую серию «Северный Вьетнам».

В 1960–1962 гг. известный художник Алексей Петрович Кузнецов в Ханойском художественном институте. За эти два года им было написано более семидесяти живописных полотен и сделано большое количество рисунков, которые характеризуют А. П. Кузнецова как замечательного мастера портретной и пейзажной живописи. Они демонстрировались на персональных выставках в Ханое (1960–1962), а затем в 1963 г. в Ленинграде. Часть работ осталась в музеях Ханоя во Вьетнаме. Правительство ДРВ наградило художника медалью «Дружба», он получил звание профессора Ханойской академии художеств, его творчество признано одним из важных культурных достояний Вьетнама.

По направлению Министерства культуры СССР В. Н. Зачиняев, художник студии «Ленфильм», в 1960–1963 гг. работал в Ханое в только что созданной Киношколе — готовил художников для молодой национальной кинематографии. Он много ездил по этой стране, делал зарисовки и эскизы для будущих работ. Вернувшись на родину, выпустил альбом-книгу «В свободном Вьетнаме» (1968).

В 1967 г. во Вьетнаме побывал художник Илья Глазунов, результатом его поездки стал альбом «Сражающийся Вьетнам».

Особая вьетнамская страница в советском изобразительном искусстве связана с именами двух художников-баталистов из Студии военных художников имени М. Б. Грекова — М. И. Самсонова и В. И. Переяславца, которые в 1966 г. провели два месяца в сражающемся Вьетнаме. После этой поездки они выпустили книгу-альбом «Героический Вьетнам борется!» (1968), в которую вошли наиболее значимые их работы.

В постсоветский период творческие поездки российских художников во Вьетнам осуществлялись по линии общественных организаций или в частном порядке. Наибольшую известность получили члены Сообщества художников «Солнечный квадрат», которые провели свои выставки и арт-фестивали в Ханое и Хошимине.

Соколовский А. Я. (ДВФУ, Владивосток)

Существовало ли во Вьетнаме доисторическое письмо?

Письменность во Вьетнаме имеет длительную историю. Она была представлена несколькими видами, или типами: иероглифическим ханван, иероглифическим тьном и современным звукобуквенным тьи куок нгы.

До недавнего времени считалось, что до покорения вьетов Северным соседом у них не было своей письменности. А та письменность, которой они пользовались, была китайским иероглифическим письмом ханван. Однако в последние десятилетия появляются исследования, в которых говорится о том, что еще в период королей Хунгов, задолго до захвата государства Ванланг армией первой китайской династии Цинь (III в до н.э.), у лаквьетов и аувьетов была своя система письма (Проф. Ха Ван Тан. Система письма во времена королей Хунгов). Нужно сказать, что еще значительно раньше были найдены артефакты, которые подтверждали подобное мнение.

Так, в 1979 г. экспедиция во главе с шведским археологом О. Джансоном обнаружила предметы, относящиеся к периоду донгшонской культуры (сейчас они находятся в музее Гиме в Париже). Одним из этих предметов является соха, изготовленная в форме крыла бабочки, что было характерно для прибрежного района реки Ма (современная провинция Тханьхоа). По обеим сторонам рукоятки этой сохи было выгравировано два символа. Поскольку они не были симметричными, поэтому это дало основание полагать, что это были не декоративные узоры, а скорее всего письмо. Имеется еще важный артефакт, хранящийся в Музее истории в Ханое. В числе медных предметов древнего периода имеется копье, на рукоятке которого также выгравировано несколько символов. Это оружие тоже было найдено в районе реки Ма. Пять символов на рукоятке копья разные и поэтому тоже не могут считаться просто узорами, а скорее всего письменными знаками. По мнению профессора Ха Ван Тана эта письменность может принадлежать только людям государства Лаквьет, предшественникам донгшонской культуры.

Другой вьетнамский ученый До Ван Суен также исследовал данную проблему и издал в 2013 г. книгу «Путешествие в поисках древней вьетнамской письменности» (Do Van Xuyen. Cuoc hanh trinh di tim chu Viet co. Hanoi, 2013).

Он также считает, что во времена королей Хунгов в государстве Ванланг существовало звукобуквенное письмо, которое записывало слова способом звукоподражания, так называемая камнепись.

И еще нельзя не сказать об открытии древнего письма, которое сделал В. В. Голубев (12.02.1878 — 19.04.1945 гг.) — русско-французский ученый-востоковед, археолог и историк искусства Южной и Юго-Восточной Азии. Будучи научным сотрудником Французской Школы Дальнего Востока, он обнаружил в 1925 г. в горной местности Шапа (Sa Pa), провинция Лаокай древние каменные валуны, испещренные знаками, которые часто повторяются, что также дает основание считать эти знаки письмом. Они, однако, до сих пор не дешифрованы.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, можно утверждать, что вопрос о существовании в доисторические времена письменности у древних вьетнамцев, прочно обосновался в умах вьетнамских ученых. Об этом также может свидетельствовать факт проведения нескольких конференций, посвященных времени королей Хунгов, на которых обсуждался вопрос о древней вьетнамской письменности. Эти конференции состоялись в конце 1990-х, начале 2000-х гг. на историческом факультете Ханойского государственного университета.

Сложно сказать, как бы развивалось это древнее письмо во Вьетнаме (если оно действительно было письмом), и по какому типу (буквенному, слоговому или иероглифическому) оно пошло, если бы древний Вьетнам не оказался в течение длительного времени (почти 1000 лет) в политической зависимости от своего Северного соседа. Однако так как это произошло, то китайское письмо ханван вплоть до конца XIX в. выступало во Вьетнаме, а также в Корее и Японии в такой же функции, как и латынь в Европе.

Яковлева Е. А. (МГИМО, Москва)

Воспоминания принца Мангкры Суваннафумы как образец лаосской эмигрантской мемуарной литературы

Мангкра Суваннафума — сын самого известного премьер-министра королевского Лаоса, принца Суваннафумы, — в 1956–75 гг. приложившего немало усилий для прекращения гражданской войны и утверждения Лаоса на международной арене как мирного и нейтрального государства (именно при нем 60 лет назад, в 1960 г. между Вьетньюмом и Москвой были установлены дипломатические отношения). Представляемая нами книга вышла в свет в Париже десять лет назад. Однако в отечественной академической лаосистике она не

фигурирует. Мемуары носят «зловещее» название: «Лаос. Автопсия убиенной монархии»¹. Автор, убежденный монархист, воспринял провозглашение республики в Лаосе и свою вынужденную эмиграцию в 1976 г. как глубокую личную трагедию. В соответствии с присягой он служил королевскому правительству в качестве военного летчика, а затем работал личным секретарем своего отца. Именно будучи ближайшим доверенным лицом премьер-министра, автор и стал свидетелем и участником судьбоносных событий первой половины 70-х гг. XX в. в Лаосе.

Мемуары написаны в свободной манере: автор поставил в центр своего произведения жизнь и деятельность отца, а другие исторические события, персонажи и факты как бы втягиваются в повествование в связи с теми или иными шагами премьер-министра. Приняв во внимание нескрываемую неприязнь Мангкры Суваннафумы к установившемуся режиму Лаосской Народно-Демократической Республики, который автор считает исключительно продуктом вьетнамского идеологического и военно-политического нажима, а также его в целом очень субъективные и идеализированные представления о лаосском народе, читатель тем не менее получает порой совершенно уникальную информацию о важнейших событиях и виднейших деятелях постколониального Лаоса. Многие приводимые автором факты согласуются с другими источниками, дополняя и уточняя их. Это дает нам право, несмотря на вышеуказанные особенности, считать книгу Мангкры Суваннафумы достойным научного интереса источником по истории Лаоса XX в.

Она раскрывает перед нами личные и деловые взаимоотношения трех братьев: принцев Пхетсалата, Суваннафумы и Суфанувонга, которые, соблюдая традиции лаосской патриархальной семьи, несмотря на разные идейно-политические позиции, удивительным образом сохранили в горниле гражданской войны теплые и доброжелательные связи друг с другом, что в немалой степени влияло на их, пусть временные, но яркие успехи в борьбе за лаосское национальное единство.

Из книги мы также узнаем важнейшие подробности поведения крупных зарубежных государственно-политических руководителей и дипломатов, так или иначе связанных со сложной ситуацией первой половины 1970-х гг. в Лаосе. Мангкра Суваннафума представляет в своей книге Лаос как многонациональную страну (что в целом не типично для «элитарных» лаосских авторов), раскрывая степень вовлеченности нацменьшинств в военно-политический процесс и добавляя новые штрихи к политическим портретам руководителей хмонгов(мео) и мон-кхмеров. Трудно переоценить информацию автора о положении в лаосской диаспоре, в массе своей сформировавшейся именно

¹ Prince Mangkra Souvannaphouma. Laos. Autopsie d'une monarchie assassinee. P.: L'Harmattan, 2010.

после 1975г., о созданных ею организованных структур, направленных против существующего в ЛНДР строя.

В Приложении мы находим уникальные фотографии из архива автора. Рассматриваемые мемуары, несмотря на упомянутую глубокую ангажированность автора, заставляют читателя вспомнить и о немалых ошибках и просчетах руководства ранней ЛНДР, которые неизбежно пришлось в срочном порядке исправлять. Прежде всего, это касается грубых заблуждений в области аграрной политики.

СЕКЦИЯ VIII • SECTION VIII
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF INDIA

Аликберов Э. Ш. (КФУ, Казань), Аликберова А. Р. (КФУ, Казань)

**Историографический обзор
индийско-китайских отношений**

Индийско-китайские отношения в последние годы являются объектом пристального внимания российских и зарубежных исследователей. Трансформация геополитической и международной экономической системы дает возможность вводить в научный оборот новые источники, исследовать исторические сюжеты в новом ракурсе, иначе трактовать исторические процессы. С учетом этих обстоятельств для нас представляет определенный интерес не только российская историография, но и зарубежная. Научные исследования по заявленной проблематике, в первую очередь индийские и китайские, можно условно разделить на несколько блоков: работы, посвященные индийско-китайским отношениям в политической, экономической и гуманитарной сферах.

Историографический анализ научно-исследовательской литературы представляется уместным начинать с 1950 г., с момента установления официальных отношений между Республикой Индия и Китайской Народной Республикой.

В индийской историографии индийско-китайских отношений 1950-х — начала 1960-х гг. ключевую роль играют исследования К. Менона, К. Панникара, Р. Сангави и К. Рао. В дальнейшем на протяжении 20 лет внимание индийских ученых было сконцентрировано на изучении индийско-китайского

территориального вопроса и пограничной войны 1962 г. Необходимо отметить работу И. К. Гуджрала (бывший министр иностранных дел), в которой автор проводит комплексное исследование внешней политики своей страны, в том числе уделяет пристальное внимание отношениям с КНР. Значительное число современных исследований индийско-китайских отношений посвящены всестороннему изучению политики Китая в отношении Индии, а также двусторонним отношениям этих стран; большинство из них было подготовлено индийским Институтом изучения Китая.

Исследования китайско-индийских отношений в Китае начались только с 80-х гг. XX в., так как данная проблема в КНР долгое время представляли собой закрытую тему. Часть работ, посвященных отношениям двух стран, были написаны китайскими дипломатами, работавших в Индии в разное время. Исследования китайских ученых можно разделить на три основных блока: 1) политика Китая в отношении Индии; 2) политика Индии в отношении Китая и стран Южной Азии; 3) изучение межгосударственных отношений Китая и Индии, ключевые проблемы и их взаимоотношения с другими странами. Современная китайская историография по вопросу китайско-индийских отношений больше положительная, выделяются формулировки «сотрудничество», «партнерство», «стратегическое партнерство», но ученые выделяют и ключевые проблемы в сфере экономического сотрудничества, не решенные пограничные вопросы, проблемы безопасности региона, а также низкий уровень гуманитарного сотрудничества.

В западной историографии пристальное внимание эти двум странам было уделено после событий 1962 г., появилось большое число статей и монографий об их пограничном споре. В первые годы после инцидента большинство западных авторов, как и их индийские коллеги, склонялись к выводу о том, что инициатором пограничного конфликта 1962 г. стал Китай. На современном этапе зарубежными учеными издаются монографии и аналитические записки, посвященные комплексному анализу китайско-индийских отношений. Благодаря активному участию в международных процессах и растущей роли в регионе Республика Индия и Китайская Народная Республика становятся предметом более детального и глубокого изучения учеными всего мира.

Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Лудхианская протестантская миссия в 1840–1850-х гг.: обращение к вернакулярам

Деятельность христианских миссионеров в Панджабе/Пятиречь на северо-западе южноазиатского субконтинента началась в 1830-х гг. В 1834 г. на восточном, подконтрольном англичанам берегу р. Сатледж появилась первая

миссия, основанная американскими протестантами. Основные направления деятельности Джона Лоури, Джеймса Уилсона, Джона Ньютона и других «первооткрывателей» Панджаба включали проповедь Евангелия; организацию школ и руководство учебным процессом в них; и подготовку (включая перевод на местные языки), печать и распространение книг — прежде всего, Библии.

Миссионеры уделяли первостепенное внимание изучению языка панджаби и самого региона в целом. Потребность в этом стала расти после смерти правителя Панджаба Ранджита Сингха (1780–1839), когда переход подвластной ему территории (к западу от Сатледжа) под контроль англичан стал лишь вопросом времени. После аннексии Панджаба в 1849 г. из лудхинской типографии вышли две знаковые публикации — «Географическое описание Панджаба» (1850)¹ и обстоятельная «Грамматика языка панджаби» (1851)², а в 1854 г. была завершена 12-летняя работа Дж. Ньютона и Л. Жанвье над 438-страничным панджабско-английским словарем³. Эти издания создали хорошую базу для освоения панджаби вновь прибывшими миссионерами.

«Географическое описание Панджаба» должно было «способствовать изучению языка теми, кто стремится изучить панджабский диалект; поскольку стиль [книги] вполне простой, ее вполне можно рекомендовать для данной цели»⁴. Публикация было частью *Таварих-и-панджаб* / «Истории Панджаба» (1848) авторства Гхулама Мухеуд-дина Лудхианви / Буте-Шаха — *муниши* на службе у британского политического агента Джорджа Расселла Кларка.

Таварих-и-панджаб состояла из пяти *дафтаров* (глав), введения и заключения. На панджаби было переведено лишь введение; его сделал *муниши* Бахлол, живший в Лудхиане. В тексте представлен обзор географических реалий и главных городов Пятиречья: Буте-Шах кратко описал Инд и пять его притоков — основу панджабской «системы координат», а далее привел характеристику основных районов, сгруппировав их по двуречьям-доабам.

Миссионеры отмечали, что тогда «не было другой книги, которая столь точно представляла бы язык этой страны, т.е. тот, на котором говорят высшие слои общества — в случае, когда они не используют иностранные слова <...> Орфография книг на панджаби заметно различается, что является следствием неокультурности языка. В этой книге переводчик привел написание слов в максимальное соответствие тому, что он считал наиболее правильным произ-

¹ Geographical Description of the Punjab, in Punjabi. Translated from the Persian of Bute Shah by Munshi Bahlol. Lodiana: American Presbyterian Mission Press, 1850.

² Newton J. A Grammar of the Panjabi Language. Lodiana: American Presbyterian Mission Press, 1851.

³ Dictionary of the Panjabi Language, Prepared by a Committee of the Lodiana Mission. Lodiana: Lodiana Mission Press, 1854.

⁴ Здесь и далее ссылки даны по Geographical Description of the Punjab. Op. cit., pp. iii-iv.

ношением». Редакторы «Географического описания» оговаривали, что в авторском тексте есть некоторые смысловые недочеты, поскольку «пристрастное отношение [автора] к своей стране, относительная неграмотность в отношении остального мира, а также сила восточного воображения иногда приводили его к приукрашиванию как оценок, так и фактов». Впрочем, недочеты («следы предрассудков») они объясняли тем, что «автор не имел возможности получить христианское образование».

Анализ литературы, подготовленной и опубликованной Лудхианской миссией на начальном этапе ее деятельности, показывает уровень профессионализма, с которым американские пресвитериане подходили к изданию книг на вернакулярах. В целом миссионерская деятельность способствовала популяризации и стандартизации языков Северо-Западной Индии.

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в.

«Путешествие мессера Чезаре де Федеричи в Восточную Индию и по ту сторону Индии» (1587) — одно из немногочисленных ярких описаний Южной и Юго-Восточной Азии, составленных во второй половине XVI в. европейцем, не являвшимся подданным португальской короны. Автор этого отчета, купец из Венецианской республики, восемнадцать лет (1563–1581) провел в торговых поездках по Ближнему Востоку, Индии и Юго-Восточной Азии, от османской Сирии до португальской Малакки. Большой интерес представляет рассказ купца о Гуджаратском султанате («Камбейском королевстве»), который включает описание Камбея и историческую справку о недавнем прошлом державы, что в тексте отчета встречалось лишь в случае наиболее развернутых описаний азиатских государств. Последние годы существования Гуджаратского султаната пришлось на время странствий Федеричи. Имена государей Федеричи приводил крайне редко, в большинстве случаев лишь указывая их титул — воображаемый титул (европейский титул, применяемым к неевропейским правителям) или искаженный мусульманский. Наиболее стандартным из титулов правителей, используемым в отчете путешественника, был титул короля, и именно королями Федеричи величал гуджаратского султана и могольского падишаха.

Описание Гуджарата, куда купец попал в начале своего пути по городам Индии, в его отчете следовало за рассказом о португальском Диу:

«Королевский город Камбайи именуется Амадауар (Amadauar, Ахмадабад), и от него один день с половиной пути до Камбайетты (Cambaietta, Камбей),

это огромный и густонаселенный город. Для города язычников он очень добротен построен: с красивыми домами, улицами и широкими площадями с множеством ремесленных лавок. Также он напоминает Каир, но не столь велик. Камбайетта расположена на море, это очень красивый город, который я застал в пору бедствия и голода. И я видел отцов и матерей из язычников, которые шли к португальцам, умоляя тех купить их сыновей и дочерей. И тех продавали по шесть, восемь или десять *ларин*ов за одного ребенка, а один ларин, если переводить на наши деньги, может соответствовать примерно одному [венецианскому серебряному] мочениго»¹.

Венецианец перечислил товары, привозимые в порт Камбея: пряности, китайский шелк, сандал, слоновьи бивни, разнообразные ткани, драгоценные камни и многие другие предметы со всей Азии. Купец также отмечал обилие в Камбее опиума.

Недавняя история султаната также нашла отражение в отчете купца. Он бегло сообщил об убийстве султана Бахадур-шаха (Sultan Badu), не называя прямо обстоятельств его смерти. Бахадур-шах (1526–1535 и 1536–1537) в действительности был убит, попав в западню на переговорах с португальцами. Согласно отчету купца, после гибели у Диу последнего легитимного султана страна погрузилась в смуту: «В целом, Камбейское королевство — место великой торговли и ведения дел со всем миром <...>. Поскольку шестьдесят пять лет назад во время похода на Диу был убит его истинный король языческий (vero Re Gentile) по имени Султан Баду, четверо или пятеро его капитанов поделили королевство между собой, и каждый тиранствовал в своей части. Но двенадцать лет назад Великий Могол, мавританский король Агры и Дели (il gran Magol Re Moro d' Agra e del Deli), что в сорока днях пути от Амадауара, захватил все Камбейское королевство без какого-либо сопротивления»². В 1573 г. Гуджарат вошел в состав державы Великих Моголов. Завоевание Гуджарата отражено в отчете через изменение воображаемого титула падишаха: когда речь шла о последующем завоевании Моголами Бенгалии, Акбар уже именовался «Великим Моголом, королем Агры, Дели и всей Камбайи» (grande Magol Re d' Agra, del Deli, e tutta Cambaia).

В целом, Федеричи видел в «Камбейском королевстве» одно из богатейших государств Индии, главный порт которого даже в пору смуты и голода оставался важным центром торговли и ремесла; также купец довольно точно описал ситуацию распада султаната.

¹ Federici Cesare. Viaggio di M. Cesare dei Federici, nell'India orientale & oltra l'India: nelquale si contengo no cose dilettenoli dei riti, & de i costami di quei paesi. Venezia, 1587. P. 16.

² Ibid. P. 22–23.

Демичев К. А. (Нижегородский институт управления, Н. Новгород)
**Текст в контексте: образ идеального сикхского правителя
в кодексе Прем Сумараг в позднесредневековых
панджабских реалиях**

Смерть десятого сикхского гуру Гобинда Сингха в 1708 г. знаменовала наступление кризиса традиционной концепции власти правителя в сикхизме, которая была выстроена вокруг личности гуру, как носителя высшей духовной власти — пири (pīṛī) и высшей светской, военной власти — мири (mīṛī). Формальная передача духовной власти священному писанию сикхов Ади Грантх, как «вечному гуру», а светской — всей милитаризованной общине Халсе, не решало вопроса о светском лидере сикхов.

В условиях полномасштабной войны, а затем преследований, геноцида и перехода к ведению партизанской войны, сикхи выработали новые представления об идеальном государственном устройстве и образе правителя, которому приписывались черты, качества, свойства и функционал, представлявшиеся наиболее важными в новой исторической обстановке. Такой подход нашел свое выражение в своеобразном кодексе поведения сикха и одновременно правилах устройства сикхской общины Прем Сумараг («Путь любви»), который был создан в первой трети XVIII в.

Прем Сумараг содержит в себе подробное описание модели поведения правителя в вопросе осуществления власти. Проблемам политического управления в трактате отведена целая глава. Чаще всего правитель именуется в Прем Сумараг как раджа, хотя используются и такие понятия, как махараджа и даже падишах. Главной обязанностью правителя является обеспечение счастья народа. Получив информацию о своих подданных, махараджа должен сделать так, чтобы никто из них не ложился спать нагим или голодным. Священным долгом правителя, согласно Прем Сумараг, является справедливость, которая связывается с осуществлением правосудия. Махарадже следует быть беспристрастным, он не должен жалеть ни близкого родственника, ни визиря, ни любого другого чиновника, если тот совершил преступление. Провозглашается, что: «Воздаяние должно соответствовать преступлению и никто не должен быть над законом».

Интересным образом разрешается в Прем Сумараг и вопрос применимости справедливости по отношению к самому правителю. Очевидно, что сам махараджа является источником правосудия и едва ли может распространить его на самого себя, также, как и на своих подданных. В этом отношении он стоит над судом, поскольку сам его и осуществляет. Однако, это вовсе не означает, что действие справедливости на него не распространяется. Правитель добровольно ограничивает свою власть, подчиняясь принципу справедливости, что находит свое выражение в том, что он отказывается попираť права других или

дозволять кому-либо делать это. Также он воздерживается от нанесения вреда тем, кто находится под его властью, и не дает возможности другим наносить такой вред.

Власть сикхского правителя институциализируется как власть абсолютного характера. При этом она принадлежит светскому владыке, не обладающему высшими духовными полномочиями. Правитель замыкает на себе все сферы управления, делегируя при этом часть полномочий представителям бюрократического аппарата, которые на высшем уровне формируются им лично. Передача полномочий не означала умаления власти правителя, т. к. за ним оставалось право принятия окончательных решений, а также контрольная функция, осуществлявшаяся за счет разветвленного аппарата секретных агентов и доносчиков на местах. Несмотря на абсолютный характер власти, правитель, в духе сикхской традиции, является и, своего рода, «службой» сикхской общины, поскольку его главной задачей является обеспечение счастья народа.

Учение об образе идеального правителя оказалось практически востребованным в позднесредневековых реалиях, поскольку на долю сикхской общины в это время выпали серьезные испытания, поставившие на повестку дня вопрос о физической выживаемости сообщества как такового. Непрерывная война с Моголами, а затем с персидскими и афганскими захватчиками, не позволили сформировать в XVIII в. централизованного государства, где идеальный правитель мог бы реализовать власть. Однако в XIX в. данный концепт оказался востребован уже в новых исторических условиях, когда началось не просто стремительное строительство единого сикхского государства, но и не менее стремительное его перерождение в региональную империю полиэтнического характера, объединившей под своей властью представителей совершенно различных религий. Показательно, что создатель сикхского государства махараджа Ранджит Сингх (1799–1839) использовал в своей идеологии управления концепт «служения», а систему контроля базировал на разветвленной сети доносчиков и соглядатаев.

Дорохова И. А. (ПетрГУ, Петрозаводск)

**Город Дели в 1947–1948 гг.
глазами русского архимандрита Андроника**

Архимандрит Андроник (Андрей Яковлевич Елпидинский. 1894–1959 гг.) провел в Индии восемнадцать лет. Родился он в 1894 г. в Петрозаводске. Окончив Олонецкую духовную семинарию, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, но был призван в армию. После 1917 г. эмигрировал

в Финляндию, затем перебрался в Германию и Францию. В Париже в 1923 г. он принял монашество и организовал приход для русских эмигрантов.

В 1931 г. иеромонах (с 1937 г. — архимандрит) Андроник прибыл в Индию как миссионер и провел здесь 18 лет. Пятнадцать лет он находился на юге Индии в Траванкоре (часть современной Кералы), а около двух лет провел в Дели. Это были годы накануне и сразу после провозглашения независимости страны, и архимандрит Андроник стал свидетелем этих событий. Он был в Дели в День провозглашения независимости страны и оставил «свои впечатления очевидца».

В феврале 1947 г. архимандрит Андроник был принят штатным лектором русского языка в Русский отдел Делийского университета, где в 1946 г. впервые в Индии ввели двухгодичный курс русского языка. Первым руководителем этого отделения был Владимир Анатольевич Шибает, многолетний сотрудник Н. К. Рериха. Русский язык изучали также студенты других факультетов, учебных заведений Дели, чиновники и люди разных профессий. Поэтому занятия проходили либо до 10 утра, либо вечером.

Общую ситуацию в Дели и на северо-западе страны архимандрит сначала называет гражданской межконфессиональной войной, а затем уточняет, что «это была не война, а грабеж и избиение большинством меньшинства»¹. С присутствием студентов на занятиях вечером были большие проблемы, так как они не могли на них попасть, как пишет архимандрит Андроник, «из-за беспорядков». Он упоминает об этом уже с момента приезда и подчеркивает, что после 15 августа они затронули районы около университета. Он отмечал, что студенты-мусульмане перестали посещать университет, как и некоторые преподаватели. Особенно беспокойно было вечером, когда «начинались крики, стрельба и пожары»². Видимо из прессы он почерпнул информацию о том, что происходило в Пакистане. Архимандрит и некоторые его коллеги по университету стали свидетелями последствий такой ситуации: убитые на улицах Дели, раненые полицейские и толпы беженцев, заполонившие город³.

Архимандрит Андроник отметил большую роль, которую сыграл Махатма Ганди в прекращении индусско-мусульманских столкновений. Однако, писал он, «приходилось слышать, как говорили, что надо убрать Ганди и потом хорошенько разделаться с магометанами»⁴. 30 января 1948 г. Ганди был убит и в день его кремации архимандрит Андроник ездил в город, который «был

¹ Архимандрит Андроник (Елпидинский). Восемнадцать лет в Индии. М., 2012. С. 329.

² Там же.

³ Там же. С.330.

⁴ Там же. С.331.

пуст, так как около миллиона человек пошло на сожжение Ганди»¹. Он приводит свое понимание учения Махатмы, особенно подчеркивая значение ненасильственных методов борьбы. На нескольких страницах архимандрит цитирует статью Ганди от 1920 г. «Доктрина меча» и считает, что «среди вождей первой половины XX века Ганди, безусловно, занимает совершенно особое место»².

У архимандрита Андроника возникли разногласия с руководителем русского отделения и в марте 1948 г. он уволился из Делийского университета. Бывая потом в Дели и других городах Индии, он констатировал, что уже в 1948 г. «вопрос с переселенцами в северо-западной части страны начал улаживаться, центральное правительство все крепче брало власть в свои руки»³. Последние десять лет жизни архимандрита прошли уже в США. Незадолго до смерти архимандрит Андроник написал воспоминания о годах, проведенных в Индии, где описал не только свою миссионерскую деятельность, но и сложную жизнь страны в переломные годы борьбы за независимость.

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)

Сперма в древнеиндийских источниках

Изучение мифов разных народов давно выявило роль семени в архаической космологии⁴. Древнеиндийский трактат «Камасутра» Ватсыяны представляет собой одно из наиболее известных сочинений древности о сексуальности и межличностных отношениях. Его название стало нарицательным. В то же время Индия считается родиной аскетизма и страной кастового строя, предписания которого носят ритуальный характер и определяют поведение людей на всех этапах жизни. Благочестивое поведение членов высших варн, в первую очередь брахманов и кшатриев, получило подробное освещение в сочинениях жанров дхармасутры и дхармашастры — изречений и наставлений в праведности. Наиболее известной дхармашастрой считается «Манусмрити», или «Манавадхармашастра» (букв. «Наставления Ману в дхарме»). Более распространенное ее название — «Законы Ману» (Laws of Manu). «Законы Ману» отражают идеальное с точки зрения брахманов общественное устройство. «Законы Ману» позволяют гораздо точнее реконструировать представления о мире, нежели сам мир. В них описываются правила поведения брахманов на четырех стадиях жизни: ученика, домохозяина, лесного и странствующего отшельника.

¹ Там же. С. 332.

² Архимандрит Андроник (Елпидинский). Восемнадцать лет в Индии... С. 332.

³ Там же. С. 350.

⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000, С. 196.

Каждой стадии предписывается определенное сексуальное поведение. Во время ученичества и отшельничества рекомендуется воздержание, а в бытность домохозяина — половые отношения для продления рода. Сперма жизненно необходима для зачатия, и ее важность признавалась уже в древнейшем памятнике индийской словесности — «Ригведе». В статье на основании филологического анализа реконструируется терминология «Законов Ману», «Камасутры», «Ригведы», «Атхарваведы», «Тайттирия-араньяки», упанишад, медицинских трактатов «Чарака-самхита» и «Сушрута-самхита», слова *retas*, *śukra*, *indriya*, *vīrya* и *bīja* в «Законах Ману» и *dhātu*, *vega* и *rasa* – в «Камасутре». Термин *retas* активно использовался в значении «сперма» еще в ведийскую эпоху. Несовпадение терминологии «Законов Ману» и «Камасутры» можно объяснить различными жанрами и читательскими аудиториями этих трактатов. В медицинских трактатах «Чарака-самхита» и «Сушрута-самхита» для обозначения спермы служат слова *śukra* и *bīja*, а в ряде случаев *indriya* и *retas*. В этих сочинениях отношение к сперме вполне нейтрально, в то время как в ритуальной литературе, в частности в «Законах Ману», оно двойственное: сперма считается как источником жизни, так и оскверняющей жидкостью человеческого организма.

Каримова Е. В. («ФинСофт ритейл», Новосибирск), Останин В. В. (АГАУ, АлтГУ, Барнаул), Суботялов М. А. (НГУ, НГПУ, Новосибирск)

«Упадешамрита» Рупы Госвами как средневековый источник по истории вишнуизма

Источники по истории индуизма невероятно обширны и дополняются на протяжении последующих поколений, образуя все новые ветви богатой литературной, религиозной и философской традиции. Знания, изложенные в этих источниках, имеют высокую значимость не только для последователей индуизма, но также интересны академической науке и искателям духовности большинства конфессий.

Исследовательской интерес российских и зарубежных ученых направлен как на вишнуизм в целом, так и одно из известных направлений индуизма, бенгальский вишнуизм¹. Наиболее целостный взгляд на эту область знаний изложен в монографии С. В. Ватмана «Бенгальский вайшнавизм»².

¹ Бенгальский вишнуизм (вайшнавизм) — религиозная традиция и одновременно религиозно-философская школа, представляющая собой направление вишнуизма, зародившееся в Бенгалии (восточная часть Индии).

² Ватман С. В. Бенгальский вайшнавизм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 403 с.

Средневековый трактат «Упадешамрита» написан Рупой Госвами (1489–1564), ярким представителем бенгальского вишнуизма. «Упадешамрита» состоит лишь из одиннадцати стихов, но даже при таком малом объеме заслуженно считается одним из классических текстов вишнуйской традиции¹, относящейся к одной из ведантических школ «ачингйа-бхеда-абхеды» (санскр.)². Подтверждением тому может служить обильная комментаторская традиция, продолжающаяся и поныне. В ее русле основными толкованиями могут считаться следующие труды: «Упадеша-пракашика-тика» Радхарамана даса Госвами (XVI в.) на санскрите, «Пийуша-варшини-вритти» Бхактивиноды Тхакура (1838–1914) на бенгали, «Ану-вритти» Бхактисиддханты Сарасвати (1974–1937) на бенгали³, «Nectar of Instructions» Бхактиведанты Свами Прабхупады (1896–1977) на английском языке⁴.

В результате анализа содержания данного трактата предложена авторская интерпретация связи стихов «Упадешамриты», исходя из различных гипотез. Согласно одной из них, последовательность стихов произведения обусловлена метафорой продвижения личности по пути духовного развития, от низшей ступени до высшей — достижения духовного совершенства. Этот подход характеризуется постепенностью и необходимостью дифференцировать религиозные практики для адептов различного уровня, и потому позволяет увидеть в тексте переход адепта от одного уровня квалификации к другому. Вторая гипотеза предполагает, что «Упадешамрита» предназначена для адепта, имеющего определенную квалификацию, и потому рассматривается как сжатое руководство по практике бхакти для учеников данного уровня. Таким образом, в зависимости от духовного «портрета» читателя преобразуется суть послания, вложенного в текст произведения.

По результатам анализа авторы рекомендуют рассматривать данный трактат в качестве источника по философии бенгальского вишнуизма, а также использовать его как учебное пособие по данной тематике, поскольку он не только формулирует в сжатой форме религиозно-философское кредо школы, но и является практическим руководством по его применению.

¹ Каримова Е. В., Останин В. В., Суботялов М. А. Феномен неявного цитирования в средневековом индийском трактате «Упадешамрита». Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. Выпуск 6. С. 175–183.

² Останин В. В. Антропология классической веданты: эволюция религиозно-философских идей. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. 140 с.

³ Śrī Śrī Upadeśāmṛtam, Śrī Śrīla Rūpa Gosvāmī Prabhu kṛtam, with Upadeśa-prakāśika Radharamana Gosvami; commentary Pṛyūṣa-varṣiṇī, bengali poetic arrangement and series of articles by Bhaktivinoda Thakura, Anuvṛti Bhaktisiddhanta Sarasvati Gosvami Prabhupada, Amṛtāvaśeṣaleśa Bhakti Prasada Puri Gosvami, ed. by Śrīmad Bhakti Pradīpa Tīrtha Gosvāmī Mahārāja. Published by Sundarānanda Vidyāvinoda, Gauḍīya Mission, 1942. (in Bengali).

⁴ Bhaktivedanta Swami Prabhupada A. C. The Nectar of Instruction. Los Angeles, California: Bhaktivedanta Book Trust, 1975. 130 p.

Котин И. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), Лемешкина К. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Трансформация сикхской идентичности в свете труда Х. С. Обероя «The Construction of Religious Boundaries»

Сикхизм — одна из относительно новых религий Индии, возникшая в XVI в. и прошедшая длительный процесс трансформации, так и не завершившейся до конца. В разные периоды развития сикхизма формировались разные образы сикха внутри общины и за ее пределами. При этом долгое время сикхская традиция была плюралистической, но в настоящее время мы наблюдаем со стороны некоторых сикхских авторитетов попытку конструирования сикхской идентичности, не предполагающий существование альтернативных моделей. Пионерскую работу по изучению этой попутки конструирования сикхской идентичности осуществил Х. С.Оберой в работе «The Construction of Religious Boundaries» (New Delhi: Oxford University Press: 1994).

Основоположник учения сикхов (учеников) гуру (вероучитель) Нанак (1469–1539). Нанак призывал к поклонению единому Богу, к любви и праведному поведению, как к пути к Богу. Противопоставляя этот путь к Богу традиционной храмовой службе (*нуджа*), молитве и религиозному знанию — монополии брахманов, Нанак проповедовал в духе религиозного течения *бхакти*. Несмотря на заявление о том, что его последователи — не мусульмане и не индусы, ни гуру Нанак, ни его последователи, 8 других гуру, до конца с индуизмом не порвали. Это сделал десятый гуру Гобинд Сингх, создавший в 1699 г. Хальсу — религиозное братство сикхов. С этого времени можно говорить о сикхах как об этноконфессиональной общности в составе этноса панджабцев.

Десятый и последний сикхский гуру Гобинд Сингх ввел для прошедших инициацию воинов-сикхов пять отличительных признаков, так называемые «пять «к»»: «*кеша*» (длинные нестриженные волосы), «*кангха*» (гребень для поддержания волос в чистоте), «*каччха*» (широкие штаны, отличающие одежду воина от накидки брахмана и дхоти крестьянина), «*кирпан*» (меч или кинжал), «*када*» (стальной браслет). Прошедшие инициацию сикхи стали носить прозвище «Сингх» (лев), их жены — «Каур», львица. Воины составили армию сикхов — хальсу. Позднее значительная часть сикхского социума (*мат халси*) стала требовать унификации внешнего вида мужчины, прошедшего инициацию, а также унификации воззрений сикхов на природы сикхизма и общины, на ее особый характер, на отличие сикхов от остальных индийцев, тем более от индусов. Плюралистическая структура веры сикхов в XIX в. позволила ее приверженцам относить себя к любой из следующих традиций: удаси, нирмала, хальса, нанак-

панти, Рам Рая, баба Гурдитта, баба Джавахир Сингха, гуру Бхаг Сингха, Ниханг, Калу Панти, Рам Даси, Ниранкари, Кука и Сарвариа. Многие из этих сикхов брили голову, некоторые курили табак, другие не особо заботились о сохранении пяти внешних символов веры. Можно было совершить паломничество как в Золотой Храм, так к реке Ганг в Хардваре или к мусульманским святыням. Посещение сезонных фестивалей в Бенаресе или Хардваре не считалось нарушением господствующих сикхских доктрин. Мифам, текстам, повествованиям, фольклору и пьесам, созданным несикхскими авторами, было определено прочное место в сикхской космологии.

Границы между центром и периферией сикхской традиции были чрезвычайно размыты. Сикхи ассоциировали себя с жителями деревни, адептами культа, членами касты — у них было много вариантов самоидентификации. В традиции не было единого источника религиозной власти. Существовало несколько конкурирующих определений сикхизма.

В конце XIX в. большое количество сикхов предпринимают ряд шагов для устранения религиозного разнообразия, а также того, что они считают индуистскими вкраплениями и брахманическими догматами. Из достаточно хаотичного социума сикхская община быстро превратилась в однородное сообщество. Именно традиция хальсы смогла запечатлеть свой образ в «новом сообществе». Остальные направления в сикхизме стали рассматриваться как девиантные. С активным смещением или подчинением многих сикхских подтрадиций сикхская идентичность начала формироваться в первом десятилетии XX столетия. В современной литературе этой новой идентичности было дано имя «Тат Хальса» (ривайвалисты), а те, кто были против ее доктрины, стали называться сикхами Санатан (традиционалисты).

Антагонизм между сикхами Тат Хальса и Санатан коренился в радикально противоположных взглядах на мир. Традиция Санатан сикхов открывала своим адептом полный доступ к выбору предмета и образа поклонения. Она предоставила своим приверженцам альтернативы обрядовой системы и фестивалей. Сторонники Тат Хальса отреклись от этой плюралистической традиции и провозглашали каноны чистой формы сикхизма, которая была изложена в священной книге «Ади Грантх».

Сикхи Хальсы с осуждением относились к чудотворным святыням, богиням, колдунам, священным местам в деревнях, не связанных с гуру и клановым обрядам. Религия принимала исключительно сикхские священные ресурсы: Ади Грантх, гурдвары и Гурбани и некоторые другие. Раньше не было стандартной сикхской идентичности, под эгидой Тат Хальса такая идентичность сформировалась. Размытые границы были строго очерчены: Тат Хальса «создала» общину. Очистив и добавив к развивающимся текстам Рахит-нама, Тат

Хальса сформулировала авторитетные постулаты. Новые ритуалы, формы поклонения и тексты позволили сикхской обществу мыслить и говорить в строгом соответствии с предписаниями девяти гуру.

Сознательное стремление сикхов Тат Хальса отрицать другие традиции и монополизировать историю, стиль мышления и достижения выражают фундаментальное стремление части сикхов сконструировать отдельную сикхскую идентичность, противопоставив себя индусам и мусульманам, а также тем сикхам, которые не признают их модели идентичности.

*Краснодембская Н. Г. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург),
Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Работы Т. Е. Катениной как базовые источники изучения языка *маратхи* (к истории индологической лингвистической школы Петербурга/Ленинграда)

О необходимости изучения *живых* индийских языков (помимо *классических* — ведийского, санскрита, пали) для более глубокого постижения культуры народов Южной Азии впервые в России серьезно ставил вопрос основатель русской индологической школы Иван Павлович Минаев (1840–1890), однако на практике к решению этой задачи его научные потомки обратились уже в XX в. Российские индологи А. М. и Л. А. Мерварты продолжили дело Минаева и в период своей грандиозной этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию (1914–1918) освоили сингальский и тамильский языки (последний некоторое время преподавался в Ленинграде в 20-е годы)¹.

В конце 1920-х и в 1930-х гг. дело изучения и преподавания некоторых главных языков, которыми пользовались народы современной Индии, обособил и возглавил академик Алексей Петрович Баранников (1890–1952). Был создан Ленинградский восточный институт (1920–1938), где среди многих был и индийский отдел. Кроме понятных научных задач, здесь ставились и практические цели — кадры для работы с Востоком и на Востоке. После закрытия института изучение новоиндийских языков продолжилось в ЛГУ и некоторых академических институтах².

Язык маратхи был в числе первых (наряду с хинди, урду, бенгальским и др.), к которым было обращено внимание, так как это язык крупного индийского

¹ Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие.» СПб: МАЭ РАН, 2018.

² Зограф Г. А. Становление новоиндийской филологии в Ленинграде // Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1960. Т. 25

народа (маратхов), имеющего интересную историю, к тому же отличающийся заметным своеобразием даже на фоне родственных ему и ближайших территориально других индоарийских языков. Под руководством А. П. Баранникова этим языком до ВОВ занимался Валерий Евгеньевич Краснодембский (1907 — 1942), в результате чего в 30-е гг. был создан учебник для начинающих и учебный словарь. После окончания ВОВ эстафетную палочку в изучении данного языка, тоже в начале под руководством А. П. Баранникова, приняла Т. Е. Катенина (20.06.1926 — 20.02.1987).

Татьяна Евгеньевна родилась в ленинградской семье, где оба родителя были причастны к научной работе: ее отец был филолог, мама — биолог. К тому же в семье культивировался интерес к разным наукам и знанию вообще. Так что Татьяна выросла человеком глубоко интеллигентным и эрудированным, несмотря на то что война украла несколько лет ее юности, а также горячо любимого отца. Безусловно, она и от природы была невероятно даровитым человеком, а также в науке — очень требовательным и строгим к самой себе исследователем.

В студенческие годы она глубоко изучила санскрит и хинди (а впоследствии преподавала их на кафедре индийской филологии). Затем, уже в основном самостоятельно, приступила к изучению языка маратхи, и в этой области сделала огромный рывок. Уже в 1956 г. она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную грамматике маратхи, и осенью того же года начала преподавать язык в группе, специально для этого набранной. В течение пяти лет она прочла множество разных курсов, вела повседневные занятия по литературному и разговорному языку, читала со студентами тексты. Ей пришлось быть руководителем всех курсовых и дипломных работ ее студентов, а также она была куратором аспиранта Б. И. Кузнецова из Института востоковедения, который изучал исторический маратхи.

В процессе преподавания она еще углубила свои знания маратхи и написала две книги, посвященные его грамматической структуре, определила главные его особенности. Под ее влиянием началось изучение маратхи в Москве. В Ленинграде она трижды набирала группы, изучавшие маратхи как основной язык. После ее преждевременной кончины обучение последней группы довела до конца Н. Г. Краснодембская.

Грамматические описания языка маратхи Т. Е. Катениной отличаются полнотой и разработаны ею с учетом важнейших достижений общей и индологической лингвистики. Именно ими пользовались все маратховеды нашей страны. Пока что ее труды никем не превзойдены, они создают уникальную базу для дальнейшего изучения маратхи во многих аспектах, в том числе его современных изменений. Продолжение трудов Т. Е. Катениной в нашем городе представляется благородной задачей и долгом нашей памяти.

Махлаюк А. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

К проблеме изучения источников о социальном протесте в современной Индии

Конец 2019 — начало 2020 гг. ознаменовались крупными протестами, направленными против поправок в закон о гражданстве (CAA) и изменений Национального реестра граждан (NRC). Волнения охватили многие города страны, а их кульминацией стали межобщинные столкновения в Дели, приведшие к значительному числу убитых и раненых. Безусловно, эти протесты и столкновения являются чрезвычайно важной вехой в истории страны. При изучении современных политических конфликтов мы сталкиваемся не только с огромным количеством источников, но и с проблемой их выбора и интерпретации для получения наиболее точной картины и причин произошедшего. В различных СМИ, книгах и интернет-источниках можно наблюдать полярное отображение и периодизацию событий. Учитывая разнообразие и разнонаправленность источников, современные конфликты такого рода следует изучать в контексте современного политического дискурса, представленного разными сторонами.

Систематизация источников, в которых освещалась тема протестов против поправок в закон о гражданстве, возможна на основании большого числа признаков и категорий. В данном докладе предлагается систематизация, основанная на двух ключевых признаках. Кроме того, будут представлены результаты сравнительного анализа интерпретации ключевых эпизодов. Основное внимание будет сосредоточено на наиболее крупной площадке демонстраций в Шахин Баге, а также на последующих столкновениях на северо-востоке Дели.

Первый наиболее важный для систематизации источников признак — это политическая позиция автора или издания. В контексте исследуемых событий выделяются три стороны: 1) противники введения поправок в закон о гражданстве; 2) условно нейтральная сторона; 3) сторонники поправок. В случае со сторонниками поправок особенно выделяется группа СМИ, которую некоторые журналисты называют «Godi Media». Это несколько подконтрольных правительству телеканалов и газет, которые, по мнению оппозиции, явно ангажированы. Принадлежность к той или иной группе определяется как политическим дискурсом в целом (проправительственным или оппозиционным), так и по «терминологии», которая используется для обозначения протестующих и других участников событий, а также по упоминанию тех или иных организаций (например, в случае с первой группой чаще всего будет упоминаться Раштрия Сваямсевак Сангх и другие индуистские националистические организации, а в случае с последней группой — пакистанская разведка и некоторые исламистские террористические организации).

Второй признак, который представляется наиболее важным для изучения масштабных социальных движений, — это бинарная оппозиция «конструи-

рование реальности» и «деконструирование реальности», в рамках которой одна из сторон в любом виде представляет свое видение событий, а другая опровергает его. Преимущественно это касается новостных сообщений и аналитических статей, когда их содержание признается ложной информацией. Отдельно можно выделить более масштабные «аналитические» работы, наиболее ярким примером которых является книга Моники Ароры и соавторов «Delhi Riots 2020: The untold story». В ней описываются протесты против поправок в закон о гражданстве и последовавшие за ними столкновения на северо-востоке Дели, однако изложенные факты и выводы подвергается сомнению со стороны оппозиции (например, большие доклады, посвященные только этой книге, были опубликованы изданием *The Wire*, а также коллективом независимых исследователей).

Выделение даже этих двух признаков для систематизации источников позволяет увидеть взаимодействие и борьбу разных сторон в информационном поле, что является немаловажным при изучении современного социального протеста. Кроме того, благодаря использованию бинарной оппозиции конструирование/деконструирование реальности можно определить ключевые события, поскольку именно вокруг них формируется множество ложных сообщений и, соответственно, их опровержение.

Сидорова С. Е. (ИБ РАН, Москва)

Падение Нагпурского княжества: политика «выморочных владений» по материалам колониальных архивов

В 1840–1850-е гг. британские владения в Индии увеличивались, в том числе, за счет аннексии территорий формально независимых княжеств с помощью политики «выморочных владений», когда князьям в случае отсутствия собственных детей отказывали в праве усыновлять/назначать преемников и после их смерти земли отходили к Ост-Индской компании. В 1854 г. такая участь постигла Нагпурское княжество. Появившись на карте Индостана в первой половине XVIII в., к середине столетия оно уже было одним из крупнейших политических образований в составе Маратхской конфедерации, занимая всю Центральную Индию и простираясь до восточного побережья полуострова. Тогда же завязались отношения между княжеством и Ост-Индской компанией, оказавшейся после получения контроля над Бенгалией его соседом с северо-востока. Сначала при дворе нагпурского раджи время от времени появлялись британские резиденты, а с 1803 г. после Второй англо-маратхской войны (1803-1805), в результате которой Нагпур лишился значительной части земель, их присутствие стало обязательным.

В результате Третьей англо-маратхской войны (1817–1818), закончившейся для Нагпура поражением, британцы сочли целесообразным сохранить за ним статус княжества, поставив во главе лояльного и послушного Рагхуджи III (1818–1853). После 35 лет правления он умер бездетным, оставив четырех официальных вдов, готовых усыновить и возвести на престол наследника, в чем им было отказано.

Хотя решение об аннексии княжества было принято британскими властями в начале 1854 г., процесс отлучения семьи почившего раджи от двора и княжеских привилегий занял еще пять лет и сопровождался демонстративным выносом из дворца казны, драгоценностей, мебели, публичной распродажей утвари, расформированием оружейной палаты, урезанием финансового содержания семьи и ответными актами саботажа, неповиновения или, наоборот, манифестациями лояльности и преданности. Параллельно представители двора и чиновники различных уровней британской администрации интенсивно обменивались меморандумами, записками и письмами, раскрывающими в подробностях «кухню» (практики и теоретические обоснования) подобного рода аннексий, которые в итоге стали одной из причин кровавого восстания 1857–1858 гг. В этих документах содержатся юридические доводы применения «доктрины выморочных владений», приводившиеся британцами, контраргументы княжеской стороны, излагаются взаимные обвинения и увещевания, раскрываются способы обоюдного давления.

Едва ли не самым часто упоминаемым понятием в письмах, к которому постоянно апеллировали обе стороны, была справедливость, используемая в качестве морального принципа, оправдывавшего действия или решения участников отношений. Для британских чиновников, являвшихся лишь представителями Ост-Индской компании, людьми, чье существование никак реально не затрагивалось производимыми изменениями, справедливость была умозрительной, когнитивистской этической категорией, а построенная на ее основе картина мира выводилась из формальной трактовки сложившейся ситуации и рассудочных соображений относительно эффективности управления индийскими территориями. В отличие от британцев нововведения после смерти раджи касались княжескую семью непосредственно, условия и качество ее каждодневной жизни менялись радикально. Поэтому решения английской стороны вызывали у представителей двора и семьи моральную нестерпимость или острое *чувство* несправедливости, что придавало их текстам особую эмоциональную насыщенность.

Предлагаемый сюжет добавляет информацию в пока еще не очень полную копилку знаний об истории индийских княжеств и их взаимоотношений с колониальными властями, а в методологическом плане располагает в относительно новом исследовательском поле, определяемом как «эмоциональный поворот».

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Миссионер Мартин Кере как историк Цейлона

Французский миссионер-облат Мартин Кере (Fr. Martin Quéré 1924–2014) жил и работал на о-ве Цейлон 64 года. Католическая монашеская конгрегация «Миссионеры-облаты Пресвятой и Непорочной Девы Марии (Congregatio Missionariorum Oblatorum Sanctissimae et Immaculatae Virginis Mariae)» была создана (1816) Шарлем де Мазено в Экс-ан-Провансе с целью обновить церковную жизнь во Франции в послереволюционный период и утверждена Папой Львом XII (1826). Миссионеры-облаты, проповедуя среди бедных слоев населения на пяти континентах, широко использовали местные языки. Папа Пий XI (годы понтификата 1922–39) был настолько впечатлен мужеством облатов, что назвал их «специалистами в самых сложных миссиях Церкви». На Цейлоне с 1847 г. они служат в приходах, преподают в католических школах, семинариях в Коломбо и Джафне.

Мартин Кере родился в бедной многодетной крестьянской семье в Бретани (Франция), в годы Второй мировой войны оказался в немецком концлагере. Был рукоположен в 1948 г. и назначен на Цейлон, где вел службы в церквях, преподавал в семинариях, был капелланом в лепрозории и на плантациях, помогал другим католическим миссиям. Бретонец, изучивший французский в школе, от быстро овладел сингальским и тамильским языками. В 1955–1958 г. обучался в Папском Григорианском университете в Риме, защитил диссертацию по Истории церкви.

С 1958 г. Мартин Кере преподавал в Национальной семинарии Богоматери Ланки в Ампитии (Канди) историю церкви и патрологию; там же, на кладбище Семинарии, он и похоронен. Новое поколение миссионеров, прибывших на Цейлон после Второй мировой войны, разделяло идеи обновления католической церкви. Программы Национальной семинарии были значительно изменены в свете решений Второго Ватиканского собора (1962–1965); вместо латинского обучение стали вести на английском языке, обновление затронуло и преподаваемые теологические дисциплины.

В 1963–1982 гг. Мартин Кере 17 раз посещал миссию Иранативу близ Джафны, где в тамильской школе преподавал миссионер Анри Моро (Henri Moreau), француз из Анжу.

Мартин Кере стал одним из основателей комитета Французского Альянса Канди (Alliance française de Kandy).

С возрастом Мартину Кере пришлось сократить размах пасторской деятельности и сконцентрироваться на научных исследованиях. Владея испанским и португальским языками, он защитил в Университете Перадения (1993) докторскую диссертацию по истории «Христианство в Шри Ланке при Португальском Патронате в 1594–1658 гг.» 1 Монография была высоко оценена специалистами.

¹ Quéré M. Christianity in Sri Lanka under the Portuguese Padroado — 1597 to 1658. Colombo Catholic Press 1995. 298 p.

Облатов отличает особое почитание Пресвятого Сердца Иисуса Христа, а также Девы Марии, в честь которой построено и обустроено множество санктуариев, в т.ч. Лурд и Понтмен во Франции; Беллвилль в США; Лорето в Италии, и др. На севере Цейлоне в округе Маннар облаты совершают паломничество к церкви Богородицы Мадху, которая считается символом единства не только католиков — тамилы и сингалы, но и представителей других религий, включая буддистов, индуистов и протестантов. Облаты курируют церкви Святой Анны в Коломбо и Святого Антония в Коччикадае (исламские террористы взорвали там бомбу в Пасхальное воскресенье 21 апреля 2019 г.). Школы и семинарии и облатов на о-ве Цейлон занимаются формированием католического духовенства из местных жителей.

50-летие работы Мартина Кере на Цейлоне ознаменовано книгой в честь «ученого, историка, коллеги, друга и наставника, посвятившего свою жизнь Шри-Ланке»¹. 22 автора — британцы, французы и ланкийцы (в т.ч. бюргеры, мавры и др.), представители разных профессий, — предоставили свои стихи, эссе, иллюстрации и научные статьи по темам, отражающим разные области его интересов (история, литература, история религий, морская история, Тринкомали, французское присутствие на Цейлоне, языки, лингвистика). Также в книгу включен перевод на английский язык бортового журнала французского корабля «Breton», в марте-июле 1672 г. посетившего Тринкомали. Темы статей в сборнике дают представление о культурном разнообразии народов острова.

Том предваряет краткая автобиография Мартин Кере, где он подробно пишет о своем призвании, истоках интереса и любви к Цейлону (с 1937 г.), становлении как миссионера и историка Шри Ланки. В библиографии перечислены более 50 его трудов, опубликованных на французском, немецком и английском языках и подготовленных к печати. Скромный французский миссионер и ученый Мартин Кере внес значительный вклад в изучение и просвещение Цейлона.

Шарапова А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Бней-Менаше: из Мизорама в Израиль

Термин «Бней-Менаше» буквально переводится с иврита как «дети Менаше». Бней-Менаше — это индийские евреи, проживающие на северо-востоке Индии, представители группы племен мизо-куки-чин, этнические тибето-бирманцы. Как же иудаизм проник в такой отдаленный уголок?

¹ Honouring Martin Quéré O. M.I. / ed. Gérard Robuchon. Viator Publications Ltd., Negombo, Sri Lanka, 2002. 271 p.

Все началось в XIX в., когда перед колониальным правительством Индии возникла проблема северо-восточных территорий. Напомним, что в ходе англо-бирманской войны под контроль англичан перешло княжество Сикким и сопредельные территории. Кроме того, в XIX в. северо-восточная Индия играла важную роль в опиумных войнах. Для усмирения набегов племен и обеспечения надлежащих условий для экономики региона, англичане приступили к христианизации местного населения¹. Широкое распространение получила миссионерская практика, в результате которой племена на северо-востоке современной Индии были обращены в протестантизм с некоторыми поправками на местные формы анимизма и других верований.

Протестантизм уделяет большое внимание самостоятельному изучению Священного Писания, миссионеры проделали поистине огромную работу, переводя Библию на местные языки и повышая уровень грамотности населения. В соответствии с концепцией «возвращения к истокам»² в 1950-х гг. в племени хмар происходит призыв к соблюдению ветхозаветных традиций — соблюдать субботу, воздерживаться от употребления свинины, разделять мясное и молочное и т. д. В итоге среди членов племени хмар возникла уверенность, что прародитель племени по имени Манмаси (Менаше) есть не кто иной, как Манмассия, сын Иосифа, внук Иакова³. Постепенно христианство трансформировалось в иудаизм, а народы мизо, к которым относится племя хмар, стали называть себя сынами Манассии — Бней-Менаше⁴.

Первый запрос от Бней-Менаше с просьбой о признании был направлен в Израиль в 1948 году. Реакция израильтян была противоречивой, кто-то поддерживал индийцев и выступал за репатриацию, но большая часть правительства Израиля восприняла новости крайне сдержанно. В Индии данный запрос только подлил масла в огонь сепаратистских настроений северо-восточных штатов, что вызвало негативную реакцию индийского правительства⁵.

¹ Tzudir, L. From headhunting to christianity questions of cultural identity in AO Land: diss. Ph. D. [Электронный ресурс] / L. Tzudir: New Delhi, 2003. 185 p. URL: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/15580> (29.01.2021).

² Мирча Элиаде. Аспекты мифа. Пер. с фр. В. Большакова. М.: Инвест — ППП, СТ «ППП», 1996. С. 38–45.

³ Jewish Movement among the Ching-Kuki-Mizo. Lalrinnunga Hmar. Mizoram University Journal of Humanities & Social Sciences. Vol. 5, Issue 2 (December 2019). URL: <http://mzuhssjournal.in/images/resources/v5n2/hmar.pdf> (30.01.2021).

⁴ Dena Lal, In search of identity: Hmars of North-East India. New-Delhi 2008, 280 p.

⁵ Jewish Movement among the Ching-Kuki-Mizo. Lalrinnunga Hmar. Mizoram University Journal of Humanities & Social Sciences. Vol. 5, Issue 2 (December 2019). URL: <http://mzuhssjournal.in/images/resources/v5n2/hmar.pdf> (30.01.2021).

В 2005 г. сефардский главный раввин Израиля Шломо Амар признал еврейские корни Бней-Менаше, несмотря на негативные тесты DNA.¹ Это событие ознаменовалось переездом нескольких тысяч Бней-Менаше в Израиль, после чего процесс алии был временно приостановлен. В штате Мизорам новости о разрешении на переезд в Израиль вылились в массовый переход из христианства в иудаизм, что вызвало недовольство церкви.

По мнению Льва Гринберга, профессора социологии из Университета им. Бен-Гуриона, в подобном «признании» заинтересованы правые политики, чтобы с их помощью заселить территории, оспариваемые палестинцами². Любопытно, что на данный момент Бней-Менаше живут в израильских поселениях именно на Западном берегу реки Иордан. Тем не менее, несмотря на трудности адаптации, молодое поколение уже освоило иврит и служит в армии.

¹ Rabbi backs India's "lost jews". BBC news. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4400957.stm (29.01.2021).

² Rabbi backs India's "lost jews". BBC news. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/4400957.stm (29.01.2021).

СЕКЦИЯ IX • SECTION IX
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF CHINA

Hompot Sebestyén (University of Vienna, Austria)

**Mainland Chinese Historiography in Search of National
and Global Narratives: A Discourse Analysis of Recent
Historiography on the Zheng He Maritime Missions
(1405–1433 CE)**

At the order of the Chinese Ming dynasty's emperors, the Muslim-born court eunuch and admiral Zheng He 郑和 (a.k.a. Cheng Ho) led seven major missions around the Indo-Pacific maritime space between 1405 and 1433. During these missions, Zheng He established diplomatic relations and engaged in trade with seaports located in Southeast Asia, South Asia, the Middle East, and East Africa. In mainstream Chinese historiography of the post-Mao period (1976–), Zheng He has generally been celebrated as a national hero, messenger of peace towards the outside world, as well as founder of equal trade relations. His instrumentalization as a symbolic figure in cultural diplomacy has become especially widespread since the 2013 inauguration of the '21st-Century Maritime Silk Roads' initiative by Chinese President Xi Jinping, constituting part of the global development strategy known as the 'Belt & Road Initiative' (BRI). His Muslim ancestry has made him an important identity figure for China's Hui (Chinese-speaking Muslim) minority throughout the modern era, and further added to his significance in recent cultural diplomacy towards Muslim-majority countries. His public support for other religious traditions — namely the Mazu Sea Goddess cult of Chinese folk religion and Buddhism — led to the frequent framing of his figure as a symbol of religious hybridity and openness as well.

This report will consider recent (2000-) mainland Chinese historiography on the Zheng He missions, analyzing the dialectical relationships of China's Zheng He historiography with domestic and global power relations, ideologies/worldviews, identities, and tendencies of China's approach to foreign policy. The research project investigates how this past 'global moment' of China is reinterpreted and reevaluated in the present-day context of China's ascendance to global power status, and in which way it is interlinked with the country's evolving self-perception as a nation-state and global actor. It focuses on how various strands of globally-oriented nationalisms — including normative/state-promoted, cultural (incl. cultural nativist), exclusionist, and liberal nationalisms — play out in the discourse and strives to reflect on broader tendencies of how the Chinese society rediscovers its pre-modern history in the present-day socio-political context. We also investigate the extent to which critical perspectives on nationhood and identity politics are present in the discourse.

Picchiarelli Silvia ("Sapienza" University of Rome, Italy)

Some new perspectives on the historiography about Chinese peasant resistance

The theme of peasant rebellions is a major one in the contemporary historiography on China as no other country boasts a more enduring tradition of popular upheaval. Nevertheless, most studies on this topic tend to chiefly emphasize the great peasant insurrections of the pre-modern age. These were collective movements, which required coordination among the participants and complex organizational resources.

This paper instead considers a different kind of political action, one which is much less evident and apparently less relevant. I realized the existence of this particular form of protest while researching the Chinese peasants' reaction to the rural policies adopted by the Chinese government in the early 1950s. Through a comparative analysis of local archive documents, newspaper articles and inner-Party investigative reports (*Neibu cankao*) relating to some villages in northern China, I discovered that the peasants rarely resorted to violent, large-scale rebellions to express their discontent. Rather, they were more inclined to employ invisible and unorganized resistance strategies, such as under-reporting the harvest, hiding or self-consuming the grain, bribing grassroots cadres or fleeing from the native village, to name but a few. All these tactics are arguably very similar to those identified by the American political scientist James Scott in his study of a Malaysian village and defined as "everyday forms of peasant resistance" (1985).

Recently, a renewed interest in this type of rebellion has arisen also among Chinese academics, thus opening up a completely original line of inquiry in the historiography on Chinese peasant rebellions. Remarkable historians, such as Gao Wangling (2006, 2013) and Li Huaiyin (2009), have been among the first to demonstrate the existence of

“everyday resistance” in Maoist China. Starting off with my research findings, this paper will therefore illustrate the different interpretations of this still little-known phenomenon as well as the implications of its discovery on Chinese contemporary historiography.

Vickers Edward (Kyushu University, Japan)

Celebrating the Humane Superpower China, the Holocaust and Transnational Heritage Politics — the case of Shanghai’s Jewish Refugees Museum

This article examines the portrayal of the Nazi Holocaust in Chinese public culture today, focusing on the case of the Shanghai Jewish Refugees Museum (SJRM). It begins by critiquing the overarching official narrative of modern Chinese history, with its stress on victimhood at the hands of foreign ‘colonialists’ and ‘imperialists’. It is argued that a more balanced understanding of the history and politics of race and colonialism in China is essential to an analysis of the Communist Party’s efforts to project power and influence abroad, and reinforce its legitimacy at home. The case of the SJRM shows how these efforts extend to fierce competition with Japan (in particular) for UNESCO recognition of war-related heritage, as each country seeks to trumpet its role in saving Jews from Nazi terror during World War Two. The paper analyses the representation of the history of the Jewish Refugee Zone in the SJRM, looking at how the exhibition there has evolved, and interpreting its emphases and omissions in the light of recent shifts in official historiography and heritage diplomacy. It concludes that the Chinese state’s interest in the Holocaust as heritage has remained overwhelmingly instrumental, focused on enhancing Shanghai’s civic profile, and burnishing China’s international image. Beyond this, there is a notable lack of interest in deriving broader lessons from the Holocaust.

*Zavidovskaia E. A. (Bryansk State University, Bryansk),
Maiatskii D. I. (St. Petersburg State University, St. Petersburg)*

Court Case Stories and Plays in the Chinese Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints *nianhua*¹

The paper aims to analyze different types of illustrations — in the woodblock editions and popular woodblock prints *nianhua* from various Russian collections

¹ This study was funded by the Russian Fund of the Fundamental Research (RFFI) № 19–59–52001 MHT_a «Commerce, folk beliefs, arts on the traditional Chinese woodblock pictures from little studied collections of Russia and Taiwan».

in order to figure out how tales about imperial ‘fair officials’ have been reflected in books illustrations and in popular prints addressing wider illiterate public. Concerning the woodblock editions, we have discovered some editions about Judge Bao-gong 包公:

1) Xyl. 271, Popular Tale from Ten Thousand Flower pavilion in sixty eight chapters 萬花樓演義六十八回, (full title: Newly cut xylographic edition about Song Judge Bao. Early Story of Di Qing in 14 *juan* and 68 chapters 新鑄後續南北宋包公狄青初傳十四卷六十八回);

2) Xyl. 728, Later Sequel of the First Tale about generals Yang family and about star patrons of civil and military service Bao-gong and Di Qing in 14 *juan* and 68 chapters 後續大宋楊家將文武曲星包公狄青初傳十四卷六十八回;

3) Xyl. 771, Cases of Dragon Seal Judge in 8 *juan* 龍圖公案八卷 (with illustrations) and about Judge Shi-gong: BY147. Tale about Criminal Cases of Judge Peng with Portraits 繡像施公案傳.

Upon scrutinizing the episodes with fair judges in popular prints *nianhua* we found out that they mostly depict tales about Qing dynasty judges Shi (Kangxi era country magistrate Shi Shilun 施世綸, d.1722), who became a protagonist of the novel “Criminal Cases of Judge Shi” *Shi-gongan* 施公案 (earliest preface dated by 1798) by anonymous author, and Peng (Kangxi era country seat head Peng Peng 彭鵬, 1637–1704), depicted in a detective novel “Criminal Cases of Judge Peng” *Peng-gongan* 彭公案 (first edition in 1871) by Tanmeng Daoren 貪夢道人. “Shi-gong plays” (*Shigongxi* 施公戲) about Judge Shi-gong and his mates gained popularity during Daoguang period (1821–1850), but their central protagonist is not Judge Shi, but brave man Huang Tianba 黃天霸 with mates expelling villains and robbers. The chivalric novel “Three Knight-errands and Five Righteous One” *Sanxia wuyi* 三俠五義 by Shi Yukun 石玉昆 (first edition in 1879) became a bright piece about Judge Bao, which even deserved critics’ praise.

What is special about popular prints discovered in the State Hermitage on-line catalogue, in the holdings of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS) and other Russian collections is that they depict scenes from the traditional drama based on court case stories. The protagonists are wearing theatrical make-up matching their theatrical character, yet in most cases they are not performing on the scene, but in a natural setting, e.g. a yard, banquet terrace or a street. To be precise, prints from Yangliuqing are featuring scenes in the natural setting, while prints from Shanghai depict stage scenes (all prints are dated by early XX century and have been acquired by Academician V. M. Alekseev). The scenes depicted on sheets ЛТ-4789, ЛТ-4790, ЛТ-4791, ЛТ-4793, ЛТ-5997, ЛТ-5999 from the State Hermitage and a sheet from MAE RAS №МАЭ 3676–19_1 all represent scenes termed as “eight big arrests” (*badana* 八大拿), a term used to characterize plays about brave men helping Judge Shi. Some of them were popular with *nianhua* artisans, so that prints have titles

similar to those of the plays, e.g. “Arresting Luo the Tiger” *Na luosihu* 拿羅四虎 (sheets ЛТ-4791, ЛТ-4793 from Yangliuqing). Sheets ЛТ-5997, ЛТ-5998 titled “Lake Luomahu” *Luomahu* 落馬湖 馬湖 feature protagonists sailing on a boat, while sheet ЛТ-5999 with the same title also from Yangliuqing represents a performance of this play on the stage. Yangliuqing sheet ЛТ-4788 titled “Village Xihuang” *Xihuangzhuang* 溪皇莊 depicts a scene with Judge Peng kept as a hostage in a hall. Sheet ЛТ-5043 from Shanghai illustrates a fighting scene from “Criminal Cases of Judge Peng”, showing that this type of composition was prevalent in illustrating court case tales in *nianhua*. This research claims to define sources of various types of illustrations and clarify connections between book illustration, popular prints and drama.

We found out that the book’s illustrations were based on the plots of the novels and have not experienced any noticeable influence from *nianhua*. The set and number of the book’s illustrations were determined by the subjective selection made by the publisher, and generally were not as artistically beautiful and large-scale as *nianhua*. The scenes depicted in *nianhua* had more ties with the traditional theatre and were much more intricate, variable and rich in detail.

Адамс О. Ю. (ИСАА МГУ, Москва)

**«Моральное воспитание» (廉洁教育)
в антикоррупционной работе:
опыт КНР и Гонконга**

Независимая Комиссия по борьбе с коррупцией (НКБК) Гонконга определяет работу с молодежью (youth outreach) как важнейшее направление усилий по формированию «общественного климата нетерпимого к коррупции». На сайте Комиссии размещено большое количество образовательных материалов на китайском (в том числе на кантонском (гуанчжоуском) диалекте) и английском языках для работы с детьми, начиная с дошкольного возраста. Преподаватели (учителя, воспитатели) могут посетить краткосрочные образовательные курсы.

Материалы для детей включают облеченные в доступную игровую форму размышления об основополагающих моральных принципах: честности, трудолюбии, почтении по отношению к старшим, даже бережливости. Более сложные понятия, имеющие непосредственное отношение к проблеме коррупции, например, «неподкупность», разъясняются в красочных комиксах и видеоклипах. Подчеркивается важность их постоянного присутствия в жизни людей. Для молодежи эти понятия разъясняются более углубленно, с примерами из жизни и акцентом на необходимость повседневных усилий и рефлексии для следо-

вания достойным моральным и этическим принципам. Имеется целый раздел iTeen Camp, задача которого — «привить неподкупность как неотъемлемую часть (integrity) повседневной жизни молодых людей путем распространения знаний о деятельности Комиссии»¹. Для этого используются тематические видеоигры, анимационные фильмы и комиксы. Множество разнообразных материалов предлагается для изучения антикоррупционного законодательства, коррупциогенных факторов и ситуаций в бизнесе и т. д. Работа с молодежью ведется в контексте тесного взаимодействия Комиссии с местными сообществами (community outreach).

Опыт материкового Китая в сфере морального образования как превентивной меры в борьбе с коррупцией значительно отличается в выборе подходов и методов. Главные усилия сосредоточены в области образования. После того, как КНР ратифицировала в 2005 г. Конвенцию ООН против коррупции, Министерство образования в 2007 г. опубликовало «Замечания о всестороннем развитии морального воспитания в учреждениях высшего, среднего и начального образования». Им документ отводил ключевую роль в воспитании подрастающего поколения в духе уважения теории социализма с китайской спецификой, древней китайской культуры и славной революционной традиции². Такой подход должен был обеспечить укрепление морально-этических принципов, а также ценностей социалистического общества у наследников вышеупомянутых традиций. «Замечания» также в общем виде определяли направления работы на каждой ступени.

Так, в начальной школе воспитательные усилия должны быть сосредоточены на «воспитании у учеников дисциплины и закладывании основополагающих принципов ведения рабочих дел и взаимоотношений с людьми», а также формировании привычки культурного поведения. Добиться этого предполагается путем «изучения высказываний известных исторических персонажей, примеров героических поступков» и т. д. В курсе изучения истории школьники также должны знакомиться с примерами неподкупного поведения. В документе кратко упоминается «образование, которое дает семья и общество», но очевидно, что акцент сделан на формальные усилия по моральному воспитанию в рамках школьного и высшего образования. Примеров успешного проведения такого рода программ до сих пор немного. При этом очевидно, что работа в этом направлении приобрела еще большую актуальность с приходом к власти Си Цзиньпина, выдвижением концепции «китайской мечты» и необходимых для ее реализации успешных усилий по искоренению коррупции.

¹ <https://www.icac.org.hk/en/crd/work/mco/index.html> Доступ 28.01.21.

² http://www.gov.cn/zwqk/2007-03/30/content_566681.htm (на кит.яз.). Доступ 22.01.21.

Благодер Ю. Г. (КубГТУ, Краснодар)

Периодические издания дипломатического ведомства — источник информации о Китае (от Российской империи до современной России)

Установление и развитие равноправных межгосударственных отношений во многом зависит от степени осведомленности участников взаимодействия об истории и своеобразии политического и духовного развития друг друга. В истории существует немало примеров, свидетельствующих о том, что незнание традиций и дипломатического этикета становилось причиной неудачи посольской миссии.

На протяжении многих десятилетий периодическая печать является важнейшим источником распространения знаний об иностранных государствах. В отдельные периоды, к примеру, в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в., газеты и журналы давали единственную возможность массовой аудитории следить за тем, что происходит в мире. Публикации содержали разнообразный (по содержанию, объему, характеру, жанрам) материал о культуре народов, в том числе проживающих на территории Китая, текущих политических событиях, происходящих как в России, так и за ее пределами¹.

Журнал «Известия Министерства иностранных дел» (далее «Известия МИД»), издававшийся в российской столице с 1912 г., знакомил сотрудников ведомства, представителей политических и научных кругов с документами об истории международных отношений, принципах международного права, внешней торговой политике, актуальных проблемах современности, внешнеполитической деятельности органов власти Российской империи и Китая, европейских держав в Азии, в целом, и на Дальнем Востоке, в частности, жизни и деятельности политических лидеров Китая (Ли Хунчжана, Юань Шикая). Это было единственное в России периодическое издание, в котором на языке оригинала и в русском переводе публиковались полные тексты документов: дипломатическая переписка (депеша посланников в Пекине И. Я. Коростовца, В. Н. Крупенского), донесения сотрудников российских консульств в Китае (генерального консула в Шанхае В. Ф. Гроссе), межгосударственные соглашения, циркулярные ноты МИД, депеша китайских чиновников, протоколы российско-китайских комиссий. Благодаря этому журналу российский читатель мог представить жизнь соотечественников-дипломатов и их помощников в консульствах и вице-консульствах на территории Китая, узнать об успехах и неудачах их деятельности, нуждах, с которыми они сталкивались, препят-

¹ Благодер, Ю. Г. Предпосылки расширения российско-китайского социокультурного взаимодействия в 1850–1881 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 4–1 (30). С. 34–36.

ствиях, которые приходилось преодолевать. Публикации рельефно выделялись официально-деловым стилем и четко обозначали позицию российского правительства, формировали положительное отношение читателей к ней.

В Советской России (позже СССР) первыми изданиями, публиковавшими тексты документов и обзоры заметок зарубежных изданий, стали «Вестник Народного комиссариата иностранных дел» (далее НКИД), «Бюллетень Отдела печати НКИД», «Бюллетень Народного комиссариата по иностранным делам». В 1922 г. им на смену приходит журнал «Международная жизнь», издающийся (с перерывом 1930–1954 гг.) до настоящего времени. На страницах нового печатного органа сотрудники НКИД (позже МИД СССР) публиковали комментарии к основным политическим событиям. Здесь также размещались статьи знатоков истории межгосударственных отношений, исследователей политического и экономического развития различных государств Азиатского региона, в том числе и Китая. Сегодня журнал «Международная жизнь» привлекает к совместной работе исследователей как истории Китая и российско-китайских отношений, так и современного внутривнутриполитического развития Китая (специфики модернизации политической системы, функционирования КПК, способов решения социальных и экономических проблем и проч.), векторов внешней политики.

Подводя итог, следует отметить: периодические издания дипломатического ведомства в Российской империи, позже Советской России, СССР и Российской Федерации являются незаменимым и содержательным источником информации о Китае.

Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Между «догмой» и «частным мнением»: проблема обоснования новых интерпретаций конфуцианского канона в экзегетике эпохи Хань

Доклад посвящен анализу практики *шо цзин* 說經 («рассуждение о каноне/канонах») при императорском дворе эпох Западная и Восточная Хань. *Шо цзин* представляли собой специальные лекции с дискуссией о каком-либо каноническом тексте.

Зарождение традиции *шо цзин* в виде диспута имеет свои корни в чжаньгоской истории *шо* 說 как одного из уровней аргументативно-ораторской практики¹. Это подчеркивает особенный статус данного типа рассуждений — они

¹ Помимо прочего, *шо* как отдельный вид доклада трону или выступления перед вышестоящими (при Хань сюда стали входить и соображения относительно канонов) подробно анализируется в главе *Хань Фэй-цзы Шо нань* 說難 («Сложности рассуждения»).

еще не получили всеобщего признания, но наоборот, являлись мнением ученого, которое должно быть подвергнуто профессиональному «сомнению» (*нань нань*). Только после успешной защиты позиции ученого такого рода рассуждения могли быть признаны достоверными. Главным фактором здесь становилось мастерство использования авторитетных источников для подтверждения своей точки зрения. В этом смысле устное рассуждение-*шо* о каноне было единственным легальным способом привнесения нового мнения в устоявшуюся традицию.

Успешная защита интерпретации канона открывала ученому путь в образовательную систему, которая была связана и с политико-бюрократическим продвижением по карьерной лестнице¹. Однако очевидно, что выиграть диспут можно было, лишь доказав всем, что трактовка соответствует «закону учителя» (*ши фа* 師法), т. е. имеет под собой глубоко традиционные основания. Поэтому наибольший интерес представляет то, что случалось с *шо* в случае всеобщего одобрения и что происходило с их «авторской оригинальностью». В связи с этим в докладе специально разбираются примеры соответствующих диспутов и анализируются технологии обоснования частного мнения ученого в рамках конфуцианской экзегетической системы.

Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)

Жизнь и творчество Гай Шаньлиня (1935–2020), выдающегося исследователя наскального искусства Китая²

Гай Шаньлинь (盖山林), маньчжур по национальности, родился 10 сентября 1935 г. (по другим данным, 16 сентября 1936 г.) в уезде Синтан провинции Хэбэй. После окончания Северо-Западного университета в г. Ланьчжоу по

Здесь автор трактата излагает, с какими сложностями встретится чиновник или ученый, который собирается высказать свое мнение при дворе и, соответственно, описывает, как лучше это мнение подать и отстоять.

¹ Например, один из видных специалистов по *Луньюю* при западноханьском дворе Чжан Юй 張禹 получил должность наставника наследника престола, будущего Чэнди, в результате дискуссии с другим специалистом по *Луньюю* Сяо Ванчжи 蕭望之 (ум. 46 г. до н. э.), а также в результате многочисленных рекомендаций со стороны других ученых [ХШ, 81/3347]. По той же схеме начал подниматься вверх по службе Куан Хэн 匡衡, в его случае, успех обеспечили успешные ответы на вопросы о *Ши цзине* [ХШ, 81/3332].

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18–09–00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

специальности «археология», с сентября 1960 г. по апрель 1962 г., Гай Шаньлинь работал заведующим отделом истории в краеведческом музее Нинся-Хуэйского автономного района. В апреле 1962 г. он перешел на работу в Институт археологии и материальной культуры Автономного района Внутренняя Монголия. После переезда во Внутреннюю Монголию в 1962 г., Гай Шаньлинь активно занимался разведками и раскопками археологических памятников. В числе наиболее значимых результатов этих работ — монография «Настенные росписи Ханьских гробниц Хэлиньгэра»¹. Кроме того, Гай Шаньлинь изучал археологию и этническую историю племени онгутов, результатом чего стала монография «Онгуты Иньшаня»².

Гай Шаньлинь оказался первым китайским ученым, проводившим целенаправленные и систематические поиски и исследования наскальных изображений. С 1976 по 1980 г. он занимался их разведкой и копированием в районе хребта Ланшань горной системы Иньшань на юге Внутренней Монголии. С 1980 по 1983 г. район разведок сместился в степь Уланьчаб, что к северу от гор Иньшань. Тогда же Гай Шаньлинь обследует северную оконечность горной системы Хэланьшань — горы Чжоцзышань (Столовые горы) в городском районе Ухай, административно относящемся к Внутренней Монголии. В 1987 г. проводится разведка петроглифов в пустыне Бадын-Джаран (*кит.* Баданьцилинь) на западе Внутренней Монголии.

В том же 1987 г. Гай Шаньлиня приглашает муниципальное бюро культуры г. Чжанчжоу для изучения наскальных рисунков в уездах Хуаань, Чжанпу, Лунхай и в других районах на юге пров. Фуцзянь. Еще до этого он осмотрел петроглифы скал Цзянцзюнь (Утеса Генерала) в уезде Ляньюньган пров. Цзянсу и расположенные в бассейнах рек Минцзян и Цзоцзян писаницы из четырех уездов Гуанси-Чжуанского автономного района: Нинмин, Чунцзо, Фусуй и Лунчжоу. Будучи в 1989 г. в командировке за границей, Гай Шаньлинь осмотрел наскальные рисунки в штатах Техас и Колорадо (США) и в южной части пров. Альберта в Канаде. В ходе этих поездок и экскурсий он не только расширил свои представления о формах и разновидностях древнего искусства, но и смог ознакомиться с современными на тот момент методами фиксации и копирования наскальных изображений. Гай Шаньлинь много внимания уделял методам датирования петроглифов и вопросам раскрытия их семантики.

¹ Гай Шаньлинь 盖山林. Хэлиньгэер ханьму бихуа和林格尔汉墓壁画 (Настенные росписи Ханьских гробниц Хэлиньгэра). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1978 (Второе издание — 1986). (на кит. яз.).

² Гай Шаньлинь 盖山林. Иньшань Вангу 阴山汪古 (Онгуты Иньшаня. Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1991 (Гонконгское издание — 1995). (на кит. яз.).

В числе наиболее значительных работ Гай Шаньлина, посвященных публикации памятников наскального искусства отдельных районов Внутренней Монголии, его монографии «Петроглифы (гор) Иньшань»¹, «Петроглифы (степи) Уланьчаб»² и «Петроглифы пустыни Баданьцилин»³. Из ранних исследований теоретического характера можно отметить «Петроглифы Иньшань» — книгу, одноименную с публикационной монографией 1986 г., но посвященную исключительно интерпретации наскальных рисунков⁴. После занятия заметной административной должности в Институте археологии и материальной культуры Внутренней Монголии в конце 1987 г. Гай Шаньлин не проводил больше масштабных полевых исследований, но продолжал публиковать как серьезные книги теоретического характера, так и научно-популярные работы, посвященные изучению петроглифов. В числе первых можно отметить «Китайское петроглифоведение»⁵ и собрание многочисленных статей Гай Шаньлина, оригиналы которых были иногда размещены в малодоступных изданиях⁶, а вторых — «Петроглифы Китая»⁷, неоднократно выходявшие в разных вариантах в течение 1990-х гг. в различных городах страны. В 2002 г. увидела свет фундаментальная монография, написанная ученым в соавторстве с сыном Гай Чжихао⁸. В июле 2009 г. Гай Шаньлин вышел на пенсию. Он скончался в г. Хух-хото 9 февраля 2020 г. на 85-м году жизни от дыхательной (по другим данным — от легочно-сердечной) недостаточности.

Гай Шаньлин 盖山林. Иньшань яньхуа 陰山岩画 (Петроглифы гор Иньшань). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1986. (на кит. яз.)

² Гай Шаньлин 盖山林. Уланьчабу яньхуа 烏蘭察部岩画 (Петроглифы степи Уланьчаб). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1989. (на кит. яз.)

³ Гай Шаньлин 盖山林. Баданьцилин шамо яньхуа 巴丹吉林沙漠岩画 (Петроглифы пустыни Баданьцилин (Бадын-Джаран)). Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997. (на кит. яз.)

⁴ Гай Шаньлин 盖山林. Иньшань яньхуа 陰山岩畫 (Петроглифы гор Иньшань). Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1985. (на кит. яз.)

⁵ Гай Шаньлин 盖山林. Чжунго яньхуасюэ 中国岩画学 (Китайское петроглифоведение). Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ, 1995. (на кит. яз.)

⁶ Гай Шаньлин 盖山林. 盖山林文集 (Собрание статей Гай Шаньлина). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1995. (на кит. яз.)

⁷ Гай Шаньлин 盖山林. Яньши шаньдэ лиши туцзюань: Чжунго яньхуа 岩石上的历史图卷: 中国岩画 (Иллюстрированные свитки истории на скалах: петроглифы Китая). Шанхай: Саньянь шудянь, 1997. 126 с., ил. (на кит. яз.)

⁸ Гай Шаньлин, Гай Чжихао 盖山林, 盖志浩. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду 内蒙古岩画的文化解读 (Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии). Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. (на кит. яз.)

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)

Традиционные настольные игры как продукция мастерских китайской народной ксилографической картины няньхуа¹

Мастерские китайской народной ксилографической картины *няньхуа* выпускали не только собственно гравюры на дереве, среди которых доминировали иконы, благопожелательные картины и гравюры с изображением сценок из любимых произведений классической драмы. Промыслы народной картины, рассредоточенные по всей территории Китая, удовлетворяли разнообразные потребности крестьян и небогатых городских жителей в печатной продукции. Мастерские печатали ритуальные деньги для жертвоприношений, погребальную утварь, небольшие книжки с картинками, так называемые *ляньхуаньхуа* — прообразы современных комиксов, всевозможные бланки, рекламные постеры. Особой, весьма прибыльной статьёй доходов мастерских было производство календарей, выпускавшихся к началу XX в. многотысячными тиражами. Не меньшей популярностью пользовались и печатные гороскопы. Вне зависимости от своего целевого предназначения вся эта продукция несла на себе родовые признаки своего происхождения от народной картины — имеется в виду прежде всего символика, система образов, яркость красок.

В современных коллекциях разных стран хранится достаточно много образцов календарей для того, чтобы судить об этом своеобразном жанре китайского народного искусства. Наличие в собрании календарей оказывает исследователям незаменимую помощь при датировке времени создания коллекции.

Гораздо хуже представлен другой вид «побочных» занятий мастеров народной картины: печатные игровые поля для настольных игр. Это совершенно естественно: иностранцы редко обращали внимание на подобные непонятные вещи, сами продавцы не стремились предлагать их «заморским варварам». Кроме того, игровые поля — материал расходный, не будучи прикреплены на плотный картон, бумажные поля часто выходили из строя. Сейчас до нас дошло считанное количество подобных старых игровых полей: в собрании Государственного Эрмитажа есть несколько отличных образцов, привезенных академиком В. М. Алексеевым в составе его коллекции *няньхуа*. Речь идет именно об игровых полях, все потребные для игры аксессуары — фишки, карточки, кубики и т. п. в коллекции отсутствуют и неизвестно, привез ли их ученый или они утратились позднее.

Игровые поля представляют собой изображения лабиринтов. При составлении игр использовались различные сюжеты из китайской истории, мифологии. Неко-

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19–59 № 19–59–52001 МНТ_а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

торые игровые поля трудно отличить от изображения зодиакальных животных, также расположенных по спирали. Надписи на листах бывают достаточно туманны, сложно установить, о каком сюжете идет речь. Терминология для описания ксилографических игровых полей в европейских языках практически не разработана, что неудивительно, так как они сами еще не стали объектом пристального научного изучения. Исключением является статья американской исследовательницы и коллекционера Э. Лэнг, предлагающая классификацию подобных изображений в зависимости от сюжета и назначения¹.

Представляется необходимым ввести в научный оборот описания всех игровых полей из коллекции китайской народной картины В. М. Алексева в Государственном Эрмитаже, которые были сделаны по просьбе ученого его китайскими учителями и информаторами. Эти записи обнаружены в составе фонда академика В. М. Алексева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 820, опись 1, дело 479-а, тетрадь 15). Это поможет истолковать сюжеты, выработать или уточнить терминологию, установить место подобных изображений в народной культуре старого Китая, их влияние на формирование современной игровой традиции.

Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск)

Аромат времени: ароматические часы в странах Восточной Азии (по материалам письменных и художественных источников)²

Опыт использования благовоний в странах Восточной Азии способствовал формированию уникальной традиции применения ароматических веществ для измерения времени с помощью палочек, спиралей, суточных и ночных печатей 香印 *сян инь*.

Самое раннее упоминание ароматической суточной печати встречается в «Справочнике благовоний господина Чэня» (陈氏香谱 *Чэнь ши сяньпу*), который был составлен Чэнь Цзином в XII–XIII вв. Он представляет собой компиляцию сведений из более ранних справочников Шэнь Ли (沈立香谱 *Шэнь ли сяньпу*) и Хун Чу (洪刍香谱 *Хун чу сяньпу*). Уникальные сведения о рецептах

¹ Laing, Ellen Johnston. Chinese pictorial board game prints // Arts Asiatiques. Т. 70. 2015. P. 77–86.

² Работа подготовлена при поддержке гранта «Ароматическая культура Шелкового пути и ее трансформация на Корейском полуострове» от Корейского Фонда Республики Корея, № 20200825–6415. (This research was prepared with the financial support of the KF “The incense culture of the Silk Road and its transformation on the Korean Peninsula”, project No. 20200825–6415).

ароматических смесей, о способах применения печатей в разное время года содержатся в «Истории благовоний» (香乘 *Сян шэн*) ученого Чжоу Цзячжоу (1582–1661). В китайских научных трактатах, каталогах, произведениях эстетической мысли XVII–XIX вв. также встречаются описания различных курильниц и ароматических печатей, используемых для отсчета времени, с анализом их художественных особенностей и функций¹.

Впоследствии китайские ароматические печати из инструмента измерения времени превратились в предмет коллекционирования и эстетического наслаждения. На этом поприще особенно известен мастер Дин Юэху (丁月湖, 1829–1879), который прославился изготовлением курильниц и изучил типологию благовонных печатей. До сих пор его труд «Каталог курильниц в виде ароматических печатей» (印香鑪式譜 *Иньсянлу ши пу*) является ценным источником по истории развития ароматической культуры Восточной Азии².

Китайская традиция измерения времени с помощью благовоний была передана и на Корейский полуостров в ходе активного культурного обмена между Китаем и Кореей в эпоху Трех государств. Плохая сохранность и бедность источниковой базы не позволяет полностью проследить историю развития этой традиции в Корее. Однако в корейских письменных памятниках XVIII–XIX вв. зафиксирована информация об использовании устройств, аналогичных китайским.

Так, в «Трактате об устройствах для измерения [времени]» (儀器輯說 *Ыги чиполь*) чиновника Нам Бёнчхольа (南秉哲) содержится запись о том, что жители государства Силла использовали ароматические вещества для измерения времени по крайней мере с VI в., а в материалах хроник *Самгук саги* (三國史記, 1145) и *Самгук юса* (三國遺事, конец XIII в.) повествуется о том, что корейцы вместе с заимствованием китайской письменности и буддизма начали рано осваивать применение ароматических средств в религиозных и повседневных целях³.

На Японский архипелаг ароматические часы попали еще до периода Нара (710–794). О наличии в Японии традиции использования часов с благовониями свидетельствуют экспонаты из сокровищницы Сё:со:ин (正倉院),

¹ В знаменитом романе Цао Сюэциня «Сон в Красном тереме» тоже есть упоминание о «печати пяти ночных страж». См. [Цао Сюэцинь. Сон в красном тереме. М.: Полярис, 1997. С. 311]. Сравнить с текстом главы 22 романа на китайском языке. См. URL: www.sohu.com (дата обращения 06.09.2020).

² Дин Юэху. Иньсянлу ши пу [丁月湖. 印香鑪式譜]. Каталог курильниц в виде ароматических печатей. URL: <https://books.google.ru/books?id=FIЕрААААУААА&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 05.01.2021).

³ Ирён. Оставшиеся сведения [о] Трех государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.; Ким Бусик. Самгук Саги (Исторические записи Трех государств): в 3 кн. / Пер. и коммент. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 1995. Кн. 2: Летописи Когурё, Пэкче. Хронологические таблицы. 405 с.

святилищ О:ми-дзингу, музея компании Seiko и др. В периоды Асука-Хэйан (VII–XII вв.) такие часы использовали при специальном Ведомстве ритуалов (陰陽寮 *Онъё:рё:*), ответственном при императорском дворе за календарные и астрономические расчеты, гадания, празднества.

Ароматические часы 線香時計 *сэнко:-токэй* использовались в храмовых школах 寺子屋 *тэракоя*, в чайных домах в эпоху Эдо (1603–1868) и в период Мэйдзи (с 1868 г. вплоть до начала XX в.), отмеряя время уроков и встреч.

В настоящее время ввиду появления более точных способов измерения времени часы с благовониями в странах Восточной Азии не используются, однако их изучение представляет большой интерес, поскольку позволяет проследить процесс адаптации традиции к новым реалиям жизни — появляются новые виды ароматических часов.

Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Наследие Восточного института: фонд китайской книги библиотеки ДВО РАН

Доклад посвящен коллекции редких китайских книг, хранящихся в Центральной научной библиотеке Дальневосточного отделения Российской Академии наук, что осталась в наследство от богатейшего собрания владивостокского Восточного института. Касаясь вопроса становления высшего образования на Дальнем Востоке России, автор повествует об истории формирования библиотеки Восточного института, вкладу профессоров А. В. Рудакова, П. П. Шмидта, Е. Г. Спальвина в создание книжного фонда библиотеки, сыгравшего немалую роль в обучении студентов, изучении стран Востока. Приводится библиографическое описание некоторых сохранившихся в фондах ЦНБ ДВО РАН редких экземпляров из коллекции китайских книг.

Центральная научная библиотека ДВО РАН — обладательница уникальных письменных источников, редких книг, посвященных истории, географии, культуре Кореи, Китая, Японии, которые требуют бережного к себе отношения и сохранения для будущих поколений исследователей.

Гулева М. А. (Карлов университет, Прага)

Запуск «Спутника» и мечты о будущем в годы Большого скачка по публикациям журнала «Маньхуа» (1957–1960)

Вторая половина 1950-х гг. ознаменовалась ростом популярности научной фантастики в Китае. Лозунг «марш к современной науке» (*сян кэсюэ цзинь-*

цзюнь 向现代科学进军) провозглашенный в 1956 г., дал возможность жанру научной фантастики, уже распространившемуся в кинематографе, комиксах и художественной литературе по всему миру, развиваться и в Китае. Мечты о светлом будущем получили и практическое подкрепление, когда 4 октября 1957 г. в Советском Союзе был произведен успешный запуск первого искусственного спутника Земли.

Наряду с этим кампания за стремительную индустриализацию в самом Китае подкрепляла надежду, что энтузиазм крестьян и рабочих и технические достижения человечества скоро переменят жизнь к лучшему и откроют невиданные горизонты. Политическая карикатура-маньхуа 漫画, служившая в первое десятилетие КНР важным инструментом пропаганды, быстро откликнулась на эту тему. Журнал «Маньхуа», издававшийся в первое десятилетие КНР сначала как ежемесячник, а потом дважды в месяц, опубликовал не менее 20 рисунков, изображающих советский «Спутник» и космические ракеты, за год, последовавший после их успешного запуска. Эти рисунки служили не только для развлечения и информирования читателей; их важной задачей было сращивание фантастических сюжетов о космических странствиях с грандиозными планами Большого скачка. Сообщения о «Спутнике» становились частью «прославляющей сатиры», восхваляющей достижения социализма. При этом они сопровождалась более прагматической критикой консерваторов и отстающих внутри Китая, а также высмеиванием «американского империализма» и капиталистической системы в целом. Как следствие, на рисунках оказывались соединены фантастические представления о жизни на Луне и в космосе, футуристические виды промышленного и научного прогресса на Земле — и вполне прозаические образы эпохи Холодной войны и кампании против «правых». Рядом с широкими проспектами городов будущего, гигантскими снопами и колоссальными плодами новых пород растений оказывались унылые апокалиптические пейзажи капиталистических городов, пораженных безработицей и преступностью. Демонстрация преимуществ коммунистической системы перед капиталистической, а также «разоблачение» империалистической «лжи», преуменьшающей достижения стран социалистического лагеря, приобрела черты научно-фантастического комикса.

Настоящий доклад посвящен карикатурам из журнала «Маньхуа», которые живописуют новый мир межпланетных путешествий и Большого скачка. В нем анализируется, как картины из мира научной фантастики слились с образами политической пропаганды и агитации, а также рассматриваются средства выразительности и изобразительные приемы, использованные карикатуристами — от близкого к советской стилистике изображения звезд, приветствующих своих новых соседей, до рисунков, опирающихся на национальную традицию благопожелательных картинок. Основная цель доклада — показать, насколько карикатуры с научно-фантастическими сюжетами о покорении

человеком космоса использовались в качестве аргумента для мобилизации населения и достижения более высоких производственных показателей (в т. ч. «больше, быстрее, лучше, экономнее» *до куай хао шэн* 多快好省) в сельском хозяйстве и промышленности, каким образом они демонстрировали, что смелость и дерзновение позволяют преодолевать трудности. Можно сказать, что это, в свою очередь, было призвано добавить «достоверности» изображению невероятных свершений Большого скачка.

Дмитриев С. В. (ИВ РАН, Москва)

Olera tangutica. Pars II.
Овощи в тангутско-китайском глоссарии
«Перл в ладони» (1190)

В данном докладе рассматривается информация, содержащаяся в тангутско-китайском глоссарии «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языков», составленном тангутским интеллектуалом Квельдэ-рйепху, изданном около 1190 г. (известно несколько изданий) и являющемся драгоценным и сильно недооцененным «розеттским камнем» тангутского языка и культуры, важнейшим источником по элитарной и повседневной реальности тангутского государства (Великое государство Белого и Высокого, кит. Западное Ся, Великое Ся, 1038–1227). Словарь представляет собой сборник терминов, освещающих важнейшие категории тангутской культуры и лексики, снабженных переводами на китайский язык и фонетической транскрипцией китайскими иероглифами (звучание китайских вариантов аналогично передано тангутскими знаками). Помимо его ценности как практически единственного двуязычного тангутского словаря (что особенно важно при попытках точного перевода терминов, относящихся к некоторым областям лексики, чье точное понимание почти невозможно без опоры на синхронное иноязычное толкование), нельзя не отметить и того, что его составитель, очевидно, стремился к созданию максимально яркого и репрезентативного отражения тангутской культуры, в связи с чем набор понятий, собранных в словаре, надо воспринимать не как случайный, но как продуманный свод наиболее оригинальных и репрезентативных категорий тангутской культуры, специально собранных для того, чтобы сделать ее максимально понятной и яркой для иностранного (в данном случае — китайского) читателя. Это намерение автора вполне ясно изложено в двуязычном предисловии к глоссарию.

Отдельного внимания заслуживает и представленный в глоссарии китайский языковой материал, освещающий довольно малоизученную культурную и лингвистическую реальность средневековых китайцев региона Хэси, чей

язык заметно отличался от лучше известных нам столичных реалий сунского времени, а культура развивалась в условиях заметно меньшего, чем в Сун, давления элиты (прежде всего, конфуцианской).

К сожалению, этот текст, хорошо известный специалистам и сплошь написанный по словарям, практически никогда не исследовался как цельный памятник и источник по тангутской культуре — хотя именно такого подхода он более чем заслуживает. При этом его подробный анализ, опирающийся на наши постоянно растущие знания о языке, порой позволяет не только получить новые знания о тангутской культуре и жизни, но и уточнить словарные значения многих знаков и словосочетаний.

Данный доклад посвящен анализу девяти терминов, обозначающих овощи, из последней, третьей главы («Использование земли») второго раздела памятника.

Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Подъем исторической географии в Китае как реакция на национальный кризис 30-х гг. XX в.

Китайская историческая география, которая на протяжении длительного времени развивалась в качестве вспомогательной исторической дисциплины, в 30-е гг. XX в. неожиданно оказалась на переднем крае борьбы с внешней экспансией. Отторжение Маньчжурии, опасность потери и других территорий вызвали горячий отклик в научной среде, способствовали пересмотру подходов ко многим проблемам. Одним из ответов на национальный кризис стал подъем исторической географии. Эта научная дисциплина приобрела совершенно новый смысл и значение, начала восприниматься как инструмент защиты территориального суверенитета и национальных интересов Китая. Наиболее пристальное внимание привлекла история формирования политических границ.

По инициативе и под руководством знаменитого историка Гу Цзегана (1893 — 1980) в 1934 г. началось издание журнала «Юй гун» (на английском языке назывался «The Evolution of Chinese Geography Semi-monthly Magazine», с 1935 г. — «The Chinese Historical Geography»), в 1936 г. было организовано научное общество «Юй гун». Членами общества стали студенты и молодые преподаватели ряда пекинских ВУЗов, некоторые работники издательств и ученые. Журнал «Юй гун» просуществовал лишь до начала крупномасштабной войны в 1937 г., за три года в 82 выпусках было опубликовано более 700 статей.

Авторы журнала считали одной из основных своих задач научное обоснование национального, политического и исторического единства Китая, его суверенитета над всей территорией (периода максимального расширения). В предварявшем первый выпуск «Слове к читателям журнала „Юй гун“» Гу

Цзеган и Тань Цисян (1911 — 1992) писали: «Нация и география неразделимы, а наша географическая наука развита слабо, так на что же опираться в исследованиях по национальной истории? ... Восточный сосед замышляет посягнуть на нашу территорию, сфабриковал термин «коренной Китай» (本部, «внутренний Китай»), для обозначения наших 18 провинций, намекая на то, что окраинные земли не являются исконно китайскими...»¹ В 1939 г. Гу Цзеган опубликовал в созданном по его инициативе еженедельном приложении «Приграничные земли» газеты «Иши бао», издававшейся тогда в Куньмине, статью «Термин «коренной Китай» должен быть отброшен». Изучение истории политических границ было призвано не только опровергнуть вражеские измышления, но и возбудить патриотические чувства китайцев, показав, как нелегко досталась их предкам каждая пядь земли. В связи с этим подверглась переосмыслению и этническая история. Именно в 1930-е гг. Гу Цзеган разработал концепцию «единой китайской нации» (中华民族是一个), к которой принадлежат все жители Китая, будь то ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, мяо или хуэй.

Для достижения практических целей, которые ставились перед исторической географией, уже в «Слове к читателям» была вкратце сформулирована программа исследований: создание фундаментальных работ, посвященных эволюции географической среды, политических границ, административно-территориального устройства Китая; составление атласа историко-географических карт территории Китая; составление словаря исторических географических названий Китая; тщательная проработка официальных исторических документов (прежде всего — династийных историй) и составление на их основе тематических подборок по истории административно-территориального деления, населения, миграций, сельского хозяйства и т. д. Работа в соответствии с этим планом осуществлялась на протяжении нескольких десятков лет и позволила создать прочную историко-географическую базу для общеисторических и тематических исследований.

Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва)

Возвращение Джузеппе Кастильоне: идентификация Лан Шинина (1688–1766) в Европе

Европейские миссионеры, отправлявшиеся в цинский Китай, за редкими исключениями становились «невозвращенцами» — таковы были условия их пребывания при дворе, где они служили в рамках концепции принесения своим

¹ Тань Цисян, Гу Цзеган 谭其骧, 顾颉刚. Юй гун фа кань цы 《禹贡》发刊词 (Слово к читателям журнала «Юй гун») // Юй гун. 1934. № 1. Режим доступа: http://lishisuo.cass.cn/zsyj/zsyj_lsdlyjs/201812/t20181225_4800017.shtml (дата обращения 15.12.2020).

новым повелителям интеллектуальной дани. Так, художники-иезуиты принимали китайские имена и получали высокие должности, а на родине зачастую оставались лишь строчками в письмах и донесениях, оседавших в архивах Ватикана и в библиотеках.

Признанный лидер европейских художников и архитекторов при дворе маньчжурских правителей Китая XVIII в. итальянский художник-иезуит Джузеппе Кастильоне приобрел широкую известность среди искусствоведов — и позже среди ценителей китайской живописи — лишь в послевоенное время, что с одной стороны закономерно (молодой барочный мастер, отбывший в Срединное Государство «по линии» ордена иезуитов, не вернулся назад и исчез из поля зрения европейского зрителя), а с другой парадоксально, потому что Кастильоне, отнюдь не потерявшийся в архивах ордена (как все иезуиты, он писал в Рим и, достигнув высокого ранга на службе у трех императоров, удостоился после смерти обширного латинского некролога), не был активно известен в Европе своим творчеством.

Цель доклада состоит не в том, чтобы предоставить исчерпывающее библиографическое исследование жизни и творчества Лан Шинина, а в поиске ответа на вопрос, как и когда Европа узнала его произведения и поняла, что китайский придворный художник Лан Шинин — это светский брат ордена иезуитов Джузеппе Кастильоне. В докладе будут прослежены несколько этапов «возвращения имен» на примере Кастильоне до 1940 г., после которого он и его творчество могут считаться введенным в научный оборот.

Отдельный вопрос — сведение воедино уже трех векторов, где третьей и основополагающей составляющей проблемы становится собственно живопись и графика художника. Кто знал о том, что автором рисунков для серии гравюр о «Завоевании Западного края» был Кастильоне? Кто видел его стенное панно «Мирное послание весны», выполненное вместе с Цзинь Тяньбяо для кабинета императора Цяньлуна в Запретном городе? И, наконец, когда европейцы впервые встретились с работами Лан Шинина и поняли, что Лан Шинин — это Кастильоне? В этом саду расходящихся дорожек есть несколько магистральных аллей, среди которых проблема атрибуции работ мастера далеко не самая незаметная.

Корпус специальных работ, посвященных Кастильоне, относительно невелик. До сих пор не проводилось ни одного специального исследования, фокусирующегося на истории изучения его наследия: исследователи брались либо за каталогизацию работ, как супруги Сесиль и Мишель Бердли, либо за отдельные аспекты его обширного творчества. Долгое время бытовало представление о том, что первым имя Лан Шинина как Кастильоне в науку в 1940 г. ввел Роберт Лор в работе «Giuseppe Castiglione (1688–1766) pittore di corte di Ch'ien-Lun, imperatore della Cina (Rome, 1940)», однако данные каталога Международной выставки китайского искусства в лондонской Академии художеств в 1935 г. показывают, что идентификация Лан Шинин — Джузеппе

Кастильоне к тому времени уже была сделана, и за это стоит благодарить китайскую сторону, предоставившую данные о художниках.

Таким образом, доклад посвящен выяснению обстоятельств возвращения имени и наследия Джузеппе Кастильоне европейской истории искусства, начиная с архивов ордена иезуитов, через каталог лондонской выставки и, наконец, до первопроходческой работы Лора, от которой мы можем отсчитывать начало изучения творчества итало-китайского мастера в XX–XXI вв.

Зельницкий А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Раннетанский имперский миф в сочинении
Оуян Сюня 歐陽詢 (557–641) «Запись об Обители
Совершенномудрого-прародителя Великой Тан»
(Да тан цзун шэн гуань цзи 大唐宗聖觀記)**

Раннетанский имперский миф развивает политический миф, сложившийся при дин. Хань 漢 (206 до н. э.–220 н. э.). Исходно он включал в себя концепцию добродетельного правителя — избранника Неба, обладающего силой дэ 德, умиротворяющего и объединяющего Поднебесную, о чем свидетельствуют знамения. При дин. Тан 唐 (618–907) к нему добавляется генеалогия, возводящая династию к Лао-цзы 老子.

Одним из создателей текстовой манифестации танского мифа был Оуян Сюнь, автор надписи для стелы в память о визите императора в 620 году, установленной в 626 году в даосской обители Лоугуань 樓觀 в районе заставы Ханьгугуань 函谷關, в которой, как считалось, начальником был Инь Си 尹喜, получивший от Лао-цзы «Дао дэ цзин» 道德經. Иными словами, визит был данью памяти божественному предку.

Лао-цзы приобретает здесь космические масштабы как «Владыка образов» (Сян ди 像帝) из «Дао дэ цзина» и показывается как предок династии через фразу об Инь Си, что тот, «[повернувшись] лицом к северу, спросил [его] о Пути». Также образ усиливается описанием истории императорского почитания заставы, начиная с Цинь ши хуанди 秦始皇帝 (221–210 до н. э.).

Ли Юань 李淵 (618–626) описывается как подлинный правитель Поднебесной через указания на преобразования, благие знамения и замирение пограничных областей: «Считает [дни месяца] по [растению] минцзя, [растущему] на площадке перед залом, [он] внимает согласному пению фениксов, сияет, [подобно благовещей звезде] Цзинсин в прекрасных облаках, наблюдает [ци] линей в предместьях и лугах. Он приводит в порядок ритуалы, кроит музыку, преображает обычаи [народа] и изменяет [его] нравы. Земледельцы радуются своевременному дождю и оставляют на межах несобранные колосья, мастерицы

напрягают силы над выкормкой шелкопряда и сучением пряжи, ткацкие станки не пустуют. [Во всех] девяти поясах [вассальных владений] прекращают воевать, на трех границах стихли ночные колотушки, западные жуны изменяются лицом, восточные и исполняют танцы [в качестве] подношения. От севера до юга доносятся голоса [о нем] и [разносится его] учение, [живущие] к северу от Пустыни все приходят к вану [для изъявления покорности]».

Также подчеркиваются добродетели императора по конфуцианской и древнедаосской моделям, говорится об акте почитания им Лао-цзы через переименование обители и благоволения Неба: «[Способность] постигать гармонию дарована [ему] Небом, верность Пути знакома [ему] от рождения. [Он] искренне превозносит сокровенный корень [Пути], и восхищается этой тропой совершенной мудрости. В третий год правления под девизом «У-дэ», [император] издал указ, [которым] даровал [обители] прекрасное имя и изменил [название] «Обитель Сторожевой башни» на «Обитель Совершенномудрого-прародителя». В резиденции предавался возвышенным думам о унаследованном от предков, расширял [влияние] клана и усиливал [славу] рода, начиная от [самого] приколонного писца (Лао-цзы). Обрел единое и благодаря этому одухотворился. Следовал Пяти [Владыкам] и стал вровень с совершенномудрыми. [В] слабости стал деятельным проявлением Пути, мягкостью достиг предельной твердости. Умалился и снова умалился и так достиг преимущества. Многочисленное потомство тянется [за ним], счастье струится, а печаль утоляется. С самого начала царствования тщательно совершает жертвоприношения с возлиянием вина на священных платформах. Самоестественная ароматная ци, как будто туман, заполняет пустоту. Пятицветные облака плывут подобно балдахину из перьев».

В описании посещения обители указывается еще одна добродетель — своевременность, поскольку решение о визите было принято, когда Юпитер вошел в область неба под знаком ю 酉, что считается благоприятным для правителей.

Таким образом, Оуян Сюнь развивает основные элементы имперского мифа, усиливая фигуру первопредка династии, подтверждая легитимность императора и закрепляя за Лоугуань статус места, связанного с династией.

Кейдун И. Б. (ДВФУ, Владивосток, АмГУ, Благовещенск)

Пространство запада и его соответствие событиям в жизни древнекитайского социума (по материалам конфуцианского трактата «Ли цзи»)

Пространство является одним из средств формирования единого миропорядка, общей для всех системы опыта. Вместе со временем и числом пространство образует универсальную систему координат, в которой все и вся,

оказываясь в строгом порядке соположения, получает гарантию безусловной определенности. Каждое место, каждое направление, каждая сфера в пространстве обладают определенным содержанием, характерными различиями, собственными чувственными ощущениями, им присущи собственные эмоциональные ценности. Каждое место и каждое направление восходят к разделению профанного и священного¹. Координация между различными явлениями, являющимися данными чувственного опыта оказывается возможной именно благодаря тому, что части пространства различны, не равны друг другу, не являются взаимозаменяемыми. Социальная организация — образец пространственной организации, которая является как бы калькой с первой. Нет таких различий, вплоть до различия правой и левой сторон, которые, отнюдь не будучи заложены в природе человека вообще, не были бы весьма вероятным образом продуктом религиозных, стало быть, коллективных представлений².

В китайском мышлении мы встречаем представление, согласно которому все качественные различия обладают каким-либо пространственным «соответствием». Все бытие и все события распределяются определенным образом между сторонами света. Каждая из них соотносена со своим цветом, своей стихией, своим временем года, своим символическим животным, определенным органом человеческого тела, одной из основных страстей и т. д., являющихся ее специфическими атрибутами и принадлежностью. Благодаря этой общей связи с определенным пространственным положением удастся некоторым образом сблизить даже самые разнородные явления³.

Классический конфуцианский памятник «Ли цзи», составленный в I в. до н.э., отражает представления о различных сферах духовной жизни древнего Китая. В трактате значительное количество информации связано со смертью, похоронами, трауром и т.п. В китайской пространственной пятичленной модели мироустройства запад ассоциировался со смертью. Больше всего упоминаний, связанных с пространством запада, в тех главах текста «Ли цзи», которые описывают траурные и похоронные события, ритуалы.

В главе «Сан да цзи»⁴, посвященной похоронам и трауру, наибольшее количество пространственных упоминаний — именно о западе, той стороне

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб: Университетская книга, 2002. С. 95–101.

² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 186–189.

³ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб: Университетская книга, 2002. С. 103.

⁴ Использован текст в издании: Ли цзи и чжу / Ян Тяньюй чжуань. «Ли цзи» с переводом и комментариями: В 2 т. / Сост. Ян Тяньюй. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1997.

света, которая ассоциируется со страной мертвых. После смерти близкого родные умершего, исполняя требуемые ритуалы, сидели, стояли в западной части соответствующего пространства дома («Сан да цзи»). Архитектура дома предполагала наличие двух лестниц — западной и восточной. Везде по тексту прослеживается их четкое противопоставление: восточная (парадная) — для хозяина, западная — для гостя («Цюй ли, 1»). Гость, чужой, ассоциируется с западом; точно такие же ассоциации связаны и с покойным, трупом. Временное захоронение располагалось у западной лестницы, по всей видимости, именно поэтому — умерший, хотя и был хозяином дома, но после смерти, по мере все большего отдаления от своего прежнего статуса, он постепенно становился гостем. По западной лестнице поднимались в дом гости для оплакивания покойного и выражения соболезнования близким («Цзэн-цзы вэнь»). В главном зале храма предков во время жертвоприношений особо почитаемую деревянную чашу для вина *сицзунь* в форме жертвенного быка помещали на западной лестнице, там же располагали и большие барабаны («Ли ци»).

Древнекитайский памятник «Ли цзи» дает возможность анализа, подтверждения, уточнения и дальнейшего развития имеющихся представлений об основах духовной культуры древнего Китая.

Мыльникова Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Строительство экологической цивилизации в китайской деревне: исследования ученых КНР

Строительство экологической цивилизации (*шэнтай вэньмин* 生态文明) - это комплексный проект, основанный на отказе от утилитарной концепции развития, создании и воплощении на практике новой концепции гармоничного развития и взаимосвязанной эволюции общества и природы, совершенствовании экологического сознания людей. Для КНР это национальный план, основные положения которого прописаны в уставе КПК и с 2018 г. включены в Конституцию государства. Китай в настоящий момент является мировым лидером в технологиях и производстве продукции в области «зеленой» энергетики. Китайский руководитель Си Цзиньпин неустанно подчеркивает приверженность КНР «зеленому» пути устойчивого развития, декарбонизации экономики, сохранения видового разнообразия растительного и животного мира. Весь мир осведомлен о намерениях Китая достичь максимума выбросов CO₂ к 2030 году и углеродной нейтральности к 2060 году. На этом пути Китай сталкивается с такими глобальными вызовами как: противоречие между требованиями экономического развития и охраной и восстановлением окружающей среды, избытка сельской рабочей силы и настоятельной необходимости сельской реконструкции.

Предметом настоящего доклада являются сложные политические, экономические и социальные процессы, происходящие сейчас в китайской деревне. Реформы, начатые Дэн Сяопином, продолжаются уже свыше 40 лет. Стартовали реформы в деревне через упразднение народных коммун и передачу земли в семейный подряд. С одной стороны, освобожденная инициатива и традиционное трудолюбие китайских крестьян позволили накормить огромную страну, обеспечить продовольственную безопасность и предоставить рабочую силу и капитал для развития промышленности. С другой стороны, произошла некая «атомизация», разобщение сельского сообщества. Мелкие крестьянские хозяйства оказались слабо защищены от налоговой политики и произвола местных властей, они страдают от низких закупочных цен на свою продукцию. Вступление Китая в ВТО, его интеграция в глобальный капиталистический рынок и резко усилившаяся конкуренция в сфере сельхозпродукции за счет прихода на национальный рынок иностранных поставщиков еще более усугубили положение крестьян. Страстным призывом обратить внимание на проблемы крестьян явилось открытое письмо Ли Чанпина, сельского служащего из провинции Хубэй в центральном Китае, адресованное премьер-министру Чжу Жунци в начале 2000 г. В письме Ли Чанпин заявил, что «у крестьян действительно тяжелая участь, сельская местность действительно бедна, а сельское хозяйство находится в кризисе». Именно письмо Ли, опубликованное в национальной газете, кристаллизовало разрозненные мнения китайских исследователей в форму, которую государство не могло игнорировать. Его слова помогли инициировать дискуссию о причинах проблем в сельских районах Китая и привели к серьезным изменениям в политике правительства.

Участники дискуссии о причинах кризиса в сельской местности, о путях и методах его преодоления и об устойчивом развитии китайской деревни представляют широкий спектр мнений и социально-экономических платформ.

Традиционные либералы настаивают на превращении крестьян в полноценных граждан с обеспечением защиты их экономических (и политических) прав. Эти новые фермеры, по мнению либералов, должны владеть землей на правах собственности, а не аренды, как сейчас. Все экономические вопросы деятельности крестьянских хозяйств по мнению либералов должен отрегулировать рынок.

Либералам оппонируют так называемые «новые левые» (*синьцзюань* 新左派, Вэнь Тецзюнь 温铁军, Цуй Чжюань 崔之元, Гань Ян 甘陽 и др.). Они предлагают защитить крестьянство от особенно тяжелых последствий вхождения Китая в глобальный капиталистический рынок. Китайские либералы рассматривали увеличивающийся поток рабочей силы мигрантов как результат процесса модернизации, когда освобожденные мигранты естественным образом перетекали в города после снятия ограничений на их передвижение. Однако левые в ответ подчеркивали факторы давления: сельскую бедность и отсутствие занятости в деревне.

По мере нарастания кризиса в сельском хозяйстве позиции либералов в национальной полемике существенно ослабли. Стало очевидно, что ставка на ортодоксальный либерализм в вопросах реконструкции сельского хозяйства и деревенского сообщества в Китае себя не оправдала.

Особый интерес представляют теоретические и практические исследования китайских интеллектуалов и энтузиастов, а также усилия центральных и местных властей в рамках новой сельской реконструкции (*синь сянциунь цзяньшиэ* 新农村建设). Сможет ли китайское государство интегрировать крестьян в мировую капиталистическую экономику, не превратив их просто в избыточное, маргинализированное население, которое будет сосредоточено в бедной сельской местности или городских трущобах? Есть надежда, что движение китайского общества в сторону строительства экологической цивилизации, а также богатое культурное наследие дадут положительный ответ на этот судьбоносный для Китая вопрос.

*Наземцева Е. Н. (НИИ Военной истории Военной академии Генштаба
ВС РФ, Москва)*

Деятельность российских консулов в Синьцзяне в условиях революционного кризиса 1917–1920 гг.

Разразившийся в 1917 г. в России революционный кризис и последовавшая за ним Гражданская война изменили положение российских консульств. Государство, которое они представляли, перестало существовать. С образованием Временного правительства и до его падения в октябре 1917 г. дипломаты активно с ним сотрудничали, продолжая отстаивать русские интересы. Большинство российских дипломатов включилось в активную борьбу с советской властью, поддержав Белое движение, продолжая выполнять свои консульские обязанности. Деятельность российских консулов в этот период оказалась сосредоточена на двух важнейших для того времени направлениях: политическом и гуманитарном.

Особое положение сложилось в Китае. Страна находилась в тяжелейшем кризисе. В Синьцзяне ситуация осложнялась последствиями восстания 1916 г. в Средней Азии — присутствием на территории провинции огромного количества беженцев из бывшей Российской империи¹. Кроме того, уже в 1917 г. в Синьцзян стали прибывать беженцы из приграничных с Китаем российских территорий в поисках убежища от революционных потрясений. Несмотря на

¹ По данным российских консульств, численность беженцев только в Илийском крае достигла 100 тысяч — Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 143. Д. 448. Л. 146.

то, что, по мнению В. В. Галиева, в начале XX в. Россия настолько укрепилась в Синьцзяне, что русские консулы обладали властью, практически равной власти китайских чиновников¹, с 1917 г. русское влияние в Синьцзяне сокращается. Это отражается и на положении русских в провинции: начинаются оскорбления со стороны местных жителей, притеснения со стороны китайских чиновников, вводятся новые налоги², русских даже заставляют переходить в китайское подданство³. Курс рубля упал. К июню 1917 г. жизнь для русских подорожала более чем в пять раз⁴. Однако протесты российских консулов китайскими властями игнорировались⁵. В российское министерство иностранных дел консулами были направлены соответствующие данные о ситуации⁶.

В то же время консулам удавалось оказывать помощь скопившимся на границе русским беженцам. Им направлялись продукты, теплые вещи, деньги⁷. Так как граница была закрыта, консулы вели переписку с губернатором провинции о разрешении пропуска гражданских беженцев из России в Синьцзян и оказании им помощи⁸.

С началом Гражданской войны в России российские консулы в Синьцзяне включились в борьбу с советской властью. Они поддержали правительство А. В. Колчака⁹, активно противодействовали работе в Синьцзяне представителей советских властей. Это вызвало недовольство последних. Весной 1920 г., угрожая введением на территорию провинции частей Красной армии, советские власти потребовали закрытия консульств бывшей Российской империи, прекращения деятельности их сотрудников и выдачи консулов, а также всех офицеров и беженцев¹⁰. Китайские власти заблокировали консульства, но не согласились на выдачу¹¹. Российские консульства в Синьцзяне прекратили свою деятельность только осенью 1920 г. после официального приказа президента Китая.

¹ Галиев В. В. Российские консульства в Синьцзяне (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Аты, 2011. С. 38.

² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 486. Л. 33.

³ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 791. Л. 15, 18.

⁴ Там же. Д. 898. Л. 102.

⁵ Там же. Д. 786. Л. 109.

⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.

⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175.

⁸ Там же. Л. 87.

⁹ Бармин В. А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б. П. Гуревича. Барнаул, 2006. С. 243–255. С. 247.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 245.

¹¹ Там же. Л. 280.

Таким образом, российские консулы в Синьцзяне, несмотря на тяжелейшие условия революционного кризиса в России, продолжали отстаивать русские интересы и выполнять свой долг.

Перминова В. А. (ИБ РАН, Москва)

«Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае в 1980–90е гг.: проблема учебников истории как отправная точка осложнения отношений между Пекином и Токио

Одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних нескольких десятилетий, остаются проблемы исторического прошлого. Вопросы истории, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, антияпонской войны (1937–1945 гг.), все еще остаются весьма болезненными для КНР.

1982 г. стал важной вехой в истории японо-китайских отношений, своеобразным водоразделом, когда проблемы исторического прошлого стали принципиальным образом влиять на взаимодействие между двумя странами. Обычно, именно с этого момента ученые начинают рассматривать расхождение в оценках китайской и японской сторонами событий военного времени как проблему. Поводом к охлаждению отношений и предъявлению претензий Токио со стороны Пекина стала публикация в Японии учебников истории, в которых содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японских властей в 30–40-е гг. XX в. Одобрение министерством образования таких учебников привело к официальным протестам со стороны КНР, что впоследствии вылилось в кампанию по восстановлению исторической справедливости в ответ на «забвение истории» японской стороной.

«Обновление» в Китае памяти о войне, как называют период 1980–1990-х гг. некоторые ученые («new remembering»¹), происходило в период либерализации политической и социо-экономической жизни на фоне реализации политики «реформ открытости». Пересмотр содержания учебников истории в Японии оказался удобным случаем для определения новых акцентов в интерпретации событий военного времени — консолидация общества на основе националистических настроений была необходима руководству КНР во главе с Дэн Сяопином в период кризиса социалистической идеологии после начала реформ.

Анализируя причины стремительного охлаждения японо-китайских отношений после инцидента с учебниками истории в 1982 г. некоторые ученые

¹ Coble P. M. China's "new remembering" of the anti-Japanese war of resistance, 1937–1945. // The China Quarterly. 2007. No. 190. P. 394–410. P. 402.

обращают внимание на то, что коллективная память о войне к концу 1970-х гг. в Японии и Китае была принципиально разной. Именно это расхождение, по их мнению, привело к тому, что ответная реакция Китая на произошедший инцидент оказалась несимметричной — неслучайно для японской стороны столь явный и резкий протест со стороны КНР оказался неожиданностью. Если в Китае на протяжении всего послевоенного периода, независимо от внешнеполитической обстановки и динамики внутрисоциального развития, действия японской армии в период войны всегда воспринимались как агрессивные, а жертвой той агрессии считался, в первую очередь, китайский народ, то в Японии все эти вопросы, начиная с 1950-х гг. и до настоящего времени, сохраняют дискуссионный характер. Выход в 1982 г. новых учебников стал результатом усиления консервативных настроений в Японии и, в частности, важным элементом патриотического воспитания, которое реализовывала укрепившая свои позиции Либерально-демократическая партия (ЛДП).

В докладе исследуется специфика восприятия китайцами событий анти-японской войны, а также роли государства и негосударственных акторов в формировании коллективной памяти о войне в КНР в годы «обновления» этой памяти и актуализации вопросов истории в японо-китайских отношениях в конце XX в.

Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва)

Основные тенденции внешней политики Китайской Народной Республики в 2019–2020 гг.

В 2019 г. период пребывания Си Цзиньпина у власти в качестве генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР, т. е. с конца 2012 г., стал выделяться в китайской политологии в качестве самостоятельного этапа внутренней и внешней политики Китайской Народной Республики¹. В течение года особое внимание было обращено на активную пропаганду постулата Си Цзиньпина о человечестве как сообществе единой судьбы и на практическую реализацию его же «Инициативы Пояса и Пути», то есть на широкое развитие экономического сотрудничества на пространстве новых сухопутного и морского «Шелковых путей»².

¹ The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization // The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing, September 2019.

² Синь шидай дэ Чжунго юй шицзе (2019 нянь 9 юэ) (Китай и мир в новую эпоху (сентябрь 2019)) // Жэньминь жибао, 28.09.2019.

Важное значение для практической политики Китая на международной арене имели констатация вступления китайско-российских отношений стратегического сотрудничества и всестороннего партнерства в новый этап и заметное ухудшение китайско-американских отношений, начавшееся с торговли, но распространившееся и на другие сферы¹.

2020 год принес серьезные испытания для внешней политики китайского руководства. Вспыхнувшая в начале года в Ухане и затем приобретающая глобальный характер эпидемия коронавируса COVID-19 потребовала от Пекина сосредоточить основные усилия на противодействии болезни в самом Китае и борьбе с ней в мире в целом. Китай всячески пытался нейтрализовать ухудшение его образа в международном сообществе, в том числе путем оказания помощи многим государствам планеты масками, медикаментами, врачами².

Несмотря на это, эпидемия привела к сужению поля практической внешней политики Пекина и резко ограничила международные контакты китайского руководства. Приоритетное место в числе партнеров Пекина сохранили за собой США, Россия, Европа, Индия. Вашингтон перешел в 2020 г. к жесткому давлению на КНР, в том числе по вопросам внутренней политики и политической системы страны³. Возможно, при президентстве Д. Байдена это давление несколько ослабнет, но расчистка завалов, нагроможденных Д. Трампом, потребует времени и серьезных усилий.

Пекину придется также учитывать впредь более критичный подход к нему, вызревший в Европе⁴. Самое пристальное внимание придется уделить индийской озабоченности, связанной с характером китайской политики в Южной Азии. Складывается впечатление, что КНР своей политикой на индийском направлении серьезно подтолкнула Дели к вероятному участию в коалициях, направленных на сдерживание Китая.

Российское направление внешней политики Пекина пока складывается наиболее благоприятно для него. Эту тенденцию надо всячески закреплять и продолжать, особенно в связи с наличием и в КНР, и в РФ сил, выступающих против дальнейшего сближения наших двух стран. А ведь именно оно служит в настоящее время одним из наиболее эффективных инструментов реализации национально-государственных интересов обоих государств.

¹ Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан. (2019 нянь 6 юэ) (О позиции китайской стороны по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях). Пекин, июнь 2019.

² «Канци синь гуаньфэйянь ицин дэ Чжунго синдун» байпишу (Белая книга «Действия Китая по борьбе с эпидемией нового коронавируса»). Агентство Синьхуа, 07.06.2020.

³ Пэнпэйао шэуа яньцян дэ маньзуй хуаньянь юй шиши чжэньсян (Полная клеветы речь Помпео о Китае и реальные факты) // Жэньминь жибао, 25.08.2020.

⁴ Huang Jing. Changes in Europe's View of China // International and Strategic Studies Report, Peking University, Issue 95, July 8, 2020.

Рудь П. В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург)

К проблеме научного описания китайской народной картины

Доклад посвящен вопросам научного описания китайской народной картины, которую в отечественной науке принято называть *няньхуа*. Тема доклада обусловлена проблемами, с которыми сталкиваются исследователи при описании, атрибуции музейных объектов. Она также связана со сложностями, с которыми сталкивается читатель, получая информацию из каталогов и исследований по китайской народной картине, коих в нашей стране и за рубежом публикуется достаточное количество. Несмотря на то, что доклад основан на материале описаний китайской народной картины, некоторые проблемы в равной степени касаются и многих других объектов культуры, составляющих коллекции музеев, архивов и библиотек. Китайская народная картина *няньхуа* является наиболее ярким примером и относится к той категории памятников, которую сложно понять без пояснений. Даже сегодня, при современной степени развития информационных технологий, картины чрезвычайно сложны и для изучения, и для понимания. Много определяет опыт специалиста, с каждой просмотренной картиной возрастают знания, появляется способность обращать внимание на нужные детали композиции и символические образы.

В качестве примеров в докладе используются картины из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Коллекция музея составляет порядка 1500 листов, время изготовления картин охватывает примерно одно столетие — период с середины XIX до середины XX вв.

В условиях музейной работы мы можем говорить о двух типах описания предметов — музейном и научном. Несмотря на кажущуюся близость, музейное описание включает формальные внешние технические характеристики предмета и нередко является лишь частью научного описания. Музейное описание составляется с целью идентификации предмета в случае возникновения путаницы в системе нумерации, хранения или чрезвычайной ситуации. Этот тип описания в первую очередь работает на нужды организации или частного лица, где хранится тот или иной предмет.

Научное описание значительно расширяет рамки музейного, к нему предъявляются более строгие критерии. Основной целью этого типа описания, на наш взгляд, является создание культурного и информационного контекста, в котором будет существовать предмет, вырванный из своей естественной культурной среды.

В результате работы с коллекцией китайских народных картин МАЭ РАН, анализа печатных и электронных каталогов картин была разработана, на наш взгляд, универсальная схема для описания и атрибуции памятников подобного типа. Основные параметры описания представлены в настоящей таблице.

№	Научное описание
1.	Изображение
2.	Коллекционный номер, собрание (организация)
3.	Типология предмета. Название.
4.	Место изготовления: страна, регион, населенный пункт, мастерская
5.	Этническая принадлежность
6.	Время изготовления
7.	Собиратель, способ поступления, год поступления, место сбора
8.	Материалы
9.	Техника изготовления
10.	Размеры
11.	Описание
12.	Надписи на языке оригинала, перевод
13.	Клейма, штампы, печати
14.	Информация об аналогах и публикации ранее
15.	История бытования
16.	Комплект

Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Школьное преподавание истории в Китае: новации 2020-х гг.

В 2010–2020-х гг. преподавание истории в средней школе современной КНР было отмечено значительными изменениями, затронувшими как формально организационные, так содержательные аспекты. Организационные новации были связаны с реформированием практики разработки и внедрения образовательных пособий. В этот период произошел отказ от опыта предшествующего десятилетия, когда при сохранении единого общегосударственного образовательного стандарта допускались региональные версии учебных пособий. Централизация процесса разработки, составления и издания учебников была запущена в 2012 г. и получила свое оформление в 2017 г. Созданный тогда Государственный комитет по учебным пособиям (国家教材委员会) принял на себя задачу окончательного утверждения и согласования текста учебных пособий. В 2019 г. единый учебник по истории для средней школы был уже введен в некоторых регионах страны в экспериментальном порядке в перспективе дальнейшего распространения на все школьные учреждения страны к 2022 г.

Концептуальные изменения школьных образовательных планов по истории и созданных на их основе учебных пособий отражают динамику политической

и идеологической реальности в современном Китае. Так, согласно разъяснениям редакционной комиссии, образовательный стандарт по истории для средней школы отвечал пяти основным целям, в соответствии с которыми организовывалось изложение исторического материала и расставлялись смысловые акценты. Эти пять целей включали: стремление продемонстрировать историко-культурные достижения китайской цивилизации, выявить особенности революционного этапа истории — нелегкий путь КПК к управлению страной, — подчеркнуть сплоченность многонационального общества КНР и привить понятие общности судьбы, акцентировать понятия национального суверенитета и целостности территории Китая, и в то же время привить так называемое «океаническое сознание», подразумевающее признание островных территорий Китая и роль страны как открытой океану державы, и, наконец, формирование интернационального мировоззрения, предполагающего признание мультиполярного мира, но объединенного единой судьбой.

Обращает на себя внимание тот факт, что утвержденный в 2017 г. образовательный стандарт по истории подвергся идейным правкам уже через несколько лет, в 2020 г., несмотря на устоявшуюся практику редактирования стандарта один раз в 10 лет. Весьма примечательно, что содержательно внесенные правки отразили принципиальные установки руководства КНР относительно развития образования, озвученные во время знаковых мероприятий — XIX съезда КПК в 2017 г., а также Национальной конференции по образованию в 2018 г.

Прежде всего следует отметить, что текст новой редакции стандарта еще более акцентирует личный вклад Си Цзиньпина в разработку идейной основы образовательных преобразований. Так, прежняя формулировка об образовательных задачах, выдвинутых на XIX съезде КПК, уступила место новой, в которой указывается, что эти цели были обозначены Си Цзиньпином на заседании Национальной конференции по образованию. Вслед за основными установками, озвученными на конференции 2018 г., к перечню аспектов воспитания добавился еще один — трудовой. Измененный стандарт был дополнен разделами, подчеркивающими роль труда в общественно жизни через исторические примеры деятельности известных китайских ремесленников. Получила свое дальнейшее развитие тема героизма и героизации китайской истории. Соответствующие разделы стандарта обогащены множественными примерами героических деяний, призванных пробуждать гордость за страны и вдохновлять на новые достижения. Особое значение уделяется изучению истории мирового реформаторского опыта, что подчеркивает важность постепенных преобразований, но не радикальных изменений.

Иными словами, сегодня школьное историческое образование в Китае транслирует ключевые партийные установки — исключительность китайского пути развития, возрождение китайской нации, постепенность преобразований.

Скрыпник Е. С. (ИВ РАН, Москва)

**«Шачжоуская песня-яо начального года
[правления под девизом] Цзай-чу»
как источник по правлению У Цзэ-тянь (624–705)**

Правление У Цзэ-тянь 武則天 (624–705) — единственной в истории Китая женщины, получившей мужской титул императора-хуанди 皇帝 — обычно реконструируется по стандартным историям¹ и труду Сыма Гуана 司馬光 «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»². Однако авторы официальных хроник — ученые-конфуцианцы — изначально были настроены к женщине-правителю сугубо отрицательно³, к тому же время написания этих трудов отстоит от периода правления У Цзэ-тянь на несколько столетий, что позволяет нам усомниться в достоверности ряда описываемых там событий. В этой связи представляется максимально важным изучение синхронных правлению У Цзэ-тянь источников. В нынешнем докладе мы рассмотрим один из них — «Шачжоускую песню-яо начального года [правления под девизом] Цзай-чу»⁴ 载初元年沙州歌谣.

Данный материал содержится в сборнике «Нить схем управления дуду Шачжоу» 沙州都督府圖經, сохранившемся во французском собрании дуньхуанских документов П. Пеллио (р. 2005) и представляющем собой историко-географическое описание соответствующей местности⁵. Некоторые главы сборника были записаны в конце VII в. правителем Шачжоу Ли У-куем 李無虧. Ряд исследователей предполагает, что песня-яо была создана самим Ли У-куем, стремившимся таким образом выказать почтительность У Цзэ-тянь, хотя тексту произведения и сопутствует комментарий о народном его происхождении⁶.

В песне мы находим упоминания о важных исторических событиях, описанных и в стандартных историях, — подавлении в 684 г. мятежа Сюй Цзиньэ 徐敬業 и казни опального министра Пэй Яня 裴炎. В отличие от официальных хроник, повествующих об этих инцидентах сухо и лаконично, текст песни восхваляет У Цзэ-тянь, покаравшую мятежников и восстановившую мир в государстве. Песня содержит указание и на локальные проблемы, коснув-

¹ «Старая книга [о] Тан» 舊唐書 («Цзю Тан шу»), завершена к 945 г.; «Новая книга [о] Тан» 新唐書 («Синь Тан шу»), завершена к 1060 г.

² «Цзы чжи тун цзянь» 資治通鑑, завершена к 1084 г.

³ Попова И. Ф. Наставление «Правила подданных» («Чэнь гуй») танской императрицы У-хоу // Российское востоковедение в память о М. С. Капице: очерки, исследования, разработки. М. Муравей. 2001. С. 127.

⁴ Годы под девизом правления Цзай-чу 载初 — 689–690.

⁵ Ху Кэсянь. «Дуньхуан себэнь „Шачжоу гэяо“ юй „Шачжоу сяньжуй“» // Сылу юй Тан ши. 2019. №3. С. 116.

⁶ Фэн Юйсинь. «Тан Шачжоу цыши Ли Укуй каои» // Шихэцзы дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 2014. №6. С. 120.

шиеся непосредственно Шачжоу и его обитателей, — нападения кочевых племен и разбойничьих ватаг. Эти сложности также были легко разрешены императрицей, чьи войска быстро усмирили интервентов и бандитов.

В тексте также нашли отражение основные аспекты пропагандистской деятельности, развернутой У Цзэ-тянь в попытках обосновать легитимность своего права на императорский престол. В первую очередь это касается возведения традиционного символа государственности — «Пресветлого зала» 明堂 (Минтана). В тексте подчеркивается соответствие Минтана У Цзэ-тянь основополагающему принципу традиционной архитектурной композиции «Пресветлого зала» — «сверху — круглый, снизу — квадратный» 上圓下方. Также песня напоминает об обретении в 688 г. в водах реки Лошуй «драгоценной схемы»-*баоту* 寶圖, надпись на которой предсказывала скорое воцарение У Цзэ-тянь, что и произошло в 690 г.

Таким образом, текст восхваления содержит в себе общие и наиболее характерные черты образа, который У Цзэ-тянь, по-видимому, хотела создать в глазах своих подданных. Отметим, что в тексте не содержится намеков на буддийскую тематику, что свидетельствует о том, что на первом этапе пропагандистской деятельности императрица делала упор на традиционные элементы политической идеологии, широкомасштабная же поддержка буддийского учения и попытки ассоциировать себя с буддийским монархом пришлось на несколько более поздний период нахождения У Цзэ-тянь у власти.

Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)

Женщины-реформаторы в движении за реформы в Китае в конце XIX в. в работах Наньсю Цянь

Наньсю Цянь, профессор китайской литературы в Центре азиатских исследований Чао при Школе гуманитарных наук американского Университета Райса, в работах «Возрождение традиции сяньюань (достойные дамы): женщины в реформах 1898 г.»¹, «Политика, поэтика и гендер в позднем Цинском Китае: Сюэ Шаохуэй (1866—1911) и эпоха реформ»² раскрыла вклад активных, оптимистичных и самодостаточных женщин-реформаторов в обновление Китая в конце XIX века.

В 1898 г. была организована кампания за женское образование, возглавляемая основанной 31 мая 1898 г. первой китайской школой для молодых женщин из семей элиты. Писательница Сюэ Шаохуэй подготовила «Предложения о создании школы для девочек с предисловием» (1897 г.). Лян Цичао в эссе

¹ Nanxiu Qian. Revitalizing the Xianyuan (Worthy Ladies) Tradition: Women in the 1898 Reforms // *Modern China*. Oct., 2003, Vol. 29, No. 4. Pp. 399–454.

² Nanxiu Qian. Politics, Poetics, and Gender in Late Qing China: Xue Shaohui (1866–1911) and the Era of Reform. Stanford: Stanford University Press, 2015. 392 pp.

«Об образовании для женщин» рассматривал образование для китайских женщин как способ ответить на критику Запада, что их «безработный» статус вызвал отсталость Китая: «200 миллионов ленивых и бесполезных людей», «праздных, как странники, и невежественных, как варвары». Сюэ Шаохуэй отказалась обвинять женщин в том, что они стали причиной отсталости Китая. Ее многочисленные поэтические и прозаические произведения демонстрировали четкое понимание того, что фундаментальной проблемой, стоящей перед китайскими женщинами, была удушающая политическая и социальная среда, созданная в основном китайскими мужчинами.

Лян Цичао, как и большинство других реформаторов-мужчин, имел довольно узкое представление о том, какими должны быть женские способности: «То, что в прошлом люди называли «талантливыми женщинами», относится к тем, кто дразнит ветер и ласкает луну, срывает цветы и гладит траву, а затем сочиняет стихи в стиле *цы* или *ши*, чтобы оплакать весну и расставание. Это все. Такие вещи нельзя рассматривать как обучение. Если мужчина не обладает никакими другими особыми способностями и только хвастается своими поэтическими достижениями, он будет осужден как легкомысленный человек, и это тем более относится к женщинам! Под «обучением» я подразумеваю то, что может открыть ум женщины внутри и помочь ей жить снаружи». Для Сюэ поэзия развивала характер. Это был, по ее мнению, важный способ «культивировать свой характер и чувства».

Видение Сюэ Шаохуэй нового стиля «женского пути» (*фудао*) пронизывало предложения по учебному плану. Сюэ разработала курсы китайского языка, которые обновили бы четыре традиционных аспекта *фудао*: *фудэ* (женская добродетель), *фуйнь* (женские слова), *фугун* (женская работа) и *фужун* (женская внешность). Учебные планы Сюэ Шаохуэй выходили далеко за рамки традиционных моделей «женского» поведения. Например, она рекомендовала изучать музыку, наряду с поэзией в стиле *цы*, чтобы помочь гармонизировать «внутренние отношения между супружескими парами»; географию, чтобы узнать «широту пяти континентов» и «красоту китайских гор и рек»; историю женщин, чтобы понять стандарты, по которым оценивалось поведение женщин; каллиграфию и живопись, чтобы улучшить художественную восприимчивость женщин; и медицину для улучшения физического благополучия женщин и детей.

Учебные предложения Сюэ, направленные на развитие ума, тела и профессиональных навыков китайских женщин, получили широкое признание. Наньсю Цянь утверждает, что китайские женщины-реформаторы конца 1890-х гг. имели свою собственную повестку дня, конкретные стратегии достижения самосовершенствования и национального укрепления: «Женщины были активными организаторами и изощренными мыслителями, придерживающимися совершенно иного отношения к традиции, чем большинство мужчин-реформаторов».

Старовойтова Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китай в российской сатирической прессе времен русско-японской войны 1904–1905 гг.

Активизация политики России на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. привела к тому, что Восток и связанные с ним политические и культурные события стали все чаще появляться на страницах разнообразных российских печатных изданий. Это объяснялось совершенствованием систем передачи информации и бурным развитием печатного дела в стране, а также ростом интереса к Востоку, в целом, и Китаю, в частности, со стороны читающей общественности. Именно с конца XIX в., в связи с изменениями в международной обстановке на Дальнем Востоке, а также благодаря усилению социокультурного взаимодействия сторон, в русской печати стало появляться все больше разнообразных сведений о Китае, доступных теперь не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей. Вместе с ростом числа упоминаний о Китае у авторов и читателей неизбежно начал формироваться уникальный и иногда противоречивый образ восточного соседа. Этот образ, с одной стороны, был непосредственно связан с текущими событиями в политике и международных отношениях, а с другой — мог сам оказывать определенное влияние на отношения двух империй на различных уровнях.

Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и заключение Портсмутского мирного договора кардинально изменили расстановку сил на Дальнем Востоке, нанеся значительный урон имиджу Российской империи на международной арене и негативно отразившись на русско-китайских отношениях. История упомянутых событий изучена довольно подробно как отечественными, так и зарубежными специалистами. Однако за пределами внимания ученых остался пласт источников, позволяющих взглянуть на хорошо известные события под иным углом. Такими источниками могут стать русские периодические издания рубежа XIX–XX веков.

Не секрет, что в XIX в. в России постепенно установился приоритет журналов над другими видами периодических изданий. А с 60-х гг. того же столетия, вслед за Западной Европой, все большую популярность у читателей стали завоевывать сатирические политические журналы с карикатурными изображениями. Наиболее часто сюжеты, связанные с восточным направлением российской внешней политики, встречаются в журнале демократической направленности «Будильник», который издавался с 1865 г. в Петербурге, а в 1873–1917 гг. — в Москве, а также в сатирическом журнале либерального направления «Стрекоза», выходившем в Петербурге с 1875 по 1908 г.

С началом китайско-японской войны 1894–1895-х гг. Китай стал постоянным героем карикатур в этих и других сатирических изданиях. Постепенно художники сформировали некий устойчивый визуальный образ Китая.

Обычно страну изображали в виде мужчины азиатского типа внешности, среднего или старшего возраста, в традиционном наряде с длинными усами и косой на затылке. Примечательно, что уже тогда авторы карикатурных изображений и сатирических заметок о Китае были довольно хорошо осведомлены о деталях традиционного китайского костюма, особенностях китайской кухни, способах написания китайских имен и названий и т. д. В ходе участия русских войск в подавлении боксерского восстания 1898–1901 гг. в Китае, активно освещавшегося русской публицистикой, карикатуристы добавляли к «портрету» империи Цин новые черты, в зависимости от своего отношения.

Русско-японская война заняла особое место в формировании в России образа Востока, в целом, и Китая, в частности. Упоминания о военных действиях на дальневосточных фронтах встречаются практически в каждом номере «Будильника» и «Стрекозы» за 1904–1905 гг. Естественно, основным «злом» для авторов-современников являлась Япония, изображаемая в крайне неприглядных формах. Однако Китай также не оставался без внимания, тем более, что военные действия частично проходили на его территории. Данный доклад посвящен тому, каким виделся Китай представителям одного из наиболее популярных жанров журналистики тех лет.

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Проблема длительности истории в трактате «Лу ши» («Грандиозная история») Ло Ми (1131–1189/1203)

Традиционные китайские представления о древнейшем периоде национальной истории, впоследствии получившие официальное и общественное признание, в целом сложились к концу I в. до н.э. Согласно им, история насчитывала несколько тысяч лет и начиналась с воцарения легендарного государя Фу-си 伏羲. Тем не менее, уже в первых вв. н.э. эти представления подверглись переосмыслению: в некоторых из апокрифических текстов (*чэньвэй* 讖緯) эпохи Восточная Хань (25–220) утверждалось, что до Фу-си правило большое число государей и даже целых династий, первые из которых появились вскоре после «разделения Неба и Земли». В результате значительно удлинилась и продолжительность истории: утверждалось, что от «разделения Неба и Земли» до поимки легендарного зверя цилиня 麒麟, якобы случившейся в 481 г. до н. э., прошло 2.760.000 лет. Этот период подразделялся на Десять эр (*ши цзи* 十紀), каждая из которых длилась 276.000 лет.

Хотя эта версия древнейшей истории так и не стала общепринятой, она передавалась, дорабатывалась и модифицировалась на протяжении многих столетий. Изменялись и представления о длительности отдельных эр: так, неко-

торые версии их датировок приводит, хотя и без указаний источников, Лю Шу 劉恕 (1032–1078) в комментариях к своему трактату «Цзы чжи тун цзянь вай цзи» 資治通鑑外紀 («Анналы, [оставшиеся] за пределами „Всеобщего зеркала, управлению помогающего“»). Тем не менее, сам он не верит в истинность этих данных и приводит их как «различные версии преданий и слухов». С учетом достаточно скептического отношения Лю Шу к «апокрифической» версии древней истории как таковой, подобный взгляд на датировки описываемых в ней событий выглядит вполне естественным.

Значительно более неожиданным оказывается крайне негативное отношение к существующим датировкам «апокрифической» истории одного из главных ее апологетов — Ло Ми 羅泌 (1131–1189/1203), автора трактата «Лу ши» 路史 («Грандиозная история»), содержащего наиболее полное и систематизированное изложение восходящих к апокрифическим текстам представлений о древнейшей истории Китая.

Проблема датировок затрагивается в комментарии к рассказу о периоде правления первых государей «апокрифической» версии древней истории. Ло Ми приводит несколько вариантов их датировки, однако заключает, что «все [они] едва ли внушают доверие». Далее он говорит, что начало истории имеет определенную дату, однако она не могла быть зафиксирована по причине отсутствия в то время календарей. В подтверждение этой версии Ло Ми приводит примеры соседних с Китаем «варварских» народностей, лишенных полноценных систем летоисчисления. При этом он указывает точное число «фамилий» (сун 姓), правивших на протяжении первых шести и следующих трех эр, однако отмечает, что «[вопрос] о протяженности или краткости сроков их [правлений] можно оставить без обсуждения».

Более того, проблеме датировки древнейшей истории Ло Ми посвятил отдельное эссе под названием «Годы Великой простоты» («Да су чжи нянь» 大素之年), включенное в раздел «Юй лунь» 餘論 («Прочие рассуждения») его трактата. В нем он перечисляет различные точки зрения на длительность «апокрифической» истории, представляющие собой различные модификации упомянутых выше представлений о 2 760 000 лет, и заключает, что все они представляют собой «нелепую ерунду». Более достоверными ему представляются оценки ученых эпохи Тан, говоривших о двухстах с лишним тысячах лет, а также точка зрения Шао Юна 邵雍 (1012–1077), согласно которой со времен «разделения Неба и Земли» прошло чуть более половины вычисленного им календарного цикла продолжительностью в сто двадцать четыре тысячи пятьсот лет.

Таким образом, соглашаясь с восходящими к ханьским апокрифическим текстам представлениями о Десяти эрах и множестве династий, якобы правивших до Фу-си, Ло Ми не признает приведенных там датировок и склоняется к гораздо более скромным оценкам длительности истории.

Трощинский П. В. (ИДВ РАН, Москва)

Право Китая в российской науке: от прошлого к настоящему

Традиционное и современное право Китая, его правовая система, правовая культура, правосознание китайских граждан и действующее законодательство требует своего детального исследования и осмысления. Считается, что китайское право слабо изучено, работающие в предпринимательской сфере отечественные бизнесмены жалуются на отсутствие достаточной информации о китайском законодательстве в русскоязычных источниках. Отчасти они правы, однако главной причиной сказанного является отсутствие не исследований китайского права в России, а информации о них, доступной широкому кругу лиц.

К сожалению, лишь очень немногим специалистам известны фамилии выдающихся отечественных ученых, создавших целое направление в российском китаеведении — «право Китая». Хотя на фоне изучения китайской политики, истории, экономики, лингвистики, философии исследования древнего (традиционного) и современного права Китая «тонут» в «море» созданного отечественным китаеведением материала, тем не менее, в рассматриваемой сфере также достигнуты потрясающие результаты. Российские исследования права Китая по своему уровню нисколько не уступают аналогичным исследованиям американской, европейской, японской научных школ, а по некоторым параметрам даже и превосходят достижения зарубежных коллег.

Исследования китайского права в России имеют глубокие корни и осуществлялись параллельно с зарождением отечественного китаеведения. Уже с XV в. в Российской империи стали появляться первые письменные сведения о Китае. Немногим позже российские миссионеры обратили свое внимание и на уникальные китайские законы, которые переводились и комментировались. Изучение права Китая, наряду с освоением китайского языка, местных культуры и обычаев стало одним из направлений развития отечественной синологии.

В период революционных потрясений в среде русской эмиграции, оказавшейся за пределами Родины, в Харбине был открыт Юридический факультет, на котором впервые в российской истории китайское право не только изучалось, но и преподавалось. К сожалению, факультет просуществовал недолго (1920–1937 гг.), однако оставил после себя обширное научное наследие.

В советской России комплексные исследования китайского права стали осуществляться сразу после образования в октябре 1949 г. Китайской Народной Республики. В 50-х гг. прошлого столетия в советской синологической и юридической науках появился целый ряд монографических работ, посвященных праву КНР, а также многочисленные переводы законов нового китайского государства. После образования в сентябре 1966 г. Института Дальнего Востока Академии

наук СССР и перехода в него из Института государства и права Академии наук СССР проф. Л. М. Гудошникова было положено начало созданию академической школы изучения права КНР в советском государстве. Параллельно с ИДВ РАН, в Институте восточных рукописей (Санкт-Петербург) (ранее: Институт Востоковедения), а также в Институте Востоковедения (Москва) изучалось традиционное (древнее) право Китая.

Отсутствие доступной информации о достигнутых ранее отечественной наукой результатах в сфере изучения права Китая приводит к их игнорированию в трудах современных исследователей, что серьезно влияет на общий научный уровень публикуемых работ. Ценность оставленных нам в наследство научных трудов чрезвычайно велика, и мы можем по праву гордиться достигнутыми нашими великими предшественниками результатами.

Цветков Д. В. (СПбГИК, Санкт-Петербург)

Тангутская религиозная терминология в словаре «Вэньхай»

Словарь тангутского языка «Вэньхай» (Море письмен 文海, тангут. Iwe ngon) является одним из важнейших письменных памятников, созданных в тангутском государстве Си Ся (西夏 1038- 1227 гг.). Был составлен, предположительно, в середине XII в. между правлением императоров Цяньшуня (乾順) и Жэньсяо (仁孝). Представляет собой толковый словарь тангутского языка. Слова в данном словаре сгруппированы по фонетическому признаку. Приводится терминология, относящаяся к различным аспектам жизни государства Си Ся: сельское хозяйство, животноводство, торговля, военное дело, литература, государственное управление, медицина, повседневная жизнь, религия, народные обычаи и др. Таким образом, словарь «Вэньхай» является важным материалом для изучения истории, а также различных сторон жизни тангутского государства.

Из российских специалистов изучением данного словаря занимались Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский, В. С. Колоколов и К. Б. Кепинг. В 1969 г. было издано факсимиле данного словаря с переводом на русский язык и комментариями.

Следует выделить и работы зарубежных, прежде всего, китайских исследователей: Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Чэнь Цин-ин, Чан Фэн-сюань, Хуан Чжэн-хуа и др.

В настоящем докладе проводится анализ словаря «Вэньхай», как источника сведений о религиозной жизни в государстве Си Ся.

Значительную часть религиозного лексикона, представленного в словаре «Вэньхай», составляет буддийская терминология. Буддизм в тангутском

государстве выполнял функцию государственной идеологии, и, таким образом, большое количество буддийских терминов в данном тексте является закономерным.

В словаре «Вэньхай» наиболее многочисленной является терминология, связанная с шаманизмом, а также с простонародными верованиями. Присутствуют наименования различных духов: духов земли, духов скал, духов-защитников, вредоносных духов и др. Также упоминаются некоторые гадательные и моленные практики, в частности, гадание на костях животных (кит. бу 卜, тангут. wjijr) и моление духам земли (кит. дао 禱 тангут. tiei).

Второй, по количеству упоминаемых терминов, религией является буддизм. В словаре указаны основные буддийские термины: Будда (кит. фо 佛, тангут. tha), созерцание (кит. чань 禪, тангут. sja), монах (кит. хэшан 和尚, тангут. sjow), дхарма (кит. фофа 佛法, тангут. tha tsi) и др. Приводятся названия ряда буддийских дхарани.

На третьем месте по количеству идет конфуцианская терминология. Присутствуют названия основных конфуцианских добродетелей, а также некоторые термины, связанные с ритуальной жизнью. В отличие от буддийской лексики и терминологии, связанной с простонародными верованиями, конфуцианская лексика представлена в сравнительно ограниченном количестве. Количество терминов, которые можно отнести к конфуцианству, не превышает десяти.

Практически отсутствует терминология, связанная с даосизмом. Единственный даосский термин, приводящийся в данном словаре – «бессмертный, небожитель» (кит. сянь 仙, тангут. sji). Дается его определение: «Человек, живущий в горах, сумевший достичь долголетия, практикуя Дао-Путь». Слово «Дао-Путь» (кит. дао 道, тангут. tsja) также присутствует в словаре «Вэньхай», однако употребляется оно в прямом значении, как путь, проходимый человеком.

В словаре нередко встречаются повторы. Одно и то же слово может появляться несколько раз, но иметь разные определения. Например, слово «дух, божество» (кит. шэнь 神, тангут. nia) приводится два раза и имеет два разных определения: «Духами называются духи земли и духи-хранители» и «Духами называются духи неба, земли, заклинания для вызова великих духов, Великий дух матушки-земли» и др.

Можно сделать вывод о том, что приводимая в словаре «Вэньхай» терминология достаточно точно отражает религиозную и идеологическую картину в тангутском государстве Си Ся. В рассматриваемом словаре в большом количестве приводится буддийская терминология. Учитывая, что официальной религией, одновременно выполнявшей функцию государственной идеологии, был буддизм, обилие связанных с ним слов и понятий является закономерным. Множество терминов, связанных с шаманизмом и простонародными верованиями, указывает на сильное влияние этих традиций в тангутском государстве.

Это подтверждает ряд других исследований. Конфуцианская терминология представлена в сравнительно ограниченном количестве. Несмотря на то, что конфуцианская классика была переведена на тангутский язык, вполне возможно, что конфуцианство в Си Ся не развилось в самостоятельную идеологическую систему, а лишь составляло часть государственной идеологии. Практически отсутствует даосская терминология. Это может указывать на то, что даосизм в Си Ся не получил широкого распространения.

Приведенный материал еще раз подтверждает, что, глубоко восприняв культуру соседних стран, в особенности Китая и Тибета, тангуты все же сохранили свою специфику.

Безусловно, словарь «Море письмен» является ценным источником сведений о жизни государства Си Ся и требует дальнейших исследований.

Чекулаева А. С. (БГУ, Минск)

Белорусско-российские отношения в зеркале китайской историографии

В последнее время в работах китайских исследователей все чаще находит свое отражение проблематика белорусско-российских отношений. Среди ключевых аспектов, на которых сконцентрировано внимание ученых КНР, можно выделить следующие:

- белорусско-российские отношения после распада СССР;
- Союзное государство Беларуси и России;
- участие двух стран в интеграционных процессах на постсоветском пространстве;
- воздействие внешних факторов на межгосударственные отношения.

Значительная часть исследований посвящена анализу отношений Беларуси и России в постсоветский период. Среди них можно отметить докторские и магистерские диссертации, темой которых является становление и развитие белорусско-российских отношений после «холодной войны»¹, после распада СССР² и в период «тангема Медведев — Путин»³, а также состояние

¹ Ван Ино 王一诺. Исследование отношений между Россией и странами Центральной и Восточной Европы после «холодной войны» (冷战后中东欧国家与俄罗斯关系研究): дис. ... доктора наук. Академия общественных наук КНР, 2012. Ли Лянь

² Ли Чжицин 李志庆. Российско-белорусские отношения после распада СССР (苏联解体后的俄白关系): дис. ... магистра наук. Хэйлунцзянский университет, 2013.

³ Ли Лянь 李连. Анализ российско-белорусских отношений в период «тангема Медведев-Путин» («梅普组合»时期的俄白关系评析): дис. ... магистра наук. Дипломатическая академия, 2010.

и перспективы отношений РБ и РФ¹. В подобного рода исследованиях отношения двух стран рассматриваются в том числе с точки зрения общественной трансформации² и геополитики³ РБ. Некоторые китайские ученые еще в конце 90-х гг. XX в. стали обращать внимание на место и роль белорусско-российских отношений в дипломатии Российской Федерации⁴.

Особое место в числе историографических работ занимают публикации, авторы которых придают важное значение интеграции РБ и РФ, отмечая, что «интеграция в рамках Союзного государства окажет существенное влияние на ситуацию в Евроазиатском регионе»⁵. С 2006 г. начали появляться исследовательские работы, посвященные анализу интеграции РФ и РБ⁶, в том числе с геополитической точки зрения⁷. Помимо состояния и перспектив Союзного государства⁸, китайских экспертов волнуют и экономические⁹ аспекты белорусско-российской интеграции, включая организацию бюджетной системы¹⁰.

¹ Ху Сяобин 胡晓兵. Отношения Беларуси и России: состояние и перспективы (白俄罗斯与俄罗斯关系的现状和前瞻): дис. ... магистра наук. Восточно-китайский педагогический университет, 2008.

² Ван Янь 王彦. Сравнительное исследование политического курса Беларуси и Украины по отношению к России: анализ с точки зрения общественной трансформации (当代白俄罗斯和乌克兰对俄政策比较研究): дис. ... доктора наук. Дипломатическая академия, 2007.

³ Сяо Юй肖宇. Анализ отношений Беларуси и России: с точки зрения геополитики (白俄罗斯与俄罗斯关系探析——以地缘政治为视角): дис. ... магистра наук. Дипломатическая академия, 2013.

⁴ Чжун Юэ 钟悦. Место и роль российско-белорусских отношений в дипломатии России (俄白关系在俄罗斯外交中的地位和作用) // Международный обзор. 1999. № 1. С. 9–12.

⁵ Чжоу Шанвэнь, Ху Цзянь 周尚文, 胡键. Союзное государство России и Беларуси (俄白联盟与一体化理论解读) // Международный обзор. 2002. № 6. С. 29–33.

⁶ Лю Кай 刘恺. Анализ интеграции России и Беларуси (俄罗斯白俄罗斯一体化评析): дис. ... магистра наук. Дипломатическая академия, 2006.

⁷ Лю Даньдун 刘丹东. Союз Беларуси и России с точки зрения геополитики (从地缘政治角度看俄白联盟关系): дис. ... магистра наук. Шанхайский университет иностранных языков, 2013.

⁸ Би Хуньэ 毕洪业. Сложности и перспективы Союзного государства России и Беларуси (俄白联盟的困境及前景) // Экономика Европы и Азии. 2014. № 2. С. 96–104.

⁹ Пань Гуаньюнь 潘广云. Анализ экономической интеграции России и Беларуси (俄白经济一体化评析) // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2004. № 1. С. 43–48.

¹⁰ Пань Гуаньюнь 潘广云. Анализ бюджетной системы Союзного государства России и Беларуси (俄白联盟国家预算制度探析) // Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2006. № 10. С. 12–17.

Участие РБ и РФ в интеграционных процессах на постсоветском пространстве вызывает определенный интерес у ученых КНР, в особенности экономическая интеграция: единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины¹; таможенный союз России, Беларуси и Казахстана (2014 г.). Таможенный союз рассматривается с точки зрения координации и взаимодействия со странами ШОС, в частности с КНР. Особая роль придается России и Казахстану, которые, будучи членами Таможенного союза и ШОС, будут способствовать координации и многостороннему сотрудничеству².

Проблематика воздействия внешних факторов на отношения России и Беларуси также нашла свое отражение в работах китайских исследователей, в частности влияние украинского кризиса на российско-белорусские отношения. Некоторые ученые КНР дают положительную оценку многовекторной и сбалансированной внешней политике Беларуси, подчеркивая, что такой подход поможет «защитить собственные государственные интересы и обеспечить развитие российско-белорусских отношений». Китайские исследователи отмечают важность экономического роста и привлекательности модели развития России для белорусско-российских отношений: «при невозможности следования за российскими экономическими реформами <...> Беларусь вероятно возьмет более активный курс на «сбалансированную политику» и повернется в сторону европейской модели экономического развития, что бросит вызов развитию российско-белорусских отношений»³.

Как свидетельствует представленный корпус исследований, при анализе внешней политики Беларуси китайские ученые особое значение придают российскому вектору: ни одна другая страна, кроме, естественно, самой КНР, не заслуживает такого внимания, как РФ. Кроме того, для китайских исследователей крайне важна экономическая составляющая, в том числе в связи с интеграционными процессами, которые рассматриваются прежде всего с точки зрения интересов КНР. Однако, несмотря на признание ведущей роли РФ во внешней политике РБ, китайскими экспертами дается положительная оценка многовекторности и сбалансированной дипломатии Беларуси, вероятно потому, что это отвечает интересам самого Китая.

¹ Линь Чжихуа 林治华. Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины (白俄罗斯、哈萨克斯坦、俄罗斯、乌克兰统一经济空间研究举要) // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2006. № 3. С. 55–60.

² Ян Шу, Ван Шусэнь 杨恕, 王术森. Развитие и влияние таможенного союза России, Беларуси и Казахстана (俄白哈关税同盟的发展及其影响) // Исследования международных вопросов. 2014. № 4. С. 94–112.

³ Чжан Цзянь 张建. Анализ влияния украинского кризиса на российско-белорусские отношения (试析乌克兰危机对俄白关系的影响) // Мир и развитие. 2017. № 2. 页码 84–100.

Шаронова В. Г. (ИДВ РАН, ИРИ РАН, Москва)

Краткая история Русско-Китайского училища в Тяньцзине и его значение для распространения русского языка в Китае

Развитие русско-китайской торговли в городе-порте Тяньцзине потребовало наличия большого числа переводчиков. Для их подготовки стало необходимым создание школы или училища, в котором китайские дети могли бы изучать русский язык, математику, а также основы горного дела. Китайские власти обратились с соответствующим предложением в Консульство России в Тяньцзине.

В секретной телеграмме из Пекина в МИД от 14/26 августа 1896 г. граф Кассини писал о том, что августовским Богдыханским указом «повелено открыть тяньцзиньское Русское училище»¹.

Русско-Китайское училище было создано китайскими властями (генерал-губернатор Ли Хунчжан) при содействии известного князя Э. Э. Ухтомского.

Ли Хунчжан ходатайствовал «о разрешении проводить занятия секретарем местного консульства В. Ф. Гроссе». «Отрадное начинание»² было удовлетворено, и в 1896 году школа приняла первых учеников. Школа имела большое значение для распространения русского языка в Китае.

Главой училища был назначен директор тяньцзиньской таможни (китаец по национальности), которому принадлежало общее руководство. Кроме того, назначены: китаец-инспектор и учителя китайского. Все расходы по содержанию штата китайское правительство взяло на себя: 700 лан³, или около 1000 руб., в месяц.

Спустя год, благодаря стараниям и трудам Гроссе, были отмечены значительные успехи и прекрасные результаты учеников школы, которые не только в значительной степени усвоили русский язык, но и приобрели знания в области математики, истории, географии обеих стран (Китая и России). Молодой дипломат, совместно с администрацией училища, разработал Устав, Правила, программы преподавания училища. Оставался нерешенным вопрос о постоянном платном педагоге, который бы всецело посвящал себя школе. Секретарь консульства Гроссе совмещал свою основную работу с ежедневными уроками, что отнимало у него много времени.

Поскольку основной целью открытия школы было получение молодыми китайцам понятия о горном деле, то на должность учителя был приглашен горный инженер из Петербурга, которому не понравилось пребывание в Китае, и он вернулся в Россию.

¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 312. Л. 3.

² Там же.

³ Лан (лян)– денежная единица в Старом Китае.

Тогда был приглашен коллежский секретарь Николай Владимирович Любомудров, окончивший курс Восточного факультета с дипломом 2-й степени и рекомендованный Первому департаменту МИД профессором Д. А. Пешуровым, как личность высокой нравственности, с отличной педагогической подготовкой, вполне подходящей для учителя в Тяньцзине. Новый учитель прибыл в Пекин в январе 1899 г. и вскоре приступил к занятиям.

В Правилах Российско-Китайского Училища было указано, что назначением Русско-китайского училища являлось содействие «развитию духовных дарований человека. В этом отношении самым важным делом следует признавать школьные занятия и нравственное усовершенствование, коль скоро ученик преуспевает в нравственности и науках, то впоследствии может управлять делами по международным сношениям, и, если он напрягает силы, чтобы усовершенствоваться в том и в другом, то таким образом идет навстречу главной цели основания училища»¹.

В учебном заведении было два отделения, занятия в которых проводились пять дней в неделю, например, по понедельникам они распределялись следующим образом:

I отделение	II отделение
Чтение	Чтение
Арифметика	Перевод на русский
История	Грамматика
Переводы на русский	Упражнение в письме

В школе обучалось около 30 учеников, которые тщательно соблюдали не только дисциплину во время занятий, но и разработанный для них порядок проведения свободного времени.

В 1900 году, в результате Боксерского восстания, Русско-Китайское училище прекратило свое существование. Однако его опыт и система обучения имели большое значение для преподавания русского языка и других дисциплин в открывшихся в других городах Китая русско-китайских учебных заведениях.

Щербакова М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китайская кинопублицистика о кризисе КПСС и распаде Советского Союза

В 2000 г. в Академии общественных наук Китая под руководством вице-президента Ли Шэньмина был учрежден приоритетный научный проект «Подъем

¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 312. Л. 10.

и падение КПСС и Советского Союза». Одним из результатов вышеуказанного проекта стал выход в 2006 г. публицистического фильма «Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС», подготовленного совместно с Всекитайским исследовательским обществом партийного строительства, издательством Центральной комиссии по проверке дисциплины «Чжунго фанчжэн», а также Цзилиньской издательской корпорацией.

Фильм состоит из восьми серий, каждая из которых посвящена отдельному аспекту внутрипартийной жизни КПСС в контексте распада Советского Союза:

- 1) «История подъема и гибели КПСС»;
- 2) «Основные теоретические и руководящие принципы КПСС»;
- 3) «Идеологическая работа КПСС»;
- 4) «Партийный стиль КПСС»;
- 5) «Партийная верхушка КПСС»;
- 6) «Организационная работа КПСС»;
- 7) «Руководство КПСС»;
- 8) «Ответ КПСС на стратегию вестернизации и разложения, осуществляющуюся Западом».

Выход фильма именно в 2006 г. нельзя назвать случайным. Как известно, 2006 г. был объявлен Годом России в Китае, а 2007 г. — Годом Китая в России. По мнению главного научного сотрудника Института Дальнего Востока РАН Ю. М. Галеновича, «учитывая, что эти мероприятия [«перекрестных годов»] осуществлялись с китайской стороны под руководством ЦК КПК, то есть были следствием предварительно принятого в ЦК решения, можно было ожидать, что будет подготовлен ряд пропагандистских материалов, раскрывающих современный взгляд на Россию из Китая, представляющих собой современное толкование в КНР значения и уроков того, что произошло с СССР и КПСС. И такие материалы появились»¹.

В целом, фильм является довольно подробным изложением истории КПСС и СССР с активным использованием кадров советской хроники. Примечательно, что сопроводительный текст, озвучиваемый диктором, создан коллективом авторов во главе с Ли Шэньмином и неоднократно выходил в Китае в печать отдельно от фильма².

Следует отметить, что не последняя роль в фильме отведена музыкальному сопровождению. Чтобы передать настроение повествования, создатели используют известные советские мелодии, военные песни и даже саундтреки

¹ Галенович Ю. М. Взгляд на Россию из Китая. М., 2010. С. 7.

² См. Ли Шэньмин 李慎明. Чжунго хэпин фачжань юй гоцзи чжаньлюэ 中国和平发展与国际战略 (Мирное развитие Китая и его международная стратегия). Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ. 351 с.

к современным американским блокбастерам. Как отмечает профессор СПбГУ Н. А. Самойлов, «фактически речь идет не только о том, что хотели при помощи саундтрека сказать авторы сериала, но и насколько все это созвучно звуковосприятию китайского зрителя»¹.

В разных сериях неоднократно повторяется, что распаду СССР в первую очередь способствовали внутренние причины, а именно проблемы внутри самой КПСС. В фильме проведен подробный анализ негативных явлений, зародившихся в партийной среде: взяточничество, стремление к личным благам, неприятие талантливых молодых кадров, отсутствие глубокой теоретической подготовки руководящих и рядовых партийных работников и т. д. Авторы видят своей первоочередной задачей оградить КПК от похожих явлений, которые впоследствии могут привести к потере власти и даже гибели государства, как произошло в СССР.

Таким образом, создатели фильма связывают распад СССР прежде всего с кризисом и крахом КПСС и тем самым подчеркивают, что КПК должна стать более дееспособной и гибкой.

¹ Самойлов Н. А. Китайский взгляд на всемирную историю. Размышления в связи с выходом в свет монографии Готелинд Мюллер «Документальные сериалы, мировая история и государственная власть в КНР» // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Спб., 2015. № 2. С. 139.

СЕКЦИЯ X • SECTION X
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF JAPAN

Бутримова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Преподавание японского языка в европейских странах
как один из инструментов публичной дипломатии**

Публичная дипломатия является одним из важнейших инструментов японской внешней политики. Помимо стран Азии и США, еще одним приоритетным направлением является Европа.

В основе рассматриваемого аспекта лежит концепция «мягкой силы». Само понятие появилось во второй половине 1980-х гг. — ввел его американский политолог Джозеф Най. Она включает в себя три вида ресурса: культуру, политические ценности и внешнюю политику. Также он предположил, что одним из способов развития «мягкой силы» является публичная дипломатия, один из аспектов которой — это распространение страной своей культуры по средствам продвижения языка за рубежом. Традиционно, такой метод считается одним из важнейших инструментов «мягкой силы».

Цель исследования: рассмотреть изучение и преподавание японского языка в странах Европы (2000–2010-е гг.) в качестве инструмента публичной дипломатии и «мягкой силы», а также проанализировать результаты политики правительства Японии в сфере культурной дипломатии и продвижения своего имиджа в европейских странах на основе изучения политики в области распространения японского языка за рубежом. В рамках данного исследования рассматривается деятельность «Японского фонда», инициативы «Cool Japan»,

«Sakura Network» и их влияние на распространение японского языка в Европе, а также различные онлайн-платформы, предоставляющие доступ к учебным материалам. Кроме того, еще одним важным аспектом языковой политики является JLPT (Japanese Language Proficiency Test) — экзамен по японскому языку, проводящийся в 85 странах.

В рамках проведения данного исследования был рассмотрен ряд документов и отчетов: Голубые книги Японии, которые позволяют проследить этапы развития отношений японско-европейских отношений; программы инициативы «Cool Japan», где изложены основные направления, цели и задачи, стоящие перед правительством Японии в сфере культурной дипломатии; отчеты о различных опросах, связанных с преподаванием японского языка за рубежом, при помощи которых можно детальнее проанализировать ситуацию с преподаванием и изучением японского в европейских странах.

На сегодняшний день, многие студенты занимаются изучением японского языка не только в практических целях таких, как учеба или работа в Японии, но и потому, что заинтересованы в понимании культуры самой страны. При поддержке Японского фонда реализуются различные программы по обмену студентами, а также специалистами в сфере японского языка; по разработке и составлению учебных материалов, а также по проведению различных конкурсов ораторского мастерства.

Гришачев С. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Реконструкция прошлого: восприятие истории двусторонних отношений в России и Японии в начале XXI в.

Доклад посвящен проблеме восприятия совместного прошлого в обществах России и Японии. Обе страны, несмотря на географическое соседство, за редкими непродолжительными исключениями, на протяжении последних ста лет являлись представителями разных геополитических союзов, что сказалось на формировании разного видения двусторонних отношений и на том, как оно ретранслируется сегодня в самих странах-соседках.

Анализируется проблема реконструкции истории отношений между двумя странами — какие факты становятся объектом научного исследования или объектом повествования в школьных учебниках, а также какие исторические события и личности становятся объектом мемориализации — устаиваются памятников и проведения памятных мероприятий. Помимо этого, дан обзор художественных воплощений, посвященных эти событиям, — литературные сочинениям, фильмам, мультфильмам.

Набор событий и личностей, а также их оценка, в одних случаях совпадают в обеих странах, в других случаях совпадают лишь частично, в третьих — не совпадают полностью. Предлагаемая тема является попыткой объяснить сформировавшуюся номенклатуру совместного исторического нарратива.

Демчук Ф. Г. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Роль Японии в создании Транс-Тихоокеанского партнерства

Транс-Тихоокеанское партнерство — это соглашение между одиннадцатью странами Азиатско-Тихоокеанского региона, нацеленное на экономическое сотрудничество и либерализацию торговли. Изначально идею создания такого содружества выдвинули Сингапур, Чили и Новая Зеландия, однако широкую огласку и продвижение эта идея получила лишь когда ей заинтересовалось правительство США в 2012 г.

В то время президентом США был Барак Обама, и одним из приоритетных направлений его политики был акцент на вовлечение в АТР или так называемый «Тихоокеанский поворот». Целью этой стратегии, в том числе, было сдерживание влияния Китая в регионе¹, поэтому ТТП, в котором не предполагалось участие КНР, как раз помогло бы США в достижении целей в АТР. Однако для этого им нужно было заручиться поддержкой Японии — одной из самых экономически развитых стран региона и ближайшего партнера США.

Переговоры об участии Японии в ТТП были длительными и сложными, обсуждение заняло несколько лет, потребовалось много встреч, в том числе и на высшем уровне. Лишь к концу 2015 г. все вопросы были урегулированы, и Япония подтвердила готовность присоединиться к соглашению.

Однако соглашению не суждено было вступить в силу в том виде, в котором оно было задумано изначально. В 2017 г. новым президентом США стал Дональд Трамп, который в ходе своей предвыборной кампании обещал выйти из соглашения по ТТП, поскольку видел в нем угрозу американской экономике. Уже через три дня после инаугурации Трамп подписал указ о выходе из ТТП.

Премьер-министр Японии Синдзо Абэ пока не представлял, что партнерство может быть успешным без США, потому что именно Вашингтон был инициатором соглашения. Именно поэтому на первых встречах Абэ и Трампа премьер-министр пытался уговорить президента США обдумать свое решение

¹ Schoff J. L. *Uncommon Alliance for the Common Good: The United States and Japan After the Cold War*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace Publications Department, 2017.

и все же вернуться обратно в партнерство¹. Тем не менее, Трамп настаивал на том, что торговые отношения со всеми странами, в том числе и с Японией, будут урегулированы только в виде двусторонних соглашений.

Участники ТТП все же решили собраться без Соединенных Штатов. Встреча состоялась в марте 2017 года. Участники не могли договориться друг с другом, было даже выдвинуто предложение пригласить Китай, что противоречило изначальным целям соглашения. Казалось, что у ТТП уже нет будущего, но именно в этот момент Япония под руководством Абэ взяла на себя роль лидера. Среди причин, которые повлияли на Токио, можно назвать желание воспрепятствовать участию КНР, а также возможные выгоды от соглашения — ведь Япония теперь была самой экономически развитой страной среди оставшихся².

В итоге по инициативе Абэ одиннадцать стран на уровне министров торговли собрались вновь в мае этого же года во Вьетнаме, где было решено множество спорных вопросов. Между этой встречей и окончательным подписанием соглашения всеми участниками в марте 2018 г. состоялось еще шесть совещаний, четыре из которых были проведены в Японии и по инициативе японской стороны. В течение всего года представители Токио подчеркивали, что ТТП может быть успешно и без США, а соглашение принесет только плюсы для всех стран-участниц и поспособствует экономическому развитию региона.

Таким образом, Япония, увидев для себя возможную выгоду, взяла на себя лидерскую роль в переговорах между странами и в итоге смогла привести все одиннадцать стран к согласию по поводу будущего ТТП без Соединенных Штатов.

Досовицкая В. В. (ИБ РАН, Москва)

100 лет с формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: от Первой до Второй мировой войны

Версальско-Вашингтонская система международных отношений сформировалась в 1919–1922 гг. для закрепления итогов Первой мировой войны. В основе этой системы стояли Версальский мирный договор (фр. *Traité de Versailles*, англ.

¹ Terada T. How and Why Japan Has Saved the TPP: From Trump Tower to Davos // The Asan Forum. <http://www.theasanforum.org/how-and-why-japan-has-saved-the-tpp-from-trump-tower-to-davos>. (17.02.2020).

² Фудзии Г. Партнерство Японии и США. Вопросы безопасности, внешней политики и экономики под влиянием политики Трампа. Токио, 2017. С. 184. (藤井厳喜。日米対等。トランプで変わる日本の国防・外交・経済。東京、2017。184ページ。)

Treaty of Versailles), договоры с союзниками Германии, а также соглашения, заключенные на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Система была призвана сформировать новый мировой порядок в том виде, в каком их видели страны-победительницы: Великобритания, Франция и США.

От Японии в конференции участвовали посол Японии в США Сидэхака Кидзюро, Токугава Иэсато и адмирал Като Томосабуро.

13 декабря 1921 г. был подписан «Договор четырех держав» (англ. *Four Power Treaty*, яп. 四力国条約, ённакокудзёяку) между Великобританией, США, Францией и Японией. Договор был призван сохранять статус-кво в бассейне Тихого океана и взаимную военную поддержку держав-участниц договора. Под давлением американской дипломатии и ввиду отсутствия консолидированного мнения по этому вопросу в Великобритании договор предусматривал также ликвидацию англо-японского союза 1902 г. (а также 1905 и 1911 гг.), направленного в тот период против усиления позиций США на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Отмечалось, что договор требовал обновления, так как Великобритания не собиралась присоединиться к Японии в войне против США.

Договор был не аннулирован, а лишь заменен соглашением четырех держав, — двусторонний пакт уступил место пакту четырех держав, а Япония получала гарантии военно-морской безопасности. Таким образом, соглашение юридически закрепляло статус-кво и временное равновесие четырех держав в Тихоокеанском регионе.

На конференции также был заключен «Договор пяти держав» (более известный как «Вашингтонское морское соглашение 1922 г.», англ. *Washington Naval Treaty*, яп. ワシントン海軍軍縮条約, *васинтон кайгун гунсякудзёяку*), между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией от 6 февраля 1922 г. Соглашение устанавливало соотношение тоннажа линейных судов и авианосцев в следующей пропорции: 5:5:3:1,75:1,75 (США, Великобритания, Япония, Франция и Италия соответственно). По инициативе США было также принято предложение о запрещении постройки линкоров водоизмещением свыше 35 тыс. т., и заключалось на срок до 31 декабря 1936 г.

Дело в том, что все страны-участницы приступили к масштабному наращиванию военно-морского флота во время войны, и каждый нуждался в гарантии, что ограничение строительства не поставят его в невыгодное положение.

Также 6 февраля 1922 г. всеми участниками конференции (США, Англия, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия и Китай) был подписан «Договор девяти держав» (англ. *Nine Power Treaty*, яп. 九力国条約, *кюкакокудзёяку*). После Первой мировой войны Китай стал рассматриваться не как объект монопольных притязаний Японии, а как общий объект эксплуатации всеми участниками договора, что требовало совместных действий мировых

держав для обеспечения территориальной целостности Китая, уважения его суверенитета и провозглашения принципа «открытых дверей и равных возможностей».

Кикнадзе Д. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Японский иллюстрированный свиток Ямаи-но со:си» (XII в.) как источник жанра *эцува эмаки*

Одним из любопытных источников второй половины XII в. о болезнях, больных и людях с теми или иными физическими отклонениями, можно считать иллюстрированный свиток жанра эмакимоно «Ямаи-но соо:си» (病草紙, в пер.: «Свиток о хворях»).

Иллюстрации «Ямаи-но со:си» были созданы на рубеже XII и XIII вв., хотя официально их принято датировать второй половиной эпохи Хэйан. Оригинал свитка утрачен, имя художника неизвестно, однако, судя по числу копий этого свитка, можно представить, какой популярностью они пользовались в среде образованных японцев того времени. Копий настолько много, что они хранятся повсеместно, почти в каждом музее Японии.

В настоящее время в коллекции Национального музея Киото (京都国立博物館) и Национального музея Токио хранятся по 9 одних и тех же изображений свитка.

Коллекция музея Киото наиболее близка к оригиналу, это 9 рисунков эпохи Хэйан общим числом в 11 листов. В 1951 г. свиток из киотосской коллекции был объявлен национальным достоянием.

Иллюстрации Ямаи-но со:си хранились в частной коллекции поэта Одатэ Такамон из Нагоя, жившего в период Кансэй (1789–1801). На свитке есть пометка о том, что поэт Одатэ Такамон из Нагоя объединил 15 листов с рисунками в один свиток. Однако, по этому свитку заметна нехватка четырех изображений руки одного мастера или живописной школы, которые, как считается, в свое время были отрезаны от свитка. Считается, что изначально рисунки существовали в виде разрозненных листов, пользовались популярностью в обществе, часто копировались для частных коллекций. Каждое изображение сопровождается текстом — письменным пояснением к иллюстрации. Размер изображений не одинаков, варьируется в пределах 26 × 38 см, 26 × 41 см и т. д., у некоторых изображений текст занимает дополнительный лист.

В коллекции Национального музея Киото 9 рисунков на 11 листах:

1. Мужчина с анальным свищем 痔瘻(じろう);痔瘻の男
2. Мужчина, удаляющий лобковых вшей 陰虱(つびしらみ);陰虱をうつされた男

3. Женщина с симптомами холеры 霍乱(かくらん); 霍乱の女
4. Гермафродит 二形(ふたなり); 二形の男
5. Мужчина с коротким языком 小舌(しょうした); 小舌のある男
6. Мужчина с шатающимся зубом 齒の揺(ゆ); 揺らぐ男
7. Мужчина с глазной болезнью 眼病(がんびょう); 眼病の男
8. Женщина со зловонным дыханием 口臭(こうしゅう); 口臭の女
9. Мужчина, страдающий от болезни глаз 風病(ふうびょう); 風病の男

Тем не менее, местонахождение четырех недостающих иллюстраций известно: 3 из них хранятся в частном собрании («Женщина-альбинос» (яп.: 白子(しらこ); 白子の女, досл. «женщина-моло́ко») «Черноносые отец и дети» (яп.: 赤鼻の親子), «Девушка, страдающая от бессонницы» (яп.: 不眠症(ふみんしょう); 不眠症の女), а одна — «Тучная женщина» (яп.: 肥満(ひまん); 肥満の女) хранится в коллекции Музея изобразительных искусств города Фукуока.

Источниковедческая ценность свитка объясняется следующим обстоятельством. Свиток по своему содержанию связан с японским повествовательным жанром сэцува, в основе которого по традиции были грубые, непристойные, забавные или ужасные истории из жизни простого народа. Для Ямаи-но со:си была выбрана как раз наиболее приземленная, «низкая» тема, которая в терминологии произведений жанра сэцува бытует, как «наманамасий сэцува» (живой, свежий) — сюжеты из народной жизни без прикрас, так, как они могли происходить на самом деле.

Благодаря своей тесной связи с сюжетами жанра сэцува, изображаемые люди и ситуации, хоть и болеют или страдают от физических дефектов и расстройств, существуют не сами по себе, как образцы для медицинских пособий, а встроены в определенную ситуацию, ту или иную историю вокруг их болезни. Под влиянием жанра сэцува Ямаи-но со:си воспринимаются в контексте занимательных историй сэцува, но никак не в качестве намеренной визуальной фиксации болезней и больных того времени.

В живописном отношении «Ямаи-но со:си» выполнен в стиле ямато-э, из которой в XIV в. выросла школа Тоса, как и в одном жанре с другими эмакимоно «Гаки-со:си» «Записи о голодных духах» 餓鬼草紙 XII–XIII вв. и «Сямон дзигоку со:си» (в пер.: «Записи об аде для грешных монахов» 沙門地獄草紙, XIII в. Существует мнение о том, что «Записи о хворях» — логическое продолжение серии назидательных эмакимоно об ужасах ада в жанре буддийских картин Рокудо-э (Картины шести ступеней ада), и представляет собой печальную и жестокую сторону мира людей. Однако болезни и больные на листах свитка показаны лишь как визуальное сопровождение к тексту, как иллюстрации. Чаще всего рисунок гораздо более красноречив, чем письменное пояснение.

Эта версия о причинах создания рисунков большинству японских специалистов кажется несостоятельной, тогда, как связь с жанром сэцува выглядит наиболее убедительной.

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. эпох Хэйан и Камакура жанр короткого дидактического рассказа сэцува вылился в нечто большее, вдохновив художников того времени на создание иллюстраций с текстовыми вставками.

Тема предполагает рассмотрение всех листов данного источника с переводом текстовых вставок, подразумеваются также дальнейшие перспективы изучения памятника.

Климов А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Деятельность Мацуда Дэндзю:ро: 松田伝十郎 в Аккэси 厚岸¹

Дневниковые записи Мацуда Дэндзю:ро:² 松田伝十郎 (1769–?) под названием «Рассказы о северных варварах» (Хокуидан, 北夷談)³ начинаются с того, что во 2-ю луну 11-го года эры Кансэй 寛政 1 1 年 (1799) распоряжением военного правительства (бакуфу, 幕府) «земли восточных варваров» (хигаси эдзоти, 東蝦夷地) от местности Мицуиси ミツイシ на Хоккайдо до острова Итуруп включительно (Эторофу-то:, エトロフ島), владельцем которых был даймё Мацумаэ Сима-но ками 松前志摩守 (Мацумаэ — фамилия, Сима-но ками — титул, Мацумаэ Повелитель островов), были переведены под прямое управление центрального правительства в Эдо 江戸.

Из Эдо в Аккэси 厚岸 (43°02'N, 144°50'E⁴) была направлена экспедиция для освоения «земель восточных варваров» (хигаси эдзоти, 東蝦夷地) в состав которой входил Мацуда. Аккэси — это самый большой порт в землях восточных

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20–09–00401. The reported study was funded by RFBR, project number 20–09–00401.

² Двоеточием обозначаем долготу в японских словах.

³ Мацуда Дэндзю:ро: 松田伝十郎. Хокуидан (北夷談 = Рассказы о северных эдзо).// Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй (日本庶民生活史料集成 = Собрание исторических материалов о жизни простого народа Японии). В 10 т. Т. 4. Токио, 1969. С. 77–175; Хокумон со:сё (北門叢書, Библиотека: Северные Врата) в 6 т. Т. 5. Сост. О:томо Кисаку 大友喜作. Токио: Кокусё канко:кай 国書刊行会, 1972. С. 117 — 276.

⁴ Хоккайдо: энган суйроси. Хоккайдо: энган — Хоккайдо: то:хо: — Цугару кайкё: — Со:я кайкё: (北海道沿岸水路誌. 北海道沿岸・北海道東方・津軽海峡・宗谷海峡 = Описание водного пути вдоль побережья Хоккайдо. Побережье Хоккайдо — восток Хоккайдо — пролив Цугару — пролив Соя). Токио: Кайдзё: хоантё: (海上保安庁 = Агентство безопасности мореплавания), 1983 (Сё:ва 58-нэн, 昭和 5 8 年 = 58-й год эры Сё:ва). С. 294.

варваров. Он открыт в юго-западную сторону, на входе в гавань находятся два маленьких острова: остров Дайкокудзима 大黒島 и остров Эбусудзима 恵比寿島. Есть много хорошего леса для постройки домов, судов и их оснастки.

«Местные ловят селедку, горбушу, кету, треску, трепанг, добывают морскую капусту, много ловят камбалы, иваси и прочих рыб. Есть небольшая бухта на выходе из гавани. В ней добывают устриц. В горах охотятся на медведей и орлов.

Человек по имени Икотоэ *イコトエ*, главный старейшина в Аккэси — самый влиятельный среди варваров в восточных землях, однако ж, плохой человек. Его причисляли к самому богатому айну в восточных землях. Раньше случалось, что он убивал людей, совершал плохие поступки, но он обладает большим влиянием. И в своем поселении, и в других местах у него есть аж 50–60 мужчин и женщин из варваров, которых называют утарэ *ウタレ* (прислуга *家来*). А также у него есть около 30 любовниц, по-айнски Поммати *ポンマチ*. Для варваров драгоценностью являются мечи (катана), поясные укороченные мечи (вакидзаси), гарды (цуба), лаковые изделия, и он ими во множестве владеет. Это все вещи, которые он получил в качестве компенсации от проигравших при определении победителя в боях «мэка-ути» — дуэль дубинками, которые делались из твердого дерева длиной 4 сяку (1 сяку — 30, 3 см), с утолщением к концу, к которому прикрепляли бугорки. После того, как эти земли перешли под управление бакуфу, такие дуэли были запрещены.

Мы прибыли в Аккэси в разгар лета в 6-ю луну (доэ:, *土用*), с начала 9-й луны шел снег, в 10 и 11 луну скопилось снегу 3–4 сяку. Перезимовали в местности под названием Апута *アプタ*. Во владениях Апута есть место под названием Рэфунгэ *レフンゲ*. На удалении примерно 1,5 ри от этого места на скалистом мысе на берегу моря есть место под названием Кэхою *ケホユ*, там есть грот (ганкэцу *岩穴*). Когда войдешь в этот грот, то обнаружишь 4 буддистских скульптурных изображений. Если извлечешь их наружу, это бодхисатва Каннон.

Когда наступили холода, выпавший снег превысил стрех крыш. В жилых помещениях царил темнота, зачастую в полдень, днем очень часто использовали искусственное освещение. Поэтому было подавленное настроение, много людей болело. С 10-й луны и до 3-й луны следующего года включительно было трудно выбираться на улицу. Было печально сидеть только при искусственном освещении. Местные жители носят очень тонкую одежду или шкуры животных. Детей до 12–13 лет растили голыми, при крайнем холоде носили только одежду из шкур собак. Дети выходили на морской берег, резвились, занимались борьбой, похожей на сумо.

Только в Апута повсеместно проводятся праздники медведя. Это очень важный обряд у варваров (идзин, *夷人*). Ранней весной медведица рождает медвежонка, его отлавливают, и женщина откармливает своим молоком и воспитывает. В 5–6-ю луну его воспитывают как собачонку. Затем помещают в деревянную клетку и кормят сушеной рыбой.

В 10–11 луны, родственники хозяина, кормящего медведя, знакомые, а также старейшины собираются в праздничных одеждах (харэги, 晴れ着) с луками и стрелами выстраиваются шеренгой. Убивают медведя, поклоняются ему и устраивают пир».

Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Меновая торговля и денежное обращение в древней Японии

Торговля в виде обмена одного товара на другой существовала с древних времен. Однако, носила она ограниченный, подчиненный характер по отношению к натуральному хозяйству. В это время возникают рынки как место меновой торговли. В начале VIII в. появляется в качестве всеобщего эквивалента особый товар — деньги в виде медных и серебряных монет, а также меди и серебра в слитках. В означенное время медь, железо и серебро в слитках, а не золото как в Европе, начинают выполнять роль денег. Они обладают такими важными свойствами, как однородность (если власти намеренно не производят порчи монеты, включая в них более дешевый металл), делимость (особенно это относится к медным монетам, нанизанным на шнур), портативность и хорошая сохраняемость. Функцию денег также продолжали выполнять рис (в зернах и снопах), полотно, шелковые ткани и другие товары широкого потребления.

Самая старая японская монета из меди, именуемая *фухонсэн* 富本錢, предположительно была отлита в 683 г. в 12-й год правления императора Тэмму 天武天皇十二年. О ней, предположительно, есть запись в хрониках «Анналы Японии» («Нихон сёки»). Монета не получила широкого хождения. Ею пользовались аристократы, чиновники высокого ранга и ареал ее распространения ограничивался столицей и ее окрестностями. Монета *фухонсэн* больше была востребована в качестве фетиша, амулета (дзюбуцу 呪物) и сокровища (такарамоно 宝物).

Кроме того, следует несколько слов сказать о медных монетах, известных под названием *ё:сё:сэн* 厭勝錢 с круглым отверстием посередине. Эти монеты также назывались в народе *энсё:сэн* и *ассё:сэн*. Это были своего рода обереги, талисманы (гофу 護符) в форме круглых монет, которые носили, вероятно, на шее на шнурке, с тем, чтобы отогнать беды и привлечь удачу. Два первых иероглифа в названии монеты *ё:сё:* (в просторечии *энсё:*, *ассё:*) имеет значение заклинания, накладываемые на человека в защиту его. Оберег имеет форму медной монеты, на лицевой стороне которой наносились благопожелательные выражения, состоящие из четырех иероглифов таких, как, к примеру: материального благополучия, удачи, долгих лет жизни и богатства, которые принесут медные

монеты (сэндзу-мандзай «千秋万歳», мира и спокойствия в Поднебесной (тэн-ка-тайхэй «天下太平»), долголетия, знатности и богатства (тё:мэй — фу:ки, «長命富貴»), вечной молодости без старости (ханайкэ — фу:ро:, «花生不老»), оставить несчастья в прошлом, отвести удары судьбы и беды (кёо:-дзёкё:, «去殃除凶»), на вечные времена извести все беды и несчастья (мансай-эймэцу, «万災永滅»), защита от всех недугов (мамбё:-фусин, «万病不侵»). На обратной стороне монеты-оберега наносились изображения с благопожелательным смыслом, например: Полярная звезда, рыба с двумя хвостами, черепаха-змея, дракон и птица, приносящая счастье, новолуние. Такие обереги в виде монет были заимствованы из Китая. И в этой связи следует подчеркнуть, что они прежде всего обладали, по мнению японцев того времени, магической силой и не рассматривались как средства обмена.

7 февраля 708 г. (5-год эры Кё:ун / Кэйун, первая луна, 11-й день) в провинции Мусаси, уезде Титибу 武蔵国秩父郡 (ныне префектура Сайтама, город Титибу-си, 埼玉県秩父市) обнаружили самородную чистую медь, поэтому сменили девиз правления Кё:ун / Кэйун на Вадо: (дословно: Японская медь, 和銅) и приступили в этом же году (первом году эры Вадо:, 和銅元年) к отливке японской медной монеты, дав ей название «Вадо: кайтин» «和同開珎». Через три года (в 3-й год той же эры), в 710 г., двор переехал в столицу Хэйдзё:кё: (ныне Нара 奈良). С 708 по 958 г. было проведено 12 эмиссий медных монет. С ослаблением власти императорского двора, возникшими экономическими трудностями и значительным падением покупательной способности с середины X в. в Японии на долгое время центральным правительством прекращается отливка медных монет.

Климова О. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Японские переводчики айнского языка в XVII–XVIII вв. — по японским источникам¹

В XVII–XVIII вв. Япония придерживалась политики самоизоляции, и все немногочисленные контакты с внешним миром были строго регламентированы и жестко контролировались центральным правительством. Те немногочисленные места на территории Японии, где еще происходило соприкосновение с внешней культурой и иностранцами носили название «четырёх входов» (ёццу но кути 四つの口). Так, на Цусима 対馬 был разрешен вход судам из Кореи, Сацума 薩摩 — судам с Рюкю 琉球, в Мацумаэ

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20–09–00401. The reported study was funded by RFBR, project number 20–09–00401.

松前¹ велась активная торговля с айну, а Нагасаки 長崎 был единственным портом, куда помимо китайских торговых кораблей было позволено заходить и голландским судам.

Именно в этих местах, где происходило проникновение чужеземной культуры, были необходимы переводчики. С их помощью происходило общение с чужеземцами. Так, в Нагасаки помимо переводчиков голландского языка, имелись переводчики китайского языка, которых называли то:цу:дзи (唐通詞) и незначительное число переводчиков сиамского, вьетнамского и тайваньского языков. На Цусима были переводчики корейского языка. Помимо устных и письменных переводов, с помощью представителей переводческой профессии производился сбор необходимой информации о той или иной стране.

Так, именитый клан Со (宗氏), под управлением которого находился о. Цусима, выступил инициатором организации так называемых специальных мест пребывания японцев — вакан (倭館) — в Корейском городе Бусан. Именно в данных вакан собиралась интересующая клан Со информация и передавалась им обратно в Японию. Данная деятельность была бы невозможной без помощи переводчиков.

Статус переводчиков во время периода самоизоляции Японии мог сильно отличаться в зависимости от места, в котором они находились и от того каким языком они владели. Япония вела активную торговлю с такими странами как Китай и Голландия, однако, единственной страной, с которой у Японии были официально установлены дипломатические отношения, была Корея. Соответственно деятельность корейских переводчиков, в отличие от прочих, была узаконена и строго регламентировалась.

Известная гильдия переводчиков голландского языка также имела строгую иерархическую структуру. Она состояла из двух групп. В первую группу входили «старшие переводчики» «о:цу:дзи» 大通詞, которые стояли на верхней ступени иерархической лестницы переводчиков, и «младшие переводчики» «коцу:дзи» 小通詞. Ко второй же группе относились переводчики, которым был присвоен титул «внутренних переводчиков» «найцу:дзи» 内通詞. Далее существовало более мелкое деление.

Помимо вышеупомянутых официальных представителей переводческих гильдий существовали и другие — те, через которых также велось общение с представителями иных культур. Ими были переводчики айнского языка на Эдзоти (ныне: Хоккайдо). До XVII в. существует мало информации относительно представителей данной профессии на Хоккайдо. Скорее всего, изначально они являлись посредниками в торговле с айнами, и на этом их функции заканчивались.

¹ Княжество Мацумаэ — самое большое феодальное княжество на острове Хоккайдо.

Однако к концу XVIII в. переводчики айнского языка стояли на передовой линии управления японцев айнами. Их права и обязанности были настолько обширны, что фактически, они, являясь представителями власти на местах, полностью управляли айнским народом. Интересным является и тот факт, что айнам запрещалось учить японский язык и говорить на нем, поэтому все общение происходило только при помощи переводчиков.

Данная тема связана с рассмотрением вопросов формирования переводческой гильдии айнского языка, функций переводчиков и изменений их статусе в период с XVII по XVIII вв.

Клобукова (Голубинская) Н. Ф.
(Московская государственная консерватория, Москва)

Японские заимствования в дневниках святого равноапостольного Николая Японского и проблемы их идентификации и перевода

Дневники Святителя Николая Японского (1836–1912), которые он вел на протяжении более сорока лет, охватывают события практически всей эпохи модернизации Японии, именуемой периодом Мэйдзи (1868–1912). Этапы строительства нового японского общества, реформы различных сторон его жизни, множество событий и людей, — все это можно найти на страницах Дневников, благодаря чему они по праву считаются уникальным историческим документом. Дневники обладают также немалой литературной ценностью, поскольку Святитель был наделен несомненным писательским даром, живым и ярким слогом, художественным видением происходящего. Святитель свободно владел японским языком, и в своих записях, ведшихся по-русски, часто использовал японские слова и термины, а также описывал различные исторические и современные ему события японской жизни с участием известных личностей. Местные легенды и верования, старинные наименования географических местностей и объектов, обряды и обычаи, человеческие занятия, характеры и профессии, названия птиц, зверей, цветов, деревьев, пословицы, поговорки и даже народные песни — все попадало в круг внимания и интереса Николая Японского, свято соблюдавшего главный принцип миссионера: знать и уважать историю, религию и культуру той страны, в которой ты проповедуешь.

«Японизмы», делающие литературную речь Дневников живой и образной, представляют, однако, немалую трудность для читателей, не знающих японского языка. Поэтому при подготовке нового издания Дневников для Полного собрания сочинений Святителя Николая Японского, начатого в 2019 г., было принято решение о составлении японско-русского словаря слов и имен соб-

ственных, упоминаемых в Дневниках. В настоящее время вышел первый том Дневников (1870–1888 гг.) и готовится к печати второй (1889–1895 гг.). Автор настоящей статьи, будучи составителем словаря, хотел бы привести примерную классификацию заимствованных японских слов, а также рассказать о трудностях их атрибуции и перевода, возникающих из-за устаревшей транскрипции японских слов на русский язык, из-за трудночитаемого почерка Святителя и связанной с этим неопределенности толкований в силу большой степени омонимичности японской лексики. Многие слова, которые в конце XIX — начале XX вв. были общеупотребительны, к настоящему времени устарели или обрели новые значения, поэтому для их истолкования приходится поднимать значительные пласты японской истории и культуры и консультироваться у японских специалистов. Составление словаря из кажущейся поначалу рутинной работы превратилось в большой труд, связанный с изысканиями в самых различных областях знаний о Японии.

Кратко классифицировать японские заимствования в Дневниках можно следующим образом:

1. Термины, связанные с православной церковью. Названия церковных учреждений, должностей, служб, молитв, реалий приходской жизни (например, статьи церковных доходов и расходов) и т.д. Многие из этих терминов, придуманные и введенные Святителем, используются Японской православной церковью по сей день, однако есть и вышедшие из употребления.

2. Термины, связанные с католической и протестантской церковью.

3. Термины, связанные с буддийским и синтоистским верованиями.

4. Исторически сложившиеся наименования сословных титулов, должностей и рангов, бытовавшие в Японии в эпоху Токугава и упраздненные в эпоху Мэйдзи, но сохранившиеся в обиходной речи.

5. Термины, связанные с повседневной жизнью японских горожан и крестьян: названия транспортных средств, орудий производства, предметов одежды, архитектурных деталей и т. д.

6. Названия местных достопримечательностей (дворцов, храмов, памятников, природных объектов) и связанные с ними истории и легенды. Святитель живо интересовался ими во время миссионерских поездок по отдаленным японским приходам и не упускал возможности расспросить о них местных жителей.

7. Названия объектов флоры и фауны, в частности, деревьев и кустарников.

8. Названия профессий и термины, связанные с производством (например, с шелководством или с сельским хозяйством).

9. Персоналии — исторические личности, литературные герои, современники.

Названия местностей, географических объектов, городов, деревень, областей и т. д.

Кроме того, Святитель зачастую использовал японские слова (прилагательные, наречия, глаголы, междометия) в контексте повествования, если ему

было это удобнее или, по его мнению, японское слово более точно выражало характер явления, события или человека. Тексты Дневников, таким образом, представляют собой уникальный лингвистический микст, в котором русский и японский языки рисуют яркую, выразительную, образную картину японской жизни периода модернизации.

Луценко А. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

«Свод правил для учеников школы *тэракоя*» Сасаяма Байана (конец XVII в.): образование, воспитание и каллиграфия в период Токугава

Период Токугава (1603–1868) известен распространением грамотности в Японии. Стремление к образованности стало престижным и практически полезным в условиях урбанизации, роста торговли и административной системы, опирающейся на широкое применение документооборота. Основные течения общественной мысли, в особенности конфуцианство, поощряли самосовершенствование каждого человека (в том числе посредством изучения текстов) для правильного исполнения всеми своих общественных обязанностей и достижения всеобщей социальной гармонии¹.

С конца XVII в. в частных начальных «прихрамовых школах» (яп. *тэракоя*) преподавались основы грамотности («чтение, письмо, абак (счеты)», яп. *ёми каки соробан*). Главная функция школ, которых было около 10 тысяч по стране, состояла в обучении горожан и крестьян практическим навыкам, но большое значение придавалось и духовной стороне обучения². Буддизм и конфуцианство влияли на нравоучительное содержание учебных пособий, но с середины XVII в. стали преобладать конфуцианские идеи.

Обучение грамоте состояло во многом в изучении распространенного в период Токугава каллиграфического стиля *оиэрю*:. Этим стилем скорописи писали документы, письма и печатали книги. Каллиграфия занимала важнейшее место в системе образования, о чем свидетельствует огромное количество изданных пособий, письмовников и словарей.

Одним из самых известных пособий является «Свод правил для учеников школы *тэракоя*» (*Тэрако сэйкай сикимоку*), который широко использовался в XVIII–XIX вв. Учитель каллиграфии Сасаяма Байан (конец XVII в.) из города Осака составил перечень правил для учеников своей школы и использовал

¹ Nосco P. Intellectual Change in Tokugawa Japan // W. M. Tsutsui (ed.). A Companion to Japanese History. Malden, 2007. P. 101–116.

² История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2018. С. 242–245.

его в качестве образцового текста для переписывания учениками. Этот текст, опубликованный в 1695 г., многократно переиздавался и пользовался большой популярностью как пособие для школ *тэракоя*¹. К сожалению, подробные сведения об авторе и его школе отсутствуют.

Текст состоит из 37 параграфов, в которых даны наставления по каллиграфии и множество нравоучений. Свод правил Сасаяма Байана ставит целью воспитание человека, в первую очередь, на основе конфуцианской этики². Подчеркивается важность письма для достижения духовного совершенства. В тексте есть и предостережения о том, что нарушение правил и неправильное сознание и поведение приводят к позору и потере положения в обществе³. Наставления затрагивают самые разные стороны жизни учеников: обращение с кистями, отношение к учителю и другим ученикам, прилежание, вредные привычки, поведение в школе и на улице. Это пособие содержит ценные сведения о подходе к обучению, быте учеников и дисциплине в школах *тэракоя*.

Медведева А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О соотношении и взаимодействии международного права и национального права Японии на примере правового положения острова Окинава после Второй мировой войны

Создание Конституции Японии связано с Актом о капитуляции Японии 1945 г. и Уставом Токийского трибунала (1946 г.), в которых был продемонстрирован приоритет США в японской политике. В 1947 г. принята Конституция Японии (*далее — Конституция*)⁴. В 1951 г. Япония в один день подписывает

¹ Коидзуми Ёсианага. Эдо но тэнараи, хитодзукури — Эдо сёмин но нингэн кё:ику ни манабу — Сасаяма Байан «Тэрако сэйкай но сикимоку» о ёму (1) [Каллиграфия и воспитание человека в период Эдо — изучение воспитания людей в народном образовании периода Эдо — читаем «Свод правил [для] учеников школы *тэракоя*» Сасаяма Байана (1)] // Сёся сёдо: 2019. № 1. С. 4–5.

² Минова Кэнрё: Бакухан тайсэйка но буккё: то минсю:ка но иги [Значение буддизма и его популяризации в условиях системы бакухан] // Кинсэй но сэйсин сэйкацу [Духовная жизнь в период Эдо]. О:кура сэйсин бунка кэнкю:сё. Токио: Яги сётэн, 1996. С. 335–370.

³ Коидзуми Ёсианага. Эдо но тэнараи, хитодзукури — Эдо сёмин но нингэн кё:ику ни манабу — Сасаяма Байан «Тэрако сэйкай но сикимоку» о ёму (2) [Каллиграфия и воспитание человека в период Эдо — изучение воспитания людей в народном образовании периода Эдо — читаем «Свод правил [для] учеников школы *тэракоя*» Сасаяма Байана (2)] // Сёся сёдо: 2019. № 2. С. 4–5.

⁴ Конституция Японии: подписана 3.11.1946 г., вступила в силу 3.05.1947 г.

Договор о безопасности с США¹, ознаменовавший создание военных баз, и Сан-Францисский мирный договор со странами антигитлеровской коалиции², по статье 3 которого контроль над Окинавой переходил США³. Законодательным собранием Рюкю, полномочия которого определялись американскими властями, в 1952 г. принята резолюция «за возвращение Окинавы Японии»⁴. В 1952 г. актом «О развитии отдаленных островов» введены новые статьи расходов государственного бюджета. К островам, где находятся американские военные базы, принят дополнительно «Акт особого развития» и акт «Об особых мерах, применяемых к префектуре Окинава». В ходе работы над «окинавским вопросом» в 1960–70 гг. заключено секретное соглашение Японии и США. По такой секретной «сделке» Япония «выкупала» Окинаву у США. Уплачиваемая сумма якобы была платой за освобождение от ядерных баз, но на самом деле Япония платила как раз за то, чтобы оставить американские базы на своей территории, вернув лишь административное управление.

К «окинавскому вопросу» применимы среди прочих статьи 98 и 81 Конституции. По статье 98 Конституция имеет высшую силу над законами и актами государства⁵. По статье 81 конституционность актов проверяется Верховным судом⁶. Из практики следует, что Верховный суд может проверять конституционность международного договора, если из него «очевидно следует неконституционность и невозможность законного применения». В 1962 г. законодательным собранием Рюкю была подана жалоба в ООН по поводу положения Окинавы.

¹ Японо-американский договор о безопасности: подписан 8.09.1951 г., вступил в силу 28 апреля 1953 г.

² United Nations — Treaty Series. No. 1832. Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, on 8 September 1951.

³ Статья 3: «...о передаче под систему опеки ООН, с Соединенными Штатами в качестве единственной управляющей власти, островов <...> (включая острова Рюкю...), <...> Соединенные Штаты будут иметь право осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть над территорией и жителями этих островов, <...>».

«Мирный договор с Японией» (Подписан в г. Сан-Франциско 08.09.1951) // СПС КонсультантПлюс

⁴ Стрельцов Д. В. Проблема возвращения Окинавы в Японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С. 598–611.

⁵ Статья 98: «Настоящая Конституция является Верховным законом страны, и никакие законы, указы, рескрипты или другие государственные акты, противоречащие в целом или в части ее положениям, не имеют законной силы.

Заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться».

⁶ Статья 81: «Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта».

Правовое положение Окинавы неоднозначно. С одной стороны, международные договоры, согласно Конституции, добросовестно соблюдаются. Тем не менее, сохраняется вопрос об их соответствии Конституции. Применимы Устав Организации Объединенных Наций и Международный пакт о гражданских и политических правах¹, а также нормы Всеобщей декларации прав человека, имеющие статус международно-правового обычая.

Наливайко О. А. (ИСАА МГУ, Москва)

История повседневности в Японии эпохи Мэйдзи: Имаи Ясуко и ее статья «Появление японских *сюфу*. Почему *сюфу* — это не обычная домохозяйка»

В фундаментальных исследованиях по истории и культуре повседневной жизни Японии в эпоху Мэйдзи (1868–1912), как правило, отдельное внимание отводится теме изменения бытового уклада японской семьи и отражению данного процесса в публицистике и периодической печати. Проблемой социального изменения положения женщины и историей бытовых преобразований в Японии в конце XIX — начале XX вв. занимались такие ученые, как К. Цвертка, К. Уно, Д. Санд, Луи Фредерик, А. Имамура, А. Эхара, Я. Табата, Т. Сакаи и др.

Однако среди гендерных исследований и работ по истории повседневности эпохи Мэйдзи одной из самых известных и часто цитируемых статей в зарубежной историографии является статья японского филолога, литературоведа, специалиста по феминологии (яп. — *дзэсэйгаку*, 女性学) Имаи Ясуко (1933–2009) — «Появление японских *сюфу*. Почему *сюфу* — это не обычная домохозяйка»². Интерес в западных научных кругах к личности и творчеству автора статьи — Имаи Ясуко — также придает актуальность теме. В 2003 году Р. Линхарт (род. 1945) — австрийский филолог, литературовед, японист, переводчик — создала онлайн проект, посвященный личности и творчеству Имаи Ясуко³. Отдельные положения статьи часто цитируются в западных и японских социологических, политологических исследованиях, трудах по истории идеологии и философской мысли, а также в работах по различным аспектам японской массовой культуры, к примеру, истории послевоенного кинематографа.

¹ Япония подписала 30.05.1978 г. Ратифицировала 21.06.1979 г. США подписали 5.10.1977 г. Ратифицировали 8.06.1992 г.

² Imai Y., Selden L. The Emergence of the Japanese 'Shufu': Why a 'Shufu' Is More Than a 'Housewife' // U. S. — Japan Women's Journal English Supplement. University of Hawai'i Press, 1994, № 6, pp. 44–65.

³ URL: http://ruthlinhart.com/japan_29.htm.

Имаи Ясуко, опираясь на широкий круг японских, китайских, а также западных источников, прослеживает изменение коннотации термина «сюфу» [яп. — домохозяйка] от его трактовки, характерной для китайских классических текстов, где он употреблялся в своем прямом значении «главная жена» (то есть не наложница), до современного понимания *сюфу*, близкого по значению к английскому *housewife*: женщина, не работающая по найму, находящаяся на материальном содержании у мужа и ведущая хозяйство своей семьи. Интересным представляется тезис автора статьи о том, что в эпоху модернизации, несмотря на активное заимствование различных элементов западной материальной культуры и появление переводных пособий по домоводству, концепция «идеальной жены» основывалась на идеях, высказанных неоконфуцианскими учеными и философами эпохи Эдо. По мнению Имаи Ясуко, обращение к классическим текстам и их трактовке образа «правильной жены» объясняет то, что к концу XIX в. китайский термин *сюфу* постепенно вытеснил в изданиях японские эквиваленты слова «домохозяйка» и так и не был заменен англицизмом *housewife*. Принципиальное расхождение понятий *сюфу* и *housewife* автор видит в том, что в отличие от западной традиции, где занятые домашним хозяйством женщины противопоставлялись тем, кто работает по найму, в японской периодической печати эпохи Мэйдзи термин *сюфу* обозначал «жену хозяина дома», «хозяйку дома, нанимающую прислугу», «хозяйку дома, занятую домашними делами» и не исключал возможности работы по найму. Имаи Ясуко считает, что объединение коннотации двух терминов в сознании японцев начинает происходить лишь в 50-е гг. XX в., и связывает это с социально-экономическим положением послевоенной Японии и сильным американским влиянием на внутреннюю политику страны.

Несмотря на эмоциональную окраску статьи, характерную для многих гендерных исследований, представляется, что на данный момент это единственная работа, целиком посвященная истории возникновения термина *сюфу* и особенностям его трактовки в разные исторические периоды.

Речкалова А. А. (НГУ, Новосибирск)

Письмо Дуарте ди Менезиша к Тоётоми Хидэёси в контексте политики гонений на христиан конца XVI в.

История португальско-японских отношений началась в 1542 г., когда в результате кораблекрушения трое португальских авантюристов случайно оказались на территории Японии, и непрерывно продолжалась около века (так наз. «христианское столетие»). При этом прямых дипломатических контактов между правителями двух стран не существовало, Португалию и Японию свя-

зывали скорее торговые связи, которые реализовывались через португальские корабли, отплывавшие из Макао на Японский архипелаг вместе с португальской командой, купцами и католическими миссионерами. Капитан корабля был не просто главой судна, он обладал властью, пусть и ограниченной, над поданными португальского короля. Но в то же время он не был официальным посланником португальской короны.

В конце 1550-х гг. португальско-японские отношения приобрели более официальный характер. В 1558 г. от имени короля Себастьяна I (1554–1578) было направлено письмо к даймё Отомо Сорин (1530–1587), где португальских монарх благодарил за уважительный и теплый прием иезуитской делегации, а также выражал надежду на дальнейшую поддержку со стороны даймё последующих христианских миссий. В следующем письме от 1562 г. король убеждает Отомо Сорин перейти в христианскую веру. Инициатором переписки далеко не всегда выступали португальские монархи или вице-короли португальской Индии. В 1561 г. к вице-королю дому Константино ди Браганса (1528–1575) с посланием обратился даймё Симадзу Такахиса (1514–1571), который возлагал некоторые надежды на укрепление своего влияния на острове Кюсю посредством установления взаимовыгодных торговых отношений с представителями португальской короны. В течение 1560–1580-х гг. попытки наладить контакт учащаются с обеих сторон.

Однако письмо вице-короля португальской Индии дома Дуартэ ди Менезиша (1537–1588) к Тоётоми Хидэёси (1537–1598) от 1588 года выделяется на общем фоне, поскольку это был первый опыт португальской короны в установлении официальных дипломатических контактов с реальным правителем Японии. С деликатной миссией ко двору канцлера Тоётоми был отправлен опытный иезуитский миссионер Алессандро Валиньяно. Несмотря на то, что текст письма, довольно длинный и торжественный, не слишком отличался от формальных сопроводительных посланий, которые привозили с собой католические миссионеры в те страны, куда они прибывали с миссией, его символическое значение было куда больше, чем может показаться исходя из содержания. Алессандро Валиньяно вез его в Японию в крайне непростой для христианских проповедников период — после издания «Приказа об изгнании священников» (伴天連追放令) от 24 июля 1587 года. При этом в Японии его ждал воинственно настроенный вице-провинциал Гаспар Коэльо (1529–1590), вынашивавший планы по вооруженному сопротивлению антихристианской политике Тоётоми Хидэёси.

В этих непростых обстоятельствах Алессандро Валиньяно, как и вице-король Дуарте ди Менезиш, возлагали большие надежды на послание и дары, которые его сопровождали. Текст письма в данном случае имел второстепенное значение по отношению к миссии, куда важнее с практической точки зрения было дипломатическое мастерство падре Валиньяно и сопровождавших его обращенных в христианство японцев.

Серебрякова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Японские военнопленные русско-японской войны (1904–1905 гг.) на страницах русской периодики

В настоящее время русско-японские отношения переживают качественно новый этап своего развития. Нерешенность территориальных вопросов и отсутствие мирного договора между Россией и Японией побуждают ученых к глубокому изучению отношений между странами не только на современном этапе, но и в ретроспективе. Русско-японская война (1904–1905 гг.) была одним из ключевых событий в отношениях между Россией и Японией. Несмотря на интерес и глубокое изучение отечественными, японскими и западными учеными причин, событий и последствий этой войны, положение военнопленных по-прежнему остается одной из малоизученных сторон в исторических исследованиях по данной теме.

Обратимся к отражению вопроса о положении японских военнопленных в отечественной периодике того времени. В качестве источников было взято два журнала: Иллюстрированная летопись Русско-японской войны¹, много-томный журнал, состоящий из 21 выпуска и выпускавшийся во время войны, а также — Летопись войны с Японией². Оба эти издания — источники не только по фактологии военных действий, содержанию официальных указов, карт, но и по восприятию событий современниками. По разным оценкам, в русском плену в течение всей войны находилось до от 2 до 3 тыс. японцев³. На страницы выпусков летописей попадали некоторые сведения об их жизни в Российской Империи после пленения. В первом выпуске Иллюстрированной летописи приводятся правила, на которые Россия ориентировалась в ходе ведения войны. В частности, речь идет о приверженности Российской Империи Конвенциям, подписанным в Женеве (1864 г.) и Гааге (1899 г.)⁴. Согласно Конвенции «Об обычаях ведения сухопутной войны», подписанной в Гааге, обращение с военнопленными должно быть гуманным, а питание и медицинская

¹ Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны: (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев): с картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта: Вып. 1–21 / издание редакции «Нового журнала иностранной литературы» (Ф. И. Булгакова). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1904–1905.

² Летопись войны с Японией / Редактор-издатель полковник Дубенский. 1904. № 1. 1905. № 1. 84. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904–1905.

³ Ронити сэсо: дзидай но китё:на сясин сирё: Пэтэрубуругудэ тэнранкай гакай-маку (Редкие фотографии времен русско-японской войны. В Петербург открывается выставка) 露日戦争時代の貴重な写真資料 ベテルブルグで展覧会が開幕// [URL]: <https://jp.sputniknews.com/opinion/201810035411905/> (дата обращения: 14.12.2020).

⁴ Иллюстрированная летопись. Указ соч. № 1. С. 48.

помощь достаточными¹. Упоминание Конвенций является важным пунктом, подтверждавшим, что Россия не отступила от международных обязательств, взятых на себя до начала войны.

Информация о положении японских пленнх содержится в нескольких выпусках Иллюстрированной летописи. В некоторых выпусках приведены указы Генерального Штаба. Например, в 6 выпуске приведен Циркуляр Главного Штаба о корреспонденции². В нем раскрывается порядок передачи писем и газет для военнопленных. Также приводятся фактологические сведения о жизни пленнх. Например, в том же выпуске содержится информация о Майоре Того. По всей вероятности, о нем было упомянуто, так как он был одним из самых высокопоставленнх японцев, плененнх во время войны. Отдельно приведена информация о деятельности Бюро по военнопленным³. Что касается Летописи войны с Японией, то там также приводятся сведения различного характера. Например, в 82–83 выпусках рассказывается о порядке отправки пленнх домой после войны⁴.

По итогам предпринятого анализа можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что периодические издания не могут дать полноценной картины жизни военнопленнх японцев, в них представлены некоторые факты из их жизни, а также нормативные акты, регулирующие положение пленнх. Стоит также отметить, что положение японских пленнх в России не являлось предметом повышенного интереса русской общественности. Россия, в отличие от Японии, не стремилась использовать военнопленнх в качестве инструмента «мягкой силы». Тем не менее, обе летописи были одним из каналов, откуда русские люди того времени могли что-то узнать о пленнх японцах.

Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва)

Забутые географические карты первого русского посольства в Японию 1792–1793 гг.

В Военно-историческом архиве хранятся две рукописные, в красках, карты 1793 г., части побережья острова Нипона, (ф.451, оп. 1, д. 20) и части острова Эдзо и гавани Хакодате (ф. 451, оп. 1, д. 21). Состав фонда и год создания карт

¹ Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/dih-traites/INTRO/150?OpenDocument> (дата обращения: 15.01.2021).

² Иллюстрированная летопись. Указ соч. № 6. С. 33.

³ Там же. С. 64.

⁴ Летопись войны с Японией / редактор-издатель полковник Дубенский. № 82/83 1905: URL // <https://www.prlib.ru/item/342699> (дата обращения: 15.12.2020).

свидетельствуют, что это документы первого русского посольства в Японию 1792–1793 гг., возглавлявшегося Адамом Лаксманом (1766–1806).

Первое русское посольство в Японию в отечественной историографии чаще принято рассматривать в контексте сложной, трагической судьбы потерпевшего кораблекрушение японца Дайкокуя Кодаю (1751–1828). Его история сохраняет популярность вот уже более двух столетий. Результаты же деятельности посольства оценивались неоднозначно, как непосредственно после его возвращения в 1793 г., так и позже. Подробно о недооцененности первого посольства пишет В. Лагус, биограф ученого, естествоиспытателя Эрика Лаксмана (1737–1796), отца главы первого посольства (Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка: с двумя картами. Санкт Петербург, 1890). Объясняя причины такого отношения В. Лагус ссылается «на первый авторитет на этом поприще знаменитого путешественника по Японии в наше время — Зибольда». Он отмечает, что А. Лаксман, хотя и «в ученом отношении гораздо ниже» цитируемых им Кемпфера и Тунберга, тем не менее отметил много важных сведений о той части Японских островов, где его предшественникам побывать не удалось. Важным для нашего исследования представляется замечание, что «к труду Лаксмана принадлежали также карты и виды, отчасти им собственноручно изготовленные, которые восхваляются Зибольдом, видевшим некоторые из них, но они остаются неизданными...» Лишь из этого упоминания становится понятно, что карты, «изготовленные» во время плавания и пребывания в Японии, изначально были забыты.

В дневнике А. Лаксмана перечислены 5 карт: «А» — бухты, называемой Нимуро; «В» — восточного мыса, называемого по-курильски Муному-Шири; «С» - ...вид оной [бухты Акэти]; «Д» — «...[из Хакодате в Мацумаэ], шли мимо селений и чрез речки по сделанным мостам, похожим на китайские, коих всех названия описаны на плане»; «Е» — шли проливом... По обе же стороны, ...островов оконечности, коих и сняли вид» (Лаксмана журнал мореплавания в Японию 13 сентября 1792 г. — 21 января 1794 г.). Представляется, что в РГВИА есть карты похожие на «А» части побережья острова Нипона /Хондо/ (фонд 451, оп. 1, дело 20) и «Д» части островов Иезо /Хоккайдо/ и гавань Хакодате (фонд 451, оп. 1, дело 21). В книге Лагуса также опубликованы 2 карты Японии. Возможно, это более совершенные с точки зрения техники гравюрные версии карт, хранящихся в архиве. Дальнейшее тщательное сравнение, вероятно, позволит определить их сходство и различие.

Особый интерес представляет вопрос авторства карт. В составе посольства и в команде корабля было несколько человек, имеющих подготовку для составления карт, включая Адама Лаксмана и капитана корабля В. Ф. Ловцова. Сведений о жизни и деятельности капитана сохранилось немного. Годы жизни его не определены. Известно, что Ловцов окончил навигацкую школу в Иркутске, был

начальником порта в Охотске, автором Атласа северной части Тихого океана «Из открытий, сделанных русскими моряками, капитаном Джеймсом Куком и его офицерами» 1782, и в 1792–1793 капитаном корабля первого русского посольства в Японию. Возможно, неоднозначная оценка результатов посольства и предопределила, тот факт, что имя незаурядного морехода было забыто. Однако о нем оставили, пусть и небольшие, свидетельства Дайкокуя Кодаю, А. Лаксман и А. Н. Радищев (1749–1802). Обнаруженный в провинциальном архиве Британской Колумбии комплект рукописных карт Атласа, составленных штурманом Ловцовым в 1782 г., и изданный в 1991 г. на английском языке, не привлек внимания к имени этого незаурядного мореплавателя. Возможно, хранящиеся в РГВИА карты Японии, расширят наши представления о важном событии в истории российско-японских отношений.

Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

О надписях на комплектах самурайских доспехов из коллекции Цесаревича Н. А. Романова в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН

В мае 2021 г. отмечается 130-летие «Путешествия на Восток», предпринятого в 1890–1891 гг. Цесаревичем Н. А. Романовым, заключительной частью которого стало посещение Японии по личному приглашению Императора Муцухито (Мэйдзи). Из Японии Цесаревичем была привезена обширная коллекция разнообразных японских раритетов, большая часть которой в 1893 г. была передана в МАЭ. В состав этой коллекции входили и три комплекта традиционного самурайского доспеха. Два из них экспонировались на постоянной экспозиции «Япония», созданной в 1969 г. сотрудниками МАЭ¹ Г. А. Гловацким и Р. А. Ксенофонтовой и стали одним из символов музея (витрина «Самураи»). Оба доспеха были надеты на изображавших самураев манекены, отличавшиеся угрожающими позами и экспрессивным выражением лиц. Оба доспеха являются шедеврами оружейного искусства Японии периода Эдо; оба относятся к общей разновидности *то:сэй-гусоку*. Один из них (МАЭ № 312–67) с массивной пятичастной ламинарной кирасой *сэндай-до:*, декорированный накладными изображениями «трилистников мальвы в круге» (гербы военных домов Токугава и Мацудайра), изображениями 12 циклических животных (*дзю:нисси*), мифическими животными («китайским львом» *сиси* и единорогом *кирин*) и маскаронем демона *сикигами* — стилистически очень напоминает манеру мастеров семьи Мётин. Другой доспех (МАЭ № 312–75) с двухчастной ламеллярной кирасой, набранной из мелких кожаных чешуек

¹ В тот период — ЛО ИЭ АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

хонкодзанэ, покрытых снаружи листовой позолотой, изнутри — черным лаком *куро-уруси* и сошнурованных шелковым шнуром синего цвета. Шлем этого доспеха украшен *маэдатэ* — вырезанной из дерева маской демона. К сожалению, особенности конструкции витрины не оставляли возможности провести детальный осмотр данных доспехов, а опись МАЭ № 312 от 1895 г. предоставляла крайне лапидарные их описания, не указывая даже источник приобретения их Цесаревичем. Однако закрытие музея весной 2020 г. на несколько месяцев позволило провести реэкспозицию витрины «Самураи», в т. ч. — заменить комплекты доспехов на вновь подобранные из запасников музея, а прежние — демонтировать и тщательно изучить. Примечательно, что при осмотре на некоторых деталях были обнаружены надписи (указывающие имена мастеров, а также вотивные), выполненные в разных техниках (гравюра по стали, роспись черным, красным или золотым лаком). Так, на кирасе доспеха МАЭ № 312–67 была обнаружена подпись мастера: «*Мё:тин Сикибуки Мунэсукэ саку 明珍式部紀宗介作*»¹, а также его *као*. Поскольку известно примерное время жизни этого мастера (вторая половина XVII — первая треть XVIII вв.), то кирасу можно датировать первой третью XVIII в. На наручах доспеха выгравированы надписи, посвященные буддийским божествам «*Хатиман дайбосацу 八幡大菩薩*» и «*Мариси-тэн 摩利支天*». Кираса комплекта МАЭ № 312–75 оказалась не подписанной, но надписи были обнаружены на внутренней стороне загылочной части тульи шлема (черным лаком по золотому): «*Кю:даймэ Мунэмаса саку 九代目宗政作*»², а также на подшлемной маске *мэмпо*: в области подбородка (выполненная красным лаком): «*Ситидаймэ Со:дзё: (Мунэнава) саку ханамими Мунэхиро (Со:ю:) сицугу 七代目宗繩作 鼻耳宗宥仕継*»³. Украшающая шлем маска демона с обратной стороны имеет надпись из 56 иероглифов (выполнена золотым лаком по черному); часть иероглифов затерта, однако вполне различимо имя автора надписи: «*Акамацу Сокухо си 赤松則甫誌*»⁴, а также датировка: «*Тэмпо: дзю:ни нэн каното уси сё:гацу ёси дзицу (цутати) 天保十二年辛丑 正月吉日一*» — «Эра Тэмпо, 12-й год металлического быка, первый месяц, благоприятный первый день», что соответствует первому дню первого месяца (по японскому летоисчислению) 1841 г. Выявленные надписи позволяют более точно атрибутировать и датировать данные комплекты доспехов, являющиеся значимыми культурными объектами и важными памятниками, связанными с историей русско-японских отношений конца XIX в.

¹ «Изготовил Мётин Сикибуки Мунэсукэ».

² «Изготовил [Мётин] Мунэмаса, IX поколение».

³ «Изготовил [Мётин] Содзё (Мунэнава), VII поколение, нос и уши завершил [Мётин] Мунэхиро».

⁴ «Написал Акамацу Сокухо».

Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Альберто Фухимори: отношения между Японией и Перу

В Перу проживает вторая по величине в Латинской Америке японская диаспора — около ста тысяч человек. Начало японской эмиграции в Перу было положено в 1899 г., и на сегодняшний день диаспора насчитывает уже пятое поколение никкэйдзин¹. В период с 1990 по 2000 гг. президентом Перу был Альберто Кэнья Фухимори (Фудзимори) — сын первого поколения японских иммигрантов. Фухимори стал не только первым президентом-азиатом в Перу, но и единственным японцем, который стал главой государства, не будучи членом японской императорской семьи. В 2000 году Фухимори был обвинен во взяточничестве, подкупе оппозиционных депутатов и контрабанде оружия для колумбийских повстанцев, после чего покинул страну, прилетел в Японию и запросил политическое убежище.

Фухимори был объявлен в международный розыск, но на протяжении пяти лет (с 2000 по 2005 гг.) скрывался в Японии и даже баллотировался в верхнюю палату японского парламента в надежде на иммунитет. По японскому законодательству экстрадиции не подлежат не только граждане Японии, но и этнические японцы — граждане других государств, поскольку они имеют право на японское гражданство. Во время предоставления политического убежища бывшему президенту Перу между Токио и Лимой были полностью прекращены как очень плодотворные в президентство Фухимори дипломатические отношения, так и выплаты Японией ОПП — официальной помощи развитию. Токио пожертвовал отношениями с Лимой, чтобы сокрыть беглеца на основе его этнической принадлежности. Отношения между двумя странами были возобновлены лишь в 2006 году, уже после того, как Альберто Фухимори был арестован, а в большую политику Перу пришли его близкие родственники: дочь Кэйко Фухимори и младший брат Сантьяго Фухимори.

Федянина В. А. (МГПУ, Москва)

Категории пространства и времени в работах японского монаха Дзиэн (1155–1225)

В настоящем исследовании анализируются представления о пространстве и времени в средневековой Японии на примере работ Дзиэна (1155–1225), монаха буддийской школы Тэндай. Исследование основано на литератур-

¹ Никкэйдзин (или никкэй) — японский термин, обозначающий лиц японского происхождения, проживающих за рубежом, и их потомков, т. е. именно японскую диаспору.

но-историческом произведении «Гукансё» («Мои случайные мысли»)¹ (1221) и восьми циклах японских стихотворений *вака* (1213–1220)², поднесенных в святилища и храмы.

Проведенный нами текстологический анализ произведений Дзиэна позволяет понять пространственно-временные представления Японии XIII в. Изучение произведений Дзиэна особенно плодотворно для понимания философских идей средневековой Японии, т.к. автор был знаменитым японским поэтом, являлся высокопоставленным буддийским ученым и назначался главой влиятельной при дворе буддийской школы Тэндай, написал первый в Японии историософский труд («Гукансё»).

Дзиэн описывает историю Японии в рамках буддийской картины мира³. Согласно «Абхидхарма-Коша» хронотоп буддийской культуры — это «три мира» (мир форм, мир не-форм, мир желаний)⁴ и «великая кальпа» (кальпы пустоты, становления пребывания и разрушения), представляющие пространство и время соответственно. Дзиэн помещает свою страну в этот буддийский пространственно-временной контекст. Япония — маленькая страна на окраине буддийского мира около Южного материка (Джамбудвипа) в «мире желаний». История Японии разворачивается в ухудшающейся половине одной из малых кальп в средней кальпе пребывания.

Этот общеподддийский хронотоп Дзиэн дополняет специфическими японскими чертами: пространственно-временной концепцией японского буддизма «*сангоку манпо*» («три страны в последние дни Закона»).

Дзиэн считал свое время периодом упадка буддийского закона, или «последними днями Закона» («*манпо*»). Одна из периодизаций «Гукансё» и вся структура этого произведения основаны на представлении о том, что история буддийского учения после отхода Будды Шакьямуни в нирвану делится на три периода: истинного Закона, подобия Закона, последних дней Закона. Дзиэн пишет историю Японии для периода «*манпо*», когда люди перестают понимать буддийское учение, и поясняет в своих стихотворениях, как жить в этот период.

Пространственная концепция «*сангоку*» (буквально «три страны», Индия, Китай и Япония) в рассматриваемый период тесно связана с временной концепцией «*манпо*». Япония в этой последовательности — последняя страна в линии передачи буддийского учения, расположенная на периферии буддийского мира.

¹ Дзиэн. Гукансё (Мои случайные мысли). Токио: Иванами сётэн, 1967 (на яп. языке)

² Дзиэн. Сюгёкусю (Собрание драгоценных жемчужин) в 2-х т. / Ред. Кубота Дзюн, ком. Исикава Хадзимэ, Ямамото Хадзимэ. Токио, Мэйдзи Сёин. Т. 1. 2008 (на яп. языке).

³ Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. История религий Японии IX–XII вв. М.: Наталис, 2009. С. 440–443.

⁴ Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Т. 2: Раздел III: Учение о мире; Раздел IV: Учение о карме / Изд. подгот. Е. П. Островская, В. И. Рудой. М: Ладомир, 2001. С.180–183.

Взгляды на пространство-время у Дзиэна тесно переплетаются со взглядами на Японию как «страну богов» («*синкоку*»). Именно представление о «трех странах в последние дни Закона» позволили Дзиэну теоретически обосновывать особую роль местных японских божеств *ками* в управлении страной.

Проведенное нами исследование вскрывает механизм встраивания локальных концепций в индийские буддийские представления о времени и пространстве в средневековой Японии и выявляет связь этих представлений со сферой идеологии.

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

От рукописей к первым изданиям по страноведению, истории, этнографии и культуре Японии (истоки русской историографии по Японии)

Первыми рукописными материалами, где упорядоченно излагалась информация о Японии стали Космографии, атласы с пояснительными текстами, появившиеся в России приблизительно с 30-х годов XVII столетия. В какой-то мере среди элиты получили известность и выписки-фрагменты этих текстов.

С XVIII в. круг потенциальных читателей существенно расширило появление трудов по Японии, изданных типографией Академии Наук в Петербурге и Университетской типографией в Москве. В 1734 г. в Петербурге в свет вышел страноведческий обзор по Японии почти в 400 страниц объемом, представленный переводчиками-компиляторами Степаном Коровиным Синбирениным и Иваном Горлицким. Спустя почти полвека, в 1773 г. в Москве была издана «краткая история о Японском государстве...» университетского профессора-историка «Ивана Рейхеля» (Johann Gottfried REICHEL). Страноведческий и исторический аспекты изучения Японии спустя еще примерно полстолетия продолжили труды «природного японца Николая Петровича Колотыгина» 1817 г. (о Японии и японской торговле) и Николая Горлова 1835 г. по истории Японии. Неоценимо и значение изданных в 1816 г. личных впечатлений адмирала В. М.Головнина — «записок о приключениях в плену у японцев» (в том же году опубликованы и записки его спутника, капитана П. И.Рикорда).

Совершенно новый жанр литературы по Японии появился после «открытия страны» для внешнего мира в середине XIX в. Страницы русских журналов и газет от «Нивы» до «Санкт-Петербургских Ведомостей» заполнили будоражившие воображение читателя экзотикой заметки тех, кому довелось даже в краткосрочной поездке повидать эту страну воочию. Публикации такого рода появились во множестве, включая как очень основательные труды, так и весьма

поверхностные статьи и очерки. Впрочем, буквально накануне буржуазной революции Мэйдзи на русском языке в «Библиотеке путешествий» в 1854 г. был издан впечатляющий 3-томный, свыше 1000 страниц, страноведческий труд Ф. Зибольда «описание японской империи...» (впрочем, включавший и массу материалов почти десяти других именитых авторов). В целом, выделяя наиболее ценные страноведческие издания почти энциклопедического характера, посвященные Японии, из трудов, появившихся в России XVIII–XIX веков, следует более всего обратить внимание на вышеназванные книги 1734, 1817 и 1854 гг. Среди трудов по истории Японии — знаковыми являются издания 1773 и 1835 гг. Совершенно особое место занимает изданный в Петербурге В. Я. Костылевым в 1888 г. фундаментальный, в полной мере научный очерк по японской истории (построенный исключительно на оригинальных японских источниках и материалах). Пристальное внимание автора к персоналиям, перипетиям жизненного пути того или иного деятеля истории — превратили этот труд в произведение, не утратившее актуальности для читателя-историка и поныне.

Таким образом, можно отметить, что на раннем этапе развития «японских штудий» в России (в XVIII–XIX вв.) — опубликованные книги по своей жанровой принадлежности преимущественно были связаны со страноведческими заметками путешественников, глубокими энциклопедическими опусами компиляторов-переводчиков и усилиями ученых приблизиться к научному пониманию истории этой страны.

На специфику изданий повлияла русско-японская война, выявившая потребность в литературе, необходимой для восприятия культуры, политики и истории Японии. Вслед за тем, наступление советской эпохи в 1917 г. обусловило усиление марксистской идеологии и классового подхода в понимании истории и хода социально-экономического развития. Таким образом, вопрос о развитии японоведческих исследований и публикаций в XX в. — нуждается в отдельном рассмотрении. Работы разного времени различны в освещении тех или иных аспектов; однако, они не утратили актуальности по сей день, вне зависимости от того — написаны они недавно или двумя столетиями ранее.

Фролова Е. Л. (НГУ, Новосибирск)

Приложения к ежегодникам крупных японских газет как источник для ономастических исследований

Создание различных ономастических баз данных, каталогов, атласов и интеграция региональных знаний относятся к актуальным задачам современной науки. В отличие от топонимических исследований, в настоящее время нелегко

получить доступ к идеальным базам для исследования антропонимов. Личные имена и личные данные являются приватной информацией во многих странах мира, в том числе и в Японии. Можно использовать словари исторических личностей, библиотечные каталоги, телефонные справочники. Однако у них есть недостаток — не указано чтение имен собственных. В японском языке имена имеют вариативное чтение, поэтому это важно. В этих условиях мы обратились к ежегодным сборникам статистических данных, выпускаемых крупными газетными и новостными холдингами. Это ежегодные каталоги издательств Jiji Press (1918–1994), Mainichi Shimbun (1920–1981), Asahi Shimbun (1925–2000) и Yomiuri Shimbun (1950 — по наст время). В настоящее время продолжает выходить только ежегодник Yomiuri. В каждом из ежегодников есть списки имен собственных личностей, упомянутых в публикациях данного издания за последний год. Они публиковались либо отдельным приложением, либо в основном томе.

Рассмотрим ежегодник Yomiuri. С 2007 г. он выходит в двух томах: основной каталог и приложение «Список имен собственных по разделам». Начиная с каталога 1968 г., для всех имен собственных указано чтение, кроме того, сообщается дата рождения, место рождения (не всегда), род занятий, образование, настоящее имя (если есть). Список разбит на следующие разделы: «императорский дом», «парламент», «политика и международные отношения», «чиновники и религиозные деятели», «экономика и промышленность», «общество и жизнь», «информация, критика, СМИ», «гуманитарные и социологические науки», «медицина и здоровье», «естественные науки», «литература», «изобразительное искусство», «музыка и танец», «кино и театральное искусство», «спорт», «хобби и развлечения», «иностранцы», «члены образовательных и артистических обществ», «траурный список». Издатели дают пояснение, что в список включены имена людей, которые в каждой области выступали на переднем крае общественной жизни. Это ежегодно примерно 20 000 человек, не считая иностранцев. Что касается временного охвата этих каталогов, то мужчины, представленные в них, рождены с 1868 до 1989 гг., женщины — с 1877 до 1989 гг. Больше всего представлено персон, рожденных с 1920-х по 1960-е гг.

Алгоритм работы с массивом имен может быть выбран в соответствии с целями исследования. Имена, а также все указанные данные можно внести в таблицы Excel, разбив их на нужные столбцы: номер; запись фамилии иероглифами; запись фамилии каной; запись имени иероглифами; запись имени каной; возраст, основанный на дате рождения; область деятельности; место рождения; наличие или отсутствие псевдонима. После этого материал можно исследовать комплексно и системно — с использованием лингвистических, культурологических, типологических и ареальных методов. Например, определить частотные модели имен, популярность знаков, гендерное употребление знаков, фонетические и графические предпочтения для имен, установить реги-

ональные особенности имен и фамилий, выявить связь исторических событий и популярности отдельных имен и т. д. База дает возможность выполнить в том числе просопографические исследования. К недостаткам данного источника относятся отсутствие вариантов употребления имени и отсутствие указания на гендерную принадлежность.

Поскольку данные находятся в опубликованном виде и в открытом доступе, не должно возникать проблем нарушения конфиденциальности. На основании вышеизложенного мы считаем, что приложения к ежегодникам *Yomiuri* могут быть использованы для создания базы данных по именам собственным (антропонимам) указанного периода времени.

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«Установления» княжества Мацумаэ вождю Сёнку 1778 г. из коллекции РНБ как исторический источник¹

В отделе рукописей РНБ под шифром Дорн 861 хранится рукописный японский документ, озаглавленный «Установления» (яп. *sadamé*). Документ датирован 7-м месяцем 7-го года под девизом правления Аньэй, то есть примерно июлем-августом 1778 г. Подписан документ «управляющим землями айнов», а адресован айнскому «вождю Сёнку из Ноккамаппу», который проживал в северо-восточной оконечности Хоккайдо и был впоследствии известен участием в подавлении восстания айнов Кунашира и Мэнаси в 1789 г. «Установления» состояли из четырех пунктов. Первый запрещал любые споры и конфликты после ухода японских судов в Мацумаэ. Второй предписывал бережно относиться к зданию торговой фактории и не допускать пожаров. В третьем и четвертом пунктах описывался необходимый порядок действий в случае обнаружения занесенного течением японского судна.

Этот документ представляет интерес по целому ряду причин. Во-первых, это, вероятно, старейший сохранившийся оригинальный письменный японский документ, адресованный айнам. Во-вторых, он сообщает ценные сведения о номенклатуре должностей княжества Мацумаэ и о некоторых сторонах взаимодействия японцев и айнов в XVIII в. В-третьих, интересна политическая сторона этих «Установлений», поскольку документ был написан сразу после посещения северо-востока Хоккайдо российской экспедицией под руководством Д. Я. Шабалина в июне 1778 г. Наконец, важно и то, почему и как документ оказался в России.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00401 («Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XX вв.»).

Исходя из текста «Установлений», документ должен был постоянно находиться у Сёнка, хотя при этом и отмечается, что «установления надлежит строго соблюдать во всех гаванях и бухтах», то есть Сёнок выступал своего рода гарантом соблюдения этих установлений другими айнами подчиненного ему района. Каким же образом документ оказался в России? Возможных путей было несколько. Во-первых, документ мог быть передан Шабалину или Антипину уже в следующем 1779 г. или в течение 1780–1785 гг., когда имели место контакты членов российской экспедиции с айнами на Урупе. Во-вторых, документ мог получить А. Лаксман, глава российской экспедиции на Хоккайдо 1792–1793 гг.: судно экспедиции несколько месяцев находилось в Нэмуру, а ее члены могли контактировать с местным населением, хотя Лаксман и сообщал в своем журнале, что японцы всячески этому препятствовали. В-третьих, документ мог попасть в Россию через колонию компании Г. И. Шелихова (Шелихова), основанную в 1795 г. на Урупе и просуществовавшую там до 1805 г. Наконец, последним возможным каналом могла стать экспедиция Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова к южным Курильским островам 1807 г.

На листе «Установлений» имеется печать Российско-Американской компании, основанной в 1799 г. на базе компании Г. И. Шелихова. Более того, известен даритель документа Императорской Публичной библиотеке, предшественнице РНБ, — им стал один из основателей компании, зять Г. И. Шелихова, великоустюжский купец М. М. Булдаков (1766–1830). 15 и 17 мая 1814 г. он отправил имевшиеся у него японские книги и документы первому директору библиотеки Н. А. Оленину. «Установления» именуется в его реестре «хартией маленькой письменной». Поскольку происхождение японских книг и документов от Российско-Американской компании не вызывает сомнений, наиболее вероятными становятся последние два источника — колония компании на Урупе или экспедиция Хвостова и Давыдова. По крайней мере еще одна японская книга и один документ имеют датировку (1800 и 1805 гг.), определенно позволяющую предполагать их происхождение от Хвостова. В то же время не следует исключать и первый вариант — российскую колонию на Урупе — поскольку лишь контакты ее жителей с айнами Хоккайдо не вызывают сомнений.

СЕКЦИЯ XI • SECTION XI
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF KOREA

Caprio Mark (Rikkyo University, Kawaguchi)

**Historical Fact and Imaginative Conflict:
U. S. and Great Britain Impressions
on Soviet interests in Postwar Korea**

Even as the United States, Great Britain, and the Soviet Union fought side-by-side as allies in the European theaters of the Second World War, and their leaders met at meetings that would decide the future of important areas of the postwar world, U. S. and British officials voiced concerns over whether Soviet plans for Korea would conflict with those of the United States along the Korean Peninsula, and how the United States should begin to prepare to counter those plans. One such concern in early 1945 stated that the Soviet Union was training militarily a large contingent of Soviet-based Koreans to quickly enter the peninsula once Japan had surrendered to extend communist influence. These suspicions grew after the two sides had begun their occupations in a peninsula divided at the 38th parallel. Were the Soviets preparing a large contingent of Koreans for military purposes in the wake of a third world war? What was behind their often-heard proposals for mutual military retreatment from the peninsula? What were its long-term plans for this territory? Did it not intend to advance its influence into southern Korea once the United States military had left? The United States developed these questions, and their answers to them, in part from their impressions of Soviet actions in Poland and eastern Europe. The Korean Peninsula, which like Poland had been used by a

Russian enemy, Japan, to invade its territory. Can it be concluded that naturally the Soviet Union saw the Korean peninsula as essential territory for communization for Soviet security? Contemporary discussion on this topic lacks empirical Russian evidence to support its suppositions. It also neglects a counter example in Austria, where the Soviet Union arrived in its capital, Vienna, and took steps that eventually worked in Austria's favor: its independence in 1955 as a neutral but whole state in spite of its strategic location between eastern and western European states.

This paper seeks to develop provisional answers to questions regarding the Soviet Union's interests in Korea in the hope of promoting discussion from interested Soviet scholars of this period, and specifically Soviet-U. S. relations at this time. It will be built on the following scenarios: 1) Korea as the Soviet Union's Poland, 2) Korea as an Asian Austria, 3) the Korean Peninsula beginning as an Austria but evolving into a Poland, and 4) other scenarios. Russian illiteracy prevents my access to Russian documents save for those used in secondary research. This presentation will introduce these ideas on Soviet interests in Korea for the purpose of eliciting discussion during and after this presentation will inform on how the Korean post-liberation situation, and U. S.-Soviet relations at this time, is viewed by contemporary Russian scholars. These relations turned sour from the time just before Germany's defeat. Even though the two sides saw their meetings at the Joint Commission successfully reunifying Korea as a statement to the world regarding their ability to work together, it was clear from early on that this was not a possibility. What were Soviet intentions? What were the United States' intentions? How did Soviet officials see U. S. intentions? And how did these intentions lead to their ultimate failure in the tasks that the 1945 Moscow Decision assign to them? To what extent did external factors infiltrate the two superpowers' administrations in their Korean occupation sector?

Акуленко В. С. (ДВФУ, Владивосток)

Проблема местоположения Древнего Чосона в историографии КНДР

Вопрос местоположения Древнего Чосона — первого государственного образования на Корейском полуострове — до сих пор остается дискуссионным. Существует по крайней мере три теории: «ляодунская» (расположение на п-ве Ляодун), «северокорейская» (расположение на северо-западе Корейского п-ва) и «смешанная» (о перемещении центра с Ляодунского п-ва на Корейский п-в).

Изучение Древнего Чосона в КНДР началось в 1950-е гг.¹, однако первых значительных успехов в данном направлении северокорейские ученые достигли

¹ Чон Хиён. Чосонэсо чхот кукка хёнсонын самгугый хёнсоныробутхо сичжактвен гози анида (Формирование первых корейских государств началось не с периода трех государств). Ёксанонмунчип (Сборник работ по истории). 1957. № 1. С. 70–81.

в 1960-е гг., когда специалисты из разных областей науки — историки, археологи, этнографы, языковеды и др., провели плодотворные дискуссии, в том числе пытаясь разрешить загадку его расположения¹.

В эти же годы выходит и знаменитая монография Ли Чжирина, в которой он попытался систематизировать все накопленные к тому моменту сведения и подвел широкую доказательную базу под лядунскую теорию расположения Древнего Чосона². Одновременно выходит и ряд других статей, предполагающих наличие у Древнего Чосона двух центров — на Лядунском п-ве и на северо-западе Кореи, а также постепенное перемещение центра государственного образования с запада на восток³.

В 1970-е и 1980-е гг. представления о местоположении Древнего Чосона в целом не претерпели значительных изменений. Его территория все также помещалась на обширных просторах Лядунского полуострова и северо-запада Кореи⁴. При этом расположение южной его границы на Корейском полуострове было дискуссионным и помещалось то на р. Чхончхонган, то южнее — на р. Есонган⁵.

В то же время в этот период оформилась интересная концепция так называемого «внекорейского» расположения ханьских округов, которую частично выдвинул еще Ли Чжирин (о лядунском расположении округа Лолан). Суть ее заключается в том, что все четыре ханьских округа, созданных на территории Древнего Чосона после его завоевания Империей Хань, находились за пределами Корейского полуострова. В этой концепции отчетливо угадывается идеологическая составляющая — желание «избавить» Корею от захвата ханьцами в древности, к сожалению, путем манипуляции историческими фактами⁶.

В 1990-е гг. вместе с нарастающей идеологизацией изучения истории в КНДР появляется новая «пхеньянская» теория, согласно которой первым и единственным центром Древнего Чосона был Пхеньян и его окрестности. Границы государства на начальном этапе простирались от р. Амноккан — на севере, до р. Ханган — на юге. Однако в период наибольшего могущества — во второй половине 3 тыс. до н. э., по мнению северокорейских историков, Древ-

¹ Чосон рёкса (сан) (История Кореи. Ч. 1). Токио. 1963. С. 25–33; Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). Пхеньян. 1962. С. 41–48.

² Ли Чжирин. Кочосон ёнгу (Исследование Древнего Чосона). Пхеньян. 1964. С. 11–43.

³ Бутин Ю. М. Древний Чосон: (Ист.-археологический очерк). Новосибирск. 1982. С. 4.

⁴ Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). Пхеньян. 1987. С. 33–38.

⁵ Бутин. Ю. М. Указ. соч. С. 6.

⁶ Кочосон мунчжэ ёнгу ронмунчип (Сборник исследовательских статей по вопросам Древнего Чосона). Пхеньян. 1977. С. 56–73.

ний Чосон включал в себя большую часть Корейского полуострова, а также часть Южной Маньчжурии¹. В 2000-е и 2010-е гг. данная точка зрения не претерпела существенных изменений².

Таким образом, за прошедшие десятилетия в северокорейской историографии выдвигались различные концепции местоположения Древнего Чосона. Первоначально полемика велась между сторонниками т.н. лядунской, северокорейской и смешанной теорий. В 1970-е гг. основное предпочтение отдавалось последней, подразумевающей постепенное перемещение центра государства в восточном направлении с Лядунского полуострова на северо-запад Кореи, что подтверждалось письменными и археологическими источниками. Однако в 1990-е гг. вместе с нарастающей идеологизацией изучения истории в КНДР появляется новая «пхеньянская» теория, окончательно превратившая Пхеньян и его окрестности в центр Древнего Чосона, который в период своего наибольшего могущества, по версии северокорейских историков, занимал большую часть Кореи и часть Южной Маньчжурии.

Асмолов К. В. (ИДВ РАН, Москва)

Истоки ангажированных представлений о КНДР в популярной литературе стран Запада

В течение последних лет эпохи Ким Ченына на Западе появился целый ряд книг и статей, рассчитанных на массового читателя и описывающих феномен страны. Анализируя их содержание, автор обратил внимание на высоту идеологических шор, которые фактически не позволяют западным специалистам увидеть северокорейскую реальность, отмечая только то, что вписывается в уже существующий образ. Часто автор, описывая интересные и важные факты, не смеет делать из них «неполиткорректные» выводы.

Причина этого явления глубже, чем личная ангажированность авторов, и связана как с ограниченностью источников информации, которыми, в отличие от российских или китайских специалистов, пользуется среднестатистический западный автор, так и с паттернами осмысления КНДР, которые просеивают эту ограниченную информацию через идеологическое сито.

Если российские или китайские специалисты (особенно старшего поколения) обладают опытом проживания в стране, базой контактов и общим пониманием контекста в силу некоторого сходства общественно-политических систем, то западный специалист по КНДР лишен этого важного преимущества.

¹ (Чхвесин) Чосончидо ((Самая новая) Карта Кореи). Токио, 1999. С. 32–33; Кочосон рёкса кэван. (Обзор истории Древнего Чосона). Пхеньян, 1999. С. 49–51, 95–100.

² Чосон тхонса (сан) (Общая история Кореи. Ч. 1). Пхеньян, 2009. С. 55–63.

В сочетании с закрытостью страны набор источников, из которых он черпает информацию о Северной Корее, так же становится ограничен и сводится к следующему. Во-первых, это официальные данные Северной Кореи, которые из-за своей ангажированности и неполноты часто воспринимаются как заранее скомпрометированный источник информации. Во-вторых, это пхеньянология как аналог кремлинологии, когда выводы делаются по косвенным данным. Например, по порядку упоминания руководителей страны или того, как близко они стоят от Ким Ченына во время торжественных мероприятий. В-третьих, это данные спутниковой разведки, хотя сверху видно не все. «Картинка без подписи» часто дает возможность разных интерпретаций увиденного.

В результате ведущим источником информации часто оказываются перебежчики с Севера, причем не общий корпус их показаний, а немногочисленная прослойка так называемых карьерных перебежчиков, достоверность рассказов которых часто оказывается сомнительной. Данная тема уже была частично раскрыта в одном из предшествующих докладов автора на данной конференции.

На малое количество источников информации и проблемы с их перепроверкой накладываются определенные штампы экспертного восприятия. В первую очередь это охранительный рефлекс, в рамках которого «лучше перебдеть, чем недобдеть». В результате этого, в частности, любое замеченное со спутников крупномасштабное сооружение определяется как предположительно связанное с ракетно-ядерной программой страны.

Отметим и традицию демонизации, в рамках которой авторы зачастую не пытаются делать самостоятельные выводы, а пересказывают привычный дискурс. Как следствие, среди западных экспертов может вестись дискуссия, является ли Ким Ченын кровавым тираном в стиле Калигулы или же в стиле Макиавелли, но сама мысль, что северокорейский руководитель может переживать за благо народа, оказывается абсолютно вне рамок обсуждения.

В некоторых случаях играют роль и особенности или мотивы автора. Мортен Тривик, как одиозный акционист, не мог выйти за рамки ерничающего стиля. Барбара Демик, исходя из желания прикрыть своих информаторов и вставить в книгу как можно большее количество красивых историй, фактически придумала своих персонажей и их биографии, каждая из которых оказалась наполнена событиями гораздо больше, чем настоящая повседневная жизнь рядового северокорейца. Книга Анны Файфилд несет отпечаток внутриамериканской политической борьбы: описание ужасного Ким Ченына наносит косвенный удар по экс-президенту Трампу, который посмел с ним дружить.

Понимая эти особенности, мы должны не только не воспринимать литературу подобного рода как источник информации, заслуживающий абсолютного доверия, но и применять к ней методы анализа источников и критики текста, которые позволяют выделить из этой информации действительно валидные данные.

Ким И. К. (Волгоградский гос. Волгоградский государственный социально-педагогический, Волгоград)

Материалы архива МИД Польской Республики как источник по истории послевоенной Кореи

Для исследований по истории Кореи могут использоваться архивные материалы третьих стран. А. Н. Ланьков в своей монографии привлек документы Архива МИД Венгрии¹. Автор данного сообщения в ряде статей использовал материалы Архива Министерства иностранных дел Польской Республики².

Сайт Архива МИД Польши сообщает, что в нем хранятся документы, «созданные после окончания Второй мировой войны...» Это «документы территориальных департаментов, а также документы, присланные из польских дипломатических представительств и консульских учреждений. К самым интересным... относятся дипломатические и консульские отчеты, информационные и аналитические записки, кас[ающиеся] политической ситуации в государствах аккредитации, дипломатические ноты, а также депеши...» Имеются также материалы об участии Польши в работе международных организаций. Документы делятся на обработанные (1945–1965/70 гг.) и необработанные (после 1965/70 годов). Первые разделены на 28 фондов и доступны в читальном зале Архива частично в форме сканов, вторые — в оригинале. Оцифрованы и доступны на сайте Архива 15 архивных фондов. «В ближайшее время планируется сканирование и представление очередных фондов»³.

По корейской проблематике наиболее важны фонды Политического департамента (6, 1947–1948 гг.), Отдельного восточного отдела (11, 1949–1954 гг.) и V-департамента (12, 1955–1960). Необработанные документы находятся в отдель-

¹ Ланьков А. Н. Август 1956 год. Кризис в Северной Корее. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 350 с.

² Ким И. К. Военный переворот в мае 1961 года в Южной Корее и США (в свете документов польской дипломатии) // XX юбилейная международная конференция по науке и технологиям Россия — Корея — СНГ: Труды конференции. Москва. Он-лайн. 19–21 октября 2020. С. 165–168; Ким И. К. Гражданское население Северной Кореи в первый год Корейской войны (по документам польской дипломатии) // Россия и Корея: взаимный интерес: материалы международной научной конференции (Краснодар, 21–23 октября 2016 г.). Краснодар: Кубанский университет, 2016. С. 89–95; Ким И. К. Дети-сироты Корейской войны в Польше в 1950-х годах // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи. СПб.: Скифия-принт, 2012. С. 288–305; Ким И. К. Культурная сфера Южной Кореи в зеркале отчетов польских дипломатов в 1950-е годы // V международная научно-практическая конференция по корееведению: Сборник статей и докладов участников форума. — Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2018. С. 68–74.

³ Архив Министерства иностранных дел Польской Республики (электронный ресурс) <https://archiwum.ms.gov.pl/> (дата обращения 18.03.2021).

ных фондах со своей нумерацией, разделенные по годам. Гриф секретности по польскому законодательству снимается у документов через 30 лет. Документы написаны преимущественно на польском языке.

Материалы до 1950 года представляют положение на Корейском полуострове после Второй мировой войны и образование двух корейских государств. В связи с отсутствием эти годы собственного дипломатического представительства Польши в [Северной] Корее, основную информацию о положении там представляли отчеты о визитах в Северную Корею работников польского МИД и посла Польши в Китае.

С 1950 г. основные сведения о Корее содержатся в отчетах посольства Польши в КНДР с периодичностью от ежемесячных до ежеквартальных. Они и записки периода Корейской войны представляют военное положение и потери сторон, характеризуют партии и общественные организации, сообщают о борьбе в северокорейском руководстве, в том числе в форме борьбы со шпионажем, политические репрессии. Описываются также ситуация КНДР в сферах экономики и культуры, положение гражданского населения, внешняя политика, включая отношения с Польшей, а также сведения о ситуации в Южной Корее.

Подобные сюжеты присутствуют в дипломатических документах и после окончания Корейской войны. В них также уделяется внимание проблемам послевоенного урегулирования и мирных инициатив северокорейского руководства, несколько подробнее описывается положение в Южной Корее. Последние материалы основываются на информации МИД, агентств и газет КНДР, а также официальных данных и средств массовой информации Южной Кореи. Описываются польско-северокорейские отношения, оказание помощи Польши КНДР, включая строительство больницы Польского Красного Креста. Особая тема — принятия в Польше корейских студентов и детей-сирот войны, особенно вопросы переезда и пребывания сирот в Польше в 1951–1959 гг.

Отдельный комплекс — документы Архива о деятельности Польши в Наблюдательной комиссии нейтральных государств (НКНГ) и Ремонтной комиссии нейтральных государств (РКНГ), созданных в связи с войной в Корее.

Документы НКНГ (1952–1960 гг.) частично на русском, английском и других языках информируют о создании, составе и деятельности НКНГ. Это протоколы пленарных заседаний НКНГ (1–80, 97–512) и другие документы, включая заявления государств-членов комиссии (Швейцарии, Швеции, Польши и Чехословакии). Материалы польской делегации в НКНГ включают ее отчеты, сведения о провокациях против комиссии в Южной Корее. Документы освещают также рассмотрение деятельности НКНГ на VIII–XIV сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Материалы РКНГ (1952–1954 гг.) также частично на русском, английском и других языках: отчеты с заседаний комиссии и наблюдательных групп,

пресс-бюллетени комиссии освещают ее создание, состав и регламент, а также ситуацию в южнокорейских лагерях для военнопленных. Имеется итоговый доклад о деятельности РКНГ, отчеты делегаций Швейцарии и Швеции.

Таким образом, материалы Архива Министерства иностранных дел Польской Республики являются важным источником по истории послевоенной Кореи.

Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблема ограниченности времени существования Интернет-источников (на примере документов КНДР XXI в.)¹

С начала XXI столетия по мере распространения технологий высокоскоростного Интернета и мобильных коммуникаций все большее количество текстов готовится не для печати, а для размещения, распространения и использования в Сети. Медийная культура в еще большей степени связана (зависит) с Интернет-пространством.

По мере повышения доступности текстов, размещенных в Сети Интернет, сокращается степень обращения к текстам на твердом физическом носителе, прежде всего, напечатанных на бумаге. Подобная тенденция хорошо прослеживается в научном сообществе и еще более заметна в студенческой среде. Например, при написании курсовых, исследовательских или квалификационных выпускных работ обучающиеся, по большей части, берут информацию, размещенную в Сети, и очень редко обращаются к «классическим» бумажным носителям информации.

При всех положительных сторонах информационного пространства Сети Интернет, есть у него один существенный недостаток, который автор настоящего исследования определил бы как «Закон 404²»: «Любая информация, размещенная в Сети Интернет, рано или поздно будет удалена». Удаление информации из Сети связано с огромным количеством разнообразных причин, самая очевидная из которых заключается в необходимости постоянной технической модернизации сайтов и с неизбежным переносом (с потерей или без) или полным отказом от информации, размещавшейся прежде.

Человечество знакомо с указанной проблемой и пытается решить ее, например, через создание (все также уязвимо) сайта глобального «Интернет

¹ Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

² 404 — кодовое значение «ошибки», появляющееся вместо уделенной страницы сайта.

Архива» (Internet Archive)¹. Однако и он также не является полным хранилищем информации, размещавшейся прежде на сайтах, которые были закрыты в разное время. Таким образом, часть информации, которая прежде была опубликована только в электронном виде, является уже безвозвратно потерянной.

Особенно актуальным «Закон 404» является для ряда азиатских стран, которые не относятся к категории «развитых», таких как, например, Корейская Народно-Демократическая Республика. Учитывая закрытость КНДР от внешнего мира и практическую невозможность для иностранного гражданина получить доступ к классическим источникам информации на бумажном носителе, вопрос сохранности и достоверности электронных источников информации, в особенности для использования в научных исследованиях о Северной Корее, является крайне актуальным.

Начиная с 1998 г. северокорейское Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК, 조선중앙통신) размещало свою информацию на серверах в Токио (<http://www.kcna.co.jp>) с помощью «Корейской службы новостей» (Korea News Service), очевидно, принадлежавшей представителям корейской диаспоры в Японии, ориентированной на КНДР². Начиная с 2011 г. власти КНДР начали постепенно отказываться от посредничества корейских соотечественников и запустили свой собственный информационный ресурс ЦТАК, имеющий абсолютно новый, более продвинутый дизайн с национальным северокорейским доменным именем, завершающимся на «.кр»³ и размещающийся по адресу: <http://kcna.kr>.

Одним из отличий нового северокорейского Интернет ресурса от прежнего «японского» сайта ЦТАК стала ликвидация такого полезного для исследователей раздела как «Прежние статьи» (과거 기사), содержавшего практически полный архив новостей Агентства, начиная с 1 января 1998 г., а также подборку официальных документов. Дело в том, что все размещавшиеся на новом информационном ресурсе ЦТАК статьи не имели и не имеют постоянных адресов, в то время как у большинства мировых СМИ статьи привязаны к «постоянным» адресам, так что возможно обратиться к ним и через 10–15 лет после их размещения. Таким образом, все статьи, размещенные на новом сайте ЦТАК, по прошествии относительно небольшого количества времени удаляются. Никакого отдельного раздела с «архивом новостей» на современном сайте ЦТАК не существует. Старого сайта «Корейской службы новостей» с его архивным разделом также нет. Глобальный ресурс «Интернет Архив» тоже не содержит всех статей и документов, когда-либо публиковавшихся на сайтах ЦТАК.

¹ Сайт имеет адрес: <https://web.archive.org>.

² Имеется в виду «Всеобщая ассоциация корейцев в Японии» (Чэ Ильбон чосон-ин чхон рёнхпахве, сокращенно — чхонрён). Была создана в 1955 году.

³ Это доменное имя было создано 24 сентября 2007 г.

В связи с указанным выше встает вопрос, можно ли использовать при написании научных исследований по истории, культуре, экономике КНДР XXI столетия уже удаленные из Сети Интернет тексты и документы, при этом ссылаясь на несуществующие Интернет адреса? Ведь проверить корректность обращения к документу (корректность цитирования) уже не представляется возможным.

В докладе дается пример ряда важнейших документов из истории КНДР начала XXI века, удаленных из Сети и, вероятно, не имеющих доступных копий на бумажных носителях, а также поднимается вопрос о допустимости использования подобных текстов в качестве исторических источников.

Лазарева К. В. (НГУ, Новосибирск)

Теория и практика сохранения культурного наследия Республики Корея: историографический аспект

Сохранение культурного наследия является одной из приоритетных проблем современного мира. В условиях глобализации обращение к культурно-историческому наследию приобретает консолидирующее значение на национальном, региональном, этническом уровнях. Опыт Республики Корея в вопросе сохранения культурного наследия представляет большой интерес для всего мирового сообщества, в том числе и для России.

Становление культурного наследия как значимого для общества института берет начало в период японского колониального господства (1910–1945 гг.): в 1911 г. был издан закон «О храмах и кумирнях». В 1916 г. вступил в силу закон «О сохранении руин и древностей Кореи»: под защитой оказались 385 реликвий и зданий¹.

По окончании периода японского колониального господства в 1945 г. было создано Управление по делам бывшего королевского дома для решения вопросов касательно культурного наследия страны. В 1954 г. Республика Корея вступила в ЮНЕСКО; в 1955 г. Управление было реорганизовано и «Список объектов культурного наследия» (определенный еще японской колониальной администрацией) был переименован в «Список объектов национального достояния». В 1962 г. вышел закон «Об охране культурного наследия» (*문화재보호법/Мунхвачэжэ похобон*)².

¹ Maliangkay, R. H. Handling the Intangible: The Protection of Folksong Traditions in Korea [Text] / R. H. Maliangkay. Asian Folklore Studies (61), 2002. P. 223–245.

² Мунхвачэжэпохобон [문화재보호법. 법률 제13249호, 2015.3.27., 일부개정] Закон об охране культурного наследия, №13249, ред. от 27.03.2015 // Официальный сайт «Кукка помнён чонбо сентхо» (Информационный центр государственные нормативно-

В 1988 г. Республика Корея стала участницей Конвенции ЮНЕСКО по охране Всемирного культурного и природного наследия; внешняя политика страны включала развитие широких культурных контактов. Первый объект на территории Республики Корея был включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1995 г.

Анализ законодательства в области охраны нематериального наследия культуры Республики Корея показал его связь с корейским национальным самосознанием. Поворотной точкой в развитии законодательства в сфере охраны нематериального наследия культуры в Республике Корея считается 1973 г., когда было переосмыслено понятие культурного наследия и уточнены его критерии.

В 2003 г. на XXXII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия, что можно считать завершающим этапом в формировании системы законов в этой области на международном уровне. Документ вступил в силу 20 апреля 2006 г.; Республика Корея оказалась в числе первых государств, принявших Конвенцию.

Дополняя Конвенцию 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, касающуюся только исторических и природных памятников, Конвенция 2003 г. охватывала фольклор и традиции устного творчества, включая ритуалы и праздники, навыки и обычаи, а также традиционные ремесла. Конвенция предусматривала проведение инвентаризации подлежащих охране национальных памятников, создание Межправительственного комитета, а также составление Репрезентативного списка нематериально культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

В результате проведенного исследования удалось установить, что концепция культурного наследия в Республике Корея имела системный характер и опиралась на исторический подход в оценке формирования этнокультурных традиций; при этом нематериальное культурное наследие соотносилось с соционормативной, гуманитарной культурой; а популяризация культурного наследия как внутри страны, так и за ее пределами, была неотделима от актуализации этнонациональной идентичности.

Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва)

Внешнеполитические ориентиры КНДР в контексте итогов VIII съезда Трудовой партии Кореи (5–12 января 2021 г.)

В сообщении ЦТАК об отчетном докладе Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ТПК), зачитанном на VIII партсъезде ее Председателем

правовых актов). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=169514#> (дата обращения 06.04.2018).

(с 11 января 2021 г. — Генеральным секретарем) Ким Ченыном, были продекларированы подходы Пхеньяна к развитию своих внешнеполитических связей. Содержание «международно-политической» части доклада ЦК свидетельствует о том, что, в целом, основные усилия внешнеполитического блока партийно-политического руководства республики будут связаны с недопущением ее дипломатической изоляции.

Руководство КНДР прямым текстом характеризует сложившуюся вокруг страны внешнеполитическую обстановку как «сложную». Этому способствуют ее неразрешенные противоречия с США по вопросу об урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова. Возобновление и развитие переговорного процесса между США и КНДР в 2018–2019 гг. (включая встречи на высшем уровне в Сингапуре (12 июня 2018 г.), Ханое (27–28 февраля 2019 г.) и Пханмунчжоме (30 июня 2019 г.)) выявило существенные разногласия сторон в обсуждении этой проблемы.

Неготовность сторон к урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова на компромиссной основе (подразумевающей, по одной из версий, переход к реальным действиям по денуклеаризации Корейского полуострова в обмен на снятие санкций), почти догматическое следование администрации бывшего президента США Д. Трампа идее «большой сделки» и сохранение тезиса о «полной и проверяемой денуклеаризации КНДР» в качестве главной константы американской дипломатии на корейском направлении привели к прекращению американо-северокорейского диалога. Представители КНДР на международных форумах все чаще стали заявлять о том, что в Пхеньяне не готовы идти на «диалог ради диалога» в условиях явного злоупотребления мерами давления с американской стороны.

Смена власти в Вашингтоне также предопределила некоторые черты подхода КНДР к политике в отношении США. Возможно, возвращение к власти в Соединенных Штатах представителей Демократической партии, в массе своей, весьма критически настроенных по отношению к Северной Корее и готовых вернуться к усилению нажима на Пхеньян с целью добиться от последнего мер по ядерному и ракетному разоружению, стало для северокорейского руководства неприятным, но весьма ожидаемым событием. Не рассчитывая на «добрую волю» Вашингтона, руководство КНДР вновь делает акцент на усиленном развитии стратегических сил страны, уделяя особое внимание совершенствованию отдельных видов ядерных и ракетных вооружений, а также технологий беспилотных летательных аппаратов.

При этом в КНДР не отказываются полностью от идеи диалога с США, как и не закрывают дверь для коммуникации и взаимодействия, например, с Республикой Корея. Однако возможностей для предметных переговоров по темам, представляющих для сторон взаимный интерес, становится все меньше.

В условиях дальнейшего ухудшения ситуации в американо-северокорейском взаимодействии, в Пхеньяне намерены укреплять отношения с Китаем — ключевым экономическим партнером и, возможно, главным «гарантом безопасности» КНДР. Важным представляется назначение заведующим Международным отделом ТПК Ким Соннама — ведущего северокорейского синолога и, по некоторым сведениям, личного переводчика Ким Ченира и Ким Ченына во время их визитов в КНР.

Однако степень сближения Пекина и Пхеньяна не следует преувеличивать. В определенной степени в КНДР будут вынуждены учитывать позицию своего соседа, особенно в вопросе ядерных испытаний. Также при необходимости, северокорейцы готовы поддержать Китай «морально», декларируя поддержку его линии в противостоянии с США. При этом, однако, основные императивы внешней политики КНДР, заключающиеся в самостоятельности ее позиций на международной арене и готовности подкреплять суверенитет путем укрепления своих ядерных сил, останутся неизменными.

Финько Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Столичный район Чондон как место рождения новой Кореи в период 1897–1905 гг.

В конце XIX в. столица государства Чосон — город Хансон (Сеул) стала первым корейским городом, где тесно смешались традиции Восточной Азии и Запада. После окончания в 1876 г. политики самоизоляции, проводившейся правительством Кореи, иностранцы начали вести активную экономическую, политическую и просветительскую деятельность на полуострове. С 1882 г. они стали заселять Сеул, который постепенно превращался в город «смешанного проживания», и в столице все чаще формировались многочисленные национальные общины.

Во второй половине XIX в. район Чондон, расположенный между дворцом Кёнунгун (ныне дворец Токсугун) и западной границей городских стен Сеула, стал центром политической и культурной жизни Кореи. Изначально он был уединенным кварталом с несколькими резиденциями элиты династии Ли: представители сословия *янбан* и высокопоставленные чиновники селились в окрестностях королевского дворца Кёнбоккун, тем самым оказываясь максимально близко к своему правителю. После установления Кореей дипломатических отношений со странами Запада, иностранные послы точно так же тяготели к этому району, стремясь наладить связи с королевским двором. Так, к середине 1890-х гг. в районе Чондон были открыты дипломатические миссии США, Великобритании, Российской империи, Франции и др., а сам

район стал называться «Посольским кварталом». В дальнейшем большинство иностранцев, приехавших в Сеул, обосновывались в районе Чондон. Они строили здания в характерном для своей страны архитектурном стиле, тем самым постепенно изменяя внешний облик и образ жизни не только самого района, но и города в целом.

На рубеже XX в. район Чондон стал сердцем столицы Корейской империи, в котором по-настоящему чувствовалась атмосфера сеульского космополитизма и темп жизни современного города конца XIX — нач. XX вв. Проекты, проводившиеся в рамках модернизационных реформ в Корейской империи в 1897–1905 гг., оказали сильное влияние на формирование городского пространства современного Сеула. В свою очередь, район Чондон в этот период стал местом, где происходила сама модернизация Кореи: открытие образовательных учреждений нового образца, появление христианских церквей, больниц, отелей, изменение дорожной системы города и многое другое. А строительство нового императорского дворца и алтаря Вонгудан в районе Чондон сместило символический центр города и изменило функции городского пространства Сеула.

Хренов В. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Политические дискуссии в Турции о мерах поддержки Юга в межкорейском конфликте: первый этап (конец июня — середина июля 1950 г.)

Сразу же после начала Корейской войны в ответ на Резолюцию Совета Безопасности ООН № 83 от 27 июня 1950 г. о создании Объединенного командования ООН¹, которая содержала призыв ко всем странам-членам этой организации оказания помощи в противодействии «северокорейской агрессии», началось формирование национальных контингентов для отправки в Южную Корею. Новое турецкое правительство Демократической партии во главе с Аднаном Мендересом, пришедшим к власти в мае 1950 г., рассматривало участие Турции в этом конфликте как потенциальную возможность добиться ее принятия в НАТО. Резолюция Совета Безопасности ООН № 83 от 27 июня 1950 г. гласила, что «для установления мира в регионе необходимо немедленно принять военные меры», и странам-членам ООН было рекомендовано «оказать Республике Корея такую помощь, которой было бы достаточно для отражения вооруженного нападения и восстановления международного мира

¹ 83 (1950). Резолюция от 27 июня 1950 года // Документы ООН [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/83\(1950\)](https://undocs.org/ru/S/RES/83(1950)) (дата обращения: 08.04.2020).

и безопасности в регионе»¹. Следует заметить, что это была «рекомендация», а не требование, при этом в резолюции Совета Безопасности также отсутствовали какие-либо разъяснения относительно характера ожидаемой помощи, что вызвало активную дискуссию в турецких политических кругах о форме оказываемой Республике Корея поддержки: гуманитарной или военной.

Изначально Совет министров и Генштаб Турции не проводили никаких заседаний для изучения ситуации и определения плана дальнейших действий военного командования, поскольку считали этот конфликт локальным и сомневались в возможности его распространения за пределы Корейского полуострова². Тем не менее, уже 30 июня текст резолюций Совета Безопасности ООН по Корее был вынесен на обсуждение в меджлис Турции. В своем выступлении перед депутатами министр иностранных дел Фуат Кёпрюлю зачитал ответ на резолюцию о готовности Турции выполнять свои обязательства в рамках членства в ООН³, которая была в целом поддержана депутатами⁴. Несмотря на то, что в ответе напрямую не говорилось о военном характере предлагаемой помощи, там четко указывалось на приверженность Турции принципам Организации Объединенных Наций⁵.

1 июля в МИД Турции поступила ответная телеграмма от генсека ООН Трюгве Ли, который попросил турецкую сторону сообщить о характере предлагаемой помощи⁶. Турецкое правительство не стремилось первым проявлять инициативу по предоставлению вооруженных сил, но было готово сделать это в случае более четкого указания на это. Однако на заседании парламента 2 июля некоторые оппозиционеры заявили, что «об отправке турецких войск на другой конец Азии не может быть и речи», предложив ограничиться отправкой в Корею своих «лучших товаров местного производства, таких как табак, лекарства и т. д.»⁷, при этом некоторые депутаты, напротив, предлагали начать

¹ Soysal İ. Türkiye'nin uluslararası siyasal bağtaları. 2 Cilt. Ankara: Türk tarihi kurumu basımevi, 2000. Cilt 2: 1945–1990. S. 85.

² Foreign Relations of the United States, 1950. Vol V. The Near East, South Asia, and Africa / ed. Glennan J. P. Wash., 1978. P. 1276.

³ Turkey and the United Nations. Prep. Under the auspices of the Institute of international relations of the faculty of political sciences at the university of Ankara. N. Y.: Manhattan publishing Co, 1961. P. 160–161.

⁴ Yazıcı T. Kore Birinci Türk Tugayında Hâtıralarım. İstanbul: Ülkü basımevi, 1963. S. 30

⁵ Belgelerle Türk-Amerikan münasebetleri: Açıklamalı / hazırlayan Armaoğlu F. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1991. S. 182

⁶ Üzmez A. İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra gelişen olayların ışığında Kore Savaşı ve Türkiye. İstanbul: İ. Ü. Atatürk ilkeler ve inkılap Tarihi Enst, 2006. S. 56.

⁷ Avcı Ç. N. Türk-Amerikan ilişkileri ve basındaki yansımaları (1945–1952). İstanbul: Yüksek lısans tezi, 2006. S. 182.

формирование армии добровольцев для Корейской войны и провести соответствующую кампанию среди населения¹, что вызвало негативную реакцию оппозиционных сил².

Между тем, 7 июля Совет Безопасности принял Резолюцию № 84 о войне в Корее, в которой было заявлено о создании международных вооруженных сил ООН под командованием США и говорилось о варианте оказания военной помощи, как наиболее предпочтительном, что вызвало среди депутатов межжлиса бурную дискуссию по этому поводу³: одни депутаты продолжали настаивать на предоставлении Южной Корее только гуманитарной поддержки, другие же настаивали на военной помощи, аргументируя это необходимостью достижения Турцией членства в НАТО, где факт отправки подразделений на Корейский полуостров мог быть расценен остальными странами-членами ООН как попытка этой страны поставить себя в один ряд со странами «западной демократии»⁴. При этом главным аргументом «против» было то, что отправка контингента на Корейский полуостров может создать угрозу нападения СССР на Турцию⁵.

На фоне обострения ситуации на корейском фронте 14 июля 1950 г. Генеральный секретарь направил всем членам ООН телеграмму, в которой просил их рассмотреть возможность предоставления в качестве помощи своих сухопутных войск⁶ в течение десяти дней со дня получения телеграммы⁷. Текст этого обращения уже не только выражал просьбу о поддержке, но и недвусмысленно указывал на ее военный характер, предполагавший отправки контингентов сухопутных войск в Корею. На этом завершился первый этап рассмотрения Турцией формы оказания поддержки Южной Корее.

Таким образом, вопрос о том, какую именно помощь оказать Южной Корее — продовольственную или военную, вызвал много споров в общественно-политических кругах Турции. С одной стороны, были опасения негативной

¹ Yazıcı T. *Kore Birinci Türk Tugayında Hâtıralarım*. İstanbul: Ülkü basımevi, 1963. S. 32

² Halil A. *Atatürkçü dış politika ve NATO ve Türkiye*. İstanbul: Gerçek yayınları, 1968. S. 123.

³ 84 (1950). Резолюция от 7 июля 1950 года // Документы ООН [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/84\(1950\)](https://undocs.org/ru/S/RES/84(1950)) (дата обращения: 08.04.2020).

⁴ Department of State. Political affairs and relations: truce, cease-fire, armistice (1950–1953). Outgoing Telegram. Confidential U. S. State Department Central Foreign Policy Files: Korea, 1970–1973. POL 27–14 KOR/UN. RG 59. Tel. No. 31

⁵ Foreign Relations of the United States, 1950. Vol VII. Korea / ed. Glennan J. P. Wash., 1976. P. 369.

⁶ Ванин Ю. В. *Корейская война (1950–1953) и ООН*. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 103.

⁷ Üzmez A. *İkinci Dünya Savaşı'ndan sonra gelişen olayların ışığında Kore Savaşı ve Türkiye*. İstanbul: İ. Ü. Atatürk ilkeler ve inkılap Tarihi Enst, 2006. S. 60.

реакции на этот шаг и возможной советской агрессии против Турции. С другой стороны, турецкое руководство понимало, что ему не удастся добиться членства в НАТО, оставаясь в стороне от такого важного события, как Корейская война. Правительство А. Мендереса постепенно склонялось к оказанию военной помощи Южной Корее, но затягивало с принятием окончательного решения. Оно воспользовалось тем, что до середины июля обращения СБ ООН не содержали прямого требования к странам-членам Организации об отправке своих сухопутных войск в Корею, что носило лишь рекомендательный характер. По мере развития корейского конфликта эти призывы становились все более и более настойчивыми, превратившись 14 июля из рекомендаций в открытое требование к членам ООН передать свои контингенты в распоряжение Объединенного командования. Правительству Турции было дано десять дней на принятие соответствующего решения, после чего оно должно было официально изложить свою позицию по этому вопросу.

Чеснокова Н. А. (НИУ ВШЭ, РГГУ, Москва)

Чон Чинин — герой пророческих сочинений позднего Чосона: проблема происхождения

Книги предсказаний — уникальный источник сведений о мировоззрении людей, их религиозности, мифическом сознании и хранящихся глубоко в памяти традиционных образах. Автор исследования обращается к пророческим книгам средневековой Кореи, а именно источнику «Записи Чон Кама» (*Чон Кам нок*)¹; анонимному произведению, впервые упомянутому в XVI в. Согласно его содержанию, правящая династия Ли (1392–1910) исчерпала свой потенциал — *ток*, а потому во главе государства должен встать представитель новой династии по фамилии Чон. Само содержание произведения выражено через беседу трех чиновников, владеющих искусством «геомантии» *пхунсу чирн соль*, которые рассуждают о смене природных циклов, прошлом и будущем Кореи.

Значительная часть произведения представлена в виде зашифрованного текста. Тем не менее, оно было достаточно популярно как среди аристократии, так и среди простолюдинов. Написанное изначально на *ханмуне* — кореезированной форме китайского письменного языка *вэньянь*, позднее оно было переведено на корейский язык в период XVIII–XIX вв.

Одно из самых популярных запрещенных произведений — «Записи Чон Кама», широко использовались во время народных восстаний, начиная с XVI в. Пик его «популярности» приходится на XIX в., и, при обращении к историче-

¹ Чон Кам нок (рукопись). Ключжангак, 奎12371. 1800. 31 л.

ским хроникам, а также допросам пойманных мятежников, обнаруживается, что заговорщики убеждали людей присоединиться к ним, апеллируя не столько прямой выгодой, сколько необходимостью: подобно тому, как друг друга сменяют времена года, так и правители должны уходить, когда наступает их черед; и мятеж — это естественный процесс, подобный тому, как ветер срыгает сухие листья.

Заговорщиков роднила и иная особенность их дискурса — утверждение, что новым правителем государства Чосон станет некий Чон Чинин (鄭真人). К XIX в. эта вера только укрепилась: почти каждое восстание сопровождалось лозунгами в поддержку этого персонажа. Руководители мятежей позиционировали себя не как будущих правителей страны, но как предвестников смены династии.

Однако если взглянуть на состав мятежных группировок, то ни одного Чон Чинина среди них не найдется. Он является образом, пришедшим в корейскую культуру из китайской философии, а именно из главы VI «Великий учитель» трактата «Чжуан-цзы». Там встречается понятие 真人, что можно перевести как «настоящий человек» (кор. *чинин*): бесстрашный, справедливый, искренний, честный — т.е. легендарный совершенномудрый¹.

Иными словами, «Чинин» — не имя, а суть; воплощение образа идеального правителя, каким его видели представители образованных сословий. А Фамилия Чон — результат популярности «Записей Чон Кама».

При этом одновременно существовало несколько разных анонимных пророчеств, в которых упоминался Чон Чинин: о нем было известно, что он придет с юга (в некоторых сочинениях — приплывет с одного из южных островов), а *поном* его клана считалась гора Керёнсан (провинция Чхунчхон). Отметим, что Керёнсан — источник благополучия династии Чон в «Записях Чон Кама».

Анализируя различные пророчества и книги предсказаний позднего Чосона, современные корейские историки заключают, что Чон Чинин упоминался в пророчествах XVII–XIX вв. как по имени, так и иносказательно — «совершенномудрый Чон» (*Чон сонин*), «тот, кто придет с юга», «тот, кто родится на острове»; в некоторых случаях имя этого персонажа звучит иначе. Например в «Обзоре истории по годам» (要覽歷歲, *Ёрам ёксе*) его называют Чон Доин (鄭道仁)², дословно «путь гуманности».

Иными словами, можно сделать вывод, что персонаж Чон Чинин первоначально появляется как безымянный герой пророчества, но постепенно приобретает черты реального человека и обязательные для будущего правителя качества, а также собственную биографию.

¹ Подробнее см.: Малявин В. В. Чжуан-цзы. М., 1985. С. 95–96.

² Ким Тхак. Чон Кам нок: национальное предсказание желаемого будущего (Чон Кам нок: сесан-ыль ккумккунын минджундыр-ый еонсо). Саллим, 2005. Р.60–61

Шутова М. А. (НГУ, Новосибирск)

Государственное ведомство печати эпохи Чосон Чучжасо в южнокорейской историографии

Чучжасо (주자소, 鑄字所) — управление по изготовлению металлических литер, учрежденное государем Тхэчжоном в 1403 г. Сначала оно относилось к ведомству Сынчжонвон (승정원, 承政院), которое издавало приказы государя и докладывало ему об их выполнении, а в 1460 г., во время правления Сечжо, оно вошло в состав ведомства Кёсогван (교서관, 校書館). При государе Чончжо в 1782 г. Кёсогван стал частью академии Кючжангак (규장각, 奎章閣), поэтому и Чучжасо стало ее частью.

Принимая во внимание особое отношение к книжному слову в Восточной Азии, относившейся к конфуцианскому культурному ареалу, и способы создания печатного текста, существовавшие в эпоху Чосон, несложно представить, насколько важную роль в конечном итоге сыграло Чучжасо в распространении знаний в свое время. Поэтому для отечественного корееведения будет полезным систематизировать южнокорейскую историографию, рассматривающую историю существования и деятельность этого государственного ведомства. Анализ научных работ осуществлялся на основании данных, зарегистрированных в системах «Сервис по обмену исследовательской информацией, управляемый Корейской информационной службой образования и исследований» (RISS, Research Information Sharing Service by the Korea Education and Research Information Service), «Корейская информационная служба» (KISS, Korean Information Service System) и в фонде Национальной библиотеки Кореи.

В первую очередь стоит упомянуть корифеев корейского книговедения. Чхон Хебон (천혜봉) упоминал Чучжасо в своих монографиях по истории средневекового книгопечатания и в 1995 г. составил статью для Энциклопедии корейской национальной культуры, где подробно описал подобные государственные органы эпохи Корё, проследил смену системы управления ими и расположение печатных мастерских.

Ким Воллён (김원룡) и Ким Дучжон (김두중) также уделяли внимание роли Чучжасо в своих монографиях — «Краткая история печати отливными литерами в эпоху Чосон» (1958) и «История древнего корейского книгопечатания» (1979) соответственно.

Исследователем, имеющим самое значительное число работ, связанных с Чучжасо, является Ю Дэгун (유대군, 劉大軍), выпускник Пекинского университета, закончивший аспирантуру университета Тонгук. Его книга «Исследование типографии Чучжасо в начальный период эпохи Чосон» была издана на корейском языке в 2008 г. В ней исследователь анализирует ситуацию, служившую историческим фоном для основания этого ведомства, в том числе такие факторы, как трансформацию письменной традиции в связи со

сменой династии, уровень спроса на литературу, создание книг в конце эпохи Корё — начале эпохи Чосон. Он подробно рассматривает процесс формирования государственного органа Чучжасо, уделяя особое внимание особенностям его деятельности по книгоизданию — проблемам создания досок с текстом, реформам технологии литья, унификации производственного инвентаря. При этом Ю Тэгун затрагивает такую тему, как намерение правительства распространить технологию литья за пределами страны.

Докторский диплом Ю Тэгун защитил в 2003 г., тема его работы звучала как «Исследование Чучжасо в первой половине периода Чосон: основание и технология отливки литер». Годом ранее вышла его статья «Некоторые проблемы основания печатного ведомства Чучжасо», где он рассматривал предпосылки и историческую основу его учреждения этого, деятельность по отливке шрифтов года *кеми* (癸未年), совершенствование технологии печати подвижным металлическим шрифтом и намерение государевой администрации широко распространить технологию печати подвижным металлическим шрифтом.

Помимо исследований, посвященных непосредственно аспектам администрирования и функционирования Чучжасо, в корейской историографии есть ряд статей, посвященных анализу деятельности печатных мастерских эпохи Чосон в целом. В качестве примера можно назвать публикации Ли Сунёна «О взаимосвязи печатных мастерских Чучжасо, Чхекпан и Чонымчхон» (1971), Ким Сонсу «Исследование структуры, функций и деятельности центральных печатных мастерских в эпоху Чосон» (2009) и Ким Хвасона «Государственные типографии в эпоху Чосон» (2017).

СЕКЦИЯ XII • SECTION XII
МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES
OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Об одном неканоническом тексте
в составе монгольского рукописного Ганджура**

Среди ранее не идентифицированных сочинений в составе рукописной редакции монгольского Ганджура 1628–1629 гг. есть небольшой текст, в начале которого указаны два названия — *Tngri-yin köbegün erdeni yar-tu-yin asayurᠰan* и *Töröküi üküküi orčilang-un nom bölög bolγaᠰan*¹. Текст отсутствует в составе структурно более организованного ксилографического издания монгольского Ганджура, выполненного под патронажем императора Канси в 1717–1720 гг.

В результате работы по составлению сравнительного каталога монголоязычного буддийского канона было установлено, что этот текст является переводом тибетского сочинения под названием «Трактат о круге рождения и смерти» (тиб. *SKye shi 'khor ba 'i chos kyi yi ge le 'u*)². «Трактат» представляет собой сочинение сводного характера — основная его часть является крат-

¹ В списке СПбГУ текст занимает лл. 78v–80v тома *ba* в разделе *Eldeb*. См. Касьяненко З. К. Каталог петербургского рукописного Ганджура. Составление, введение, транслитерация и указатели. М., 1993. № 714.

² Другие названия текста на тибетском языке: *sKye shi 'khor lo 'i le 'u bstan pa'* (= *pa*); *lHa bu rin chen lag* (= *lags*) *cis* (= *gis*) *dris pa*.

ким переложением «Гандавьяуха-сутры», а заключительная позаимствована из «Ушнишавиджая-дхарани». В отличие от двух названных канонических сочинений «Трактат» написан семисложным стихом и содержит эпизоды, которые можно связать с добуддийскими верованиями тибетцев. Фрагменты девяти списков «Трактата», обнаруженные среди дунхуанских рукописей, а также его содержание свидетельствуют о том, что сочинение появилось на раннем этапе распространения буддизма в Тибете и имело широкое хождение в постимперский период¹.

Словарь тибетского текста «Трактата» сочетает терминологию, характерную для переводов и переложений с китайского (или оригинальных текстов, написанных под влиянием таковых), с лексиконом переводов с санскрита. Эта особенность текста полностью отражена и в его монгольском переводе. Так, например, уже в самом названии сочинения содержится плеонастическое сочетание *töröküi üküküi orčilang* < тиб. *skye shi 'khor ba*, где обе части обозначают одно и то же буддийское понятие — «сансара» (*skye shi* — в переводах с китайского, *'khor ba* — в переводах с санскрита).

«Трактат» не принадлежит к разряду буддийских канонических сочинений, авторство которых приписывается Будде Шакьямуни и не входит в состав известных на сегодняшний день тибетских Ганджуров. Включение перевода этого сочинения в рукописную редакцию монгольского буддийского канона свидетельствует, по всей вероятности, об архаичности тибетского источника, который использовался в качестве модели для ее составления.

Бикмаева К. И. (ИСАА МГУ, Москва)

Роль монгольского языка в монголо-китайских отношениях

Летом 2020 г. Департамент образования Внутренней Монголии объявил о проведении реформы образования в средней школе. Согласно плану реформы ожидается переход на учебники по единым государственным стандартам и преподавание языка и литературы, политических наук и истории исключительно на китайском.

Данная реформа вызвала большой резонанс в обществе и бурную ответную реакцию со стороны монгольского населения, проживающего во Внутренней Монголии. С одной стороны, увеличение числа предметов на китайском языке дает большие возможности для молодежи, которая сможет проще интегрироваться в китайское общество и получит облегченный доступ к высшему

¹ Подробнее о тибетском сочинении см., например, Imaeda Y. The History of the Cycle of Birth and Death: A Tibetan Narrative from Dunhuang // Kapstein M. T., Dotson B. (eds.). Contributions to the Cultural History of Early Tibet, Leiden, Boston, 2007. P. 105–81.

образованию¹. Но, с другой стороны, справедливо отмечается, что распространение китайского языка во Внутренней Монголии ведет к потенциальному ослаблению монгольской национальной идентичности, снижению использования монгольского языка и оттоку монгольского населения из Внутренней Монголии в будущем. Считается, что таким образом постепенно осуществляется китайская «Этническая политика второго поколения» Си Цзиньпина².

Эти и другие противоречия в рамках осуществления реформы привели к массовым акциям протеста монгольского населения, как на территории Внутренней Монголии, так и за рубежом. Мирные акции протеста и активные обсуждения в сети происходили и в Монголии³. Внутреннюю Монголию и, так называемую, Внешнюю (т. е. современное государство Монголия) связывает общее этническое происхождение, язык, история и традиции. Надо сказать, что на протяжении XX в. отношения между ними были не очень активными и почти прекратились в период противостояния между СССР и КНР в 1960–80-е годы. В 1990-е гг. китайско-монгольские отношения стали постепенно налаживаться. Сейчас Внутреннюю и «Внешнюю» Монголию связывают тесные контакты в экономической, научно-культурной, туристической сферах.

Несомненно, Внутренняя Монголия является своеобразными воротами Монголии в Китай. Поэтому летом 2020 г. правительство Монголии оказалось в довольно затруднительном положении. С одной стороны, в последние годы в Монголии осуществляются кампании по возрождению и популяризации традиционной монгольской письменности. Однако, с другой стороны, из-за своеобразных экономических и политических отношений между странами правительство Монголии не решилось сделать официальное политическое заявление по поводу образовательной реформы. 16 сентября состоялся визит в Монголию министра иностранных дел КНР Ван И⁴. Считается, что этот незапланированный визит был вызван мирными акциями протеста. По итогам визита правительства двух стран подтвердили тесное сотрудничество в торгово-экономической сфере и договорились никаким образом не вмешиваться во внутреннюю политику стран. Тем не менее, это поставило перед монгольским

¹ Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2006. №4. С. 78.

² Фролов И. Ю. Особенности национальной политики КНР на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2018. №5(50). С. 73.

³ Bilingual Education in Inner Mongolia: An Explainer [Двуязычное образование во Внутренней Монголии: Объяснение]. //Made in China journal. 30.08.2020. URL: <https://madeinchinajournal.com/2020/08/30/bilingual-education-in-inner-mongolia-an-explainer/> (дата обращения: 06.01.2021).

⁴ Официальный визит министра иностранных дел КНР Ван И в Монголию // Монголия сейчас. 16.09.2020. URL: <http://www.mongolnow.com/ofitsialnyj-vizit-ministra-inostrannyh-del-knr-van-i-v-mongoliyu/> (дата обращения: 12.01.2021).

обществом вопрос о статусе монгольско-китайских отношений, роли Монголии в них и способности правительства защищать свой народ и отстаивать национальные интересы.

В данном докладе мы постараемся рассмотреть роль языка в международных отношениях, поскольку язык, несомненно, является важным политическим инструментом. В первую очередь язык определяет этническую принадлежность и границы «свой-чужой». Другая важнейшая функция языка с точки зрения его политической роли — объединение людей. Наконец, язык — это также инструмент политического сплочения¹. Являясь одним из определяющих факторов национальной идентичности, язык оказывает влияние не только на внутривнутриполитические процессы, но и на формат и реализацию внешней политики государства.

Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Рассуждение о ламах» императора Цяньлуна: особенности китайского, маньчжурского и тибетского текстов

«Рассуждение о ламах» (кит. 喇嘛說) является очень известным сочинением, в котором император Цяньлун (гг. правл. 1736–1795) сформулировал свои основные идеи относительно тибетского буддизма, буддийского духовенства Тибета и Монголии, а также института лам-«перерожденцев» (тулку < тиб. sprul sku). Это сочинение было написано императором в 1792 г., а в 1794 г. на четырех языках (маньчжурском, китайском, монгольском и тибетском) выгравировано на стеле, которая была установлена в столичном храме Юнхэгу. Ценность «Рассуждения о ламах» для исследования политики династии Цин в отношении тибетского буддизма неоднократно подчеркивалась в работах историков, изучавших период существования Тибета в составе цинской империи. Несмотря на широкую осведомленность исследователей о содержании и значении «Рассуждения о ламах», подробный сравнительный анализ текстов на четырех языках, а также других имеющихся вариантов данного сочинения еще не был осуществлен².

¹ Liu A. H. Standardizing diversity. The Political Economy of Language Regimes. PENN, 2015. P. 9.

² Перевод с китайского языка на английский содержится в работе Ф. Лессинга «Юнхэгу: Иконография ламаистского храма в Пекине, с комментариями относительно ламаистской мифологии и культа» (Lessing F. Yung-Ho-Kung: An Iconography of the Lamaist Cathedral in Peking, With Notes on Lamaist Mythology and Cult. Stockholm, 1942). Перевод с тибетского языка на английский содержится в книге М. Ойтдманна «Ковка золотой вазы: империя Цин и политика реинкарнаций в Тибете» (Oidtmann M. Forging the Golden Urn: The Qing Empire and the Politics of Reincarnation in Tibet. New York, 2018). Перевод с маньчжурского на японский был осуществлен Чэнчжи и включен в статью «Анализ маньчжурского текста четырехязычной стелы „Рассуждения о ламах“» (Lama

«Рассуждение о ламах» состоит из основного текста (кит. 正文) и внутри-текстовых примечаний (кит. 雙行夾批). Текст сочинения имеется в четырех форматах: выгравированный на четырехязычных стелах¹, изданный ксилографическим способом², включенный в отредактированном варианте в другие сочинения и написанный скорописью на свитках³. В трех последних форматах представлен только китайский текст сочинения, который таким образом стал наиболее распространенным и доступным. Широкое хождение китайского текста «Лама шо» объясняется, прежде всего, стремлением императора воздействовать на определенный круг лиц. Полемический характер сочинения, направленный на доказательство целесообразности политики императора в отношении тибетского буддизма и лам, косвенно указывает на существование критики действий императора Цяньлуна, которую инициировали, по всей вероятности, приверженцы неоконфуцианского учения. Маньчжурский и тибетский тексты четырехязычной стелы храма Юнхэгун показывают большее сходство между собой, что приводит к выводу о том, что основой для тибетского перевода послужил именно маньчжурский текст сочинения. При разборе тибетского текста «Рассуждения о ламах» нами было отмечено, что в переводе опущены некоторые обороты и слова, имеющиеся в маньчжурском тексте, а в отдельных случаях — упрощена структура предложений. Такая ситуация особенно заметна в той части сочинения, где Цяньлун повествует о наказаниях, осуществленных в отношении лам монастыря Ташилунпо после вторжения гуркхов в 1791 г. В тибетском тексте, помимо прочего, бросаются в глаза ошибки в написании некоторых имен собственных.

Китайский текст «Рассуждения о ламах», благодаря своей широкой распространенности, стал «эталонным», наиболее известным и цитируемым. Ценность и особенности маньчжурского текста, отмеченные исследователями, состоят в том, что в нем содержатся некоторые моменты, намеренно опущенные в китайском тексте. Несмотря на существование тибетского текста «Рассуждения о ламах», он не был распространен в Тибете, поскольку это сочинение предназначалось, прежде всего, для приближенных императора и для цинской администрации в целом, а также для монголоязычной аудитории.

shuo 喇嘛說)» (Chengzhi. An Analysis of the Manchu Text of the Four-Language Inscribed Stele Pronouncement on Lamas (Lama shuo 喇嘛說). Bulletin of Institute of Liberal Arts Otomon Gakuin University, No. 6, March 2019, P. 13–46).

¹ По сообщению Чэнчжи, в Пекине в храме Фуюсы (кит. 福佑寺) существует еще одна четырехязычная стела с выгравированным на ней текстом «Рассуждения о ламах».

² Об изготовлении отдельных отпечатанных ксилографическим способом книг с «Рассуждением о ламах» упоминается в архивных документах придворной мастерской (кит. 造辦處).

³ Один из таких свитков, написанный рукой императора Цяньлуна, хранится в музее Запретного города (г. Пекин).

Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)

Отечественная историография о зверином стиле в петроглифах Западного Тибета¹

Петроглифы на территории Тибета были открыты в 1985 г. в уезде Житу (Рутог), расположенном на западе региона². В нашей стране первая (и пока единственная) статья, специально посвященная петроглифам Тибета, увидела свет лишь 20 лет спустя³. В ней авторы описали природные условия и кратко рассказали об основных памятниках наскального искусства автономного района, сопроводив свой труд несколькими иллюстрациями. Они отметили, что наиболее богат наскальными рисунками уезд Житу (Рутог), особенно вблизи населенного пункта Лурулангка.

Большое внимание уделено местонахождению Жэньмудун (Жумудун / Римодонг), в частности, первой группе петроглифов из пункта 1⁴. К сожалению, весьма подробное текстуальное описание наскальных рисунков из этого пункта у наших авторов плохо стыкуется с воспроизводимыми ими же изображениями. Например, упоминаются «две фигуры всадников с головами баранов»⁵. При обращении к рисунку 1 из той же статьи несложно убедиться, что бараньи головы имеются не у самих всадников, а у их ездовых животных.

Как очень важные, Д. В. Черемисин с соавторами отмечает пункты [скальные плоскости — *А. В.*] 8, 12 и 13 в той же группе 1, где «представлены различные животные, причем их позы и детали оформления... вызывают очень близкие аналогии с искусством ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии»⁶. К сожалению, рисунки этих петроглифов в русскоязычной статье не приводятся, а из описания «деталей оформления» сообщается только о «позе на цыпочках» и «спиралевидных украшениях (волютах) на теле». Это обстоятельство вынуждает нас обратиться к первичным публикациям наскальных рисунков «в зверином стиле» из Жэньмудун.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18–09–00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

² У Цзюнькуй, Чжан Цзяньлинь. Сицзан Житу сянь гудай яньхуа дяоча цзяньбао [件君魁, 张建林. 西藏日土县古代岩画调查简报]. Краткий отчет о разведке древних петроглифов в уезде Житу в Тибете // *Вэньбу*. 1987. № 2. С. 44–50. (на кит. яз.).

³ Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. Петроглифы Тибета // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография. С. 248–255.

⁴ Правильнее переводить использованный в китайской статье термин «янь мянь» (岩面) не как «пункт» (что сделали отечественные авторы), а как «скальная плоскость».

⁵ Черемисин Д. В., Прокофьева И. В., Комиссаров С. А. *Цит. соч.* С. 249, рис. 1. Там же. С. 250.

На скальной плоскости (в пункте) 8 изображены горные козлы, як (или какой-то иной бык) баран и олени, тела многих из них украшены горизонтальной S-видной спиралью. Все животные даны в профиль, в статичной позе, с двумя ногами. У единственного оленя, показанного с четырьмя ногами, голова повернута назад¹.

На скальной плоскости (в пункте) 12 присутствует несколько групп животных. В верхней части плоскости несущаяся вскачь крупная собака преследует трех оленей, лопатки и бедра которых украшены спиральями (волютами). Олени показаны в движении, с четырьмя ногами, их рогатые головы развернуты назад. Ниже два более мелких пса по отдельности преследуют данного в профиль козла с двумя ногами, тело которого украшено горизонтальной S-видной спиралью и обернувшегося назад небольшого оленя(?) с четырьмя показанными в движении ногами и волютами на бедре и лопатке. Две последних композиции сопровождают фигурки парящих птиц с распластанными в полете крыльями².

Изображения на скальной плоскости (в пункте) 13 сильно испорчены выбитой поверх древних рисунков и покрашенной очень крупной (возможно, современной) буддийской надписью. Тем не менее, можно разобрать изображение собаки, преследующей обернувшегося назад, но стоящего на двух прямых ногах оленя, другого обернувшегося назад оленя с волютами в районе бедра и лопатки и с четырьмя ногами, переданными в движении, и нескольких козлов, тело одного из которых украшено горизонтальной S-видной спиралью³.

Судя по палимпсестам на плоскостях 8, 12, 13, изображения животных в статичной позе на двух ногах с телами, украшенными горизонтальной S-видной спиралью, более ранние, чем животных с четырьмя ногами в движении и с волютами в районе бедра и лопатки⁴. Поиск конкретных аналогий рисункам из Жэньмудуна среди наскальных изображений и мобильного искусства Южной Сибири, Центральной Азии и Китая, и определение их даты — задача отдельного серьезного исследования. Попытки подступиться к ее решению «с индийской территории», где в Ладакхе («Малом Тибете») встречены похожие петроглифы, предпринимались западными исследователями, датировавшими интересующие нас рисунки поздней бронзой или ранним железным веком⁵.

¹ У Цзюнькуй, Чжан Цзяньлинь. Цит. соч. С. 47, рис. 12.

² Там же. С. 47, рис. 13.

³ Там же. С. 47, рис. 15.

⁴ Чжан Цзяньлинь. Житу яньхуа дэ чубу яньцзю [张吉林. 日土岩画的初步研究]. Предварительное исследование петроглифов из уезда Житу // Вэньбу. 1987. № 2. С. 51–54, 87. (на кит. яз.).

⁵ Francfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G. *Péroglyphes archaïques du Ladakh et du Zanskar // Arts Asiatiques*. XLV. 1990. p. 5–27; Francfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G. *Archaic Petroglyphs of Ladakh and Zanskar // Rock Art in the Old World: papers presented in Symposium A of the AURA Congress, Darwin (Australia), 1988 / Ed. by M. Lorblanchet. New Delhi: IGNCA, 1992. P. 147–192.*

Джангольская О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Конструкции с номинализаторами в корпусе тибетских текстов

Номинализация в тибетском языке — широко распространенное грамматическое явление, при котором глагол или глагольная группа любой длины и сложности посредством присоединения показателей *-Pa* и *-rgyu* преобразуются в семантически нейтральное имя или именную группу со значением деятеля, объекта или процесса. Исследователи также выделяют ряд имен существительных, которые могут функционировать как номинализаторы (т. н. «квази-номинализаторы»), добавляя специальный смысл образованному имени или именной группе (например, существительное *tshul* ‘способ’, добавленное к глаголу *'bri* ‘писать’, образует *'bri tshul* ‘способ написания’).

Для языков тибето-бирманской группы характерно наличие трех типов номинализации: номинализация действия, или активная (далее АН), стандартная номинализация (СН) и деривативная номинализация (ДН). При СН вся глагольная группа функционирует как именная группа; валентность субстантивированного глагола не меняется. В случае АН субстантивируется только глагол, а его зависимые функционируют как зависимые существительного¹. При ДН образуется слово с новым значением — прилагательное или существительное (напр., существительное *byed pa* ‘семантическая роль’ от глагола *byed* ‘делать’). Специального исследования типов номинализации в тибетском языке не проводилось.

Исследование корпуса тибетских текстов, объемом 120514 токена, показало, что для тибетского языка характерно наличие всех трех видов номинализации с нейтральными и «квази-номинализаторами».

В текстах корпуса были обнаружены следующие номинализаторы: семантически нейтральные *-Pa* и *-rgyu*; *mkhan* (сокращенная форма существительного *mkhan-po* ‘мудрец’, используемая в сложных словах), имена существительные *tshul*, *thabs*, *stangs*, *ritsal*, *lugs* с общим значением ‘способ, манера, образ действия’, *cha* ‘часть’, *sa* ‘место’, *dus* ‘время’. В основном эти лексемы встречаются в текстах корпуса в трех основных функциях: как самостоятельные существительные, как части сложных слов и как собственно субстантивирующие показатели.

Большинство этих лексем используются как в конструкциях АН, так и в конструкциях СН. При этом в текстах корпуса встречаются словосочетания,

¹ Genetti C. Nominalization in Tibeto-Burman languages of the Himalayan area: A typological perspective // Nominalization in Asian Languages: Diachronic and typological perspectives. Foong Ha Yap, Karen Grunow-Hårsta and Janick Wrona (Eds.). Amsterdam, 2011. P. 166.

с практически одинаковым лексическим составом и семантикой, но представляющие собой разные модели номинализации, как в примерах (1) и (2):

(1) ཡི་གེ་འབྲི་ཚུལ་སྒྲུབ་

yi-ge 'bri-tshul sbyang

буквы писать-NMLZ упражняться

‘упражняться в способе написания букв’

(2) ཡི་གེ་འབྲི་ཚུལ་བཤད་

yi-ge 'i 'bri-tshul bshad

буквы GEN писать-NMLZ объяснять

‘объяснять способ написания букв’

В примере (1) субстантивированный глагол *'bri* ‘писать’ сохраняет свою валентность — присоединяет прямое дополнение *yi-ge* ‘буквы’ в абсолютиве. Это является примером СН, при которой вся глагольная группа целиком функционирует как именная, являясь прямым дополнением к глаголу *sbyang* ‘упражняться’. В примере (2) номинализированный глагол *'bri* соединен с существительным *yi-ge* с помощью служебной лексемы, выражающей предметные связи генитивного характера. Таким образом, модель управления глагола *'bri* утрачена, что характерно для АН.

Иванова Е. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

О собирателях скульптурных изображений буддийских божеств с территории Восточной Азии, хранящихся в Дальневосточном фонде МАЭ РАН

В последние два десятилетия XXI в. несколько музеев России (Государственный Эрмитаж, Национальный музей Республики Бурятия, Музей искусства народов Востока, Музей истории религии), имеющих в фондах памятники буддийского искусства из стран Восточной Азии, издали каталоги, познакомившие читателей с хранящимися в них собраниями буддийской скульптуры.

К этим музеям присоединилась и Кунсткамера, издавшая в 2014 г. каталог «108 образов Будды», посвященный скульптуре из одной большой буддийской коллекции (№ 5942), поступившей в музей в середине XX в. Помимо этой коллекции в Дальневосточном фонде МАЭ насчитывается еще около ста коллекций, содержащих скульптурные изображения божеств пантеона северного буддизма. Это преимущественно металлическая переносная круглая скульптура, литая и штампованная, а также сделанная из фарфора, высеченная из камня и вырезанная из дерева, происходящая из Китая (более 50 коллекций); из Монголии (более 30), из Тибета — 6. Количество памятников скульптуры в этих коллекциях приближается к 400. В отличие от «анонимных», вошедших в каталог «108 образов Будды», изображения буддийских богов, о которых идет речь, собраны отечественными собирателями на протяжении трех столетий

(XVIII–XX вв.), большая их часть поступила в музей в дореволюционный период. Значительная часть из них, около 95%, не опубликована, имена многих собирателей нам, к сожалению, неизвестны.

Я хочу привлечь внимание слушателей к успешной собирательской деятельности известных ученых (Г. С. Палласа, П. Л. Шиллинга фон Канштадта, С. Ф. Ольденбурга, А. И. Иванова, А. Д. Руднева, А. А. фон Сталь-Гольстейна), путешественников (П. К. Козлова, А. Н. Казнакова, С. Н. Алфераки), дипломатов-востоковедов (Н. Н. Кроткова, Я. П. Шишмарева), офицеров (М. В. Ладыженского, А. В. Верещагина), государственных деятелей царской России, одержимых интересом к буддийскому искусству страстных коллекционеров (Н. И. Гомбоева, Э. Э. Ухтомского).

И каждый отдельно, и все вместе они причастны к созданию в нашем музее ценного собрания произведений буддийской скульптуры, в котором представлены почти все категории персонажей пантеона северного буддизма — учителя, архагаты, Будды (Шакьямуни, Будда Грядущего мирового периода, Будда врачевания, пять татхагат, один из 35 Будд покаяния), бодхисаттвы, женские божества, йидамы, дхарампалы.

Москалева Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Воображаемый» Тибет тибетской диаспоры: дискурс национального строительства в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг.

Расположившийся вблизи границы с Тибетом индийский город Калимпонг был известен в сер. XX в. не только как главный центр индийско-тибетской торговли, но и как излюбленная зимняя «Ривьера» тибетцев, «фабрика сплетен» о Тибете, а также штаб-квартира тибетских эмигрантов. Кроме того, именно в Калимпонге с 1925 по 1963 гг. выходила самая популярная ранняя газета на тибетском языке «Зеркало Тибета» (тиб. *yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long*, букв. «Зеркало новостей из разных стран»), которая до сих пор остается сравнительно малоизученным источником.

Газету выпускал Дордже Тарчин Бабу (тиб. *rdo rje mthar spyin sba' sbu*; 1890–1976), гражданин Индии тибетского происхождения. Биография главного редактора «Зеркала Тибета» является не менее любопытной, чем насыщенная политическими интригами жизнь Калимпонга в 1950-е гг. Тарчин — внебрачный ребенок из бедной семьи, социализированный в среде пресвитерианских миссионеров, — смог завести судьбоносные связи как с британскими колониальными чиновниками, так и с представителями тибетской элиты, и выстроил впечатляющую карьеру вокруг своей тибетской идентичности. Пройдя путь

от простого разнорабочего до владельца типографии, он приобрел репутацию первого человека в Калимпонге и главного информационного брокера в тибетской общине в Индии. Интересно и то, что работу над изданием газеты Тарчин совмещал со службой на британскую и индийскую разведку, а в 1950-е гг. с сотрудничеством с американскими спецслужбами.

Позиционируя себя как преданный гражданин Индии, Тарчин также клялся в верности своей этнической родине — Тибету. С 1949 г., когда Китайская Народная Республика (КНР) провозгласила курс на «освобождение» Тибета, редактор регулярно размещал в «Зеркале Тибета» антикоммунистические материалы и неотступно выступал в поддержку независимости Тибета. Призывая тибетских «братьев» объединиться на основании общности исторического происхождения, языка, культуры и религии и совместно противостоять коммунистической власти, Тарчин формулировал и транслировал в массы основополагающие тезисы движения за независимость Тибета. В своих публикациях Тарчин конструировал альтернативную националистическую версию истории Тибета и утверждал матрицу негативного восприятия настоящего. Редактор «Зеркала Тибета» создавал иллюзию утрачиваемого «золотого века», представляя при этом КНР в образе «агрессора», а Тибет в роли его «жертвы». После эмиграции Далай-ламы XIV в Индию в 1959 г. «воображаемый» Тибет Тарчина, изображенный в «Зеркале Тибета» как глубоко религиозное мирное государство, суверенитет которого нарушило незаконное вторжение КНР, занял ключевое место в официальном нарративном пространстве тибетской диаспоры и лег в основу легитимирующей идеологии тибетского правительства в изгнании.

Данный доклад предлагает краткий анализ формирования элементов национального нарратива тибетской эмиграции на примере подборки публикаций «Зеркала Тибета» за 1950–1960-е гг.

Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образы «лишних людей» в китайском и монгольском романах XXI в.

Впервые образ так называемого лишнего человека был представлен русской классической литературой XIX в. Это, в первую очередь, Евгений Онегин из одноименного романа в стихах А. С. Пушкина и Григорий Печорин из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Появляется лишний человек и в повестях Н. В. Гоголя, и в рассказах А. П. Чехова. Человек, не принятый обществом, не нашедший своего места в жизни, бесконечно одинокий.

Именно такими представлены главные герои романов современной монгольской писательницы Д. Оюунчимэг (литературный псевдоним О. Даш, род. 1969)

«Норгой»¹ и китайского прозаика Дун Си (东西; род. 1966) «Переломленная судьба»². В личных судьбах Норгой и Ван Чанчи отразились проблемы духовной жизни азиатских обществ первой половины XXI в. Оба героя являются представителями молодого поколения. Перед ними, казалось бы, открыты все дороги. Но ни тот, ни другой не могут найти себя в современном мире, их идеалы, желания, устремления не соответствуют запросам окружающего их социума.

Главные герои Норгой и Ван Чанчи в силу сложившихся жизненных обстоятельств и личных качеств не способны реализовать себя в своем времени. Этот тезис, на наш взгляд, и составляет основу концепции «лишнего человека» в романах Д. Оюунчимэг и Дун Си.

*Попов В. А. (СПбНЦ РАН; ИВР РАН, Санкт-Петербург),
Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; Калмыцкий научный
центр РАН, Элиста)*

Терминология родства и свойства тувинцев как источник информации об этноисторических взаимосвязях тюрков Южной Сибири и Ойратского мира

В докладе проводятся этнолингвистические параллели терминов родства и свойства тувинцев с соответствующими терминами других тюркоязычных народов Сибири, а также с терминами монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов. Представляемые материалы свидетельствуют об интенсивных связях между предками этих народов (прежде всего ойратских) с предками тувинцев.

Для системы терминов родства (СТР) тувинцев в целом характерна строгая соотнесенность терминов родства (ТР) по признаку пола как по восходящей, так и по нисходящей линиям. Неразличение пола младших sibлингов эго сближает СТР тувинцев с СТР калмыков и других ойратских народов. Показательно отсутствие в СТР тувинцев особых лексических единиц для обозначения потомков — 2 поколения. Это же явление характерно для тунгусо-маньчжурских языков, однако оно не характерно для монгольских языков, в СТР которых признак поколения имеет намного большую значимость, а различение поколений на лексическом уровне охватывает как минимум три поколения по восходящей и нисходящей линиям.

Противопоставление предков и потомков эго по патри- и матрилиниям в СТР тувинцев прослеживается только в виде особого наименования матери

¹ Оюунчимэг Д. Норгой. Улаанбаатар, 2019.

² Дун Си. Переломленная судьба. Пер. с китайского О. П. Родионовой. СПб., 2018.

матери — *даай-эне*. Если рассматривать внутреннюю форму этого ТР, то буквально он означает ‘мать мужского сиблинга матери’. Возможно, он калькирован с ойратского *наһц эк, наһц ээж* — ‘мать матери’ у калмыков.

В тувинской СТР привлекают внимание обозначения альтеров +1 поколения. Во-первых, это противопоставление сиблингов родителей и их супругов, т. е. различие кровного родства и свойства в боковых линиях. Сходное явление отмечено и у калмыков. Во-вторых, в ТР тувинцев наблюдается так называемый скользящий счет поколений, при котором наименования старших сиблингов эго используются для обозначения младших сиблингов родителей эго. В свою очередь, этот факт указывает на былую значимость признака возраста альтера для выражения этих отношений, однако в современном тувинском языке этот признак, очевидно, нейтрализован. Пол же коннектора, соотносимый с родством по отцовской и по материнской линиям, продолжает оставаться значимым.

Самая примечательная особенность номенклатуры родства тувинцев — это большое своеобразие терминов свойства (ТС) и, прежде всего — неразличение свойства по признаку поколения: ТС для отца/матери и для старших сиблингов супруга или супруги являются одними и теми же, но они противопоставлены отдельным ТС для младшего сиблинга супруга/супруги. Другая особенность ТС тувинцев — неразличение пола младшего сиблинга супруга/супруги.

В сравнительно-историческом отношении заслуживают внимания также тувинские ТС, содержащие компонент *кат-*: *каты* — ‘отец жены’, *каты, кадай-ның акызы* — ‘старший мужской сиблинг жены’, *кат-ие* — ‘мать жены’, ‘старший женский сиблинг жены’. Этот компонент является тождественным исторически алтайскому слову *кайны*, обозначающим свойственников, и оба слова соотносятся с монгольским *xadum*, обозначающим некровных родственников вообще, ср. также калм. *хадм эцк* — ‘отец жены/мужа’, ст.-калм. *xadam* ‘родня мужа или жены’, калм. *хадм эк* — ‘мать жены/мужа’, *хадм ах* — ‘старший мужской сиблинг жены’, *хадм эгч* — ‘старший женский сиблинг жены’, *хадм ах* — ‘старший мужской сиблинг мужа’, *хадм эгч* — ‘старший женский сиблинг мужа’.

Помимо названий родственников мужа к монгольским заимствованиям могут быть отнесены также слова *куда* ‘сват’ и *кудагай* ‘сватья’, при этом только форма *кудагай*, отмеченная также в хакасском и якутском языках (ср. хакасск. *худаңай*, якут. *ходогой* ‘сватья’), указывает на то, что данные слова заимствованы тюркскими языками из монгольских, а не наоборот. Аналогичным образом термин *бажа* ‘своак’, который также является тюрко-монгольским, отмечается не только в тувинском, но и в других тюркских языках.

Исследование СТР тувинцев подтверждает, что ТС обладают большей устойчивостью и лучшей сохраняемостью, нежели ТР. Поэтому, едва ли есть основания объяснять факт сходства тюркских и монгольских ТС как результат заимствования их монголами у тюрков. Изучение региональных вариантов СТР тувинцев показывает значительную степень влияния СТР монголоязычных народов на

тувинскую, что, однако, характерно для отдельных групп тувинцев, испытавших на себе позднейшее монгольское влияние. Ср. тув. *узбай* ('сестра') — *эгчи* (монг. *эгч*), много монгольских ТР параллельно с тувинскими употребляют тувинцы-эрзинцы, что несомненно является следствием контактов с монголами-ойратами.

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«Плач» Хэлэгүдэй-багатура в анонимной Алтан тобчи

Анонимная *Алтан тобчи* — одна из ранних дошедших до нас монгольских хроник. Колофона в рукописи нет, поэтому мы не знаем ни имени автора, ни даты ее написания. Последним датированным событием, упоминаемым в рукописи, является сообщение об интронизации Лигдан-хагана в 1604 г.

«Плач» Хэлэгүдэй-багатура — это слова, которые он сказал Чингис-хану перед его смертью, слова, которыми он оплакал своего господина, — всемонгольского хагана. В тексте этого плача Хэлэгүдэй-багатур перечисляет все важнейшие атрибуты власти, которые обеспечивали существование Монгольского улуса, т.е. моделирует актуальную для того периода картину мира. В качестве главного фактора он называет «золотую душу» (*altan amin*) Чингис-хана и его связь с универсальным законом вселенной (*törö*). Из-за того, что «яшмовый/высокий/подобный горе *törö* становится низким» (*qas/öndür/aγula boluγsan törö čin-u boγonidum-ja*), происходят негативные события не только в социальном пространстве, но и нарушается природная гармония ('вода в пустыне и дороги в горах исчезают'). Текст «Плача» демонстрирует, что по традиционным представлениям выполнение правителем регулирующей функции в природе и социуме обеспечивается его особой связью с *törö* — универсальным законом Вселенной или Высшим Законом, который Небо проявляет через правителя.

Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Крамскова А. С. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

Генитивные конструкции в текстах тибетского корпуса и особенности моделирования их семантики в компьютерной онтологии¹

Проведенное исследование является частью работы по созданию инструментария для семантического анализа текстов на тибетском языке в электронном корпусе. Корпус состоит из письменных источников по тибетской

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 19-012-00616 "Семантический анализатор текстов на тибетском языке".

грамматической традиции и теории письма на классическом и современном тибетском языке, наиболее ранние из которых датируются VII–VIII вв., и насчитывает 120514 токенов.

Для семантического анализа корпуса используется компьютерная лингвистическая онтология — база данных, содержащая информацию о значениях лексических единиц (концептов) из текстов корпуса, и отношениях между ними. Одним из важных этапов в построении лингвистической онтологии является моделирование генитивных семантических связей.

Генитивная семантическая связь в тибетском языке выражается при помощи служебной лексемы *KYi*, маркирующей препозитивные определения. Данным показателем оформляется генитив субъекта, генитив дополнения, притяжательный генитив, генитив части, генитив качества, генитив заинтересованности, изъяснительный и определительный генитив, а также конструкции с послелогом и препозитивные придаточные предложения¹.

Для моделирования генитивных отношений в компьютерной онтологии был создан базовый семантический класс «обладать объектом или процессом (о любом объекте или процессе)». Конкретные генитивные отношения из текстов корпуса создавались в онтологии как подклассы этого отношения. В настоящий момент данный класс включает шесть основных подклассов и 166 классов более низкого уровня. Некоторые генитивные отношения представлены одним значением и устанавливаются только для одной пары концептов. Например, отношение «обладать орфографией (о языке)» установлено между концептами *skad* ‘язык’ и *brda* ‘знак письма’. Другие содержат несколько значений или устанавливаются между разными парами концептов. Так, генитивное отношение «обладать текстом» содержит шесть значений: «обладать тестом (о науке)», «быть автором текста (о существе, не являющимся животным)», «обладать изреченным текстом (о рте)», «быть грамматикой текста (о любой грамматике)», «быть процессом, описанию которого посвящен текст (о любом процессе)», «быть языком, на котором написан текст (о любом языке)».

Моделирование значений генитива субъекта и дополнения, а также придаточных предложений, потребовало разработки методологии моделирования номинализованных конструкций. Это связано с тем, что при генитиве субъекта или генитиве дополнения, связывающего смысловое подлежащее или прямое дополнение с названным далее действием, последнее обычно выражается номинализованным глаголом. Также номинализируются глаголы, служащие сказуемыми в препозитивных придаточных предложениях. При моделировании генитива субъекта, субъект генитивного отношения должен входить

¹ Michael Hahn. Lehrbuch der klassischen tibetischen Schriftsprache. Siebte, korrigierte Auflage. Swisttal-Odendorf, 1996. S. 79–83.

в семантический класс субъекта номинализируемого глагола (или в класс прямого дополнения — для генитива дополнения). Например, в конструкции *sgra'i sbyor-ba* 'добавление показателя', субъект генитивного отношения *sgra* 'грамматический показатель' должен входить в класс, указанный для прямого дополнения глагола *sbyor* 'добавлять'. В конструкциях с придаточными предложениями, наоборот, номинализованный глагол становится субъектом генитивного отношения (например, *bla-mas sbyar-ba'i sgra* 'показатель, добавленный ламой') и, таким образом, аналогичные требования предъявляются уже к объекту генитивного отношения (*sgra*).

Показатель генитива также часто используется в конструкциях с послелогами — постпозиционными отыменными единицами с пространственной, темпоральной или телеологической семантикой (например, *ched-du* 'ради, с целью', *steng-du* 'на' и др.). Анализ морфологического и синтаксического поведения данных единиц в текстах корпуса позволил расценивать послелоги как преимущественно именные единицы с низкой степенью грамматикализации, и, следовательно, моделировать их значения как значения существительных.

Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Монастырь Аблай-хит как центр книжности: примеры взаимопроникновения монгольской и ойратской письменных культур в XVII в.

«Ясное письмо» (ойр. *todo bičiq*) было создано ойратским ученым-ламой Зая-пандитой Намхай Джамцо (1599–1662) на основе монгольской письменности в 1648 г. Первые десятилетия существования алфавита *todo bičiq* не оставили нам почти никаких письменных источников — практически все сохранившиеся памятники ойратской письменности имеют датировки не ранее XVIII в. (самая ранняя датированная рукопись на «ясном письме» — письмо джунгарского Галдан-Бошогу-хана русскому царю 1691 г.). Отсутствие материальных свидетельств использования *todo bičiq* во 2-ой пол. XVII в. не позволяет судить о том, как широко была распространена эта система письма, и насколько быстро она вытеснила монгольскую письменность в ойратской среде. О том, что монгольское письмо было в ходу у ойратов и некоторое время после создания *todo bičiq*, свидетельствует письмо торгутского Шукур-дайчина царю Алексей Михайловичу, написанное на монгольском языке (1661 г.). Новые наблюдения могут быть сделаны на основе изучения материалов, недавно введенных в научный оборот — рукописей, обнаруженных в разное время в джунгарском монастыре, известном под названием Аблай-хит (от монг. *abalai-yin keyid* — монастырь Аблая).

Этот монастырь-крепость был основан в предгорьях Алтая (сегодня — Восточно-Казахстанская область) хошутским тайджи Аблаем в 1654 г. и освящен Зая-пандитой в 1657 г. Последнее упоминание Аблай-хита как действующего монастыря относится к 1661 г. Предположительно, после смерти основателя (ок. 1672 г.) крепость пришла в запустение: свидетельства 1720–1730-х гг. описывают заброшенный храм, который к тому времени уже начал подвергаться разграблению. Тогда же в помещении храма было обнаружено около полутора тысяч фрагментов рукописей, в том числе — двух или трех списков буддийского канона Ганджур на монгольском языке.

Один из списков обладает рядом «ойратских» черт. Среди них не только характерный почерк, но и нерегулярно встречающиеся элементы «ясного письма» — от отдельных графем до нескольких слов в предложении. Характер этих вкраплений указывает на то, что переписчики были не просто знакомы с *todo bičiq*, но и выработали привычку писать по-ойратски. Есть основания полагать, что этот список был сделан именно в Аблай-хите (переписан с другого монгольского Ганджура, фрагменты которого найдены там же). Точно датировать его не представляется возможным, однако наиболее вероятно, что рукопись создана до 1670-х гг. Примечательно, что, несмотря на наличие у переписчиков навыков использования «ясного письма», Ганджур был переписан именно на монгольской графике. Этот факт можно пытаться объяснить с разных сторон: с практической — отсутствием коллегии редакторов, необходимой для координации столь большого проекта, или с идеологической — нежеланием вносить изменения в священный текст.

С 2016 г. на территории монастыря ведутся раскопки, в ходе которых были обнаружены фрагменты берестяных рукописей. Среди них — три листа рукописи на «ясном письме», содержащей перевод сутры «Праджняпарамита-хридая», выполненный Зая-пандитой. Исследование текста фрагментов показало, что наряду с элементами грамматики ойратского языка в нем встречаются и монгольские падежные аффиксы (Gen.: *-un/-ün*; Dat.: *-dur/-diür*). Вкупе с другими деталями это указывает на то, что переписчик нетвердо владел навыком письма на *todo bičiq*. Точная датировка рукописи отсутствует, однако факт обнаружения ее в фундаменте храма дает основания полагать, что текст был заложен в основание алтаря во время строительства монастыря (1650-е гг.).

Приведенные наблюдения характеризуют Аблай-хит как центр монгольской и ойратской книжности, видевший зарождение новой письменной традиции. Примеры смешения двух систем письма добавляют несколько штрихов к картине формирования ойратской письменной традиции и приближают нас к ответу на вопрос о том, как происходил переход от монгольской письменности к «ясному письму».

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Ойратское «ясное письмо»: изменения графики и орфографии в рукописях XX в.

«Ясное письмо» — алфавит и принципы орфографии, были разработаны на основе уйгуро-монгольской письменности ойратским просветителем и религиозным деятелем Зая-пандитой в 1648 г. Благодаря его активной переводческой деятельности новая письменность получила широкое распространение у ойратов, сложился ойратский литературный язык, на котором создавались сочинения ойратской, а затем калмыцкой литературы. В 1924 г. в Калмыкии «ясное письмо» было отменено и в 1938 г. окончательно заменено кириллицей. Несмотря на это и другие сложности истории Калмыкии — репрессии и депортация, которые никак не способствовали поддержанию письменной традиции и сохранению письменных памятников, во второй половине XX в. в Калмыкии еще оставались люди, которые получили духовное образование в начале века, знали «ясное письмо» и переписывали на нем тексты. В качестве материала были взяты четыре таких текста «Сутры о Белом старце» — небольшого сочинения народного буддизма, переписанного конкретными людьми (их имена есть в колофонах) после возвращения из районов депортации. Рукописи хранятся в разных коллекциях Калмыкии.

Одной из особенностей орфографии «ясного письма» является различное написание букв, обозначающих лабиальные гласные «o/ö/u/ü». Они отличаются по форме: угловатая для «o/ö» и круглая для «u/ü», а внутри пар по диакритическим знакам: справа для мягкого «ö» и слева для твердого «u». В рассмотренных рукописях форма не служит различению пар — все буквы пишутся округло. Диакритика, служащая различению твердой и мягкой «o/ö» ставится регулярно. В то же время употребление диакритического знака для гласного «u» на первый взгляд выглядит нетрадиционно и противоречиво — он ставится не только при твердых, но и при мягких «ü». Таким образом, если в классическом тексте написание лабиальных гласных противопоставляется по двум параметрам — форме и диакритике, то в текстах с одинаковой формой этих букв используется только диакритика. Регулярность употребления такой системы диакритики дает право считать ее таковой. Так появляется диакритика у первых гласных «ü» в словах *kümün*, *bügüde* и многих других мягкорядных словах в этих рукописях. При этом, конечно, остается проблема отличия твердого «u» от мягкого «ü», но выбор ряда, в отличие от выбора между широкими и узкими лабиальными, возможен по другим факторам: согласными и гласными, которые употребляются только в словах определенного ряда. Нельзя не учитывать, что написание округлой буквы проще, чем буквы с четким углом. Признать существование такой системы дает возможность снять с переписчика упреки в «ошибках».

Большой комплекс изменений был вызван отражением живого произношения в письменном языке. Сюда относится обозначение долгих гласных и написание дифтонгов, поскольку в живом языке и те, и другие изменили свое качество: дифтонги стали долгими гласными, а все долгие гласные постепенно перешли в нормальные. Сохранились только некоторые традиционные написания слов с обозначением долгих гласным (например, тии 'плохой').

Написание отдельных букв («d», «y», «l», «z/ʃ», «i», «b») претерпело небольшие изменения, в основном не влияющие на их восприятие, но в результате геометрическая строгость и компактность классического «ясного письма» заменилась более размашистыми и волнистыми линиями.

Можно сказать, что в рассмотренных текстах основу составляют правила классического «ясного письма», которые были изменены в направлении упрощения графики и правил орфографии, сближению их с разговорным языком, в то же время изменился и графический облик некоторых букв и текста в целом.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I • SECTION I

КНИГА В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА

THE BOOK IN ORIENTAL HISTORY AND CULTURE

<i>Азаркина М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Завидовская Е. А. (БГУ, Брянск).</i> «Казанская книжная коллекция» в фонде Научной библиотеки СПбГУ	5
<i>Алибекова П. М. (Институт языка, литературы и искусства ДФИЦ РАН, Махачкала).</i> Персидские письменные источники Рукописного фонда Национального музея им. А. Тахо-Годи	9
<i>Арсеньев М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Фрагменты Торы в арабской графике из Второго собрания А. С. Фирковича в РНБ (Араб.-евр. 211)	10
<i>Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург).</i> Владимир Васильевич Стасов как исследователь декора восточных рукописей	13
<i>Гараева Н. Г. (Институт языка, литературы и искусства АН РТ, Казань).</i> Казанские издания Корана: особенности оформления	15
<i>Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Квазирукописная исламская литература в Республике Чад: новые публикации	16
<i>Ибрагимова З. Б. (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала).</i> Бумага дагестанских арабграфических рукописей XVII–XVIII вв.	18

<i>Маяцкий Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О происхождении иезуитских книг из китайских коллекций членов Пекинской духовной миссии в собраниях СПбГУ и РНБ</i>	20
<i>Османова М. Н. (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала). Художественное оформление дагестанской арабографической литографированной книги начала XX века: традиции и инновации.....</i>	21
<i>Пругула А. Д. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; НИУ ВШЭ, Москва). Восточносирийские писцовые стихотворные вставки: общая типология и эволюция.....</i>	23
<i>Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург). Роль чтения и библиотек среди простолюдинов эпохи Эдо</i>	25
<i>Харитоновна А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Китайская книжная коллекция архимандрита Петра (Каменского) и ее судьба.....</i>	27
<i>Якерсон С. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Колофоны сефардских инкунабулов как образцы поздней квантитативной поэзии</i>	28

СЕКЦИЯ II • SECTION II

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРАБСКИХ СТРАН HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF THE ARAB COUNTRIES

<i>Halil Ibrahim Erol (University of Kırklareli, Turkey). Azhari scholar Muhammad Ayyad Al-Tantawi and his travelogue of Russia.....</i>	31
<i>Jacoby Tim (Global Development Institute, Humanitarian and Conflict Response Institute, University of Manchester, United Kingdom). Islam and the Islamic State's Magazine, Dabiq.....</i>	32
<i>Knysh A. (Saint Petersburg State University, University of Michigan). Ibn al-‘Arabi’s Imaginary Universe as a Means of Modern-Day Re-Enchantment.....</i>	33
<i>Боков Т. А. (МИД РФ, Москва). Обзор основных общедоступных источников по истории хуситов до 2010 г.....</i>	34
<i>Болдина Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Мориски в контексте внешней политики Османской империи XV–XVII вв.</i>	36
<i>Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань), Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва). «Приехал сюда в конце XIX века. Оказалось: меня никто не понимает...»: Письма А. Е. Крымского профессору А. Н. Веселовскому из Бейрута из фонда Российского государственного архива литературы и искусства (1897 г.)</i>	38

<i>Василюк О. Д. (ИВ им. А. Е. Крымского, Киев), Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань), Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва).</i> Неопубликованное эпистолярное наследие А. Е. Крымского и В. Ф. Минорского из архивных центров России и Украины.....	39
<i>Гасанов Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Арабские источники по истории Южной Аравии XVI–XVII вв.....	41
<i>Дорохова И. А. (ПетрГУ, Петрозаводск).</i> Павел Павлович Николаевский — школьный инспектор ИППО в Палестине в конце XIX — начале XX вв.....	42
<i>Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Россия и Арабский мир: становление двусторонних связей в новейшее время (1918–1945)	43
<i>Дьяков Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Абу-л-‘Аббас Ахмад ал-Маккари (1584–1631) в историографии Арабского Запада	45
<i>Жерлицына Н. А. (Институт Африки РАН, Москва).</i> Османский фактор в антифранцузском сопротивлении Ахмед-бея, последнего губернатора бейлика Константины.....	46
<i>Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Проблема создания первых образцов огнестрельного оружия на Ближнем Востоке (по данным рукописи С 686 из ИВР РАН и других мамлюкских источников).....	48
<i>Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> «Хранитель султанской чернильницы» в административной системе мамлюков-Бурджитов (1382–1517).....	49
<i>Каздагли Нежмеддин (Высший институт языков, Карфагенский университет, Тунис).</i> Русская православная церковь в Тунисе и ее роль в тунисско-российских отношениях.....	51
<i>Кожемяка С. И. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Образ евреев в отражении иракской прессы.....	54
<i>Коровкина А. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Политическая сатира в народной культуре Алжира: карнавальное мироощущение и «перевернутый» мир	56
<i>Кривошеева М. В. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Муташайтина на страницах ближневосточных СМИ (на примере Ливана, Сирии и Египта).....	57
<i>Крылов А. В. (МГИМО, Москва).</i> «Православный Палестинский сборник (1881–1914 гг.) — бесценный источник по истории стран Восточного Средиземноморья и христианского мира»	59
<i>Куделин А. А. (РУДН, Москва).</i> Арабские хроники как источник по истории Османского Египта XVII–XVIII вв.	62
<i>Матвеев А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Спор Кроун и Сёрджента: чем торговали курайшиты? (К вопросу о возникновении «мекканской торговли»).....	63
<i>Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Сказка о короле. Образ Идриса ас-Сануси в ливийском информационном пространстве.....	65

<i>Микульский Д. В. (ИВ РАН, Москва). Рассказы (новеллы) в структуре текста Хадийят аз-заман фи ахбар мулук Лахдже ва-л-Йаман ал-‘Абдали (первая половина XX в.).....</i>	66
<i>Мишина З. К. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Парижская и софийская рукописи о налоговой системе средневекового Ирака.....</i>	68
<i>Натальченко А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Ливанские художники в России в XX — нач. XXI вв.</i>	69
<i>Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва). Арабы Сицилии и Северной Африки в период норманнских завоеваний: историографический аспект.....</i>	71
<i>Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург). Записки русских путешественников на Восток в новое время и их библиографическое обеспечение</i>	73
<i>Родецкий И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Топос мученичества в конструировании политической культуры: идеологии партий ХАМАС и Хизбулла.....</i>	75
<i>Родионов М. А. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Вклад краеведов Хадрамаута в формировании локальной историко-культурной традиции.....</i>	77
<i>Рыженкова Т. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиция отправки махмаля из Египта в Мекку в XIII–XX вв.</i>	79
<i>Саенко А. В. (НИУ ВШЭ, Москва). Тратат «Благоухающий сад новостей из разных стран» (XIV в.): о проблеме авторства и особенностях композиции.....</i>	80
<i>Слепухина О. П. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Память о Крестовых походах в арабском народном романе</i>	83
<i>Соколов О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Память о Крестовых походах в арабском народном романе</i>	83
<i>Трепналова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Коллекции арабских папирусов в России.....</i>	84
<i>Филиппов А. А. (БГУКИ, Минск). Концепция истории в государстве бахритских мамлюков в Египте (1250–1299).....</i>	86
<i>Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва). «Узловой пункт почти для всех судов, следующих на Восток и обратно»: российская консульская служба в Адене в конце XIX — начале XX вв.....</i>	88
<i>Цех В. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Изучение социального положения «аль-ахдам» в Йемене по материалам цифровой этнографии.....</i>	89
<i>Шалупкин В. В. (НИУ ВШЭ, Москва). Монография ‘Амра Махджуба «Суданский взгляд» в качестве источника по истории Судана кон. XIX — нач. XXI вв.....</i>	91
<i>Шевелёв Д. Л. (БГУ, Минск). «Новейшая палестинская историография»: категории, нарративы, методология.....</i>	92
<i>Шилова-Варьяш И. И. (МГУ, Москва). Валенсийская «Книга Сунны и Шариата мавров»</i>	93

СЕКЦИЯ III • SECTION III
 ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ
 ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ
 HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF TURKEY

<i>Meskhidze Julietta (Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg). Prince Grigory Shakhovskoy's Diplomatic Mission to Istanbul (1759–1760): Peace in the Shadow of War</i>	96
<i>Аверьянов Ю. А. (ИВ РАН, Москва). «Культ святых-вели в Турции в освещении российских востоковедов XX в.: проблемы методологии»</i>	97
<i>Акчай Эрай (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Документы, посвященные Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в фонде «Хатт-ы Хумаюн» Государственного Архивного Управления Османского Архива при Президенте Турецкой Республики</i>	98
<i>Болдырев А. В. (ИВ РАН, Москва). Изучение внешней политики Турции в годы Второй мировой войны в современной турецкой историографии</i>	100
<i>Жевелева А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Исторические события в турецких графических романах</i>	101
<i>Жуков К. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Два консула: И. И. Хемницер и К. Н. Леонтьев (стиль, действия, результаты)</i>	103
<i>Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург). Роль дипломатической службы в Константинополе в научной деятельности Йозефа фон Хаммера-Пургшталя</i>	104
<i>Люльчак А. С. (НИУ ВШЭ, Москва). Образ «врага» в кемалистской карикатуре (по материалам журналов «Смеющееся лицо» («Güleryüz») и «Карагёз» («Karagöz»)</i>	105
<i>Погуляева Е. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону). К вопросу об алфавите как элементе языковой политики черкесской диаспоры Турции</i>	107
<i>Суриков К. А. (ИСАА МГУ, Москва). Противоречия военной стратегии и устройства армии Блистательной Порты в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сквозь призму османской исторической публицистики и трудов османских военачальников</i>	109
<i>Цибенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону). «Вырастить хороших людей по всему миру»: развитие суфийской идеи служения в деятельности фонда «Маариф»</i>	111
<i>Шалак М. Е. (ЮФУ, РГУПС, Ростов-на-Дону). Османская хроника Абдуллы ибн Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак» как источник по истории Крымского ханства</i>	112
<i>Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва). Опыт конструирования прошлого в Турции: от кемалистского «Турецкого исторического тезиса» к «урокам истории» Реджепа Эрдогана</i>	114
<i>Юсупова А. Ш. (КФУ, Казань). Словарь Ахмеда Вефика-паши «Лехче-и Османи»</i> ...	116

СЕКЦИЯ IV • SECTION IV
ИРАНИСТИКА И АФГАНИСТИКА
IRANIAN AND AFGHAN STUDIES

<i>Bazilenko Igor V. (SPbU, St. Petersburg). John Malcolm (1769-1833) in History of Iran</i>	118
<i>De Nicola Bruno (Austrian Academy of Sciences). Re-writing the Siyar al-Mulūk in 13th century Anatolia</i>	119
<i>Ravandi-Fadai Lana (Institute of Oriental Studies, RAS; Russian State University for the Humanities). Letters by Knife, Russian Dervishes and Blood-sucking Serpents: Images from Revolutionary Gilan</i>	120
<i>Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Программные документы и система идеологической подготовки членов ОМИН</i>	121
<i>Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). «Четки» Зороастра — еще одно назначение священного пояса зороастрийцев</i>	122
<i>Баиндурашвили Х. Г. (Грузинский национальный центр рукописей ГНАН, Тбилиси). Персидские и грузинские источники об иранских исмаилитах, идеологических и политических аспектах их движения</i>	124
<i>Баконина М. С. (РИСИ, Москва). Исламская Республика Иран: опыт исламского феминизма</i>	126
<i>Башарин П. В. (РГГУ, Москва). Происхождения хорасанского культа святых (awliyā)</i>	127
<i>Васильева Д. О. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). Застывшее мгновение: альбом фотографий каджарского Ирана в собрании Эрмитажа</i>	129
<i>Вишнякова И. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Социальный портрет участников иранского революционного подполья на территории Сирии и Ливана в 70-х гг. XX в.</i>	130
<i>Гезалова Нияяр (Институт истории НАНА, Баку). О символах власти государства Надир-шаха Афшара</i>	132
<i>Гуциян Л. С. (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург). Персонажи персидского городского пространства начала XX в. (по материалам Российского этнографического музея)</i>	132
<i>Даушвили Г. Д. (ИАСС, Кабул). К реконструкции остаточной формы индуизма у западных дардов (пашаи) во второй половине XVI в.</i>	134
<i>Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Шах Шуджа Дуррани как антигерой афганской истории</i>	137
<i>Дзевановский-Петрашевский В. М. (Цюрих, Швейцария). «Мулла Перенгли», или приключения графа Жоржа-Анри Гулибеф де Блоквиля на Востоке</i>	138
<i>Дроздов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О подлинности коротких поэм персидского поэта Сана'и</i>	139
<i>Кокочин В. Г. (СибУПК, Новосибирск). Источники по истории Афганской войны (1979–1989 гг.) в сибирских архивах</i>	141

<i>Мирзоев И. Х. (ИВ РАН, Москва). К вопросу об интеллектуальной истории реформаторского движения в современном Иране</i>	142
<i>Моисеева А. В. (ИВР РАН, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). «Анйс ал-мурйдин ва шамс ал-маджайлис» — мистико-дидактический комментарий на кораническую суру «Йусуф»</i>	144
<i>Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург). Морские перевозки по Каспию в свете русско-персидских отношений во второй половине XIX — начале XX вв.</i>	145
<i>Паришито В. А. (ВШЭ, Москва). Типология бактрийских документов из Северного Афганистана</i>	147
<i>Пелевин М. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Индо-афганская агиография начала Нового времени: идеология и функции</i>	148
<i>Писчурникова Е. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Шела А. (Институт польского языка, Краков). Произведения афганского поэта-классика ‘Абд ал-Хамида Моманда (ум. ок. 1732): результаты стилометрии</i>	150
<i>Пластун В. Н. (НГУ, Новосибирск). Афганистан как объект внешней политики США</i>	151
<i>Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва). Сведения по истории Газневидов, Сельджукидов и Гуридов в «Тарих-и Бейхак» Ибн Фундука</i>	153
<i>Филин Н. А. (РГГУ, Москва)</i>	
<i>Уличная визуальная агитация о имаме Хомейни в Иране как источник изучения религиозно-политических процессов в стране</i>	154
<i>Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Новые согдийские рукописи из коллекции С. Ф. Ольденбурга</i>	155
<i>Штых Ю. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Философия антизападничества в путевых заметках Дж. Але Ахмада о Советской России (середина 1960-х гг.)</i>	157
<i>Ястребова О. М. (РНБ; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О версиях астрологических предсказаний мудреца Джамаспа («Ахкам-и Джамасп»)</i>	159

СЕКЦИЯ V • SECTION V

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF THE CAUCASUS

<i>Kalandia G. (Art Palace of Georgia, Museum of Cultural History, Georgia). Clothes of Georgian Kings and Feudal Lords in the XII–XIII centuries (According to the frescoes of Betania, Kintsvisi, Khobi and the bas-relief of Harichavank)</i>	163
<i>Адалар У. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Письменные источники о роли Гюмри в военно-политических отношениях России и Турции в XIX в.</i>	170
<i>Акопян А. В. (ИВ РАН, Москва). Монетное дело и денежное обращение Ереванского и Нахичеванского ханств (1747–1828 гг.)</i>	171

<i>Арзун М. Р. (Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, Сухум).</i> Кавказский Календарь как источник по истории Абхазии	172
<i>Ахмедли Н. (Центр Атаюрка в Азербайджане, Баку).</i> Камеральные описания как источник жизнеописания литературных и исторических личностей Азербайджана.....	174
<i>Гейбуллаева Р. (Бакинский Славянский Университет, Баку).</i> Язык и алфавит как один из критериев истории народа (на примере Азербайджана)	175
<i>Дзуганов Т. А. (Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик).</i> Трудовая миграция крестьянства Нальчикского округа в свете архивных источников (конец XIX–XX вв.).....	177
<i>Зельницкая Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург).</i> Святилище Дыдрыпш в Российской периодике XIX в.	178
<i>Кекелия В. (Национальный Центр рукописей Грузии ГНАН, Тбилиси).</i> Вопрос монастыря Св. Креста в Иерусалиме и международные отношения на Ближнем Востоке в начале XIV столетия.....	180
<i>Маламагомедов Д. М. (Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала).</i> Историческая память о лидерах джихада (имамата Дагестана и Чечни) в восточных источниках из Дагестана: рукопись Хасанилава ал-Гимрави об имаме Газимухаммад (XIX в.)	181
<i>Мания Э. М. (Национальный Центр рукописей Грузии ГНАН, Тбилиси).</i> Источники двух разных функций как возможность восстановить новые детали Кавказской войны.....	183
<i>Моисеенко Н. С. (ООО «Арттида», Санкт-Петербург).</i> О платиновой монете на Кавказе в середине XIX в.	184
<i>Сафаров Р. Ф. (Института археологии и этнографии НАНА, Баку).</i> О расширенном понятии Азербайджана в исторических источниках	186
<i>Глостнаков А. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону).</i> Реактуализация традиций и конструирование новых символических практик в контексте этнонациональной мобилизации черкесов.....	188
<i>Фарзалиев А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Историко-политическая география Южного Кавказа в источниках XVI — первой половине XVII вв.	189

СЕКЦИЯ VI • SECTION VI

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF CENTRAL ASIA

<i>Tojjeva Feruza (Mamun Academy, Khiva, Uzbekistan).</i> The Issue of Women in Slavery Relations in the Khiva Khanate.....	191
<i>Vasileva N. (Trakya University, Turkey).</i> Crosswords Conflicts: Eastern Rumelia and Afghanistan in the context of the British-Russian rivalry 1878–1885	194

<i>Абдунабиев С. Б. (Ташкентский Государственный университет узбекского языка и литературы). Исторические личности Центральной Азии, упомянутые в «Путешествии Ибн Баттуты»</i>	196
<i>Абланова Э. А. (Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга, Казахстан). Сведения о Мангышлаке в рукописях М. Ладыженского</i>	198
<i>Аканов К. Г. (Институт истории государства КН МОН РК, Нур-Султан). Сведения о казахах в описях РГАДА</i>	202
<i>Алимджанов Б. А. (Институт Востоковедения АН РУз, Ташкент). Активные операции Ташкентского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка</i>	204
<i>Алпеев О. Е. (НИИ Военной Истории Военной Академии Генштаба ВС РФ). Отчетные документы штаба Туркестанского военного округа о медико-санитарном состоянии войск во время «Джамского похода» 1878 г.</i>	206
<i>Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва). Некоторые проблемы изучения советского нацистроительства в Центральной Азии</i>	208
<i>Анарбаева Г. А. (Жлал-Абадский государственный университет, Кыргызстан). «Туркестанский сборник» как важный источник по истории Кыргызстана XVIII–XX вв.</i>	210
<i>Болашенкова Е. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Средняя Азия 1950-х гг. в воспоминаниях иранского автора А. Шафеи-Рудбари «Моя жизнь» (2000)</i>	212
<i>Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург). Рукописный дневник штатного сотрудника ИАК Евгения Каля как ценнейший исторический источник по изучению археологии Туркестанского края (1889–1891 гг.)</i>	213
<i>Васильева Н. Е. (ВФ СПбГУ Санкт-Петербург). Судьбы российских востоковедов после революции 1917 г.</i>	215
<i>Васильцов К. С. (МАЭ РАН, ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблемы историографии исмаилизма в Бадахшане: религиозная мифология, фольклорные нарративы и «воображаемая» (imaginative) география ислама</i>	217
<i>Гордеева П. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Обзор основных источников о жизни и судьбе хана Арынгазы Абилгазы-улы</i>	218
<i>Джандосова З. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Интерференция языков в условиях активной языковой политики: казахизмы в русском языке Алматы</i>	219
<i>Дуйшеев Ж. А., Исаков Б. М. (Международный Университет, Жлал-Абад, Кыргызстан). Историографическое наследие проф. К. У. Усенбаева</i>	220
<i>Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Эстампажи памятника в честь Тоньюкука в коллекции ИВР РАН</i>	223
<i>Кулмаматов Д. С. (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент). История создания среднеазиатских грамот XVII в. и современных им русских переводов</i>	224
<i>Лапин Н. С. (Институт истории государства КН МОН КЗ, Нур-Султан). Ранняя история казахско-русских отношений в опубликованных и неопубликованных работах А. П. Чулошникова</i>	227

<i>Мурзакуматов А. К., Абдылакимова Б. К. (ОшГУ, Кыргызстан). Этикет кыргызов в трудах Чокана Валиханова</i>	229
<i>Почекаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Суд над султаном Бараком и кризис ханского правосудия</i>	230
<i>Раджабова Д. Н. (Институт истории АН РУз, Ташкент). Вопросы истории Самарканда в научном наследии В. В. Бартольда</i>	232
<i>Тишин В. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). К идентификации персонажей надписи Кюли чора.....</i>	234
<i>Трепавлов В. В. (ИРИ РАН, Москва). Тюркская этнонимия в русском лексиконе XVI–XVII вв.....</i>	235
<i>Халлиева Г. И. (Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент). Архивные тюркские этюды.....</i>	237
<i>Чориев Ш. Х. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Деятельность Кокандского филиала Государственного банка</i>	238
<i>Юсупова С. А. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва). Делопроизводственная документация органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX — начала XX в.</i>	240

СЕКЦИЯ VII • SECTION VII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF SOUTHEAST ASIA

<i>Lorrillard Michel (École française d'Extrême-Orient, Paris). Lao royal ordinances and territories in the margins: the case of the “bai-chum” of the Hua Phan (northern Laos)</i>	243
<i>Владимирова А. В. (ИВ РАН, Москва). Развитие сетевого анализа в отечественном востоковедении и особенности подготовки студентов-регионоведов</i>	244
<i>Гордиенко Е. В. (РГГУ, Москва). «Предписываем поклоняться духам, чтобы они покровительствовали и оберегали»: императорские указы о духах как часть государственной политики в традиционном Вьетнаме</i>	246
<i>Зайцев И. А. (ИСАА МГУ, Москва). Юридические надписи Мьянмы XII–XIII в.: их классификация и значение для изучения истории средневекового судопроизводства</i>	248
<i>Игнатъев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Автобиография принца Вачираяна: иллюстрация дворцовой и религиозной жизни Сиам во второй половине XIX в.</i>	249
<i>Календарь О. К. (ИСАА МГУ, Москва). Территориальные споры между Индонезией и Малайзией как наследие колониальной эпохи.....</i>	250

<i>Кнорозова Е. Ю. (БАН, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> «Географические записки» Нгуен Чая (XV в.) как исторический источник по религиозно-мифологическим представлениям вьетнамцев	252
<i>Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> История Первой индокитайской войны через призму судьбы воина интернационалиста Костаса Сарантидиса (Nguyeñ Vãn Lâp).....	253
<i>Люттик Е. В. (НИИ Вьетнама Педагогического Университета Гуанси, Китай).</i> Новые материалы о распространении христианства во Вьетнаме и Японии в начальном периоде новой истории по материалам Зала мучеников в архивах Общества Иностранных Миссий (Франция, Париж) и альбома «Мученичество: история христианства в Японии» (Япония, Токио)	255
<i>Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва).</i> Белые страницы политики СССР и ДРВ после окончания вьетнамской войны.....	257
<i>Москалев П. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Роль короля Анг Дуонга (1845–1860) в истории взаимоотношений Сиам и Камбоджи в середине XIX в.	258
<i>Соколов А. А. (Институт востоковедения РАН, Москва).</i> Вьетнам в творчестве русских и советских художников.....	259
<i>Соколовский А. Я. (ДВФУ, Владивосток).</i> Существовало ли во Вьетнаме доисторическое письмо?	261
<i>Яковлева Е. А. (МГИМО, Москва).</i> Воспоминания принца Мангкры Суваннафумы как образец лаосской эмигрантской мемуарной литературы	262

СЕКЦИЯ VIII • SECTION VIII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF INDIA

<i>Аликберов Э. Ш. (КФУ, Казань), Аликберова А. Р. (КФУ, Казань).</i> Историкографический обзор индийско-китайских отношений	265
<i>Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва).</i> Луджианская протестантская миссия в 1840–1850-х гг.: обращение к вернакулярам	266
<i>Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург).</i> Гуджаратский султанат в отчете венецианского путешественника второй половины XVI в.	268
<i>Демичев К. А. (Нижегородский институт управления, Н. Новгород).</i> Текст в контексте: образ идеального сикхского правителя в кодексе Прем Сумараг в позднесредневековых панджабских реалиях.....	270
<i>Дорохова И. А. (ПетрГУ, Петрозаводск).</i> Город Дели в 1947–1948 гг. глазами русского архимандрита Андроника	271
<i>Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва).</i> Сперма в древнеиндийских источниках	273

<i>Каримова Е. В.</i> («ФинСофт ритейл», Новосибирск), <i>Останин В. В.</i> (АГАУ, АлтГУ, Барнаул), <i>Суботялов М. А.</i> (НГУ, НГПУ, Новосибирск). «Упадешамрита») Рупы Госвами как средневековый источник по истории вишнуизма.....	274
<i>Котин И. Ю.</i> (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Лемешкина К. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Трансформация сикхской идентичности в свете труда Х. С. Обероя «The Construction of Religious Boundaries».....	276
<i>Краснодембская Н. Г.</i> (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), <i>Смирнова Е. В.</i> (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург). Работы Т. Е. Катениной как базовые источники изучения языка <i>маратхи</i> (к истории индологической лингвистической школы Петербурга/Ленинграда).....	278
<i>Махлаюк А. Н.</i> (СПбГУ, Санкт-Петербург). К проблеме изучения источников о социальном протесте в современной Индии.....	280
<i>Сидорова С. Е.</i> (ИВ РАН, Москва). Падение Нагпурского княжества: политика «выморочных владений» по материалам колониальных архивов.....	281
<i>Соболева Е. С.</i> (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Миссионер Мартин Кере как историк Цейлона.....	283
<i>Шарапова А. В.</i> (СПбГУ, Санкт-Петербург). Бней-Менаше: из Мизорама в Израиль.....	284

СЕКЦИЯ IX • SECTION IX

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF CHINA

<i>Hompot Sebestyén</i> (University of Vienna, Austria). Mainland Chinese Historiography in Search of National and Global Narratives: A Discourse Analysis of Recent Historiography on the Zheng He Maritime Missions (1405–1433 CE).....	287
<i>Picchiarelli Silvia</i> (“Sapienza” University of Rome, Italy). Some new perspectives on the historiography about Chinese peasant resistance.....	288
<i>Vickers Edward</i> (Kyushu University, Japan). Celebrating the Humane Superpower China, the Holocaust and Transnational Heritage Politics — the case of Shanghai’s Jewish Refugees Museum.....	289
<i>Zavidovskaia E. A.</i> (Bryansk State University, Bryansk), <i>Maiatskii D. I.</i> (St. Petersburg State University, St. Petersburg). Court Case Stories and Plays in the Chinese Illustrated Woodblock Editions and Popular Prints <i>nianhua</i>	289
<i>Адамс О. Ю.</i> (ИСАА МГУ, Москва). «Моральное воспитание» (廉洁教育) в антикоррупционной работе: опыт КНР и Гонконга.....	291
<i>Благодар Ю. Г.</i> (КубГТУ, Краснодар). Периодические издания дипломатического ведомства — источник информации о Китае (от Российской империи до современной России).....	293

<i>Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Между «догмой» и «частным мнением»: проблема обоснования новых интерпретаций конфуцианского канона в экзегетике эпохи Хань.....	294
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск).</i> Жизнь и творчество Гай Шаньлина (1935–2020), выдающегося исследователя наскального искусства Китая.....	295
<i>Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург).</i> Традиционные настольные игры как продукция мастерских китайской народной ксилографической картины няньхуа	298
<i>Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск).</i> Аромат времени: ароматические часы в странах Восточной Азии (по материалам письменных и художественных источников).....	299
<i>Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток).</i> Наследие Восточного института: фонд китайской книги библиотеки ДВО РАН	301
<i>Гулева М. А. (Карлов университет, Прага).</i> Запуск «Спутника» и мечты о будущем в годы Большого скачка по публикациям журнала «Маньхуа» (1957–1960).....	301
<i>Дмитриев С. В. (ИВ РАН, Москва).</i> <i>Olera tangutica</i> . Pars II. Овощи в тангутско-китайском глоссарии «Перл в ладони» (1190)	303
<i>Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Подъем исторической географии в Китае как реакция на национальный кризис 30-х гг. XX в.	304
<i>Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва).</i> Возвращение Джузеппе Кастильоне: идентификация Лан Шинина (1688–1766) в Европе.....	305
<i>Зельницкий А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Раннетанский имперский миф в сочинении Оуян Сюня 歐陽詢 (557–641) «Запись об Обителе Совершенномудрого-прародителя Великой Тан» (Да тан цзун шэн гуань цзи 大唐宗聖觀記).....	307
<i>Кейдун И. Б. (ДФУ, Владивосток, АмГУ, Благовещенск).</i> Пространство запада и его соответствие событиям в жизни древнекитайского социума (по материалам конфуцианского трактата «Ли цзи»).....	308
<i>Мьльникова Ю. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Строительство экологической цивилизации в китайской деревне: исследования ученых КНР.....	310
<i>Наземцева Е. Н. (НИИ Военной истории Военной академии Генштаба ВС РФ, Москва).</i> Деятельность российских консулов в Синьцзяне в условиях революционного кризиса 1917–1920 гг.	312
<i>Перминова В. А. (ИВ РАН, Москва).</i> «Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае в 1980–90е гг.: проблема учебников истории как отправная точка осложнения отношений между Пекином и Токио	314
<i>Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва).</i> Основные тенденции внешней политики Китайской Народной Республики в 2019–2020 гг.	315
<i>Рудь П. В. (МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург).</i> К проблеме научного описания китайской народной картины.....	317
<i>Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Школьное преподавание истории в Китае: новации 2020-х гг.	318

<i>Скрыпник Е. С. (ИВ РАН, Москва).</i> «Шачжоуская песня-яо начального года [правления под девизом] Цзай-чу» как источник по правлению У Цзэ-тянь (624–705).....	320
<i>Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск).</i> Женщины-реформаторы в движении за реформы в Китае в конце XIX в. в работах Наньсю Цянь	321
<i>Старовойтова Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Китай в российской сатирической прессе времен русско-японской войны 1904–1905 гг.....	323
<i>Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Проблема длительности истории в трактате «Лу ши» («Грандиозная история») Ло Ми (1131–1189/1203).....	324
<i>Троицкий П. В. (ИДВ РАН, Москва).</i> Право Китая в российской науке: от прошлого к настоящему	326
<i>Цветков Д. В. (СПбГИК, Санкт-Петербург).</i> Тангутская религиозная терминология в словаре «Вэньхай»	327
<i>Чекулаева А. С. (БГУ, Минск).</i> Белорусско-российские отношения в зеркале китайской историографии	329
<i>Шаронова В. Г. (ИДВ РАН, ИРИ РАН, Москва).</i> Краткая история Русско-Китайского училища в Тяньцзине и его значение для распространения русского языка в Китае.....	332
<i>Щербакова М. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Китайская кинопублицистика о кризисе КПСС и распаде Советского Союза	333

СЕКЦИЯ X • SECTION X

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF JAPAN

<i>Бутримова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Преподавание японского языка в европейских странах как один из инструментов публичной дипломатии	336
<i>Гришачев С. В. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Реконструкция прошлого: восприятие истории двусторонних отношений в России и Японии в начале XXI в.	337
<i>Демчук Ф. Г. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Роль Японии в создании Транс-Тихоокеанского партнерства	338
<i>Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва).</i> 100 лет с формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: от Первой до Второй мировой войны	339
<i>Кикнадзе Д. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Японский иллюстрированный свиток Ямаи-но со:си» (XII в.) как источник жанра <i>эцува эмаки</i>	341
<i>Климов А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Деятельность Мацуда Дэндзю:ро: 松田伝十郎 в Аккэси 厚岸.....	343
<i>Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Меновая торговля и денежное обращение в древней Японии.....	345

<i>Климова О. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Японские переводчики айнского языка в XVII–XVIII вв. — по японским источникам</i>	346
<i>Клобукова (Голубинская) Н. Ф. (Московская государственная консерватория, Москва). Японские заимствования в дневниках святого равноапостольного Николая Японского и проблемы их идентификации и перевода</i>	348
<i>Луценко А. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). «Свод правил для учеников школы тэракоя» Сасаяма Байана (конец XVII в.): образование, воспитание и каллиграфия в период Токугава</i>	350
<i>Медведева А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург). О соотношении и взаимодействии международного права и национального права Японии на примере правового положения острова Окинава после Второй мировой войны</i>	351
<i>Наливайко О. А. (ИСАА МГУ, Москва). История повседневности в Японии эпохи Мэйдзи: Имаи Ясуко и ее статья «Появление японских сюфу. Почему сюфу — это не обычная домохозяйка»</i>	353
<i>Речкалова А. А. (НГУ, Новосибирск). Письмо Дуарте ди Менезиша к Тоётومی Хидэёси в контексте политики гонений на христиан конца XVI в.</i>	354
<i>Серебрякова С. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Японские военнопленные русско-японской войны (1904–1905 гг.) на страницах русской периодики</i>	356
<i>Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва). Забытые географические карты первого русского посольства в Японию 1792–1793 гг.</i>	357
<i>Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). О надписях на комплектах самурайских доспехов из коллекции Цесаревича Н. А. Романова в собрании МАЭ (Кунсткамера) РАН</i>	359
<i>Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Альберто Фухимори: отношения между Японией и Перу</i>	361
<i>Федянина В. А. (МГПУ, Москва). Категории пространства и времени в работах японского монаха Дзиэн (1155–1225)</i>	361
<i>Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). От рукописей к первым изданиям по страноведению, истории, этнографии и культуре Японии (истоки русской историографии по Японии)</i>	363
<i>Фролова Е. Л. (НГУ, Новосибирск). Приложения к ежегодникам крупных японских газет как источник для ономастических исследований</i>	364
<i>Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). «Установления» княжества Мацумаэ вождю Сёнка 1778 г. из коллекции РНБ как исторический источник</i>	366

СЕКЦИЯ XI • SECTION XI

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF KOREA

<i>Caprio Mark (Rikkyo University, Kawaguchi). Historical Fact and Imaginative Conflict: U. S. and Great Britain Impressions on Soviet interests in Postwar Korea</i>	368
---	-----

<i>Акуленко В. С. (ДВФУ, Владивосток). Проблема местоположения Древнего Чосона в историографии КНДР</i>	<i>369</i>
<i>Асмолов К. В. (ИДВ РАН, Москва). Истоки ангажированных представлений о КНДР в популярной литературе стран Запада</i>	<i>371</i>
<i>Ким И. К. (Волгоградский государственный социально-педагогический, Волгоград). Материалы архива МИД Польской Республики как источник по истории послевоенной Кореи</i>	<i>373</i>
<i>Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблема ограниченности времени существования Интернет-источников (на примере документов КНДР XXI в.)</i>	<i>375</i>
<i>Лазарева К. В. (НГУ, Новосибирск). Теория и практика сохранения культурного наследия Республики Корея: историографический аспект</i>	<i>377</i>
<i>Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва) Внешнеполитические ориентиры КНДР в контексте итогов VIII съезда Трудовой партии Кореи (5–12 января 2021 г.)</i>	<i>378</i>
<i>Финько Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Столичный район Чондон как место рождения новой Кореи в период 1897–1905 гг.</i>	<i>380</i>
<i>Хренов В. В. (УрФУ, Екатеринбург). Политические дискуссии в Турции о мерах поддержки Юга в межкорейском конфликте: первый этап (конец июня — середина июля 1950 г.)</i>	<i>381</i>
<i>Чеснокова Н. А. (НИУ ВШЭ, РГГУ, Москва). Чон Чинин — герой пророческих сочинений позднего Чосона: проблема происхождения</i>	<i>384</i>
<i>Шутова М. А. (НГУ, Новосибирск). Государственное ведомство печати эпохи Чосон Чучжасо в южнокорейской историографии</i>	<i>386</i>

СЕКЦИЯ XII • SECTION XII

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

<i>Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Об одном неканоническом тексте в составе монгольского рукописного Ганджура</i>	<i>388</i>
<i>Бикмаева К. И. (ИСАА МГУ, Москва). Роль монгольского языка в монголо-китайских отношениях</i>	<i>389</i>
<i>Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Рассуждение о ламах» императора Цяньлуна: особенности китайского, маньчжурского и тибетского текстов</i>	<i>391</i>
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск). Отечественная историография о зверином стиле в петроглифах Западного Тибета</i>	<i>393</i>
<i>Джангольская О. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Конструкции с номинализаторами в корпусе тибетских текстов</i>	<i>395</i>

<i>Иванова Е. В. (МЭ РАН, Санкт-Петербург). О собирателях скульптурных изображений буддийских божеств с территории Восточной Азии, хранящихся в Дальневосточном фонде МЭ РАН.....</i>	396
<i>Москалева Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Воображаемый» Тибет тибетской диаспоры: дискурс национального строительства в газете «Зеркало Тибета» в 1950–1960-е гг.</i>	397
<i>Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Образы «лишних людей» в китайском и монгольском романах XXI в.</i>	398
<i>Попов В. А. (СПбНЦ РАН; ИВР РАН, Санкт-Петербург), Бурыкин А. А. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; Калмыцкий научный центр РАН, Элиста). Терминология родства и свойства тувинцев как источник информации об этноисторических взаимосвязях тюрков Южной Сибири и Ойратского мира.....</i>	399
<i>Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). «Плач» Хэдэгутэй-багатура в анонимной Алтан тобчи</i>	401
<i>Смирнова М. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Крамскова А. С. (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Генитивные конструкции в текстах тибетского корпуса и особенности моделирования их семантики в компьютерной онтологии.....</i>	401
<i>Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Монастырь Аблай-хит как центр книжности: примеры взаимопроникновения монгольской и ойратской письменных культур в XVII в.</i>	403
<i>Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Ойратское «ясное письмо»: изменения графики и орфографии в рукописях XX в.</i>	405

Научное издание

**XXXI Международный конгресс по источниковедению
и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток.**

**К 100-летию политических и культурных связей
новейшего времени**

Материалы конгресса

Том 1

**XXXI International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa:
Russia and the East. Commemorating Centennial
of Political and Cultural Ties in modern times**

Proceedings

Vol. 1

Отв. редакторы: Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова,
А. О. Победоносцева Кая
Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета

Формат 60 × 84/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 24,65. Тираж 50 экз.

Заказ № 47006

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала дом 199–201
Тел./факс: (812) 611–11–07

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2021